

Владимир Рыжков

**Сияющий Алтай. Горы,
люди, приключения**

«РИПОЛ Классик»

2017

УДК 338.48
ББК 75.81

Рыжков В. А.

Сияющий Алтай. Горы, люди, приключения / В. А. Рыжков —
«РИПОЛ Классик», 2017

ISBN 978-5-386-10113-8

Почему Алтай так восхищает людей? Почему каждый, побывавший там, обязательно стремится туда вернуться? Почему многие народы мира считают именно Алтай своей прародиной? Владимир Рыжков, исходивший пешком и объехавший на конях весь Алтай, отвечает на эти вопросы в своей новой книге. Главные достопримечательности Алтая, знаменитые дороги и скрытые тропы, перевалы и хребты, реки и озера, культура и история, приключения и повседневная жизнь таежников — в этой фундаментальной книге представлена самая широкая панорама жизни, истории и природы Алтая. Книга — написанный с любовью и со всеми подробностями портрет удивительного Алтая. Горной страны в самом центре мира, от природы и от людей которой исходит сияние.

УДК 338.48
ББК 75.81

ISBN 978-5-386-10113-8

© Рыжков В. А., 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

Предисловие автора	9
Золотые горы	14
Денисова пещера и окрестности	20
Бийск	21
Старый Чуйский тракт и село Солонешное	25
Ануй	31
Денисова пещера и база археологов	35
Топольнинцы	38
Шинок и его водопады	45
Легенда о Белой Даме	49
Ловля хариуса на речке Мута	56
Потайное озеро (Бащелакский хребет)	63
Усть-Канская степь и Девичьи плесы	67
Ело и его чудеса	71
Земляничные поляны алтая: между Башкаусом и Чулышманом	80
Саратан	81
Чертов конь!	86
Слава и его больная лошадь	88
Завтрак на мерзлой траве	93
Пинай его, суку, в живот!	97
Дневка на плоскогорье, у теплого озера	100
На Чупышмане под перевалом Кату-Ярык	102
Костя-супермен с Чульчи	105
Бедный козленочек	107
Возвращение Телецким озером	110
По Теректинскому хребту	112
Теректинский хребет и Катунь	113
Проводники из Катанды Иван и Андрей	115
Повышат или понижат?	118
Обитаемые горы Алтая	119
Генеральская охота	121
Озеро Солонешный и поиски Аржана	123
Горелый лес на речке Кызыл-Айры	125
Красота Теректинского хребта	127
Белуха с верховий Деты-Качка	128
Сибирские Альпы	130
Курайская степь	131
Ледники Актру	133
Лесной алтарь	137
На Мажое (Озеро, которое вытекло)	140
Стоянка Чугунок	144
Шавлинские озера и ледники	147
Пять перевалов над Шавлой	152
Урочище Ачик	156
С Шавлы на Бол-Ар-Оюл	161
Река Юнгур с шавлинской стороны	164

Храбрый Барсук	169
По Курдйскому хребту и в верховьях Башкауса	175
Цанатов топор	176
Утка на озере	179
Архары	182
Ирбис	184
Хариусы	186
Сурки	188
Красный перевал	190
Волки на Башкаусе	193
Поиски в горах	195
Змеи	199
Горелая тайга	203
Манул	204
Сайлюгемская степь	206
Козел-фараон (История одной охоты на сибирского козерога)	209
Мертвый конь (История одного злополучного губернаторского подарка)	218
Шелковые пути Алтая (Перевал Ойгон, урочище Ело и вид на Белуху с Ело)	221
Затерянный мир Юнгурс (Джазатор, Аргут, Карагем, перевал Ашра-Чибит, река Юнгур)	223
День первый: сельская идиллия долины Аргута близ Джазатора	224
День второй: старый рудник над Карагемом	227
День третий: мокрый косогор над ЧиОитом	232
День четвертый: «Маяк» над Юшуром	238
День пятый: дикий Юнгур	243
День шестой: красный цирк	246
День седьмой: каменная стена	249
День восьмой: опасная переправа	252
День девятый: гонка к Карагему	259
По осеннему Аргуту	261
Встреча с Назаром, Ишаком и Алдырбасом	262
Осенний Аргут	264
Окрестные горы	265
Пастушеские стоянки	267
Добыча марала на перевале Бартулдак	269
Два козерога	271
Аргутские тропы	275
Возвращение по Аргуту	277
Осенью близ Джазатора и на реке Кокса	278
Река Коксу и избышки пограничников	279
На Орошагане	282
Перевал над Ак-Булаком	284
Осенняя охота по Арыскану	287
Переправа через Катунь	288
Ороктойская тропа	292
На речке Текепя	295
Ужасы вертолетной охоты	298

Таежник Володя	301
Маралья полянка и севший на голову рой	304
Пустая тайга	309
Жизнь высоко в горах	311
Долина Джазатора	313
Волки	318
Дороги на Укок	321
На высокогорных стоянках	326
Ербулан	331
Яки	334
Бельтир	340
Тапдура	343
Карагемский перевал	347
Через бурепомы Карагема	350
Тайна гарной дороги	353
Семь бродов Карагема	356
Заброшенная пасека	360
Возвращение с Карагема в Джазатор	362
Краткая инструкция по пользованию конем в Алтайских горах	369
Общая характеристика алтайской лошади	370
Меры против кусания и лягания	372
Конем надо управлять	374
Правило первое: не отставать	376
Меры борьбы с трюхней	378
Воспитание и дисциплина	380
Всегда быть начеку	382
Небесные пастбища Укока	385
Птица-Синьцзян	392
Увидеть Белуху и...	397
Сияющий Алтай	401
Приложение	405
Хронология походов автора по Алтаю	405
Глоссарий	406

Владимир Рыжков

Сияющий Алтай. Горы, люди, приключения

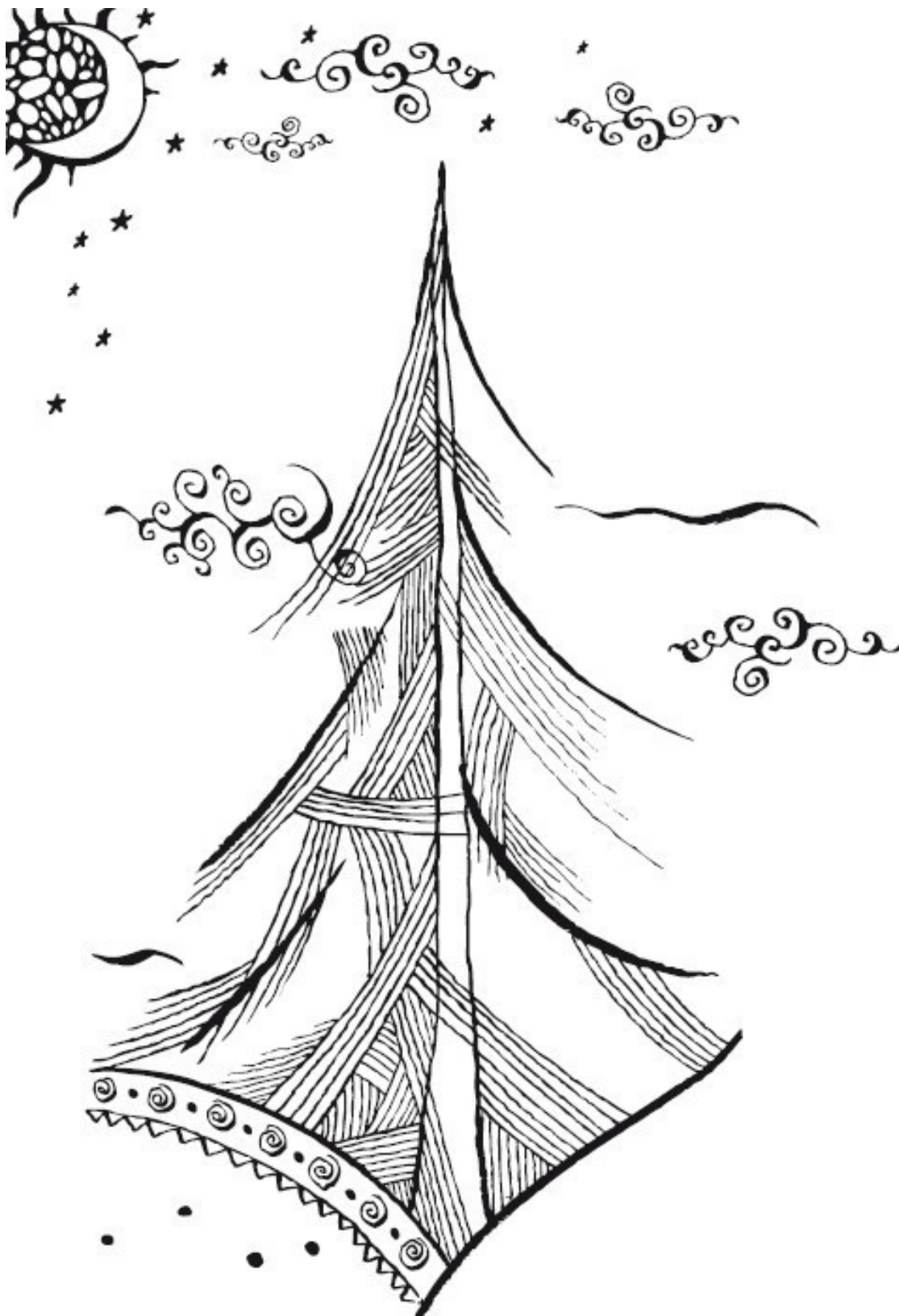
Карты: Л. В. Комарова, В. А. Рыжков

Акварели и пастели: В. А. Рыжков

Графика в технике тушь/перо: Д. С. Запылихин

Предисловие автора

Эта книга для всех, кто любит Сибирь, кто неравнодушен к путешествиям и приключениям. И в первую очередь – для любителей Алтая. Она адресована тем, кто уже бывал на

Алтае и тем, кто только мечтает об этом. Я, по возможности, подробно описал Алтайские горы, которые за годы походов прошел пешком, проехал на машинах и лошадях. Конечно, за это время накопилось много впечатлений и интересных историй, которыми хочется поделиться. Моя скромная цель – подвигнуть своими рассказами больше людей отправиться на Алтай и самим увидеть места, про которые я повествую.

Алтай, как главная тема книги, не случаен. Это моя родина. Я появился на свет и вырос на Алтае. Место моего детства – степной шахтерский городок Горняк, на самой границе с Казахстаном, тогда еще частью единой страны. В городке были глубокий полиметаллический рудник, роскошный сталинский дворец культуры им. Островского и крохотная железнодорожная станция Неверовская. С нее, всегда глубокой ночью (так было устроено расписание двух пассажирских поездов, проходивших Горняк в направлении города Лениногорск), мы отправлялись в Восточный Казахстан, в гости к родственникам. Родня жила в аккуратном рабочем поселке Асу-Булак, выстроенном в широкой горной долине. По дну долины руслом маленькой речки годами медленно продвигалась огромная драга, копая и моя радиоактивную руду. По другому берегу день и ночь гудели огромные БелАЗы, таская руду с драги на обоганительную фабрику.

Окрестности Асу-Булака необычайно живописны, с богатой природой. Поселок окружали красивые горы, покрытые лесом. Неподалеку находились река Иртыш, озеро Зайсан, Бухтарминское водохранилище, все богатые рыбой: лещом, окунем, чебаком. Мы с дядей Володей ездили туда на рыбалку на мотоцикле «Урал» с коляской. Однажды мы с ним отправились на таежную пасеку, где жарким днем ели теплый мед прямо на восковых сотах, запивая его ледяной ключевой водой и заедая ломтями домашнего хлеба. Я ездил в Асу-Булак часто, зимой и летом, обычно на школьных каникулах. После степного и унылого Горняка горы, окружавшие Асу-Булак и Усть-Каменогорск, их прозрачные реки и озера, сосновые леса были для меня удивительным сказочным миром.

Так с раннего детства я познавал оба Алтая – *степной и горный*. Казахская часть Большого Алтая, в которой находится Асу-Булак, прекрасна. По реке Белая Берель можно подняться к юго-восточным склонам и ледникам горы Белухи. По долине Бухтармы легко заехать на машине старинной дорогой на плато Укок и спуститься оттуда в Монголию, в сторону Ховда. От Рахмановских ключей несложно перевалить на лошадях к истокам реки Коксу и добраться по ее берегам до села Джазатор, уже в русском Алтае. Казахский Алтай просторен, вздымает к небу высокие горные хребты и вмещает три крупные реки – Иртыш, Бухтарму и Ульбу.

В Монгольском Алтае (В. Рыжков, 2008 г.)

Меня, степняка по рождению, всегда тянуло в горы. В 2004 г. я получил приглашение попробовать силы в конном походе к истокам Катунь. Меня и моих друзей пригласила Елена Шушакова, директор небольшой турфирмы в Барнауле, с которой мы вместе учились в Алтай-

ском государственном университете (в ту пору она была Лена Соколова). Тогда подобные конные маршруты на Алтае были сравнительной редкостью, наша группа оказалась в числе первых, кто проехал верхом к истокам главной реки Алтая. Это путешествие было организовано Леной вместе с Катунским заповедником в лице его директора Виктора Затеева, из села Усть-Кокса, а также его земляком и сотрудником Петром Ефимовичем Суртаевым, ставшим нашим первым проводником.

В то лето мы сначала переночевали в доме у Затеевых в Усть-Коксе, а наутро доехали на машине вверх по течению Катунь до крайнего села Мараловодка. Там погрузились на длинную металлическую водометную лодку и три часа поднимались на ней быстрой и порожистой Катунью до устья реки Озерная. За штурвалом лодки стоял сам Виктор Затеев, наизусть знающий опасную реку. На устье Озерной нас уже ждал с лошадьми Петр Ефимович. Он немедленно выдал каждому по лошади, мы навьючились и тронулись вверх по долине реки. Для большинства из нас это было в новинку. В том первом походе мы намучились с конями и многому научились. Напортачили с одеждой и обувью, теряли лошадей, непредвиденно купались в ледяной Катунь, голыми руками тушили лесной пожар. Зато приобрели большой походный опыт. Успешно достигли истоков Катунь (ледника Геблера), вернулись оттуда к устью Тюргеня, с него переехали на Тальменьё озеро и спустились по реке Озерная обратно к ее устью. За восемь дней похода преодолели более 150 км и изучили верховья реки Катунь и Катунский хребет. Навсегда остался в моей памяти мой первый конь Лыска, который ехал отлично, но страшно боялся щекотки. После первого путешествия я решил, что буду стараться ходить в конные походы ежегодно, придумывая каждый раз новые маршруты, чтобы повидать как можно больше мест на Алтае.

С тех пор я приезжаю в Алтайские горы каждый год, чаще всего в конные путешествия. За это время мы с друзьями проехали долины главных рек Алтая – Катунь, Вии, Аргута, Чулышмана, Чуй, Ак-Алахи, Башкауса, Шавлы и Юнгурс. Перевалили и осмотрели высочайшие хребты: Катунский, Северо- и Южно-Чуйские, Теректинский, Курайский, Башцелакский, Южный Алтай и Сайлюгем. Стояли на знаменитых озерах: Телецком, Тальменьем, Алахинском, Кальджин-Куль-Бас и Тожонкуль. Не по одному разу прокатились по главным дорогам горного края – Чуйскому и Ануйскому трактам, дорогам на Улаган, Усть-Коксу, Джазатор и Укок. В 2008 г. мы прочесали на автомобилях всю Западную Монголию и наблюдали в пустыне Гоби полное солнечное затмение.

Во всех путешествиях особое удовольствие доставляла прекрасная компания друзей и единомышленников. Вместе со мной по дорогам и тропам Алтая прошли и проехали самые разные люди, мои друзья: Сергей Алексашенко с женой Катей и сыном Артемом, Алексей Бодров, Сергей Воробьев, Игорь Бочаров, Михаил Шишин, Сергей Караганов, Кирилл Серебренников, Александр Лебедев, Владислав Иноземцев, Екатерина Кузнецова, Анатолий Щетинин и еще много хороших людей. Я бесконечно благодарен моим друзьям и спутникам по алтайским путешествиям, с которыми всегда было весело и интересно. Все они неизменно выказывали готовность помогать друг Другу в любой ситуации. Тем замечательным людям, с которыми мы проехали и прошли по Алтаю тысячи километров, ставили в тайге палаточные лагеря и готовили на кострах пищу, бродили горные реки и преодолевали заоблачные перевалы.

Особые слова признательности нашим незабываемым и надежным проводникам, которые не только прекрасно знали горные тропы и места для стоянок, но и надежно защищали нас от любых угроз и бедствий. Я продолжаю поддерживать дружеские отношения с Николаем и Иваном Архиповыми и Сергеем Щенниковым из Катанды, Виктором Затеевым и Петром Суртаевым из Усть-Коксы, Артемом и Славой из Чибита, Цанатом из Саратана, Евгением из Кош-Агача, Альбертом Каменевым, Петром, Кошоном, Ишаном, Толей и Ербуланом из Джазатора.

В дороге я вел дневники, делал подробные отметки на картах, быстрые зарисовки в альбомах карандашами или акварелью.

Впечатления от всех этих увлекательных походов подробно переданы в книге. В ней вы найдете описание главных мест и достопримечательностей Алтая, включая самые труднодоступные. Непридуманнные рассказы о наших приключениях, о жизни в тайге и в горах, о проводниках, которым я бесконечно благодарен за доброжелательность, профессионализм и ответственность. С гордостью замечу, что за все годы не пострадала ни одна из лошадей и ни один из участников походов. Однако же не рискну при этом утверждать, что не пострадало ни одно дикое животное.

Эта книга – мой субъективный и объемный портрет родного Алтая, который показан таким, каким я увидел его из седла лошади, из окна машины, из палатки, с горной тропы, с вершины перевала, в разговорах с местными жителями. Моей целью было выразить любовь к Алтаю и его людям, восхищение этим уголком природы, истории и культуры, одним из самых прекрасных на земле.

Не все вошло в эту книгу, и без того объемную. Еще ждут своей публикации рассказы об экспедиции в Монгольский Алтай, походе по Курагану, охоте на Ело, путешествии из Кучерлы в Бельгир. Но даже то, что удалось вместить в этот том, широко характеризует первозданный Алтай. Надеюсь, что книга даст читателям немало идей для планирования их собственных путешествий по Алтаю.

Я стремился нарисовать эмоциональный портрет Алтая и его обитателей, этого прекрасного и по-прежнему дикого и труднодоступного края. Я надеюсь, что перед читателем встанет живой и притягательный образ степной и горной страны, разделенной между четырьмя соседними дружественными государствами (Россией, Монголией, Китаем и Казахстаном). Для этого я дополнительно включил в книгу карты, рисунки и фотографии. Надеюсь, мои усилия не напрасны и цель представить читателям Алтай со всей доступной мне тщательностью и любовью будет достигнута.

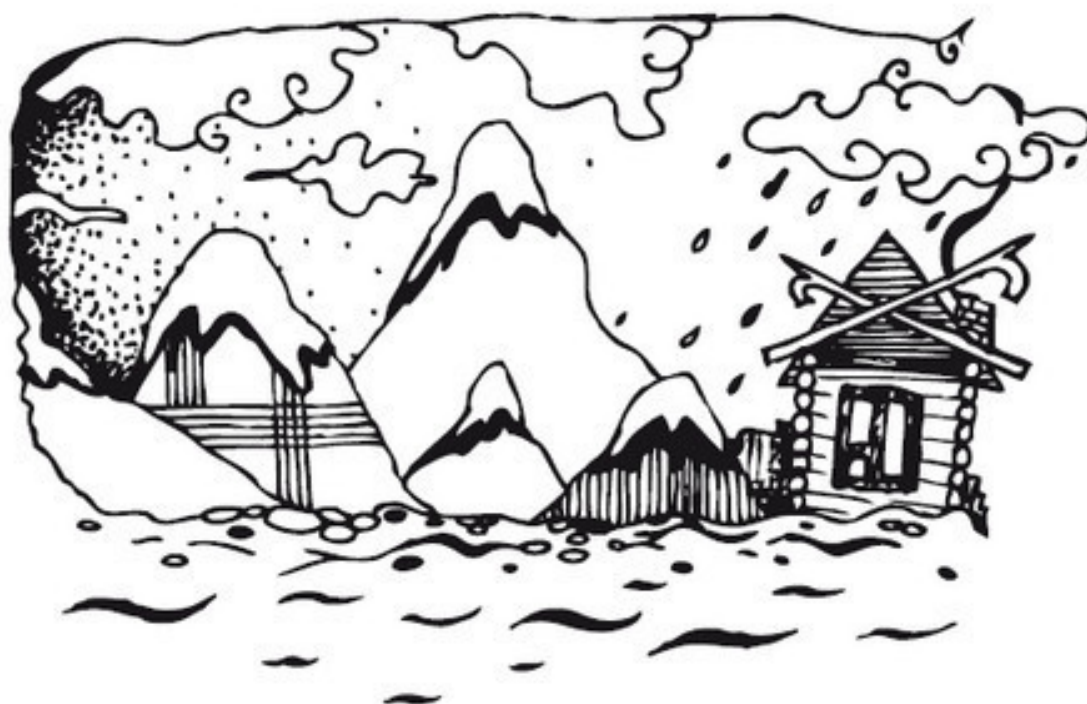
Владимир Рыжков,

14 декабря 2016 года

СИЯЮЩИЙ АЛТАЙ

Золотые горы (Алтайские заповедники ЮНЕСКО)

Каждое лето знаменитый Чуйский тракт, 600-километровый участок от Бийска до заставы Ташанта, что расположена на российско-монгольской границе, забит машинами так, что похож скорее на центральную московскую улицу в час пик. Туристы нескончаемым потоком едут на Алтай или возвращаются с Алтая. Сотни километров живописной дороги – и всюду днем и ночью течет людская река! Всю эту полноводную людскую реку целиком вбирает в свое гостеприимство прекрасный и заповедный Алтай.

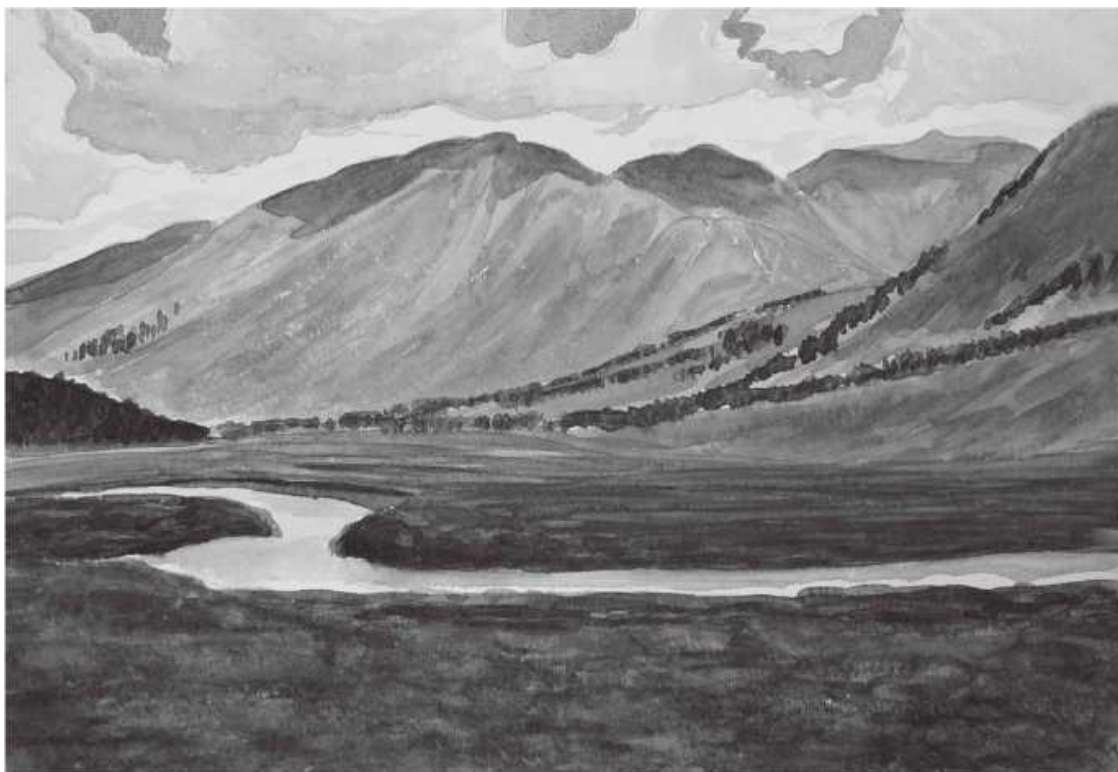
Зимой высокие лесистые горы покрываются глубоким снегом, и поток туристов сильно мелеет. По весне снежные поля, сугробы и ледники тают под горячим горным солнцем и бурная вода алтайских паводков заново отмывает весь Алтай дочиста перед приемом новых гостей со всего света. Как вечно юная богиня Венера, Алтай каждый год возрождается вешней водой к своей дикой и очаровывающей первозданности.

Алтай – одно из самых популярных в России направлений туризма, от семейного до экстремального. Ежегодно Республика Алтай принимает до миллиона и более туристов, которые прилетают сюда самолетами, прибывают поездами, добираются на личных машинах. Чуйский тракт признан знаменитым журналом «Нэшнл джиогрэфик» одной из 10 самых красивых автомобильных дорог мира. И более чем заслуженно – такое разнообразие ландшафтов мало где еще встретишь на планете Земля!

В самой Алтайской республике постоянно проживает лишь 215 тыс. человек – на обширной территории в 93 тыс км² (такая же площадь, например, у Венгрии). Местное население и большой, неуклонно возрастающий поток туристов все вместе создают заметное и постоянно растущее давление на заповедную природу региона, значительная часть которого вошла в список охраняемых объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Совмещение хозяйственной деятельности и развития массового и уникального туризма с сохранением природы Алтая – такая непростая задача стоит перед властями и населением этой южно-сибирской республики.

В объект охраны ЮНЕСКО входят старейший в Сибири Алтайский заповедник (создан в 1932 г.), Катунский биосферный заповедник (1991), природный парк «Белуха» и заповедное высокогорное плато (зона покоя) Укок. Общая площадь объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО «Золотые горы Алтая» – 1,64 млн га.

Самый первый Алтайский заповедник был образован на правом берегу знаменитого Телецкого озера и 22 тыс га его акватории, а также впадающих в него многочисленных горных рек. Телецкое озеро – подлинное чудо света, местные жители-алтайцы называют его *Алтын-Коль (Золотое озеро)*. Длинной 78 км, шириной до 5 км и глубиной до 325 м, Телецкое озеро, находящееся в тектоническом разломе земной коры (будущем океане), это огромный резервуар чистейшей, студеной даже жарким летом ключевой воды. Телецкое озеро – это алтайский Байкал. Еще оно похоже на норвежский фьорд, заброшенный кем-то в самое сердце Азии. В прозрачные воды озера круто падают горные склоны, покрытые буреломами непроходимой тайги из сосны, пихты, ели и кедрача. Весной к воде порой выходят худые, косматые, истощавшие медведи, приходящие в себя после долгой зимней спячки. По берегам озера шумят реки и обрушиваются вниз белоснежные кипящие водопады. Над окрестными хребтами клубятся облака, а прямо за снежным хребтом Корбу, что вытянулся к востоку от озера, лежат истоки реки Абакан и знаменитая заимка (*таежный тупик*) Агафьи Лыковой. Из Телецкого озера вырывается одна-единственная река – бурная Бия, как из Байкала – мощная Ангара.

Красные болота в верховьях Катунь (В. Рыжков, 2009 г.)

В само Телецкое озеро впадает множество речек и рек, но самая значительная из них – Чулышман. Он спрятан в глубоком ущелье, меж километровых почти отвесных горных стен, поверху которых раскинулись обширные безлесые нагорья с холодными тундрами и болотами, богатые птицей и животными, среди которых редчайшие снежные барсы, коты манулы и крупные горные бараны архары (*аргали*). Долина Чулышмана удивительно живописна. Это своего рода алтайский Гранд-Каньон, весь правый берег которого с огромным водопадом на реке Чульча относится к Алтайскому заповеднику. Попасть на Чулышман можно или на конях, или же по единственному и головокружительному автомобильному перевалу Кату-Ярык, опасному серпантину по почти отвесному левому склону, с перепадом высот в 800 м.

Территория Алтайского заповедника огромна: от истоков Чулышмана и Башкауса на юге, на границе с Монголией и Тувой, до северных таежных границ Алтая с Кузбассом и Хакасией. Такую территорию чрезвычайно трудно охранять и контролировать. Во время своих путешествий по Алтаю я слышал немало историй про браконьеров, которые проникают в заповедник со стороны Тувы или высокогорного райцентра Кош-Агач, чтобы поохотиться на зверя или поставить сети на богатых рыбой озерах и реках. И сам видел свежие следы квадроциклов и УАЗиков на верхней Калбакае, а также на перевале, ведущем к заповедному озеру Богоятты. Но есть и хорошая новость – в этом году мы встретили близ границ заповедника небольшое стадо *архаров*, а международная экспедиция по их учету показала рост численности стада этого вида, занесенного в международную Красную книгу...

Если не съезжать с Чуйского тракта в селе Майма налево, в сторону Горно-Алтайска и Артыбаша (где вытекает из озера Бия), а продолжить путь трактом на юго-восток, вдоль Катунь, потом подняться вверх по речке Семе на Семинский перевал (1717 м высотой), и дальше до поворота направо в Туекте, и после проехать в райцентр Усть-Кан, через Ябоганский перевал, далее, мимо древней Усть-Канской пещеры, и далее – в село Усть-Кокса, то

попадешь, уже к ночи, в высокогорную Уймонскую степь, которую посетила летом 1926 г. Центрально-Азиатская экспедиция русского художника Николая Рериха.

Здесь течет быстрая и широкая *верхняя* Катунь, а в селах по ее берегам до сей поры живут русские староверы (или кержаки). В райцентре Усть-Кокса находятся дирекция и научные отделы Катунского биосферного заповедника, а также природного парка «Белуха», входящих в объект Всемирного наследия.

Глубоко в горах в глухой тайге спрятались кордоны заповедника, в которых круглый год несут дежурство егеря. Один такой кордон (две избышки, баня, дровяной склад, будка с бензиновым электрогенератором) стоит на широкой зеленой поляне на берегу высокогорного Тальменьего озера (Таймень-озеро), одного из красивейших озер Алтая, прямо у северных склонов Катунского хребта. Оно тихое и прозрачное, на берегу прилепилась срубленная из кедра баня, и можно выбежать из обжигающей парилки, чтобы тут же окунуться в холодное глубокое озеро. Прямо у бани наклонился к воде огромный одинокий кедр, и никто не знает точно его возраста. Именно этот кедр склоняется к зеркальной глади озера на картине «Таймень озеро» знаменитого алтайского художника Григория Чорос-Гуркина, последнего ученика Ивана Шишкина, написанной ровно 100 лет назад.

Другой кордон Катунского заповедника стоит на правом берегу Среднего Мультинского озера, что на реке Мульта. Выше кордона по долине располагаются верхние Поперечное и Мультинское озера, прямо над ними высятся снежные пики Катунского хребта. С ледников в озеро круто падают речки и высокие водопады.

Катунский заповедник охраняет верховья реки Катунь, половина его территории – скалы и ледники Катунского хребта, высочайшего хребта Алтая. На самой Катунь в устье реки Тургень разместился третий кордон заповедника, окруженный густой горной тайгой. Если подняться отсюда вверх по Катунь, то доберешься до ее труднодоступного истока. Здесь из огромного, полтора десятка километров в длину, ледника Геблера, что сползает вниз южным склоном Белухи, с силой бьет наружу струя воды молочного цвета. Это и есть исток главной реки Алтая Катунь и начало великой сибирской реки Обь (которая образуется слиянием вод Катунь и Бии у города Бийска). Цвет вод Катунь, Аккема, Кучерлы, Коира и других рек Алтая, берущих свое начало в ледниках, молочно-белый, что вдохновило русских старожилов-первопоселенцев на создание многочисленных легенд о сказочном и счастливом Беловодье, о текущих здесь молочных реках с кисельными берегами. По берегам молочных речек влажно лежат аристократические голубые глины, изрисованные свежими следами маралов и косуль, а нередко – и волка с медведем.

Если подняться на коне глухим таежным ущельем еще одного правого притока Катунь, Курагана (*ягненок*), то в его верховьях, в такой же густой тайге, обнаружится еще один, четвертый кордон Катунского заповедника. Он примостился на узкой лесной площадке, высоко над ущельями двух бурных горных речек, весь окруженный густой лесной порослью. Пятый кордон заповедника выстроен у устья речки Тихая, левого притока Катунь. На нем уже много лет постоянно живет и несет свою службу Петр Ефимович Суртаев, потомственный таежник и старейший егерь Катунского заповедника. А прямо над его кордоном, на крутом горном склоне, укрыта меж скал двухэтажная просторная берлога старой медведицы, многолетней соседки Петра Ефимовича. Вот уже много лет она мечтает разорить суртаевскую пасеку, ульи которой расставлены в высокой траве тут же на кордоне. А Ефимыч год за годом сторожит от нее свою пасеку, порой высиживая короткие летние ночи напролет с заряженным карабином под высоким кедром близ ульев. Так и идут рядом их жизни и годы...

Территория Катунского заповедника сравнительно невелика и содержится в полном порядке. Все основные дороги и тропы контролируются опытными егерями, браконьерства здесь практически нет. Проблема, однако, в том, что при создании заповедника его границы

были определены таким образом, что тайга заняла лишь 14 % его площади. Половина площади заповедника – безжизненные ледники, снежники и скалы. Основные места обитания диких животных и птиц оказались *вне* пределов заповедника, и там браконьерство процветает. Каждый год егеря делают рейды по горным тропам вокруг заповедника и снимают тысячи запрещенных законом петель и капканов. Правильно было бы значительно расширить площадь заповедника, включив в него побольше горной тайги. Иным способом местных зверей и птиц, среди которых встречаются еще снежный барс, сибирский козерог, марал, косуля, кабарга, медведь, рысь, россомаха, лось, куница и соболь, не сохранить. В районе довольно значительное местное население и огромный поток туристов, в результате чего людское воздействие на природу в Усть-Коксе – одно из самых сильных на всем Алтае...

Но продолжим наше путешествие по Чуйскому тракту.

Если проехать его весь почти до самой монгольской границы, попадешь в высокогорный райцентр Кош-Агач (1758 м над уровнем моря). Поселок находится в самом центре огромной Чуйской степи (в верховьях реки Чуя), средняя высота которой превышает 2 км. Чуйская степь невероятно красива. Она окружена высокими снежными горами, а сама представляет из себя обширную межгорную котловину. Лес на такой высоте уже почти не растет, поверхность котловины – сплошь голая степь и каменистая полупустыня, в которой водятся сурки, суслики, пищухи, коты манулы и даже мелкие тушканчики. Живут в Кош-Агачском районе в основном казахи, откочевавшие сюда в середине XIX в. с верховий Иртыша. Занимаются они отгонным скотоводством: по всей степи и прилегающим горным долинам вольно разбросаны их летние и зимние пастушеские стоянки.

На юго-запад от Кош-Агача, на стыке границ России, Монголии, Китая и Казахстана, находится заповедное плато Укок, также охраняемое ЮНЕСКО.

Это самое высокогорное плато Сибири, огражденное с юга белоснежным хребтом Южный Алтай с огромной вершиной Табын-Богдо-Ола (4434 м). Средняя высота плато 2300–2400 м над уровнем моря. Плато совершенно безлесое, зимы на нем малоснежные, поверхность травянистая. Поэтому с древности и до наших дней Укок служит превосходным зимним высокогорным пастбищем. За 2 тыс лет до нас на плато пасли свой скот легендарные скифы, от которых остались сотни курганов и бесчисленные наскальные рисунки. В одном из таких курганов в 1993 г.

археологи из Новосибирска нашли в ледяной линзе (весь Укок – зона вечной мерзлоты) хорошо сохранившуюся мумию женщины, с татуировками на замороженной коже, в меховых шубе и шапке, в кожаных сапогах с богатым орнаментом. Журналисты прозвали женщину *принцессой Укока*, находка стала всемирной научной сенсацией. Сейчас мумия хранится в республиканском музее в Горно-Алтайске в герметичном стеклянном кубе, наполненном инертным газом в целях сохранности.

Помимо сохранения археологических памятников разных эпох и народов, плато Укок – место обитания редких животных и птиц. Здесь встречается снежный барс (ирбис), горный баран аргали (архар), кот манул, сибирский козерог – всего 70 видов зверей. Также здесь гнездятся или бывают пролетом около 300 видов птиц, включая такие редкие, как алтайский улар, черный аист, сапсан, беркут, орлан, орел-могильник и др. В многочисленных реках и озерах Укока обитает большое разнообразие рыб – всего 20 видов, в том числе таймень, хариус и осман. Сопредельные Укоку районы Монголии, Китая и Казахстана также национальные заповедники.

Плато Укок – место крайне отдаленное и труднодоступное. Добраться до него на машине повышенной проходимости можно только короткими летними месяцами, через высокий и крутой перевал Теплый ключ (2906 м). У подножия перевала из холодной земли бьют теплые радо-

новые источники. Людей в этой высокогорной глуши немного, но, к сожалению, и тут давление цивилизации на природу постепенно увеличивается.

Особую опасность для уязвимой биосистемы и археологических памятников Укока представляет проект строительства магистрального экспортного газопровода в Китай, который уже много лет пытается реализовать «Газпром». Газопровод пройдет прямо по центру плато Укок и далее через перевал Канас (*Кровавый*) в Китай, и не может не нанести тяжелого ущерба уникальной и хрупкой природе. Тем более что вместе с газопроводом появится и всесезонная автомобильная дорога. Местные жители выступают решительно против строительства газопровода. Пока дело спасает то, что никак не удастся договориться с китайцами о цене на газ. Любая хозяйственная деятельность в зоне покоя Укок запрещена законом, и ЮНЕСКО уже официально предупредила Россию, что в случае начала строительства газопровода плато Укок может попасть в список объектов Всемирного наследия, находящихся под угрозой...

Алтай – подлинная мировая природная жемчужина. Здесь путешественник найдет степи с высокими ковылями, альпийские луга с серебристыми эдельвейсами и местным эндемиком с оранжевыми цветками – *жарками*, а еще высокогорные тундры и болота, заливные луга и каменистые полупустыни, скалы и ледники. До горизонта во все стороны разбегаются горы, сначала разноцветные, потом синие и дальше – дымчато-голубые. В каждой долине Алтая журчит веселая речка, а в их истоках, высокодалеко в горах, в фиолетовых горных цирках, плещутся скрытные и неповторимые изумрудные озера. С перевалов во всех направлениях открываются восхитительные горные панорамы. У рек и озер на солнечных полянах стоят живописные стоянки пастухов и охотников.

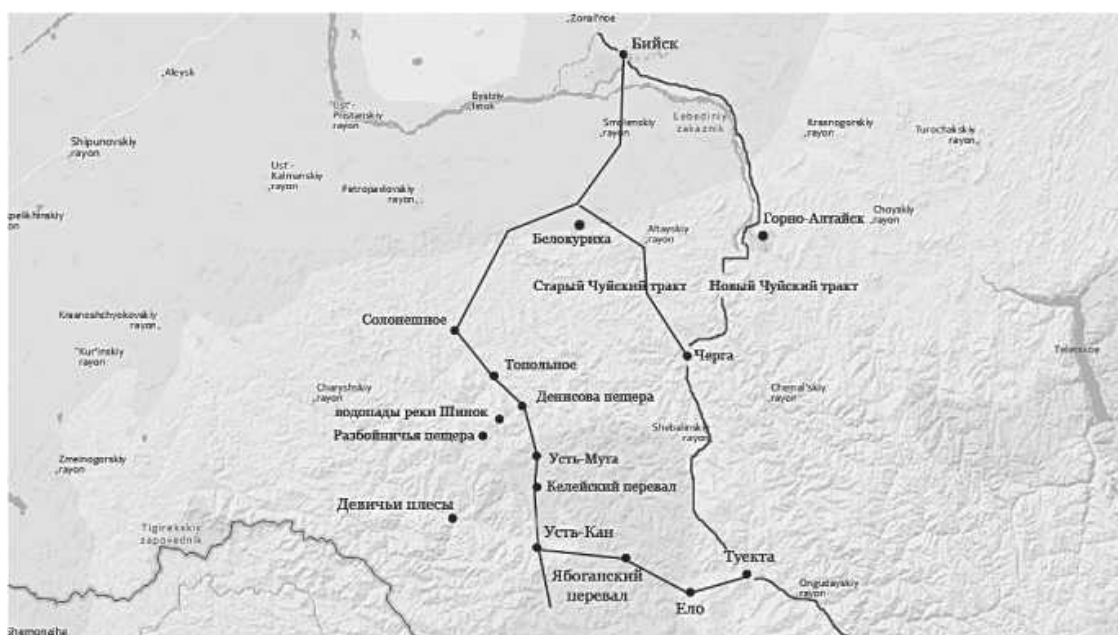
Если сесть летним днем на теплом красном закате на разогретую летним теплом зава-linkу такой вот таежной избушки, то, возможно, увидишь, как недалеко у кромки леса дремлет в седле своей лошади пастух, а его лохматая собака неумоимо гоняет в корнях векового кедра бесшабашного и ловкого бурундука.

Денисова пещера и окрестности

(старый Чуйский тракт, Бийск, Солонешное, Ануй, Чарыш, Дрвичьи плесы, Усть-Кан, Ело)

Бийск

Стоит только выехать из Барнаула на **юго-восток**, в сторону Алтайских гор, как поневоле начинаешь жить сладким предвкушением приключений и щедрого великолепия алтайской природы. Местность неспешно, плавными волнами, повышается, и вместе с ней улучшается и поднимается настроение путешественников. Дорога бежит то полями, то лесами, то перелесками вдоль длинных высоких лесополос, опоясывающих большие разноцветные поля. По бокам от дороги, на просторных равнинах, золотится пшеница, качается на ветру хрупкий овес, сверкают снежно-красные поля цветущей гречихи, чернеют жирные пары, по которым расхаживают и что-то выклевывают из влажной земли стаи сытых птиц.

Путешествие в Денисову пещеру и по окрестностям

Летом плотный поток машин движется по дороге в обоих направлениях. Народ из Новосибирска, Томска, Омска, Кузбасса, Барнаула, из других крупных сибирских городов и регионов устремляется в свежую красоту Алтая: купаться, загорать, ходить по горам, валяться на травке, сплавать по бурным рекам, рыбачить. Отпускники мчатся на юг, стараясь поскорее оказаться в горах, на зеленых приречных полянах, в тени сосновых и лиственничных рощ. Те же, кто уже провел в горах неделю-другую отпуска, расслабленно рулят навстречу, отдохнувшие и загорелые.

В районе **села Троицкое** дорога принимается раз за разом нырять в глубокие складки местности, поросшие густыми и при этом солнечными березовыми рощами. Вдоль тракта здесь выстраиваются обычно местные крестьяне, под большими зонтами от солнца или просто в тени от берез. К обочинам припаркованы их издававшие виды «Жигули» и «Нивы». Крестьяне торгуют собранной на рассвете в лесу дикой ягодой и мясистыми оранжевыми лисичками. А в иные годы их ведра с горкой наполняются белыми грибами с красновато-коричневыми шляпками и крепкими белыми ножками.

Через два-три часа пути от Барнаула дорога приводит в старинный город Бийск, купеческие ворота Горного Алтая. Алтайское название города Яш-Тура (*молодая изба, острог*). Город был основан в 1709 г. указом Петра Первого, как крепость на тогдашней южной границе Российской империи, как один из опорных пунктов протяженной и разреженной в ту

пору линии казачьих пограничных крепостей. Первая, Бикатунская крепость, небольшой бревенчатый острог с бронзовыми пушечками, встала на стрелке Бии и Катунь, слияние которых образует Обь. Острог охранял границу и перспективные торговые пути на юг – в Китай и Монголию. Чуйский тракт, начинавшийся в Бийске, был одним из главных торговых ходов из Российской в Китайскую империю, северным ответвлением Великого шелкового пути. Тракт приводил отсюда, через все Алтайские горы, в монгольский Ховд (Кобдо), и дальше – в Урумчи и в Дуньхуан. Особенно пышно торговля с Китаем расцвела в XIX в. – Чуйский тракт оживленно двигался тогда днем и ночью, катился круглый год. Ехали и везли товар верхом, на телегах, на арбах и кибитках.

До большевистской революции октября 1917 г. Бийск был крепким и богатым сибирским городком, солидно поднявшимся на торговле с великой южной империей. Местные купцы везли из Западного Китая в Россию чай, фарфор, ковры и шелк, скот, бычьи шкуры, овечью шерсть, конский волос, шкурки сурка. А сами доставляли туда на обмен и продажу русские железные и медные изделия, зерно, юфть, сахар, муку, трикотаж и посуду. Торговля процветала, сам Бийск застраивался крепкими и красивыми купеческими особняками, многие из которых сохранились до наших дней. Выделялись своей пышностью роскошные здания местных и столичных банков и страховых обществ. Работала в центре города гостиница «Европейская» – с электричеством и горячей водой. Гости останавливались в просторных, богато обставленных номерах с ванными комнатами. В городе экзотические китайские товары перегружались на пароходы и уходили дальше водой вниз по течению Оби, в крупные сибирские города и европейскую часть страны.

Летом 1926 г., когда знаменитый художник и исследователь Азии Николай Рерих прибыл в Бийск со своей Центрально-Азиатской экспедицией, он и его спутники остановились именно в цветущей тогда гостинице «Европейская», в наши дни медленно превращающейся в облезлую руину под названием «Бия». Тогда в городе проживало лишь 46 тыс. душ, теперь же около 200 тыс. Высоко над головой у постояльцев на углу гостиницы был прикреплен зеленый, с завитками, бронзовый фонарь в стиле модерн. На его фигуристом окончании век назад горела первая в Бийске уличная электрическая лампа городского освещения. Под этим же фонарем случилась тогда и первая в истории города забастовка – строителей гостиницы, которым хозяин не заплатил денег за работу.

Бийск растягивается вдоль реки Бия на много километров, в основном правым берегом, зажатый на неширокой террасе между водой реки с юга и высоким степным плато с севера. Когда выезжаешь на край плато со стороны Барнаула, у бийской телевышки, весь город виден сверху как на ладони. В ясную сухую погоду отсюда на горизонте к югу хорошо видна бледно-голубая цепь Алтайских гор, до которых от Бийска остается ровно сотня километров.

Если Барнаул сильно сгорел жарким летом 1917 г. от случайно занявшегося пожара (говорят, был сухой знойный день, один из обывателей неудачно смолил свою лодчонку, сильный ветер разнес искры по деревянным домам окрест, и город сгорел почти дотла), то Бийск избежал большого огня, и его историческая часть сохранилась практически полностью. Она очень живописна. Вдоль тихих улиц выстроились двухэтажные купеческие особняки из красного кирпича, с высокими окнами и причудливыми деревянными башенками над крышами. Зеленеют огороды и прячутся за заборами пыльные дворы, в которых и в наши дни лают хозяйские собаки и бегают пестрые куры.

В начале 1920-х в городе недолго жил писатель Виталий Бианки, который организовал отсюда две научные экспедиции на Телецкое озеро, а еще читал лекции по орнитологии в местном народном университете (и в городском музее). Теперь его имя носит городской краеведческий музей. Сам Бианки жил на главной улице старого Бийска (первоначально Омской, после – Успенской, а теперь – Советской), в небольшом каменном двухэтажном доме.

Советская (ранее Успенская и Омская) улица – самая длинная и старинная улица Бийска, она тянется первой линией вдоль правого берега реки Бия. Когда-то она была главной улицей Бийской крепости (с середины XVIII в.). Интересно заметить, что город стоит на красивой большой реке, но, как и в Барнауле, в нем нет набережной, по которой могли бы выходить к воде и гулять горожане. Не было такой традиции в Сибири – устраивать парадные набережные для променада обывателей. Берег реки использовался бийскими купцами сугубо утилитарно. Фасадами их дома, торговые ряды и лавки выходили на улицу, где шла бойкая торговля, а зады домов, амбары и склады были обращены прямо к воде, где происходила погрузка-разгрузка товара на речные баржи – кож, зерна, муки, сахара, масла, скобяных изделий, дорогой китайской всячины.

Улица Советская необычайно красива. Это одна из самых нарядных улиц старинных городов Сибири. С обеих сторон широкой улицы вытянулись крепкие каменные дома, некоторые – с узорными башенками над крышами. На окнах домов – щегольские резные наличники. Двухэтажное и высокое здание Бийской городской думы, 1882 г. постройки, выведено из красного кирпича, с пузатыми полуколоннами, в псевдорусском стиле, как Исторический музей и ГУМ на Красной площади в Москве. Обточенные вручную каменщиками кирпичи закручены затейливыми зубчатыми узорами. Здесь же, дальше по улице, виднеются богатые торговые ряды с большими железными воротами в первом этаже, в которые могла въехать груженная повозка или вкатиться большая бочка. Посредине улицы высятся синие купола и луковки, а также стройная колокольня белоснежного Успенского собора, 1898 г. постройки, одного из красивейших храмов Сибири.

Ближе к советскому железобетонному коммунальному арочному мосту через Бию, 1965 г. постройки, располагается внушительное и при этом изящное здание Народного дома, построенное в 1914 г. на деньги бийских купцов. Теперь в нем дает спектакли городской драматический театр. Напротив театра – богатый двухэтажный особняк купца второй гильдии Алексея Васенева, крупного торговца по Чуйскому тракту и одновременно талантливого исследователя Монголии и Китая. Можно на этой улице, в маленьком памятном сквере, увидеть и две большие медные пушки, 1702 г. отливки, помещавшиеся когда-то на стенах Бийской крепости.

Старый Бийск – город-музей под открытым небом. В исторической части города сохранились почти 200 памятников истории и архитектуры, большинство из них в хорошем состоянии. Приятно прохаживаться жарким летним днем по тенистым улицам этого тихого городка, разглядывая затейливые особняки и богатые торговые ряды. В одном из таких двухэтажных старинных особняков из красного кирпича располагается известный в городе ресторан «Калина красная» (названный так по фильму и книге Василия Шукшина, не раз бывавшего и даже работавшего в молодости в Бийске). У особняка уцелел старый просторный тенистый двор, где выстроена вместительная деревянная терраса под широкой крышей. Посетителям предлагают наваристую уху из обского судака, а в иные дни – и из жирного телецкого тайменя, а впридачу выставляют на стол домашние, лепенные вручную сибирские пельмени.

Многие туристы, рвущиеся на Алтай и спешащие поскорее добраться до Алтайских гор, ничего не знают о красотах старого Бийска и проскакивают город насквозь, даже не сделав в нем остановки. И совершенно напрасно. В Бийске надо обязательно задержаться, погулять, отобедать, переночевать и, если будет время, посетить краеведческий музей им. Бианки, полный прадедовских сибирских чудес.

В самом начале Советской улицы, там, где она ближе всего подступает к Бие и где стоят богатые дома семьи купцов Морозовых, можно, обогнув эти крепкие здания и выйдя в задний двор, подобраться прямо к реке. На заднем морозовском дворе царит запустение, топчется лебеда, валяется мусор, пыльная тропинка ведет по высокой траве к густым прибрежным кустам, сквозь которые блестит река. Крутой спуск – и вы окажетесь на узкой полоске илистого берега, непосредственно у воды. Бия быстро мчится на запад, ее вода холодна и про-

зрачна. Здесь, в низовьях, река широкая и мощная. Слева на горизонте видны голубеющие предгорья Алтая. Где-то там на востоке, высоко в горах, Бия с шумом вырывается из глубокого Телецкого озера. Сто лет назад всю Бию от Телецкого озера и до слияния с Катунью ниже Бийска прошел и промерил писатель и инженер Вячеслав Шишков, дав детальное гидрографическое описание реки и заключение о ее пригодности для судоходства. Он же исследовал трассу Чуйского тракта и спроектировал новую автомобильную дорогу по нему. Многие его рассказы посвящены Алтаю, Бие и Чуйскому тракту...

Старый Бийск остается за спиной за дикими кустами, дающими плотную прохладную тень. Бесшумно скользит по речному ложу холодная и тяжелая бийская вода. На реке не раздается ни звука. Солнце стоит в зените, над городом замер и греет всю округу жаркий летний день. Над зелеными от водорослей камушками на речном мелководье стайками крутятся шустрые, с черными спинками, мальки. Справа от меня слышится тихий всплеск. Пожилой рыбак в белой кепке и в блестящих резиновых сапогах тащит на тонкой леске вертящуюся на крючке серебристую рыбку. Он тянется к рыбке рукой, чтобы снять ее с крючка, и довольно улыбается.

Старый Чуйский тракт и село Солонешное

Сразу за высоким мостом, пересекающим Бию прямо в центре старого города, находится важная развилка двух дальних дорог. Прямо – широкой полосой уходит на юг, рассекая высокий сосновый бор, *новый* Чуйский тракт, спроектированный Шишковым и построенный вскоре после большевистской революции по его проекту. Основной поток машин уходит именно туда, по главной дороге правым берегом Катуня в направлении Горно-Алтайска. А направо, сразу за светофором, виднеется неприметная городская улочка, уводящая вниз вдоль левого берега Бии. Именно эта совсем невзрачная дорога и есть начало *старого* исторического Чуйского тракта. Как раз по нему до 30-х годов XX в. осуществлялась торговля с Китаем и Монголией. На него мы и сворачиваем, переехав по коммунальному советскому мосту стремительную Бию.

Первоначально, в начале XIX в., торговлю с Монголией и Китаем затеяли южные *алтайцы-теленгиты*, жившие в верховьях реки Чуя в высокогорной Чуйской степи. Торговля происходила примерно там, где сейчас располагается райцентр Кош-Агач (с казахского – *последнее дерево*). Прямо посреди степи и был устроен изначальный базар. Тогда же была проложена и освоена конная дорога вниз по берегам Чуй: от верховьев реки до места ее впадения в Катунь и дальше – вниз по долине Катуня, до самого купеческого Бийска. Это и был будущий Чуйский тракт.

В наши дни Республику Алтай населяют разные народы, но два основных – это коренные жители Алтайских гор, *алтайцы*, и *русские*. Русские составляют более половины современного населения, алтайцы – около трети (примерно 70 тыс. человек). Алтайцы – это общее название группы близких народностей, тюркоязычные монголоиды, населяющие Алтай с глубокой древности. Основные алтайские народности – *телеуты*, *теленгиты*, *кумандинцы*, *челканцы*, *тубалары*. Многие ученые считают Алтай прародиной тюркских языков и народов. В высокогорном Кош-Агачском районе большинство составляют также тюркоязычные *казахи*, откочевавшие туда с верховий Иртыша в конце XIX в. Большинство русских Алтая – православные (включая староверов), многие алтайцы остаются язычниками – шаманистами, казахи – мусульмане.

Вплоть до середины XIX в. самым южным русским селом оставалось село Алтайское в 55 км к югу от Бийска, расположенное на подошве гор, на самом краю предгорий. Русские купцы в горы тогда почти не совались, посредничали между ними и монголами все те же алтайцы-теленгиты из Чуйской степи.

Когда торговля подросла, стала побойчее, когда поднялись барыши, первый купец из Бийска рискнул отправиться со своим товаром *в глубь гор*, и открыл лавку в деревеньке Шебадино на реке Сема (*трудное, непроходимое место*), в двухстах верстах от Бийска. В ту пору всю эту непростую дорогу, с мешками и кулями товара, приходилось проделывать верхом на коне, ведя грузовых лошадей в связке, в поводу. Еще спустя несколько лет русские купцы добрались до главной теленгитской ярмарки в Чуйской степи и стали торговать с монголами и китайцами напрямую. В 1869 г. Россия и Китай установили первую прочную границу по Сайлюгемскому хребту, южнее Кош-Агача (там она проходит и сегодня). Тогда же в далеком Египте прорыли Суэцкий канал, товары из Азии в Европу двинулись новым, более коротким путем, и вследствие последнего обстоятельства торговля по Чуйской дороге стала глхнуть. В ответ на это бийские купцы – отчаянные головы двинулись еще дальше на юг, устроив свои лавки и магазины в монгольских торговых городках *Кобдо* (Ховд) и *Улясутай*.

Их усилиями торговля вновь широко развернулась по всему тракту. Чуйская дорога становилась все оживленнее, понемногу обустроивалась, все новые купцы открывали вдоль нее и в Монголии свои торговые заведения. Колесную (для телег и бричек) дорогу от Бийска понемногу довели до Онгудая, в самое сердце Алтайских гор. Составлялись и оборачивались круп-

ные торговые капиталы, в Бийске поднимались новые каменные особняки, торговые ряды и общественные здания. В 1902 г. у русских в Монголии было уже 62 магазина, а торговый оборот составил солидные 1,7 млн рублей. Тогда же царское правительство Николая Второго, всемерно поощряя внешнюю торговлю империи, выделило деньги, и была наконец проложена колесная дорога от Онгудая до Кош-Агача, т. е. от Бийска до монгольской границы. Это, в свою очередь, еще больше подстегнуло рост торговли с Китаем.

Первая мировая война, две революции и Гражданская война, которая жестоко бушевала и на Алтае, привели Чуйский тракт, как и торговлю по нему, в полный упадок. Движение по тракту почти прекратилось, многие мосты через речки были разрушены, каменные карнизы и подпорные стенки осыпались. Еще до империалистической войны в 1913 г. Шишков провел свои изыскания по реконструкции тракта, подготовил подробный технический проект, но до работ дело дошло только в 1920-х. Силами вольнонаемных рабочих и узников ГУЛАГа тракт был капитально перестроен, на нем появился новый длинный участок Бийск – Черта – правым берегом Катунь, в то время как старый тракт проходил левым берегом. Первые советские грузовики проследовали по новому тракту от Бийска до Кош-Агача в 1925 г., а полностью капитально обновленная дорога была сдана в эксплуатацию 1 января 1935 г. Тракт приобрел тот самый вид, каким мы его знаем сегодня, а старый участок тракта Бийск – Черта захирел, превратившись в проселок местного значения...

Как-то раз мне довелось проехать этим проселком. Мы с другом пустились в дальний путь ранним утром из замечательного курортного городка Белокуриха – к ночи нам надо было непременно поспеть в отдаленный высокогорный Джазатор. Самая короткая дорога от курорта, по которой мы и отправились, пролегла к востоку через село Старобелокуриха, деревни Россохи и Нижнекаменка, потом круто поворачивала направо на юг и приводила в длинное большое село Алтайское (сейчас это крупный райцентр в составе Алтайского края). Проехав все Алтайское насквозь, мы вскоре оказались на плохой, изрытой ямами грунтовой дороге, которая уходила узким ущельем правого притока реки Каменка, речкой Сарасу, наверх в горы.

Было начало октября, поднимался холодный и сырой рассвет с красноватыми отблесками лучей прибывающего солнца на кромках серых низких туч. Деревья по обочинам дороги торчали голые, с мокрыми черными стволами. В деревнях не было видно ни души – случился выходной, и весь народ еще крепко спал в своих избах. От Старобелокурихи к Алтайскому семенила предгорьями полуразбитая дорога. Невысокие рыжие холмы выпирали из равнины справа от нас, с юга. Ехали мы в основном полями, иногда пересекая небольшие голые рощицы. За **селом Алтайским** мы принялись понемногу углубляться в горы, незаметно набирая высоту. По расшибленной дороге, осторожно продвигаясь меж полных грязной воды рытвин, мы миновали крохотные, кажущиеся заброшенными и всеми забытыми деревушки: Сараса (*желтая, талая, весенняя вода*) – по ущелью Сарасуу, притока Каменки, проложена дорога к перевалу, – Пролетарка, Комар, Белое. Этот глухой угол Алтая открылся нам пребывающим в полном и грустном запустении. Ничего здесь не шевелилось, ни одна собака не облаяла нашу машину, дома и заборы стояли старые и покосившиеся, и только черные вороны, зябко сжавшись в комки, сидели на мокрых, протянутых меж ветхих деревянных столбов проводах.

Долина Сарасы безлесая – лес вырубил еще в XIX в. Только оставив за спиной крайнюю деревушку Комар, за которой перед нами круто встал горный хребет, мы въехали наконец в густой лиственный лес с высокой пожухлой травой, уже побитой первыми ночными заморозками. Последовал резкий короткий подъем на лесистый гребень несложного Комарского перевала, около 820 м высотой. Этот перевал – водораздел рек Каменка и Сема и одновременно административная граница между Алтайским краем и Республикой Алтай. За узким седлом перевала, с которого нет никакого вида (вокруг один только лес), мы быстро скатились вниз

до другой дорожной развилки, все время лесом. На развилке направо уходила сравнительно новая, но тоже очень плохая дорога от Черги на Усть-Кан. Мы же повернули налево и скоро выехали в широкую долину реки Сема, к поселку Черта (*мель, перекаты*). Переехали бетонный мост через Сему и оказались на гладком асфальте нового, шишковского, Чуйского тракта. Весь проделанный нами путь от Белокурихи через Алтайское и ущелье Сарасы – это и был старый исторический участок Чуйского тракта, который до 1930-х гг. проходил от Бийска на село Смоленское, дальше на Старобелокуриху, Алтайское и следом на юг, через Комарский перевал – в Черту. В 1920–1930 гг. советские власти построили новый участок от Бийска до Черги (через Сростки, Суртайку, Майму, Усть-Сему), т. е. правым берегом Катуня. Этот новый участок и стал основным.

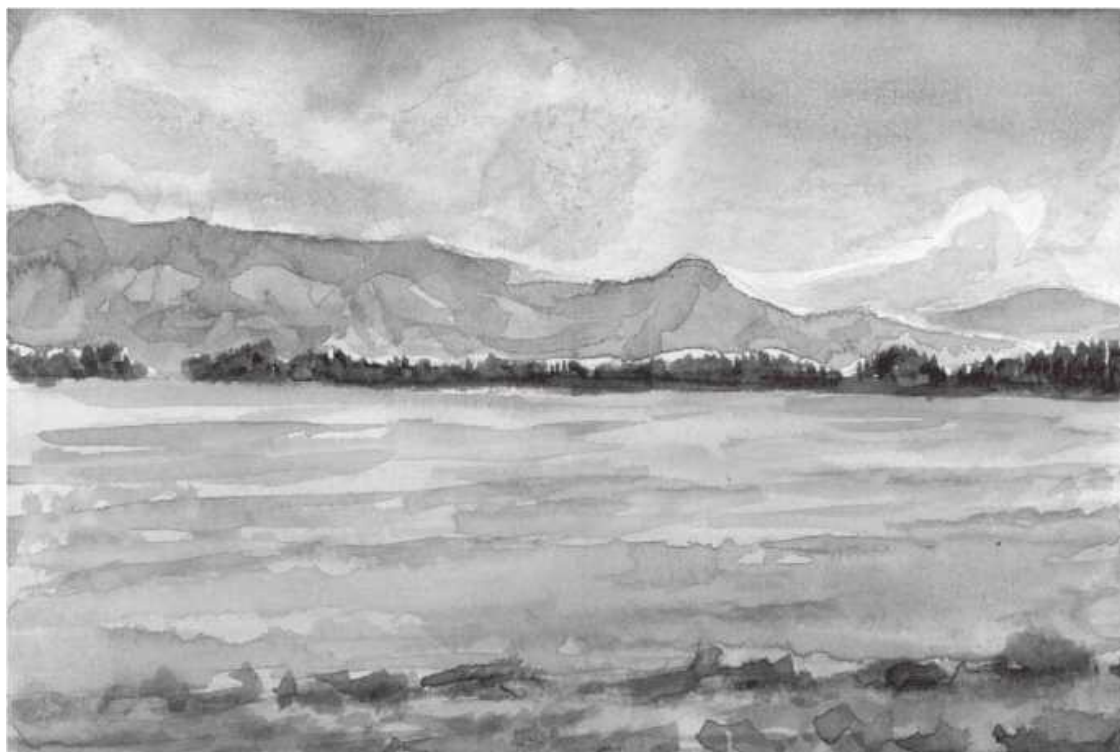
В утренней Черте не было заметно никакого запустения. Село оживленно просыпалось, пуская из труб белые печные дымки. Мимо нас по Чуйскому тракту один за другим проносились шумные автомобили. Новый тракт полностью вытеснил собой старый, оставив ему лишь унылый упадок, почетное место на старинных картах и сладкую, как дым яблочного кальяна, ностальгию о славном купеческом прошлом.

* * *

Итак, повернув за Бийским мостом направо на старый Чуйский тракт, мы сначала проехали левобережной частью города, состоящей в основном из частных домов. Слева от нас проносился крепкий сосновый бор, справа блестела Бия, на противоположном берегу которой виднелись современные многоэтажные районы города и высокие заводские трубы. Дальше за лесом слева к дороге подступили ближние дачи бийчан.

Через десяток километров дорога приводит к длинному и узкому двухполосному мосту через Катунь, которая здесь близ устья широко разливается по зеленой равнине. Вода в Катуня такая же быстрая и холодная, как и в Бие, но мутная, непрозрачная, кажущаяся грязноватой. Это вызвано тем, что Катунь берет свое начало в ледниках Катунского хребта, а не в прозрачном озере, как Бия. Катунь становится прозрачной только осенью, когда ледники перестают таять и когда все речки и ручьи, все бесчисленные притоки Катуня входят в свои каменистые русла и высветляются. После того как Катунь и Бия сливаются, образуя Обь чуть ниже Бийска, они еще долго текут рядом, не смешиваясь: широкая полоса темно-бирюзовой прозрачной бийской воды и слева от нее матовая, плотная, со стальным отливом, катунская вода.

Миновав большое село Смоленское (старинное русское село, основанное еще в 1759 г.), лежащее в 35 км от Бийска, дорога уходит дальше на юг в сторону Белокурихи. На запад из Смоленского есть еще одна дорога – в село Быстрый Исток, расположенное на берегу Оби, родное село известного актера Московского театра на Таганке Валерия Золотухина.

Предгорья Алтая у Белокурихи (В. Рыжков, 2008 г.)

По мере продвижения путников к югу горы приближаются, их дымчатая голубизна незаметно переходит в глубокую синеву, на плоскостях и объемах гор проступает все больше деталей. Равнина преобразается в плавные увалы и холмы, справа возникает живописная речка Песчаная с золотыми песками по извилистым берегам.

Вдалеке и впереди нам уже видны белые домики и разноцветные крыши города-курорта Белокуриха, над ними – острая вершина горы Церковки, любимой горы местных отдыхающих. Вся гора покрыта густым лесом, в нем хорошо просматриваются идущие от вершины до самого низа светлые просеки – горнолыжные трассы. Слева от Церковки мы видим саму курортную долину – глубокую лесистую складку в горном массиве.

За десяток километров до Белокурихи главная дорога уходит вправо, на юго-запад, по направлению на Солонешное, до которого, согласно дорожному указателю, ехать от *своротка* еще 100 км.

Этот поворот – еще одна важная алтайская развилка. Дорога на Белокуриху, точнее, на Старобелокуриху, как я ранее описал, это старый Чуйский тракт, древний путь из Бийска на Чергу и в Кош-Агач. Дорога же на юго-запад, в сторону сел Солонешное и Петропавловское, это другое направление, вдоль северного края Алтайских гор, ведущее в *Рудный Алтай* (сейчас северо-восточная часть Казахстана), к старинным русским городам Усть-Каменогорск и Семипалатинск (теперь Семей), расположенным на берегах Иртыша. От Бийска до границы с Казахстаном, если брать по прямой – 210 км.

Мы поворачиваем направо, оставляя Белокуриху в стороне, и едем на юго-запад параллельно горам. Дорога проходит вдоль реки Песчаная, мы проезжаем старинные русские деревни Ново-тырышкино, Сычевку, Солоновку. Здесьние места – это богатые сельскохозяйственные угодья. Предгорья Алтая имеют особый, благоприятный для аграрных занятий микроклимат. Благодаря близости гор, подпирающих равнину с юга и востока, зима здесь мягче, а лето более влажное, чем в Барнауле, выдающее много теплых и обильных дождей. Почвы алтайских предгорий богатые, настоящие черноземы, питающие отличные урожаи зерновых, сахарной свеклы и кормовых трав. Здесь русские поселенцы со всей России веками выращи-

вают пшеницу, овес, гречиху. Вся земля в округе распахана и засеяна, до самых гор. Прозрачные длинные лесополосы из серебристых тополей, золотые поля пшеницы, синие вершины гор, высокое небо с бегущими по нему белоснежными облаками, осенью рыже-красные стога, разбросанные по черно-золотистому жнивью, летом зеленые поля свеклы с жирными толстыми листьями – все это алтайское предгорье очень живописно, богато, относительно густо заселено людьми и хорошо ими освоено.

За Солоновкой дорога резко поворачивает прямо к горам. Горы здесь безлесые, гладкие, поросшие высокой степной травой. Наискосок вправо горным склоном поднимается лесополоса из высоких тополей, растущих вдоль дороги, покрытой разбитым сухим асфальтом. По ней мы и начинаем подъем на первый от степи перевал. Справа на севере распахивается широкая панорама алтайской равнины. С разноцветными просторными полями и темной лентой петляющей реки. Вид из окна машины как из иллюминатора самолета. Равнина уходит далеко на север, сливаясь там в дымке с высоким выцветшим небом.

Пологий подъем на Третью Ромкину гору, названную так в честь братьев-купцов Ромкиных, имевших неподалеку мельницу, идет горной степью. За перевалом, на вершине которого установлен знак Солонешенского района, следует крутой спуск в водный бассейн другой крупной горной реки – Ануй, левого притока Оби. Здесь и дальше дорога бежит горными долинами и ущельями, вдоль ручьев и речек, одна из которых – река Солоновка. По горным склонам появляются леса, мы проезжаем глухие таежные деревушки: Березово, Лютаево, Первомайский, Медведовку, названия которых говорят сами за себя. В деревушках по сочной траве свободно ходят утки и куры, бегают собаки, вдоль дороги попадают небольшие стада коров. Повыше, в горной степи, летом в сухие жаркие дни дорогу перебегают в обе стороны маленькие хвостатые суслики.

Наконец, миновав автозаправочную станцию, мы въезжаем в райцентр Солонешное – один из старинных горных поселков Алтая. Село лежит в красивой широкой долине реки Ануй, окруженной невысокими горами, как раз здесь в Ануй впадают его притоки – Солоновка и Язевка. Первые русские поселенцы появились тут в середине XVIII в. Это были староверы (*кержаки*), бежавшие от преследования властей и официальной церкви. Позже приехали сюда и обычные крестьяне – поселенцы из европейской части России. Само Солонешное основано в 1828 г. И по сей день здесь живут рядом православные и старообрядцы, как и в окрестных деревнях, например в крупном селе Топольном.

Места вокруг Солонешного красивые и обильные. Есть пахотные поля, много прекрасных пастбищ, в изобилии растет строевой лес. В Солонешном есть маслосырзавод, на котором делают отличный твердый сыр из местного молока. Коровы пасутся круглое лето на горных склонах с их сочной травой и выдают отменное, жирное и ароматное молоко, первоклассное сырье для сыра и сливочного масла. Горы вокруг Солонешного лесистые, и в них устроены *маральники*, т. е. обширные фермы по разведению *маралов* (сибирская разновидность благородного оленя). Маралов держат ради вкусного мяса и ценных рогов, которые срезаются молодыми каждую весну.

Алтайский маральник – это всегда обширная, огороженная со всех сторон часть лесистых гор, обнесенная высоким забором из стальной сетки, натянутой на вкопанные в землю деревянные столбы, чтобы олени не разбежались. Зимой маралов подкармливают сеном. Тогда можно увидеть, как они выходят из леса близко к дороге, где для них устраиваются кормушки. Однажды летом я побывал в одном из местных маральников, где нас досыта накормили вкусным и рассыпчатым отварным маральим мясом. Еще для желающих подкрепить жизненные силы и тонус устраивают лечебное купание в деревянных бочках, пантовые ванны с экстрактом из вываренных рогов (пантов) марала, богатых гормонами и ценными микроэлементами.

Дорога из Бийска через Солонешное – еще один древний караванный путь, удобный проход сквозь Алтайские горы. Его называют Ануйским трактом, так как большая часть пути про-

ходит долиной левого притока Оби крупной реки Ануй, уходящей с равнины далеко в глубину гор. От Солонешного дорога проложена берегами Ануя вверх по течению к старинной деревне Черный Ануй, оттуда к деревням Усть-Мута и Келей. За Келеем следует подъем на Келейский перевал, и с него – спуск к алтайскому селу Яконур в Усть-Канскую степь – это уже бассейн другой крупной реки, Чарыша. За селом Усть-Кан можно уйти или в Рудный Алтай, на городок Риддер (теперь это Казахстан), или же в сторону Усть-Коксы, еще дальше на юг. Именно этим, Ануйским трактом, и воспользовалась экспедиция Николая Рериха в 1926 г., добираясь в село Верхний Уймон, в котором Рерих остановился для изучения окрестностей горы Белухи и сбора местных старинных легенд и поверий.

Алтайцы в Усть-Кане любят рассказывать, что этой же дорогой проходил когда-то и Чингисхан со своей непобедимой армией, которой требовались просторные и богатые травой пастбища. И про то повествуют, как великий хан стоял несколько дней лагерем в обширной Усть-Канской степи. Как тучами ходил по рыжей степи его несчетный скот. Как снегом усыпали зеленую долину белоснежные юрты его многотысячного становища. Правдиво ли это предание? А почему бы и нет!

Ануй

Сорок километров вверх от Солонешного по Аную, до Денисовой пещеры, сначала гравийная, а после вовсе грунтовая дорога становится все хуже, перебегая с берега на берег через деревянные, сбитые из толстых бревен мосты. Долина постепенно сужается, горы по ее сторонам становятся выше и круче. Справа и слева Ануй окружен отрогами двух горных хребтов – Башелакского на западе и Ануйского на востоке. С обеих сторон дороги громоздятся скалы и растет густой лес.

Порой сильные паводки сносят деревянные ануйские мосты, и мужики отстраивают их заново. Делается это зимой, по низкой воде. Сначала выставляют опоры будущего моста – квадратные деревянные срубы, которые водружают прямо на галечное дно реки, предварительно вырубив, коли надо, нужного размера полыньи во льду. Затем наглухо заполняют внутренний объем срубов-опор тяжелыми камнями. И наконец кладут поверх опор прочный мостовой настил из толстых сосновых лаг. Поверх них набивают плотно пригнанные одна к другой толстые доски. Тяжелые камни крепко придавливают опоры, бурная горная река вынуждена расступаться перед ними, огибая прочные столбы кипящей водой. Таких мостов на Ануе с десятков, не меньше.

По дороге от Солонешного к Денисовой пещере есть еще три населенных пункта: Искра, Топольное и крохотный, всего в несколько дворов, хутор Тог-Алтай. Топольное известно как один из центров проживания алтайских староверов-кержаков.

Немного не доезжая Денисовой пещеры на дороге есть заметное место, где справа в Ануй впадает чистый ручей. Через него перекинут низкий деревянный мостик. Мы всегда выходим здесь из машины и умываемся в холодной воде ручья, черпая воду ладонями. Умываемся мы не просто так, а со смыслом, на удачу. С этого момента мы вступаем в горы по-настоящему. Для алтайцев речка Шинок и этот ручей – одно из священных, духовных, или «приметных», мест. В таких местах надо остановиться, перевести дух, подумать, помолиться, помолчать. Тогда и на всем последующем пути будет сопутствовать удача. Если же нестись вперед сломя голову, суется и не обращая внимания на окружающий мир, удача отвернется. Наверняка. Это нами проверено, и не раз.

Над ручьем склонились деревья, густо повязанные разноцветными лентами, и стоят деревянные идолы, вырезанные местными умельцами.

«Приметных мест» в горах у алтайцев великое множество. Все важные горы, реки, родники, водопады, перевалы, отдельно стоящие деревья – все это приметные места. И всем им алтайцы оказывают подобающие почести. Потому движутся алтайцы неспешно, соблюдая свои обряды, но при этом всегда добиваются до нужного места вовремя.

Прямо перед Денисовой пещерой грунтовая дорога сбегает на зеленую поляну, которая выглядит радостной и цветущей, но на самом деле это неприятная топучая полуболотина. Студенты-археологи, что работают каждое лето на Денисовой пещере, прозвали поляну Поле чудес. Под густой высокой травой прячется с метр глубиной жирного влажного чернозема, в котором тонут колеса, а машины садятся на траву по самое брюхо и только напрасно потом завывают моторами. Водители стараются объехать старые и глубокие жирные колеи по чистой траве, отчего вся поляна измята и порезана кривыми хаотичными полосами. И все равно многие тонут и мучаются на этой заболоченной поляне. Водители порой отказываются ехать Ануйским трактом, который почти на сто километров короче Чуйского, только из-за этого проклятого заболоченного участка, всего-то в триста метров длиной!

За Поле чудес дорога оказывается на изрытом ямами узком каменистом проезде, зажатым слева скалами, а справа – рекой. Район Денисовой пещеры – самое тесное место всей

долины Ануя, настоящее горное ущелье. Горы сходятся здесь совсем близко, сжимая реку и дорогу в скалистые клещи.

В том месте, где на высоте двадцати метров над рекой в крутом склоне чернеет большой зев Денисовой пещеры, река немного отступает вправо, чтобы дать место скромной базе археологов. База расположена на узкой длинной поляне на правом берегу Ануя и отгорожена от дороги старым деревянным штакетником. Главное здание базы – деревянный одноэтажный барак, в котором расположены контора и лаборатория, а также сортируются и хранятся находки. Рядом с конторой – несколько примитивных щитовых домиков, в которых живут и спят студенты-археологи. Деревянный сортир над выгребной ямой, пара хозяйственных сараев, волейбольная площадка. Натянуты веревки, на которых сушится белье и одежда. Вот и вся база.

Слева на бугре, над дорогой, поставлена еще пара домов, более основательных. Здесь живут в летний сезон руководители раскопок, а также круглый год обретается сторож, приглядывающий за сохранностью казенного имущества базы.

Сразу за главным бараком с конторой река делает резкий поворот влево, и здесь же через нее устроен железный мост. Мост узкий, в одну машину шириной, с железными перилами, очень крепкий. Он ведет на левый берег, на котором расположена вторая часть базы новосибирских археологов. Это небольшой туркомплекс, выстроенный когда-то под проведение международной научной конференции. Теперь этот комплекс круглое лето занят или учеными, или туристами, которые очень любят это место.

За мостом правее, в густой тени деревьев, стоит большой деревянный дом директора Института археологии и этнографии в Новосибирском Академгородке академика Анатолия Деревянко. Здесь он живет и работает каждое лето, пишет свои статьи и книги, радушно принимает гостей. Дом почернел от дождей и ветров, но внутри тепло, просторно и сухо. Широкий рабочий стол академика придвинут к большому окну, глядящему прямо на Ануй. За столом отменно работает, особенно если широко раскрыть створки окна наружу, к реке, и впустить в комнату шум Ануя и дать нахлынуть в просторный дом свежему горному воздуху.

Левее от директорского стоит первый из гостевых домов, тоже деревянный, как и все постройки базы. Все гостевые дома построены по одному проекту и когда-то считались едва ли не самыми комфортабельными во всем Горном Алтае: в них есть свет, вода, канализация и даже горячий душ! В каждом домике два гостевых номера с отдельными входами, по две комнаты в каждом. Одна комната – рабочий кабинет со столом и креслом, вторая – спальня. Сразу у входа – туалет, совмещенный с душем, горячая вода подается от электрического тена. Все сделано просто, крепко, добротно. Дома стоят уже лет двадцать, и все с ними в полном порядке. Зимой они не используются, консервируются, рабочий сезон на базе – с весны по осень.

От нижнего дома и моста тропинка выводит немного выше, на широкую поляну, покато поднимающуюся от Ануя. На ней полукругом стоит еще дюжина домиков. В центре полукруга, выше по поляне, располагается большая столовая – деревянное, в форме алтайского аила, строение, с большими окнами и высокой железной крышей. В столовой просторный общий зал, где могут покормить сразу всех обитателей базы, два туалета с рукомойниками, большая кухня.

Поляна в высшей степени удобна и живописна. Ануй опоясывает ее снизу широкой и плавной дугой. Она начинается от рабочей части базы археологов и заканчивается выше по течению у каменистого бугра, на котором у дороги стоит знак границы между Алтайским краем и Республикой Алтай. От знака еще с километр до старинного алтайского села Черный Ануй, хорошо видного выше по долине, которая сильно расширяется у деревни влево. Железный знак-транспарант весь в ржавчине и вмятинах от дробы – местные жители любят развлекаться, стреляя по нему из дробовиков.

Вдоль Ануя по обоим берегам растут деревья, скрывая речку в густой тени. Ануй – быстрая горная река, чистая и прозрачная, но после нередких дождей притоки наносят в нее изрядно мути и мусора. Вода в Ануе теплая, сравнительно с другими алтайскими речками, и в нем приятно бывает искупаться. Ниже гостевых домов, ближе к реке, выстроена русская баня, от которой к реке бежит тропинка. Напарившись в парилке и исхлеставшись березовым веником, выскакиваешь наружу голышом, красный и курящийся белым паром, и мчишься по траве к реке, где бросаешься в неглубокую воду меж больших гладких камней. Дух захватывает от удовольствия!

Высота поляны над уровнем моря около 700 м, это уже уровень альпийских лугов. По всей поляне растет чистая и душистая трава, вся она снизу доверху усыпана цветами, белыми, розовыми, желтыми. В воздухе плавает аромат меда. Поляна опоясана со всех сторон лесом, внизу лиственным, сверху смешанным. Жаркими летними днями солнце стоит в зените, воздух недвижим, над цветами и луговой травой кружатся пчелы и шмели. Все замерло. Туристы загорают у своих домиков на расстеленных на траве покрывалах, прикрыв глаза и носы раскрытыми книжками. Изредка по дороге за рекой проедет машина, поднимая искристую пыль. Воздух звенит от стрекота кузнечиков. Мы с приятелем сидим на крыльце столовой в тени от козырька и любуемся прекрасным видом на реку и на горы. Мой приятель – сладкоежка. Он разворачивает и уплетает одну за другой привезенные с собой из Москвы конфеты. Конфеты тают в его пальцах, мажутся шоколадом – на улице знойно. Его майка задрана вверх, открывая впалый волосатый живот, который он лениво почесывает, то и дело восклицая:

– Да, Вовка, это рай!

Вечером, когда солнце скрывается за горой, воздух быстро остывает – сказывается высота среднегорья. В синих сумерках все мы натягиваем теплые кофты и пьем на крыльце столовой крепкий горячий чай. Вечер – самое время попариться в баньке! Окунаешься, разгоряченный и окруженный паром, в темную воду реки, а над твоей головой мерцает Млечный Путь и все ночное небо, от края до края, усыпано яркими звездами!

За рекой, напротив поляны, высоко вверх уходят рыжие скалы горы Сосновая, которую студенты-археологи прозвали Бабкой. Гора большая и крутая, вся покрытая сосновым лесом. Сосны тянутся в небо, цепляясь крепкими корнями за скалы.

С противоположной стороны от базы в небо уходит еще более высокая и массивная гора, поименованная Дедкой. Поляна выше столовой переходит в густой лес и дальше он вздымается до самой далекой вершины, синеющей высоко в небе. Бабка поменьше, Дедка побольше, между ними и расположена база археологов.

За завтраком мой друг из Москвы, большой любитель пеших прогулок, Сергей К., интересуется:

– А есть тут тропы, по которым можно побегать, налегке?

– Должны быть, а как же, – отвечаю я. – Бегай на здоровье!

После завтрака Сергей обувается в кроссовки, надевает песчаного цвета шорты и зеленую майку. Теперь он похож на старину Хэма, рыскающего по Африке в поисках подходящего для охоты льва. Сергей отправляется через мост в направлении Бабки, намереваясь там побегать. Спустя четыре часа он возвращается аккуратно к обеду, весь побитый и измученный. Вот что выясняется из его рассказа:

– Перешел я мостом на ту сторону и повернул вправо, в сторону вертолетной площадки, что у подножия Бабки. Там поднялся на площадку и стал искать тропу на гору. Тропа и вправду нашлась, и я по ней двинулся вверх. Поначалу тропа была пологая, и я спокойно шел по ней, спортивным шагом. Лес вокруг, птички поют – хорошо! Скоро тропа стала подыматься все круче и круче, сузилась, идти становилось все труднее, а я все ждал, когда же станет ровно и можно будет нормально побегать! Надеялся, что вот-вот выйду на ровное плато на вершине. Но

чем дальше, тем было круче и трудней! В какой-то момент тропа вовсе пропала в камнях, и я стал карабкаться по скалам, полз буквально на коленях, цепляясь руками за все что попадется. И вот лезу я таким манером, лезу, а сам думаю – да где же тут эта чертова тропа для пробежек? И вот вдруг вижу – впереди просвет! Я, конечно, обрадовался! Вот там-то, думаю, и равнина! Подобрался я к просвету, отдышался, глянул – и что же я обнаружил? Прямо подо мной – отвесная пропасть! Скалы! Река далеко внизу! Дорога, наша база, домики такие вот крохотные – и все черт знает где внизу! И никаких намеков на тропу! Да пропади ж ты пропадом, думаю! Вот же занесло меня!

– И что же ты дальше?

– Ну что дальше – потащился обратно! Точнее, пополз! Сползал на спине, на заднице, весь ободрался, все руки и ноги себе сбил! А вы говорите – тропа для пробежек! Эх!...

Сергей машет рукой.

Мы хохочем.

Денисова пещера и база археологов

Денисова пещера, у которой обосновались археологи, место знаменитое и удивительное. Недаром оно заслуженно включено в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО и находится под его охраной. Каждое лето к пещере съезжаются ученые со всего света: археологи, палеонтологи, палеоботаники, палеозоологи и прочие палеоспецы. Статьи о местных находках публикуются в престижных научных журналах мира. В пещере родилась одна из мировых научных сенсаций последнего времени, а именно была найдена фаланга пальца девочки, возрастом в 30–70 тыс. лет. Анализ ее палеоДНК, сделанный в Германии, показал что это был совершенно новый, неизвестный науке вид древнего человека, который так и назвали – *человек денисовский*.

Примерно на протяжении 300 тыс. лет пещера активно использовалась людьми: неандертальцами, кроманьонцами, денисовцами, современными гомосапиенс. Все дело в ее чрезвычайно удобном расположении и устройстве.

Пещера расположена в тридцати метрах выше уровня реки, по правому ее берегу, в крутом склоне горы Бабка (Сосновая). Раньше уровень воды в реке был выше, заметно ближе ко входу в пещеру. Сам этот вход большой и высокий, словно огромные ворота. Сразу за входом пещера внутри значительно расширяется и имеет высокий потолок, в 11 м. Общая площадь помещения – около 300 м², что могло вместить десятки человек, вместе с домашними животными. В стороны от основного зала отходят коридоры, где также можно было держать скот. Вход был удобен для завешивания войлоком или коврами, чтобы не уходило тепло и не задувал внутрь холодный ветер от реки. В скалах по бокам от входа остались глубокие ямки, выдолбленные в камне, – в них как раз и крепились жерди для занавесей. Говорят, что пазы для жердей выдолбили скифы или, чуть позже, древние тюрки.

Прямо над головой в высоком скальном потолке имеется отверстие примерно в 1 м диаметром – прекрасное природное окно для дневного освещения и одновременно отличный нерукотворный дымоход. В центре зала под дырой в потолке устраивался костер, который практически непрерывно горел здесь на протяжении десятков тысяч лет – черный след от костра уходит в глубину археологического раскопа на многие метры.

Пещера глядит прямо на реку и сама хорошо видна от реки. Здесь у пещеры самое узкое место на всем Ануе – ущелье, тесно зажатое меж гор. В древности прямо у пещеры проходили торные звериные тропы – миновать этот узкий проход животные никак не могли. И не было места удобнее для охоты и рыбалки, чем вход в пещеру: зверь пробегал прямо у порога природного дома, буквально перед носом у охотников, на дистанции убийного выстрела из лука или даже броска копья. В пещере найдены останки множества древних животных (более 100 видов!), в том числе малого пещерного медведя, пещерной гиены, шерстистого носорога, первобытного бизона, дикой лошади и многих других.

Вот каковы основные причины прочной обжитости Денисовой пещеры на протяжении сотен тысяч лет. Сухая, просторная, светлая, прохладная летом и теплая зимой, близкая к реке и к звериным тропам, лежащая около торной дороги из степи в горы – что может быть удобнее для жизни, для укрытия от заставшей в горах непогоды!

Алтайцы называют пещеру Медвежий камень (Аю-Таш), русские – Денисовой. Мне рассказывали, что имя это идет от отшельника Дионисия, жившего в ней в конце XVIII в., он же был последним, кто постоянно обитал в пещере. Другая версия – что близ пещеры пас свой скот пастух Денис, который прятался в ней от снега и дождя.

Легенды об особости Денисовой пещеры ходили давно, и летом 1926 г. Николай Рерих специально сделал близ нее короткую остановку. Мне рассказывали, что вместе с Еленой Блаватской он подобрался ко входу в пещеру, который был в ту пору узким и грязным, заросшим

густым лесом, кустами и крапивой, но внутрь не полез, якобы из-за охватившего его мистического страха. А может, банально, чтобы не испачкаться зазря в грязи.

Зимняя дорога на Денисову пещеру. Тог-Алтай (В. Рыжков, 2008 г.)

Так это было или не так, была ли из зева пещеры мистика или не была, но в конце 1970-х гг. сибирские археологи под руководством академика Алексея Окладникова осмотрели пещеру и приняли решение начать в ней первые раскопки. Они предположили, что местоположение, размер и внутреннее устройство пещеры именно таковы, что она могла быть обитаема на протяжении веков и тысячелетий, что впоследствии и подтвердилось. С 1982 г., когда начались систематические ежегодные раскопки, когда заработала постоянная база археологов, в пещере было найдено почти 100 тыс. экспонатов, многие из которых имеют мировое научное значение. Сама пещера стала одним из самых известных в мире исторических памятников, обнаруженные в ней находки помогают раскрыть и тайны происхождения и эволюции человека, и древнего расселения и миграций людей.

Когда все начиналось, вход в пещеру был узкой щелью, от влажного земляного пола далеко вглубь уходила сырая органическая порода. Теперь первоначальный уровень 1982 г., когда археологи приступили к систематическим раскопкам, отмечен на стенах пещеры широкой салатного цвета линией, нанесенной краской на скалы. С тех пор раскопки ушли глубоко вниз, метров на десять, дойдя недавно наконец до скалистого материка. И до самого материка археологи обнаружили богатые находками культурные слои. Вокруг скалистой ямы-раскопа в центре пещеры проложены мостки и перила, чтобы не сорваться вниз. Внизу, в темноте, горит лампа, и сидят на корточках тепло одетые студенты-археологи, совками, тонкими слоями, срезающие остатки влажной почвы, чтобы не пропустить ни малейшей находки. От верхнего уровня до самого низа, до скалистого материка, уходят более 20 культурных слоев, собранных как огромный слоеный торт. Каждый такой влажный слой – целая эпоха в истории человечества. Слои отличаются цветом и фактурой. Они поднимаются от находок 300-тысячелетней давности в самом низу, на дне пещеры, и до наших дней, на самом верху раскопа.

– Вот тут, в этом вот слое, мы и нашли нашу знаменитую девочкину фалангу, – показывает местный экскурсовод, старожил базы Сергей Юрьевич, на один из разноцветных слоев в самой середине огромного многометрового слоистого среза.

– А вот здесь горел костер, десятками тысяч лет, – указывает он на черный столб в земле, прорезающий снизу доверху все слои.

Бот уже более 30 лет, каждый год, миллиметр за миллиметром, слой за слоем, начиная с весны и кончая поздней осенью, сибирские археологи тщательно раскапывают Денисову пещеру, и каждый год их работы приносит открытия мирового значения. Отыскивается и изучается все: от древней пыльцы деревьев и цветов до костей животных, каменных и бронзовых орудий древних людей. Поэтому раскопки ведутся очень тщательно, земля просеивается через мелкое сито и промывается водой. Недавно в пещере отыскали самый старый в мире браслет, сделанный из редкого зеленого камня, тщательно просверленный и отшлифованный древними технологиями.

От входа в пещеру до места промывки, что устроено на другом берегу Ануя, тянется крепкий стальной провод, по которому со свистом летят вниз на железных колесиках наполненные землей из раскопа ведра – легендарная у археологов канатная дорога. Чем более осторожно ведутся раскопки, чем тщательнее просеивается и промывается грунт из раскопа, тем больше ученым удастся обнаружить интересного.

Ни конца ни края изучению Денисовой пещеры пока не видно. После того как было до самого дна раскопано и расчищено основное привходное помещение пещеры, ученые принялись за боковые галереи, полностью засыпанные землей. Теперь эти галереи уже далеко и глубоко раскрыты и в свою очередь принесли немало сенсационных находок. Они оказались ничем не беднее в смысле открытий основного помещения пещеры. При этом никто не знает, как глубоко уходят в глубь горы эти боковые галереи и есть ли у них вообще конец. Горы над Ануем карстовые, насквозь дырявые, и вполне возможно, что подземные ходы и лазы прошивают их насквозь, как огромные кротовые норы.

Академик Деревянко, за чашкой чая в его доме на берегу Ануя, говорил нам, что, возможно, где-то в глубине горы откроются новые полости. И кто знает, может, там сбудется его мечта – найти череп или даже полные останки неизвестного еще науке подвиды древнего человека. Зная, как много открытий уже подарила всем нам удивительная Денисова пещера, я думаю про себя: «Да запросто!»

Топольнинцы

Топольное – красивое большое село, расположившееся в широкой долине Ануя по обоим берегам реки. При царе в нем жило 25 тыс. человек, нынче осталось меньше тысячи. Заселяли Топольное в первой половине XIX в. переселенцы из многих губерний России: от южной Полтавы до северной Вятки. Но более всего перебралось сюда закаленных Сибирью крестьян-томичей. В селе сохранились старинные дома, постарше века каждый, с резными наличниками и округлыми проемами окон. Немало живет староверов. По краям зеленой солнечной речной долины поднимаются невысокие округлые сопки, поросшие чистым звонким лесом. Вдоволь дров и пастбищ по просторным окрестностям расположились топольнинские стоянки и охотничьи угодья.

Топольнинцы – крепкие хозяева и опытные таежники. Повидавшие при этом всякого – бурных паводков, лесных пожаров. В Гражданскую войну по Ануя прокатились страшные кровопролитные бои. Теперь в селе все меньше молодежи, живут в основном пожилые люди. Молодежь отправляется в города учиться и после остается там – работы в Топольном нет. А заниматься тяжелым натуральным хозяйством, как родители, держать и выхаживать скот ей неинтересно.

Но немало и тех, кто не собирается покидать Топольное. Место это красивое, удобное, обильное. Всего в Топольном и вблизи него вдоволь. Если не пить и не лениться, можно отлично прожить.

Последние годы заметно оживилась дорога по Ануйскому тракту. С каждым летом приезжает все больше туристов, а им подавай лошадей, молока и мяса. Можно неплохо подработать проводниками. Встают по берегам Ануя новенькие турбазы. Гостей влекут красота этих мест, знаменитая Денисова пещера, богатые достопримечательности Солонешенского района. Будущее у района и у села, несомненно, есть. Глядишь, и молодежь понемногу начнет возвращаться домой, в Топольное.

В верхнем конце Топольного слева в Ануя впадает красивая чистая речка ГЦепета, берущая начало в снегах Башчелакского хребта. По ее лесистому ущелью проложена плохая, но все же проезжая дорога. Она ведет к крохотным таежным деревенькам Елиново и Рыбное. От Топольного до Елиново примерно полтора десятка километров, а жителей в Блинове всего 45 душ (как и в соседнем Рыбном). Как-то раз летом мы с Леной и знакомым топольнинцем отправились в Елиново, где у Лены еще с 90-х куплен большой деревенский дом. Там приготовили простой ужин и долго сидели за столом, беседовали о том о сем. Наш топольнинский хозяин, Анатолий Андреевич, рассказывал о жизни в Топольном, вспоминал всякие характерные для таежного быта истории.

Сам он крепкий мужчина около пятидесяти, среднего роста, худощавый. Родился и вырос в Топольном. Знает все места в округе. Хороший хозяин. Много лет земляки дружно выбирали его главой села, как человека порядочного, авторитетного, делового. Но несколько лет назад он плюнул и по своей воле ушел с должности.

– Замучили меня всякой чепухой. Предписаниями, проверками. То из Барнаула дурацкая команда придет, то с района. А чаще всего прокуратура наезжает: сделай то, сделай это, и все в соответствии с законом. Москва что-то там напридумывает, не имея понятия, как это на месте выполнить, а мы тут умри, но сделай. А не исполнишь прокурорское предписание – штраф из зарплаты вычтут громадный. А то и дело возбуждают. Вот, к примеру, приняла Дума закон, что в каждом населенном пункте должен быть обязательно пожарный пирс.

– Что за пирс такой?

– А вот такой специальный подъезд, чтобы пожарная машина могла подъехать и воду с него из водоема набирать.

- А у вас в Топольном есть пожарная машина?
- Да откуда? И не было сроду, да и не будет никогда: откуда нам денег на нее взять?
- Тогда зачем же вам пирс?
- Да не нужен он нам совсем. Всегда так, по старинке, тушили пожары. Река через все село течет, до воды отовсюду близко. Но прокуратуре-то нашей все равно. Положено по закону – значит, делайте пирс. А не сделаете – штраф выпишем на главу села. Я им говорю: денег в бюджете села на пирс нету. А они мне – а нам все равно. Предписано сельсовету пирс делать – вот и делайте, а где вы денег на это добудете – не наша забота. Ну, я терпел, терпел и ушел. Надоело мне все это измывательство. Даже в Рыбном, где всего-то несколько десятков человек живет, так и там предписали пирс насыпать на ручье!
- И что, сделали вы эти пирсы?
- А куда деваться? Насыпали, притом что в бюджете денег нет ни на что вообще, – горько смеется Анатолий Андреевич.
- Ну, может быть использовали их? Хотя бы раз?
- Да какое там. Не успели построить эти пирсы, как паводок сильный случился. Все эти пирсы как корова языком слизнула, бесследно. Вместе с мостами и бобрами. Как жили без пирсов, так и живем.

* * *

За окном стемнело. В горах тихо. Мы сидим за столом в деревенской избе, ужинаем вареной картошкой и солеными помидорами. И слушаем топольнинские истории.

– Правда, что у вас тут медведей много в лесах? – интересуюсь я у Анатолия Андреевича.

Елена Шушакова. Курайский хребет (фото В. Рыжкова, 2014 г.)

– Да попадаются. Вот недавно был случай, прямо у нас в Топольном. У одного хозяина медведь залез во двор, зарезал и съел сначала овечку. Потом через пару дней пришел туда же ночью и задавил уже ихнюю дойную корову.

Что тут делать? Пошли мужики по следам в лес, прикинули, откуда медведь приходит в село. Дальше решили его подкараулить и застрелить. Собрались: Федя Губин, наш охотник, это у него медведь овечку и корову задавил, а еще сосед его Сашка – и поехали в лес. Вдвоем, на уазике. Вечером отъехали от села и встали на лесной дороге, по которой медведь в деревню спускался. Федя свой карабин приготовил, заряженный пулей на медведя. А Сашка прожектор держал наготове, с аккумулятором. И вот стемнело в лесу, так что хоть глаз коли. Мужики тихонько сидят в машине, по сторонам смотрят, прислушиваются к лесу. И дождались, что кто-то зашумел в темноте. Замельтешило у них что-то прямо перед капотом. Тогда Федя включил фары, а Сашка врубил прожектор. Смотрят, а медведь – вот он, прямо на дороге стоит. Большой! Сашка выскочил в дверь направо и светит зверю прямо в морду. А Федя выскочил налево, чтобы стрелять, значит. Медведь сообразил и кинулся вверх по дороге бежать от них. Федя начал палить по нему. А тот мчится и оборачивается, а глаза у него горят от фар и от прожектора, как две лампочки. Палил Федя, палил, да только промазал. Два клочка шерсти на дороге осталось, а медведь сбежал в лес.

– Но напугали его? Больше не совался он в деревню?

– Если бы. На другой день хозяйка пошла во двор телят поить. В руках ведро с пойлом несла. И вдруг видит: здоровенный медведь лежит прямо посреди двора и ест ее овечку. Хозяйка ведро выронила со страху и домой кинулась. Федя! Федя! Во дворе медведь у нас лежит, вторую овечку нашу ест! Федя подскочился, схватил карабин и кинулся во двор. Смотрит: точно, медведь улегся прямо у сарая и задавленную овечку жует. Федя курок жмет, а карабин не стреляет: это Федя в спешке патроны забыл. Да чтоб тебя! Кинулся назад в дом, зарядил ружье, снова метнулся во двор. А медведь лежит на том же месте, как будто ничего не видит. Жрет себе овечку и с места не трогается. Тут уже Федя не оплошал. Застрелил медведя.

– А что с медведем такое было? Он рехнулся, что ли? Заявиться в деревню и среди бела дня овечку есть – виданное ли дело?

– Оказалось, что у него нижняя челюсть была сломана. Он не мог со сломанной челюстью в тайге охотиться. Вот и пришел в деревню домашний скот резать.

– Как же он челюсть сломал?

– А кто ж его знает? – пожимает плечами наш рассказчик.

* * *

Ночной разговор в заброшенном в глухой тайге Блинове продолжает крутиться вокруг медведей. Анатолий Андреевич вспоминает другой случай:

– Пошли мы как-то с мужиками в лес, по ягоды. Вдруг смотрим: лошадиная шкура лежит на земле, тут же кости обглоданные валяются. Свежие следы медведя натоптаны по поляне. Дело ясное – мишка лошадь задавил и съел, а лошадь-то наша, топольнинская. Поведется если медведь до мяса – будет и дальше резать местных коней, приохотится. Они ведь у нас свободно по горам ходят, без присмотра. Легкая добыча для него. Мясо еще оставалось от лошади, и мы решили, что хищник обязательно придет доедать остатки. И тогда придумали сделать в лесу засаду, подкараулить его и убить. Огляделись вокруг, выбрали подходящее место и сделали лабаз. Между двух крепких берез приладили две толстые ветки, привязали их веревками к стволам. Получилась как бы полка над землей, скрытая посреди листвы, на высоте от земли метра два с половиной. Притянули лабаз покрепче к березам и уехали домой. Вечером собрались на охоту и на тракторе «Беларусь» поехали в гору. Федька Губин карабин свой взял. Я

прихватил прожектор с аккумулятором. А Сашка за компанию с нами поехал, он трактором рулил.

Заехали мы в лес и метров за двести до лабаза оставили трактор. Тут Федя решил карабин свой проверить, случайно выстрелил, и попал аккурат в заднее колесо трактора. Колесо спустило. Что нам делать? Делать нечего. Поднялись мы вверх по склону, залезли втроем на лабаз и сели в засаду, ждать медведя. Ждали долго. Мы сидели тихо, не курили, не разговаривали, не шевелились. Замерзли очень. Федя карабин держал наготове, я на коленях прожектор примостил, Сашка просто так сидел, за компанию.

– А как ночь была? Хотя что-то видно вам было?

– Да если бы. Как назло, новолуние случилось. Тьма была крошечная, как у медведя в заднице. Видеть мы ничего не видели, только сидели на ветках и прислушивались. И вот когда совсем непроглядно стало в лесу, захрустело от нас где-то впереди. Мы всматриваемся сослепу – вроде что-то мельтешит впереди на поляне, примерно там, где шкура конская валяется. Я шепчу Федьке на ухо: включать прожектор? Погоди, шепчет он. А сам уже трясется от возбуждения и карабин сжимает. Сидим, замерли и слышим: медведь бродит по поляне, тухлое мясо лошади жует, чавкает. Только собрались прожектор врубать, как тут – мама дорогая! Слышим: кто-то из-за спины у нас из лесу идет. И прямо к нам, к лабазу нашему крадется сзади в темноте. А у нас ноги-то свесились с лабаза вниз, а высота-то небольшая. Мы напугались – а вдруг медведь почует нас и схватит снизу когтями за ноги? Стянет с лабаза да загрызет – ему это одна минута. И вот сидим мы бездыханно, только трясемся от страха. А прямо под нами в темноте кто-то идет медленно, ветками хрустит. Прошел *он* под лабазом на поляну и тоже принялся лошадь доедать. Тут Федя шепчет мне: включай прожектор! А сам карабин поднимает наизготовку. Я зажигаю прожектор, аж ослеп в первый момент от яркого света. И вот чуток погодя глаза привыкли к свету, и мы видим: на поляне бегают два медведя. Оба молодые, однолетки, морды в крови. Федя начал палить из карабина. Эти двое – бежать, один вправо, другой влево. Только треск по тайге раздавался.

– И что, попал по ним Федя?

– А мы-то почему знали? Он мог их ранить, а если они раненные, запросто могли кинуться на нас и порвать. Ночью же не видно ничего. Посидели мы послушали лес – одна тишина вокруг. Аккумулятор скоро сел, и мы остались в темноте. Слезать с лабаза нам боязно было. Так и просидели на ветках до самого утра, как птицы, чуть не околели от холода. Утром, как чуть светло стало, слезли мы тихонько с лабаза, пошли осторожно на поляну: посмотреть следы. И опять – клочки медвежьей шерсти нашли, а крови нет. Промазал Федя. А от медведей в кустах две просеки остались – одна налево, другая направо. Потаскились мы в деревню – за запасным колесом для трактора.

– Ну хоть ягоды-то набрали?

– Ягоды? Какой ягоды? А! Ну да, все началось с того, что мы за черникой в лес пошли. Хотели черники домой нарвать. Только не было ее в тот год, черники-то. Неурожай случился...

* * *

– Тут недалеко от Топольного несколько лет назад турбазу построили, «Лесная сказка» называется. Так там тоже был случай с медведем, – продолжает свои нескончаемые истории Анатолий Андреевич.

Мы досыта наелись картошки и теперь пьем крепкий чай, заедая его белым деревенским хлебом и домашним малиновым вареньем. В темное окно избы бьются с улицы мохнатые ночные бабочки, привлеченные светом из комнаты.

– Туристы бывают разные: кто-то спокойно с детьми отдыхает, кто-то рыбачит с утра до вечера, а кто-то напьется и начинает куролесить. Приехали как-то на «Лесную сказку» мужики

с Кузбасса отдыхать. На дорогих джипах. Конечно, пили каждый день, а на турбазе жил медведь. Точнее, сначала нашли в лесу двух медвежат и посадили их в клетку. Их медведица бросила или не знаю что. После одного из них кому-то отдали, не знаю куда. А второй вырос в большого медведя и сидел в клетке для развлечения туристов. Ясное дело, все ходили к клетке медведя смотреть. Он спокойный был, туристы его подкармливали. Некоторые, бывало, что и баловались – пива ему давали, даже водки. И вот в один день те кузбассовцы напились и решили поглядеть, как медведь поросенка съест. Купили в Топольном маленького поросенка, притащили на базу. Принесли его к клетке с медведем и запустили внутрь. Поросенок напугался, бегаёт по клетке, визжит тоненьким голоском, а медведь смотрит на него – не поймет, что к чему.

– Вот же дебилы. – Мы осуждающе качаем головами.

– Да не говорите, – смеется рассказчик. – И вот поднялся весь этот визг, суета. Народ с базы собрался вокруг клетки, глазееет. Женщины ругаются, жалеют бедного поросенка, детей от клетки отгоняют. А мужики ждут, когда медведь начнет порося есть, а он все не ест и не ест. Сел только в своем углу и смотрит, как свинья по клетке бегаёт и визжит. Так прождали кузбасские напрасно до самой ночи и, недовольные, ушли спать. Решили, что не хочет медведь *на людях* порося давить, что ночью его задавит и сожрет.

Мы пьем чай и ждем продолжения. Зная кузбасских мужиков, мы не удивились такой их затее.

– Утром приходят кузбасские затейники к клетке, тяжелые с похмелья. И видят, что медведь спит в дальнем углу на соломе. А в его конуре спит поросенок. И только розовый пяточок наружу высунул.

– Ничего себе. Выгнал медведя из его собственного домика?

– Выходит, что так. Мужики сели у клетки, стали соображать, что дальше делать. Один вспомнил, что медведи сладкое страшно любят. Решили вынуть порося, измазать в сладком и обратно к медведю подсадить – тогда тот точно позарится и сожрет приманку. Вынули поросенка наружу, пошли в магазин искать сладкое. Тот визжит в руках, чувствует недоброе.

– Вот же принес вам черт таких идиотов.

– Согласен. В магазине мужики купили пять банок сгущенки и три бутылки водки. Вернулись к клетке с медведем. Стали пить водку, открыли сгущенку. Облили-обмазали ею всего порося с ног до головы. И снова сунули его в клетку. Выпили еще водки, расселись вокруг ждать.

– И что, позарился мишка на сладкую сгущенку?

– Нет. Отошел только в другой угол и спать лег. Так и проторчали у клетки мужики напрасно полдня, пока не стемнело. Ушли опять ни с чем. Злые и пьяные. Наутро приходят – все та же картина. Медведь спит в одном углу, поросенок в другом. Только грязный весь – мусор, солома вперемешку с грязью с пола клетки к сгущенке прилипли, даже смотреть противно. Как ни старались хулиганы, не притронулся мишка к поросенку.

– И чем кончилось все дело?

– Да чем? Вытащили мужики порося, отмыли дочиста, закололи, изжарили и сами съели.

– А медведь что? Почему не стал питаться поросем?

– Так они же – как люди. Все разные. Этот вот не стал животину давить.

* * *

– Говорят, рыбалка у вас на Ануе отличная?

Мы продолжаем чаевничать в Елиново. Наш дом давно окружила прохладная и темная летняя ночь. Мы приоткрыли окно и в избу вошли прохлада и тихий шум речки.

– Да, рыбачить можно. По Аную ловим хариуса, по притокам ходим. Иногда и на Баше-лак поднимаемся, на озеро. Был у нас случай там в прошлом году, – принимается Анатолий Андреевич за новую историю. – Решили мы на Потайное озеро поехать, на хребет, хариуса наловить. Его там много, хоть и некрупный. Собрались ехать с Федей Губиным, ну вы уже его знаете, который охотник. Только вот сами мы с Федей рыбачим средне, а в Топольном есть Петька – рыбак. Вот тот мастер! Только пьющий сильно. Пошли мы к нему с Федей, на рыбалку с нами звать. Приходим и говорим: «Петро, едем с нами на Потайное, хариуса ловить!». А он ни в какую: «Да ну говорит, вас, далеко ехать, неохота мне. Я и в Ануе его наловлю, сколько мне надо». Тогда я ему говорю: «А у меня самогон с собой есть». Тут он сразу согласился, говорит нам: «Тогда поехали!»

– Был у тебя аргумент с собой, – смеемся мы.

– Точно. Ну что, заседлались мы по-быстрому и выехали. Петро свои снасти прихватил, лодку резиновую, сети. К вечеру поднялись на Башелак и сразу пошли на озеро рыбачить. Только ветер тогда поднялся, рябь пошла по воде. Рыба вниз ушла, на глубину. Ни клева нам, ни рыбы. Петя старался и понемногу тянул в себя самогонку. Помучились мы с удочками пона-прасну и решили сеть поставить. Надули лодку, выплыли на озеро, поставили сеть. Вернулись на берег, палатку умостили среди камней, чай заварили, сели есть-пить. Ну и самогонку, конечно, не забывали. К ночи вышли на озеро, вынули сеть – сорок хариусов. Уже кое-что. Решили поставить сеть на ночь и переночевать на озере, а с утра еще порыбачить. Уже перед сном допили весь самогон, что оставался. И ушли в палатку.

– Не тесно вам было в палатке? Втроем-то.

– Вот в том-то и все дело. Мы спяну не заметили, что в палатку вдвоем пришли. С Федей Губиным. Так и уснули. Вдвоем-то в трехместной палатке просторно.

– Как же вы так? А Петро? Вы его бросили, что ли? Потеряли? Там же холод страшный ночью, на такой высоте.

– Потеряли спяну, – признается наш рассказчик. – Утром на рассвете проснулись – нету с нами Петра, а на улице мороз. Палатка снаружи инеем вся обмерзла. Ну, мы перепугались, конечно. А вдруг замерз ночью наш Петька? Что мы жене скажем, как детям в глаза посмотрим? Выскочили наружу искать Петруху. И видим: лежит Петя прямо в костре на животе и только ноги в сапогах в разные стороны раскинул.

– Неужели сгорел?

– Слава богу, не сгорел. Он так с вечера напился, что до палатки дойти не мог. Тогда пришел к костру, угли в стороны раскидал, а сам улегся на костровище лицом, чтобы ночью не замерзнуть. Костер землю-то сильно прогревает, считай, всю ночь земля под ним теплая. Так и проспал всю ночь, и мороз ему нипочем.

– Видно, крепкая была твоя самогонка, – смеемся мы.

– Крепкая: мы все трое без памяти от нее были. Подняли мы Петю из костра, лицо ему обтерли тряпкой и говорим: «Пошли, Петя, дальше рыбачить». А он все еще пьяный, стоит и шатается. Смотрит на нас красными глазами. Только и смог спросить: «А есть еще самогонка?» Мы говорим: «Нет, больше нету самогонки. Всю вчера выпили». Тогда он говорит: «Ну, тогда я домой поехал». А сам еле живой. Ну, что тут делать? Он же упрямый. Затащили мы его в седло, еле как усадили, сунули повод в руку. И потащился Петя вниз под гору. Похож он был на всадника без головы: руки висят плетями, голова на грудь упала, сзади и не видно ее, головы-то. Мы с Федей стояли и смотрели вслед – не свалится ли Петя с лошади? Так и смотрели, пока не скрылся он.

– И что, доехал он с хребта до дома?

– Доехал, чего ему сделается!

Анатолий Андреевич заспешил домой. Поздно уже, глубокая ночь, дома заждались родные. Мы проводили его на крыльцо. Ни звука, ни огонька вокруг, тайга давно уснула. Наш топольнинский хозяин завел свою старенькую «Волгу» и медленно выехал в темноту низким берегом Щепеты.

Шинок и его водопады

Вблизи Денисовой пещеры в Ануй впадает левый его приток – речка Шинок, на которой теперь устроен государственный заказник, призванный защищать местную природу, в том числе известный каскад водопадов на самом Шинке. Заказник охватывает как долину Шинка, так и его верховья – обширные высокогорные плато наверху Бащелакского хребта, вершины которого достигают 2400 м над уровнем моря.

Мне довелось побывать на водопадах Шинка дважды, оба раза летом. Первый раз мы поднялись к водопадам обычной туристической тропой, которая проложена от Ануйского тракта вдоль речки и все время идет густым лесом. Каньон Шинка очень живописен: по сторонам речки стоят высокие неприступные скалы, вдоль русла полно дикой ягоды – смородины, малины, жимолости. По-алтайски Шинок как раз означает «обрывистый», «неприступный» – такой он и есть. Час-полтора неспешного подъема от дороги – и в густом лесу виднеется и шумит первый водопад каскада.

Этот самый нижний водопад называется Скаты. Он и не водопад, собственно, а именно водоскат – вода шумно сбегает вниз по широкому каменистому ложу, общей высотой двух ступеней почти в 20 м. Водоскат похож на горки в аквапарках: так и тянет скатиться по нему вниз, поднимая брызги и мотаясь от одного борта извилистой каменной ванны к другому.

Еще полчаса подъема правым берегом Шинка, и тропа выводит нас на нижнюю площадку второго водопада – Рассыпного. Его звонкий шум слышен издали. Кругом густо стоит лес. Перед нами возникает мелкое прозрачное озерцо, окруженное тесно стоящими деревьями, блики от неглубокой воды играют на разноцветных камушках дна. Высоко над противоположным от нас краем озерка вода с шумом вырывается из узкой расщелины меж двух скал и валится в озерцо с 25-метровой высоты. Водопад книзу расширяется и выглядит как серебристая борода циклопического горного идола. Бородачища идола рассыпается на мириады сверкающих брызг, потому поток и называется Рассыпной. Это уже настоящий водопад: вода свободно падает вниз, не встречая препятствий.

Продолжаем свой путь, взбираясь крутой тропой на полку, с которой падает водопад Рассыпной, слева от него, правым берегом Шинка. Наверху видим тихую речку, лениво крадущуюся меж камней к прорывной расщелине Рассыпного. Тропа уходит дальше полого вверх, лес постепенно редет, и вскоре мы видим издали третий, самый большой, шинокский водопад. Вода в него срывается с верхнего горного плато узкой ярко-белой лентой, оттого и название водопада – Седой. Туристы прозвали его Большой или Жираф, за длину и узость шеи водопада. Высота падения воды 70 м. Ледяная вода поступает с болотистого плато на вершине Бащелакского хребта, собравшего по весне талые снежные и ледяные воды, устремляющиеся теперь вниз, к Аную.

За долгое затяжное падение с верхнего плато вода Шинка набирает большую силу и мощно бьет в каменистое ложе, в самом низу отвесного скального обрыва. Здесь от этого беспрерывного битья образовалась глубокая ванна, в которую мы и лезем, несмотря на страшную температуру воды, близкую к температуре льда. Над водобойной ванной Седого стоит облаком холодная водяная взвесь, мы мокнем и ежимся, ошпаренные студеной стеной воды, и немедленно выскакиваем обратно – греться на влажном берегу. Скалы справа и слева от водопада покрыты ярко-зеленым мхом и совершенно неприступны...

В другой раз мы подобрались к водопадам Шинка совсем с другой стороны, пока что мало известной туристам.

Выше по течению Ануй (от базы археологов), километрах в двух по тракту слева в Ануй впадает река Каракол (*темная или черная вода*, один из распространенных тюркских топо-

нимов Алтая). Через Ануй здесь переброшен мост и в долину Каракола уходит проселочная дорога. Каракол берет свое начало все на том же Башчелакском хребте. За узким выходом притока к Аную долина Каракола сильно расширяется, образуя треугольную горную равнину, со всех сторон защищенную горами, тихую и обильную, с полями, лугами и лесами. В центре долины располагается небольшое село Каракол, дальше за ним долина упирается в мощный Башчелакский хребет, со снежниками и каменными гольцами наверху.

Близ впадения речки Каракол в Ануй сохранились залитые желтой водой глубокие котлованы – здесь работала и мыла речное рассыпное золото частная артель старателей.

От тихого села Каракол, оставив в нем машину, мы стали подниматься пешком на север вдоль чистого ручья меж высоких лиственниц на перевал, разделяющий ущелья рек Каракол и Шинок. На самой вершине перевала росла одинокая лиственница, у которой было устроено удобное костровище и близ которой брал начало ручей.

Подъем на перевал оказался долгим и затяжным, некоторые из нас устали и выбились из сил, поэтому решили отказаться от похода на водопады и остались ждать у лиственницы, тем более что день выдался тихий и солнечный и с перевала открывался великолепный вид на всю долину Каракола, а за ней на заснеженные круглые гольцы Башчелака. Мы же продолжили путь и скоро оказались на крутом спуске к Шинку, на сложной тропе среди скал и леса. Тропа вывела нас прямо к верху Рассыпного водопада, откуда мы сходили вверх к Седому, и после спустились к веселым Скатам. После чего, осмотрев таким образом весь каскад водопадов Шинка, вернулись на перевал, к одинокой лиственнице, где нас терпеливо поджидали наши спутники. Дорога через Каракол оказалась, конечно, более сложной, но при этом и более живописной, чем расхожая лесистая тропа низом долины Шинка...

В окрестностях Денисовой пещеры обнаружено множество пещер и гротов. Спелеологи любят эти места, многие пещеры глубоки и протяженны, имеют сложную структуру, немалая часть из них до сих пор мало исследована, а то и вовсе ждет своих первопроходцев.

Одна из таких знаменитых пещер, Разбойничья, находится неподалеку от деревни Каракол. В ней археологи нашли множество останков древних животных, в том числе и череп *самой* древней в мире *собаки* возрастом 33 тыс. лет.

Мы отправились в Разбойничью пещеру от Денисовой жарким летним днем. Сначала недолго ехали на высокопроходимом автобусе УАЗ, пока лесную дорогу не перегородила высокая изгородь маральника и мы, оставив машину, не продолжили путь пешком. Перелезли через широкие, из гладких жердей, ворота маральника, не распахивая их, и оказались на солнечном лугу с высокой травой. Стояла жара, воздух звенел от стрекота насекомых, глаза слепило яркое солнце.

– Далеко идти-то? – спрашиваю я нашего неизменного провожатого, Сергея Юрьевича, учителя истории из Бийска, который каждое лето, уже многие годы, живет на Денисовой пещере и помогает ученым, а также проводит экскурсии для гостей и туристов. На его голове ковбойская шляпа, лицо покрыто темным загаром пионера-первопроходца. Сергей Юрьевич, преподаватель Бийского лицея-интерната, натуральный Индиана Джонс реки Ануй и ее окрестностей.

– Да нет, всего-то три полета стрелы! Недалеко! – белозубо смеется он.

– За хребтиком? – смеюсь я в ответ и машу рукой вверх и вправо, куда уходит крутой лесистый склон.

– Ага, за хребтиком, – хохочет он.

Лезем в гору, обливаясь горячим потом. Гора большая и крутая, карабкаемся на нее долго. Наверху выходим на перевал, узкий скалистый гребень горного отрога, по гребню растут большие лиственницы, ухватившиеся корнями за скалы. Переваливаем гребень и спускаемся наискосок, в направлении пещеры. Вспугиваем в лесу маралуху, лежавшую впереди под

деревом. Она бесшумно встает и плавно уходит меж стволов влево и вверх, скоро сливаясь с лесом и растворяясь в нем.

Вход в Разбойничью высокий и узкий, изогнутый, как вытянутый от ужаса рот на картине Мунка «Крик». Площадка перед входом лысая, трава вытоптана людьми. Видны следы работы археологов – пятно от хозяйственной палатки, отвалы породы, набитые тропы в лесу.

Лезем вслед за Юрьичем в пещеру, где нас сразу после душной жары обхватывают со всех сторон сырость и прохлада. Мы еще сильнее покрываемся потом – от влажности пещерной атмосферы и проделанных на горе физических усилий.

Нас немедленно обступает полная тьма, мы включаем фонари, закрепленные резинками на лбах, и видим, что стены пещеры черные и грязные. Начинаем спуск тоннелем пещеры, диаметром примерно с тоннель метро, пол этой скалистой трубы покрыт толстой влажной грязью, ноги скользят. Спуск очень крутой, поэтому на полу брошена толстая стальная проволока, за которую приходится держаться как на спуске, так и на подъеме. Проволока холодная и мокрая, рука скользит по жирной грязевой смазке.

– Это природный скотомогильник, – откуда-то из темноты и снизу слышим мы голос Юрьича.

– Как это могильник? – сопим мы, скользя вниз.

Блики от фонарей мотаются по стенам пещеры.

– Там внизу в конце спуска, на самом дне пещеры, скопился толстый слой останков древних животных. Только представьте себе, как дело было! Заходил зверь в пещеру, спасаясь от жары или от гнуса, или от хищника и спускался вниз. Думал – отдохнет в пещере и выйдет обратно. А выйти-то назад не мог! Скатывался вниз все время! Скользил! Бот и подышал там от голода! Так и набрались-накопились звериные останки за многие тысячи лет! А теперь археологи раскапывают их. И оказалось, что здесь самый настоящий клад древних останков! Музей естественной истории мира – в одной отдельно взятой пещере!

Нам становится не по себе. Сыро, влажно, крошечная тьма, да еще и сгнившие останки зверья внизу, на самом дне пещеры. Мы морщимся и брезгуем. Нам начинает казаться, что мокрая грязь под ногами и руками на самом деле не грязь вовсе, а гниющие кровь и жилы зверей, что рука, тискающая мокрый провод, вот-вот наткнется на чей-то полусгнивший череп или на холодную кость. Бррр...

– Что, страшно? – демонически хохочет в темноте Юрьич.

Он уже внизу, его сапоги плотоядно чавкают по мягкой органике тонущего во мраке днища пещеры. Скоро и мы попадаем на дно Разбойничьей. Нам жутко, но и интересно.

Светим фонариками назад на крутой подъем, уходящий во тьму к уже не видимому отсюда выходу. Нет, отсюда без веревки точно не выбраться! Скотомогильник он и есть скотомогильник – дело ясное!

От дна пещеры, куда-то в глубь горы, уходит неширокий черный коридор. Юрьич исчезает в нем, на его шляпу льется струйка воды с низкого потолка. Мы тащимся вслед за проводником.

Какое-то время лезем узким проходом, ударяясь боками о скальные выступы. Вдруг Юрьич впереди меня наклоняется и ныряет как в канализационный люк в какую-то дыру прямо в полу тесного коридора. Его голова исчезает в дыре, свет его фонаря гаснет, коридор окутывается тьмой.

Делать нечего, догоняю и ныряю за ним. Крайне неприятное чувство. Что там внизу, в дыре, мне не видно, крошечная тьма. Ноги висят в пустоте, ища опоры. Дыра узкая, кажется, что камень дыры сдавливает мне грудь, не дает дышать. А ну как не вылезу назад? А ну как застряну тут? А ну как задохнусь? – стучатся в мозгах трусливые мысли.

Деваться мне некуда, выбора у меня нет, и я протискиваюсь в дыру глубже, нащупываю носками ног невидимую твердь, ухаю туда, задержав дыхание, и спустя мгновение после паде-

ния оказываюсь в странном месте. Где-то сбоку и ниже узкого верхнего коридора в недрах горы открывается вдруг огромный гулкий зал, широкий и высокий, с наклонным скалистым полом и таким же наклонным, падающим из недр горы потолком. На этом самом каменном полу стоит теперь Юрьич и светит вверх фонариком. Свет слабого фонаря едва достает до потолка зала. Сбоку и сверху от меня чернеет дыра скалистого люка, через который в зал, один за другим, падают мои приятели, такие же ошалевшие, как и я.

Здесь, в огромном подземном зале, у людей возникает чудное ощущение. Куда-то пропадает понимание верха и низа, вертикали и горизонтали. Невозможно теперь разобрать, где здесь вход и где выход, где верх и где низ, где право и где лево. Со всех сторон нас обнимает вечный мрак подземелья. Кажется, что мы или висим вверх ногами, как в открытом космосе, или стоим как-то сильно боком, но при этом отчего-то не падаем. Все выглядит почти как в фильме Стенли Кубрика «Космическая Одиссея», на межпланетной станции. Видится, что все мы стоим – или висим, под разными углами, а Юрьич прицепился подошвами к скале даже как-то отчасти вниз головой, как долговзая летучая мышь в присобаченной к шишкастой голове ковбойской шляпе.

Мы одеревенели и впали в дрему. Лучи наших фонариков светят куда попало, тая в темноте зала. В скошенной книзу горной полости душно и влажно дышится. Один только Юрьич деловит и сноровист. Он уже осторожно, оставаясь сильно наклоненным одновременно вбок и вниз, вышагивает по покатоному скальнику куда-то, наверное к невидимому поддону зала, где вновь суется в какую-то дыру. Мы с разных концов зала тащимся за ним, головы у нас натурально идут кругом. Нас шатает, вокруг нас кружатся пятна света и призраки.

Лезем во вторую дыру, куда-то наискосок, и оказываемся в очередном темном коридоре. От него в стороны расходятся черные тесные ходы – еще, еще и еще. Юрьич куда-то волочит нас в темноте и скоро выводит обратно на высокий скользкий подъем, к главному входу. Наконец мы выбираемся, хватаясь за стальной провод, на поляну у входа в Разбойничью, выбегаем из мрака пещеры на яркое солнце, в спасительную жару дня. Крик птиц в лесу после беззвучных тьмы и холода пещеры кажется нам оглушительным. А глаза не могут разлепить веки – так ослепляет нас солнце летнего дня!

Легенда о Белой Даме

Где горы – там и истории. Во всяком месте, где живут люди, и особенно люди образованные и наделенные фантазией, да еще и снабженные полезными напитками, обязательно заводятся легенды и сказки, различного толка поверия и суеверия. А уж в таких особенных местах, как легендарная и таинственная сама по себе Денисова пещера, легенды и сказки заводятся во множестве и подавно!

Первейший тут рассказчик – все тот же наш Сергей Юрьевич. Умеет он напустить жути и тумана на бедного туриста, ничего не скажешь!

Антураж для напущения жути в этот раз избран им самый подходящий. Мы сидим вечером у костра на берегу Ануя, ниже большой поляны с гостевыми домиками и столовой, совсем близко к реке. Над нами серебрятся и бликуют красными всполохами от костра длинные листки прибрежных ив. Ануй тихо несется в ночи, от его воды волнами набегают прохлады, мы ежимся и надеваем теплые свитера. В котелке заваривается темно-янтарный чай. Небо усыпано яркими звездами, местами над рекой собираются и накрывают прибрежные кусты серебристые платки приречного тумана.

Юрьич сидит с нами у костра в своей сдвинутой на затылок ковбойской шляпе и рассказывает историю за историей про горячо им любимую Дениску (так здесь, по-простому, зовут Денисову пещеру). Его глаза блестят, большие губы то и дело растягиваются в добродушную улыбку.

Когда язык холодного тумана, как погребальный саван, касается из глубины ночи наших спин, вызывая дрожь во всех конечностях и мурашки по коже, Юрьич, умело избрав именно этот момент, интересуется, как бы в воздух:

– Вы, конечно, слышали местную легенду про *Белую Даму*?

– Нет! Нет! Не слышали! – напрашиваемся мы на рассказ. И конечно, тут же его получаем.

Юрьич ведет рассказ неспешно, отхлебывает чай из серебристой термокружки, наслаждается каждым прозвучавшим в ночи своим словом. Видно, что это его самая любимая история, притом самым им откопанная, тщательно выделанная и разукрашенная, история совершенно авторская. Он походит на Гомера, самолично декламирующего публике Одиссею или Илиаду.

– Все, что я вам расскажу, произошло на самом деле. Я ведь соответствующие документы самолично разыскал в Бийском архиве. Они достоверно подтверждают многие факты. Я же учитель истории в Бийске, учу с осени по весну! Детишек в школе образовываю! И в архивы в Бийске часто захожу, работаю в них. А летом каждый год здесь – на Дениске. Помогаю!

Мы молчим, ждем продолжения. Негромко шумит рядом спокойный Ануй.

– Вся эта история развернулась в Гражданскую войну. Тогда на Алтае большие были бои: красные, белые, зеленые – всех хватало, резня шла страшная... Тогда-то и объявилась на Алтае, здесь, на Ануе, дворянка Ксения, рассказывают, что из самого Санкт-Петербурга! Молодая, красивая, благородная. Бежала из столицы с матерью и маленьким братом, спасаясь от революции. Сначала все трое находились при войске Колчака, под его защитой. С ними и отходили, отступали на восток, с ними и оказались в наших Алтайских горах. Мать Ксении от всех испытаний и лишений сильно заболела, слегла. В это время они случаем очутились в Топольном, вы его проезжали, это село, ниже по Аную отсюда. Болезнь матери задержала их надолго в Топольном, когда уже ушли колчаковские войска. И вот жил в ту пору в Топольном зажиточный крестьянин, можно сказать, кулак, некто Жихарев. Очень ему приглянулась тонкая и образованная дворянка Ксения, но не для себя, а для младшего сына, которому как раз пора подошла жениться. Подумалось кулаку Жихареву так: отчего бы не взять молодую, красивую, пригожую и высококультурную Ксению женою за сына? Тем более денег у приезжих

ни гроша, еду и ту берут у сердобольных соседей. А Жихаревы – хозяева крепкие, обильные! Чем не выгодный брак?

Юрьич глядит на нас испытующе. Мы киваем – понятно, что дело выгодное было и для Жихаревых, да и для самой Ксении, если хорошенько поразмыслить! Не помирать же ей, с братом и больной матерью на руках, с голоду! Жихаревы же хозяева хоть куда! Дом крепкий, двор просторный, скота преобильно! За Жихаревыми не пропадешь, не отощаешь! А насчет Топольного – так ведь и в Топольном хорошие люди живут, да еще как живут и поживают!

– Была, однако ж, одна небольшая загвоздка, – продолжает свой рассказ Юрьич. – У младшего-то Жихарева, сынка евонного то есть, уже имелась невеста, сосватанная прежде того из местных, и притом тоже раскрасавица и очень сильно его любившая. Но – воля отца! – и явился наследник свататься к Ксении-дворянке. А тут еще у Ксении мать как раз померла, отмучилась, бедная. Остались они вдвоем с братиком-мальчон-кой. Одни на всем белом свете! И без гроша за душой, горемычные...

Юрьич останавливается, переводит дух.

– Ну так и что, обженился младший Жихарев на дворянке-то из столицы? – не терпится нам узнать продолжение давней истории.

Юрьич смотрит на нас с укором – куда гоните, лешие? Над Ануем сгущается ночь, все заметнее холодает. Река мерно шумит рядом с нами, за темными влажными кустами. Юрьич запахивает на груди теплую куртку и продолжает:

– Так вот, жихаревская отвергнутая невеста-красавица не стала долго реветь да причитать. Решила действовать. И постановила она побороться да поцепляться за свою несчастную-разнесчастную любовь! Вернуть себе жениха то есть! Возрастом она была аккурат как Ксения, лет двадцати, характеру легкого, как и столичная барышня. Они быстро сошлись с Ксенией и по-девичьи крепко подружились. Сердечных тайн промежду ними не было никаких. И конечно, Ксения-то дворянка призналась подруге, что совсем не люб ей младший Жихарев, а та – что, напротив, души в нем не чает. И что просватаны они были уже принародно, да вот теперь...

– Вот как! – восклицаем мы.

Наши дамы слушают с особенным любопытством. Чья возьмет? Кому же именно достанется младший Жихарев, со всем богатым жихаревским наследством-хозяйством? Что станет с Ксенией? Что будет с ее топольнинской подругой? Что одолеет – любовь или расчет? Что возьмет верх – воля любящих сердец или же злая воля папаши-миroeда Жихарева?

– И вот тогда топольнинская невеста (имя я ее запомнил) придумала хитроумный план. Предложила она Ксении вдвоем с младшим братиком тайно бежать из Топольного, и сделать это именно в субботу, когда все топольнинские мужики, по обыкновению, перепьются после бани, уснут и, пьяные, не успеют их догнать и выловить. Дорога-то здесь одна всего – по Ануу! Вот эта, – машет рукой за речку в темноту Юрьич. – Вот и следовало беглецам оторваться от погони подальше. – Юрьич тычет пальцем в сторону Ануя, за которым, за деревьями на другом берегу, как раз медленно движутся в густом тумане фонари какой-то приبلудной ночной машины. – Так они и сделали! Надеялись за ночь добраться, пока топольнинские мужики не проснутся, вверх до Черного Ануя, где уже одни только алтайцы живут, и там спрятаться от погони у добрых людей. Оттуда Жихарев нипочем не смог бы их, против их же воли, утащить. Спаслись бы тогда у черноануйцев Ксения с братиком. А дальше – свобода! – езжай куда пожелаешь! А топольнинская невеста заполучила бы своего возлюбленного Жихарева-младшего обратно, в законные и любимые мужья! Вот таков был их план!

В сгустившейся ночи, в кустах, тихо струится Ануй. В лесу три раза тревожно крикнула и враз замолкла лесная птица. Мы примолкли и ждем продолжения.

– В ту субботу в Топольном, по обыкновению, были бани, а была, забыл сказать, зима, а именно февраль. День был короткий, ночь длинная. Когда мужики после бани разошлись по

избам и напились, а далее завалились спать, Ксения с братиком тихонько собрались, оделись потеплее, прихватили узлы с вещами и ушли из дома. Невеста Жихарева-младшего сторожила их от случайной неудачи и проводила до самого верхнего края села. Обнялись на прощание, расплакались – расходились-то навсегда, выходит! Темно уже было, поздний вечер, мела сильная метель, вот так они благословились, расцеловались с невестой и выдвинулись вдвоем с братиком в кромешную лютую ночь...

Мы ежимся у костра. Белый саван тумана уже накрыл плотно весь Ануй, из ватного тела тумана выступают к нам, а потом медленно отходят назад, в ночную мглу, смутные темные фигуры. То ли лесные духи, то ли тени деревьев бродят вокруг нашего полуугасшего костра. Мы подбрасываем поверху углей сучьев, огонь понемногу разгорается, ненамного раздвигая туман в стороны.

– Взяли они в ту лютую ночь с братиком двух жихаревских рабочих меринов, заседланных. Точнее, это подруга-невеста им лошадей незаметно снарядила. На них и поехали, помолясь.

Да вот только, может, из-за сильной метели, а ведь мело в ту ночь так, что дороги и видно-то не было совсем, но ехали они очень медленно! Так ведь еще и темнотища! Не видно было ни зги! Ни гор, ни дороги, ни кустов! А может, еще и из-за неумения обращаться с конями так тянулись в ту ночь Ксения с братиком!.. А может, что и дорогу тогда сильно им перемело – здесь бывает такое многоснежными зимами! Но только через какое-то время посреди ночи застряли они с братиком окончательно в горах, одни, аккурат здесь, у Денисовой пещеры...

Нам натурально становится жутко, мы затаили дыхание. Ужасная картина метельной февральской ночи в этом диком месте, где не было тогда ни археологов, ни нормальной дороги, ни единой души, стоит перед нами как живая. Тьма, завывает метель, кругом черным-черно, снег слепит глаза, сечет щеки. Лошади дрожат от холода и испуга, они облеплены снегом, на них притулились сверху фигурки до смерти напуганных и замерзших хрупкой девушки и маленького мальчика, вокруг не видно ни куста, ни деревца, только завывает ветер, ветер распелся, как стая голодных волков... Кругом рыскают хищники, ухают филины, шумит на ветру страшный невидимый лес...

Юрьич еще больше нагнетает на нас страху, понижая голос и устраивая все более длинные паузы между фразами.

– Покуда Ксения с братиком тут застряли, выбитые из сил, заплутавшие в ночи, аккурат напротив Денисовой пещеры, в Топольном обнаружилась их пропажа, и мужики, пьяные да с похмелья, кинулись за ними в погоню. Злые были чертовски, пьяные, озверели они натурально насчет этого дерзкого побега! Да и время такое тогда было, что самое зверское поднималось в нашем народе. Брат на брата, сын на отца с пулеметами напирали...

Настигли они, короче, Ксению с братиком прямо в этом месте, бросились к ним гурьбой, черные, страшные, напуганные, с выпученными глазами, со звериными криками... Братика сразу зарубили саблями – прямо на глазах у сестры! А несчастную Ксению сволокли с коня, связали конскими веревками и затащили узким лазом в Денисову пещеру. Там бросили ее в темном углу, как овцу на убой. Сами где-то неподалеку от пещеры завалились спать, впотьмах, в пастушеской избушке, чтобы, значит, дожидаться утра, проспаться и там везти Ксению назад, в Топольное...

Вот так дела! Мы осознаем, какая страшная трагедия разыгралась тогда, вот на этом самом безмятежном берегу, с Ксенией и ее братиком. На этом самом мирном берегу, под которым сейчас в темной прозрачной воде Ануй спрятался за камень и дремлет себе, в ус не дую, серебристый хариус, лениво поматывая во сне полупрозрачным плавником.

– Настал морозный рассвет. Метель к утру стихла, вышло наружу ясное и морозное утро. Белый иней засверкал по ивам. Все окрест по долине Ануй засияло, загорелось солнечным огнем. Округлились по берегам свежие сугробы, все, если и были, следы людей и коней оказа-

лись заметены. Проснулись мужички с тяжелыми головами, обтерли снегом бородатые, отекавшие от водки рожи и двинулись всей оравой, в пещеру. Братика мертвого, окровавленного, порубленного, уже посиневшего и окоченевшего, куда-то сбросили – в тесную лощину, волкам да стервятникам. Когда же влезли в пещеру, то увидели, что Ксении там нет, одни только веревки валяются на земле, притом целые, неразрезанные! А ведь вязали ее ночью крепко, хитрыми таежными узлами! Стояли мужички, с большими похмельными головами, разинув рты. Ни тела ее, ни следов – ничего, сколько ни шарили вокруг!

– Да куда же она делась? Смогла развязаться в состоянии аффекта? Убежала в Черный Ануй? Спаслась? Дальше в Монголию, в Синыцзян утекла? Или за братиком вернулась, за его телом, чтобы схоронить? – торопим мы ответ.

– А вы не спешите! Слушайте лучше, что дальше было! Ушли, стало быть, мужички-разбойнички ни с чем. Решили меж собой, что опять сбежала, да после где-то в горах насмерть замерзла, сгинула навеки Ксения. И что все следы ее теперь безнадежно позамело и понакрыло февральскими снегами. И что само ее хрупкое тело схоронено высокими сугробами. Что, может, по весне и оттаяет, найдется где в горах обглоданная зверями девичья фигурка. И тошно же и мутно было у мужичков в их черных душах тем ясным утром! Ребенка невинного саблями порубали! Сестру его невесту насмерть беспричинно замучили! Тяжкий грех на топольнинских староверов лег тогда! Непорочных людей погубили, ребенка малого – не шутка это! Вернулись в Топольное мужички и никому ничего не рассказали. Уехали, мол, городские, и дело с концом. Дальше прошло еще немного времени, и подались Жихаревы, отец и сын, да и все мужички, что гнали и рубили Ксению с братиком, в белые партизаны. Собрали они немаленькую банду. И свирепо воевали против красных по всему Аную, да вот только дела у них шли все хуже и хуже. И вот в один из дней красные вышибли их из родного Топольного и загнали их, во главе с самим Жихаревым-старшим, на речку Шинок – в скалы да в каньоны. Был в той банде и Жихарев-младший. Там на Шинке и засели топольнинские мужички крепко-накрепко, так что не вышибить их оттуда было никак. Я вам на Шинке одно место показывал, где тропа совсем к скалам прижимается, и никак это место не обойти стороной. А дальше по тропе высокий бугор, с которого все вниз видно, каждый кустик в ущелье, каждую травинку. Там и поставлен был бандой Жихарева смертоносный пулемет «Максим», с полной лентой патронов. И как ни совались этой тропой красные, сек их пулеметный огонь, губил понапрасну людей, а пройти там красным было никак невозможно! Так и толкались красноармейцы много дней по Шинку, теряя да хороня товарищей без всякого толку. И вдруг, одной темной глухой ночью, когда красные совсем уже отбросили веру в изгнание жихаревцев с Шинки, вышла к костру прямо из глухого леса красивая бледная дама, вроде как из благородных, в дорогом белом шелковом платье...

– Неужели сама?! Ксения?! – вскрикиваем мы, вытаращив глаза от изумления.

Юрьич продолжает, не обращая внимания на наши глупые возгласы:

– Вышла она к бойцам прямо из глухой тайги крошечной ночью, а они уставились на диво дивное и вмиг дар речи потеряли!

– Можно себе представить! Всякий бы потерял!

– Вы, случайно, не Жихаревых ли старшего и младшего ловите? – прямо говорит им она.

– Их, подлецов, – отвечают бойцы во главе с их красным командиром.

– И что, никак? – смеется она.

– Никак! Пятерых уже потеряли! «Максим», вишь ли, у них на тропе поставлен, и у него постовой круглыми днями посажен! Не подлезешь никак, как ни бейся! Тропа-то на Шинке одна!

– Так я вам, голубчики, – говорит она, – дорогу-то покажу, как можно на них сбоку выйти, где они и не ждут вас! Пойдемте, – говорит, – только прямо сейчас! Вставайте все без промедления!

– Ночью?! Да ночью-то как же?

Именно что ночью! Ночь была тогда, хоть глаз выколи. Да еще и на новолуние дело пришлось. А она им твердит как заговоренная – прямо сейчас, мол, идемте! Бойцы, словно заколдованные, поднялись, собрались, похватили ружья. И пошли за ней прямо в ночной лес. И красный командир идет впереди, близко за ее спиной, шаг в шаг, чтобы не потерять в темноте-то. Впереди видит только ее платье, шелковое, белое, будто прозрачное. Как затмение на них нашло какое! Какая-то бабенка, ночью, в шелковом платье, вышла из-за елки, скомандовала – и ведь потащились за ней в горы, в тайгу, с оружием! Шли тихо, в непроглядной мгле. Куда ногу ставили, не видели. Командир, за ним остальные, след в след. А перед командиром – голубое мерцание шелка в темноте. Она шла, ни разу не обернувшись, молча. Ни сучок не треснул, ни камешек под туфлей не покатылся. В дремучем-то ночном лесу! Виданное ли дело! Не медленно, не быстро шла она, а так, чтобы красноармейцы у нее за спиной были в самый раз как на веревочке привязанные! Когда на востоке только-только забрезжило самое первое в небе просветление, в самый глухой час перед рассветом, вывела *она* их, как и обещала, сбоку напрямиком к лагерю банды Жихарева! Те-то мужички спали крепко, не ожидая ничего дурного. Часовой ниже по тропе бессонно дежурил у пулемета, мужички и думали, что со всех сторон безопасно устроились. Места-то все свои, родные, известные! Кинулись красноармейцы молча, по знаку, и всех жихаревцев штыками перекололи, спящих резали, по-воровски убили всех до единого. Жихареву-старшему острый штык в горло вошел, только кровичка пошла из рта пузырями. А младшему хотели грудь проколоть, в самое горячее сердце холодной сталью попасть, да только нашли его уже мертвым, с перекошенным от ужаса лицом, всего поседевшего! Осталась, выходит, молодка топольнинская все равно во вдовах-плакальщицах. Судьба, знать, у нее такая была! Да и всей России судьба!..

Обделали красноармейцы все тихо, без крику, без шума, так что часовой на «Максиме» ничего не услышал. Потом подошли к нему, со спины, сзади, и его уже спокойно дострелили из винтовки. Так и покончили с бандой Жихарева...

– А она? Что с ней?

– Пока всех перекололи, перебили, оглянулись – ан, нет *ее* нигде! Рассвело, кругом кровичка, трупы, а *ее* и след простыл!.. Решили поискать свою ночную дорогу, сунулись в лес раз, потом другой, а там сплошь одни только скалы, бурелом, никак не протиснуться! Даже и подступиться страшно! Почесали красноармейцы в стриженных затылках: да как же это мы ночью такую лютую дорогу прочесали? Плюнули и ушли вниз, торной тропой по Шинку.

– Так кто это был-то? Неужто Ксения?

Юрьич закуривает и кивает утвердительно:

– Она! Так вот жестоко она отомстила Жихареву и его сынку за себя саму и за братика. Из тех, кто по зиме гнался за нею, кто рубил и вязал, ни один в живых не остался. Все до единого погибли лютой смертью... А Жихарев-младший от ужаса помер, когда она к нему подошла на рассвете из леса и разбудила его...

Мы жмемся к костру. Все молчат. Перед нами встают жуткие картины страшного преступления и ужасного наказания за него.

Юрьич продолжает рассказ:

– После Гражданской здесь было страшное запустение на многие годы. Мало кто ходил, ездил тогда по Ануйскому тракту. Про Ксению-дворянку в Топольном помнили, шептались, боялись, конечно, но никто ее больше не встречал. Только, говорят, перед самой войной, летом 41-го года, ходила по ночам по Аную стройная белая женщина и горько плакала. Пастухи ее видали. И всегда это случалось здесь, близ Денисовой пещеры. И вот в конце 70-х приехали на Дениску археологи, начали копать. И, ясное дело, не слыхал никто из них про *Белую Лану*... Как-то раз студенты напились, после работы и полезли, уже за полночь, в пещеру. Развели там костер, кричали, брэнчали на гитаре, пели, расшумелись очень, короче. И вдруг...

Мы замерли. Кружки с чаем повисли у нас в руках.

– Из глубины пещеры, из дальней боковой галереи, тогда полностью закрытой землей, из полной темноты, беззвучно вышла женщина в белом платье, в шелках, бледная, с огромными черными глазами. Молча вышла, совершенно бесшумно, и медленно пошла к ним. Шаг, шаг, еще шаг... Идет и смотрит на них неотрывно... Она...

– Ксения?

– Да... Студенты до смерти перепугались, вскочили, кинулись к выходу, кубарем свалились к реке. А она еще долго стояла у входа, смотрела на них сверху. Огромными черными глазами. Скорбно. И вся пещера светилась изнутри голубым светом. С тех пор у археологов железное правило – после полуночи в пещеру не заходить, особенно мужчинам, тем более выпившим! Нельзя *ее* беспокоить...

– Она что, там живет?

Легенда о Белой Даме (рисунок Д. Запылихин, 2016 г.)

– Да, я так думаю, что живет в той самой боковой галерее, которую мы сейчас раскапываем. Мерили эхолотом – конца галереи нет. Уходит глубоко в гору, есть там и большие закрытые покуда полости. Где-то в них и обитает наша *Белая /Хама*. Ее потом часто видели. Я сам лично *ее* встречал два раза. Один раз поздним вечером заработался допоздна в пещере, и она близко от меня прошла. Даже не взглянула на меня, думала о чем-то... Другой раз здесь, рядом с базой, глухой ночью бродила, берегом. Беспокойно ей, тоскливо. Ходит, братика зарубленного ищет...

Со всех сторон нас обжимают ночь, туман и холод. Теперь не видно ни звезд, ни реки, ни ив над головами, ни поляны, ни наших почерневших домиков на ней. Все обложено плотным туманом. Костер догорел, по его черным углям ухмылкой гуляют глухие красные сполохи. Руки и ноги коченеют от ледяного воздуха. Кругом нам чудятся страшные призраки ночи. Мы поднимаемся, чтобы отправиться спать, бредем по невидимой тропе, высокой мокрой травой. Молчание и тревога охватывают нас. Воображается, что вот сейчас прямо из тумана вдруг шагнет навстречу Ксения в ледянистом белом платье, порывисто схватит мои руки бледными тонкими пальцами, холодно и нервно сожмет их в запястьях, заглянет мне прямо в глаза, наклонивши вбок красивую девичью голову с темными длинными волосами и с бездонными

черными глазницами. Она пристально взглянется в мою смятенную душу и спросит почти беззвучно, тонкими ледяными губами:

– *Где мой братик, я?*

Ловля хариуса на речке Мута

Каждый день нашего пребывания на Денисовой пещере – отдельное путешествие, полное отчаянных и головокружных приключений.

Узкое и дикое ущелье Ануя близ пещеры открывает нам самые богатые возможности. В окрестностях Дениски великое множество небезынтересных мест, к которым мы и отправляемся каждое утро на весь долгий летний день, чтобы вернуться вечером к ужину, наполненные новыми впечатлениями и здоровым чувством голода. Один такой день мы посвятили самой пещере и разглядыванию археологических находок. Другой – походу на водопады Шинка. Третий – поездке на реку Чарыш и в Усть-Канскую пещеру. И вот для нас громко пробил час рыбалки на хариуса!

Кто из нас хотя бы однажды не слышал о хариусе? Даже те, кто не имеет о нем никакого представления, хотя бы однажды слышали это заманчивое и экзотическое имя! А кто-то даже пробовал эту деликатесную рыбу. Хариус! – звучит романтично и мужественно, экзотично и воодушевляюще, как суровая и одновременно возвышенная музыка! Произнеси только это северное таежное слово: хариус! – и немедленно представляются внутреннему взору всякие сопутствующие хариусу дерзкие и опасные декорации: сплошная дремучая вековая тайга, затерянный неведомо где, когда и кем лесной мир, страшные буреломы и западни, северное сияние в синих небесах, опасные речные пороги, дикие звери, ночной костер на влажном берегу, крепкие мужики в резиновых сапогах и фуфайках, торчащие по пояс или даже выше пояса в ледяной воде с удочками и сачками, кристально чистые и быстрые горные речки, шум кедров над головами, холодные туманные рассветы, загроможденный крик кедровки и как боевая награда героям-первопроходцам – золотистая наваристая уха из свежего хариуса, в закопченном котелке, над трепетным лесным костром. Вот что такое хариус, а не только вкусное и нежное рыбье филе! Хариус – это настоящее приключение, это подвиг, это стиль жизни! Могли ли мы уклониться от ловли хариуса, находясь на Алтае, в его, можно сказать, законной вековой вотчине? Об этом не могло идти и речи!

Первым заводит разговор о хариусе Сергей К., большой любитель побегать до завтрака по горе Бабка, опытный рыболов и охотник, с долгим и героическим стажем. Он еще из самой Москвы запланировал двинуться победоносным походом на хариуса.

– А верно ли, что попадается на местных речках хариус? – интересуется он у меня, записывая растворимым кофе румяный утренний сырник, обмакнутый в домашнюю сметану, сбитую вручную накануне в Черном Ануе.

Я даже обижаюсь таким нелепым вопросом.

– Разумеется, есть! Да его здесь, по Аную, как грязи!!!

Это решает дело, и мы неотлагательно принимаемся за организацию рыбалки, делая это по всей, какой только возможно, науке.

Понятно, что об использовании привезенных с собой городских, московских снастей в данном случае не может быть и речи. Алтайский хариус, как нам успели объяснить, признает и ловится только и исключительно на местную снасть. А именно на особенную местную муху, древний и хитроумный секрет плетения которой из собачей шерсти вокруг крохотного крючка известен одним лишь местным старожилом. Мы сговариваемся с топольнинскими мужичками, что назавтра вместе с ними отправимся ловить хариуса и что они выделяют нам для этого самых лучших своих домоплетеных мух.

Но сгодятся ли наши фирменные раздвижные карбоновые удилища, привезенные, опять-таки, с собой из города? Не смекнет ли осторожный и не раз битый жизнью хариус, что дело тут неладно, увидав их из-под воды, – такие пижонские, блестящие на солнце, дорогие удочки, сравнительно с неказистыми прутиками, на которые обыкновенно навязаны лески топольнин-

ских умельцев? Посоветавшись с топольнинцами, решаем, что рискнуть, пожалуй, можно, муха все же по-любому важнее всех прочих приспособлений. А на что она там привязана – дело второе, не столь важное.

Дальше еще существеннее – где будем ловить? В Ануе?

– Нет, в Ануе сейчас ловить никак не годится, – объясняют топольнинские мастера вываживания и подсечки, – летом-то он по притокам больше кормится! И только к осени в большие реки скатывается, жирный, отъевшийся! В Ануе его мало нынче! Надо по притокам ходить! Там его теперича жирно! Думаю так, что надо нам на Муту ехать, – толкует бывалый топольнинский мужичок, переловивший за свою жизнь по Аную и притокам уйму самого отборного хариуса; так и постановляем единодушно – ехать назавтра на Муту, туда, где хариуса «нонеча жирно».

Наутро рано-ранешенько у нас все готово к рыбалке. У железного моста через Ануй ждет выдавший виды зеленый узик-«буханка». Собраны-смотаны снаряженные удочки. В пластмассовой коробочке весело топорщат свои волоски отборные топольнинские мухи. С нами в столовой отхлебывает крепкий чай взявшийся порыбачить с нами топольнинский мужичок в резиновых сапогах и хлопчатобумажной белой кепке на затылке. Он дает нам последние наставления:

– Обязательно сапоги наденьте: по реке весь день ходить будем, вот что!

Наконец трогаемся. Вчетвером. База еще спит, вокруг тихо. Над Ануем раннее утро.

Мы – это водитель УАЗика, прихвативший с собой большой термос с чаем, хлеб, консервы (для перекуса в перерыве рыбалки). Дальше я, Сергей К. и топольнинский рыболов.

Понемногу разгорается, нагревается жаркое летнее утро. Над головой – голубое небо, с которого падает ослепительный свет. Еще далеко до полудня, но дневное светило с самого своего выхода из-за горы жжет немилосердно. Дорога пылит, справа блестит за березами игристый Ануй. Мы выкатываем на бугор на границе края и республики и видим впереди себя ближайшую алтайскую деревню Черный Ануй, до которой, спасительной, так и не добрались в страшную и памятную зиму несчастные Ксения с братиком. По бокам от машины, пониже бугра, стеной поднимается дикая конопля много выше человеческого роста. У конопли широкие характерные семилепестковые листья и крепкие зеленые ножки. Растет она густо и пригодно, шевеля на ветру своими пышными кистями. Когда отдельный двор или целая деревня на Алтае приходят в запустение, то пустоши чаще всего зарастают именно коноплей или крапивой. В этих местах верх уверенно взяла конопля. Окраины Черного Ануя – это огромные поля ветвистого и пышного канабиса. Туристы любят фотографироваться в местных конопляных джунглях, забравшись в самую гущу зарослей, с идиотскими улыбками до ушей.

Сама деревня – старинная, красивая, тянется одной длинной улицей вдоль правого берега Ануя. Слева от нее открывается обширная долина, справа реку тесно прижимает гора, прямо за деревней виднеется гора Седло, формой именно как седло. Ниже пограничного бугра через Ануй перекинут вправо уже известный нам деревянный мост, ведущий к Караколу. В центре Черного Ануя у дороги стоит заброшенный сельский клуб, в два этажа, из толстых бревен, с давно выбитыми окнами и вытасченными оконными рамами, перед которым долгие годы торчал гипсовый бюст Ленина. Потом бюст стащили с пьедестала, и он куда-то пропал. Еще в деревне, ближе к реке, сохранились несколько крепких двухэтажных домов-пятистенков, срубленных из могучих сосен – возрастом за сотню лет каждый. По ним видно, как зажиточно жили местные хозяева в ту пору, при царе. Да и сейчас черноануйцы живут неплохо: едва ли не у каждого дома стоит трактор или машина, а то и по несколько. По улицам бегают многочисленные детишки. Вечером можно попасть в большую пробку из коров, с огромным выменем, медленно возвращающихся с лугов на вечернюю дойку к домовитым местным хозяйкам.

Миновав Черный Ануй, мы вскоре встречаем развилку рек и дорог. Ануй уходит прямо и выше, в сторону деревень Турата и Белый Ануй. Вправо через него переброшен мостик,

и тут же рядом впадает речка, левый приток Ануя. На правую дорогу, в сторону Келейского перевала и Усть-Кана, мы и поворачиваем, не зная еще, что эта самая речка и есть нужная нам для рыбалки хариуса Мута.

Покуда мы трясемся по изрытой круглыми ямками дороге, покуда виляет и теряется справа от нас в траве и в кустах неказистая речка, перед нами во весь рост встают сцены предстоящей нам схватки с хариусом. Яркие картины предстоящей борьбы с быстрым хищником, как и нашего неотвратимого триумфа, сменяют в нашем распаленном воображении одна другую.

Мы видим себя на мощной холодной реке, величаво обтекающей земной шар. На суровой сибирской реке, густо обросшей вековыми кедрами, далекие вершины которых можно увидеть только если высоко задрать голову. Тревожно кружатся над нами огромные орлы, громко кричат в лесу напуганные нами сойки, крадется в чаще, заслышав нас и прижав голову к земле лохматый волк, с широко разинутой зубастой пастью. Река низко и мощно гудит, накатываясь на нас прозрачными ледяными валами. Вся она как жидкое ледяное стекло, опасное и манящее. Сила у реки ужасная. Бушует ветер, скрипят вековые стволы, отламываются бурей и падают в реку тяжкие ветви, толщиной с туловище человека каждая. Раскачиваясь на изумрудных волнах проносятся они мимо нас, совсем близко, словно смертоносные торпеды. Мы однако же бесстрашно выстроились в ряд прямо посреди губительной стремнины, с удочками наперевес, в высоких болотных сапогах. Мы торчим по пояс в ледяной воде, сильно наклоняясь вперед, неуступчиво борясь с могучим потоком. Буря срывает с нас кепки и шапки, вышибает из наших глаз скупые слезы. Река со всей мочи бьет нам в животы и в колени, стараясь сшибить нас с ног, буря добавляет залпы сжатого воздуха в грудь и в голову, но мы, ясное дело, крепко держимся на своих местах, и все нам нипочем. Мы ловко увертываемся от летящих в нас по течению веток, наши удочки изгибаются от свирепых вихрей, рвутся из крепких рук, но лески умело брошены нами в воду, вместе с неотразимыми топольнинскими мухами. Мухи несутся по течению, наши взгляды прикованы к ним. Хариус, мощно гребущий огромным хвостом против неудержимого потока в бездонных глубинах холодной реки, уверен тем временем, что никто не способен подобраться к нему даже и близко на этой смертоносной и неприступной реке. Он голоден, быстр и спокоен. Он мнит себя хозяином и господином всего этого гремящего потока. Тут он вдруг замечает в прозрачном валу волны желтую аппетитную муху с толстым и пушистым черным брюшком. Он стрелой летит к ней, оставляя за собой серебристый след из прозрачных пузырьков. Молниеносный удар хищной пасти!

Хариус (Д. Запылихин, 2016 г.)

Мушка проглочена, а с ней и мой острый беспощадный крючок, крепко привязанный к невидимой, но прочной леске! В тот же миг я совершаю резкую и безошибочную подсечку и принимаюсь, еще прочнее упираясь в дно обеими ногами, подтягивать к себе ошеломленного, еще мгновение назад мнившего себя неуязвимым хищника. Низко гнется крепкое удилище, вскипает ледяная вода. Следует суровая и короткая схватка – и огромный хариус схвачен! Финита!

– Усть-Мута! – прерывает наши героические грезы водитель. Он бросает в форточку уазика дымящийся бычок.

Мы въехали в небольшую деревню окруженную лесом в красивой горной долине. Перехав мостик еще через одну маленькую речку, дальше двинулись вверх по боковой правой долине и вскоре встали на пыльной обочине, обросшей пожухлой лебедой. Слева от дороги тянулся широкий и длинный луг, за ним ниже темной полосой росли кривые деревья.

– Туда! – машет в сторону деревьев топольнинский рыбак и принимается вышагивать вниз по полю, прихватив свою убогую удочку.

Мы пускаемся вдогонку. Водитель остается у машины, примостившись на земле в ее жидкой тени. Жарко, больно кусаются большие черные слепни, вертятся вокруг комары, жужжат мухи. Отплевываясь и отмахиваясь от мух и мошек, бежим по жаре за рыбаком, стараясь поспевать за ним. Ноги заплетаются в высокой густой траве. Трава вся покрыта густой пылью

(откуда в горах столько пыли! – удивляемся мы на бегу), и скоро она покрывает всю нашу одежду, забивает нам легкие и бронхи. Мы чихаем и кашляем.

Добравшись до деревьев и к этому моменту уже обильно обливаясь горячим потом, все с ног до головы грязные, мы открываем для себя, что в глубине плотной стены из ив и кустов безмятежно струится маленькая мутная речка с оплывшими глинистыми берегами. Она вся перегорожена упавшими деревьями и ветками, виляет под ними туда-сюда как дворовая собачонка, над нею тучами ходят, блестя на солнце и противно зудя писклявые комары, низкие берега речушки густо заросли неопрятной и будто бы растрепанной растительностью.

– Мута! – тычет пальцем в грязную речку наш топольнинский проводник.

Он принимается готовить удочку, вяжет на кончик лески маленькую мохнатую муху, вытасченную из коробочки. Мы молча таращимся на грязную воду, отмахиваясь от комаров, вытирая ладонями грязный пот со лба. Нет, не так мы представляли себе арену борьбы с хариусом!

Делать нечего. Разматываем свои снасти, вяжем на тонкую леску мух, желтых и белых, сплетенных вручную из волосков с собачьих хвостов. Сергей К. забирается во взятый с собой из города черный резиновый гидрокостюм, застегнувшись под самый подбородок длинным водонепроницаемым замком-молнией, идущим от низа живота до самого горла. Он становится похож на космонавта в скафандре, только без шлема. Солнце уже в зените, воздух плавит несусветная жара, небо побелело, по голове и щекам Сергея течет горячий пот. Ему нестерпимо жарко и тяжело ходить в этом толстом резиновом гидрокостюме, его печет и плавит как снаружи, так и изнутри толстого резинового кокона. Тем не менее он берет удочку и раскачиваясь как водолаз, широко раскорячив руки и ноги, неловко продирается сквозь кусты к речке. Лезу к воде и я.

Топольнинский мужичок первым принимается за ловлю. Он с несусветной скоростью принимается бегать вдоль по речке, вверх и вниз, забрасывая накоротке свою муху в каждый омут, в каждую протоку, в каждый речной поворот. Одна-две проводки мухи по мутной поверхности омутка или излучинки – и он уже спешит дальше. Мужичок необыкновенно сноровисто перебирается-перескакивает через поваленные стволы и завалы из веток с налипшей на них грязью, шлепает сапогами по мелководью, продирается сквозь пыльные кусты. При этом он умудряется не запутать леску в кустах и ветках, не упустить муху под корягу, не выронить удище, не оборвать снасть, движется удивительно скоро, *облавливая* таким манером мутную и теплую Муту метр за метром. Его приметная белая кепка уже совсем скоро скрывается за деревьями, упрыгав от нас вверх по течению. Мужичок стремительно мчится вверх по Муте, не пропустив при этом на речке ни единого живого и мокрого места!

Иное дело мы с Сергеем К.: рыбалка с первых же шагов превращается для нас в сплошное мучение! Мы спотыкаемся о деревья и корни, наши лески путаются в кустах и ветках, мы только и делаем, что выпутываем и распутываем их, собравшихся в пышные блестящие узлы. Стоит страшный безветренный зной, комары и мухи лезут в глаза и рот, больно кусают нам руки и шеи. Мы чешемся и непрерывно отмахиваемся во все стороны от гнуса, тем самым еще сильнее спутывая свои снасти. Когда мы лезем в кусты, нам на лица налипает паутина вместе с висящими на ней злыми пауками. Паутина щиплет нам лбы и щеки, пауки зло скребут нас по щекам своими черными лапками. Когда мы протискиваемся сквозь деревья, за шиворот нам сыплются иголки, листики, веточки и прочая подобная дрянь, от которой чешется и зудит мокрая горячая спина. Иногда, впрочем, нам все же удается добраться до самой воды и обронить туда муху, но в ответ – ничего! Глухо!

Муха уныло проплывает по мутной воде прямо у нас под носом, не вызывая ни у кого ни малейшего интереса. Где там в этой грязной речушке возится хариус – одному Богу известно! Он ходит по Муте свободно, вверх или вниз, изредка выхватывая в воде попавших в нее мушек и комаров. Вот поэтому рыбакам и приходится пробегать всю речку сплошь, туда и сюда, макая

в воду на каждом шагу свою муху, ведь по-другому *его* не найти и не выловить! Стоять же на одном месте и ждать клева – вообще пустое дело!

Я, чертыхаясь и обливаясь потом, лезу сквозь чащу, которой обросла вся речка. За полчаса борьбы с кустами, грязью и комарами мне удастся выудить из грязной воды лишь одного несчастного хариуса, размером с мелкого пескаря. Вдруг я слышу какой-то шум, где-то выше по течению, и бегу в ту сторону.

Передо мной открывается картина недавно разразившейся катастрофы. Мой друг Сергей К. лежит на животе прямо в реке, в круглом тенистом омутке, и, как большая черная черепаха, нелепо шевелит ногами и руками, вертя ими в разные стороны. Его удочку унесло и забило течением под корягу. Рядом с Сергеем уже хлопочет примчавшийся первым топольнинский мужичок в своей белой кепке, пытаюсь поднять его из воды на ноги.

Глубина речки в омутке, как и везде по Муте, хорошо если по колено. Тем не менее Сергей в своем тяжелом гидрокостюме то и дело пускает пузыри изо рта, жидкий ил со дна тянет его книзу. Вся вода круглого омутка перебаламучена, жирная грязь поднята со дна и медленно стекает теперь вниз по течению. Я подбегаю и мы вдвоем с топольнинцем, подхватив друга с боков за локти, ставим Сергея на ноги, прямо в речке. Он весь мокрый и грязный, по его щекам съезжает вниз вязкий и мокрый речной ил. Сергей смачно сплевывает набившийся в рот ил себе под ноги. Покуда он, поскользнувшись и упав в речку, возился в ней, силясь встать, грязная теплая вода Муты доверху заполнила его резиновый гидрокостюм. Теперь, когда он стоит на ногах, вода плещется у него под самым горлом, у кадыка. Гидрокостюм полностью заполнен грязной водой и раздулся, как переполненная резиновая грелка. Только внутри этой «грелки» торчит сейчас целый взрослый человек. Со стороны Сергей отдаленно походит на толстого веретенообразного глазастого белого червяка с логотипа шинной фирмы Мишлен. Он стоит, булькая водой по колено в грязном омутке, и слегка покачивается от перетоков воды внутри гидрокостюма – от живота к спине и обратно.

– Гляньте-ка, костюм раздулся, как гондон! – разлепляет рот Сергей, отплевавшись. Он нимало не смущен и весело хохочет над своим нелепым положением вместе с нами.

Мы пробуем расстегнуть молнию на горле, чтобы слить воду. Но молнию заклинило. Тогда мы аккуратно кладем Сергея на живот на глинистом берегу, с сильным уклоном головой вниз. Мутная вода с шумом вырывается из костюма через узкую горловину в омуток, попутно снова заливаясь Сергеем в нос и в рот. Он громко фыркает, чихает, отплеывается и ругается. Костюм спадает, облепляя внутри мокрую одежду Сергея. Мы вновь поднимаем его на ноги и после нескольких минут возни расстегиваем наконец замок. Сергей вылезает из резины, весь грязный и мокрый, илистая вода Муты густо налипла на него, в складках одежды застряли бурно-зеленые водоросли.

– Я – все! – машет рукой Сергей, отдышавшись. – Пойду сушиться к машине!

Он подхватывает мокрый гидрокостюм, мы суем ему выловленную из-под коряги удочку, и он бредет в слепящий зной по лугу к дороге, где виднеется наш автобус.

Настроение испорчено. За два с лишним часа изнурительной рыбалки нам попались не больше семи жалких рыбешек, ради которых мы все уже ободраны и побиты кустами и корягами, а один из нас чуть не потонул, едва не сгинув в грязном омуте. Еще с час без всякого настроения мы вдвоем с топольнинцем прыгаем и скользим по мягкой глине Муты, макаем в грязную воду своих мух, отплевываемся от липкой паутины, хватаемся за пыльные ветки, расплетаем и связываем леску, после чего, не сговариваясь, сматываем удочки и выходим на пылающую жаром поляну. Топольнинский мужичок утирает потную шею своей белой кепкой. Весь наш жалкий улов составляет десяток серебристых, склеившихся одна с другой на дне мятого целлофанового кулька рыбешек.

Мы тащимся к уазику и там обнаруживаем новую катастрофу! Водитель сидит в тени машины, на сухой пыльной земле, прислонившись спиной к грязному боку автобуса. Лицо его

бледно, как бумага, и он едва-едва пребывает в сознании. Около него сидит на корточках Сергей и, сопя, наматывает слой за слоем на кисть правой руки шофера широкий бинт. Рядом на земле валяется раскрытая аптечка, разбросаны пузырьки с перекисью водорода. Сквозь бинты из руки водителя густо сочится алая кровь.

– Что случилось?! – вдвоем с топольнинским мужичком кричим мы.

Однако водитель только поводит в нашу сторону полужакрытыми глазами под дрожащими веками и молчит. Он еле дышит.

– Он взялся ножом консервную банку с лососем открывать и случайно полоснул себя по руке ножом! Разрезал глубоко – между большим и указательным пальцем! А сам вот даже вида крови не переносит! Увидел, как кровь хлынула из руки, и в обморок грохнулся. А кровища-то течет! Я его посадил тут, нашел аптечку, рану обработал перекисью и вот сейчас бинтую руку. А он только-только в сознание понемногу приходит, – рассказывает Сергей, продолжая крест-накрест наматывать широкий бинт.

Грунт у машины залит кровью. Водитель открывает глаза, видит кровь, его затылок опять стучается о железный бок автобуса.

– Вот же черт! – чертыхается Сергей, весь мокрый и грязный.

День уже понемногу клонится к вечеру. Разогретый воздух в долине Муты замер недвижно, зной стоит нестерпимый, укрыться от него негде. Мы все побиты и покалечены, кто-то больше, кто-то меньше. Прозрачный кулек с жалкими хариусами заброшен на затоптанный пол под дальнее сиденье уазика. Водитель пришел в себя, но он все еще слаб и бледен, рука его замотана бинтами и сильно болит. Сергей немного обсох, однако одежда стоит теперь на нем колом, мокрые швы брюк и рубашки режутся и раздражают кожу, ноги в отяжелевших сапогах преют от влаги и жары. Тем не менее он вызывается рулить. Мы громоздимся в автобус, разворачиваемся и медленно едем в сторону базы. Ведет Сергей, которому сегодня изрядно досталось. Водитель молча, бледный, сидит сзади и тупо смотрит в окно. Топольнинский мужичок клюет носом, в углу его рта прилип к губам бычок.

Когда мы, на этот раз без приключений, добираемся до Денисовой пещеры, водителя тут же уводит местный доктор – на промывку раны и перевязку. Сергей уносит покрытый грязью гидрокостюм к себе в домик, где принимает душ и переодевается в чистую сухую одежду. Мы с топольнинским мужичком сидим в теньке, на широком крыльце столовой, и дуем чай с печеньем. Солнце уже зашло за Дедку. Смеркается. День пролетел быстро, все мы чертовски измотаны. И тут я вспоминаю про хариуса:

– Дьявол! Мы же рыбу оставили в машине! На жаре!

Я мчусь вниз к уазу и вынимаю кулек со слипшейся рыбой из-под заднего сиденья. После отношу улов на кухню, молодому повару базы, который уже хлопчет у плиты насчет ужина.

– Сделайте нам что-нибудь из него на ужин!

Повар берет кулек, разворачивает и разлепляет его, сует внутрь свой острый нос, принюхиваясь, и недоуменно смотрит на меня:

– Так рыба-то ваша стухла уже!

Потайное озеро (Башчелакский хребет)

В другой раз ловля хариуса сложилась для нас не в пример удачнее. Для этого нам понадобилось забраться на вершину Башчелакского хребта, под самые небеса. Зато уж там мы оторвались на рыбалке на славу!

Башчелакский хребет возвышается к западу от Денисовой пещеры, разделяя бассейны Ануя и Чарыша. Его высота немалая и достигает местами 2400 м. Вершины хребта – округлые гольцы, даже летом с северной стороны покрытые снегом. В сторону Ануя, на восток, вершины хребта обрываются небольшими горными цирками, на дне которых плещутся холодные и глубокие ледниковые озера. Один из таких водоемов – озеро Потайное, названное так, видимо, в силу своей труднодоступности и скрытности от человеческих глаз. На Потайное можно забраться от Ануя пешком или на коне, но этот подъем займет целый день или даже больше: местами дорога будет очень сложной. Снизу от реки поначалу идет смешанный лес, потом начинаются лиственницы и ели, еще выше растут кедры, а на высоте около двух километров остается один лишь карликовый кедр, хорошо если в человеческий рост, с кривыми стволами, выше которого лежат только высокогорная тундра и каменистые гольцы.

Случаем от Дениски на Башчелак в один из дней должен был лететь вертолет, и мы договорились, что вылетим на нем вместе с другими попутчиками. С утра позавтракали и к десяти часам были готовы. Приготовлены были и снасти – нам сказали, что на озере водится много рыбы. После злополучной Муты верилось в это слабо, но удочки и мухи, тем не менее, были собраны, на всякий случай. Была прихвачена и надувная резиновая лодка, с ее короткими пластиковыми веслами и лягушкой-насо-сом.

Ровно в десять утра в горах снизу, со стороны Топольного, загрохотало. Из Барнаула прилетел вертолет марки Ми-8. Он сел на вертолетную площадку за Ануем, на широкой подошве Бабки. Мы, общим числом человек десять, забрались через широкую дверь в салон и расселись вдоль бортов, у круглых окошек. Завертелся наверху винт, зарычало, забило, засвистело, и машина неохотно оторвалась от травянистой поляны. Дальше дело пошло более споро: машина принялась быстро набирать высоту, двигаясь на запад и вверх знакомым нам ущельем Шинка. Внизу проплывали скалы и лес. Не прошло и десяти минут, как мы оказались на вершине хребта. Не успели мы опомниться, как вертолет стал снижаться на просторную ровную поляну, поросшую низкой полярной травкой, на высоте выше двух километров.

В этой скорострельности и заключен главный минус вертолетных путешествий по Алтаю: не успеешь оглянуться, сообразить – ан, ты уже прибыл на место. Полчаса лета – и под тобой сверкает голубая лента Телецкого озера. Еще полчаса – и вот ты уже проскочил насквозь весь каньон Чулышмана. Немного отвернул в сторону – и внизу уже асфальтированная стрела Чуйского тракта в районе Курая. Еще час полета – и тобою облетена кругом вся Белуха, а в придачу к ней – еще и ущелье Аргута, как и вся полосатая степь Самаха. Дальше следуют посадка и короткий пикник на плато Укок. И вот уже пилоты заторопились обратно в Барнаул или в Горно-Алтайск, чтобы успеть миновать горы и вылететь из них до заката. Таким вот кавалерийским манером и просвистывается на вертолете весь Алтай за один неполный световой день, и остаются от этого лихорадочного облета только десятки поспешных фотографий, сделанных через открытую дверь машины или окно, да бестолковая свалка из мимолетных впечатлений, никак не связанных между собой. При таком облете у облетевшего не возникает никакого реального представления об Алтайских горах, об их богатой природе и древней истории. Только беспорядочный набор глянцевого открыток шуршит в голове. Подлинный Алтай можно почувствовать и понять, только по-настоящему и глубоко *зайдя в него*: пешком или верхом на коне, проехав или прошагав его трудные тропы, глубокие броды, высокие тягучие перевалы, пожив на его таежных стоянках...

Так и мы – только что пили чай в столовой на теплом Ануе и вот уже очутились на вершине хребта, в высокогорной тундре, на холодном ветру. Растерянно озираемся по сторонам, пока проводник не утаскивает нас в сторону снежного цирка, виднеющегося невдалеке на северо-западе. Зеленая высокогорная тундра упирается в огромные серые глыбы, щедро наваленные на гору. Каждая глыба – размером с автомобиль, между глыбами – огромные бездонные дыры, в которые легко может провалиться человек. Это колоссальная морена, оставшаяся от движения древнего ледника. Мы принимаемся осторожно прыгать со скалы на скалу, опасаясь свалиться в одну из дыр. Морена тянется метров на двести и потом внезапно обрывается прямо в озеро. Это и есть Потайное.

– Здесь, по Башелаку, много озер поверху хребта есть, – рассказывает местный проводник. – А в Великую Отечественную войну даже рудники работали вольфрамовые и молибденовые на самых вершинах! До сих пор остатки разработок и барачков можно увидеть!

Мы замираем на краю высокой морены. У нас натурально захватывает дух – такая неземная красота открывается перед нами! Полукругом стоит высокий горный цирк, с почти отвесными цветными, каменистыми и рассыпными стенами. По низу стен цирка, дугой в густой тени от горы, лежит голубоватый июльский снег. Фиолетовый цирк охватывает с трех сторон озеро яркоизумрудного цвета. Оно почти круглое, метров двести в диаметре, совершенно прозрачное и при этом очень глубокое – в десятки метров. Огромные глыбы подпирающей озеро полукругом с восточной стороны морены круто уходят в глубину его вод. Поразительное зрелище: громадные камни обрываются далеко вниз, в совершенно прозрачную воду, граница между атмосферой и озером почти неразличима, острые края скал, как и темные дыры между ними, видны на многие метры мерцающей зеленоватой бездны. По берегам между глыб редко растут какие-то чахлые деревца и кусты. Сквозь широкую морену где-то глубоко в недрах ее камней невидимо для нас пробивается озерная вода, падая вниз в сторону Каракола небольшим водопадом. Мы слышим глухой шум подземного потока. Как сюда, сквозь этот водопад и эти каменные завалы, смог подняться снизу от Ануя хариус, чтобы заселить Потайное, уму непостижимо!

Рыбу мы замечаем сразу, как только подходим к воде. Хариус стаями ходит недалеко от берега, на глубине нескольких метров, то заплывая в темные дыры между глыб морены, то выплывая обратно на белый свет. Его действительно очень много. На спинках рыбешек играет солнце, их стайки шарахаются при каждом нашем движении – рыба видит нас так же хорошо, как и мы ее. Хариус в Потайном мелкий, озерный. Рыбы здесь наплодилось много, а корма для нее (всяких мух и мушек) на такой высоте водится негусто. Вот и вырастает хариус тут мелкий и худосочный. Нами завладевает обычная рыбацкая лихорадка, мы спешим размотать удочки и приступить к ловле. Одновременно утро вступает в ясный летний день. Горный цирк надежно закрывает Потайное озеро от господствующего на Алтае западного ветра, водная гладь спокойна, воздух совершенно недвижим. Солнце приподнялось над вершиной фиолетового цирка и стало припекать. С каждой минутой становится все жарче, а никакого укрытия на озере от палящих солнечных лучей нет. В синем небе много выше нас кружит коршун. Мы живо разбираем между собой удочки и разбредаемся по берегам озера в разные стороны. Справа двое надувают лодку, ритмично давя ногами резиновую лягушку. Скоро оба рыбака забираются в лодку и, беззвучно двигая веслами, медленно выплывают на самую серединку Потайного, где принимаются забрасывать удочки. Гладь озера отражает их, удваивая лодку, – две фигуры на ней и два тонких удилица, торчащих в разные стороны. Теперь все на озере заняты только хариусом.

Моя снасть проста. Гибкое пластиковое удилице, тонкая легкая леска, на конце которой привязана все та же топольнинская муха, мохнатая, грязного желтого цвета. Муха маленькая, смешно топорщится на крохотном крючке. Как рыба может верить, что муха настоящая? Вот и все.

Рыбалка происходит так. Муха аккуратно опускается на поверхность озера и плывет по ней, не погружаясь в воду, удерживаемая на поверхности водной пленкой. Легкие движения воздуха понемногу сносят ее в сторону. Леска также ложится

на водную гладь, становясь совершенно невидимой. Хариус снизу, из глубины, видит ленивую игру мухи на поверхности озера и атакует. Он стремительно несется снизу из глубины, практически вертикально, и бьет муху. В этот момент надо только успеть резко подсечь – и рыба ваша!

Поначалу все идет как по маслу. Я раз за разом осторожно забрасываю муху на водную гладь аккуратно над стайкой рыбешек, и всякий раз на нее незамедлительно набрасывается одна из рыбок. Так я вытаскиваю с пару десятков хариусов, одного за другим, и делаю это в самое короткое время. Все рыбки совершенно одинаковы, ровного размера, как будто выведены в одном рыбьем инкубаторе, по единой гостовской мерке. Меня целиком захватывает азарт, я позабыл про все на свете. Самое интересное в такой рыбалке то, что рыбаку с берега все отлично видно. Вот рыба ходит в глубине, у камней. Вот на водную гладь нежно ложится мушка. Вот дугой прилипает к воде и становится невидимой леска. Вот ветерок немного шевельнул и сдвинул в сторону приманку. Вот одна из рыбешек резко развернулась в глубине и кинулась вверх, к поверхности. Вот она резко ударяет муху, и по воде идут первые серебристые круги. Вот я резким движением дергаю вверх и вбок удочку, и в тот же миг серебристая рыбка болтается в воздухе. Мгновение – и она уже бьется в камнях за моей спиной. Я впал в дикий азарт и не замечаю ничего вокруг. Ни того, как таскают рыбу мои товарищи по берегам Потайного, ни того, как уловисто орудуют те двое, что торчат на лодке посреди озера. Ни даже горного солнца, которое успело докрасна сжечь мои руки, лицо и шею.

Через час после начала лова что-то вдруг, однако, меняется. Рыба уходит глубже, половина ее вовсе исчезает в провалах между подводными скалами. Моя муха сиротливо плавает по водной глади, атакуемая все реже. Я решаю, что рыба там внизу наконец догадалась обо всем и раскусила меня, и принимаюсь прятаться за камнями. Я растягиваюсь на огромной покатоной глыбе и полностью скрываюсь таким образом из зоны видимости рыбы. Я стараюсь даже удочку расположить так, чтобы она была менее заметна из воды. И почти совсем не шевелюсь. На какое-то время это приносит мне успех: часть рыбы выплывает обратно из камней, и клев становится более частым. Так проходит еще час, моя кожа пылает и болит, но я не обращаю на это внимания. Солнце широкой дугой медленно движется по небу, проходит зенит и понемногу клонится к середине Потайного озера. Поднимается легкий ветерок, по озеру принимается разгуливать мелкая рябь. Рыба окончательно скрывается в глубине Потайного, озеро замирает. Рыбалка окончена. Мои приятели сбредаются со всех концов озера, лодка вытаскана на берег, из нее с шипением выходит воздух.

Мы прикидываем общий улов – совсем недурной. Наловлено целое ведро хариуса. Тут же на берегу соображается костер, ставится вариться уха. После ухи у всех есть немного времени отдохнуть до возвращения к вертолету. Я решаю прогуляться по округе и осмотреться. Возвращаюсь через морену назад и оказываюсь на влажном зеленом ковре тундры. Вверх налево плавно уходит склон гольца, сочащийся водой, с языками лежалого серого снега. Ниже и правее видны густые заросли карликового кедра. Только вот нигде не видно вертолета. Наверное, я прошел стороной от него. Спускаюсь к кедрачу. Он стоит плотной стеной, на низких ветках с длинной мягкой хвоей висят крупные, почти уже спелые шишки. Вдруг я обнаруживаю на земле старый след от ГАЗ-66 – стало быть, на Потайное можно заехать и на машине!

Но где же вертолет? Его нигде не видно. Так я полчаса брожу по горному склону, вверх и вниз, в поисках вертолета, пока не выхожу к нему прямо в упор. Пилоты уже ждут нас, они отдохнули и выпалились. Когда весь народ собирается в салоне и все пересчитаны по головам, принимается реветь мотор и раскручиваться винт. Вертолет отрывается от горы, десять минут

полета, и мы оказываемся далеко внизу, на теплом вечернем Ануе. Вскоре в горах за нашей спиной раздается затихающий к северу грохот – Ми-8 возвращается в Барнаул.

Усть-Канская степь и Девичьи плесы

Девичьи плесы, что находятся на алтайской реке Кумир, стали в наши дни популярным среди туристов местом. В результате такой чрезмерной популярности прибрежная трава вокруг плесов в значительной степени вытоптана, рыбы в прозрачных глубинах речки попадает все меньше, нижние ветки деревьев и кусты по всему ущелью обломаны и порублены на растопку в кострах, тут и там по берегам чернеют уродливые костровища с ржавыми банками из-под консервов, кучи мусора. В наши дни каждый, у кого есть машина, норовит доехать до плесов и водрузить там свою палатку, провоняв всю округу выхлопами автомобиля. Человеческое воздействие на природу стало здесь теперь слишком велико, и само место потеряло многое из своего бывшего дикого очарования.

Нам же повезло застать Девичьи плесы в почти еще первозданном виде, много лет назад, незадолго до начала туристического бума. Когда мы добрались туда с базы на Дениске, на Кумире не было ни души. Кроме разве что пасечника, державшего пасеку и стоянку чуть выше самих плесов по лесистому ущелью.

Мы, как обычно, выехали с базы после завтрака и весело покатали хорошо известной читателю дорогой на юг, правым берегом Ануя. Проехали Черный Ануй и привычно повернули за ним направо, в долину Муты. Дорога была хорошо грейдирована, и мы летели на большой скорости, поднимая за собой белую пыль. День был, как водится на Алтае летом, жаркий и солнечный. Миновали деревню Усть-Мута, свидетельницу нашей злополучной ловли хариуса, и стали подниматься к Келейскому перевалу. Лесистые горы по сторонам от дороги понемногу сходились, дорога становилась все уже. В верхней части горной долины лежала крохотная алтайская деревня Келей, окруженная очень красивым лиственничным лесом с чистыми травянистыми полянами понизу. Сразу за Келеем, справа от дороги, показалась шестигранная деревянная беседка со скамьями по кругу, поставленная у самого начала подъема на Келейский перевал жителями деревни.

Село Усть-Кан (Д. Запылихин, 2016 г.)

Начало подъема на перевал для алтайцев – тоже приметное место. Надо остановиться перед подъемом, посидеть и подумать и после присесть, как спустишься, помолчать, перекурить. Подъем на Келейский перевал не столь уж высокий и затяжной, но грузовики и машины со слабыми двигателями нередко глохнут и кипят на нем. Дорога на Келейский перевал поднимается все время густым лесом, высота перевала чуть больше километра. В облачные серые дни на вершине часто стоит плотный туман или моросит холодный дождь. Келейский перевал служит водоразделом между бассейнами Ануя и Чарыша и лежит на древнем Ануйском тракте. Непосредственно само седло перевала – широкая ровная поляна, заросшая высокой травой и окруженная со всех сторон лесом. Никакого особенного вида с Келейского перевала нет. Обычно мы делаем на перевале короткую остановку, по традиции выпивая по чашке чая из термоса, и трогаемся дальше в путь.

За Келеем дорога сбегает вниз лесистой долиной, сначала узкой, но потом понемногу раздвигающейся в стороны. Внизу лес вовсе далеко-далеко отступает вправо и влево и дорога выкатывается в ровную травянистую степь. Справа в траве струится мелкая ледяная речушка Канн, истоки которой где-то около перевала. С каждой минутой степь все шире распахивается, горы отступают все дальше вглубь, синеют, и наконец впереди, за плавным правым поворотом, привольно раскрывается великолепная и огромная Усть-Канская степь. На въезде в степь расположено старинное большое алтайское село Яконур (*большое, широкое озеро*), главная улица которого даже заасфальтирована и освещена.

Усть-Канская степь, безо всякого преувеличения, роскошна и великолепна! Она для алтайской межгорной котловины огромна: 25 км в длину и 20 в ширину – и при этом совершенно ровная. Вся степь, от края до края, покрыта густой сочной травой. С севера ее замыкает Яконур, с юга – река Чарыш и расположенный на ее берегах райцентр Усть-Кан (устье реки Кан, кан – *кровь*). Высота степи над уровнем моря – около 900 м. Это алтайское среднегорье. По самой середине котловины лениво течет речка, распадаясь на множество крохотных проток, обросших темной осокой. Лес произрастает небольшими клочками по волнистым горным склонам вокруг котловины. Воздух в степи настолько прозрачен, что, стоя на бугре с деревянной беседкой у дороги в южной части степи, можно отчетливо разглядеть белые крыши и даже окошки домов Януара, расположенного в двух десятках километров к северу. Цвет степи составляют бесчисленные переходы оттенков зеленого, темно-зеленого, салатного, желто-зеленого, сине-зеленого. Вдоль речки трава растет влажными темными полосами, повторяя изгибы многочисленных мелких русел. Великое множество в Усть-Канской степи и оттенков красного, оранжевого, бурого, голубого. Вся степь – это обширный многоцветный бескрайний ковер, чьи сверкающие краски гуляют и меняются от утра до вечера, по мере движения солнца и туч. Когда по высокому небу прохладного среднегорья скользят облака, тени от них текуче и непрерывно преображают мерцающие краски степи, формируя сложные плоские орнаменты по всей поверхности котловины. Горы окружают ее со всех сторон: самые высокие, со снежниками, вершины – с юга и запада, а более живописные, голые с причудливыми рыжими скалами, – с востока и юга. Синие тени от облаков перебегают с гор в степь и из степи на горы, превращая огромный разноцветный простор в бесконечно изменчивый травянистый калейдоскоп. Усть-Канская степь так прекрасна, что можно часами наблюдать за переменами ее состояния, ни одно из которых никогда не повторяется, как позиции в затянувшихся шахматных партиях.

Дорога на Усть-Кан проложена восточным краем степи. Прямой линией вдоль низких лысых гор, с вылезавшими наружу из сухих травянистых боков грядами красно-рыжих скал, со стоянками пастухов в углубленных боковых долинах. На южном краю степи справа от дороги на круглом каменистом бугре выстроена беседка. Алтайцы всегда делают здесь остановку: бугор, с которого вся степь видна как на ладони, для них традиционные ворота в степь, священное место. Бугор усыпан битым бутылочным стеклом, блестящим на солнце, – это остатки незавершенных алтайских обрядов. По всему бугру растут невзрачные седоватоголубые эдельвейсы.

За беседкой дорога приводит к важной развилке. Влево она поворачивает в направлении Чуйского тракта, к деревне Туекта, до которой от поворота километров восемьдесят и один высокий Ябоганский перевал, вправо – к Усть-Кану, который виднеется уже совсем поблизости, в пяти километрах. Из Усть-Кана в свою очередь можно отправиться дальше: на юг – в Уймонскую долину и райцентр Усть-Кокса и дальше – к Белухе, или же на запад, берегом Чарыша, в Алтайский край в направлении райцентра Чарышское. Все эти дороги очень древние, связывавшие людей уже тысячи лет назад. После прихода русских, в XVIII-XIX вв., в этих местах отыскивали и добывали ценные поделочные камни для Колыванского камнерезного завода: ревневскую яшму, кортонский порфир и др. Все это ценное сырье добывалось здесь, по Чарышу. Справа от нас видны снега южного окончания Башчелакского хребта, слева – высокие вершины соседнего Кортонского. Между ними находится глубокая расщелина Чарыша, быстрой и кристально чистой реки, берущей начало неподалеку на снежных вершинах Коргона.

На дорожной развилке в южной части Усть-Канской степи мы поворачиваем вправо, к поселку Усть-Кан. Скоро справа у дороги показывается маленькая гостиница «Приют бродяги». На ее первом этаже небольшое кафе, в котором готовят удивительные домашние манты и лагман.

В центре Усть-Кана у самой дороги маленькая площадь, которую обступают с двух сторон главные местные магазины, и от нее же отправляются в разные стороны по деревням автобусы местного сообщения. Здесь же размещены районные полиция и почта. На втором этаже местного универсама когда-то можно было купить самые настоящие поддельные часы «Ролекс», очень большие, золотые или даже с драгоценными камнями, по 200 рублей за штуку, а внизу имелся в наличии пломбир в вафельных стаканчиках по четыре рубля. Позади магазинов сооружен общий сортир с выгребной ямой, собранный из бетонных плит. Плиты покосились и разошлись в стороны, дыры в полу загажены, вокруг разбросаны грязная бумага и мусор, даже зимой отсюда разит нестерпимой вонью.

На главной площади Усть-Кана мы всегда делаем остановку, чтобы поесть борща и пельменей в бойкой придорожной столовке, закупить с собой горячих чебуреков и мороженого. Случаются у нас и любопытные диалоги с местными обывателями. Вот мы стоим на площади и дышим свежим воздухом после сытного обеда. Рядом на крутой деревянной лестнице уселся и теперь приглядывается к нам алтаец лет сорока, сильно пьяный по случаю выходного дня. Больше всего его внимание привлекает Алина, хорошенькая москвичка в обтягивающем сером трико на крепких спортивных ножках. Алтаец плотоядно прохаживается мутными глазами по ее рельефным формам, дымя дешевой папироской.

– Ты замужем, красавица? – нетвердым языком приступает он к делу. Берет, так сказать, сразу быка за рога.

Алина давно заметила интерес к себе пьяного алтайца и заранее заелзла. Хоть он не очень чист (и даже совсем не чист), мертвецки пьян и к тому же дурно одет, а все же внимание мужчины отчасти бодрит московскую красавицу.

– Нет пока, а что? – отвечает она как бы равнодушно, но, на всякий случай, жметя к нам поближе. И хихикает.

– Поехали тогда со мной! – решительно ставит ей мат уже вторым своим ходом ухажер с лестницы.

– Куда поехали? Хи-хи, – радуется такой сильной мужской страсти Алина, но теснится к нам еще ближе, для страховки.

– В Яконур! – объявляет точное место будущего Алининого счастья алтаец и раскачиваясь на ступеньке, машет рукой на север.

– В Яконур?? Хи-хи. А что там?

– Как что?! Дом у меня там! Что! И овцы есть! И кони! Вот что! – Алтаец привстает на крыльце, тянется к Алине, но тут же падает обратно – увы, ноги его не держат.

– Овцы? Хи-хи! – Алина делает еще один шаг назад, опасаясь, что алтаец со всеми своими алкогольными парами прямо с лестницы упадет на нее, вместе с грязной фуфайкой, штанами и сапогами.

Алтаец и рад бы упасть на Алину, да не может. Он уже битый час сидит на этой грязной лестнице, будучи, говоря по правде, не в силах ни встать, ни сойти с нее. Из всех членов у него сейчас работает один лишь язык, да и тот не вполне твердо. Алина, которой, с одной стороны, интересна и даже весьма лестна тема вдруг завязавшейся светской беседы, а с другой – страшновата перспектива обрушения на нее упившегося аборигена, окончательно застывает за наши спины и прячется там, высунув наружу одну лишь кокетливую головку с красиво уложенными золотистыми волосами.

– Да, овцы! Тыща! Овец! – брешет мужик, желая укрепить произведенное на Алину впечатление своим несметным богатством. – И машины! Три машины! Три! Поехали! Сейчас! Покажу! – Он заново совершает движение привстать, но лишь ерзает задницей по занозистой ступеньке.

– Нет! Хи-хи! Спасибо! Хи-хи! – млеет и пугается Алина, прячась за наши спины. – А как тебя зовут? Хи-хи!

– Толян я! То-ля-н! Чего хи-хи! Поехали давай! – Яконур-ский мужик, агрессивный от выпитой водки, берет тоном выше и злее и пытается подлезть к Алине поближе, перебирая штaketник деревянных перил дрожащими пальцами. Ничего не выходит, он не может сдвинуться с места – так сильно окосел и отяжелел.

К сожалению, завязавшийся было на наших глазах многообещающий роман грубо прерывают другие местные мужики, сравнительно менее пьяные. Заметив, что их сосед прилип и назойливо пристаёт к городским туристам, они подходят, молча хватают его под руки, стягивают с лестницы на площадь и куда-то волокут, подальше от нас. Толян громко блажит матом и продолжает громко зазывать Алину «тыщей овец».

Покуда мы после того едем сорок километров к Девичьим плесам левым берегом Чарыша, Алина продолжает скромно алеть и улыбаться. Тыща овец, табун коней, три машины в Яконуре – шутка ли!

Девичьи плесы расположены недалеко от райцентра Усть-Кан, туда можно проехать почти на любом автомобиле. Плесы – живописный участок реки Кумир, левого притока Чарыша. Кумир берет начало на вершинах Кортонского хребта, в снежниках и высокогорных болотах, в семидесяти километрах от своего впадения в Чарыш, его вода холодна и прозрачна. В нижнем течении бурная река оказывается в скальном ущелье, достигает глубины пяти метров и успокаивается. Этот глубокий спокойный скальный каньон и есть плесы. Прозрачная, спокойная, глубокая вода яркого темно-зеленого цвета, тесно зажата меж отвесных белых скал, по верхам которых шумит густой лес. Девичьи плесы необычайно живописны. Здесь можно искупаться, ныряя со скал с открытыми глазами и разглядывая под водой каждый цветной камушек на дне речки. Здесь в глубоких прозрачных ямах прежде ходили целые косяки крупного хариуса, которого можно было не только наблюдать, но и поголовно пересчитать, стоя прямо на берегу. Здесь хорошо сидеть вечером у костра под соснами и запивать крепким чаем золотистый, ароматный, жидкий свежоткачанный мед, принесенный в стеклянной банке с близлежащей пасеки. Мед, стекающий тонкой прозрачной ниткой с ложки, мед, собранный пчелами на разноцветных альпийских лугах окрест, мед, в жидком и сладком теле которого поблескивают золотые искорки, малые крупички оставшихся при простой ручной откачке пчелиного воска и перги.

Ело и его чудеса

Наш неутомимый Сергей Юрьевич, завсегдатай и знаток Денисовой пещеры, большой дока и искусник по части орудий каменного века. Он знает про них буквально все. И может даже самолично изготовить каменный топор или, к примеру, грубое рубило из первой попавшейся ему под руку речной гальки. По деревянным стенам столовой-аила на Денисовой пещере на гвоздиках развешаны его каменные произведения: топоры, копья, молотки, все на грубых деревянных рукоятях. Каменные острозубые произведения примотаны к древкам крест-накрест грубой бечевкой.

– Это точные копии орудий, что мы нашли в пещере, – растолковывает нам Юрьич, покуда мы доедаем утреннюю кашу. – Вот, взгляните – большие *сколы*, а вот здесь, по их краям, мелкая ретушь!

Мы подходим к стене и разглядываем сколы и ретушь на серых и светлых камнях. Видно, что сколы на камнях свежие, ретушь неровная, а сам камень непрочный, нетвердый и ломкий.

– Да что ж таким инструментом можно сделать? Сразу же обломается и затупится при работе! – недоумеваем мы.

– Так ведь это простые копии! И сделаны они притом из обычного камня! Конечно, такой камень нерабочий! Но вот сегодня мы поедем в Ело, там и посмотрим настоящие орудия и настоящий камень!

И мы отправляемся на весь день в Ело (*белоголовый орел*).

Дорога доводит нас до уже хорошо известной нам развилки на юге Усть-Канской степи. Справа виден Усть-Кан, влево дорога уходит в направлении Чуйского тракта, к Туекте (*гора, как панцирь, закрытая гора*). Туда влево, на восток, мы и поворачиваем.

Дорога сначала переваливает небольшой холм и продолжается еще километров двадцать живописной степью. Справа вдалеке видна просторная долина Чарыша, слева – волнистые безлесые горы, со стоянками на их широкой дугообразной подошве. По степи бродит и пасется многочисленный скот: коровы, лошади и овцы. Почти 100-километровый путь от Усть-Кана до Туекты проложен по линии запад – восток и связывает между собой два древних тракта: Чуйский и Ануйский. В середине этого пути высится Ябоганский перевал (около 1,5 км над уровнем моря) – водораздел Чарыша и бассейна Урсула – Катуня.

Дорога до Туекты грунтовая, насыпная и потому легко размываемая нередкими дождями. Когда дорожники ее забрасывают и долго не грейдируют, на ней густо проявляются продавленные колесами машин круглые глубокие лужи и характерная гребенка, печально известная всем водителям как «стиральная доска». В таких случаях езда по дороге становится медленной и мучительной. Если же дорога выровнена мощными грейдерами, то лететь по ней можно с ветерком, со скоростью за 100 км/ч.

При этом на всем своем протяжении трасса очень живописна – как до Ябоганского перевала, так и за ним, по реке Урсул до самого Чуйского тракта. Узкое дорожное полотно то и дело перебегают суслики, которых здесь пропасть. Особенно много их в сухие жаркие дни, когда они спешат заготовить побольше травы и сена в своих норках. В небе кружат и охотятся на сусликов коршуны. Степь широка и просторна, во все стороны видно далеко – на десятки километров. На далеком западе кулисами синеют складки Башчелакского и Кортонского хребтов. На закате каждая горная складка окрашивается в свой особый цвет, а небо пламенеет золотом и кармином, как на картинах Рериха. По степи размещено много жилых стоянок, и всюду около них пасется скот. Протекающую к югу широкой долины речку обступили высокие стены деревьев. Там же, у речки, видны домики алтайского села Оро, а вслед за тем мы подъезжаем к деревне Ябоган (*засохший, без дождя*), которая расположена прямо под одноименным перевалом.

Здесь степь переходит в красивый лиственничный лес с высокими раскидистыми лиственницами, между которыми пасутся коровы с телятами. Впереди уже виднеется высокая стена хребта, и скоро мы начинаем подъем на Ябоганский перевал.

Теперь Ябоганский перевал спрямлен направленными взрывами и тяжелой техникой и почти утратил свою былую живописность. Я же помню время, когда с обеих сторон высокого хребта дорога поднималась виляющим серпантином, с крутыми узкими поворотами, среди густого леса. В прежние времена с перевала открывался великолепный вид на запад – на Усть-Канскую степь и стоящие за ней синие хребты. А далеко на востоке с прежней вершины Ябогана открывалась огромная круглая вершина горы Сарлык (так по-алтайски называют яков), вправду похожая на спину исполинского яка, близ Семинского перевала. Теперь вид стал хуже, прежнюю красоту не увидишь. Да и сам перевал утратил былую живописность. Дорога как дорога.

Замечу, что каждый перевал на Алтае имеет свой неповторимый характер, свою особенную душу, каждый своеобразен и незабываем. Вот некоторые примеры.

Семинский перевал, главный по Чуйскому тракту, втягивает в себя скрытно, плавно, понемногу. Его не видно при подъезде ни с севера, ни с юга. Он обманчиво пологий, весь кутается во влажные леса, его огромную высоту осознаешь, только въехав в плотные облака на вершине, в его частые, даже летом, снега и дожди. Семинский перевал – кедровый, по его широкой плоской вершине во все стороны тянется плотная темно-зеленая и чистая кедровая тайга, над которой господствует с востока уже упомянутая круглая снежная вершина Сарлык. Кажется, что гора совсем рядом от дороги, но это лишь иллюзия. До ее вершины от седла перевала идти и идти многие часы тяжелого подъема. А еще Семинский перевал в любое время дня живой людный рынок: с медом, сувенирами и большими горячими чебуреками, разложенными на лотках местными жителями из Каракола и Топучей. Продавщицы тепло закутались в шали и натянули на руки вязанные шерстяные варежки – на Семинском всегда холодно! Всякая машина непременно остановится, всякий проезжий перекусит и выпьет горячего чаю, так тут полагается. Торговля идет бойко!

В полную противоположность Семинскому, перевал Чи-ке-Таман (*поставленная вертикально подошва*) весь на виду, весь открыт, обнажен с потрохами, костями и жилами, как линии широко раскрытой ладони. И проскакивается он быстро, без семинских затяжек, с короткой остановкой на узкой смотровой площадке на самом верху. Правее от современной дороги на перевал, у подошвы отрога, уходит наверх густым лесом старый проселочный Чике-Таман, а налево огибает гору новый Чике-Таман, широкой белой полосой, выбитой в горе взрывами, спрямленный и расширенный могучими бульдозерами дорожников. Чике-Таман заметно ниже Семинского, но много круче. Подъем с обеих сторон хребта берется немедленно вверх, прямо от подошвы горы. С севера дорога выстроена широкой левосторонней дугой, с юга – крутым серпантином. Характер Чике-Тамана – это две пропасти, круто падающие с обеих сторон перевала, и открывающийся с перевала простор. Особенно красив с него вид на север – на высокие горы в окрестностях Семинского перевала и на запад, где над протяженной зеленой долиной Большого Ильгуменя сверкают вдалеке, в голубоватой дымке, круглогодичные снега Теректинского хребта.

Еще один автомобильный Кырлыкский перевал (между Усть-Каном и Усть-Коксой), скрытный и темный, как подозрительный и молчаливый старовер-кержак, проложен в глухом горном седле между двумя огромными хребтами, Кортонским и Теректинским, и весь упрятан в мрачном лиственничном лесу. Кырлыкский перевал – дикий, маралий и шаманский. Прямо у дороги тянутся столбы и сетка маральника, а в селе Кырлык (*имеющий возвышенности, горы, хребты*), под перевалом, живут потомственные алтайские шаманы. Машин здесь проезжает мало, само место первозданное и отчасти даже лихое. Так и кажется, что сейчас вылезет на

дорогу медведь-шатун и вцепит когтистой лапой прямо по лобовому стеклу или стрельнет по машине из дробовика одичавший в тайге разбойник...

Характер знаменитого перевала Теплый Ключ – главных ворот на плато Укок – грозный и страшный. Перевал огромен и крут, он нависает сверху как тяжелая черная туча. Дорогой лежат вросшие в землю каменные глыбы, по которым медленно и с усилием переваливается автомобиль. За глыбами и покатою сырой болотиной начинается крутой и затяжной подъем, узкий и неровный, опасный каменной осыпью. На вершине перевала плещется среди черных камней мерзлое мелкое озерцо, рвет воздух холодный ветер, белеет слежавшийся в твердый наст нерастаявший за все лето снег, вкопан в горный склон высокий деревянный крест, который в этом диком месте наводит на путников грусть, если не сказать – тоску. За первым седлом перевала, после глубокого спуска в болотистый лог, следует длинное второе седло, едва проезжее, каменистое и узкое. С первой вершины вдалеке на юге видно само плато, точнее, его самый восточный край, освещенный ярким солнцем. И за ним – хрустально чистые поднебесные снега хребта Южный Алтай. Теплый Ключ открыт для проезда машин повышенной проходимости только летом, зимой на его пустынной вершине завывают вьюги и изредка пробежит, спеша убраться отсюда поскорее, голодный зверь.

Верх-Бийский перевал – водораздел Катунь и Бии, находится по дороге из Горно-Алтайска на Телецкое озеро, в поселок Артыбаш. Перевал невысокий, простой, по-настоящему звездный: ночью, если нет туч, над ним горит полное ярких звезд небо, разрезанное поперек сверкающим Млечным Путем. Вокруг перевала раскинулась заболоченная густая тайга, в которой не сыскать ни огня, ни жилья. Ночью перед машиной в свете фар пробегают лисы и зайцы, тяжело взлетают с полотна дороги огромные серые совы.

Ябоганский перевал, сравнительно со всеми прочими алтайскими перевалами, легкий, солнечный, воздушный. Лес на нем растет свежий и сухой, прозрачный и просторный, воздух всегда чистый, обдувающий гору легким ветерком. В сторону Усть-Кана у подножия перевала с западной стороны хребта кипит жизнью уютное село Ябоган, с другой стороны, к востоку, тянется живописная речная долина, сочные луга. За Ябоганским перевалом на восток дорога спускается в долину рек Ело и Урсул, и по ней одна за другой встречаются маленькие деревни:

Верхнее Ело, Ело, Кара-Кобы, Теньга (*широкий, просторный*), Шибе, Талда (*с тальником*) и стоящая уже на Чуйском тракте конечная Туекта.

Километров через тридцать после спуска на восточную сторону с Ябоганского перевала справа появляется село несколько крупнее прочих. Это и есть нужное нам сегодня Ело (*Йоло*, по-алтайски – белоголовый орел), село расположено очень живописно, на берегу прозрачной реки Урсул (*текущая во рву*), там, где в него втекает речка Семисарт. Горы в этом месте широко расступаются в стороны, давая людям простор для возделывания полей и пастбы многочисленного скота. Справа возвышаются отроги Теректинского, слева – Семинского хребтов. Понизу гор лежат широкие приречные поляны, по склонам отрогов высоко поднимаются густые леса, над ними виднеются серые, местами покрытые снегами голыцы.

Мы повернули с тракта вправо, в деревню. По улицам шатался сплошь пьяный народ. Некоторые еловцы уже не могли ходить и шататься и просто валялись на земле прямо у дороги. Кто-то из способных стоять на ногах двинулся к нам – попросить денег на водку или еще что, – но мы поскорее проскочили мимо них, за село. Заметили попутно небольшую толпу пьяных мужиков, гуртовавшихся у магазина. Они замолкли и обернулись в нашу сторону. Мы прибавили ходу. Еще не хватает связаться с ними – добром для нас это точно не кончится!

Выше за селом проселочная дорога направила к мостику через Семисарт. Мостик представлял из себя перекинутые через речку прогнувшиеся полусгнившие лаги, почти утонувшие в быстрой воде. Осторожно переехав речку мы покатали полем, ограниченным слева, в километре от нас, Урсулом, справа – высокой горой Актырга. Через пару километров нам встретился почти высохший ручей Тюмичин, пониже, ближе к Урсулу, окруженный высокими топо-

лями с редкой листвой. Близ его устья мы и встали на дневную стоянку, а вслед за тем пошли осматривать местность, ведомые неутомимым Юрьичем.

К счастью для нас, правый берег Урсула и обширное поле над ним были совершенно безлюдны, только паслись вдалеке непривязанные, пущенные свободно лошади. Мы развели на берегу Урсула костер, повесили на огонь котелки и принялись чистить овощи для супа.

Вдруг по берегу мимо нас быстро прошли два парня с удочками.

– Как ловится сегодня? Вы сами местные? – спросил я одного из них.

– Нормально ловится! Хариус! Местные! – ответил он, хлопнув ладонью по сумке, висевшей на боку. И унесся дальше вниз правым берегом, раз за разом забрасывая легкую снасть по неглубоким быстрым перекатам. Урсул – река рыбная, вспомнил я то, что не раз слышал от рыбаков.

Мы решили искупаться. День был жаркий и тихий. На реке тут же рядом с костром нашлись удобные глубокие омуты, прямо у берега, с тихим течением. В эти чистые и глубокие омуты, с теплой водой, мы с удовольствием окунулись целиком с головой. Такая сравнительно теплая вода, как в Урсуле, – большая редкость для алтайских горных речек. Пока мы безмятежно плескались в тихих изумрудных ямах, к реке подошло стадо сытых и медлительных коров. Они сначала не спеша спустились к реке, в которой выстроились в ряд и вдоволь напились воды, а затем величественно, одна за другой, вошли в прозрачную стремнину на середине реки и неспешно, по брюхо в воде, перебрали на левый берег Урсула. Все вообще в округе было тихо, неторопливо, спокойно, нас не беспокоили ни люди, ни мухи, ни гнус. Кони, и те дремали, неподвижно стоя в высокой золотистой траве степи.

После купания и обеда Юрьич сбежал к подножию высокого берега Урсула, к самой кромке воды, и теперь показывает нам глубокую квадратную выемку в каменистом обрыве, метра в четыре высотой и глубиной.

– Палеолитическая стоянка! Раскоп! – объявляет он.

Мы входим в раскоп и разглядываем его.

Раскоп старый, он уже сильно оплыл глиной и грязью от воздействия дождей и снегов, но в целом довольно хорошо сохранился, в том числе уцелели и его высокие вертикальные стенки. Юрьич достает ножик и начинает ковырять им стенку раскопа примерно на уровне глаз. Скоро он радостно вскрикивает и поворачивается к нам, протягивая что-то в ладони:

– Вот он! *Отщеп*! Видите?

Мы вертим в руках маленький черный камушек, плоский, с острым режущим краем. Отщеп?!

– Вот! – снова кричит от стенки раскопа Юрьич. – Еще вам отличный отщеп!

Теперь черных пластинок две. Нас разбирает археологический азарт, схожий с кладоискательским, и мы тоже принимаемся колупать ножами сырую стенку раскопа. Черт побери! Вскоре каждый из нас находит во влажной стенке раскопа, состоящей из мешанины глины и мелкой речной гальки, по осколку такого же черного камня, а то и по нескольку! Вот так дела! Между тем Юрьич рассказывает нам историю этого места:

– Этот ручей и все это примечательное поле называются меж нами *Тюмичин*. Здесь полно археологических памятников! Мы с вами проезжали на поляне мимо курганов скифов, захоронений древних тюрков с их квадратными каменными оградками, видели отходящие от курганов стоячие камни *балбалы*, ритуальные *оленьи камни*. А вот здесь, в этом вот самом раскопе, археологи нашли и изучили огромную палеолитическую стоянку – ранний и средний каменный век. Сотни и тысячи находок! Ножи, топоры, рубила, скребла и скребки, остроконечники, большое дробило, сотни отщепов, даже нуклеусы...

– Нуклеусы?

– Нуклеус – это основа для производства каменного орудия. Берется большой камень или большая галька, и с нее особыми направленными ударами скалывают вначале крупные

отщепы, которые дальше обрабатываются все новыми сколами или более мелкой ретушью, вплоть до получения мастером готового изделия. А первоначальный камень, когда из него наделают несколько или много готовых орудий, т. е. то, что от него в итоге останется, – это и есть нуклеус. Это как кочерыжка у капусты! Найти нуклеус – большая редкость и удача! Ведь он показывает и доказывает технологию производства каменных орудий. Зато вот отщепов, как вы сами убедились, полно! Это же обычные отходы каменного производства. Как щепки в лесу на вырубках.

Мы продолжаем ковыряться в срезе раскопа и скоро уже сами легко замечаем характерные черные каменные вкрапления в глине, среди массы светлой гальки.

– А почему камень для каменных орудий обязательно черный?

– Потому что это или кремьень или обсидиан – у них очень прочные и острые режущие кромки, и они хорошо отслаиваются тонкими пластинами, откалываются от нуклеуса. Именно из них и делали каменные орудия: ножи, топоры, скребки, – которые долго служили, были износоустойчивыми, хорошо резали мясо и шкуры животных.

– А где же они доставали такие камни?

– В Сибири были свои месторождения кремня, обсидиана, яшмы, в том числе и на Алтае. Там брали и после обрабатывали.

Мы выбираемся из раскопа наверх, на поляну. Удивительное дело, Юрьич и здесь, прямо в траве, находит черные осколки.

– Да здесь-то они откуда?! Понятное дело в глубине, в древних слоях... Но здесь-то как на поверхности?

– Во-первых, коровы ходят, рыхлят землю, выцепляют копытами камни наружу. Во-вторых, земля протаивает по весне или в сильные дожди, обнажается каменная подкладка. Много еще камней в паводки рекой наносит или размывает по берегам ручья.

Мы бродим по поляне, всматриваясь в сухую землю сквозь редкую травку. И тоже находим черные камушки!

– Но как же определить, что это именно рукодельный отщеп, а не просто случайно отколовшийся кусок природного камня? – допытываемся мы.

В ответ Юрьич собирает в кучу все наши находки и внимательно разглядывает каждую из них.

– Вот! – торжествующе восклицает он.

Перед нами возникает один из только что поднятых на поляне черных осколков.

– Видите?

– Нет, не видим! Что именно надо увидеть?

– Ну вот же! Смотрите сами! Вот же отчетливо видно, что пластина была отколота сначала от нуклеуса, вот в этом месте. А потом аккуратно обработана, по острой кромке, более тонкой ретушью! Вот, вот и вот! – Юрьич тычет пальцем по острому краю камня.

Мы смотрим. И правда, очень похоже, что края камня специально были обколоты более дробными сколами. Получилась острая режущая кромка, скорее пила, чем нож.

– Природа так никогда не обработает, только человек, – радуется Юрьич.

– А чем они обрабатывали?

– От нуклеуса отбивались тонкие пластины – делалось это другим прочным камнем, сильным направленным ударом. Требовалось для этого большое мастерство. Умели найти на камне место напряжения. Своеобразный узел энергии камня, точку для первоначального расщепляющего удара. Били сильно и точно в нее, и коли попадали, то камень расслаивался на плоские пластины, с острыми краями. Вот так примерно!

Юрьич берет в руку крупную серую гальку и сильно лупит по ее тупому концу, как по яйцу, другой галькой, только острым ее концом. Первый камень распадается пополам, а вовсе не на пластины. Но Юрьич не унывает:

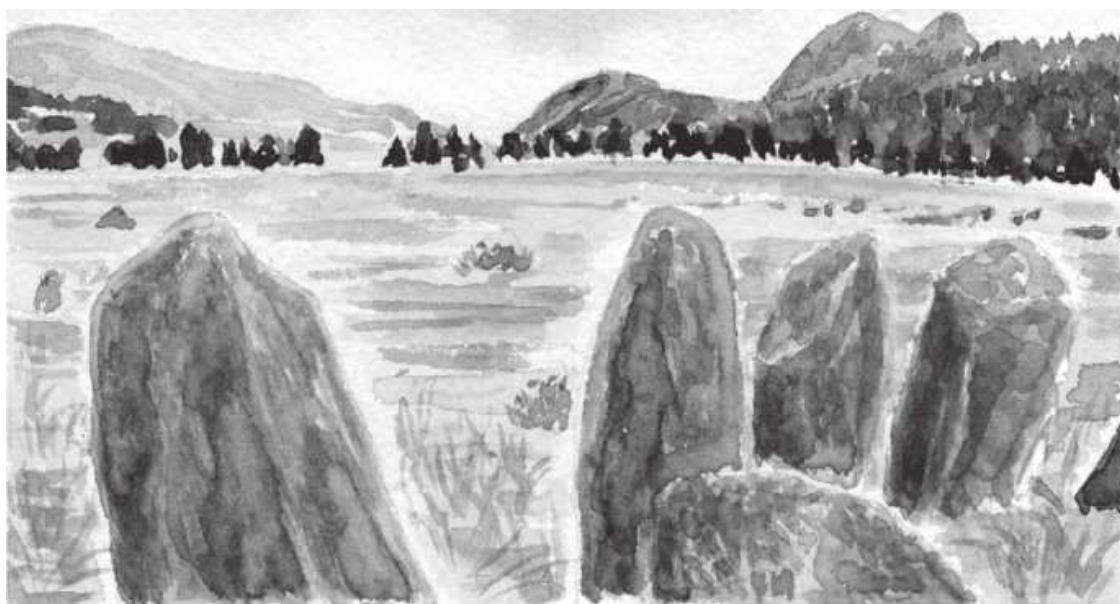
– Да это не тот камень! Материал негодный! Кремень для этого нужен!

– А почему так мало орудий находят! В основном одни только отщепы попадаются?

– Так и это вполне логично! Ведь готовыми орудиями работали – дело делали! Охотились, обрезали шкуры, строгали лес. Пока инструменты не ломались, и тогда их просто выбрасывали. А здесь, на месте изготовления, остались в основном отщепы, осколки, ядрища, бракованные вещи, как вот эта, которую так и не смогли довести до ума. Так вот, сначала отбивали от нуклеуса, или облупения, первоначальную, подходящую по форме и размеру пластину и потом аккуратно доводили ее до ума более мелкой и точной ретушью. А мелкие сколы этой самой ретуши делались или деревянной палкой, или же костью – для большей точности. Старались получить как можно более ровный и острый рабочий режущий край.

Мы бродим по поляне, изредка натываясь на все новые отщепы и пластины. Часть из них действительно обнаруживается на глинистом дне ручья, среди коровьего кизяка.

Между тем пейзаж вокруг нас, без всякого преувеличения, великолепен! Просторная зеленая долина Урсула, по низу которой струится чистая речка. Вдоль речки стоят высокие стройные деревья, в их тени можно укрыться от зноя и дождя. Поляна между рекой и горой широкая, ровная, покрытая душистой травой. Местами поляна огорожена плетнями – под покосы. В треугольнике у слияния двух речек на правом берегу Урсула замерла одинокая пирамидальная гора, как бы отделяющая поляны Тюмичина от самого села Ело. Китайцы бы непременно признали в Тюмечине свой фэн-шуй: вот здесь вода, вот здесь гора, а здесь – другая река, и опять другая гора, все это по осям и строго симметрично. Огромная долина со всех сторон закрыта от посторонних глаз, защищена самой природой, сокрыта и сокровенна. При этом от протяженной поляны по всей ее длине есть прекрасный подход к воде. Равнина Тюмечина представляет собой отличное пастбище, по ее краям растет богатый хвойный лес, да и до села от поляны рукой подать. Долина надежно защищена от сильных ветров и отменно прогревается солнцем долгими летними днями, благодаря своему удачному расположению по линии восток – запад. Словом, ей присуще все, что нужно для признания долины священной. Каждые два года именно здесь, в Ело и долине Тюмечина, алтайцы проводят свой главный национальный праздник – многолюдный фестиваль Эл-Ойын.

Древние камни в долине Ело (В. Рыжков, 2008 г.)

В центре поляны, на небольшом возвышении, столетия тому назад был вкопан высокий олений камень – культовый обелиск бронзового или начала железного века. Попросту глубоко

закопанный в землю длинный и гладкий камень, стоящий слегка под наклоном. Место для него, как обычно, выбрано безупречно: именно отсюда открывается наилучший обзор всей межгорной котловины вокруг Ело. У оленного камня жители села производят свои обряды, сам камень и вся окрестная долина для них священны. Мне рассказывали, что есть и другие алтайские святилища, незнакомые чужакам, сокрытые в близ расположенных горах...

Прошло уже несколько часов, как мы находимся на Тюмичине. Мы до глубины души взволнованы и потрясены его красотой и сокровищами. На каждом шагу попадаетесь и призывает нас к ответу какая-то допотопная тайна. Вся долина близ Ело дышит архаикой и загадками, всюду обнаруживаются отзвуки стародавних событий. Каменный, бронзовый, железный века, скифы и древние тюрки, алтайцы и русские – все оставили здесь свой зримый след. Даже местные лошади глядят на нас не абы как, а пристально и со смыслом, вприглядку. Есть на ближнем к деревне краю поляны даже свой миниатюрный Стоунхендж – большие камни, стоящие кругом вокруг древних могил. Словом, Тюмечин – подлинная долина чудес!

Устав бегать по долине и сытно отобедав наваристым супом из котелка, мы отдыхаем на прибрежной полянке и обсуждаем, при наставничестве многознающего Сергея Юрьича, мистическую природу этого замечательного места. Юрьич еще сильнее укрепляет в нас веру в то, что место это отнюдь не простое.

И вот, как только мы погрузились в свои две машины, чтобы отправиться в обратный путь к Денисовой пещере, долина Тюмичина показала себя, весь свой непостижимый человеком нор.

Наши два уазика катили один за другим, не спеша, сухой полевой дорогой, по направлению к полузатопленному мостику через речку Семисарт. Настроение у нас было отличное, даже веселое. День только-только начинал клониться к вечеру. Было часов пять дня. Ближе к выезду из долины, как только мы поравнялись с пирамидальной горой и небольшой группой курганов и торчащих из земли камней, задняя машина вдруг резко затормозила и остановилась. Водитель выскочил из нее как ошпаренный и полез под днище. Что такое?! Мы остановились, вылезли наружу и побежали назад разбираться.

А приключилось вот что. Мы на первой машине проехали это место, промеж древних тюркских могил, благополучно. Но ехавшая вслед за нами вторая машина наехала передним колесом на длинный острый камень, неведь откуда возникший на дороге, прямо на пыльной сухой колее. Камень непостижимым образом вертикально поднялся под колесом и в секунду пробил насквозь своим острием масляный поддон второго уазика. Теперь горячее масло часто капало, капля за каплей, на сухую землю, быстро вытекая. Водитель поднялся на ноги и теперь стоял, огорченно смотрел на это, тихо матерясь.

Надо было спешить, ведь дорога предстояла неблизкая. Запас масла у нас с собой какой-то был, чтобы его время от времени подливать, но хватит ли этого до базы на Дениске? Мы помчались в обратный путь, проскочив мостик через речку и мимо пьяниц Ело, которых к вечеру еще прибавилось. Еще до Ябоганского перевала мы пару раз вставали и доливали масло и едва-едва, с большим трудом, докатились до Усть-Кана, где пострадавший уазик окончательно встал на прикол в автосервисе. Пришлось нам нанять другую машину в райцентре и добираться на ней до базы. Пробитый же насквозь камнем уазик несколько дней простоял в Усть-Кане на серьезном ремонте. Таким вот странным образом не хотел отпускать нас от себя священный Тюмичин. И главное – что мы ему сделали? Слишком шустро ковырялись в стенке раскопа ножами? Зря полезли, потные, в прозрачные омуты Урсула? Или же нам вовсе не следовало приезжать на Тюмичин, беспокоить местных духов, разжигать костер и варить жирную солянку? Мы были сбиты с толку.

Что все это вовсе не шутка и не случайность, я убедился через пару лет, когда снова заехал на священную поляну близ Ело. Меня туда тянуло, в это красивое, богатое историей

и поэзией место. И все повторилось! Вновь было два уазика. Опять стоял тихий солнечный день. Текла своим руслом прозрачная речка. Темнели в земле черные камни. Клонился вбок оленный столб. Вихлял по глине размытый дождями ручей. Паслись лошади. Пили из реки коровы, на все том же броде. Разливалась окрест все та же благодать.

И вдруг, опять ближе к вечеру, резко переменялась погода. Налетели черные тучи, поднялся резкий, летящий понизу ветер.

Забарабанил по крышам машин крупными каплями дождь. Мы сгребли вещи, бросились внутрь автобусов, завели моторы. Надо было срочно уезжать – пока не размывло полевые дороги, пока не поднялась вода в реках. Иначе бы мы могли оказаться наглухо запертыми на Тюмичине, одни, без припасов, даже без палаток.

Ехали, утекая с Тюмичина, и сильно боялись того места между курганов, где ранее пробили поддон, но в этот раз там обошлось. Удачно проскочили и прогнувшийся мостик через речку Семисарт, хотя доски настила были уже мокрые и скользкие, а вода грозно пенилась по низу бревенчатого пролета, прибывая с каждой минутой, грозя вот-вот затопить переезд. Беда к нам пришла в самом Ело. По глинистым улицам деревни широко текла грязная вода, все вокруг кипело и несло. Проезды между домами превратились в бурные ручьи. Наш, опять передовой, уазик летел неуправляемым юзом вниз по улице, скользил и крутился по влажной глине. Водитель лихорадочно вертел рулем вправо и влево, пытаясь удержать машину на дороге, стараясь не врезаться в столб или в забор. Внизу улицы, у магазина, мы наконец смогли остановиться поперек дороги и лишь тогда обернулись.

Второй уазик уже быстро сплывал по жидкой глине нам вслед, тоже юзом, не разбирая пути. Он с ускорением мчался вниз, прямо на нас. Все ближе и ближе! Его колеса месили глину, дворники бешено скребли мокрое и грязное лобовое стекло, водитель, выпучив глаза, терзал руль, мотая его из стороны в сторону. Машина была совершенно неуправляема и неудержимо летела прямо в нас!

В последний момент второй водитель сумел немного притормозить, но все же, на излете своего бешеного грязевого сплава, клюнул носом наш вездеход в правый бок. Звякнул металл, качнулась машина, матюгнулся наш водитель. Обе машины остались на ходу, но кузовной ремонт пришлось производить обеим. Так Тюмичин проучил нас второй раз. Все-таки что же он хотел нам этим сообщить?

Спустя год я опять проезжал мимо Ело со стороны Туекты, главной дорогой на Усть-Кан. Слева за Урсулом виднелась хорошо известная мне поляна Тюмичина. Темнел за рекой знакомый квадратный раскоп в речном обрыве. Кажется, что даже коровы там расхаживали все те же. Миновав Ело, мы понемногу приблизились к началу подъема на Ябоганский перевал. Здесь у последнего поворота к перевалу шел ремонт моста, а левее был устроен объезд кочковатым проселком. Там мы и поймали правым задним колесом большой ржавый гвоздь. «Опять это Ело!» – тут же подумал я.

Колесо испустило дух, мы застряли. Пришлось выгружать на обочину дороги все наши вещи, чтобы достать со дна багажника запаску. Пока меняли колесо, пока грузили все обратно, прошло полтора часа, не меньше. Водитель только молча пожимал плечами.

Еще через год спускались с Ябоганского перевала, с другой стороны, со стороны Усть-Кана. Мостик был уже отремонтирован, но я все равно ждал подвоха от Ело. И представьте, дождался! За сто метров до мостика мы поймали не гвоздь, а острый камень, который разрезал правое переднее колесо. Опять встали, опять разгрузились, опять привинтили запаску. Водителю я ничего рассказывать не стал. Да и зачем?

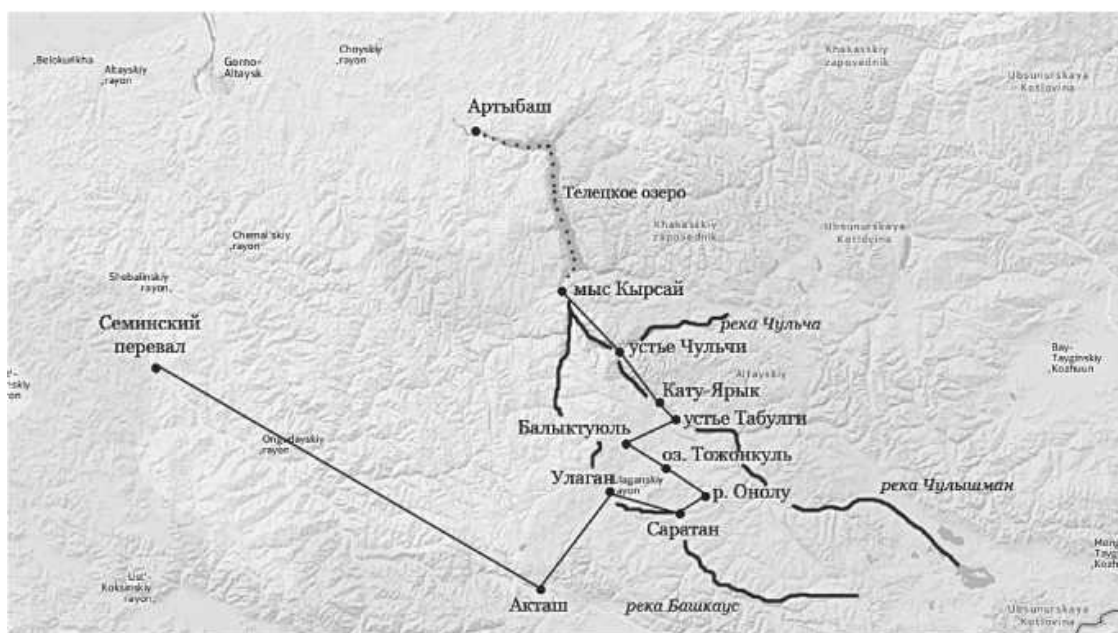
С тех пор мне не довелось (надеюсь, что пока) заехать на Тюмичин. Не потому что чего-то опасаясь, а как-то было всякий раз не по пути. Вам же, читатель, я очень советую посетить это удивительное по красоте и энергии место!

Что же касается разрезанных колес и пробитых масляных поддонов – так, может быть, это и вправду были одни лишь нелепые случайности! А вам, читатель, я уверен, напротив, повезет, и вы, совершенно при том без печальных последствий, отыщете в размытом дождями раскопе самый настоящий, самый первостатейный, самый черный из всех вороных *нуклеус*\

Земляничные поляны алтая: между Башкаусом и Чулышманом

(деревня Саратан, междуречье Башкауса и Чулышмана, долина Чулышмана, Чульна, Телецкое озеро)

В другое прекрасное алтайское лето решили мы проехать на конях обширное междуречье рек Башкаус и Чулышман в среднем их течении. Места это далекие, глухие, малолюдные, туристы там почти не показываются. Мало что известно нам было про эти районы Алтая, редко кто из городских жителей до нас побывал там. Проводников по этим местам мы также нашли не без труда. Причина этих трудностей заключалась в том, что таежные тропы междуречья Башкауса и Чулышмана находятся далеко от популярных и привычных туристических маршрутов, нет там и опытных проводников. Даже жителям Горного Алтая немного говорят такие редкие названия, как Саратан, Анаяк, Онулу и прочие. Но именно поэтому они и были нам особенно интересны.

Путешествие по междуречью Башкауса и Чулышмана и по Белецкому озеру

Горы в междуречье Башкауса и Чулышмана сравнительно невысокие, лесистые, населенных пунктов там, считай, что и нет. Слышали мы смутные истории про тамошние красивые озера, про чистые быстрые речки, про цветущие тысячами цветов солнечные и душистые луга. Вот и решили хорошенько изучить все это сами. План похода был таков: выехать на конях от села Саратан на реке Башкаус на север, на обширное плоскогорье между Башкаусом и Чулышманом. Затем неспешно объехать плоскогорье кругом и спуститься с него в ущелье Чулышмана. Дальше продвинуться вниз вдоль реки долиной до места впадения Чулышмана в Телецкое озеро, на южнотелецкий мыс Кырсай. И в завершение всего путешествия оставить коней и проводников на Чулышмане и пройти все Телецкое озеро на корабле до поселка Артыбаш. И уже оттуда, по асфальту, возвратиться в Барнаул на автобусе. Так была задумана очередная наша алтайская «кругосветка»...

Саратан

Поначалу наш поход как-то не задался. Первую ночь, проделав длинный путь по Чуйскому тракту на машине от Барнаула, мы провели на вершине Семинского перевала, в дешевой гостинице при спортивной базе отечественной сборной по биатлону. На двухкилометровой высоте перевала ночью на улице было зверски холодно, но при этом как днем, так и в сумерках, летали вокруг нас серыми облаками и больно кусались злые комары. В убогих номерах хлипкой гостиницы со стен свисали отлипшие грязные бумажные обои. Горячая батарея отопления у изголовья ржавой железной кровати нестерпимо жгла затылок, не давая спать. Принимая душ, лучше было бы ослепнуть, чем видеть, где и на чем ты при этом стоишь. Из ржавого круглого слива прямо под ногами торчали коричневые брюшки дохлых тараканов. Всюду была несусветная грязь, блестела вонючая, покрытая какими-то рыжими пятнами клеенка. В столовке, расположенной в соседнем бараке, давали такого же цвета, как тараканы, и схожего же вида жареное мясо, твердое, как шина от уазика, и того же примерно вкуса. От безделья наша усталая после перелета и долгой дороги компания села играть в карты в дурака в тесной прихожей гостиницы, запивая глупую игру теплым вискарем. То ли от большой высоты, то ли от нестерпимой духоты в комнатах, а может, и от ужасной еды, но все мы в результате сильно отравились и на следующий день ехали по Чуйскому тракту с больными головами и неопределимой мутой в желудках.

Добрались поутру по гладкому асфальту Чуйского тракта до шахтерского в советском прошлом поселка Акташ (ак-таш – *белый камень*), где съели что-то без аппетита в дешевом придорожном кафе. В Акташе свернули с Чуйского тракта на восток на гравийную дорогу, ведущую в райцентр Улаган. Миновали знаменитое живописное ущелье Красные Ворота и уже скоро за ним выехали наверх – на холодное просторное плоскогорье между Чуей и Башкаусом (Улаганское нагорье) с красивыми студеными озерами и лиственничными лесами по их берегам. Спустя час пересекли нагорье и спустились в районное село Улаган (*великий правитель, соединенный*), располагающееся на берегах крупной реки Башкаус, где перетащили все вещи из паркетного японского микроавтобуса в крепкий местный уазик-«буханку».

После перегрузки продолжили путь на нем совсем уж плохой дорогой правым берегом Башкауса, вверх по течению, в деревню Саратан (*рыжий оскотленный верблюд*), последнюю из населенных пунктов на Башкаусе. Выше Саратана автомобильной дороги и деревень по Башкаусу нет. Дорога виляла в стороны, вверх и вниз, шла близко над рекой, в основном лесом, покуда не выкатила нас прямо в Саратан. Это оказалось маленькое, заставленное деревянными избами сельцо на берегу Башкауса, издавна населенное коренными алтайцами – теленгитами (*теленгиты* – один из субэтносов алтайцев, проживающий главным образом по берегам рек Чулышман и Башкаус, а также в Чуйской степи). Саратанцы занимаются традиционными скотоводством, охотой и рыбалкой – в полноводном Башкаусе всегда много рыбы. Живет в селе человек 800, не больше.

– Где нас встретят проводники с конями? – спрашиваю я Лену, нашего главного организатора, которая договаривалась с ними заранее еще из города.

Мы остановились где-то посреди Саратана на пыльной улице, по которой бегают грязные белые куры. Вокруг нас низкие деревянные избы, стоящие за кривыми заборами, с крышами из почерневшего от дождей теса. Огороды большие и неухоженные, совсем дикие, заросшие большей частью сорняками. Не видно ни души.

– Они мне сказали, что будут нас выше села ждать, – вертит головой Лена. Она сама тут впервые.

Мы проезжаем всю деревню насквозь дальше вверх по течению Башкауса и находим сразу за деревенской околицей чистую зеленую поляну, всю окруженную стройными, с тон-

кими белоснежными стволами березками. По краю поляны справа бежит быстрый Башкаус. Поляна сказочно хороша, вся бархатно-зеленая и до краев залитая солнцем. Но, увы, и на ней не видно наших проводников с конями. Нет в Саратане и мобильной связи, как, впрочем, нет и обычной проводной: посреди деревни стоит деревянный столб с прибитым к нему большим гвоздем синим ржавым телефонным аппаратом, но провода на нем давно оборваны, а в трубке тишина.

Между тем день уже начал клониться к вечеру, и наш улаганский водитель заметно нервничает. Ему пора возвращаться домой в Улаган. Делать нечего, и мы решаем заночевать прямо здесь, в Саратане, на приветливой заоколичной поляне. Возможно, наши проводники с конями, которым предстоял дальний путь навстречу нам из села Балыктуюль через перевалы, просто по какой-то причине запаздывают. Связи с ними все равно нет. Нам остается сидеть в Саратане и ждать их.

Село Саратан на реке Башкаус (В. Рыжков, 2010 г.)

Мы выгружаем вещи и припасы на поляну, уазик уезжает, поднимая за собой легкую пыль. Проводив машину, мы быстро ставим палатки, и поляна оживает. Горит на костровище веселый огонь, закипает вода в котелках, блестят на вечернем горном солнце разноцветные палатки. Вокруг нас – настоящий рай! Представьте только: жаркое алтайское лето, в голубом высоком небе печет и накаляет воздух солнце, бежит-журчит близ нас чистая горная речка, под березами синеют прохладные хрустальные тени, в тихой протоке у корней берез катается туда-сюда мягкая речная волна. Все бросаются купаться, потом лежат на сочной траве, загорают. Воздух пахнет медом и свежестью. Вокруг – горы, покрытые густым лесом, справа – избушки Саратана. Даже они, черные и косые, на солнце смотрятся весело и бойко. Идиллия!...

Со стороны Саратана тарахтит мотоцикл. На нем едут в нашу сторону двое подростков в коротких майках и штанах, без касок. Мотоцикл скатывается с деревенской горки и направляется напрямик к нашему костру.

– Здравствуйте! Вы откуда? Вы кто? – спрашивают подростки, говоря с сильным алтайским акцентом. Они нас нагло разглядывают, не сходя с мотоцикла. Для них, как и для всего Саратана, мы настоящая диковина, ведь туристов тут практически не бывает. И вдруг объявилась сразу целая группа, поставила лагерь, палатки!

– Мы из Барнаула и из Москвы. Туристы. Ищем своих проводников с конями, из Балыктуюля – не видели их ребята, кстати? Они за нами должны были приехать сегодня утром, спуститься сюда сверху!

Мальчишки отрицательно крутят головами и продолжают нас откровенно и с большим интересом рассматривать.

– Вам мясо не нужно и еще молоко свежее? – спрашивают они.

– Везите! – говорим мы, и их мотоцикл тарыхтит обратно в Саратов.

За ним из деревни немедленно появляется другой мотоцикл, такой же старый и трескучий.

На нем два парня постарше, в старых коротких пиджаках, накинутых поверх маек. Они просто тормозят у костра, молча курят и в упор осматривают нас, наши палатки и припасы. И чуть погода молча уезжают. Они тоже не видели и не слышали про наших проводников и коней.

Потом к нам кто-то едет из деревни верхом на коне. Этот кто-то сидит криво и сильно раскачивается в седле. Когда визитер останавливает коня у костра, мы видим, что всадник в стельку пьян и, будучи едва живой от выпитой водки, с трудом слезает, точнее, сползает с коня на землю.

– Вы кто? – спрашивает он заплетающимся языком.

– Мы туристы, ждем своих проводников с конями. Они из Балыктуюля за нами должны спуститься.

– Это моя земля, и вы должны заплатить мне за стоянку! – вдруг заявляет пьянчужка, держась при этом за седло, чтобы не упасть. – У меня в Барнауле брат в ФСВ работает! Если не заплатите, он вам покажет! – не то бахвалится, не то угрожает он. При этом язык едва слушается хозяина, а ноги предательски подламываются.

– А как фамилия твоего брата? – вдруг резко переходит в контрнаступление наша Лена. – Я там всех знаю, в барнаульском управлении!

Саратанский шантажист впадает в ступор. Он морщит лоб и крутит глазами, привалившись плечом к седлу. От него так сильно несет перегаром, что даже привычный к такому состоянию хозяина конь воротит от него в сторону хитрую морду. Наконец, посообразав что-то своими пропитыми мозгами, вымогатель вновь собирается с силами и пьяными обрывками мыслей.

– Так что? Вы мне заплатите или нет? Это же моя земля! Надо платить за стоянку! – обводит он поляну рукой и едва не падает от этого непростого для него движения под ноги коню.

– Нет, не заплатим, – твердо огорчаем его мы.

Снова морщится лоб, снова вращаются глаза, снова качается у седла нетвердое тело, переминаются по траве грязные сапоги. Гуляет по воздуху вонючий перегар. Мы раздосадованы и ждем бесконечного продолжения этой печальной комедии, которая испортит нам весь отдых. Но нас спасает само провидение.

Оно является в виде крепкой женщины, тоже верхом, которая быстро скачет к нам со стороны Саратана. На ней длинная юбка, кофта, голова повязана платком, она несется галопом по поляне, лихо крутит в правой руке длинную крепкую веревку и громко кричит в нашу сторону:

– Эй! Вася! Вася-я-я!!! Чтоб тебяя!!!

Наш близкий к спецслужбам пьяный знакомец с трудом поворачивается назад и, увидев алтайскую амазонку с веревкой в руке, разве что не валится на землю от страха.

– Ах ты зараз-з-за! От ты! Подлец!!! Опять нажрался!!! – громко кричит на него, подхватив, женщина и с ходу пару раз довольно чувствительно лупит пьяницу по спине толстой веревкой. – Ну-ка быстро домой, паразит! Алкаш проклятый!

К нашему изумлению, наш шантажист сразу же сдается, без боя, и покорно лезет в женино седло, цепляясь нетвердыми пальцами за железную луку седла. Жена тащит его за шиворот рубахи, грозно глядя сверху, и одновременно громко ругает его, щедро раздавая подзатыльники свободной рукой.

– У него что, правда брат в ФСВ в Барнауле служит? – интересуемся мы.

– Да какой брат, откудова! Ирод брехливый! Денег у вас небось требовал? Уж ты паразит, я тебе покажу дома брата в Барнауле! Я тебе выдам ФСВ под самую задницу! Зараз-з-за!

Женщина резко разворачивается и уезжает с мужем в деревню, по дороге выдавая ему крепких тумачков вдобавок к прежним. Вася пьяно блажит. За ними бежит, весело виляя хвостом, довольный устроенным представлением Васин конь. За ним тащится по траве длинная веревка.

Снова тархтит мотоцикл. Едут знакомые нам первые подростки. Один держит белый пластиковый пакет, в руке второго – большая бутылка со свежим жирным молоком. В пакете обнаруживается парное мясо, толстая и сочная говяжья вырезка. Мы все это покупаем, очень недорого, и подростки, довольные совершенной сделкой, уезжают.

Нашему краткому дневному покою окончательно приходит конец. Идиллия разрушается окончательно. Вокруг нас все теперь трещит, тархтит и движется.

Мы нечаянно оживляем своим неплановым присутствием сонный Саратан, в котором в момент нашего прибытия не было никакого движения, ни единой живой души! Теперь же над нашей головой на верхней проходящей над поляной дороге беспрестанно трещат мотоциклы, мотаются туда-сюда машины с саратанцами, приехавшими с единственной целью поглазеть на нас. По узкой дорожке в траве, что бежит прямо посреди поляны рядом с нашими палатками, тоже носятся туда-сюда мотоциклы, мопеды и велики, с местными подростками, мужиками и парнями. Кто-то тормозит и заговаривает с нами, кто-то просто молча тархтит на нас и на наш маленький лагерь.

Вскоре мы ощущаем себя как макаки в открытом вольере зоопарка, окруженные со всех сторон любопытными зеваками. К вечеру на невысоком пригорке, что на дальнем краю поляны, собирается уже изрядная толпа местной молодежи. Все они то и дело поглядывают на нас, явно только нас и обсуждают, не скрываясь перемывают нам кости. Их неумная активность тревожит нас, ведь мы в явном меньшинстве в сравнении с ними. Саратанцы разводят свой собственный костер, рассаживаются вокруг него по кругу на корточках, пьют пиво, что-то жарят на березовых прутьях. При этом движение по тропе и дороге в обоих направлениях не прерывается ни на минуту.

Еще днем мы понимаем, что жизни нам в Саратане не дадут никакой и опять отправляемся в деревню – искать наших потерявшихся проводников. Мы заходим в сельсовет (длинная изба с жидко белеными стенами и с дверьми по двум сторонам узкого коридора), где выясняем, что телефон не работает и у них, у единственной местной власти! Мы расспрашиваем прохожих мужиков, продавщиц местного магазина, выпрашиваем у пробегающих мимо нас ребятшек, но все тщетно – никто не видал и не слышал про наших проводников. Да где же они, в конце концов?

Ночь на поляне проходит в натуральном угаре. Мы лежим в темноте в своих палатках, понимая что спать нам нынче не дадут. Прямо над ухом у палаток тархтят мотоциклы, трещат мопеды. Вот они, кто-то там во мраке, остановились прямо у нашего маленького лагеря, шепчутся в ночи, смеются, чем-то позвякивают. Вот эти кто-то уехали, но на их место тут же прибыли другие, они тоже шепчутся и чем-то стучат, шуршат, хрустят – и так продолжается

всю ночь до самого рассвета. Из Саратана надо поскорее бежать – это нам ясно, как день! Но где же наши проводники???

Утром наши опасения и тревоги только укрепляются. Кто-то находит в кусте, рядом с костром, пластиковую бутылку, наполовину наполненную бензином. Что это? Угроза поджога? Да что же это такое! – ну где же, дьявол, наши проводники?!!

После раннего завтрака Лена снова бежит искать их. Договорилась ведь с ними о встрече «*выше деревни*», но где именно находится это самое место, которое «*выше*»? Мы не выпалились и со всех сторон осаждены все более агрессивными саратанцами.

Проходит еще два томительных часа под надоевший аккомпанемент тархтения и треска мототехники. Колготня вокруг нас не стихает, наоборот, народу вокруг крутится еще больше, чем накануне. И вот, наконец, наступает счастливый для нас момент! Мы видим, как из Саратана спускается к нам вереница связанных веревками коней, на двух сидят наши проводники, на третьем – Лена.

– Да где же вы были?! – радостно встречаем их мы.

– Да мы там вчера весь день сидели наверху – на лесопилке! Как договаривались – выше деревни вас ждали! – показывают куда-то в гору над Саратаном наши молодые проводники из Балыктуюля Марат и Тимур.

Выясняется, что весь вчерашний день они напрасно прождали нас сильно выше по горе, километрах в трех от деревни в лесу на берегу речки Саратан, в том месте, где работает деревенская пилорама и заготавливается для местных нужд лес. Просидели Марат и Тимур больше суток у костра, и, точно так же, как и мы, недоумевали – где же их туристы, куда они пропали? Мимо них никто не проехал и не прошел за весь день – вот никто их и не видел. А в деревню они не спускались, чтобы не раздражать понапрасну местных жителей. В Саратане, как мы успели убедиться, не любят чужих, да еще если они с конями, да еще зарабатывающих на туристах в этих краях, законно принадлежащих саратанцам, а не балыктуюльцам.

В минуту радостной встречи с проводниками мы только и думаем о том, как бы поскорее собраться да пошустрее убраться с глаз долой от возбужденных всем происходящим саратанцев. Саратанцы тоже немедля сообразили, что мы скоро отбудем, и еще теснее смыкают вокруг нас свой беспокойный круг. Часть из них еще с ночи пьяные, есть и те, кто открыто держатся в отношении нас вызывающе и агрессивно. Совсем не очевидно, что нам дадут спокойно собраться и уехать отсюда. Напряжение растет, нашим молодым проводникам из села Балыктуюль тоже явно не по себе. Мы окружены со всех сторон, мы в ловушке. И тут нас вновь выручает случай.

В разговоре между местными парнями и нашими проводниками выясняется, что у одного из наших проводников, Марата, есть в Балыктуюле хороший друг, который, в свою очередь, приходится близким родственником одному из окруживших нас саратанских парней, из числа тех, что постарше и пока что потрезвее. Обстановка вокруг нас враз теплеет, происходят отдельные улыбки и объятия, не без пьяных. Круг вокруг нас немного расступается, становится свободнее. Я даже дарю на прощание этому старшему саратанскому парню бутылку теплого пива в стеклянной посуде, что еще больше утепляет атмосферу наших лихорадочных сборов. Марат и Тимур ловят благоприятный момент и начинают вместе с нами спешно выючить коней. Мы очень торопимся отбыть, пока местные жители не переменили хорошее настроение на враждебное. Из Саратана пора срочно уносить ноги.

Чертов конь!

Но прежде, чем собранные и навьючившие наших коней, мы пустились в далекий путь из Саратана, я умудряюсь отчасти опозориться, и что хуже всего – делаю это прямо на глазах окруживших нас толпой саратанцев. Меня подводят моя самоуверенность и мой конь, точнее тот мерин, который достался мне при раздаче проводниками незнакомых нам приведенных из Балыктуюля лошадей. Это огромная рыжая детина, на которого мне приходится взбираться, как на вавилонскую башню. Но главный неприятный сюрприз – выказанный им чертов характер, который я в итоге и укрощал с утра до вечера всю будущую неделю похода! А может, наоборот, – это его чертов характер укрощал меня на протяжении всего нашего путешествия!

У меня имелся довольно большой опыт конных походов, я много каких повидал лошадей и неплохо знал как с ними следует обращаться, я был вполне уверен в своих силах и опыте. И пока мои друзья копались у своих нагруженных по самое не хочу животных, я решил гордо и уверенно вскочить на своего коня, не спросив (крайне опрометчиво) у проводников, что за конь у меня на этот раз оказался, и какие у него отмечены особенности: в норове и в привычках. Ведь особенности норова есть у каждого коня и, поверьте, желательно узнать про них заранее!

Кончилось моя самонадеянность плачевно.

Моя рыжая, высокорослая, массивная скотина, до того стоявшая спокойно и меланхолично, в момент, когда я только вставил ногу в левое стремя и начал взлетать, высоко задрав правую ногу, в седло, вдруг резко прыгнула вверх и вперед, подскочила, буквально, как бешеный паук, как перепуганная жаба! Через мгновение я уже видел себя, летящего где-то высоко в воздухе, покуда мой конь галопом уносился в сторону Саратана. Тяжелые Сумыны хлопали его по круглым бокам, задние копыта быстро мелькали, поднимая адскую пыль. Через пару секунд я с грохотом упал на спину, слава Богу, на мягкую траву, и услышал вокруг себя громкие мат и хохот. Весь Саратан гогочет и потешается надо мной.

Матерятся и пускаются бегом в погоню за мерином два наших проводника, Марат и Тимур, а хохочут и покрикивают, ясное дело, несказанно довольные всем увиденным саратанцы. Им хотелось зрелищ – так я дал им зрелище! Заливаются счастливым смехом и мои верные друзья (Лена, да Катя, да Алина, да Сергей, да Слава), ну как же тут можно удержаться! Как любит говаривать один из моих друзей: «самый искренний смех – злорадный!». Однако на всякий случай все они, как один, просят проводников, которые скоро вернулись с моим нервным беглецом, придержать поводья их собственных лошадей, пока они будут рассаживаться по седлам.

– Чего этот черт меня сбросил-то? – спрашиваю я, сильно раздосадованный, Марата.

– Наверно, куртки испугался, – пожимает плечами Марат. На мне и вправду ярко-красная горная куртка. Возможно, Марат и прав. Действительно, обычно коню надо два-три дня, чтобы привыкнуть к новому седоку, не пугаться его. А тут новый седок, резкий, да еще в красной куртке – несложно было испугаться и понестись без разбору куда глаза глядят!

– Это не наш конь, мы его сами взяли у соседа. Потому и не знаем, какой он, что у него на уме! К чему он приучен, у соседа-то! Черт его знает! – поясняет Тимур.

Марат крепко берет моего детину под уздцы, и я осторожно взбираюсь в седло. Мои друзья также рассаживаются в седлах, хватают в руки поводья. Поляна чиста, все вещи упакованы и навьючены. Можно, наконец, трогаться. Толпа саратанцев долго стоит и смотрит нам вслед, пока мы не скрываемся из виду.

Неспешно проезжаем деревню. Жара. Тишина. Опять ни души. Видимо, все кто свободен, кто сейчас не на полевых работах, собрались на нашей веселой поляне. Только у мостика через речку лежит на животе, головой вниз, наклоном к речке, мертвецки пьяный мужик в

кирзовых сапогах. Рядом с ним сидит и сторожит его беспробудный сон преданный лохматый пес.

Слава и его больная лошадь

Сразу за мостиком через Саратан, маленькую шуструю речку, правый приток Башкауса, мы сворачиваем направо и начинаем неспешный подъем на север по автомобильной проселочной дороге. Весь саратанский бедлам, все тревобления минувших суток, вся эта трескотня и запыленное мелькание, долгая и бессонная беспокойная ночь остаются позади. Мы все здесь, в сборе, здесь наши проводники, наши кони, наши вещи и наши припасы, иначе говоря, все у нас теперь складывается просто превосходно! Мы обретаем покой и радость. Раскачиваемся в седлах, едем медленно и спокойно. Со всех сторон нас обступает красивый лес, сквозь ветви и хвою падают с неба и легко бегут по нам золотые струи солнечного света. Дорога петляет все выше, прозрачным свежим лесом, повсюду вокруг разливаются покой и безмятежность. Ни людей, ни машин, ни мотоциклов – одни только небо, горы и деревья!

Так мы едем не спеша часа три, минуем ту самую лесопилку, где накануне ожидали нас проводники, видим их свежее костровище, и забираемся еще выше. Наконец, отъехав подальше от Саратана, мы решаемся встать на отдых на небольшой лесной полянке близ речки, которая здесь, наверху, уже превратилась в крохотный ручей.

Вновь быстро вырастает наш маленький палаточный лагерь, разгорается костер, заправляется суп, заваривается чай. Скоро вечер и погода внезапно начинает быстро портиться. В июле, ни с того ни с сего, среди жаркого солнечного дня, небо быстро чернеет и из низких сизых туч принимается валить нам на головы плотный мокрый снег. Так часто бывает в горах: только утром купались и загорали в теплой речной протоке, а поднялись повыше – и попали в плотный снежный заряд, в настоящую зиму!

Зеленая трава за какие-то четверть часа покрывается толстым слоем снега. Он высыпается из туч серыми и белыми полосами, валится наискосок, скрывая от нас окружающий лес и делая его призрачным и мерцающим. Наши палатки в считанные минуты покрываются снизу доверху тяжелыми влажными перинами снега, он съезжает по мокрой ткани тентов вниз, шурша и обильно выделяя из себя ледяную воду. Вода стекает тонкими ручейками по отсыревшим зеленым стенкам. И внутри платок, и снаружи чертовски холодно и сыро. Мы греемся у костра, натягиваем на себя зимние вещи, наши пальцы красные и заоченели. Мы собираемся в одной тесной палатке и снова режемся в дурака, поглядывая наружу через раскрытые входы, за которыми не переставая валит густой снегопад. Потом, когда темнеет, мы устраиваемся на ночлег, свернувшись в спальниках, и засыпаем под шуршание снега на палатках, под ровный шум леса на ветру. Нам замечательно в наших сухих и теплых убежищах: нигде и никогда так покойно не спится, как в палатке, занесенной снегом! Снежная июльская ночь накрывает нас серым мягким пологом...

Холодным утром мы вылезаем наружу и удивленно разглядываем летние сугробы, сверкающие на солнце! Лес сплошь в снегу, как будто зима в самом разгаре, и от стволов по снегу тянутся длинные синие тени. Однако как только солнце выходит из-за горы повыше и оранжево освещает нашу полянку, воздух быстро теплеет и снег начинает таять. Пока мы завтракаем и собираемся в путь, снег все больше отступает в глубь леса, под ним обнажается изумрудная трава, отряхиваются от снега горные цветы. Трава и цветы как будто умылись родниковой водой и оттого стали еще свежее и ярче. Ночная снежная перина пошла им только на пользу. Горят в траве, испускают в горный воздух свои ароматы пробудившиеся разноцветные соцветия, и вот уже залетали-зажужжали вокруг них первые шмели и пчелы.

Когда мы трогаемся в путь, снег уже ретировался глубоко в лес, спрятался за стволы кедров, заполз в черные ямы, забился в корни кустов. Ярко светит в чистом голубом небе солнце, от вчерашней непогоды не осталось и следа, и мы весело едем по дороге все дальше наверх. За нашей спиной открываются широкие панорамы Улаганского нагорья, вдалеке на юге

белеют снежные пики Курайского хребта, справа и слева от нас проплывает дочи́ста отмытый летним снегом лес.

Между тем поу́тру я обнаруживаю еще одно неприятное свойство своего рыжего мастодонта. Когда я вскакиваю в седло, он сразу начинает быстро двигаться, т. е. еще до того момента, как я достигаю правой ногой правого стремени и крепко усаживаюсь в седле. Вот буквально – как только я начинаю свое движение в седло, эта четвероногая детина резко трогается с места и широко и быстро вышагивает, не разбирая зачем и куда. Так он может запросто и об дерево меня ударить, и сбросить на землю, и сумины порвать.

– Чертова скотина! – ругаюсь я.

– Да это его так хозяин приучил! Он сам молодой, хозяин, то есть, любит, чтобы побыстрее вскочить и сразу поехать! – поясняет Тимур. В итоге я стараюсь всякий раз заскакивать в седло своего рыжего мерина побыстрее и ухватить при этом левой рукой узду покороче, чтобы держать лошадь под контролем, не давая ему бежать когда не надо...

На самой вершине затяжного подъема от Саратана, где дорога наконец выходит на широкое ровное плоскогорье, нашу дремоту нарушает новый неприятный инцидент. У Сергея, который едет справа от меня, внезапно съезжает вбок седло, сам он неожиданно для себя сваливается на дорогу, а его конь с перепугу вырывается и уносится галопом вперед. Под его брюхом болтается ослабнувшее и съехавшее седло, волочатся и хлопают по земле растрепанные сумины, опасно спутываются ремни.

Не успеваю я заметить это молниеносное происшествие справа от себя, не успеваю очнуться, как и мой пугливый Буцефал внезапно бросается вскачь. Он, как и конь Сергея, вдруг ополоумел от испуга, и мчится теперь огромными скачками прямо в небольшой лесок из низкорослых кедров, что растут по левую сторону от дороги. Черт бы побрал этих коней – до чего же они пугливы!

Я и рыжий Буцефал скачем истеричным галопом к леску, мне что-то громко кричат в спину, но мне сейчас не до того. Кедрач в леске молодой, низкий, деревья стоят тесно друг к дружке, их ветки растут ровно на такой высоте, чтобы под ними проскочил мой потерявший голову конь, и при этом на такой высоте, чтобы вышибить у меня, сидящего наверху, весь дух. Вот лесок уже совсем близко, он летит, мчится на меня, мне уже через мгновение точно не собрать костей. Стукнусь со всего маха об ветки, вылечу из седла и сильно расшибусь. А конь проскочит понизу, ему-то что! Делать нечего, надо срочно спасаться: и я валюсь вправо и вбок, высвободив до того ботинки из стремян, мягко соскальзываю с коня, и опять оказываюсь на спине, сильно ударившись о землю, и лежу, выпучив глаза, на траве. Буцефал, высоко подбрасывая задницу, скрывается в кедраче, после чего оттуда слышен только громкий треск ломающихся ветвей.

Марат и Тимур бросаются в новую погоню и вскоре приводят обратно потрепанных и перепсиховавших беглецов. Те стригут ушами и косят глазами – сильно, видать, напугались. Кони вообще до смерти боятся буквально всего на свете. Боятся любых шорохов, треска, ярких тканей, резких движений, белого камня или светлой тряпки у дороги, кривой ветки, отдельно растущего куста, оброненной бумажки, зонтиков, собак, машин, мотоциклов и мопедов, хлопков, щелчков, воды, снега, словом, любого мало-мальски значимого происшествия, звука или предмета. Эволюция обучила их быть пугливыми и осторожными. В этом и заключена основная сложность езды на лошадях. Едешь, едешь себе спокойно, клюешь носом, и вдруг – бац! – твой секунду назад меланхоличный коняга уже несется галопом, не разбирая дороги, а ты вцепился в седло, чтобы не вылететь с него и не разбиться. И вся эта суматоха всего-то из-за случайно пролетевшего перед его мордой безобидного чижи́ка!

Приходится нам по новой закреплять седла и багаж на беглецах, проверять упряжь у всех остальных коней, прежде чем продолжить путь. Наконец, после всех хлопот и треволнений,

мы выезжаем на широкую равнину, почти безлесую, холодную: высота здесь уже приличная, около двух километров.

– А куда вообще ведет эта старая дорога? – спрашиваю я Марата.

– Там пионерский лагерь был в советское время, – Марат показывает рукой вперед по нашему движению. – Вроде и сейчас туда детей возят летом.

Вот это да! – думаю про себя я. Пионерский лагерь, на такой-то высоте! Где снег валит в июле и где пальцы мерзнут даже на солнце! Бедные дети!

Немного не доезжая до лагеря, который уже хорошо виден впереди, мы сворачиваем налево с автомобильной дороги на обыкновенную конную тропу, объезжая высоким берегом небольшое темно-синее озерцо Чебокколь. Солнце понемногу снижается, становится холоднее, ноги и руки начинают заметно коченеть. Впереди, немного правее по ходу, видно красивое ущелье Ярлу, замкнутое высоким серым горным цирком. Мы полого поднимаемся на перевал, ведущий к озеру Узункель. Марат и Тимур показывают нам видную справа вросшую в землю пастушескую избушку, на самом краю леса, сейчас пустую.

– Мы тут скот пасли в детстве: перегоняли сюда коров и лошадей из Балыктуюля! И жили на этой стоянке все лето!

Пока наша группа неторопливо поднимается к перевалу, разговор вяло крутится вокруг все тех же лошадей.

Первые два дня похода успели разделить нас на две группы. Я, Сергей и Лена уверенно держимся прямо за проводниками, а Катя, Алина и Слава тащатся всю дорогу далеко позади нас, в результате чего мы то и дело останавливаемся и поджидаем, пока они нас догонят. Понятно, что это связано исключительно с опытом езды на конях, либо же с его отсутствием. Местные кони все до единого обучены так, что их надо постоянно подгонять, иначе они будут медленно тащиться по тропе как больные чумкой, едва переставляя копыта, вздыхая и строя болезненное выражение морд. Еще они будут убегать с тропы и нагло есть траву, не обращая внимания на всадников. Опытные конники это знают и весь день пути машинально помахивают перед глазами коня веревкой, или постукивают ею по крупу, или ломают с куста и хлопают скотину прутиком, на худой конец – постоянно стучат ему пятками в бока. Но ни Слава, ни Катя, ни тем более сердобольная Алина не признают всех этих жестоких методов истязания «бедных коников». Им кажется, что кони и без того буквально надрываются в нашем походе, едва держатся от издыхания и с трудом выживают из последних своих лошадиных сил. Все наши потуги переубедить их совершенно тщетны, в результате мы смиряемся и тащимся по горам со скоростью похоронной процессии.

– У меня так вообще больной конь! – вдруг заявляет Слава прямо посреди нашего затяжного подъема на перевал, как только мы миновали синее озеро. – Вон, только гляньте, как он дышит, бедняга!

Охотно останавливаемся и разглядываем Славиного коня. Вид у него и вправду довольно жалкий. Вороной низкорослый конек стоит на узкой тропе, понунив голову, и мелко дрожит всеми своими членами. Его дыхание прерывисто и нездорово, словно он задыхается в остром сердечном припадке. Бока коника мокрые от холодного пота, большие глаза вроде как даже слегка заплаканы, они глядят на нас страдательно и отчасти припадочно. Говоря по совести, он того и гляди сейчас рухнет замертво, прямо под ноги спешившегося Славы, в немой и страшный укор всем нам – живодерам!

Однако балыктуюльцев Марата и Тимура эта печальная картина отчего-то совсем не пробирает. Они смотрят на несчастное животное с большим сомнением, если не сказать, что зло и раздраженно.

– Так! – решительно говорит Марат Славе. – Забирайте в таком случае моего коня!

Слава ошарашен. Как? Вот так взять и заменить, ни с того ни с сего, его умирающего от изнурения и болезней, бьющегося в предсмертной агонии, насквозь усталого коника-инвалида на вот этого славного и шустрого скакуна-акселерата, который всегда столь резво и неустоимо бежит впереди нашей колонны? Это серьезно? А что же будет с больным и усталым? Не dokonает ли его беспощадный Марат враз и окончательно??

Но проводник уже соскочил со своего резвого коня и ведет его к Славе.

– А он не скидывает? – опасается на всякий случай Слава.

– Да нет! Он у меня спокойный и идет отлично.

Марат уже деловито перетягивает стремяна своего скакуна под длину Славиных ног, а стремяна трепещущего от упадка сил инвалида в свою очередь ловко подлаживает под себя. Они меняются конями, и мы трогаемся дальше, продолжая забираться на перевал, до вершины которого уже рукой подать.

И вот – о чудо! Четвероногий инвалид, оказавшись в руках Марата, полностью преобразается! Он вдруг счастливо избавляется от всех своих хворей и замечательным образом оживает! Более того, с каждым новым шагом он буквально расцветает, как весенний цветок! Слезы на его глазах немедленно высыхают, взгляд становится острым и осмысленным, слегка даже как будто жуликоватым, муть на больших глазных яблоках рассасывается, дрожь усталых членов улетучивается, пот на боках испаряется, дыхание становится глубоким и ровным. Мы не верим своим глазам! Без пяти минут покойник скачет теперь у нас впереди, вертя хвостом и весело виляя задом! Его ход легкий и бодр, ноги крепки и свежи, он так же, играючи, убегает от нас вперед, как прежде безнадежно от нас отставал! Мы потрясены происходящим на наших глазах чудом!

Увы, в эти же самые минуты прежний Маратов конь, на котором едет теперь Слава, еще минуту назад столь бодрый и веселый, как назло, вдруг почувствовал себя худо.

Что-то такое неприятное вдруг вступило ему в бок, сбило дыхание. Он помрачнел и зашатался и теперь прерывисто дышит и постанывает при каждом шаге. При этом каждый новый шаг дается ему теперь со все большим трудом. Морда его выражает сильное страдание, ноги заплетаются, он даже слегка подволакивает по тропе правое заднее копыто. Словом, он едва плетется нам вслед и все больше отстает от группы. Как бы это не был сердечный приступ – опасаемся мы. Слава сообщает, что и второй его конь, к несчастью, разболелся. Но Слава отчего-то пока боится сообщить нам об этом вслух. Так, с грехом пополам, мы и взбираемся на каменистую вершину перевала.

Слава Иноземцев (фото В. Рыжкова, 2010 г.)

Марат оглядывается на далеко отставшего Славу и его приболевшего второго мерина и посмеивается про себя. Бездушный живодер – что тут еще скажешь.

Завтрак на мерзлой траве

Красота! Широта! Алтай!

Мы сидим на гладких камнях на вершине широкого и пологого перевала и любимся панорамой, открывшейся перед нами. Прямо под нами, далеко внизу, большое круглое озеро Тожонкуль, слева от него другое, сильно вытянутое озеро Узункель, еще левее – целая цепь красивых озер поменьше, тянущихся вдоль по реке Кулдинголь. Как нам и говорили, здесь самый настоящий край озер. Так и есть! Все, открывшиеся перед нами горные озера, окружены густой кедровой тайгой, за ними выше и вдаль уходят синие хребты.

Начинаем спуск с перевала, сделав на нем обязательную остановку и выпив чаю, и скоро обнаруживаем в лесу заброшенную проселочную автомобильную дорогу. Она круто сбегает вниз, петляя между деревьями. Спуск такой крутой, что мы спешиваемся и ведем коней в поводу. Да откуда же здесь в такой глухомани дорога? Да еще на таком крутом склоне!

– Сюда трактора в советское время поднимались! Из Балыктуоля. Лес заготавливали и стаскивали вниз, – разъясняет наше недоумение Тимур. – Давно это было, сейчас уже никто сюда не доезжает!

Слава тем временем принимается собирать грибы. Они растут прямо у дороги, и их здесь настоящее изобилие: белые, подосиновики, подберезовики, грузди, волнушки, сыроежки! За полчаса спуска с перевала прямо у дороги он набирает целое ведро отменных грибов. Вечером у костра будет пир.

Скоро мы выходим на широкую поляну меж озерами Тожонкуль и Узункель, ближе к первому. От поляны до озера всего метров сто. Быстро ставим лагерь и готовим на костре настоящее объедение – жареную картошку с грибами. Грибы высыпаны на траву кучкой, их венчает огромная красная шляпа подосиновика-переростка размером с большую сковороду. Красота и покой вокруг – необыкновенные. Когда темнеет, над лесом поднимается полная золотая луна, спокойные воды озера жидким серебром блестят в ее свете. Над поверхностью Тожонкуля стелется тонкий серебристый туман, все небо сплошь усыпано яркими звездами.

Холод на поляне, однако, жуткий, около нуля градусов, и мы поскорее расходимся по палаткам и забираемся спать в теплые мягкие спальники.

А наутро повторяется наш ежедневный ритуал.

Первым, пока все еще спят, поднимается Сергей – с ранними лучами солнца, в шестом часу утра. Он бежит к озеру, умывается в нем и фотографирует своим длинным массивным объективом разнообразные красоты рассвета. Вторым вылезает из заледеневшей палатки Слава, он ярко выраженный жаворонок, ему тоже не спится по утрам. Они вдвоем затевают костер, ставят котелки с водой на огонь, шуршат чем-то в припасах. Это своим чередом будит проводников, что спят неподалеку прямо на земле, на пополах и седлах, завернувшись в толстые козьи шкуры. Марат и Тимур садятся на пополах, потягиваются и закуривают, оглядывая по сторонам, не запутались ли ночью кони, привязанные по всей поляне. Сергей берет небольшой алюминиевый котелок с крышкой и прилаживает его к костру, чтобы сварить в нем крепкий утренний кофе. Когда вода в котелке закипает, он густо, слоем в палец, заправляет его молотой арабикой и вновь держит на огне, дожидаясь вторичного подъема кипящей воды и ароматной пенки. После разливает готовый кофе по кружкам. Первую – себе, вторую – Славе, третью – Марату, четвертую – Тимуру. Не спеша выпив крепчайший кофе, горький и горячий, как сера в аду, он громко лупит стальной ложкой по дну железной тарелки, ровно три раза. По озеру трепещет звонкое металлическое эхо.

Тут уже вылезаю наружу я, а за мной Лена. Мы, зевая, бредем к костру и получаем свои порции кофе. Затевается варка каши (каждое утро – разной), режется хлеб, соображаются бутерброды, в большом котелке настаивается крепкий чай. Все понемногу просыпаются

и приободряются. Солнце уже золотит вершины леса на гребне хребта и скоро вступит на нашу поляну.

Холод между тем, как говорится, собачий! Высота здесь, может, и не самая большая (всего-то 1653 м), но минувшая ночь выдалась ясная, звездная, и все дневное тепло начисто выдуло в высокое ночное небо. На улице трещит настоящий летний морозец! Трава поляны покрыта инеем, изо рта идет густой пар, пальцы заоченели, по краям ручья блестит тонкий ледок, в котелках утром тоже гуляет и позвякивает о стенки лед. Мы толпимся вокруг костра, ловим его тепло, ждем, когда поляну осветит и обогреет солнце. И лишь Алина и Катя все еще валяются в своих палатках, пригревшись в толстых спальниках, им лень вылезать из них, тем более в такой холод. Они давно не спят, мы перешучиваемся и переругиваемся с ними, пытаемся вытащить их к завтраку, который уже готов, но все тщетно! Дамы артачатся, им неохота выбираться на улицу. Они дожидаются, когда выйдет солнце и потеплеет. Впрочем, им лень вылезать каждое утро, пусть даже и в теплое.

– Катя-я-я! – весело кричу я.

– Что-о-о! – отвечает дальняя палатка, стоящая под наклоненной к ручью березкой.

– Завтракать будешь?

– Буду-у-уу! Неси сюда!

– Алина-а-а!

– Я! – отвечает другая палатка, прямо посреди поляны.

– Как насчет завтрака? А?

– Тащи!

Я наливаю в кружку чай, накладываю в миску гречневую кашу со сливочным маслом, кладу сверху бутерброд с ветчиной и тащусь к наклоненной березке. Подхожу к палатке, где навстречу мне жужжит замок-молния, раскрывая снизу небольшой проем прямо у заиндевшей травы. Оттуда возникает нежная женская ручка с розовым лаком на ногтях. Ручка цапает миску с бутербродом и ложкой и ловко втягивается с ними внутрь палатки, потом появляется второй раз и столь же ловко забирает кружку с чаем. Снова жужжит замок, закрывая проем. В палатке начинает быстро звенеть ложка.

*Катя Кузнецова
(фото В. Рыжкова, 2010 г.)*

Потом иду ко второй палатке, что на середине поляны. Из щели в палатке возникает другая изящная женская ручка, на ногтях у нее – зеленый лак.

Исчезают внутри миска и кружка, жужжит замок, стучит изнутри посуда.

Минут через десять обе палатки вопят:

– Забирай!

Я забираю пустые миски и кружки, снова наклоняюсь к щелям в палаточных дверях, из которых высовываются весьма довольные зеленые и розовые пальчики. Возвращаюсь к костру и силюсь вспомнить, где же я раньше видел такое? Ба! – да вот же где! – ведь именно так я кор-

мил когда-то своего лохматого дворнягу Шарика во дворе нашего дома в степном алтайском поселке Шипуново! Шарик лежал в своей конуре у круглой дыры в передней стенке на мягкой подстилке из травы и сена, а я ставил ему миску с едой прямо перед преданной и довольной мордой!

– Ешь, Шарик, ешь!

Пинай его, суку, в живот!

После завтрака на мерзлой траве у нас короткий переход от высокогорных озер на реку Ороктой (*котловина с тропами диких зверей*), куда мы прибываем уже к обеду и встаем там лагерем. День опять выдается солнечный и жаркий. Тропа поначалу бежит красивым лесом от озера Тожонкуль вверх на невысокий перевал. За перевалом дорога устремляется вниз правым берегом Ороктой, порой сбегая к самой речке, прямо по которой мы то и дело едем, поднимая брызги копытами коней. Речка Ороктой мелкая, чистая, каменистая.

Второму Славиному коню (бывшему Маратову чемпиону) между тем становится час от часу все хуже и хуже. Он едва держится на ногах. Несчастный плетется далеко позади нашей группы, выпуская громкие стоны. На все предложения проводников подгонять и лупить его Слава отвечает отказом – Слава любит и жалеет животных, тем более больных и слабых. Наш Слава – гуманист.

И вдруг с конем и сидящим на нем Славой случается что-то невообразимое. Когда мы вновь едем по мелкой речке, по ее каменистому дну, и справа нас прижимает скала, а слева по самому речному руслу густо растут деревья, меж которых мы петляем, задирая ноги, чтобы не намочить ботинок, Славин конь внезапно ложится. Прямо посреди мелководного Ороктой.

Вы спросите, конечно, как это так – конь *ложится*? Зачем ему вообще может понадобиться лечь и как это конь может взять и лечь под всадником? А вот так – именно что *ложится*. Он внезапно подгибает разом передние и задние ноги и удобно укладывается своим большим круглым пузом прямо в речку, меж больших гладких валунов, в воду, взбаламученную нашей кавалькадой. Славины ноги моментально погружаются в мутную воду, по самые колени. Сам Слава сидит при этом неподвижно в седле, выпучив глаза от изумления. Он даже бросил повод, до такой степени он ошеломлен происшествием! Вода речки, пузырясь, заливаются в кожаные сумины по лошадиным бокам – в те самые сумины, в которых едут наши сухие вещи и продукты.

Мы все потрясены этим невиданным зрелищем и встали на речке как вкопанные, кто и где в этот момент оказался, мы буквально остолбенели от увиденного. Всякое мы повидали из происшествий с лошадьми, но такого дива – никогда! Чтобы конь! Лег! Под седоком! Прямо на ходу! Да это же просто невиданное дело! Слава, как и все мы, совершенно ошарашен и глупо сидит в седле, рассматривая, как по его ногам течет и затекает в его сапоги речка. И только его конь выглядит вполне довольным – право, хорошо вот так лежать в прохладной чистой речке, в жаркий-то день! Речка моет брюхо, смывает с боков грязь и мух, работать не надо, красота!

Первым очнулся Марат. Он соскакивает с коня и стремглав бежит к Славе.

– Пинай его, суку, в живот! Пинаай! – кричит он Славе.

– Вот еще! Я не быю животных! – возмущенно и обиженно отвечает Слава и медленно выползает из седла на берег. Из его сапог вытекает грязная вода, на голове съехала вбок дурацкая голубая панамка с желтыми цветочками.

При этом его конь продолжает вальяжно возлегать в прохладной речной ванне. Он только тревожно стрижет ушами, видя бегущего к нему с громким матом молодого проводника. И не напрасно.

Марат подлетает к обнаглевшему хвостатому купальщику и, действительно, прямо с разбега пару раз сильно пинает его сапогом точно в живот – не увеча, но зло и решительно. Конь резво вскакивает из речки и трясет боками и мокрым хвостом, обливая Марата и Славу водой и грязью. Марат бранится и волочит на веревке наглого мерина за собой на берег. Весь наш строй нарушен, проходит время, пока все снова поправлено и подвязано, пока Слава забирается обратно в седло и мы можем продолжить путь.

Однако не проходит и получаса, как все повторяется. На этот раз Славин конь ложится под ним прямо посреди дороги, на поляне, и нагло лежит, трясая хитрой мордой с целью отгона мух. Тут уже Слава слезает с седла и сам нелепо тянет жуликоватую морду за веревку, силясь поднять падучего партнера. Тот нехотя и недовольно встает. Так они и мучаются дальше всю дорогу. Можете вообразить – какова была наша скорость передвижения!

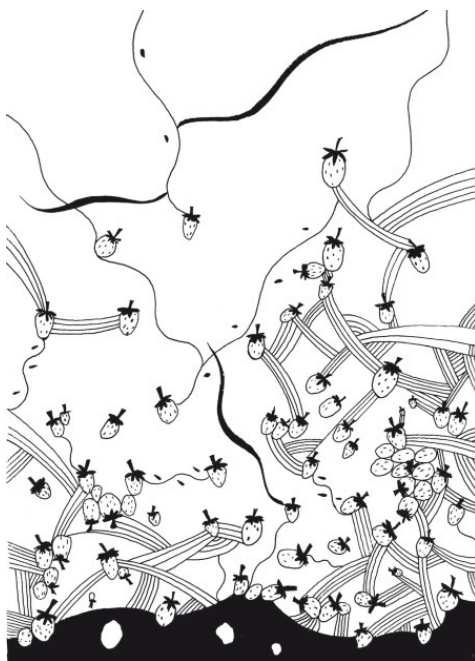
С грехом пополам мы добираемся до места новой стоянки, спустившись на широкую поляну у реки с высокого травянистого косогора. Стоит тихий жаркий летний день, солнце в самом зените. Журчит на краю поляны речка, прозрачная и теплая. Высокая трава усыпана цветами, воздух пахнет медом. Мы с удовольствием обнаруживаем, что вся эта огромная поляна сплошь покрыта спелой земляникой. Куда ни ступи, куда ни протяни ладонь – всюду алеет душистая спелая ягода. Даже у коней все их черные губы скоро измазаны красной земляникой. Днища наших палаток также раскрашены земляникой в багряное и вкусно пахнут ею же.

По траве скачут бесчисленные зеленые кузнечики, весь воздух шумит их звоном и стрекотом. Кузнечики забираются в палатки, скачут по веревкам, сидят и чешутся у нас на головах. Жужжат, собирая пыльцу с цветов, пчелы и шмели. Мы разложили на траве разноцветные коврики и разлеглись загорать. Как это удобно – лежишь на горячем коврике, на солнцепеке, и тут же поедаетшь сладкую землянику, стоит только протянуть за ней руку!

Я валяюсь таким же точно манером, закусываю чай земляникой и от нечего делать уговариваю Катю и Алину искупаться в речке, как мы все уже успели сделать.

– Что ж вы такие дурные, красавицы? Жара, солнце, речка чистая! Теплая! Что ж вы не идете купаться?

– Да ну-у-у! Холодная!!! – жеманятся нежные городские барышни Катя и Алина.

Земляничные поляны Алтая (рисунок Д. Запылихина, 2016 г.)

Все предыдущие дни они решительно отказывались мыться в ледяных и чистых горных речках и озерах, грея себе отдельно теплую воду в котелках на костре. И лишая себя тем самым одного из лучших в горах удовольствий. Представьте только – позади у вас длинный утомительный переход, все тело ломит от усталости, глаза воспалены, ноги болят и едва сгибаются в ноющих одеревенелых коленях. И вот тогда ты идешь на берег стремительной, прозрачной,

ледяной речки, раздеваешься донага и во весь дух бросаешься в быструю прозрачную воду. Чтобы не унесло быстрым и сильным течением, ты ложишься животом на разноцветную гальку на дне, за большим камнем, в естественную глубокую ванну. Ах! Ни с чем не сравнимое ощущение! Холод, чистота, бодрость, восторг! – вся усталость отлетает вмиг, обостряются все чувства, через секунду ты выскакиваешь из ледяной воды на берег, бодрый и полный сил, и хоть сейчас готов снова пуститься в путь!

Наконец, под наши настойчивые уговоры, Алина и Катя решаются. Они идут к горной речке Ороктой босиком по свежей траве, горящей на жарком солнце, и встают в нерешительности у кромки воды. Девушки долго пробуют воду пальчиками ног с покрашенными ногтями и шушукаются. Наконец более решительная Катя вступает в речку, понемногу забирается в нее по шею и, к нашему удивлению, не визжит и не выскакивает обратно, а, напротив, с удовольствием возится там. Только торчит из воды ее аккуратно забранная шпильками головка. Катиному примеру следует и Алина. И также, к нашему удивлению, надолго застревает в речке. С того дня Катю и Алину было не оттащить от воды. Они радостно бежали в самые ледяные речки, в самые студёные озера – поняли наконец, какое это истинное удовольствие.

После купания затевается готовка обеда. Алина сидит на корточках на берегу речки и чистит картошку. Она случайно роняет в речку ножик, после чего какое-то время шарит рукой по дну, пока не вытаскивает ножик из воды.

– Хи-хи, – смущается своей неловкости Алина и шлет нам от речки очаровательную улыбку.

В это же самое время Катя случайно опрокидывает в костер почти уже закипевший котелок с водой. Хорошо еще, что в котелке была лишь вода, а не готовый суп. Вода заливает огонь и горячие угли, от костра слышится шипение и поднимается белый пар.

– Ой! – сначала испуганно восклицает Катя, а потом принимается заливисто смеяться сама над собой.

Я сижу у костра и наблюдаю за всем этим.

– Девушки, а вы знаете теорию двух главных женских реакций? – спрашиваю я у Кати и Алины.

– Нет, а какие это две главные реакции?

– Ну вот как раз ваши и есть главные: *ой* и *хи-хи*!

– Поясни, не понимаем.

– Ну вот Алина уронила ножик в речку. Это мелкое происшествие, поэтому реакция Алинина была только – *хи-хи*. А ты, Катя, взяла и котелок с кипятком в костер свалила. А могла ведь еще и сама кипятком обвариться. Это уже серьезное дело, поэтому и реакция твоя была другая – *ой*.

Катя соображает от поправленного костра:

– То есть если женщина по-мелкому затупила, то реакция у нее – *хи-хи*, а если по-крупному, например машину разбила или дом запылила, то ой?

– Ну да, вроде того.

– И больше нет никаких основных реакций?

– Больше нет. Все реакции сводятся или к *ой*, или к *хи-хи*.

Катя и Алина хохочут над моей смешной наукой.

– А у мужчин сколько тогда главных реакций? – интересуется Алина.

– А вот у мужчин только одна.

– Какая же?

– Что по ерунде, что по серьезному случаю всегда одна реакция – *вот же бля...* – отвечаю я.

Все дружно смеются.

Дневка на плоскогорье, у теплого озера

На следующий день мы спускаемся к реке Большой Улаган, которую переходим вброд, километрах в десяти выше по течению родного для Марата и Тимура села Балыктуюль (*трека с рыбой, рыбный омут*). Речка тихая, мутная, теплая, вода в месте брода глубиной чуть выше брюха коня. Между тем новому Славиному коню и сегодня нездоровится. Он переходит реку последним и ровно посреди ее вдруг останавливается.

– Ну! Да чтоб тебя! Погоняй его, лупи! – кричит Марат.

Слава нелепо торчит посреди реки в своей панаме, его ботинки и ноги по колени снова глубоко в воде, река обтекает его и коня мутными зелеными потоками, Слава машет руками, вертит веревкой и ерзает в седле. Мерин трогается с места и нехотя выходит на наш берег.

За бродом мы поворачиваем направо и едем вверх по течению правым берегом, красивой уютной долиной, по бокам которой растет лиственничный лес. Сама деревня Балыктуюль остается справа от нас. Дальше мы уходим с Большого Улагана на его приток речку Тужардажи и продолжаем подъем. Вдоль речки виляет проселочная дорога. Это места хозяйствования балыктуюльцев – тут они заготавливают сено, пасут скот, охотятся. Марат и Тимур давно приободрились и повеселели: владения опасных саратанцев остались далеко за спиной, за перевалами, и теперь мы находимся в полной безопасности, на землях их родного села.

Близится вечер, уже смеркается, и мы ищем, где бы встать на ночлег. Особого выбора у нас нет, и мы располагаемся на ровной травянистой поляне, справа от которой протекает речка, а слева стоит гора. Посреди поляны растет одинокая лиственница, у корней которой мы разводим костер и ужинаем.

Рано утром, на рассвете, мы слышим одинокий мотор, от шума которого просыпаемся. Чья-то машина встает прямо у нашего лагеря, начинаются какое-то движение, разговоры. Я вылезаю из палатки, ежась от прохлады розового, приглушенного низкими облаками рассвета, и вижу, что на дороге у поляны стоит уазик с брезентовым верхом, а около него маячат две какие-то незнакомые фигуры в теплых куртках и кепках. Они о чем-то разговаривают на слегка повышенных тонах с нашими проводниками. Я подхожу к ним и выясняю, что это приехали на покос земляки Марата и Тимура из Балыктуюля. И что мы, к несчастью, встали лагерем прямо на их поляне, которую они собрались как раз нынче выкосить. Мы слегка помяли траву своими палатками и дорожками, по которым ходили к костру и за водой к речке. Повезло еще, что это были земляки Марата и Тимура, и все разрешается полюбовно. Мы быстро завтракаем, собираемся и выезжаем, а мужики, как только выходит солнце и обсыхает на траве роса, начинают обкашивать нашу поляну на сено.

Коротким переходом мы поднимаемся в верховья речки на новое широкое плоскогорье. Там, наверху, мы обнаруживаем большой богатый хутор, полный людей. В центре хутора стоит большой деревянный дом, неподалеку от него – высокий аил с крепкой конусообразной крышей, крытой железом. Из дыры наверху конуса идет дымок: хозяйка готовит обед. Здесь же, близ дома, выстроены большой хлев для животных, еще несколько хозяйственных построек, баня. По хутору бегают босые дети, у дома стоит большой грузовик с напиленным лесом. За плетнями высятся большие стога свежего сена, у дома сложены большие поленья свежезаготовленных дров. Видно, что хозяева живут здесь и летом, и зимой. Мы здороваемся с хозяйкой, вышедшей поприветствовать нас на крыльцо аила, и просим продать нам свежего молока. Спустя пять минут мы встаем лагерем на берегу маленького озерца, очень чистого и теплого, тут же быстро разводим костер и бежим купаться. Под кустами прячутся от нас и поднятого нами на озере шума дикие утки.

На следующий день решаем дать себе отдых, оставшись у теплого озера. Мы объезжаем налегке живописные окрестности. Здесь везде растут красивые леса, плещутся речки и озера, по болотам видны найденные маральи и медвежьи тропы. В одном месте на узкой горной тропе нам встречаются старуха с маленькой девчонкой, которые перегоняют с места на место небольшое стадо коров. Животные идут гуськом одна за другой по тропинке, поглядывая на нас равнодушными глазами, и жуют на ходу свою вечную жвачку. Долины широки и распахнуты, все они густо покрыты цветами, в прозрачном воздухе все окрестности видны далеко, на горизонте стоят красивые обрывистые горы со снегами наверху.

Хорошенько отдохнув и накупавшись в озере, наутро мы продолжаем свой путь к Чулышману. Тропа бежит густым лесом, потом ныряет в узкое ущелье, где нас ждет сюрприз. Ниже по речке с крутого склона сошел огромный оползень, и теперь образовалось новое озеро, затопившее ущелье, тропу и большую часть леса. Мы упираемся вместе с нашей тропой прямо в воду и принимаемся объезжать озеро глухим лесом по крутому правому берегу. Часа два мы, обливаясь потом, ходим по горе пешком, таща коней в поводу, по сплошному бурелому, по мху и камням, перелезая через упавшие стволы и лавируя между близко стоящими деревьями. За шиворот нам сыплется и колется хвоя, на потные лица налипает паутина. Слева внизу сквозь чащу блестит изумрудное озеро. В конце концов мы выбираемся ниже оползня обратно на торную тропу и спокойно едем дальше.

Через два часа пути, спускаясь долиной реки Тобулга, мы внезапно оказываемся в точке, где обширное и лесистое Улаганское плато резко обрывается в километровую пропасть, на дне которой течет мощный Чулышман. Мы стоим на самом верхнем краю пропасти и любуемся открывшимся перед нами величественным и прекрасным видом. Пересеченное нами за последние дни обширное холмистое плато разрезается прямо перед нами огромным глубоким ущельем с отвесными стенами, на дне которого петляет серебряная лента реки. За ущельем, на север и восток, просматривается другое необозримое гористое плато – Чулышманское нагорье, которое тянется от ущелья Чулышмана на восток, до самых западных границ Тувы и Хакасии. Влево, далеко на северо-запад, в отдаленную голубую дымку уходит громадная и глубокая чулышманская долина, колоссальный зеленый каньон с чистыми рощами и солнечными полянами по берегам реки, и с высокими кулисами вертикально падающих складок гор по бокам. По уходящим вдаль крутым складкам гор из стекающих с обоих нагорий рек и речек падают многочисленные водопады. По всей долине разбросаны живописные пастушеские стоянки. Чулышманская долина надежно укрыта от ветров, сориентирована с юга на север, и поэтому в ней всегда тепло, тихо и сухо. Здесь прекрасный микроклимат, комфортный для жизни и отдыха. А сам прозрачный, полноводный и быстрый Чулышман изобилует рыбой.

Через полчаса, круто спустившись по серпантину тропы, мы ставим палатки на берегу Чулышмана, у корней серебристых приречных ив, на широкой солнечной поляне.

На Чупышмане под перевалом Кату-Ярык

Назавтра конная часть нашего похода заканчивается прямо под перевалом Кату-Ярык (*трудный путь*), на небольшой турстоянке, принадлежащей авторитетному на Чулышмане алтайцу-теленгиту Салавату, уроженцу и знатоку этих мест. Более того, он егерь Алтайского заповедника, который начинается сразу за Чулышманом, по его правому берегу. Здесь же неподалеку близ водопада на речке Катуярык, правом притоке Чулышмана, находится зимняя пастушеская стоянка семьи Салавата.

Салават – крепкий и надежный мужик, у него своя турбаза, свои кони, крепкий уазик, его тут все знают и уважают. Наши проводники Марат и Тимур – его родные племянники. Все они жители села Балыктуюль.

Мы ставим свои палатки на берегу чистого, как слеза, и быстрого, как ветер, Чулышмана и целый день греемся на летнем солнце. Позади долгая дорога верхами безлюдного Улаганского нагорья, а сейчас мы безмятежно варим в котелке на костре козлий суп, с вермишелью и картошкой. Попутно мы глазеем на перевал Кату-Ярык, нижний въезд на который маячит прямо перед нашими глазами. Весь день напролет на перевале разворачивается самое настоящее кино, недостает только попкорна. Перевал Кату-Ярык знаменит на всем Алтае своей крутостью, одолеть его могут лишь машины повышенной проходимости и мощности. Дорога вытесана в почти отвесном, практически километровом по высоте склоне и похожа на белую молнию, которая резкими изгибами змеится по рыже-зеленому склону ущелья от верхнего плоскогорья до самой реки. Дорогу в буквальном смысле вырезал в горе местный тракторист для нужд колхозного хозяйства, вырезал острым ножом своего гусеничного трактора, чем заслуженно прославился среди всех местных жителей – дело было отчаянной опасности и сложности. До того времени автомобильной дороги на Чулышман не было вовсе. И вырезанный в горе перевал Кату-Ярык – единственная дорога.

С вершины перевала открывается захватывающий вид на Чулышманскую долину, а потом вниз уходит головокружительный спуск с семью узкими поворотами над отвесной пропастью, поворотами, на которых двум машинам не разъехаться. Самый крутой участок перевала находится в начале подъема от Чулышмана, как раз там, где мы сидим и варим козлий суп. Начальный подъем от реки – главная трудность на всем Кату-Ярыке.

Вот мы замечаем, как к въезду на перевал подкатывает снизу какой-то хрупкий слабосильный микроавтобус, видимо корейский, белый, по крышу набитый людьми и их шмотками. Водитель врубает первую скорость и принимается с ревом карабкаться на крутой подъем. Из трубы сзади валит синий густой дым, двигатель визжит, захлебывается и скоро глохнет. Скрипя камнями, микроавтобус скатывается задом вниз, в начало подъема. Из него высыпаются люди, и водитель делает вторую попытку забраться наверх, уже налегке, без пассажиров. В этот раз он пробует взять подъем с разбега и подсакивает по склону метров на сто выше прежнего, но после этого машина опять глохнет и снова бессильно скатывается назад. Теперь выгружаются на пыльную землю рюкзаки, мешки и посуда, машина облегчается насколько только возможно. Снова ревет мотор и следует третий штурм горы. Мы мешаем свой суп в котелке и меланхолично наблюдаем за повторяющимися попытками белой машины въехать на перевал, попытка номер три... пять... восемь... Все впустую...

– Вот так они тут и остаются, – рассказывает Тимур, который сидит с нами у костра.

– Как это так, остаются?

– Спуститься-то сверху несложно, а вот подняться... Не рассчитывают возможности своих машин, вот и застревают тут. Подняться наверх на перевал далеко не каждая машина может.

– И что же им теперь делать? Их же целая группа, туристов!

– Трактора придется ждать попутного, или если вдруг ГАЗ-66 проедет, или коли Урал подвернется попутный – тогда, глядишь, вытянут их наверх на прицепе...

Туристы из автобуса мрачно идут к Салаватову кафе: сидеть и ждать оказии с тягачом, которая может не случиться ни сегодня, ни завтра...

За козлиным мясом для супа мы сходили на стоянку Салавата, где сейчас пасутся и отдыхают после тяжелого похода наши уставшие кони и где гостят теперь у мамы (родной сестры Салавата) наши молодые проводники Марат и Тимур.

Стоянка Салавата удобно располагается на широкой поляне по правому берегу Чулышмана, вся ярко освещенная солнцем. Поляна только что скошена, и мягкие травяные валки уложены на земле длинными душистыми полосами, сходясь веером к домику и к аилу со всех концов. Женщины ловко сгребают вилами и граблями сохнущую траву в копны, а после мужчины относят на вилах или волокут на волокушах эти копны в огороженный плетнем двор, где сметают сено в большие высокие стога. Расчет всей необходимой работы тут простой – количество копен оценивают по числу голов крупного или мелкого рогатого скота: кому сколько потребуется сена, чтобы прокормиться всю долгую зиму. Если год выдается безтравный, тощий – сено приходится докупать на стороне. Коров, коз и баранов держат зимой в хлевах и кошарах и кормят сеном, а кони всю зиму пасутся сами, раскапывая копытами траву из-под снега. Сенокос занимает дней десять в августе, как только в долине прочно встает сухая солнечная погода, необходимая для сенозаготовок.

В августе и вообще все лето скот держат на верхних стоянках – километром выше в гору от Чулышмана, на нагорье у самой верхней границы леса, куда животных отгоняют в мае. Там тоже есть избушки и кто-то постоянно находится в них, присматривая за скотом. Осенью, когда наверху в горах выпадает первый глубокий снег, скот перегоняют вниз в долину Чулышмана на зимние стоянки. Когда в августе приходит время сенокоса, из города приезжают все родственники-мужчины, дружно косят траву и ставят стога. Зимой живет на стоянке и заботится о животных кто-то один, иногда он в ходе долгой зимовки меняется с другим родственником, по договоренности или необходимости...

Мы идем из лагеря на Салаватову стоянку пешком от нижней части перевала Катуюрык левым берегом, по широкой поляне. Вышагиваем тропинкой, которая бежит низкой выгоревшей травкой. И вдруг видим, как справа налево тропинку медленно переползает черная длинная гадюка. Марат, у которого в руках зачем-то оказалась толстая веревка, с силой лупит змею концом веревки, на котором навязан тяжелый и твердый как камень узел.

– Примета есть такая, – объясняет он, быстро прикончив гадюку. – Если змея слева направо ползет, то пусть ползет дальше. А вот если справа налево, то надо убить!

– Почему так?

Но Марат только пожимает плечами. Объяснил же ясно – примета такая!

Слева под горой – еще одна стоянка, пустая, без людей.

– А это чья стоянка?

– Да тоже одних из нашей деревни, из Балыктуюля. Но они ее бросили в этом году. Не хотят больше скотом заниматься, тяжело это.

– А как вы тут вообще землю поделили? И пастбища?

– Да это все еще в советское время поделили. Каждая семья имеет по Чулышману свое место, стоянку, пастбища, покосы. А наша стоянка еще прадедом построена, лет сто тому назад.

Прямо напротив водопада Кату-Ярык, который падает из темного ущелья вниз в километре от нас к востоку с отвесной скалы, мы переходим железный мостик через Чулышман и попадаем в чистую березовую рощу с высокими зелеными кронами. За рощей справа виден давно заброшенный, дикий и заросший сорняками колхозный яблоневый сад. Влево от сада бежит тропинка, прямо к Салаватовой стоянке. Там мы замечаем, подойдя ближе, собранные из почерневших столетних срубов избу, аил, хлев и баню – все старинной постройки. На налич-

никах окон узорная резьба, на верхнем бруске дверного косяка выпилены две рыбы, головами одна к другой.

– Это все наш прадед сделал! Сам строил, сам резал дерево, – гордо говорит Марат.

В дверях избышки стоят две маленькие девчонки-алтайки в цветастых платицах, их смеющиеся головки повязаны ситцевыми платочками, они с любопытством нас разглядывают, радуются подаренным конфеткам, но по-русски не понимают ни слова. Хозяйка выносит нам из аила свежую козлиную ногу с запекшейся на сухожилиях черной кровью, с которой мы, предварительно посетив водопад, возвращаемся тем же путем в лагерь, варить козлиный суп у подножия Кату-Ярыка.

Костя-супермен с Чульчи

Наутро мы привычно быстро сворачиваем лагерь, и Салават везет нас на своем крепком узике вниз долиной Чулышмана к устью реки Чульча, на которой находится самый большой на Алтае водопад – Большой Чульчинский водопад или водопад *У чар* (по-алтайски – *Летящий*). Там мы встаем со своими палатками на берегу реки на поляне небольшой турбазы, в расположении которой есть кафе и несколько летних домиков.

От Катунь-Ярыка до устья Чульчи – километров двадцать по очень живописной проселочной дороге левым берегом Чулышмана. Вся долина реки – это огромный, широкий и глубокий каньон. Справа и слева от русла громоздятся километровые, почти отвесные каменные стены разных цветов. Внизу каньон то сужается, то расширяется, открывая широкие луга и степи. Вдоль реки растут березы и ивы, в уходящих круто вверх ущельях зеленеет хвойный лес. С нагорий, что парят высоко над нами справа и слева от каньона, стекает вниз множество рек и речек. В дождливые годы, как этот, всюду видны белые нити водопадов, которые здесь в многоводье образуются десятками.

Поставив лагерь на турбазе, мы отправляемся смотреть водопад Чульча, самый большой на всем Алтае. Нас перевозит на правый берег лодочник, молодой парень, который летом подрабатывает себе этим на жизнь. На правом берегу напротив турбазы растет невысокий серебристый ивняк, по которому бродят и чешутся о стволы боками покусанные злыми черными пауками сонные коровы. За лентой ивняка к горам протягивается большая поляна в километр шириной, на поверхности которой мы видим заброшенные, расходящиеся веером от Чульчи, неглубокие каналы, некогда тщательно обложенные по бортам камнями. В древности это были старательно устроенные ирригационные каналы, а на поляне выращивались овощи и бахчевые, в том числе дыни и арбузы. Высоко над нашими головами летают небольшими группами серые журавли: журавлиный молодняк только что встал на крыло, т. е. научился подниматься в воздух, и теперь родители обучают журавлиную молодежь сложным воздушным пируэтам. Тишина, покой, воздух звенит жарким летом.

Перейдя поперек всю широкую поляну с заброшенными каналами-арыками, мы входим в ущелье Чульчи и дальше пробираемся правым ее берегом, то и дело встречая идущих группами и по одиночке туристов. Тропа бежит лесом, раз за разом выкатываясь на высокий скалистый берег реки, которая шумит и пенится внизу. Нас взялся отвести к водопаду проводник Костя, местный ковбой. Ему лет тридцать, он высокий и крепкий, приехал на Чулышман из города. Он каждое лето приезжает сюда, чтобы подработать, и практически ежедневно водит туристов на экскурсии. Справа на его поясе на широком ковбойском кожаном ремне болтается большой американский нож, лезвие которого скрыто в пижонских юфтевых ножнах с разноцветным тисненым индейским узором. На голове у Кости заправская ковбойская шляпа с дырочками, проделанными в высокой тулье, и с белыми веревочками, болтающимися сзади у крепкой Костиной шеи. На ногах у него тесные обтягивающие джинсы и кожаные ботинки с загнутыми вверх носами, из толстой кожи, желтые с высокими, подрезанными наискосок каблуками. На широкой груди Кости, ярко выраженного модника и качка, на белой майке с короткими рукавами вокруг шаровидных бицепсов красуется крупная и стильная надпись Nebraska.

Короче, Костя – местный супермен. Еще до отъезда Салавата, когда мы познакомились, Костя назвал себя «волонтером заповедника», на что Салават только усмехнулся и неодобрительно тряхнул головой.

Костя раздувает грудь, треплет шляпу, то и дело достает из ножен и безо всякой нужды вертит в руке блестящий на солнце большой нож. И вообще ходит перед нашей Алиной петухом. Та млеет и крутит пальчиками с зеленым лаком на ногтях золотистые пряди волос. Скоро у них находится и общая тема для разговора.

– Тут у нас по горам травка растет первоклассная, – тербит свой нож Костя, обводя горы рукой.

– Да ладно? А мне говорили, что она тут слабенькая... – нежно ропщет Алина, но глаза ее наполняются елеем.

– Ну так-то вообще, конечно, слабая. Но я уже в окрестных горах сортов десять нашел разных, которые посильнее будут. Пара сортов есть – вообще закачаешься! Забирает не по-детски. Я хожу, добываю по горам вокруг травку-муравку, потом сушу и смешиваю. Купажирую, так сказать. Попробуем вечером?

Алина отрицательно двигает золотистой головой, но радостно при этом хихикает.

Внизу, по Чульче, мы видим какое-то движение. Чульча – река знаменитая среди спортсменов-водников, потому что в смысле сплава имеет самую высокую категорию сложности. Короткая, но очень опасная. Пройти ее можно на специально подготовленных каяках, но это сопряжено с большими рисками расшибиться об скалы и потому требует тщательной подготовки и высокого профессионализма. Все узкое ложе реки завалено огромными валунами и целыми скалами, меж которыми с ревом летит вниз белоснежная дикая вода. И так без единого спокойного участка воды от самого Чульчинского водопада до выхода в долину Чулышмана, т. е. километров десять подряд самого настоящего бешеного экстрима.

Прямо под нами далеко внизу на светлом плоском камне лежит на животе человек в яркой оранжевой куртке. Перед ним на камне выставлена небольшая тренога с компактной видеокамерой. Человек припал к окуляру глазом и снимает что-то происходящее вверх по реке. Выше него по соседним камням расположились еще несколько человек – все в шортах и красных спасательных жилетах, на головах у них блестят белые каски. Все они тоже неотрывно следят за рекой. Еще выше меж скалами в бурлящей воде несется вниз каяк со вставленным в него маленьким человечком с коротким веслом в руках, в ярком спасжилете. Человечек, зажатый меж камней и скал в мощном водном потоке, что есть мочи быстро гребет веслом то справа, то слева, поминутно сильно стучаясь бортами хрупкого каяка о каменные стены. Он раз за разом с головой скрывается в белой водной пене, валится вниз с небольших водопадов, соскальзывает в бурные речные стоки, проваливается в бурлящие ямы. Все это снимается на видеокамеру человеком, лежащим на камне ниже. А прочие участники сплава страхуют отчаянного гребца. Артем и Сергей, сами заядлые водники, замерли на краю обрыва и жадно следят за движением смельчака там внизу, в смертоносной Чульче.

Когда гребец проходит небольшой участок реки, команда вытаскивает каяк на камни и пристрасно изучает следующий участок. Потом проходит и его, снова снимая все на видео. И так за пару дней командой преодолевается вся Чульча – от водопада и вниз до Чулышмана. Все снимается на камеру и после монтируется фильм.

Все это мы узнаем вечером, когда, вернувшись с Чульчи, сидим в маленьком кафе турбазы и пьем там теплое пиво. Команда каякеров сидит тут же, рядом с нами. Она оказывается международной, ранее проходившей многие самые опасные реки и даже водопады в разных концах мира, от Африки до Калимантана. Каякеры тоже пьют пиво и показывают нам на ноутбуке свои прежние фильмы, где они действительно творят самые настоящие чудеса. Один раз они прыгнули на каяке с водопада метров пятнадцати высотой, и все прошло как по маслу. В этом году они снимают фильм на Чульче по заказу крупного западного телеканала.

Теперь наша Алина млеет от каякеров. Каякеры также не обделяют ее своим вниманием. Алина заливисто смеется их шуткам, восхищается их подвигами и весь вечер пуще прежнего крутит пальчиком золотые пряди. Что не мешает ей, впрочем, незаметно исчезнуть в теплой ночи с Костей-ковбоем и вернуться одной только к рассвету – с блуждающими глазами и нетвердой походкой, с блаженной улыбкой до ушей. Утром она не вполне понимает, что мы ей говорим, и только хихикает в ответ совершенно невпопад. По всему видно, что ботанические опыты Кости-ковбоя с *сильными* сортами местной дикой флоры вполне удались.

Бедный козленочек

После многих дней полной тишины и непотревоженного звездного неба наша ночевка на устье Чульчи проходит опять словно бы в печальной памяти о саратанском угаре. Кафе на турбазе работает всю ночь и всю ночь на нашей поляне не гаснет яркий свет. Свет пробивает тонкие стенки платок и не дает спать. К тому же до самого утра в наши уши долбит громкая музыка с грязным дребезжащим звуком и низкими басами. В кафе и около него всю ночь толкается какой-то пьяный народ. Это наша алтайская беда: везде, где только есть люди, всегда отчего-то производятся неуместные грохот, шум, гам, мусор, пьяные толкания, бардак. Как хорошо нам было в тайге, где не было никаких людей. И вот, что называется, мы вышли к людям.

Едва я с трудом засыпаю, злой, уже ближе к восходу солнца, надеясь урвать для отдыха хотя бы пару часов, как меня будит какой-то новый шум, к тому же очень странный. Со стороны реки слышится громкий не то плач, не то крик, не то истерическое блеяние. Словом, кто-то там истошно вопит, завывает тонким высоким голосом, то ли женским, то ли детским, то ли вообще нечеловеческим. Да что это еще за новая напасть? Вот же дьявол. Солнце уже встало из-за гор, и я, невыспавшийся, раздраженный, громко чертыхаясь, вылезаю из палатки, после чего тащусь к реке посмотреть, что там еще стряслось. И обнаруживаю душераздирающее зрелище!

На мелководе Чулышмана по колено в студеной воде стоит наша Лена и зачем-то моет в реке маленького черного козленка. А тот при этом истошно вопит и крутится в Лениных руках. Козленок вертится волчком, сучит ножками, тщетно пытается вырваться. Лена крепко удерживает козленка на весу и раз за разом намыливает его кудрявую черную шерстку мылом и шампунем до густой пены на ней, всю от хвостика до шеи. Намывив козленка погуше, она окунает его по самую головку с маленькими розовыми рожками в холодную быструю воду. Причем макает козленка в ледяной Чулышман по несколько раз подряд, чтобы смыть с него пену и шампунь, хорошенько прополоскать густую мокрую шерстку. Когда Лена намыливает козленка, держа его в воздухе в руках, тот вопит, жалобно блеет и вырывается. Когда же она окунает его в студеной воду, а потом вынимает наружу, козлячий визг становится громким и душераздирающим. Козленок поразительно громко визжит и вопит, как пожарная сирена, и его визг разносится далеко по реке. При этом воет черненький детеныш до крайности жалостливо, просто сердце обрывается, когда видишь и слышишь такое. Визг и шум козленка производит такой, что скоро к реке сбегается весь помятый и невыспавшийся народ с базы.

– Ты чего это творишь?! – возмущенно кричу я Лене с берега. Мне, как и всем сбежавшимся на берег, необычайно жалко козленка, и я не сомневаюсь, что Лена его сейчас застудит и он оттого заболеет и околеет. И главное, зачем, черт побери, *она вообще его моет?!* Все мы, что сгруппировались на берегу, злимся на Лену и недоумеваем. Что она затеяла, что это за чудачество такое?

Но Лена только отмахивается от нас и продолжает намыливать и макать несчастного вспененного козленка в холодную воду Чулышмана. Тот между тем продолжает отчаянно вырываться и еще громче орать. Он увидел нас и определенно докрикивается теперь в нашу сторону, надеясь, что мы его вызволим. Он открыто молит нас о спасении. Все мы, однако, сбиты с толку и ничего не можем понять. Стоим на берегу и тупо смотрим, как Лена методично полощет черного мокрого зверька в прозрачной реке. К тому же нам неохота лезть в ледяную воду вслед за Леной.

Все мы, конечно, сразу признали этого козленка. Он живет на нашей турбазе и целыми днями слоняется по ней, приставая к туристам и выпрашивая у них лакомства: или капуста, или огурчика, или молочка, или еще чего вкусного. Как он тут вообще оказался, на этой базе,

и где его мамаша-коза – никому не известно. Козленок прижился на базе, и все его, чем могут, подкармливают.

Ясное дело, что наши городские дамы с их самыми возвышенными чувствами, особенно Катя и Алина, немедленно же по нашем приезде на турбазу пришли от *миленького козленочка* в неопиcуемый восторг. Накануне они весь день напролет любовно тискали его, брали на ручки, обнимали, гладили, целовали нежно в макушечку и в розовые рожки, сажали к себе на коленки, заботливо кормили и поили свежим молочком. Козленок же оказался опытным попрошайкой, наглым, хитрым и привязчивым, опытным психологом. Он быстро сообразил, на какую счастливую и щедрую малину напал. И после всех этих бурных ласк и обильных угощений уже совсем не отходил от нашего лагеря ни на шаг, норовя, между прочим, еще и тайком залезть в наши припасы и пошуровать там. Весь день напролет, как щенок, он беспрестанно терся о наши ноги. Как рогатый чертенок с острыми копытцами крутился вокруг костра. Как мы, сообразив, в чем тут дело, ни отгоняли и ни отпихивали его, он все равно раз за разом упрямо лез к нам напролом и требовал от добрых хозяек все новых капусточек, морковочек, огурчиков, молочка, объятий и нежных поцелуев в макушечку и в рожки. Жалобно блеял и лез, блеял и лез. Словом, был упрям и привязчив, как всякий истинный козел...

И вот теперь этот жалкий попрошайка орет и визжит истошным голоском посреди реки, а Лена зачем-то раз за разом намыливает и полощет его в воде, как тюк грязного белья. Что тут за история такая? Загадка!

Наконец долгая пытка малыша ледяной водой заканчивается, и Лена, далеко вытянув вперед руки, выносит мокрого дрожащего от холода козлика на берег. Она ставит его на серую влажную гальку, и козленок принимается отряхиваться, рассыпая во все стороны сверкающие брызги. Теперь он уже не визжит как резаный, а только тихо постанывает и блеет, будто бы бессильно плачет после перенесенных им потрясений и мук. Лена его жестоко пытала, и теперь он понемногу отходит от пыток, дрожа и всплакивая. Его тонкие ножки трясутся, в глазах блестят слезы. *Вот ведь мерзкая живодерка!* – думаем все мы про Лену. Нашему возмущению нет предела!

Катя и Алина, наши нежные барышни, с розовыми и зелеными пальчиками, в белых шортиках и легких шлепках на изящных ножках, порывисто бросаются к невинной жертве этой нечеловеческой и жестокой утренней драмы. Их мягкие сердца полны одновременно возмущения и сострадания. Возмущения ужасной выходкой *злой* Лены и безграничного сострадания к *милому козленочку*. Кудрявый попрошайка немедленно опознал своих великодушных и щедрых покровительниц и потянулся к ним головой и розовыми рожками, изготовился упасть им в объятия. Он перестает даже отряхиваться и дрожать и стремится теперь к девушкам всем своим мокрым черным тельцем. И вот Алина первой хватает козленочка на руки, ласково прижимает его к груди, готовится чмокнуть его в мокрую *макушечку*, а после – в *розовые рожки*, как вдруг... Но что это? Что такое мы видим?! Наша Алина громко вопит что-то нечленораздельное и резко, даже довольно грубо, отбрасывает *милого козленочка* обратно на прибрежную гальку. Тот хлопается об землю, потом резво подскакивает и теперь стоит и обиженно сучит копытцами, а мы окончательно оторопели, совершенно сбитые с толку. Да что вообще сегодня творится?!

И вот что выясняется.

Ночью, когда в кафе пил народ и были танцы, козленочек, как обычно, мотался среди людей и вынюхивал, чем бы поживиться. Блеял, терся об ноги и клячил – одним словом, был занят своим обычным делом. Там у кафе он, как видно, привязался к кому-то из гуляк и потащился за ним по темноте к деревянному сортиру, стоящему у дороги с оторванной дверью и с дыркой в форме ромба в загаженном дощатом полу. Там попрошайка неизвестно каким образом провалился в эту дырку и по самую шею погрузился в кучу полужидкого дерьма и слипшегося мусора, щедро политую сверху мочой туристов. Оказавшись к сортирной яме почти по

самый рот и медленно утопая в массе фекалий, козленочек принялся истошно вопить. Тогда же его кто-то услышал и вытащил за рогатую башку обратно наружу, через ту же ромбовидную дырку в полу. Еще благо, что выгребная яма была неглубокой и голова козленочка торчала прямо в мокрой, обмоченной и обгаженной прорехе меж досок. Козленок был весь в дерьме, в обрывках туалетной бумаги и в блевотине и, конечно, нестерпимо вонял. Оказавшись на воле, он как ни в чем ни бывало весело поскакал обратно в кафе, обдавая воздух густым смрадом. Там он попытался по привычке тереться об ноги туристов и попрошайничать, но своим видом и особенно запахом скоро разогнал всех по палаткам и домикам. Кафе закрылось, музыка смолкла. Утром козленка, у которого дерьмо уже частично засохло на шерстке, а обрывки туалетной бумаги обтерлись и облетели, первой обнаружила рано вставшая Лена. И из сердобольности и сострадания решила отмыть его от дерьма в речке. Постирать мылом и шампунем, а также многократным полосканием в воде.

Однако же заботливое мытье Лены дало неожиданный результат.

Когда козленок провалился ночью в яму с дерьмом, его густая и плотная курчавая черная шерстка не пустила нечистоты глубоко внутрь. К тому же малыша сравнительно быстро успели выдернуть из смрадной кучи нечистот. Все дерьмо и мусор пристали и облепились в основном сверху густого черного каракуля козленка, не просочившись до кожи и нижней части шерстки. Когда же Лена принялась густо намыливать и макать козленка в речку, она, вовсе того не желая, все это вонючее месиво глубоко и равномерно втерла и вмазала на всю глубину густой шерсти, да еще и растащила по всему козлиному тельцу. Козленок оказался равномерно и на всю глубину шерстки обмазан жидким дерьмом. Конечно, много помоев уплыло вниз по речке вкупе с грязной пеной, но никак не меньше втерлось в шерстку и кожу зверька и осталось на несчастном попрошайке. Поэтому, когда трепетная и сердобольная Алина схватила *милого козленочка* на руки и прижала его к груди, в нос ей ударило такое густое и смрадное амбре, что она завопила и выронила пропитанного нечистотами козленка обратно на берег.

Весь оставшийся день мы бегали от козленка, отпихивали его подошвами ботинок и прогоняли палкой. Он же ничего не понимал, таскался за нами и жалобно блеял. Весь наш лагерь провонял экскрементами. А Алина и Катя решительно его разлюбили. И то сказать – ведь из *милого козленочка* стал, ясное дело, противным.

Возвращение Телецким озером

Наш долгий поход по Башкаусу, Чулышману и их живописному междуречью подходит к концу. От турбазы напротив устья Чульчи, оставив на ней вонючего козленка и Костю-ковбоя с его завлекательным гербарием, мы отправляемся дальше вниз долиной Чулышмана. Едем по разбитой проселочной дороге, которая бежит левым берегом, перескакивая через маленькие речки-притоки по узким деревянным мостикам. Горные стены по сторонам долины становятся все выше, уходя под самые небеса. По дороге нам встречаются крохотные алтайские деревеньки Коо (*сажа, высокий, стройный, красивый*), Кок-Паш (*серо-голубая вершина*) и Балыкча (*рыбак*) – по несколько десятков дворов каждая. Люди здесь живут скотоводством, охотой и рыбалкой, как и сотни лет назад. Электричества нет и чулышманцы пользуются для освещения домов свечами или портативными бензиновыми генераторами.

Проехав километров тридцать с Салаватом за рулем его уазика, мы заезжаем на большой мыс Кырсай, который выступает широким полукругом в южное окончание Телецкого озера. На мысу растет лиственничный лес, среди которого стоит несколько летних деревянных домиков. В одном из них мы и остаемся на ночлег. Установился теплый безветренный вечер, солнце садится за высокие горы, вокруг полная тишина.

В своей южной части Телецкое озеро широко и спокойно. Чулышман, впадая в озеро, образует небольшую речную дельту, распадаясь на протоки и огибая длинные, покрытые ивняком, песчаные островки. Река в своем исходе мощная, полноводная, спокойная. В низовьях ближе к озеру она умиротворяется, теряет скорость и напор, течет медленно и величаво. Я сижу на травке на берегу озера прямо у устья и наблюдаю, как плотная и спокойная вода реки медленно сносит мимо меня в озеро листочки, травинки, ветки деревьев, а порой и целые стволы, сброшенные в реку ветром и дождями где-то выше по течению. Еще немного, и вода Чулышмана сольется с озерной водой и сама станет ею. Ил и взвесь реки осядут вниз на дно, и вода станет кристально прозрачной, на всю огромную глубину и ширь волшебного горного озера.

Окрестные горы отражаются в глади озера, их вершины окрашены теплым оранжевым светом заката. Напротив через озеро темнеют глубокое таежное ущелье реки Кыга и большой залив Кыгинский. Ущелье Кыги уходит далеко и круто вверх на восток. Там на вершинах Абаканского хребта истоки Кыги примыкают совсем близко к истокам Большого Абакана, т. е. к материковому водоразделу великих сибирских рек Оби и Енисея. Абаканский хребет, поднимаясь прямо над озером с восточной его стороны на 2,5 км над уровнем моря, отделяет Алтай от Хакасии. Весь он до самой верхней границы леса покрыт густой богатой тайгой.

Вид с мыса Кырсай на юге Телецкого озера. Утро (В. Рыжков, 2010 г.)

Мы хорошо выспались этой ночью на мысе Кырсай. Наутро издалека с севера на синей глади озера появляется белая точка, которая скоро вырастает в маленький, но крепко сбитый кораблик. Он бесшумно пристает к илистому берегу мыса Кырсай и нам бросают сверху крутой деревянный трап. Сбегают вниз туристы с рюкзаками, а мы, напротив, грузим весь свой скарб на палубу и сами забираемся на кораблик. Скоро теплоход отходит, и мы неспешно идем на север прямо посреди безмятежного озера, окруженного высокими стенами лесистых гор. Позади нас на юге разлиты яркий свет и дружеское тепло долины Чулышмана. Впереди, далеко на севере, наоборот, виднеется свинцовое черное небо. Посреди огромного длинного озера, часа через два хода, вдруг поднимается сильный ветер и начинается шторм. Ходят двухметровые черные волны с белыми пенистыми гребнями, наш кораблик сильно раскачивается и весь дрожит от ударов сердитой воды в борта.

Такая быстрая перемена погоды для Телецкого озера – обычное дело. Шторма налетают резко и опасно, волны поднимаются крутые, даже отвесные, и могут вмиг потопить небольшую лодку или катер. Это всегда знали местные жители и ходили по озеру с опаской, прижимаясь потеснее к берегам, чтобы в случае внезапного шторма успеть пристать к земле и спастись. Климат на озере, лежащем узкой 80-километровой лентой меж больших гор, тоже в разных частях различается. Теплее и солнечнее всего на юге, где впадает в озеро Чулышман, на мысе Кырсай. Холоднее и дождливее – на северо-западе в поселке Артыбаш (*артубаш – голова, начало порогов*). А на самом севере в поселке Яйлю (*летнее место*) плодоносят на южном горном склоне, обращенном к озеру, богатые яблоневые сады.

За те пять часов, что мы шли от мыса Кырсай в Артыбаш, мы пережили все состояния Золотого озера. Выйдя на своем кораблике жарким летним утром в полный штиль, когда солнце слепило нас, отражаясь в неподвижной глади воды, мы скоро угодили в жестокий шторм, который нас изрядно потряс и потрепал. Ближе к водопаду Корбу, в северной части озера, сильно похолодало, солнце скрылось за тучами, заморосил противный холодный дождик. Вдали же на юге, откуда мы вышли утром, все так же горело и сияло летом и жарой. Выйдя с Кырсая в майках и шортах, у Корбу мы уже натянули на себя джинсы, теплые свитера и куртки.

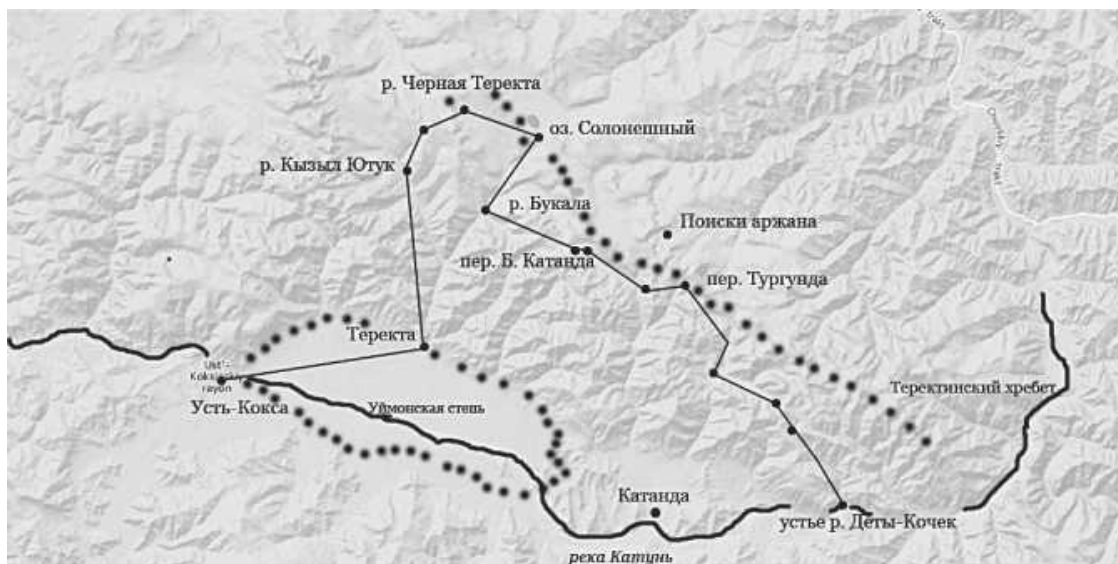
За поворотом на запад к Артыбашу, где озеро сужается, стало совсем холодно. Хлестал дождь, дул сильный ледяной ветер, мы окончательно замерзли и спустились с палубы в каюту, которая спряталась в маленьком трюме кораблика, где и сидели в тепле до самого Артыбаша.

По Теректинскому хребту

*(Теректинский хребет, реки Теректа, Верхняя и Нижняя Команда, Кочек, озеро Соло-
неиный, генеральская охота, Белуха)*

Теректинский хребет и Катунь

Пробежав всю распахнутую вширь Уймонскую долину, миновав большие села Усть-Кокса, Верхний и Нижний Уймон, быстрая и полноводная Катунь вступает в один за другим величественные каменные прижимы, слева и справа по ее течению, близ которых с обеих сторон в нее впадают горные речки. Одни притоки прибывают в Катунь с вершин зеленого и крутобокого Теректинского хребта – они соединяются с Катунью по левому берегу. А речки, берущие свое начало с ледников темного, скалистого и всегда снежного Катунского хребта, впадают в нее по правому. Справа несутся с ледников Белухи, ворочая придонные глыбы, белые, как молоко, Кучерла (*с солонцами*) и Аккем (*белая вода*). Слева вливаются в изумрудную катунскую воду прозрачные и холодные речки Чендек (*правильное место*, так называется и деревня в устье), Верхняя и Нижняя Катанда (*гривастая гора*), Тюнгур (*шаманский бубен*), Тургунда. Ближе к месту впадения в нее спустившегося сюда с далекого Укока мощного Аргута Катунь формирует широкую дугу на все 180 градусов, чтобы сменить свое направление с юго-восточного на северное и окончательно взять курс на Чемал, Майму и Бийск, где она сольется с Бией, дав начало могучей Оби.

Путешествие по Теректинскому хребту

Делая этот свой широкий разворот, обозначенный на карте идущей вдоль левого берега и давно уже несуществующей автомобильной дорогой Тюнгур – Иня, Катунь огибает юго-восточную оконечность величественного Теректинского хребта (*теректа – тополиная гора*), одного из главных горных хребтов Алтая.

Теректинский хребет, в отличие от излюбленных туристами Катунского и Северо-Чуйского, дедовская вотчина почти только местных жителей: пастухов, лесников и маралозаводчиков. Его покрытые лесом и туманами склоны и вершины остаются скрытыми от глаз многочисленных гостей Алтая. Между тем Теректинский хребет полон первозданной красоты и таит в себе немало открытий и тайн. Это отличное место для отдыха и путешествий и тем более ценное, что предстает перед гостями малолюдным и диким...

Если Катунский хребет с его отвесными скалами, каменистыми кручами, вечными ледниками, острыми снежными вершинами, грохотом водопадов и круто падающих рек звучит и скрежещет как жесткий металлический рок, то Теректинский хребет – это совсем иная музыка

гор. Мне слышится долгий протяжный и печальный сибирский блюз, с простыми медленными рифмами и низкими глубокими басами. Его вершины, уходящие вверх на 2,5–3 км, округлы и плавны, как плавны и изгибы соединяющих их широких седел и перевалов. На привольной спине хребта плещутся сотни небольших голубых и изумрудных озер, хранятся огромные запасы влаги в бездонных и студеном высокогорных болотах, из которых сочатся бесчисленные прозрачные ручьи и речки, щедро питающие Катунь и ее притоки.

Если смотреть на Теректинский хребет из древней Уймонской долины, то ясно увидишь всю структуру его величественных южных склонов. Прямо от подножия гор начинаются и идут вдаль и вверх лиственничные и смешанные леса, перемежаясь с безлесыми ребрами каменистых отрогов. В массивное тело хребта врезаются глубокие извилистые ущелья, взбирающиеся сначала полого, потом – все круче и круче наверх, к его спине. Из степи хорошо видна верхняя граница леса, проходящая на высоте около двух километров. Выше леса растет пояс карликовой березы и располагается зона высокогорных лугов и тундры. А еще выше выделяются на фоне неба округлые и голые каменистые вершины, часто затянутые облаками. Там в глубине ущелий, по дну которых бегут быстрые и чистые речки Теректа, Кастахта (*гора, похожая на наконечник стрелы*), Чендек, Верхняя и Нижняя Катанда, Тюнгур и Тургунда, расположены главные хозяйственные активы жителей одноименных деревень (Теректа, Катанда, Чендек, Тюнгур) – горные пастбища, покосы и пастушеские стоянки.

Обычно немногие туристические группы, решившие пройти по Теректинскому хребту пешком или проехать на конях, просто накоротке пересекают его поперек со стороны Чуйского тракта, чтобы попасть в Уймонскую долину. Или же, наоборот, перебираются через хребет из Уймонской долины в район Ело или Каракола, совершая короткий прямой поход в три-четыре дня. Или производят небольшую петлю вокруг двух-трех округлых вершин, возвращаясь к исходной точке пути. Мы же решили, и, видимо, первыми за многие десятилетия, проехать на конях большую часть хребта вдоль его волнистого гребня у самых вершин, сначала поднявшись на хребет по реке Черная Теректа и в конце пути спустившись с вершин хребта к Катунь далеко к юго-востоку по южному окончанию массива, по ущельям рек Тургунда и Деты-Качок. Весь наш путь занял 11 дней, и прошли-проехали мы по вершинам Теректинского хребта в общей сложности более 150 км. Таким образом мы детально изучили примерно две трети от всей протяжности Теректинского хребта, т. е. всю его центральную и юго-восточную, самую высокую часть (максимальная высота хребта – 2927 м).

Проводники из Катанды Иван и Андрей

Оба наших проводника, Иван и Андрей, родом из крупного и старинного русского и казацкого села Катанда, расположенного на левом берегу Катуня. С ними выехала наша группа в составе семи человек, всего девять человек и девять лошадей. Палатки, еда, посуда, спальники – обычное снаряжение для конных горных походов, все было взято с собой на весь путь. За 11 дней дороги в горах мы практически ни разу не спускались ниже высоты 2000 м. День за днем мы забирались все выше, по мере того как плавно поднимался вверх к юго-востоку сам Теректинский хребет. Днем наверху было тепло и даже жарко, а ночами температура падала почти до нуля и даже пару раз ниже точки замерзания воды. Теплые зимние спальники в нашем июльско-августовском походе по высокогорью Алтая оказались нелишними.

Ни Андрей, ни Иван, наши добрые и общительные проводники, хоть и были местными жителями и опытными таежниками, всей точной дороги по хребту не знали, ведь маршрут наш был необычным. Ни местные, ни туристы такими маршрутами вдоль всего хребта по его верхам никогда не ездят и не ходят. Ведь им это попросту ни к чему. Обычно местные пастухи пасут или перегоняют скот с одной стороны хребта на другую, поперек него, или пасут свои стада и отары на одних и тех же давно заведенных стоянках. Охотятся они также поблизости от своих сел. А вот траверс всего хребта, на всем его протяжении, никому обычно не интересен. Что-то про предстоящую дорогу рассказал и показал по карте отец Ивана Николай, хорошо знающий эти горы, исходивший их когда-то вдоль и поперек со своим отцом, дедом Ивана. Сам молодой Иван неплохо знал ближнюю – катандинскую – сторону и прилегающие к ней окрестности. Андрей же, старший проводник, лет на десять взрослее Ивана, заядлый охотник и любитель полазить по местным горам, был в молодости почти что всюду, но много лет тому назад. Оттого и он уже не помнил точно дальние верхние тропы. Поэтому ехали мы нередко совершенно наугад, по наитию, держа скорее направление, чем дорогу, а в последний день заплутали под сильным дождем в облаках и тумане, накрывших горы, по крутым и мокрым травянистым склонам, в своем завершающем головокружительном спуске к Катуню.

В тот последний день похода Андрею, нашей главной надежде и старшему из наших проводников, было очень скверно. Накануне, на последней перед итоговым спуском стоянке в верховьях речки Тургунды, все немного расслабились, выпив по несколько рюмок охлажденной в ручье водки, под ароматный и густой борщ, сваренный на костре в закопченном котелке. Андрей, однако, не остановился на этом и добавил перед сном к борщу и водке целую упаковку обезболивающего, кажется анальгина. Вроде как у него разболелся зуб. Он взял и проглотил после водки десяток таблеток. И завалился спать в палатку.

Андрей из Катанды (фото В. Рыжкова, 2012 г.)

Смесь водки и анальгина дала сильный эффект, и наутро его глаза были малоподвижными и мутными, смотрели в разные стороны, а ноги на крутых склонах заметно заплетались. На диком спуске по речке Деты-Кочек тропа то и дело возникала и пропадала, двоилась и тротилась, терялась в высокой мокрой траве. Спуск по речке был очень крутой, по лиственничной и кедровой тайге, по падающим луговинам с заболоченными ручьями, невидимо журчащими в траве. Там-то Андрей, накаченный анальгином, смешанным с борщом и водкой, пустил нас долго плутать по почти отвесным скользким туманным склонам. Мы бесконечно мотались по дремучему лесу в призрачных горах, прежде чем вышли в тот день к Катунь.

Алтайские старожилы-аборигены ходят и ездят по горной тайге совсем не так, как это делают туристы. Туристам нужна набитая ухоженная тропа с ее пологими уклонами и плавными поворотами, с пропиленными стволами и прорубленными ветками. Местные же едут туда, куда им нужно. У них с детства опыт и психология охотников и следопытов. Они отыскивают ключи к тайге не под фонарем, где светло, не на удобных старинных пастушеских тропах, а там, где живет дичь, где ходит или стоит зверь, где их ждет верная добыча. Если им надо куда-то проехать, они едут напрямую, вне зависимости от того, есть там дорога или нет.

Местные жители уверены, что в принципе проехать, пройти, пробраться, протиснуться, пролезть (если надо – перебрести или переплыть) можно практически везде, даже в самых узких и каменистых ущельях, в самой густой и заваленной мшистыми стволами тайге, даже перед лицом бурных, с белой непрозрачной водой и опасных, с глубокими омутами и промоинами горных речек. Так оно чаще всего и бывает. Местные мужики пролезают везде, по самому невообразимому горному бездорожью. Если придется, то они, обливаясь потом и матерясь, буквально прорубают себе путь топорами или пропиливают его двуручными пилами. Если понадобится, то они построят через бурные реки мосты из бревен и плавника. Если надо, переплывут смертельно опасные стремнины вместе с конями и поклажей.

Так и в нашем походе, когда Андрей не знал, где именно проходит тропа (часто давно заброшенная и заросшая травой), он просто решительно брал нужное нам направление – через косогоры, каменистые осыпи и плотные колючие заросли карликовой березы, из которой однажды выпрыгнула и бросилась огромными скачками вниз по крутому склону прочь от нас молодая косуля (местные называют их *козами*).

В последний день, когда тропа вдоль *Качка* (так для простоты зовут речку Дети-Кочек местные жители) то и дело пропадала, накаченный водкой и анальгином Андрей, миновав пустую пастушескую избушку почти у самой вершины, вдруг свернул резко вправо и вниз – по круто падающему вниз узкому травянистому ущелью, далекое дно которого терялось в густом мокром и холодном тумане. Мы вели за ним коней в поводу, повисали на поводьях, скользя и заваливаясь в мокрой высокой траве. Вода затекала нам за шиворот, ноги вязли в болотистой почве, разъезжались в стороны. Стравив таким образом метров триста по вертикали, мы в итоге уперлись в узкое, окаймленное большими скалами горло ущелья, в которое с шумом прорывался и обрушивался дальше вниз Качок. Дороги впереди не было никакой, и нам пришлось выбираться обратно наверх, рыская глазами в поисках потерянной (и существующей ли вообще?) тропы. Всюду вокруг нас были тропы-обманки: летом по горам свободно ходят табуны коней, покрывая травянистые склоны паутиной тропинок, в которых трудно не заблудиться.

Наконец где-то еще выше по склону, наискосок, мы увидели торную, натопанную тропу, выбрались на нее и, приободренные, снова двинулись вниз в сторону Катуня. Однако десятью минутами позже и эта тропа исчезла. Порыскав по заросшему лиственницами высокому каменистому уступу, проехав дугой влево вниз по зеленой окружности травянистого цирка, мы мокрой цепью из лошадей и людей покатались вниз по крутой луговине очередного косогора, нещадно поливаемые холодным дождем. На этот раз нам повезло, и спустя полчаса мы попали на прочную, натопанную многочисленным скотом тропу в низовьях Качка. Эта тропа, идущая мимо нежилых стоянок по зарослям малины и красной смородины, которые мы рвали и ели прямо по ходу, тропа, которая то и дело вела нас по самому руслу, по каменистому дну, быстрой и прозрачной речки, вывела нас, измученных, на берег Катуня – к счастливому завершению нашего одиннадцатидневного похода.

Младший из проводников, Иван, был в тот день очень зол на Андрея, который вел группу впереди, в то время как Иван по обыкновению замыкал и страховал ее. На все эти поиски и утомительные рысканья по тупиковым ущельям, на мучительные взбирания вверх по отвесным косогорам после очередного таежного тупика у нас ушли добрые полдня. Наши несчастные лошади совершенно выбились из сил и стояли теперь у прибрежных мокрых берез неподвижно, тяжело дыша, даже не думая щипать траву. Так всегда бывает с этими четвероногими тружениками после долгого изнурительного перехода, когда им требуется какое-то время, чтобы прийти в себя и снова начать пастись, восстанавливая силы.

– Не пойду я больше с Андреем и туристами! – говорит мне в сердцах Иван. Он винит своего земляка в бестолковых блужданиях по мокрым и крутым ущельям Качка.

А история с пачкой Андреева анальгина скоро будет обсуждаться во всех домах Катанды. И со временем станет одной из тех легендарных веселых историй, которые передаются из уст в уста и составляют богатую бытовую летопись здешних мест.

Повышат или понижат?

В холодных каменных распадках, в которых зимой скапливается много снега, на больших высотах, на тенистых склонах близ границы леса в горах Алтая растет бадан – растение с мясистыми круглыми листьями и нежными розовыми цветочками. Бадан расстилается обычно плотными зелеными коврами под скалами и расщелинами в них. Местные жители собирают бадан для лекарственных нужд или заваривают из него вкусный ароматный чай. Заваривают почерневшие прелые листки растения, перезимовавшие под снегом и, как обычный черный чай, прошедшие ферментацию.

Однажды мы сидели у вершин Теректинского хребта в своем маленьком палаточном лагере и пили чай из бадана. Его еще называют иногда монгольским чаем. В горах было темно и холодно, трещал и оранжево освещал наши лица костер. Отхлебывая терпкий горячий напиток из железной кружки, я поинтересовался у Андрея:

– А что именно вы лечите баданом?

– Да он от всего помогает – от живота, от простуды, от легких и кашля, от ревматизма, еще и раны заживляет. Корни его копаем и сушим, а опосля делаем настойки и компрессы.

– А еще бадан при высоком давлении помогает – понижат его, – добавляет молодой Иван. Катандинцы говорят именно так – характерно проглатывая окончания слов: «уважат», «сни-мат», «погружат».

– Это точно, при давлении бадан хорошо помогает. Только вот не *понижат* он давление, а, наоборот, *повышат*, – мягко поправляет Ивана старший Андрей. – Если у кого давление упадет сильно, то вот тогда бадан и пьют.

– Ну здравствуйте вам привет! – не соглашается Иван. – Как это он *повышат*, когда *понижат*? Я-то точно знаю. Тот год тетка Варвара приболела, гипертонический криз ее хватанул, так батя ей бадану тогда наварил, чтобы давление сбить.

– Да ты чего такое говоришь-то? – немного повышает тон Андрей. – У меня когда давление падает в горах, я завсегда бадан пью, для тонусу! Я точно тебе говорю – *повышат* он!

– Ну может, что у тебя бадан давление и *повышат*, только вот у всех нормальных людей – *понижат* \ – кипятится и язвит Иван.

– Да чего ты людям мозги путаешь-то? Точно тебе говорю – *повышат* он, а не *понижат* \ – почти уже кричит на Ивана возмущенный Андрей.

Они продолжают горячо спорить. Только и слышно что «*понижат-повышат*».

Внезапно Андрей что-то припоминает и произносит неожиданное:

– А вот бабка моя, помнится, говорила всегда насчет бадана и давления, что бадан его *нормализует*. Когда оно низкое – то он его *повышат*, а когда высокое – *понижат*.

– Ну, может, оно и так, – подводит черту под научной дискуссией Иван.

Обитаемые горы Алтая

Если разобраться, то на Алтае, при всей его несомненной первозданностиTM и дикости, практически нет свободных от людей гор. Даже немногочисленные жители этой обширной горной республики числом немного более 200 тыс., из которых к тому же четверть живет в столице (городе Горно-Алтайске), тем не менее создают заметное давление на алтайскую природу. Все Алтайские горы, кроме заповедников, фактически поделены между селами, стоящими у подножия хребтов, где быстрые речки вырываются из ущелий, чтобы недолго пробежать по степям или вовсе сразу влиться в Катунь, как Качок или обе Катанды.

Каждое село «держит» всю долину своей речки от устья и вверх до самых истоков. Долины и владения деревень отделяются одна от другой отрогами хребтов – водоразделами многочисленных притоков Катунь, Чуй, Бии и Аргута. Внизу в долинах местные жители собирают грибы, ягоды и косят сено – поближе к избам, где сено можно привезти к домам, припасая его на долгую зимовку. Внизу по той же причине заготавливают дрова и строевой лес. Выше, где ущелья переходят в травянистые косогоры посреди тайги, пасут скот и ставят нижние пастушеские стоянки. Еще выше, у самых границ леса, где горы постепенно выполаживаются, ставятся верхние пастушеские стоянки. А совсем у вершин, на самой границе неба, свободно ходят все лето и пасутся кони. Это удивительное и завораживающее зрелище. У самых круглых вершин на резкой границе рыже-серых каменистых круглых куполов и глубокого синего неба, совсем вдалеке, крошечными разноцветными силуэтами застыли лошади. Они почти неподвижны, их обдувает холодный и чистый ветер высокогорья. Лошади лениво ступают по склонам. Они медленно наклоняют свои головы на крепких шеях и щиплют низкую сочную траву высокогорной тундры, самую сладкую и самую сытную в горах. Их табуны проводят под облаками, а часто и над облаками все лето, наедая под кожу жир и лоснясь здоровой шкурой хорошо отдохнувших и пышущих здоровьем животных. Их влекут к вершинам ветер и холод, которые отгоняют гнус, сочная трава высокогорной тундры, тишина и простор, а может быть, что-то еще – кто знает?

Когда мы ехали под самыми облаками, огибая круглые каменистые гольцы Теректинского хребта, когда пили на коротких стоянках крепкий сладкий чай из термосов, прячась от холодного ветра за большими серыми камнями, когда вглядывались в величественные горные панорамы, открывавшиеся нам с перевалов, мы всегда точно знали, на чьей именно земле в данный момент находимся, хотя вокруг нас и не было в эти моменты ни души.

В начале похода мы поднимались вверх по Теректе и ее верхним притокам, и это были горные уголья *теректинцев* (жителей села Теректа, откуда мы стартовали, – села, стоящего у самой подошвы хребта на берегах вытекающей из тесного ущелья в Уймонскую долину быстрой и чистой речки Теректы). Через два дня мы уже продвигались вверх по распахнутой заросшей кедром долине речки Букала – законным владениям *чендекцев* (из села Чендек, чуть восточнее Теректы). Перевалив затем крутой перевал с Букалы к истокам Верхней Катанды, мы оказались в обширных угольях *катандинцев*, включающих в себя протяженные, богатые природными дарами долины Верхней и Нижней Катанды, со всеми их многочисленными притоками. Тут уже катандинцы Андрей и Иван почувствовали себя как рыба в воде – они были дома. Когда же мы напоследок перевалили от левого притока Нижней Катанды речки Кызыл-Ютук к истокам Тургунды и Деты-Кочка, то оказались на землях *тюнгурицев* (жителей села Тюнгур, последнего населенного пункта на заброшенной дороге на Иню).

Двигаясь по волнистой спине Теректинского хребта с запада на восток, мы видели слева от себя уходящие в синие дали лесистые северные отроги хребта, спускающиеся к Катунь и Чуйскому тракту на север и на северо-восток. По этой северной стороне мы проезжали верхние границы владений *онгудайцев*, *купчегенгьцев*, *яломанцев*, *жителей Ини* и *инегенгьцев*. На Алтае

есть строгое правило – стараться не заходить на чужую территорию, ограниченную обычно перевалом или рекой. Серьезных нарушителей этих неписаных законов могут побить или, еще хуже, стрелкнуть в их сторону из ружья. В них могут заподозрить конокрадов или потравщиков чужих пастбищ. Туристы тут стоят особняком. Их местные терпят, понимая, что трудолюбивые земляки из соседних деревень, работая проводниками, предоставляя коней и продукты, так подрабатывают себе на жизнь. Но, проходя по чужим местам, надо соблюдать простые правила уважения и бережливости: не оставлять мусор, тщательно гасить огонь, не пасти коней на чужих лугах, не беспокоить скот и его хозяев, не ставить лагерь на выпасах и сенокосах, убраться за собой в таежной избушке, оставив в ней порядок. Желательно еще и не вставать лагерем рядом с обитаемыми стоянками, чтобы не стеснять живущих там хозяев.

У нашего младшего проводника Ивана на верхнюю пастушескую стоянку на речке Кызыл-Ютук был отдан местным пастухам на все лето его собственный молодой бык, который при перегоне по опасным каменистым тропам сильно повредил себе ногу. Через день после завершения нашего похода Иван выехал в верховья Кызыл-Ютука за этим быком, в надежде как-то спустить его вниз в село и там вылечить у опытного катандинского ветеринара.

Пастухи и скот не раз встречались нам на долгом пути по Теректинскому хребту. Табуны лошадей ходили у голых круглых вершин, наслаждаясь свободой и покоем. Отары овец цвета слоновой кости медленно брели по салатovým высокогорным склонам с низкой травой, опустив головы и сбившись в кучи под бдительным присмотром пастухов. Коровы лесенкой выстраивались по окруженным лесами косогорам с высокой влажной травой, равнодушно провожая нас взглядами и не переставая пережевывать свою жвачку. По Теректе и Букале, по Верхней и Нижней Катанде, по Качку и Тургунде скота в наши дни стало в разы меньше, чем в советское время. Многие летние стоянки стоят теперь в запустении и безлюдии. Но все же традиционный пастушеский быт не ушел пока в прошлое безвозвратно, только если прежде стада были колхозные, то теперь стали частными. Пасут их нанятые местными жителями пастухи, из числа местных же жителей. Обитаемые горы Алтая хранят пока свои древние скотоводческие традиции.

Генеральская охота

На одной верхней стоянке на Теректинском хребте, у истоков притока Нижней Катанды речки Кутан, у нас был случай с генералом из Новосибирска. Вроде как генерал этот был настоящий, т. е. военный. Случай был, собственно, с ним, а не с нами, а мы лишь наблюдали все происходящее со стороны.

Спустившись после недолгого дневного перехода с широкой спины хребта, мы встали лагерем у верхней границы леса метрах в ста от пастушеской стоянки на небольшой поляне, покрытой яркими крупными синими цветами. Кажется, это были круглолистные колокольчики, растущие здесь в изобилии. Развели костер, расставили палатки, повесили котелки, чтобы варить обед, искупались в холодной быстрой речке. Было солнечно и ветрено, вечерело. Около бревенчатой избушки пастуха тоже торчала большая трехместная палатка – яркая, желтая, высокая. Ходили около нее какие-то мужики, переговаривались негромко и куда-то собирались. Рядом со стоянкой был виден загон для овец, обнесенный плетнем, куда ближе к закату пастухи пригнали сверху и спрятали пыльную отару голов в двести.

Наши проводники сразу по приезде отправились в избушку поговорить с земляками-катандинцами, потолковать с пастухами о местных делах. В разговоре выяснилось, что генерала с его желтой палаткой с утра забросил аж из самого Новосибирска военно-транспортный вертолет и что сама эта стоянка и отара овец принадлежат некоему олигарху (тоже из Новосибирска), хозяину турбаз, земли и скота в Усть-Коксинском районе. А пастухи – нанятые им работники. Генерал же, прямо как в русских сказках или анекдотах, оказался, прилетел *охотиться на медведя!*

В принципе, ничего предосудительного в этом не было (если не задаваться вопросом, за чей счет был организован недешевый перелет вертолетом из Новосибирска). Медведя на Алтае много, и он никому особенно не нужен (ни на шкуру, ни на мясо). К тому же кутанский медведь, как рассказали Андрею и Ивану пастухи, повадился таскать из отары овец (каждые 3–4 дня по овце), нанося заметный ущерб хозяину отары, олигарху. Хитрый медведь умудрялся регулярно подкрадываться и незаметно таскать овец, как ни сторожили от него отару пастухи и собаки. Вот генерала и пригласили совместить приятное с полезным: отдохнуть в горах, убить медведя и уберечь от его нападений скот.

План у охотников был простой и, как скоро выяснилось, довольно глупый. В том лесу, где предположительно слонялся медведь-вредитель, пастухи бросили на землю и завалили сверху тяжелыми бревнами большой кусок стухшего мяса, а неподалеку соорудили *схрон* для стрелков. С вечера охотники ушли в лес с винтовками, забрались в этот схрон, чтобы караулить медведя; ушли, как положено, на всю ночь. Расчет был на то, что медведь придет на запах тухлого мяса, начнет к нему лезть, ворошить бревна – тут его и застрелит из схрона бравый генерал.

Само собой, план организаторов генеральской охоты с треском провалился (что с планами генералов бывает нередко).

Почему именно он провалился – нам охотно объяснили наши, весьма довольные всем происходящим проводники Андрей и Иван, которые весь вечер перед охотой посмеивались, покуривали сигаретки и поплеывали на траву, хитро наблюдая со стороны за приготовлениями к генеральской охоте.

А все дело было вот в чем. Генерал прилетел из далекого города всего лишь *на одну ночь*. Уже одно это было крайне несерьезно. С чего это все они решили, что медведь именно *в эту ночь* придет подкрепиться, да еще именно *в это место*? Да и вообще, с чего они вообще решили, что он придет? Что он не заметит ловушки? Что не почувствует запаха людей? Что он окажется настолько глуп, что сам побежит в приготовленную ему засаду? Что он вообще находится в этой части леса? Что ему, мало свежей баранины из отары генералова друга? Само

собой, наши проводники оказались правы и никакой медведь в эту генеральскую ночь не объявился. Бравые охотники с большими ружьями и импортными прицелами ночного видения в охотку ушли с вечера в лес, а утром, когда мы пили свежесваренный чай у костра и ели ароматную пшеничную кашу со сливочным маслом и яблочным джемом, эти же нелепые охотники, понурые и невыспавшиеся, вернулись из леса назад к избушке, словно побитые и с пустыми руками. Андрей и Иван понимающе улыбались, знай себе покуривали и поплевывали. Цвета слоновой кости отдохнувшая отара уже вытягивалась вверх по пологому склону навстречу новому дню, навстречу своему роковому, неведимому, хитроумному куганскому медведю.

Гречка в морозное утро (Д. Запылихин, 2016 г.)

Генерал же быстро позавтракал, свернул свою желтую палатку, сел на коня и с сопровождающим уехал вниз, в Катанду. За спиной у него болталось в бархатном кожаном чехле дорогое немецкое ружье с отменной оптикой. Напоследок генерал хмуро и недовольно оглядел нас сверху, весело распивающих крепкий сладкий чай у бойкого костра. Андрей и Иван и бровью не повели, курили, сплевывали и нахально улыбались бестолковому генералу. В этот раз проводники были на стороне хитрого медведя, а не на стороне генерала и его друга-олигарха.

Озеро Солонешный и поиски Аржана

На второй день похода по Теректинскому хребту, пройдя первый пологий перевал на высоте 2200 м в верховьях Черной Теректы, мы миновали маленькую пустую, но в прекрасном состоянии, с печкой и широкими нарами, пастушескую избушку. И встали лагерем на берегу ручья, круто падающего вниз из мелкого, чистого и теплого озера Солонешный. Горы вокруг затянуло туманом, заморосил затяжной нудный дождь, и мы, пережидая непогоду, провели на Солонешном почти два дня. Бесконечно распивали чай, варили супы и каши, по многу часов спали в своих влажных палатках и, конечно, много гуляли по окрестностям. Отыскивали на дальнем конце мелководного, с дном из мелкого песка, озера единственное сравнительно глубокое место и с удовольствием плавали там, удивляясь теплой, на такой-то высоте, и мягкой как бархат воде.

Наши проводники Андрей и Иван, не зная точно дальнейшей дороги, решили съездить на разведку. Под проливным дождем они накинули на плечи зеленые плащи, натянули на ноги блестящие резиновые сапоги, заседлали коней и уехали налегке вверх по тропе среди камней и лиственниц на перевал, полностью скрытый в черных сочащихся холодной водой тучах.

Часа через три они вернулись и рассказали, что нашли нужную нам дорогу, а еще что встретили за перевалом мальчишек-пастухов с другой, северной стороны хребта – из села Яломан. Яломанские мальчишки пасли свой яломанский скот на верхних яломанских стоянках. Они и поведали нашим проводникам про удивительное место – *аржан*. Они в голос твердили Андрею и Ивану, что нам непременно надо заехать и посмотреть на этот самый аржан. По их рассказам выходило, что аржан – это река, которая с силой и грохотом вылетает наружу прямо из горы, из скал, из самых недр земли.

На другой день мы покинули вынужденную непогодой стоянку на озере Солонешный, двинувшись сначала вниз к месту впадения речки Букала в Большую Теректу, потом вверх по Букале к перевалу, ведущему к истокам Большой Катанды. Потом преодолели Катандинский перевал, после чего, уже ближе к вечеру, спустились в верховья Б. Катанды, где остановились, сильно измотанные, на удобной стоянке у устья речки Большая Черная, левого притока Верхней Катанды. Отсюда мы решили на следующий день сделать радиальный выезд – к тому самому аржану, о котором толковали яломанские мальчишки, в верховья реки Большой Яломан, на северные склоны Теректинского хребта. Уж очень захотелось нам повидать этот самый знаменитый аржан! Вообще-то мы знали, что *аржан* в переводе с алтайского – это целебный источник, и таких аржанов на Алтае множество. Но нам хотелось увидеть именно этот аржан – бьющий с силой прямо из горы!

С утра, позавтракав и заседлав коней, мы налегке, взяв с собой лишь скромный сухой паек и чай в двух термосах, выехали обратно вверх по долине Верхней Катанды, чтобы через полчаса уйти из нее резко вправо и круто вверх по ручью – левому притоку Верхней Катанды, – направляясь хорошо видной тропой к вершине хребта. Завтракая, мы глазели в бинокли на молодого медведя, который в километре от нас много выше по склону увлеченно рыл корешки на лесной поляне.

За час крутого подъема по хорошей тропе, миновав пасущихся по склонам коров, мы выехали на перевал на высоту 2200 м – водораздел рек Верхняя Катанда и Большой Яломан. Это был широкий и плоский гребень Теректинского хребта. Вершина перевала открылась нам очень живописная, с пятью чистыми озерами разной величины. На берегу самого крупного из них, с крутыми скалистыми берегами и густой порослью цветущего золотого корня, мы перекусили бутербродами и сладким чаем. Со дна прозрачного холодного озера поднимались тонкие цепочки пузырьков воздуха или газа, и поэтому я назвал безымянное озеро *Пузырьковым*. За ним тропа медленно спускалась на север в верховья Большого Яломана (*узкая лента, грива*

коня). Здесь же наверху в камнях находятся истоки этой реки. Повсюду по широкой спине хребта валялись крупные куски желтоватого и нежно-розового мрамора, поэтому я решил назвать перевал *Мраморным*. Около трех километров от верхней точки перевала мы медленно ехали вниз. Слева были видны пологие горные цирки со снегом в рыжих складках. Вскоре мы обнаружили в склоне горы глубокий скалистый провал, на дне которого шумела чистая быстрая речка. Еще немного ниже она опять скрывалась под землей, а после вытекала на открытое место из-под подножия небольшой фиолетовой скалы – очень живописно. Мы решили меж собой, что это и есть тот самый аржан, который мы искали, и задержались у подземной речки на небольшой привал. После чего, очень довольные своим открытием, двинулись в сильный дождь обратно в лагерь, где нас с нетерпением ждала Катя. Она оставалась дома и очень сильно боялась весь день, что, пока мы ищем аржан, в лагерь придет медведь и съест ее.

Озеро Солонегинское на Теректинском хребте (В. Рыжков, 2012 г.)

Каково же было наше огорчение, когда несколько дней спустя мы узнали от встреченных нами пастухов, что нужный нам аржан мы так и не нашли. Он был еще дальше и ниже по долине Большого Яломана, в глухом лесу, но мы этого не знали. Пастухи описывали его так же, как и яломанские мальчишки: река с грохотом вылетает из горы и все вокруг скрыто в облаках холодных брызг.

Оставалось верить им на слово.

Горелый лес на речке Кызыл-Айры

Подъем или спуск в горах «по-диному», без тропы по горной тайге или по холодным гольцам, сам по себе захватывает дух и впрыскивает в кровь лошадиную дозу адреналина. Такое запоминается на всю жизнь. На следующий день после неудачной «радиалки» к аржану мы выехали дальше на юго-запад по Теректинскому хребту. Принялись неспешно подниматься на спину хребта по Большой Черной речке и метров через триста выше нашего лагеря с удивлением обнаружили, что у нас есть сосед. Выше по течению речки выступила ближе к тропе обитаемая стоянка, вокруг которой на крутых склонах лениво паслись упитанные катандинские коровы. Нас тепло приветствовал хозяин стоянки – крепкий русский мужик в сапогах и стеганой фуфайке.

Подъем за стоянкой становился все круче, тропа как таковая скоро вообще пропала. Тогда Андрей, едущий впереди, круто взял вправо, и мы принялись взбираться на своих конях по диному обрывистому травянистому склону, поросшему низким колючим кустарником. Лошади часто и тяжело дышали, обильно потели, пригибали головы к земле, цепляясь копытами за склон и рывками тащили нас все выше, к далекой спине хребта под самые небеса. Это тянулось долго и мучительно. Когда путь стал более пологим и проклятый колючий кустарник закончился, перейдя в высокогорный луг, мы сделали короткий привал на траве, давая лошадям перевести дух. Вокруг нас раскрылась великолепная горная панорама. Белая лента Верхней Катанды змеилась далеко внизу в оставленной нами долине. До самого горизонта во все стороны голубели и синели хребты и отроги. Над нами, но довольно близко, медленно кружили в прозрачном теплом воздухе два огромных беркута с мощными квадратными крыльями и яркими белыми пятнами на крыльях и на хвосте. Они отдыхали, паря в поднимающемся из долины летнем воздушном потоке, и глазели на нас, а мы валялись на мягкой траве и глазели на них.

Вскоре мы продолжили путь и достигли вершины перевала Кызыл-Айры (2470 м) – плоской холодной гривы с камнями и карликовыми цветочками между ними. После чего круто спустились с него в поводу в небольшую ровную долину, к маленькому озеру, напоминавшему формой маралий след, которое я так и назвал – *Маралий след* (2250 м над уровнем моря). Там сделали небольшой привал на солнцепеке и двинулись в путь. Чем дальше мы отъезжали от перевала, тем тропа становилась все круче и непроходимей. Сначала она бежала по траве, но потом втянула нас в дремучий лес. Под конец, ближе к речке, зажатой в узком лесистом ущелье, тропа совсем потерялась, и мы с большим трудом продирались через лесные заросли по едва заметным звериным тропам. Вот каким манером едущий впереди группы Андрей искал нам путь в почти отвесном лесном буреломе. Зайдя в очередной тупик, мы замирали на крутом склоне, кони упирали ноги в гору, с трудом держа равновесие, мы цеплялись за ветки деревьев, чтобы не попадать кубарем вниз. Надо мной нависал конь соседа, над ним – лошадь соседки, и т. д. Где-то ниже меня громко трещали ветки и раздавался громкий мат. Андрей, волоча за собой своего несчастного коня, искал проход, по которому мы могли бы скатиться на дно ущелья, к речке. Что-то там внизу сломав, что-то срубив, что-то оттащив в сторону и примяв к земле, он организовал нам «дорогу». По которой мы и скатились один за другим к ручью, рискуя сломать шеи себе и своим коням.

Сразу за ручьем мы поехали круто влево и вверх, к истокам речки Кызыл-Айры. Нашим глазам открылось жуткое зрелище: горелая кедровая тайга, покрывающая все окрестные горы на несколько километров вверх по ущелью и далеко вверх по широким боковым склонам. Пожар в этой горной долине случился предыдущей осенью или летом. Никто не знает точно, когда это произошло – тайга здесь необитаема. Скорее всего, в сухой кедр во время грозы

ударила молния, и лес загорелся. Кедр за кедром, крона за кроной – и вот уже полыхают все горы окрест.

Теперь погибший лес стоял перед нами так, как будто все это случилось только вчера. На черных мертвых ветвях кедров оставалась еще неопавшая желтая длинная хвоя. Стволы чернели и блестели на солнце, словно бы обклеенные тонкими пластинами жирного каменного угля антрацита. Картина вокруг была как из фильма ужасов – планета Земля на второй день после термоядерной катастрофы. Светило солнце, небо было ярко-синего цвета, воздух был бездвижен и прозрачен, черные стволы обуглившихся кедров смотрелись особенно страшно на фоне желтой земли и сине-фиолетовых цветов дельфиниума, которыми густо порос мертвый лес.

В первые год-два после лесного пожара по такому сплошному горельнику еще можно худо-бедно проехать, погибшие стволы продолжают стоять. Но затем они постепенно подгнивают снизу и принимаются падать вниз под собственным весом или от порывов ветра – и падают по направлению склонов, намертво перегораживая тропы. Через несколько лет после пожара такой лес становится совсем страшным и непроходимым. Часть горелых стволов падает. Другая часть продолжает стоять, но с них постепенно отваливаются мертвые ветви, и тогда погибшие в огне деревья выглядят как обгоревшие телеграфные столбы с острыми скошенными вершинами. Тайге нужно 50–70 лет, чтобы восстановиться – пока возникнет поначалу подлесок, а после понемногу вытянутся вверх молодые кедры и лиственницы.

Мы проезжаем подавленные и в полном молчании черную мертвую тайгу и встаем на стоянку, как обычно, у самой верхней границы леса в верховьях речки Кызыл-Айры. В этой части долины огонь пощадил деревья. Прямо перед нами красивый горный цирк с золотисто-красным отливом, который и дал название речке (*Кызыл* – значит красный). Выше от нас по течению находятся три озера. Самое верхнее одновременно и самое живописное, с прозрачной бирюзовой водой, глубокое, с отвесными скалистыми берегами, почти меловыми по цвету. Мы славно в нем искупались под сильным горным солнцем, зажигающим камни синим огнем!

Красота Теректинского хребта

Как и каждый хребет на Алтае, Теректинский хребет своеобразен и неповторим. Он далеко не самый высокий на Алтае, но достаточно высок, чтобы на его вершинах даже в середине жаркого лета лежали медленно тающие снежники. Он весь покрыт лесами, обильными ягодами и грибами. Хребет широко распахнут горными отрогами и речными ущельями на юг и на север. Его вершины округлы и каменисты, их обдувает прохладный свежий ветер. Из-под древних серо-зеленых камней вершин вытекают чистые прозрачные ручьи, образующие студёные быстрые речки с мягкой и вкусной водой. Речки питают и пополняют Катунь, обтекающую Теректинский хребет с трех сторон.

На вершине хребта по плавным седловинам и широким каменистым *полкам* плещется множество чистых, изумрудного цвета, озер, по берегам которых растет целебный золотой корень. Холодеют по высокой спине хребта и обширные топкие болота, покрытые летом обманчиво безмятежными желтыми цветочками и изумрудной травкой.

По всему хребту с севера на юг, а также вдоль массива, тянувшегося с запада на восток, издревле проложены удобные *набитые* конные и пешие тропы. Теректинский хребет давно и прочно обжит людьми, он кормит уже не один десяток поколений местных жителей. По всем основным рекам и ручьям выстроены живописные пастушеские и охотничьи стоянки, многие из них и сейчас обитаемы. Большинство из них содержится в чистоте и порядке, нередко выручая путешественников, застигнутых темнотой или непогодой. В каждой избушке можно растопить маленькую железную печку, вскипятить чаю, согреться и просушиться, переждать ненастье в сухом тепле и простом крестьянском уюте.

С вершин и перевалов хребта открываются прекрасные виды. На юге хорошо виден белоснежный Катунский хребет, массив горы Белухи, обширная Уймонская степь. На севере вдалеке видны долина Катунь и в голубой дымке за ней далекие горы в сторону Тувы и Хакасии. Летом зеленые луга по всему хребту покрыты цветами, в жаркие дни воздух над лугами пахнет медом, по ручьям и речкам людей и зверей ждет спелая ягода: земляника, черника, малина, смородина, жимолость. Повсюду на Теректинском хребте изобилие леса, дров и воды. В каждой речной долине можно отыскать удобные для стоянок поляны. Все основные тропы по хребту несложные, удобные для переходов как на конях, так и пешком.

На север с хребта течет река Каракол, в долине которой можно увидеть множество древних наскальных рисунков, скифских курганов, торчащих из земли камней – *балбалов*. Каракольская долина – один из самых интересных и красивых на Алтае природных, археологических и этнографических парков. Над долиной доминирует снежный трезубец горы Учемдек (2792 м), одной из самых красивых вершин Теректинского хребта. Для алтайцев Учемдек священная гора, как и вся Каракольская долина.

Вершины хребта обрываются к северу живописными цирками, часто со снежниками и озерами на дне. Цирки эти разного цвета: от бело-серых до красновато-желтых оттенков, каков, например, цвет большой горы Кызыл-Кую.

Главные перевалы хребта пологи и широки, от них расходятся во все стороны конные дороги. В отличие от суровых и темных, с каменистыми узкими ущельями Катунского и обоих Чуйских хребтов, Теректинский полон света, широты, уюта и дружелюбен к людям и домашним животным (диких тут, увы, давно уже почти полностью истребили). Летом на стоянках тепло и солнечно, комаров нет. Какое это неповторимое удовольствие – сидеть с кружкой горячего крепкого чая, густо сдобренного сладкой сгущенкой или свежим медом, под старым высоким кедром, на мягкой подушке из обсыпавшейся оранжевой хвои, и слушать, как рядом шумит чистый холодный ручей. Отдыхать под кедром и наблюдать, как высоко в синем небе бесшумно парит огромный орел.

Белуха с верховий Деты-Качка

Все, кто приезжает на Алтай, обязательно стремятся увидеть знаменитую гору Белуха. Главную вершину Алтая и всей огромной Сибири. Эта легендарная гора овеяна тайной, про нее рассказывают множество легенд. Знаменитый художник Николай Рерих специально и долго добирался до Алтая, чтобы только увидеть Белуху и записать в свой известный дневник местные легенды про нее. Добирался многие недели сначала пароходом, потом поездом, потом в седле, чтобы лично познакомиться со знаменитой горой. Именно Белуха и еще легенды алтайских староверов о сказочной и счастливой стране *Беловодье* поразили его на Алтае более всего.

Между тем Белуха и вправду необычайно красива. Незабываемая со своими двумя белоснежными вершинами, с широким седлом между ними, с отвесной снежной Аккемской стеной, с длинными белыми языками ледников, стекающих от вершин к подножию горы, резко вычерченная на фоне темно-синего дневного неба или ярко-красного заката, она стоит и правда вся совершенно белая сверху и донизу – от снегов и льда. Она отражается, удваивается, мерещится в холодных бирюзовых озерах у подножия. Белуха фотогенична и безупречна, как профессиональная топ-модель, откуда ни посмотри.

Чтобы увидеть Белуху вблизи, придется подобраться к ней вплотную по рекам Аккему или Кучерле, или со стороны Ары-скана, или по Иедыгему, или к истокам Катуня – к леднику Геблера, или же со стороны казахской Берели, где в ясные дни она отчетливо отражается в теплом Язевом озере. Чтобы увидеть Белуху, надежно скрытую высокими отрогами Катунского хребта, надо подобраться к ней как можно ближе, иначе никак не получится.

Но вот издалека Белуху лучше всего видно именно с нашего Теректинского хребта. Для этого проще всего забраться по горному склону прямо в райцентре Усть-Кокса, залезть повыше и оттуда в хорошую ясную погоду увидеть вдалеке белую двуглавую гору, поднимающуюся намного выше окружающих ее гор.

Мы же разглядывали Белуху с вершин Теректинского хребта, идущего параллельно Катунскому (Белуха – его главная вершина) в полусотне километров от нас – далеко на юге, за Уймонской долиной. Мы видели Белуху, словно высоко парящую своей сверкающей белизной над темно-фиолетовым горным окружением.

Первый раз от Теректинского хребта Белуха показалась нам с перевала, ведущего от истоков речки Кызыл-Айры на реку Нижняя Катанда (высота этого перевала 2420 м). Далекая белая гора была слегка затянута облаками, но все равно нам были отчетливо видны обе ее вершины, ярко сверкающие на солнце в просветах легких дымчатых облаков.

Через два дня мы снова увидели гору с перевала Нижняя Катанда – Кызыл-Ютук (2602 м). Теперь Белуха была ближе к нам, выше и крупнее, на ее массиве стали видны многие детали. Отлично просматривались острая западная и квадратная восточная вершины, ровное и глубокое седло между ними, отвесные льды и скалы, величественная Аккемская стена, падающая вертикально вниз в ущелье беловодного и опасного Аккема. В середине 80-х гг. на склонах Белухи и на Аккемской стене тренировались советские альпинисты, готовившиеся к первому восхождению на Эверест: северные склоны Белухи по своей сложности больше всего для этого подходили. Белуха не самая высокая на свете гора (хотя и самая высокая вершина всей Сибири), но по альпинистским меркам вершина высшей категории сложности.

В третий раз Белуха предстала перед нами с Теректинского хребта на нашей завершающей поход стоянке у истоков речки Деты-Кочек, где мы устроились на ночлег с нашим маленьким лагерем, как обычно у самой границы леса. Мы удобно расположились на чистой поляне с высокой травой. Ночью разразилась страшная гроза, сверкали молнии и громыхали оглушительные громы. Казалось (да так оно и было), что мы совершенно незащищены на этой высокогорной и открытой поляне перед извергающим молнии небом. Я не спал в своей палатке

в ярких вспышках и грохоте добрые полночи, размышляя над глупым вопросом: спасет ли меня мой пластиковый коврик, на котором я ворочался в спальнике, попади в мою палатку молния? Или же не спасет и я обуглюсь как головешка? К счастью для меня и моих друзей, все обошлось благополучно. Утром о грозе ничего не напоминало, небо было ясное, сверкало свежее утреннее солнце.

По дороге к речке, на краю поляны, там, где мы брали воду, под кустами стелился настоящий ковер из крупной спелой черники, которую мы все время ели, и наши руки и языки от этого совершенно почернели. Справа от нашего лагеря полого поднималась гора со смешным названием Байда (2070 м) – традиционные пастушеские угодья катандинцев. Вдали на визуальной границе этой горы и синего воздуха Уймонской долины по горе ходил небольшой табун лошадей. Ближе к вершине Байды уже ловилась мобильная связь, и народ из лагеря потянулся вверх по склону звонить родным после недели пути безо всякой связи. Иван вернулся с горы очень довольный – с макушки Байды уже хорошо было видно его село Катанда и даже можно было рассмотреть, как блестит на солнце железная крыша его только что отстроенного дома, в котором он живет теперь с молодой женой. Иван хвастается нам: жена пообещала натопить к его завтрашнему возвращению баню и купить ему свежего разливного пива. Иван счастлив, а мы ему завидуем.

В общей сложности мы проехали по верхам Теректинского хребта около 150 км, преодолели восемь перевалов от 2200 до 2600 м над уровнем моря и ни разу при этом не спускались ниже 2000 м, двигаясь все время выше верхней границы леса и ночуя у этой границы.

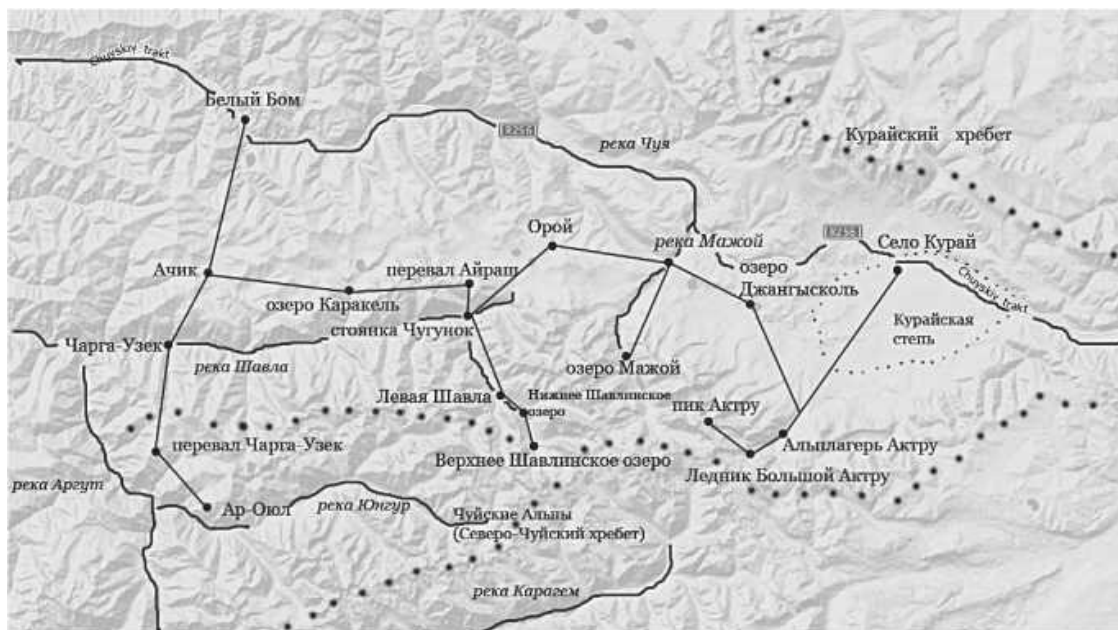
С поляны, где расположена наша последняя ночевка, открывается панорамный вид на весь Катунский хребет, над которым высится двуглавая Белуха. По небу плывут серо-белые облака с полыньями синего неба меж ними, то закрывающие, то открывающие для нас огромную зубчатую гору. Острые снежные пики Катунского хребта ниже по направлению к нам сменяются черносиними волнистыми каменистыми отрогами, а еще ниже – темно-зеленой, с голубоватым отливом, кедровой тайгой. Еще ближе к нам над теплой и обжитой людьми Уймонской долиной плавает светлая желтоватая дымка. Утром следующего дня, когда мы начали спускаться к Катунь, все вокруг скрыли низкие облака, из которых кое-где торчали одни лишь только призрачные вершины огромных кедров. Позади остались круглые каменистые вершины Теректинского хребта, а далеко внизу под облаками нас ждала шумная и быстрая Катунь.

Сибирские Альпы

(Курайская степь, Северо-Чуйский хребет, ледники Актру, Мажойское озеро и река Мажой, река Шавла и Шавлинские озера, река Юнгур, урочище Аник)

Курайская степь

Самое красивое место на восхитительном Чуйском тракте, на всем его протяжении, из всех сотен километров его речных долин, горных перевалов, живописных деревень, спусков и подъемов, лесов и полей – это, на мой вкус, Курайская степь, расположенная в дальней высокогорной части тракта, на его последнем чуйском (по долине реки Чуя) отрезке: между поселком Акташ и Чуйской степью. От восхитительных красот Курая у каждого путешественника неизменно захватывает дух, в какое бы время года и в какую бы погоду он там ни очутился.

Путешествие по Курайской степи и Южно-Чуйскому хребту

Сразу за поселком Акташ, в котором в советское время работал рудник по добыче ртути, а в постсоветское расположилось пограничное управление, дорога, бегущая узким ущельем, образует плавную дугу на юг и внезапно открывает путешественникам ошеломляющий вид на снежные вершины восточной части Северо-Чуйского хребта, в том числе на пик Куркурек (3982 м над уровнем моря). Внизу под трактом бежит Чуя, отходящая здесь от дороги на юго-запад, чтобы обогнуть огромную гору Белькенек и вернуться обратно к тракту ниже по течению у деревни Чибит (*охра, желтый, место, где много елей*). Вся речная долина Чуя покрыта здесь густым лесом. Он уходит круто вверх и по склонам Чуйских Альп (так называли раньше Северо-Чуйский хребет). И еще выше над темным густым лесом, высоко-высоко под самым небом, возлегают ослепительные снега и ледники громадного хребта. Мало кто удержится, чтобы не затормозить, не выйти из машины, не полюбоваться этим великолепным зрелищем, не сделать снимок на память.

Еще десяток километров далее по живописной горной дороге и тракт выкатывает в обширную, залитую ярким солнцем высокогорную степь. В ее центре виднеется большое алтайское село Курай (*сухое место*). Вся ровная золотистая степь окружена высокими горами. Справа, на юго-западе, вздымается огромная снежная стена Чуйских Альп, с острым пиком Актру (4044 м) в самом центре горной стены. Слева, на северо-востоке, также снежные по верхам, но более округлые вершины Курайского хребта, водораздела Чуй и Башкауса, к которым круто взбегают широкие степные склоны, с живописными лиственничными лесами поверх яичного цвета полей. В глубине долины, справа от села Курай течет Чуя, которую тесно обсту-

пают ярко-зеленые лесные полосы. Золотистая степь, голубые хребты, изумрудные леса, фиолетовые ледники в ущельях, сверкающие белоснежные вершины на самом верху – все это разноцветное великолепие замерло в ярком сиянии летнего дня. По снежным пикам невесомо бегут облака, отбрасывая на снега и скалы лазурные тени. По золотой степи ходят свободные табуны лошадей и пестрые стада сытых коров. Высоко в синем небе кругами парят остроглазые коршуны.

Свернув с тракта в село Курай, что стоит прямо у дороги, мы легко находим местный клуб, оштукатуренный и выкрашенный в голубой цвет одноэтажный барак. В левом крыле барака Юра, наш курайский хозяин и проводник, устроил маленькую гостиницу. Это обычный деревенский дом с белеными внутри помещений стенами, с несколькими простыми комнатами для ночлега. Мы сгружаем вещи в коридоре и отправляемся в столовую: есть жирный горячий суп из свежей баранины с теплыми лепешками и пить приправленный жирным молоком и толокном чай по-алтайски. Посреди нашего обеденного стола стоит большое блюдо с горячей вареной бараниной, от которой поднимается к потолку густой ароматный пар.

Юра – невысокий, крепкий, коренастый алтаец лет тридцати пяти, который уже много лет водит туристов на ледники Актру. Юра – веселый и активный человек, родом из Курая, и с детства хорошо знает эти места. Он лично заколол утром барана и сам же сварил из него для нас жирный ароматный суп.

Наши планы на начинающийся в Курае поход, как обычно, грандиозны. Сначала мы намереваемся подняться пешком к главной вершине Чуйских Альп пику Актру (по-алтайски – *белая стоянка* или *белое жилище*), потом перебраться на машинах на реку Мажой (или Маашей) и подняться по ней (уже на конях) к Мажойскому озеру. Далее на конях же проехать с Мажоя в верховья реки Шавла, к Шавлинским озерам и ледникам. Затем отправиться на тех же лошадях в низовья Шавлы, и оттуда добраться к низовьям реки Юнгур, правого притока Аргута. Если первые три части нашего похода очень популярны среди путешественников и хорошо изучены, то переход от Нижней Шавлы на Нижний Юнгур – отдаленное и труднодоступное место, где редко бывают не только туристы, но даже и местные жители. Мы собираемся подробно изучить и описать эти малонаселенные районы Алтая. Главная трудность, ожидающая нас в походе, – два брода нижнего течения Шавлы, летом очень полноводной, с высокой и бурной водой...

На закате первого дня мы сидим на деревянном крыльце Юриной гостиницы, обращенном в сторону снежников и ледников Актру. Мы находимся в самом сердце Курайской степи. Слева от крыльца торчит старая колхозная пилорама, справа – ветхий покосившийся электрический столб, под которым лениво бродит рыжая корова. Она щиплет скудную траву, засыпанную почерневшими опилками и щепой. В селе тихо и безлюдно, только иногда протарахтит мотоцикл или проедет машина. Солнце только что скрылось на западе за снежными горными пиками Северо-Чуйского хребта и на деревню сразу нахлынула прохлада. Курайский хребет на востоке от нас еще весь залит солнцем, но уже розовеет в тонких и теплых оттенках летнего заката. Чуйские же Альпы на западе на наших глазах вдруг окрасились в черно-синий цвет и теперь погружаются в глубокий сон.

Ледники Актру

Ранним солнечным утром, погрузив все вещи и припасы в Юрин уазик, мы весело катим по Курайской степи сухой и гладко накатанной степной дорогой. Такие же степные дороги разбегаются здесь во все стороны, во все концы этой широкой и залитой солнцем долины. Повсюду пасется скот, близ которого крепко сидят в своих седлах пастухи. Чуйские Альпы приближаются, вырастая все выше и выше, и скоро вздымаются над нами разноцветной и неприступной стеной. С каждым километром пути мы различаем все больше деталей гор: лесов, ущелий, ледников и снегов.

Переехав Чую по деревянному мосту, мы поворачиваем (на Алтае говорят – *сворачиваем*) направо и мчимся теперь прямо в сторону массива Актру. Дорога идет все время вверх, постепенно набирая высоту.

Алтайские речные долины сложены уступами, или террасами, или же полками. Далеко внизу в глубоком русле течет река. Выше ее русла, порой на десятки метров, расположена первая широкая полка, или терраса, как, например, наша Курайская степь. Еще выше по краям долин и степей могут быть еще и вторая, и третья террасы. Как считают ученые, в том числе финский академик Йоханнес Гране, который 100 лет назад объездил и описал весь Алтай, такое террасное построение ландшафта – результат движения древних ледников, которые покрывали весь Алтай десятки тысяч лет назад.

К подножию такой очень высокой полки мы сейчас и подъезжаем. Это высокий, метров в 400, крутой горный склон, весь снизу доверху покрытый густой хвойной тайгой. Из леса выбегает на равнину речка Актру, чьи истоки лежат наверху в ледниках под самыми облаками. Когда мы заедем на вершину этого лесистого склона, нам откроется еще одна широкая и ровная долина, окруженная лесом и крутыми горами. В этой верхней долине расположены альплагерь, база спасателей с баней и несколько примитивных гостевых домиков для туристов и альпинистов. Подняться туда из Курайской степи могут только машины самой высокой проходимости: уазик, Урал, ЗИЛ-111 и ГАЗ-66. От их водителей требуются большое мастерство и крепкие нервы, чтобы благополучно попасть наверх и потом так же благополучно спуститься обратно.

В самом начале подъема, там где дорога пересекает речку Актру в ее нижнем течении, был настелен когда-то старый деревянный мост, но теперь он наполовину разрушен весенними паводками, и никто не удосужился его отремонтировать. По этой причине все машины едут теперь сбоку от моста, прямо по речке справа. Речка разделяется здесь на несколько мелких проток, дно и перемычки между которыми устланы некрупной серой речной галькой. Мы вылезаем из машины и перебегаем речку по уцелевшим бревнам моста. А наш управляемый Юрой уазик медленно едет по зыбкому речному дну, клюет носом, то забираясь глубоко по самый капот в горный поток, то снова выбираясь из белой ледниковой воды. Самая глубокая и опасная речная яма расположена перед самым выездом обратно на дорогу на левый берег Ак-тру. Здесь наш УАЗ уходит под воду выше капота, вода переливается поверх него, заливается в салон через щели внизу у дверей, а Юра берет эту яму с разгона, чтобы двигатель не заглох прямо в речке. Но все обходится, и мы снова забираемся в машину.

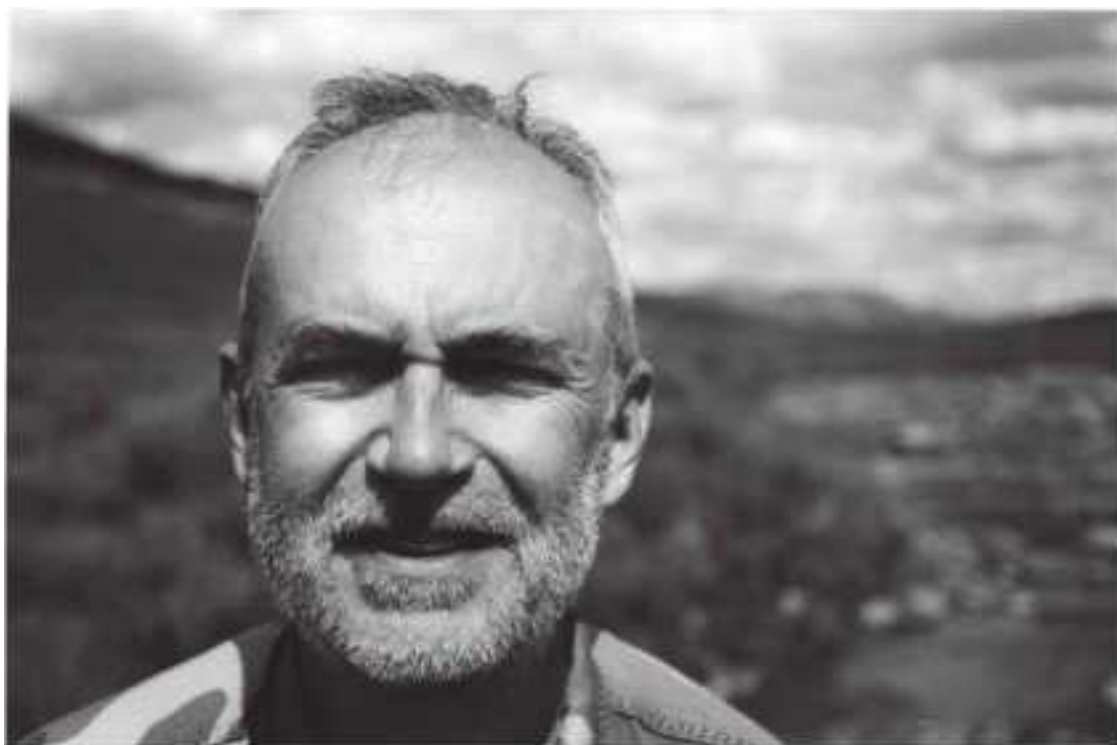
Сразу же от брода дорога уходит круто вверх, да так, что нам кажется, что мы вот-вот опрокинемся на спину уазика и покатаемся камнем вниз, расшибаясь о деревья. Назад даже страшно смотреть. Едем в гору на пониженной передаче, на двух мостах, двигатель натужно ревет на максимальных оборотах. Медленно карабкаемся вверх, сама дорога представляет из себя глубокую, сильно разбитую и кривую колею, по которой тащишься и поминутно заваливаешься то на правый, то на левый бок. То и дело на дороге попадают большие камни, которые приходится осторожно огибать или же еще осторожнее переваливать колесами. Юра, крепко вцепившись в руль и наклонившись вперед, неотрывно смотрит на дорогу, где каждое мгно-

вание ждет опасность, препятствие, угроза. С нами в салоне внедорожника едет его молодой мохнатый пес, который притих и трусливо засел сейчас в углу на заднем сиденье, хотя прежде, в степи, он весело лаял на птиц и вообще всю дорогу глазел по сторонам, высунув любопытную морду в треугольную форточку.

Дорога поднимается и поднимается густым лесом, петляет по нему, то становясь более крутой, то немного выполаживаясь. Нам еще повезло, что день выдался ясный – нет дождя: в дождь к Актру можно и вовсе не подняться. В некоторых местах дорога еще не просохла от прошлых дождей, и там мы месим колесами грязь, густую, как жидкий асфальт.

Через час тяжелого подъема мы выкатываем наконец к наружному краю верхней террасы, на высоту выше 2-х км. Все вокруг моментально преобразается. Мы выбираемся на плоскую и ровную поверхность горной котловины шириной около полукилометра и длиной в 2–3 км. Лес остается за спиной и опоясывает долину по ее краям, взбираясь на крутые склоны гор. Серебристо-голубое дно долины, устланное галькой и песком, сверкает на солнце и слепит нам глаза. Речка разбивается как серебристая распущенная плетель на десятки маленьких мелких ручьев, по которым летит наша машина, поднимая сверкающие брызги. В глаза нам брызжет ослепляющими лучами яркое солнце. Прямо впереди видны ледники и снега массива Оры Биширду (3781 м). Слева от него сверкает огромный Купол Трех Озер (3556 м). Падают по крутым горным склонам водопады, сбегая с гор многочисленные речки и ручьи. Над всем этим горит и дышит летней свежестью ярко-синее небо.

Каждое лето на Актру бывает много разного народа: туристов, альпинистов, спасателей, и мы не без труда находим место для палаток, рядом с постоянной базой спасателей, среди редкого леса, прямо на камнях. Сразу после обеда, быстро приготовленного на костре, мы отправляемся наверх к ледникам. Нам было лень сломя голову бежать на ледник. Но Алексей, которого мы за род его занятий, связанный с библеистикой, зовем «святым отцом», пристыдил нас: «Как же вам не стыдно? Нельзя упускать такую возможность. И к тому же – весь день еще впереди. Чего в лагере-то сиднем сидеть?» Устыдившись здорового голоса Алексея, мы встали и пошли за ним вслед. Высота нашей стоянки 2130 м, здесь заканчивается автомобильная дорога и начинаются спортивные маршруты восхождений к вершинам Чуйских Альп.

Алексей Бодров – «святой отец» (фото В. Рыжкова, 2014 г.)

Поначалу от базового лагеря тропинка бежит лесом, медленно поднимаясь к ближайшему леднику Малый Актру. Вскоре за альплагерем нам встречаются два памятника погибшим на Актру альпинистам: инструктору Галине Афанасьевой, погибшей в 1998 г., и новосибирским сноубордистам, разбившимся здесь на вертолете в 2002 г. Прямо у речки к скале привинчены металлические памятные таблички с именами всех погибших. Немного дальше памятников круто вверх уходит высокая ледниковая морена из глыб и камней, а слева от проложенной по ней тропы с грохотом летит вниз пенящаяся Актру. На вершине морены открывается очередная плоская терраса, слева от которой вздымается отвесная скальная стена в полкилометра высотой – это гора Караташ (*черный камень*). По часовой стрелке от нее идут: гора Сосулька, с одноименным ледником, и вправду похожим на огромную сосульку, вершина УПИ, вершина ДВС, вершина Буревестник и, наконец, остропикая Ак-Туру-Баши (4044 м). Все это, вместе взятое, образует огромный вытянутый цирк, на дно которого и сбегает ледник с Сосульки.

На вершине морены заканчивается последний лес. Высота здесь уже 2550 м. У тропы на грубом деревянном помосте какой-то чужак водрузил ржавую железную бочку – «для связи с космосом». Рядом с бочкой растет одинокая невысокая лиственница. За ней каменистая терраса упирается в крутой, почти отвесный подъем более чем в 100 м высотой. Тропа карабкается вверх меж циклопических гранитных скал – «бараньих лбов», гладко обтесанных еще не так давно перетекавшим через них ледником Большой Актру. С самого верха этой тропы спускается нам навстречу группа туристов, мы же, тяжело отдуваясь и хватаясь за камни и почву, лезем им навстречу. Здесь уже заметно чувствуется высота и недостаток кислорода – каждый следующий шаг дается нам все с большим трудом.

Выбравшись наверх, мы видим наконец сам ледник Большой Актру, отступивший от «бараньих лбов» уже на добрую сотню метров в глубину долины. Из-под его толстого ледового языка обильно вытекает вода, собираясь сначала в небольшие озера и падая дальше шумным водопадом с высокого скального выступа между двумя огромными гранитными «лбами».

Ледник громаден. Он улегся на дне долины на всю ее ширину, метров на 200–300 в поперечнике, спускаясь вниз от широкого седла, что виднеется слева от треугольного пика Ак-Туру-Баши. Толщина льда на леднике достигает от 20 до 350 м, длина – около 8 км. У нас с собой нет никакого ледового оборудования, мы обуты в обычные горные ботинки, а Юрий проводник, который быстро идет впереди, и вовсе в простые резиновые сапоги. Тем не менее мы смело перепрыгиваем ручьи, бьющие из-под льда, взбираемся на ледник и начинаем по нему подъем.

Ледник не очень круто, но заметно уходит вверх, мы идем по нему очень осторожно, наклоняясь вперед и внимательно глядя себе под ноги. Поверхность ледника серая, шершавая, сочится водой. Ледник будто бы обсыпан кем-то мелкой гранитной крошкой и камушками и напоминает московский тротуар в дни гололеда, тщательно посыпанный с утра прилежным дворником. Подошвы наших самых обыкновенных горных ботинок нетвердо цепляются за эти крошку и камушки, при этом ощущение такое, что в любой момент нога может соскользнуть, поехать, и тогда ты неудержимо улетишь вниз по ледяному склону к самому нижнему краю ледяной реки, где неминуемо расшибешься. Ведь на леднике в случае такого падения не за что и нечем будет зацепиться. Опасно!

Подъем постепенно становится все круче, и мы осторожно бредем наверх, все сильнее наклоняясь вперед. В гигантском теле ледника обнаруживается много глубоких трещин, которые мы с опаской переступаем. Встречаются нам на леднике и бездонные голубые воронки с прозрачными стенками, в черно-синюю бездну которых с шумом закручивается вода струящихся по всему телу ледника ручьев и ручейков. Эти воронки и трещины смертельно опасны

– часть из них вовсе не видна, так как полностью закрыта снегом. Мы стараемся идти только по чистому льду, чтобы не угодить в бездонную ледовую ловушку и не сгинуть в ней.

Через полчаса непростого подъема по леднику мы выходим к высокой и крутой боковой морене справа, сложенной из сыпучего камня. Морена запирает собой узкое каменистое ущелье. Поднявшись еще метров на пятьдесят от ледника и забравшись на вершину этой морены, мы обнаруживаем за ней красивое Голубое озеро, подпруженное этой самой мореной, а также несколько палаток и желтый пластиковый домик на суровом каменистом берегу. Высота здесь уже 2830 м.

Моросит холодный дождь, мокро и зябко. По озеру плавают большие белые льдины. Меж мокрых камней на берегу пробиваются крохотная травка и желтые цветочки. Маленькое, грушевидной формы озеро и правда сине-голубое с темно-бирюзовыми оттенками. Ветер поднимает на его поверхности острую зябкую рябь. В палатках целыми днями лежат и отсыпаются альпинисты, терпеливо дожидаясь подходящей погоды, чтобы выйти на штурм вершины Ал-Тру-Баш, до которой отсюда еще больше километра по вертикали. В желтом пластиковом павильоне, используемом как место собраний и столовая, имеется маленькая железная печка, дрова для которой приходится приносить с собой снизу из базового лагеря.

Наш подъем от лагеря до Голубого озера занял без малого три часа, мы поднялись в общей сложности на 700 м, т. е. преодолели менее чем половину всего подъема от базового лагеря до вершин Чуйских Альп. После короткой остановки на озере мы пускаемся в обратный путь и уже через полтора часа оказываемся в своем лагере. Здесь все так же тепло и солнечно, в долине Ак-тру настал мягкий летний вечер.

В лагере нас ждет приятный сюрприз – спасатели, что живут по соседству, предложили и согрели для нас свою баню. Баня эта похожа скорее на маленькую теплицу для выращивания помидоров, только с печкой и каменкой внутри. Ее стены и крыша сделаны из толстой целлофановой пленки, небрежно натянутой между вкопанными в землю столбами и поперечными шестами-перекладинами. Узкую раздевалку от парилки и помывочной (которые соединены вместе) отделяет такая же мягкая целлофановая стенка. Баня вся полупрозрачна, как запотевший изнутри аквариум. Стенки хлопают на ветру и колышутся. Снаружи видны розовые силуэты движущихся в ней голых людей. Места внутри бани-теплицы очень мало, мы теснимся и толкаемся. Тепло из этой хлипкой конструкции выдувается очень быстро, но главное, что тепло в ней есть, как есть и горячая вода! Еще одна изюминка этой бани в том, что она выставлена прямо на чистом холодном ручье, в котором выложена небольшая запруда из камней в форме подковы. Перед запрудой набирается неглубокая ванна с песчаным дном и с кристально чистой проточной водой. Мы заканчиваем свой долгий день, полный приключений и впечатлений, выбегая из горячей парилки и окунаясь с головой в эту ледяную горную купель. От наших разогретых в парилке красных тел поднимается вверх белый пар. От усталости не остается и следа.

Лесной алтарь

Ночью над горами Актру прошел обильный дождь, что сильно осложнило наш утренний спуск обратно в Курайскую долину. На самых опасных участках спуска мы все выходили из машины и Юра крутил руль уазика один. Лишь его песик сидел сзади, болтался от тряски и испуганно глазел в окно. В одном месте уазик наполовину утонул в заполненной грязной водой колее. Он вдруг ухнул в заполненную жидкой грязью глубокую яму, колеса полностью скрылись в грязной воде, он сильно накренился влево и встал. Через низ дверей грязь устремилась внутрь салона. Песик высунул морду в треугольную форточку и удивленно уставился в грязную лужу, плещущуюся прямо перед его мордой. Пришлось всем нам лезть прямо в эту холодную жирную грязь и выносить машину оттуда на руках, извозившись при этом по уши.

В другой раз, при объезде непролазной дороги по лесу, Юрин уазик так сильно занесло в сторону на крутом и мокром травянистом склоне, что он едва не ударился правым боком о ствол лиственницы, но счастливо разошелся с ним несколькими сантиметрами. В конце концов мы благополучно закончили нервный спуск с горы и повернули у самой подошвы хребта налево, на северо-запад. Переехали по мелкому броду речку Актру ниже по течению от разрушенного паводками моста и покатали вдоль хребта красивой широкой долиной, окруженной лесами. Скоро нам уже открылась просторная котловина Ештыколь, с десятком мелких озер и одним крупным посредине – озером Джангысколь.

– Здесь хорошо рыба ловится, – повернулся ко мне Юра.

Близ озера расположена живописная стоянка. В дальнем конце котловины еще одна жилая летняя стоянка, где нас вышли встречать приветливый хозяин и его жена, с белым платком на голове. Они – алтайцы из Курая, земляки Юры. Пока мы разговаривали с хозяевами, Юрин песик обнюхал и пометил высокую коновязь перед домом.

За стоянкой начинается небольшой перевал через невысокий горный отрог, поросший лесом. В лесу по бокам от дороги много старых и свежеспеленных пней: курайцы заготавливают здесь строевой лес и древесину на топку печей. За перевалом внизу еще одна широкая котловина, еще одно большое озеро Караколь и еще одна стоянка, сейчас пустая. Вообще Курайская степь и все ее обширные окрестности, с прекрасными пастбищами, чистыми реками и озерами, с богатыми лесами, давно и хорошо освоены жителями Курая. Здесь есть только одна проблема: само как таковое высокогорье и сопутствующие ему особенности. Село Курай расположено на высоте около 1600 м, а деревенские угодья и стоянки по бокам степи еще выше. Поэтому лето здесь очень короткое и прохладное, приходит поздно, сопровождается частыми ночными заморозками и заканчивается уже в конце августа. Зима же, напротив, долгая и холодная. Овощи на такой высоте не вызревают, не говоря уже о плодовых деревьях и кустарниках, поэтому основные занятия курайцев – трудоемкие и сложные скотоводство и охота.

От стоянки на озере Караколь отлично просматриваются весь Северо-Чуйский хребет, вершины Ак-Тру-Баши и Куркурек (*гремучая*), снега и ледники, густая тайга по склонам гор, предгорные долины и котловины. Мы же едем все дальше на северо-запад и поднимаемся на очередной невысокий лесной перевал. Вся наша сегодняшняя дорога – это старый скотопрогонный тракт, по которому в советское время и еще раньше (в царские времена) перегоняли скот из Монголии в Бийск, на мясокомбинат, на мясопереработку. Животных гнали сезонные шабашники, гнали не спеша, чтобы скот мог по дороге свободно и вдоволь пастись и не слишком сильно терять в весе. Так и перемещали через горы большие гурты скота, двигаясь по несколько месяцев и покрывая общее расстояние от 600 до 700 км. Основная часть этого далекого и долгого пути проходила по горам. Скотопрогонный тракт – это широкая, набитая тропа, еще чаще – несколько параллельных троп, а порой, как у нас сегодня, еще и автомобильная дорога. Раньше по тракту на всем его протяжении строились и поддерживались мосты

через многочисленные речки и ручьи, но сейчас скот уже много лет не перегоняют и многие из мостов разрушены. Гонять скот из Монголии в Бийск прекратили вскоре после распада СССР. Оказалось, что это экономически невыгодно.

На вершине очередного перевала мы по традиции остановились на короткий привал. Остановка была приятная, в разгар жаркого летнего дня. Наверху открылась красивая лесная поляна, покрытая высокой травой и душистыми цветами. Здесь же в высокой траве прятался языческий алтарь (или молитвенник) алтайцев. Это был острый плоский метровый камень, торчащий из земли вертикально и обложенный у основания другими плоскими камнями поменьше. Подножие камня было щедро усыпано монетами, большинство из которых давно заржавело.

На ветках растущих поблизости культовых берез (*шаман-деревьев*) были аккуратно повязаны белые ленты, так, чтобы равной длины два конца ленты свободно падали вниз. Такую ленту нельзя завязывать на ветке тугим узлом, ведь дерево для алтайцев – живое существо. Нельзя плотно перетягивать живую ветку, потому что она живая рука живого дерева. Алтаец Юра показал нам, как это правильно делать, и каждый из нас повязал на своей березе свою ленту.

За многие годы походов по Алтаю у нас давно прочно вошло в привычку делать остановку всякий раз, когда мы поднимаемся на перевал. Как верят алтайцы, такая остановка, несколько минут тишины, короткий привал – дань благодарности духам гор, необходимый жест уважения к ним. Если пренебрежительно проехать перевал, не сделав на его вершине остановки, то духи гор могут за это наказать, и наказать больно. Кроме того, надо дать небольшой отдых лошадям.

Еще одна любимая традиция нашей компании – это легендарный «чой-чой». Суть его очень проста: на удачу надо выпить. Но не просто так, а со специальным ритуалом. Всякий раз, когда мы находимся на перевале, или после перевала, или перед бродом, или после брода, или когда начинает портиться погода, или перед стартом трудного перехода, мы пускаем по кругу, по часовой стрелке, кружку с небольшим количеством водки или коньяка, из которой каждый делает по очереди небольшой глоток и произносит: «Чой-чой». Перед тем как пустить кружку по кругу, кто-то брызгает водку из нее пальцем на землю, в сторону костра, реки и неба – духам воды, огня, неба и земли – с просьбой о благопристворании. Пригубляя из кружки, каждый думает и просит про себя о том же. Откуда мы взяли эту забавную традицию и что такое «чой-чой», никто уже толком не помнит. Но главное, что «чой-чой» отлично работает. Мы многие десятки и даже сотни раз убеждались в этом на практике. Новички походов и проводники-алтайцы поначалу лишь посмеивались над нами и нашим глупым суеверием, но потом, убедившись в действенности «чой-чоя», сами просили его по-быстрому организовать, заведя впереди опасный брод или большую черную тучу. И тогда легко проходил брод и рассеивалась без следа туча.

Отношение алтайцев и русских таежников к горам, к природе, к Алтаю – тихое, сосредоточенное, уважительное. В горах и в тайге они никогда не спешат, не шумят, не суетятся, не берут лишнего, не делают пустого. Обязательно останавливаются на высоком перевале, дают отдохнуть лошадям. Перекуривают, пьют чай, молчат. Спустившись с перевала, сидят на берегу реки, глядя в движение изумрудных или белоснежных вод. Тщательно сжигают мусор в костре, или, еще лучше, закапывают его в сырую землю. Надежно гасят огонь в костре перед уходом, залив костер водой. Убирают палку, на которой висели котелки, и прислоняют ее к дереву – пригодится тем, кто придет после. Не жгут и не рубят живые деревья, только сухостой. Не охотятся в определенные фазы луны. Не шумят, не кричат, не сквернословят. Уважают горы, природу, птиц, животных и рыб. Уважают каждого встреченного в горах человека, знакомого и незнакомого. Действуя так, поступаешь правильно, обеспечиваешь себе в горах здоровье и удачу.

Всюду у алтайцев – приметные места, близ которых надо задержаться, про себя молча попросить у гор добра и содействия.

Вот впадает в речку чистый ручей, над которым склонились повязанные белыми ленточками ветки дерева. Вот на чистой золотой поляне выросло раскидистое одинокое дерево. Нависла над тропой скала, вся покрытая древними наскальными рисунками. Над ней *родовая гора*, на которую нельзя подниматься, на которой нельзя пасти скот и в сторону которой лишний раз лучше даже не смотреть. Вот скромный алтарь, спрятанный в глухом лесу. Он сложен из плоских камней, у него следует молча помолиться, выпить глоток водки, оставить монетку на счастье. Когда алтаец уезжает в лес на охоту или отправляется пасти скот на дальней стоянке, он сливается с природой, становится ее частью, его дыхание становится частью дыхания гор и даже свет его ночного костра не тревожит покоя и безмолвия ночной тайги.

Когда в горах темнеет, алтаец ложится спать под огромным кедром, подножие которого всегда выстлано мягкой сухой хвоей. Он укладывается на толстые и теплые попоны, снятые с натруженных спин отдыхающих и пасущихся ночью лошадей. Он укрывается толстым одеялом, сшитым из козьих шкур. На попонах и под козьими шкурами ему всегда спится тепло и покойно, даже зимой, в сильную стужу. На его голове вязаная шапочка, летом и она не нужна. Голова всегда остается на улице, на свежем воздухе. Рядом с ним остывают угли костра, неподалеку на поляне пасется надежно привязанный верный конь. Седла и сумины бережно сложены горкой под кедром, на случай непогоды. В тайге наступают покой и безмолвие, алтаец засыпает, чтобы подняться уже с рассветом и снова двинуться в путь.

На Мажое (Озеро, которое вытекло)

Отдохнув у каменного алтаря на солнечной поляне, мы продолжаем свой путь. Сразу от поляны, расположенной на лесистой вершине небольшого перевала, дорога устремляется круто вниз к реке Мажой (или Маашей), которая шумит где-то далеко внизу и пока что не видна нам за плотной стеной леса. Спуск настолько крутой, что мы не рискуем оставаться в машине и быстро сбегает по извилистой дороге пешком. Юра едет за рулем уазика один, на первой передаче и тормозах, моля горных духов об удаче. Шутки с крутым спуском плохи, о чем наглядно говорит разбитая вдребезги белая «тойота», которая валяется в густых кустах чуть выше берега. У нее отказали на спуске тормоза, и «японка» улетела по крутому лесному склону вниз, вся раскрошившись об деревья. Хорошо еще, что водитель успел выскочить на ходу и тем спастись. Снизу от реки эта дорога выглядит совсем страшно, стремительно прорезая наискосок высокий, очень крутой и поросший густым лесом склон. Представляется совершенно немыслимым как спуститься, так и подняться по ней на автомобиле.

Внизу дорога приводит нас на берег реки, которая вся буквально разворочена паводком и селом. Берег у нижнего края дороги практически весь смыт и разрушен. От автомобильного моста, который когда-то стоял здесь на скотопрогонном тракте, не осталось и следа. Мажой поменял свое русло, разбившись на несколько протоков. Самое глубокое и бурное русло клокочет у дальнего от нас левого берега, перейти его вброд на конях невозможно, слишком опасно. Все русло реки завалено вырванными с корнями огромными деревьями. Вывороченные каменные глыбы, горы песка и глины, рваные корни деревьев, заиленные кусты, огромные нагромождения плавника – мы убеждаемся, что река Мажой недавно пережила подлинную катастрофу.

Паводок и разрушительный селя на Мажое случились летом 2012 г., когда обильные дожди размыв прочную моренную плотину выше по течению, и в результате большое Мажойское озеро всего за пару часов буквально полностью вытекло, с ревом рванув вниз по ущелью, снося и сметая все на своем пути. Озеро существовало на Мажое 100 лет и вот так вдруг все целиком вытекло. Хорошо еще, что туристы, оказавшиеся в тот день в долине Мажоя, шли по тропе выше селевого потока и даже сняли его на видео. Никто тогда не пострадал, кроме самого вытекшего озера, размывших берегов реки и снесенных селом деревьев, а также разрушенного скотопрогонного моста.

Нам достается крохотная ровная площадка на нижнем краю дороги, где мы с трудом размещаем свои четыре палатки, одну рядом с другой. Больше встать все равно негде. Две палатки приходится помещать прямо на каменистый проселок. Наших проводников с конями пока не видно, и мы решаем ждать их здесь, на правом берегу Мажоя. Высота здесь довольно большая – 2105 м, но день держится жаркий и ясный, и отдыхать тут на речке для нас одно удовольствие.

Все наши вещи и припасы выгружены из уазика на землю, палатки расставлены, на костре варится обед, и Юра засобирился назад к себе в Курай, чтобы успеть доехать до дома к ночи. Мы тепло прощаемся, и машина, громко завывая, принимается карабкаться на крутой подъем, вскоре исчезнув в густом лесу. Дальше от Мажоя весь наш путь пройдет в седлах лошадей. Вечером начинается дождь, и мы расходимся по палаткам пораньше спать. Мы поражаемся: как это Юра сумел добраться на машине до верха перевала на этом страшном крутом подъеме?

Утром меня будит чей-то разговор у костра, потрескивающего совсем рядом, близ речного обрыва. Я выглядываю из палатки. Лена варит в котелке кашу, а рядом с ней на бревне сидит мужичок, отмахиваясь от дыма. Он в серой телогрейке и в светлой бейсболке, сдвинутой далеко на затылок. Его жидкие волосы скатались в тощие пучки и торчат в разные стороны. Лоб разрезают глубокие морщины, глаза у мужичка узкие, алтайские, с сильным при-

щуром. На ногах у него невысокие резиновые сапоги, в зубах дымит сигарета. Ага, это наши проводники приехали, соображаю я. Смотрю на другую сторону реки. И верно – недалеко, на левом берегу, я вижу несколько пасущихся коней. Из леса левее от них сочится сизый дымок от костра. Прохладно, из-за гор медленно поднимается солнце.

Я вылезаю из палатки, умываюсь на речке и подхожу к костру. Остальной лагерь тоже понемногу просыпается, вытягивается из палаток на воздух. Тем временем знакомимся. Мужичка зовут Артем, он из села Чибит, помогать ему в походе будет его племянник Слава. Еще ранее утро, но Артем уже слегка пьяненький. Это меня озадачивает – не хватало еще проблем с проводником! Но мы с Леной пока молчим, изучаем обстановку.

После завтрака мы всей группой переходим речку и впервые садимся на наших коней. Мы выезжаем вверх по реке налегке, прихватив с собой только чай в термосах и бутерброды. Наш план на сегодня: сделать радиальный выход вверх по Мажою, к вытекшему озеру, и заодно получше познакомиться с лошадьми, на которых нам предстоит проделать долгий поход. Переходя пешком реку, мы сначала прыгаем от своего лагеря по галечным отмелям, перескакиваем небольшие речные протоки, а дальше находим, что через дальний, самый глубокий и бурный речной поток перекинута кем-то несколько хлипких древесных стволов, неплотно пригнанных друг к другу. Здесь при осторожной ходьбе нам приходится балансировать руками и беречься от падения в реку. Потому-то Артем и не стал перегонять коней на наш берег: брода нигде нет, а по шатким и узким бревнам коням не пройти.

Артем из Чибита (фото В. Рыжкова, 2013 г.)

На левом берегу мы знакомимся со Славой, молодым алтайцем лет двадцати, тоже из Чибита. С помощью Артема и Славы разбираем меж собой и потом садимся на лошадей и не спеша трогаемся тем же левым берегом вверх по течению. Здесь лесом бежит проселочная автомобильная дорога, которая приводит нас через сорок минут в устье маленькой речки Каракабак, левого притока Мажоя. На лесной поляне прячутся избушка и баня. Все это вместе – глухая таежная стоянка, однако, к нашему удивлению, местные мужики-чибитцы, хорошие знакомые Артема, предлагают нам купить пива в алюминиевых банках – правда, вдвое дороже, чем внизу в деревне. Также можно купить у них и помывку в бане. Таким образом местные мужики, помимо обычных ухода за скотом и охоты, подрабатывают немного на туристах, которых летом по Мажою проходит немало.

У домика и бани автомобильная дорога заканчивается, и дальше мы с полчаса едем лесом на конях по конной тропе, которая тоже вскоре кончается. Привязав коней к лиственницам у большого костровища, дальше мы идем пешком, продолжая подниматься все тем же левым берегом Мажоя. Тропа простая, бежит то лесом, то курумом, пару раз пересекая небольшие речки и ручьи. Долина Мажоя лесистая, очень живописная. Еще через час пути мы упираемся в высокую каменную морену, поднявшись на которую видим то, что осталось от бывшего Мажойского озера.

Зрелище, которое открывается перед нами, не сравнимо ни с чем! Прежде всего, впереди прямо перед нами вновь стоят стеной, причем совсем близко, огромные снежные вершины. Это те же Чуйские Альпы, к которым мы опять совсем близко подобрался, на этот раз с севера по долине Мажоя (он, как и Актру, крупный левый приток Чуй). Прямо перед нашими глазами высится колоссальная белоснежная вершина Мажой (или Маашей) высотой 4177 м, одна из высочайших вершин всего Горного Алтая. Нам с высокой морены хорошо виден огромный ледник, сплывающий от вершины горы в долину реки, – ледник Маашей. Из него и берет свое начало одноименная река.

Под нашими ногами круто вниз, метров на тридцать, уходит природная плотина древней ледниковой морены, сложенная из крупных камней вперемешку с мелким курумом. Морена поросла травой и колючками, а поверху кустарником и деревьями. От ее подошвы, тоже наваленной из крупных глыб и нагроможденных поверх них поваленных деревьев, расстилается вперед серо-голубая, совершенно плоская влажная равнина. Это не что иное, как дно бывшего озера, длиной около километра и шириной метров 300–400. Река Мажой бежит теперь по бывшему дну озера не спеша, растекшись множеством светлых, почти белых, ледниковой воды проток и ручейков. Справа, ближе к моренной плотине, в углу бывшего озера, стоит группа абсолютно белых, высохших, похожих на изломанный гребень мертвых деревьев, когда-то полностью скрытых под водой и десятки лет остававшихся невидимо на дне озера. Влажное, ровное, как стол, дно вытекшего озера матово мерцает оттенками серого, голубого и холодно-белого цветов, ветвится темными синеватыми разводами проток и ручьев. Вся странная равнина отсвечивает на солнце глухим металлическим блеском, напоминая нам совсем другую планету – скорее загадочный лемовский Солярис, чем старушку Землю.

До нижнего края ледника Маашей от нашей морены уже совсем недалеко, километра три, не больше, и нам отчетливо и во всех деталях виден его, словно обрубленный кем-то шершавый серый язык. На дальнем берегу озера в лесу поднимается белый дымок от костра: должно быть, там стоят лагерем туристы или альпинисты. Мы с Алексеем – «святым отцом» вдвоем спускаемся вниз и выходим на бывшее дно озера. Странное ощущение охватывает нас. Под ногами влажный и неплотный серебристо-голубой песок, он словно бы живой, он подвижен и податлив, в нем слегка утопают ботинки. Песок дышит под ногами, колыхается и выделяет влагу, ноги засасывает серая рассыпчатая материя. Вода где-то совсем близко от поверхности песка, прямо у нас под ногами, она пропитала собой все дно долины и немедленно заполняет наши следы, как только мы делаем шаг. Мы, как зачарованные, проходим мертвый белый лес и двигаемся по песку к речным протокам посреди долины, вокруг нас громоздятся черные массивные горы. Ледники и пики гор отражаются в чистых озерцах на поверхности мокрой равнины. Над вершиной Мажоя начинают собираться тяжелые облака, потом черные тучи, и вот уже скоро над всем хребтом валит плотный фиолетовый снег. Над нами со «святым отцом» небо также быстро темнеет, начинает моросить, и мы торопимся отправиться в обратный путь...

– Пойдемте сегодня вечером на охоту? – вдруг спрашивает меня Артем, когда мы уже неторопливо едем по лесу в сторону лагеря, купив по дороге несколько банок пива на таежной стоянке у местных мужичков.

– Конечно пойдем! А куда?

– Там пониже лагеря солонец один есть, давно заброшенный. Туда и сходим, – отвечает Артем и выпивает прямо на ходу чуток водки из маленькой алюминиевой крышечки бутылки, которая спрятана у него во внутреннем кармане куртки.

Выпив, он аккуратно закручивает крышечку и прячет бутылку обратно в карман. В этом и заключен его маленький секрет. Артем прихватил бутылку водки с собой из Чибита и теперь начинает каждый свой день, с самого раннего утра, с первой маленькой крышечки водки, а потом изредка прикладывается к ней в течение всего дня, совсем-совсем помаленьку, буквально по полкрышечки, но ему этого хватает, чтобы быть весь день слегка навеселе, *теплым*.

Так как мы вернулись с озера в лагерь уже под вечер, то быстро собираемся, переобуваемся в сапоги и уходим вниз на охоту все тем же левым берегом по заброшенной проселочной дороге. Артем, Сергей и я, втроем. В этих местах на Нижнем Мажое когда-то пасли колхозный скот, для чего и была подведена дорога. Теперь никого здесь давно нет, ни людей, ни скота. Мы проходим длинные поляны с высокой нетронутой травой. Слева поднимается большой косо-гор, поросший лесом. Справа от нас крутой спуск к Мажою, почти пропасть, ущелье реки уходит все дальше вниз. Прямо впереди видна долина Мажоя в месте его впадения в Чую, а за ней, еще дальше, виднеется часть долины Чуй. А еще дальше просматривается даже кусочек Чуйского тракта, по которому пробегают микроскопические машинки с зажженными фарами.

Смеркается, усиливается дождь, трава вокруг мокрая, тучами роятся комары. В руке у Артема длинный сверток: грязно-зеленое перевязанное бечевкой одеяло, в которое завернут его карабин. Артем делает нам знак – соблюдать полную тишину. Мы бесшумно спускаемся в глубокий овраг, по дну которого течет ручеек и растет мокрый кустарник, потом выходим из оврага другим берегом наверх и оказываемся на новой большой поляне, слева от нее уходит далеко вверх по покатому горному склону густой лес. Посреди поляны, чуть выше дороги, мы подходим к солонцу, широкой и неглубокой яме в земле, с белыми разводами на скатах, полностью изрытой следами копыт. Артем показывает нам многочисленные свежие следы маралов. Метрах в тридцати ниже в высокой мокрой траве лежит поперек склона большое черное сырое бревно, за которое мы и ложимся, прячась прямо в траву. Артем разматывает одеяло и заряжает свой выдавший виды карабин.

– Здесь будем ждать, – шепчет он.

– Вон оттуда могут выйти, – показывает он на темную и молчаливую кромку леса выше нас, имея в виду маралов.

Мы лежим в траве и ждем. Вокруг нас тишина. Сверху без послаблений и перерывов льется на нас холодный дождь. Жужжат и тыкаются в наши лица и открытые кисти рук комары.

Темнеет. Вся одежда быстро становится мокрой от дождя и травы. Артем закуривает, забиваясь под бревно как можно ниже, и прячет там оранжевый огонек сигареты ладонью. Но легкий дымок над бревном все равно виден издалека. Мы с Сергеем улыбаемся такой наивной конспирации.

– Кофе будете? – шепчет из-под бревна Артем.

Он достает свой маленький старый термос, весь в царапинах, с круглой крышкой, и наливает в нее едва теплый, сладкий, заправленный душистым деревенским молоком дрянной растворимый кофе. Мы по очереди отхлебываем из крышки. В ответ Сергей вынимает откуда-то плоскую стальную фляжку с добротным шотландским виски. Мы снова отхлебываем по очереди, теперь из фляжки. Так и лежим в мокрой траве битых два часа. Вокруг тишина и бездвижность. Совершенно темно. Стучат по курткам капли дождя. Дымит под бревном сигареткой Артем. Зудят комары. Увы, никто к солонцу в тот вечер так и не вышел. Уже глубокой ночью, мокрые, замерзшие и уставшие, по крошечной темноте, на-ощупь, мы вернулись в лагерь. В лагере было темно и тихо. Все уже крепко спали.

Стоянка Чугунок

Назавтра нас ждал долгий переход в 25 км, с реки Мажой на реку Шавла, из речного бассейна Чуй в бассейн Катунь, через перевал. После завтрака мы свернули лагерь и за несколько ходок перетащили на спинах все вещи через реку Мажой на левый берег, к коням. Там тесно заполнили сумины припасами, заседлали и навьючили лошадей и ровно в полдень тронулись в путь. После обычного ночного дождя в горах установилась солнечная и ясная летняя погода, чувствительно принялось припекать утреннее солнце. Дорога была все та же, широкая и набитая – старинный скотопрогонный тракт. От поляны на левом берегу Мажоя мы поднялись наискосок высоким травянистым косогором и вскоре выехали на обширное плато Сотонук, типичное алтайское безлесое плато со средней высотой 2100 м, по которому и двигались на северо-запад два с половиной часа, т. е. примерно 15 км. Справа от нас невдалеке виднелся нестройный лес, а слева на километры – луга и болотины.

Ближе к концу этого отрезка пути слева от дороги выросла большая и высокая голая вершина (на Алтае такие называют *гольцами*), с круглым каменистым куполом наверху. Это была одиноко стоящая гора Бий-Сючи (2620 м).

– *Могила хана* по-нашему, по-алтайски, – рассказывает на ходу Артем, попыхивая сигареткой. – Я сам наверху не был, но говорят, что там, на самой вершине, есть большой древний курган, в который постоянно бьют молнии, неизвестно почему! – прибавляет он для пущей таинственности.

Внизу, прямо под вершиной Бий-Сючи, растут старые высокие кедры и расположена жилая пастушеская стоянка. Близ нее мы делаем часовой привал, прямо под кедром на берегу чистого холодного ручья, чтобы перекусить и дать отдых коням. Артем уходит на стоянку к своим землякам-чибитцам и скоро возвращается с большой бутылкой свежего молока.

Сразу за стоянкой на Бий-Сючи мы меняем направление движения с северо-западного на юго-западное. Мы поднимаемся по исхоженной тропе на небольшой перевал, огибая Могилу Хана с севера. Перевал называется Орой, его высота 2270 м. В этом месте наш скотопрогонный тракт соединяется с основной туристической тропой, которая ведет самым коротким путем от села Чибит к знаменитым Шавлинским озерам. Туристы, которым нужно попасть на Шавлу, доезжают по Чуйскому тракту до Чибита, стоящего на Чуе, там переходят по мосту на левый берег реки и дальше идут пешком или на конях на Шавлу. Сразу от Чуй начинается крутой и затяжной лесной подъем в гору, высотой в целый километр, который и выводит наверх на перевал Орой и дальше – на обширное плато Гильдыз-Коль (*Созвездие озер*, по-алтайски).

По названному плато мы едем на юго-запад в сторону долины Шавлы примерно полтора часа. Плато лежит на высоте выше двух километров, всюду по нему видны небольшие озера, лес на плато не растет. Тропа по равнине широкая, расслаивается на множество параллельных дорожек, множество туристов движется по ней в обе стороны, как поодиночке, так и небольшими группами. Это неудивительно – непревзойденные красоты Шавлинских озер очень популярны среди путешественников.

Вот впереди нас быстрым шагом идет невысокий, сухощавый, спортивный парень лет двадцати, с маленьким рюкзаком за плечами. Он двигается один, что не характерно – обычно по Алтаю путешествуют группами. Мы догоняем его и знакомимся, не сходя с коней и продолжая движение. Наша группа едет верхом, он споро идет внизу с нашей же скоростью, упруго вышагивая по траве у тропы.

- Я Алексей, альпинист из Новокузнецка.
- А где же твоя палатка, где спальник, где еда?
- Да я так иду, налегке!
- ?!

– Вчера, например, ночевал на пустой стоянке, в избушке, позавчера тоже. Одну ночь – под деревом спал. Тепло же! Лето! – смеется Алексей.

– Ну хорошо, а еда? – изумляемся мы.

– Ас едой туристы помогают! Мне много не надо! – хохочет белозубый легконогий Алексей.

– И куда же ты направляешься?

– На Шавлу! Полажу там по горам, посмотрю что и как.

Мы уезжаем от Алексея вперед, озадаченно качая головами. Вот ведь как! У нас столько припасов с собой: еда, палатки, спальники, коврики, куча сменной одежды и обуви – даже наши сильные лошади все это тащат с большим трудом. А он бегает в горах налегке, без палатки, без спальника, без продуктов, один – и ничего! Вот безбашенный парень!

Мы ускоряемся и обгоняем группы уставших туристов с огромными тяжелыми рюкзаками за спиной, которые медленно идут по тропе. Глядим на них сверху из своих удобных седел и нам становится неловко, что мы едем с таким комфортом, отдыхаем и любимся окрестными красотами, а они упираются и тащат все на своих горбах. В их глазах читается тот же самый упрек в наш адрес. Они тяжело дышат и тяжело ступают по набитой тропе. Но их молчаливый упрек не злой, а дружеский (в горах всем хорошо) – и в седле, и на ногах!

Вокруг нас между тем величественный и прекрасный ландшафт. Впереди хорошо видна глубокая долина Шавлы, уходящая далеко на запад в голубую дымку. Справа и слева от нее вздымаются высокие горы. Небо частично закрыто облаками, и солнечные лучи падают под углом на распахнутое плато, по которому бегут синие тени от туч. Плато уходит далеко вправо, на северо-запад, туда же убегает цепь озер. На юге нам опять открываются снежные пики Чуйских Альп.

И тут, когда мы с Артемом немного отстали от нашей группы, чтобы подтянуть подпруги коням и перекурить, Артем делает неожиданное признание. Он только что тяпнул полкрышечки водки из своей, уже больше чем наполовину опорожненной бутылки и закурил.

– А ведь я, брат, *отсидел*... – негромко говорит он и искоса смотрит на меня, прищурив свои и без того узкие, окруженные глубокими морщинами алтайские глаза.

– Как так *отсидел*? – не понимаю я.

– Ну так, в тюрьме я сидел. В Мордовии. Пять лет...

Вот так история. Мало того что наш старший проводник всю дорогу отхлебывает водку из бутылочной крышки и каждый день с самого раннего утра уже *парной*, так он у нас еще и отсидевший уголовник! И при этом у него с собой боевой карабин. Хорошо еще, что Артем это только мне сообщил, думаю я. Народ в нашей маленькой компании и без того относится к Артему с некоторым подозрением, а тут такое известие. Я решаю, что ничего никому не расскажу до конца похода, так всем будет спокойнее.

– За что же ты отсидел?

– *Я ведь человека убил*...

Час от часу не легче! Я совершенно ошарашен. Стою, остолбенев, и тупо смотрю на Артема. Две лошади рядом переминаются с ноги на ногу.

– В Кош-Агаче дело было... По пьянке... Знакомого одного зарубил в драке... Топором, короче... Дали семь лет, пять из них отсидел, потом вышел досрочно и домой в Чибит вернулся...

Артема как будто прорывает. Пока мы едем дальше, держа дистанцию позади нашей группы, он рассказывает мне про то, что пережил в тюрьме, про издевательства тюремного начальства, про ежедневные унижения, про то, что ничего в колонии не решишь без взятки, что даже комнату для свиданий с родными без взятки и ту не получить. Про то, как трудно было ему, человеку с Алтая, из гор, в далекой и бесчеловечной мордовской колонии.

– Там, в тюрьме, каждый божий день, все пять лет, только и думаешь, *как выжить*... – резюмирует свой горький рассказ Артем.

Каждый из нас молчит и думает о своем. Кони идут по равнине мягким быстрым шагом. Рыже-зеленое плато проплывает мимо нас. Так молча мы догоняем группу и скоро все вместе достигаем западного края плато Гильдыз-Коль. Отсюда начинается крутой спуск в ущелье речки Кол, правого притока Шавлы (Кол по-алтайски значит *рукав*). Пешая тропа уходит налево, левым берегом, мы видим, как по ней в обе стороны тянутся тяжело груженные пешие туристы. Мы же уходим вправо конной тропой, которая сбегает круто вниз и скоро приводит нас в густой лес. Тропа петляет по лесу между деревьев, за которые то и дело цепляются кожаные сумины, висающие по бокам у лошадей. За час мы спускаемся с плоскогорья на четырехста метров ниже и уже под вечер встаем на самом берегу Кола на ровной лесной поляне. Поляна большая, но вся трава на ней почти под корень съедена лошадьми конных групп, стоявших здесь до нас. Нашим усталым животинам придется непросто – вряд ли они сумеют здесь наесться досыта и полностью восстановить к утру свои силы. Но других стоянок в этом районе нет, да и места здесь слишком людные и посещаемые. Так что выбора у нас все равно нет.

Пока не скрылось солнце и не похолодало, мы разбегаемся по речке, заросшей высокими плотными кустами, и купаемся после долгого перехода в ледяной чистой воде. После помывки сидим у костра, отдыхаем, ужинаем и пьем чай. Лена сварила сытный мясной суп, от которого пахнет дымом.

– Вот смотрите, – говорит Артем и протягивает нам какой-то старый тяжелый железный чайник с коротким носиком, без крышки. Чайник массивный, с толстыми стенками ржаво-черного цвета, с шероховатой поверхностью. Внутри у него труха и сухие лиственничные иголки. – Говорят, этому чайнику уже больше 100 лет. Он чугунный. Его когда-то давно нашли наши чибитские охотники вот здесь вот, под этим деревом. Видать, в старину здесь стоянка была охотничья. От нее чайник-то и остался. И с тех пор он всегда тут лежит, под деревом, никто его не утаскивает. Поэтому и прозвали наши мужики эту стоянку *Чугунок*, – говорит Артем и бережно ставит чайник на место, в корни высокой лиственницы, растущей у самого берега стремительного Кола.

Шавлинские озера и ледники

Северо-Чуйский хребет, или Чуйские Альпы, которые мы продолжаем изучать, тянутся в широтном направлении от реки Аргут на западе до реки Чуя на востоке. Они поднимаются с запада на восток от 2,5 тыс. м до 4 и выше. Река Актру сбегает с ледников на восток и вливается в Чую. Мажой сначала течет на север, но потом тоже поворачивает на восток и впадает в ту же Чую немного севернее вершин Актру. Река Шавла сначала течет на север, но потом поворачивает под прямым углом на запад и бежит в глубоком ущелье на протяжении полусотни километров до своего впадения в Аргут. Тем самым Шавла – это уже водный бассейн Катуня, а не Чуй, а знакомое нам плато Гельдиз-Коль служит водоразделом этих больших рек. Одни речки сбегают с него в Чую, другие – в Катунь.

Покинув стоянку Чугунок на следующее утро, мы перебреем в полукилометре ниже стоянки по мелкому броду речку Кол и едем дальше вверх правым берегом Шавлы. Тропа идет, полого поднимаясь в основном лесом. Справа шумит Шавла, небольшая горная река, чистая и звонкая. Мы движемся строго на юг, прямо в направлении снежной стены Северо-Чуйского хребта. Через два с половиной часа, проехав по широкой и удобной тропе 15 км вверх по течению, встаем лагерем слева от тропы на очень удобной широкой лесной поляне. Здесь много места для наших палаток и еще больше травы для наших лошадей. Переход вышел короткий и легкий, животные сегодня будут отдыхать и набираться сил.

Наша новая стоянка расположена на высоте 1870 м, прямо напротив глубокого и сурового ущелья речки Левая Шавла – левого притока большой Шавлы. Здесь нас окружают самые настоящие сибирские Альпы – пожалуй, наиболее подходящее сравнение для вида, открывающегося прямо с нашей солнечной поляны. До ледника, из которого берет начало Левая Шавла, совсем близко – не более пары километров. Огромная белоснежная гора высотой 3727 м нависает прямо над нашими головами всеми своими снегами и ледниками. Весь день напролет она для нас, ленивых, но благодарных наблюдателей, сверкающий хрустальный аттракцион. Солнце неспешно совершает над горой свой ежедневный круг, причудливо переменяя тени и краски на снегах и скалах огромной вершины. Утром снежная гора – розовая и оранжевая, днем – ослепительно-белая на фоне голубого неба, а на закате стремительно гаснет, сдвигаясь от кроваво-красного цвета к сине-фиолетовому. Вершина Левого Шавлы – самый западный ледниковый массив Чуйских Альп, с ее южного ледника на противоположной от нас стороне горы берет свое начало дикий Юнгур.

Мимо нас по широкой тропе то и дело проходят туристы с высокими рюкзаками за спиной. Чуть ниже нашего лагеря расположился палаточный лагерь наших соседей. С их слов, до знаменитого Шавлинского озера осталось полчаса хода пешком. Мы уже искупались, пообедали и решили теперь пробежаться налегке к озеру. В это время Артем и Слава, ничего нам не объяснив, седлают своих коней и совершенно молча уезжают круто вверх по горному лесному склону. Артемова собака, Барсук, скулит и бежит по кругу вокруг сосны – его привязали к дереву на веревке, не взяли с собой в лес, а ему так туда хочется!

Мы с Алексеем, прихватив с собой только фотоаппараты, отправляемся по тропе наверх. Тропа все время довольно круто поднимается, бежит по кустам и по лесу. Дорога очень простая, нахоженная тысячами туристов и сотнями коней. Шавла (от алтайского *Шалба* – дикая) грохочет по камням справа и внизу. Через пару километров, поднявшись на 100 м вверх, мы выходим к нижнему краю главного Шавлинского озера. Это – Среднее Шавлинское озеро, лежащее на высоте 1983 м. Оно же – самое знаменитое из всех Шавлинских озер. Ниже по течению, не доезжая несколько километров до нашей стоянки, есть еще Нижнее Шавлинское озеро. Оно обозначено на картах как озеро, но давно превратилось в заросшее осокой болото, где лишь местами остались озера открытой воды.

Среднее же Шавлинское озеро великолепно! В том месте, где из озера с шумом вырывается река Шавла, водоем подпружен нагромождением огромных глыб, настоящих диких скал, скрытых внизу в глубокой воде. Мы с Алексеем – «святым отцом» осторожно забираемся на одну такую скалу, с широким и ровным, как стол, верхом, и сидим на теплом камне, любуясь озером. Вода в нем светло-бирюзового цвета, прозрачная и плотная. Она, как оливковое масло, мягко и шелковисто огибает запорные камни и, сыто урча, срывается вниз в заваленное камнями речное русло Шавлы, вся в белоснежной пене и в гремящих бурунах. Еще за какой-то метр до наших глыб вода-масло совершенно спокойна, ее поверхность гладка и неподвижна, но уже секунду спустя она начинает изгибаться, вздвигаться, закручиваться, искажаться зародившимся в ней течением, по ее поверхности вдруг напрягаются и выпячиваются наружу прозрачные хрустальные жилы, и тогда, в одно неуловимое мгновение, она хищно и молниеносно бросается в узкие каменные прорывы.

Озеро уходит на юг в сторону хребта на добрые полтора километра, ширина его невелика – метров 300–400, но при этом оно глубокое и холодное. Справа от нас, на западном берегу, в водоем круто падают высокие каменные осыпи, нет ни дороги, ни тропы. Левый, восточный, берег, напротив, порос густым лесом, который стеной нависает над гладью озера и отражается в ней. По левому берегу проходит тропа, и там же устраиваются все туристы, ставя свои палатки прямо на берегу под деревьями. На восточном, обитаемом берегу озера тайга уходит горным склоном далеко вверх, западный же склон по преимуществу скалистый и безлесый.

Главная красота Шавлинского озера видна прямо перед нами, на юге. Там во всей своей ослепительной красе поднимаются в небеса Чуйские Альпы. Прямо перед нашим взором над гладью озера, всего в десятке километров от нас, высятся острые снежные вершины Северо-Чуйского хребта почти четырехкилометровой высоты. Вода в озере сейчас, в середине дня, совершенно спокойна, и огромная стена снегов, льдов и скал зеркально отражается в водной глади. Ослепительные белоснежные вершины в ярком солнечном свете на фоне синего неба, светло-бирюзовая вода озера, приглушенные отражения гор, фиолетовые каменные осыпи справа, ярко-зеленый лес слева – все это вместе создает пейзаж неопишуемой красоты.

Вид озера непрерывно меняется. Вот налетел легкий порыв ветра, и озеро покрылось мелкой рябью. Отчетливые отражения гор исчезли, но продолжают гулять на поверхности воды бледными мерцающими пятнами. Вот облака закрыли вершины снежных гор и по ледникам побежали веселые голубые тени. Вот озеро успокоилось, но по светящимся отражениям снежных гор на озерной глади заходили разбегающиеся тонкие круги – заиграл ближе к вечеру проголодавшийся хариус. Вот солнце опустилось за западную гору, и озеро накрыла огромная тень, светло-бирюзовая вода стала темно-синей. На рассвете по озеру ходят туманы, а верхушки гор розовеют от первых лучей солнца. На закате горы красные, с резкими синими тенями, а лес по берегам темнеет, становясь загадочным и мрачным.

Вокруг покой и тишина. Мы со «святым отцом» Алексеем доходим лесной тропой до середины озера, где обнаруживаем стоянку местных алтайцев: два домика, деревянная беседка, стоящая отдельно, в которой сейчас ужинают хозяева, закусывают жареным хариусом и вареной бараниной. Мы знакомимся с ними и выясняем, что хозяин стоянки – родственник нашего Артема. После мы долго сидим на берегу озера на упавшем дереве и любуемся удивительным пейзажем.

Через час мы уже в нашем лагере. Смеркается, и тут Барсук, спавший до того весь день на солнце под лиственницей, вдруг вскакивает и разражается громким лаем. Скоро на поляне появляются Артем и Слава, верхом. Перед Артемом, поперек лошадиной спины, лежит подстреленная им косуля. Артем сбрасывает ее на землю, косуля мягко шлепается на траву – видно, что она еще совсем теплая. Усталые проводники спешиваются, расседлывают и привязывают на поляне коней и тут же принимаются, пока совсем не стемнело, разделявать косулю. Мы подступаем к ним с расспросами и скоро узнаем, как было дело.

Днем, сразу после обеда, Артем и Слава молча заседлали коней, прихватили с собой карабин и уехали вверх по горе. Оказывается, над нами по правому берегу Шавлы высится огромная гора, прямо за которой на востоке лежат истоки хорошо знакомого нам Мажоя. Сначала круто вверх по склону далеко идет лес, в самой нижней части которого расположилась наша стоянка. Выше леса начинаются крутые травянистые косогоры, потом, еще выше, полоса карликовой березы, выше которой начинаются каменистые гольцы, и еще выше – снега и ледники. Гора круто уходит прямо над нашими головами на целых два километра вверх. Там наверху, выше границы леса, вольно пасутся косули, маралы и козероги. Барсука нарочно привязали и оставили в лагере, чтобы он не испугнул зверя. На доезжая границы леса, Артем и Слава оставили коней в лесу и дальше пошли пешком. Достигнув верхней границы леса, охотники незаметно подкрались к косулям, которые паслись на крутом лугу, выбрали молодую и добыли ее первым же выстрелом. Так в нашем рационе появилась свежая нежная оленина, половину которой Артем увез родне на озеро, задержавшись там до глубокой ночи.

На следующее утро мы решили разделиться на две группы. Я, Алексей, Сергей и Оксана планируем подняться как можно выше по Шавле, к верхнему Шавлинскому озеру. Второй Сергей, Лена и Артем должны провести разведку дороги с левой Шавлы к истокам Юнгурского. Последнее особенно важно для нас. Дело в том, что несколько лет до того мы дошли до верховий Юнгурского с обратной стороны хребта, с запада, но не нашли *пути*, чтобы перевалить с конями с Юнгурского на Шавлу, как мы тогда планировали. На картах дороги с Юнгурского на Шавлу не было, наша разведка тогда тоже не дала результатов. Теперь наша задача – разведать путь с Шавлы на Юнгурское с другой стороны и оценить, возможен ли, в принципе, конный проход туда.

Стоит теплое солнечное утро, и обе наши группы отправляются в путь. Мы четверо идем пешком. Лена, Сергей и Артем выехали на конях, выше лагеря переходят вброд бурную Шавлу на левый берег и тут же исчезают в густом лесу.

Через полчаса мы уже находимся на среднем озере, которое все так же безмятежно. Природа замерла, над водой гуляет прозрачный туман. Мы обходим озеро слева, минуем стоянку алтайцев и скоро упираемся в высокий каменистый холм. Поднявшись на него, обнаруживаем на вершине у холма своего рода каменную крепость с узкими воротами и высокими стенами, перед которыми кем-то поставлены деревянные, со сложной резьбой, идолы, напоминающие африканские маски или славянских языческих богов с ярко размазанными лицами. За воротами на куруме из крупных камней стоит целый лес каменных столбов, словно декорация к фильму об индейцах или же к фантастической саге о путешествиях на другие планеты. Все это нагромождение, все эти столбы и идолы – дело рук озабоченных эзотерикой туристов. Место приметное и открытое, с холма вновь открывается великолепный вид на озеро и снежные горы, вот туристы и отметили его каменной стеной, пирамидами и идолами.

Вдруг на холме появляется худощавая спортивная фигурка, и мы узнаем нашего знакомого, молодого альпиниста Алексея из Новокузнецка. Он ловко прыгает по огромным камням в нашу сторону.

– Где же ты ночевал эти дни, Алексей? – спрашиваем мы.

– Одну ночь я провел в лесу, а вчера остановился у алтайцев на стоянке, они же меня и покормили!

– И что ты видел, где ты был?

Алексей показывает куда-то высоко вверх:

– Я вот на эту гору поднимался. Высоко-высоко. До самых снегов дошел! До трех тысяч метров. Там столько зверя! Маралы, козероги, косули – целые стада пасутся. Вот, смотрите. – И Алексей показывает нам всех этих зверей на мониторе своего маленького фотоаппарата.

Мы снова восхищаемся Алексеем, который в одиночку добрался сюда из далекого Новокузнецка, без вещей и припасов, и уже успел обежать окрестные горы. Сколько же в нем веселья, смелости и здоровья!

За холмом озеро заканчивается, закругляясь вправо и смыкаясь там с другим берегом. Сверху в озеро сбегает по мокрым камням шумная и шустрая речка. На самом впадении речки в озеро, на каменистом перекате, стоит рыбак и ловит рыбу. Рядом с ним сидит собака. Мы приглядываемся – да это же наш Барсук! Сегодня он не привязан и примчался сюда, чтобы поглазеть на ловлю хариуса. Рыбак, хозяин озерной стоянки, стоит в воде в черных резиновых сапогах и пускает мушку на тонкой леске по течению. Мушка сбегает по поверхности воды, дрожа на мелких перекатах. Там, где перекааты падают в озеро, где вода успокаивается, там и хватают мушку хариусы – один за другим. Рыбак то и дело достает рыб с крючка и бросает в ведро, стоящее рядом с ним. Пара рыбок достается и довольному Барсуку. Час такой ловли, и вся стоянка уже обильно обеспечена свежей рыбой на ужин. И так повторяется каждый день.

Если посмотреть назад на озеро с этого его края, на север, то озеро не менее прекрасно, чем с нижней его стороны. Синее небо необычно гармонирует со светло-бирюзовой поверхностью озера, слева прямо в озеро спускаются серо-фиолетовые каменные осыпи громадной высоты, а справа стеной стоит ярко-зеленый лес. Несколько сосен упали и лежат ветвями прямо в воде, затемняя собой прозрачную глубину озера. Вдоль берега прямо у кромки воды тянется полоса красно-рыжей травы, корни которой цепляют чистое дно, эта красно-рыжая полоса добавляет блеска и красок и без того прекрасному озеру.

У Сергея на каменном холме порвались его специальные кожаные шлепанцы для ходьбы по горам, и они с Оксаной поворачивают назад в лагерь. А мы с Алексеем продолжаем подъем по тропе. Барсук бросается нам вслед и скоро убегает вперед, весело вертя своим мохнатым хвостом. Тропа идет лесом все круче вверх, справа от нас шумит быстрая речка. Через сорок минут подъема мы подходим к высокой, сложенной из больших камней ледниковой морене и карабкаемся на нее по едва заметной тропинке. Наверху морены перед нами открывается Верхнее Шавлинское озеро, со всех сторон окруженное скалами, на которых растет редкий лес. Это озеро совсем небольшое, лежит на высоте 2120 м, из него через узкий проход в скалах вырывается речка. Мы с Алексеем лезем по скалам поближе к воде и устраиваемся на привал на небольшой скальной площадке, метрах в десяти над поверхностью озера. Здесь за скалы цепляются последние кедры, выше озера леса почти нет, лишь несколько небольших групп деревьев, за которыми вверх уходят голые каменистые россыпи – до самых ледников.

Теперь от нас до них не больше километра, мы рассматриваем их во всех подробностях. С трех сторон нас опоясывает с востока на запад гигантский горный цирк, по стенам которого спускаются ледники, и под каждым из них в каменных россыпях прячется еще по крохотному озерцу. Все они вытекают ручьями в верхнее озеро, образуя истоки Шавлы. Прямо перед нами – самая высокая вершина Шавлы, 3764 м. Ее ледник в теперешнем освещении похож на громадный лик античного старца, с длинной и широкой бородой. Я тут же про себя имену ледник *Гомером*. Всего в центр гигантского горного цирка стекаются три огромных ледника, которые и отражаются в озере. Их официальные имена очень романтичны – ледник Мечта, ледник Красавица, ледник Сказка.

Справа по берегу озера бредет по камням группа туристов с лыжными палками в руках. По-видимому, они идут с ледников, весь огромный массив которых альпинисты обычно обходят по кругу за несколько дней. Для этого они используют веревки, кошки на ногах и альпенштоки, а спят прямо на льду в палатках. Мы же с Алексеем поворачиваем в обратный путь, чтобы через три часа быть в лагере. Время от времени то впереди, то позади нас на дороге выбегает Барсук, чтобы тут же снова скрыться в лесу.

В лагере все уже в сборе. Лена, Сергей и Артем рассказывают нам о результатах своей разведки перевала с Шавлы на Юнгур и Куранду (правый приток Юнгурского озера). Итоги, увы, неутешительные. Как убедились наши друзья, проехать на конях с Шавлы на Юнгур и на Куранду совершенно невозможно.

– Когда мы перешли вброд Шавлу, сразу начался сплошной курум, – рассказывает Лена, когда все мы собрались у костра и совсем стемнело. – Там в лесу на левом берегу Шавлы крупные камни, покрытые мхом, между камнями глубокие дыры, подо мхом их не видно, все это очень опасно для лошадей.

С большим трудом проехали по этому бурелому. Продвинулись всего метров на триста и вынужденно оставили лошадей. Дальше пошли пешком. Поднялись сначала под большой ледник, так там вообще не то что на конях, пешком-то не подняться! Там разве только альпинисты могут пройти, с ледовым оборудованием. Тогда мы повернули направо, на север, и пошли вверх правым ручьем. Там везде лес, завалы, камень, очень круто, карабкались, цеплялись, лезли упорно вверх

– Я там чуть не сдох от усталости! Шибко тяжело там лазить, – смеется Артем.

– Выше поднялись к маленькому озеру, обошли его и полезли дальше, – продолжает Лена. – Выше озера курум, осыпи, очень круто, а еще выше – скальные обрывы, вообще непроходимые, снег лежит! Невозможно на конях проехать, можно только пешком, да и то с трудом.

Все ясно. На Юнгур нам отсюда с лошадьми никак не попасть. Завтра мы двинемся туда другим – обходным и далеким – путем.

Пять перевалов над Шавлой

Утром, спустившись прежней дорогой по Шавле, мы делаем короткий привал чуть выше стоянки Чугунок и после этого, перебредя Кол, приступаем к крутому подъему на перевал Айраш по ущелью маленького ручья, правого притока Кола, двигаясь строго на север. Здесь по правому берегу Шавлы громоздятся высокие горы, выше 3 км. На карте дорога не обозначена вообще. Артем ведет нас дикой тропой местных охотников. Похоже, мы первая группа, которая со всеми своими припасами и вещами решила подняться здесь на конях. Подъем на Айраш занял два с половиной часа и оказался мучительным и трудным для нас и наших лошадей.

Весь подъем идет густым лесом, отчаянно крутым склоном. Едешь, низко наклоняясь вперед и вцепившись в седло, и видишь при этом зад передней лошади прямо у себя над головой. А следующий за тобой всадник торчит прямо под копытами твоего коня. Склон кажется совершенно отвесным. Лошади хрипят и идут тяжкими рывками, цепляясь за гору острыми краями копыт, чтобы не сорваться вниз. Мы то и дело спешиваемся и сами с большим трудом карабкаемся вверх, хватаясь за склон и за кусты руками. Никакой тропы фактически нет, Артем просто выбирает подходящий путь между деревьями и упорно тащит всех нас вверх. Уже скоро наши лошади взмокли от усталости и напряжения, по их горячим бокам течет обильный пот, они часто и мощно дышат, раздувая бока. Несколько раз мы останавливались прямо на крутом склоне среди камней и деревьев, чтобы дать им немного отдышаться. Из-под копыт при движении вырываются камни и летят вниз. За весь бесконечный подъем где-то посреди всей этой огромной лесистой горы нам попала только одна крохотная лесная полянка с маленькой охотничьей избушкой в углу. Артем сказал нам, что по этой тропе люди изредка могут спускаться к Шавле, но точно не подниматься. В дождливую погоду, когда склон мокрый, подняться здесь даже налегке невозможно.

Набрав круто вверх 600 м высоты от оставшегося далеко внизу русла Кола, мы выезжаем на пустое холмистое нагорье, на котором Артем планирует устроить нашу стоянку, на высоте 2320 м. Холодно, дует пронизывающий ветер, уже начало смеркаться, горы вокруг гаснут, собирается дождь, а на юге на фоне черного от туч неба отлично видна вся снежная стена Чуйских Альп.

Здесь наверху нас ждет досадная неудача. Ручей, к которому вел нас Артем, отчего-то пересох, и теперь на месте стоянки нет воды. Безжизненное нагорье, камни, кривые низкие деревца, сухая трава, шершавый мох на камнях и больше ничего. Нам приходится возвращаться немного назад и вниз, и уже в густых сумерках мы встаем лагерем на крохотном ручье Айраш в его истоках, ниже седловины перевала, на высоте 2240 м, на сильно покатом склоне прямо в мшистом и темном лесу. Небо к ночи проясняется, становится очень холодно, весь чернеющий небосклон обсыпают яркие звезды. Ночью на улице температура падает до минусовой, в наших палатках тоже очень холодно. Трое из девяти коней сбили на подъеме на Айраш до крови спины, мы сами валимся с ног от усталости. Вокруг нас гаснут Сибирские Альпы, под нами – глубокая лесная пропасть.

На следующий день нас ждет долгий 30-километровый переход, и мы встаем пораньше на морозном летнем рассвете. Быстро собравшись и позавтракав, заезжаем на седло перевала Айраш, которое находится прямо над нами выше границы леса, близ которой мы и переночевали. Высота перевала 2520 м, подъем на него от места ночевки некрутой: тропа пробегает сочными альпийскими лугами, густо покрытыми разноцветными цветами. Особенно красивы миниатюрные светло-желтые горные маки и ярко-оранжевые жарки (или огоньки). Мы проезжаем сквозь обширные цветочные поляны. Все эти цветы обычно цветут ранней весной, как только сходит снег. Но здесь на высоте Айраша снег сошел только недавно, в конце июля, и

весна на перевале только-только наступила. Все спешит расцвести и дать земле семена, пока вновь не наступит зима. Короткое лето на этой высоте длится от силы один месяц. И природа на таких высотах очень спешит все успеть, цветет буйно, лихорадочно и скоро. И все успевает.

На широком седле перевала холодно, сыро, ветрено. За нашей спиной вдалеке на юге сверкают Чуйские Альпы. Перед нами внизу расстилается огромное холмистое нагорье, совершенно безлесое, болотистое, со множеством озер, с широкими полями карликовой березы. Это уже знакомое нам плато Гильдыз-Коль (*Созвездие Озер*). По нему с востока на запад бежит уже описанный мной скотопрогонный тракт, который на западе доходит до урочища Ачик и дальше по реке Эбелю спускается с нагорья к Инегеню и к Ине, на Чуйский тракт. По этому скотопрогонному тракту мы дальше и двинемся на запад вдоль Шавлы, которая все время будет по левую руку от нас в своей глубокой долине, расположенной к югу от дороги. Так в два дня мы попадем в низовья Шавлы, как и планировали.

– А внизу, по берегу Шавлы есть дорога? – интересуюсь я у Артема. Мне интересно знать, почему мы выбрали верхнюю дорогу по нагорью, а не нижнюю по берегам Шавлы, указанную на картах.

– Есть, но нам там сейчас не проехать. Дожди идут все лето, вода в реке высокая, а там несколько глубоких бродов надо проехать. Слишком опасно!

Мы начинаем спускаться с перевала Айраш, берем левее крутым косогором, внизу которого попадаем в густые заросли карликовой березы. Слева на высокой горной полке, синее маленькое озерцо. Внизу, перейдя холодный ручей, мы попадаем на скотопрогонный тракт, по которому проходит и проселочная автомобильная дорога. По всему видно, что по ней давно никто не ездил. Нет и свежих конских следов. Уже по тракту, не спеша, спустя час от Айраша мы поднялись на второй перевал – Баксырга (2400 м). Перевал был обычным, плоским и каменистым. За нешироким седлом перевала перед нами открылось другое широкое плато, Баксырга (или Басара), с небольшим озером внизу, в котловине, и скудным лесом справа, на покатом склоне протяженного холма. Слева плато ограничено высокими скалистыми горами, которые поверху закрыты черными тяжелыми тучами. Из туч сыпался густой снег с дождем. На нас с их стороны налетали порывы холодного ветра.

Следующим часом мы пересекли ровное плато Баксырга по его северному краю, правее и выше озера, и положим подъемом взобрались на третий перевал – Каракол (2400 м). Как-то незаметно мы въехали в огромное черное облако, накрывшее мокрой толстой периной весь перевал. Погода еще больше испортилась, полил, а скорее повис в воздухе сырой мелкий ледянистый дождь, мы быстро промокли насквозь и к тому же сильно продрогли. Дневной свет над нами совершенно померк. Гора погрузилась в дремотные сумерки. Вокруг нас гуляли странные виды и видения. Мы тихо ехали между землей и небом, окруженные холодными миражами. Копыта коней глухо стучались о каменистую почву и чавкали в глинистых лужах. За шивороты курток и плащей затекал холодный влажный туман. На стылой мокрой земле не было видно ни единой живой травинки. Нас окружал безжизненный и длинный алтайский *голец*. Он тянулся бесконечно долго и до крайности мрачно. Мы примолкли. Медленно выступали своей вереницей, схватившись за холодные поводья коней, и мерзли. Мимо нас в призрачном тумане проплывали мелкие мертвые озерца с прозрачной водой, совершенно неподвижные, как будто крытые тонким, невидимым глазу, ледком. Мы омертвело петляли меж ними, как казалось, совсем потеряв направление и дорогу. Из мертвой неподвижной воды выступали в туман странные, большие, неестественно круглые камни. Это был какой-то жуткий загробный мир, и мы хотели только одного – поскорее его миновать.

Вдруг слева из густого тумана выступили красивые гранитные скалы, серо-голубые, с живописно растущим на них низким кедрачом. Здесь, после получаса блуждания между камнями и призрачных озер, мы начали наконец спуск с туманного холодного гольца и вскоре выехали из нижнего края сырого облака на ясный воздух, на белый свет. И тут природа вокруг

нас вновь резко переменялась, весь мрак и холод остался позади на перевале. Нам открылся прекрасный вид на новую широкую равнину, в дальнем конце которой, на юге, лежало дивной красоты круглое озеро Каракол, с темно-синей водой. Дальше за ним в прозрачной голубой дымке виднелась глубокая пропасть, это была долина Шавлы в среднем ее течении. А само озеро словно бы свободно парило над речной долиной, подвешенное на высокой и ровной полке плоскогорья. Вокруг озера паслись коровы и кони, а на западном его берегу у кромки леса виднелась уютная стоянка, из трубы которой вился белый дымок. Вся эта прекрасная долина была покрыта сочной зеленой травой и окружена великолепной кедровой тайгой. Неудивительно, что мы сразу повеселели и приободрились. И тут же решили, что пришло время привала.

Бодро спустились пониже и встали в кедраче прямо у дороги. Развели костер, вскипятили чай, нарезали бутербродов, согрелись и подкрепились. Ненадолго вышло даже жаркое солнце, которое нас быстро обсушило и обогрело.

Через час мы продолжили путь в самом прекрасном расположении духа. Для экономии времени не стали сворачивать к стоянке и сразу же, миновав долину Каракола ее северным краем, вдоль кромки леса, двинулись на новый подъем. На этот раз перевал, уже четвертый за сегодня, был небольшой – лишь 2200 м, с пологим и простым подъемом и спуском, и весь прошел красивым и чистым кедровым лесом, с папоротниками и мхами у подножия высоких деревьев.

За четвертым перевалом мы оказались в небольшой долине правого притока реки Каракол (небольшого светлого ручья, бегущего в высокой траве), миновали там пустую стоянку без двери и начали подъем на очередной перевал. На этот раз им оказался перевал Бий-Хан – долгий, затяжной и высокий. Дорога на вершину перевала шла сначала лесом, потом пересекла его верхнюю границу и дальше поднималась травянистым косогором, постепенно становясь все круче. От начала подъема до вершины мы поднялись почти на полкилометра. Наши трудолюбивые лошади, для которых этот перевал был уже пятым за день, заметно утомились и к вершине пятого перевала почти совсем выбились из сил. Высота Бий-Хана оказалась около 2300 м, на его широком седле мы увидели несколько высоких культовых пирамид *обо*, сложенных из камня.

– Отсюда уже Белуху видно! – показывает рукой на юго-запад Артем, пока мы делаем короткую остановку в седле перевала и выпиваем обязательный чой-чой.

Высота Бий-Хана большая и с него действительно открываются во все стороны далекие горные панорамы. Позади нас, на востоке, мы видим весь свой пройденный путь, вершины верхней Шавлы, снега Чуйских Алып. Вдалеке на юге светятся снега Катунского хребта, но его вершины, включая саму Белуху, закрыты тучами.

– Ничего, еще много перевалов будет! Увидим еще Белуху обязательно! – смеется Артем.

Уже ранний вечер, позади семь часов пути, три десятка километров и пять высоких перевалов, наши кони второй день подряд работают на пределе своих сил, и нам пора поскорее подыскать место для ночлега. Мы едем вниз по дороге, скоро начинается лес, в котором мы высматриваем место для лагеря. В результате находим в лесу небольшую площадку, первую же на всем спуске, прямо на дороге, где с трудом и размещаемся с нашими палатками. Но выбора у нас нет: в горах быстро темнеет, надо еще привязать коней пастись и приготовить ужин. Здесь, на высоте 2 км, быстро холодает сразу же с заходом солнца, и эта ночь тоже обещает быть холодной. Слева от дороги по лесу бежит ручеек, из которого мы берем воду.

Дорога и ландшафт, по которым мы ехали весь день, это и есть самый типичный Алтай. Мы двигались по широкому междуречью текущей южнее Шавлы Чуй, которая была к северу от нас. Все это обширное междуречье представляет из себя высокое холмистое нагорье, чьи речки и ручьи стекают или на север – в Чую, или на юг – в Шавлу. Ширина нагорья – 25–30 км, высота гор 2300–2600, межгорных котловин – 1800–2000 м. На дне котловин собираются озера

или болотины. По этому нагорью мы и проехали, прямо посередине, пересекая его с востока на запад, опускаясь в котловины и поднимаясь на перевалы между ними. Таков весь Алтай: высоко поднятые обширные нагорья, разрезанные глубокими долинами рек, и несколько огромных хребтов, далеко возвышающихся над нагорьями и речными долинами. Алтай постепенно поднимается с севера на юг, от Белокурихи и Бабыргана к монгольской границе, выше всего вырастая на стыке границ России, Монголии, Китая и Казахстана, на хребтах Катунском, Северо- и Южно-Чуйских, хребте Южный Алтай. Самое высокое нагорье Алтая – это плато Укок, лежащее на стыке границ всех четырех государств. Его средняя высота 2,5 км, а окружающих гор – выше 4 км...

Как только мы спешиваемся на стоянке на южном лесном склоне перевала Бий-Хан, Барсук, неутомимо пробежавший на своих четырех лапах все 30 км и все пять перевалов, рыская и обшаривая все, что было впереди и позади нас, а также все, что нам попадалось по сторонам от дороги, заваливается в сухую мягкую опавшую хвою раскидистого кедра, у самых его корней, с теплой южной стороны, где не задувает ветер и где сохранилась еще теплота гаснущего дня. Он уютно сворачивается клубком, но держится начеку и внимательно следит за всем происходящим, особенно у костра, где готовится ужин. В умении безошибочно выбрать и тут же занять самое лучшее место на каждом нашем привале ему не откажешь. Но Артем добродушно сгоняет Барсука с места под кедром, чтобы сложить туда седла и попоны – в горах собирается дождь. Тогда Барсук, не раздумывая, решает перебраться к костру, ведь там уже открывают банки с жирной тушенкой.

Урочище Ачик

Ночью прошел обычный дождь и с утра в нашем лесу прохладно и сыро. Мокрая трава покрыта блестящими гирляндами крупной росы. Мы греемся у костра и ждем, когда закипит чай и сварится рисовая каша на концентрированном молоке из железных банок. Лес еще в утренней тени, но верхушки деревьев уже золотят солнечные лучи. Скоро солнце вступит на нашу лесную поляну, и все на ней моментально высохнет, согреется, просветлеет.

Каждое утро у нас одни и те же простые заботы. Выбраться наружу из теплого спальника и сухой палатки, умыться в ручье или речке, развести первым делом костер. По утрам сизый дым от костра низко стелется по мокрой траве, стекая вниз по склону. Дальше надо повесить на огонь котелки с ледяной ключевой водой и после, как только она закипит, заварить ароматный чай и сварить кашу. Дождавшись выхода на поляну солнца, быстро снять тенты с палаток и разбросать их на траве или на кустах – для просушки. Потом поскорее собрать все вещи и палатки, все припасы и всю посуду. Разложить и упаковать их все по суминам и рюкзакам. Артем и Слава, пока мы собираемся и варим завтрак, уже привели всех коней, ночью привязанных по поляне, и седлают их: кладут на спины лошадей подсохшие за ночь попоны, поверх попон укладывают седла, вставляют в зубы коням удила, вяжут за трепетными ушами уздечки, туго натягивают под теплыми животами подпруги. У каждого из нас – свой конь, свое седло, своя попона, свои стремяна, свои сумины, своя веревка.

Когда все собрано, заседлено, навьючено, когда костер загашен и мы все уже сидим в своих седлах, Артем не спеша объезжает лагерь, проверяя, не забыли ли мы чего. На поляне мы всегда оставляем безупречные чистоту и порядок. После осмотра трогаемся в путь и едем весь день до следующей стоянки, на которой круговорот нашего таежного быта повторится. Бутылка водки, прихваченная Артемом из Чибита, уже давно закончилась, и теперь Артем каждый день с раннего утра трезвый, сосредоточенный, четкий и бодрый. Во всем у него и у нас полный порядок, мы быстро и умело продвигаемся вперед.

Со стоянки Каратыт (именно так, по словам Артема, она называется) под перевалом Бий-Хан мы едем вниз все той же скотопрогонной дорогой, густым лесом. Внизу леса оказывается новая межгорная котловина с пустой пастушеской стоянкой, с покинутыми людьми домиками и фермой. Эта долина сравнительно небольшая и со всех сторон окружена холмами и лесом. Повернув направо, на северо-запад, мы переезжаем небольшое седло меж двумя лесистыми холмами и за ним оказываемся в большой красивой долине. Ее длина примерно 5 км, ширина около километра, вся она ровная и зеленая, по ней всюду свободно, без привязи пасутся кони и коровы. Горы по краям долины покрыты густым лесом. Это долина Ачика, здесь круглый год живут и пасут свой скот несколько чибитских семей. Высота долины – 1650 м. От Чибита сюда можно добраться на машине-вездеходе примерно за два часа. Ачик по-алтайски – *открытое место*.

Слава из Чибита (фото В. Рыжкова, 2013 г.)

Урочище Ачик – место запоминающееся. Своего рода затерянный таежный мир, далеко и высоко заброшенный в горную тайгу. По дну долины бежит мелкая чистая речка, петляя среди травы по крохотным разноцветным камушкам. Через речку перекинут мостик, точнее, одна длинная и узкая доска. Она гнется, когда ее переходишь, нижний ее край при этом макается в холодную воду. Дно котловины – болотистое и вязкое, оттого трава растет высокая и сочная. Как бы ни выедали ее кони, она быстро отрастает вновь, всегда в достатке имея влаги и солнца. Леса здесь тоже в достатке – им поросли все окрестные склоны. Долина сориентирована с севера на юг, склоны окрестных гор сравнительно пологи, и поэтому здесь много солнца и тепла.

Ачик – с незапамятных времен прекрасное круглогодичное пастбище, здесь всегда жили люди и пасли свой скот. В советские годы на Ачике работала ферма колхоза им. Жданова, сначала переименованного в «Чибитский», а после окончательно канувшего в лету. Раньше долина даже распахивалась и засеивалась многолетними травами, теперь же это просто отличный природный выпас.

На восточном краю котловины рядом с речкой Ачик выстроены деревянные дома пастухов. Справа и слева ниже леса прямо под горным склоном расположены два небольших хутора. Каждый из них состоит из нескольких построек – изб, аилов, бань. Перед ними проходит проселочная дорога. Посреди подошвы горы между хуторами сохранился одинокий заброшенный бревенчатый домик, без окон и дверей. На хуторах идет из труб дым, бегают и играют дети. К коновязям привязаны несколько заседланных коней. Крутятся вокруг и злобно облаивают нас местные ачикские собаки. Хозяйка руками полощет в речке белье. На одном из хуторов мы делаем короткую остановку. Здесь мы впервые за несколько дней встречаем людей – не только хозяев хутора, но и группу пеших туристов. Они здесь ночуют, чтобы дальше двинуться нашей дорогой на запад, на Шавлинские озера. Их забросили на Ачик с Чуйского тракта на машинах. Во дворе горит костер, мы кипятим на нем чай. Туристы с восхищением смотрят на нас – и есть на что посмотреть! Мы уже пять дней в пути, мы загорелы и небриты, и выглядим примерно как рекламный ковбой с пачки «Мальборо». От нас пахнет костром и лесом. Привязанные позади дома лошади добавляют нам лихости.

Пока пьем чай и рассказываем туристам про предстоящую им долгую, с пятью перевалами, дорогу на Шавлинские озера, наш Барсук переживает настоящие собачьи страсти. Его гоняют местные собаки, решив, что чужой здесь Барсук незаконно вторгся на их территорию.

Барсук держится поближе к нам, а местные псы сторожат его на другой стороне дороги, где находятся коновязь с привязанными к ней конями и еще один жилой домик.

Стоянка в горах (рисунок Д. Запылихина, 2016 г.)

Местные собаки все до единой белой масти и немного меньше размером, чем наш лохматый Барсук с серыми пятнами на белой шерсти и с мохнатым хвостом в форме бублика. При этом своей мордой Барсук совершенно схож с ними, как, впрочем, похожи друг на друга все алтайские собаки. Я вообще одинаково называю их всех «барсуками», чтобы не запутаться. Все они безродные дворняжки, отдаленно напоминающие лаек. Их морды имеют неизменно лихой и наглый вид, манеры у них самые простые, нрав веселый и бесшабашный, аппетит отменный.

Барсук, впрочем, совсем не тушует перед лицом злобных ачикских псов и всем своим видом показывает, что эти четыре местные собаки ему нипочем. Он нарочно вертится перед ними и дразнит, перебегает дорогу то слева, то справа, намеренно заступая на чужую территорию и вызывая злобный лай и бросания местных остромордых и брехливых барбосов. Те заходятся визгливым лаем, припадают к земле, подпрыгивают в сторону Барсука, грозя его покусать. Барсук отбегает назад, но через минуту принимается снова выводить из себя аборигенов. Так, под непрерывный лай и визг мы напиваемся чаю и садимся на коней, чтобы ехать дальше. Барсук бежит рядом, очень довольный, что не дал местным собакам спуска. Его хозяин Артем тоже доволен и смотрит на Барсука одобрительно.

Наш скотопрогонный тракт уходит правее, а мы расстаемся с ним, чтобы пересечь долину Ачика в юго-западном направлении. Там вверх в гору уходит ущелье маленького ручья и вдоль него конная тропа и проселочная дорога. Мы начинаем взбираться на перевал между Ачиком и Шавлой. Другие конные дороги к Шавле с нагорья есть, но сильно выше и ниже по течению Шавлы от Ачика. Правый берег Шавлы, на котором мы находимся, очень высокий и скалистый. Троп, чтобы попасть на реку с верхнего нагорья, немного. Чтобы попасть с Ачика на Шавлу, нам нужно подняться на высокий перевал, а с него круто спуститься к реке. Начиная от Ачика, вдали от туристических троп, нас ждут совсем дикие места, таежные, охотничьи, труднодоступные.

Поднимаемся, не спеша, лесом до самой вершины перевала положим, затяжным и довольно скучным подъемом. Выехав за полтора часа наверх, обнаруживаем широкую спину

перевала, с редкими деревьями и кустами. В низкой, но густой траве много белых грибов, и мы прихватываем их на ужин. На краю поляны стоит уазик – это забрались наверх местные охотники. С перевала открылась на юге долгожданная Белуха, весь Катунский хребет и от нее левее и ближе к нам ледники над нижним Юнгуром, в сторону которого мы и направляемся. Сам этот перевал, как говорит Артем, называется Турат (по-алтайски – *конь-стоять*). Мы так и делаем, устроив короткий привал. Позади нас далеко внизу как на ладони видны все урочище Ачик, зеленые поля и крохотные домики.

С перевала Турат к Шавле мы проделываем головокружительный спуск лесом по руслу ручья, лес растет почти до самой реки. Перепад высот огромный – больше километра (высота перевала 2190 м, уреза воды реки – 1055 м). Спуск крутой, иногда – очень крутой. В таких местах мы спешиваемся и идем вниз, ведя коней в поводу. На всем спуске встречаются только две небольшие поляны, на одной из которых, верхней, стоит нежилая избушка. Мы много раз переходим ручей, по пути попадают каменистые участки, осыпи. В самом низу тропа выбегает на засушливый, залитый солнцем склон, выжженный солнцем и заросший полынью и колючками. Отсюда открывается прекрасный вид на Шавлу и на всю ее долину, вправо и влево.

Прямо под тропой на правом берегу расположена хорошая, обихоженная стоянка, с печкой, застекленными окнами, запасенными продуктами, посудой, большим запасом дров. Это жилище ачикцев. Совсем скоро, осенью, ачикцы перегонят сюда часть своего скота, который будет пастись здесь по берегам Шавлы всю долгую зиму под присмотром пастухов.

Шавла прекрасна. По ее берегам стоят высокие березы с белоснежными стволами и свежей, оливковых оттенков, листвой. Вода реки быстра и прозрачна, светлого зелено-голубого оттенка. Сама река, ее берега, лес по берегам – все дышит чистотой и свежестью. Установился жаркий летний день, ни ветерка, в воздухе летают шмели и бабочки, стрекочут кузнечики, воздух пахнет цветами и медом. Вокруг на километры нет ни души. Рай!

Однако нам надо на левый берег. Но как туда попасть? Река здесь в нижнем своем течении мощная, глубокая, полноводная. Раньше над скальным сужением, в котором с грохотом несется Шавла, висел узкий деревянный мостик, по которому перегоняли коз и овец на другой берег. Но мостик давно сгнил и провалился, даже следов не осталось.

– Есть здесь где-нибудь брод? – спрашиваю я Артема.

Он кивает головой утвердительно. Он выяснил подробности у земляков на Ачике, пока мы пили там чай.

Был здесь и старый брод, чуть выше по течению от моста. Но его тоже смыло паводком, вместе с целым островком посреди реки. Горные реки Алтая меняют свои русла едва ли не ежегодно. Наша затея опасна. Лето нынче дождливое, вода в алтайских реках высокая, быстрая и мощная. Всадника легко может унести вниз по течению, вместе с лошадью и вещами. А там уж как повезет. Но если мы не сможем перейти реку, наш план доехать до Юнгурского провала провалится. Надо идти.

Здесь Артем из Чибита предстает перед нами во всем своем профессионализме и спокойствии. Он в этих горах как дома и действует надежно и безошибочно. Наши лошади тоже отменно хороши. Они обучены и приучены к любым обстоятельствам, какие только могут встретиться в горах, в том числе и к бродам горных рек. Алтайские лошади не боятся воды, ее шума, течения, мощи, опасной глубины.

Артем едет вдоль берега несущейся мимо него полноводной и быстрой Шавлы и внимательно прощупывает глазами речное дно. Вода совершенно прозрачна, и галечное ложе реки хорошо просматривается до самого противоположного берега. Ачикцы сказали Артему, что где-то есть новый брод, примерно в полукилометре вверх от старого, смытого паводком. Здесь проводник его и высматривает. Он не знает, где именно на реке переправа, – он именно сейчас, не сходя с коня, ищет и определяет ее расположение. Наконец он увидел, где можно проехать, и принимает решение.

Артем решительно въезжает в воду, обрушиваясь в нее с берега и поднимая высокие брызги. Его молодой конь было заупрямился, но сильно получив веревкой по боку, отчаянно прыгнул в реку. Мы следуем за проводником как привязанные. Главное во время брода не отклоняться ни на шаг в сторону, идти строго след в след с впереди идущим. Артем берет немного наискосок, выше по течению. Мы погружаемся в воду по брюхо коней, вода сильно бьет им в ноги, пенится на боках, лошади ставят ноги шире, чтобы их не снесло и не сбило потоком. Каждый шаг дается лошадям с напряжением, им приходится преодолевать плотность и силу воды. Копыта скользят по донной гальке. Мы, вцепившись в седла, правим выше по течению вслед за Артемом. Река громко шумит. Мы продвигаемся к другому берегу медленно, но твердо. Перед самым противоположным берегом на пути у нас встречается глубокая яма, речная промоина, лошади погружаются в нее по середину боков. Но течение здесь уже не такое сильное, и через мгновение кони выносят нас на берег. Так мы один за другим благополучно перебреем Шавлу в ее нижнем течении.

Но где же наш лохматый Барсук? Барсука нигде не видно и не слышно.

Однако Артем совершенно не переживает по этому поводу. Мы проезжаем недалеко вниз левым берегом, и вскоре встаем лагерем на прекрасной поляне, прямо напротив пастушеской стоянки, которая видна на другом берегу. И тут внезапно появляется Барсук: он бодро выпрыгивает как будто из-под земли, и, разумеется, там, где свалены в кучу все наши продукты. Этот плут и на реке нашел место, где можно переплыть поудобнее!

С Шавлы на Бол-Ар-Оюл

Река Шавла – одно из самых труднодоступных мест Алтая, если не считать ее популярных верховий с озерами, облюбованных туристами и сравнительно близко расположенных к Чуйскому тракту. После слияния со знакомой нам речкой Кол (или Ештыколь) она поворачивает на запад и течет дальше в глубоком каньоне, окруженном почти отвесными склонами и горными стенами. Высота этих стен над берегами Шавлы – 1–2 км, бродов через Шавлу от Ештыкола до устья всего четыре, и все они весьма опасны. От поворота на запад до нашей стоянки на всей реке есть только одна охотничья избушка (на устье Каракола, по правому берегу). Только в двух местах, на нашей стоянке и семью километрами ниже, есть подходящие поляны и можно пасти скот. С северного нагорья на Шавлу спускаются всего пять троп. На юг же через Северо-Чуйский хребет проходит и вовсе только одна тропа, которая ведет на Нижний Юнгур. По этой единственной тропе мы и намереваемся проехать. Наша цель – река Юнгур, и нам остается сделать последний бросок к ней. Как говорит Артем, скорее всего, мы первая конная группа, которая решила туда отправиться этой дорогой. Здесь бывают иногда местные охотники и изредка проводят инспекционные поездки сотрудники заказника «Шавлинский». Вот и все. Места дикие, заповедные, безлюдные, очень далекие от населенных пунктов и автомобильных дорог.

Эта единственная тропа с Шавлы на Юнгур берет начало прямо напротив тропы и ручья, которыми мы спустились накануне с перевала Турат. От места нашего ночлега до устья Шавлы, где она впадает в Аргут, меньше полутора часов езды – километров десять. Тропа туда на карте показана нашим левым берегом. Но нам надо не на устье Шавлы, а на Юнгур. Поэтому мы поворачиваем на юг и начинаем подъем на самый западный отрог Чуйских Алып. Неделю назад мы начинали свой поход с изучения самых высоких вершин этого хребта, лежащих отсюда далеко на востоке.

Единственная конная дорога с Шавлы на Юнгур поднимается к перевалу узким ущельем небольшой речки Чарга-Узек (или Шарга-Озек). Сначала мы примерно час некруто едем вверх по речке лесом, полтора десятка раз переходя ее вброд с одного

берега на другой. Тропа хорошо видна, вдоль тропы мы прямо на ходу рвем сине-голубую жимолость и красную смородину, которыми заросло все ущелье.

Дальше характер тропы резко меняется. Речка уходит левее в совершенно непроходимый узкий скалистый каньон. Чтобы обойти его, тропинка берет правее скального провала и круто карабкается вверх земляным склоном. Мы спешиваемся и взлетаем на крутой склон впереди лошадей, едва ли не на коленях из-за страшной крутизны. Удивительно, но наши лошади справляются с этим, казалось, невозможным подъемом. Дальше оказываемся на узком карнизе над пропастью. Пройдя карниз, появляемся на крутом лесном склоне. Тропинка петляет круто наверх, мы то и дело попадаем на каменные осыпи и в заболоченный лес, где почти тонем в непролазной грязи. Так медленно карабкаемся по камням и заболоченному лесу, в основном пешком, ведя коней в поводу еще час. Через два часа от начала подъема лошади уже очень устали, и мы делаем полчасовой привал под огромным кедром, на крутом травянистом склоне уже на верхней границе леса, на высоте 2200 м.

Мы пьем чай из железных кружек и глядим наверх, пытаюсь увидеть вершину перевала, но до нее еще очень далеко. После привала продолжаем крутой подъем по травянистому косогору, оставив тайгу внизу. В одном месте горы из ее склона выступает большой рыжий скальный балкон, на котором мы делаем минутную остановку, чтобы оглядеться. Внизу от нас открывается красивый вид на долину Шавлы. От балкона, еще круче, продолжаем движение вверх и в конце концов выбираемся на седло перевала, где и делаем традиционную остановку.

Высота перевала Чарга Узек – 2420 м. Это означает, что за три часа тяжелого подъема мы поднялись на 1365 м или почти на полтора километра от стоянки на берегу Шавлы. На всем протяжении подъема нам встретились лишь два места, подходящих для стоянки: посреди пути на высоте 1700 м небольшая полянка со старой избушкой. И еще одна небольшая лесная полянка ближе к границе леса. Почти на всем своем протяжении подъем на перевал очень крутой.

Справа и слева от широкого седла перевала высятся вершины 2600–2800 м. На всем 100-километровом протяжении огромного Северо-Чуйского хребта перевал Чарга Узек – единственное место, где можно переехать хребет на лошадях.

С перевала открываются две горные панорамы – на север и на юг. На севере далеко внизу течет Шавла, от которой мы поднялись, видна даже наша поляна на берегу. Прямо напротив, на другом берегу реки, просматривается вершина перевала Турат, и весь наш вчерашний спуск с него – высокая горная стена, поросшая лесом. На юге отлично видны снега и ледники Катунского и Южно-Чуйского хребтов, которые стали теперь еще ближе к нам.

За перевалом открывается дикая, затерянная в западных отрогах Чуйских Альп, долина речки Бол-Ары-Юл и ее притоков. Бол-Ары-Юл впадает в Аргут справа, обрушиваясь в него с высоких скальных обрывов, совершенно непроходимых даже для пешего. Мы должны спуститься в среднее течение этой речки и встать на ночевку в ее верхнем течении.

Поначалу спуск с перевала идет хорошо видной тропой, по вершине широкой горной гривы, но затем тропа ныряет влево вниз и тут же теряется в сплошных зарослях карликовой березы. Мы смело поворачиваем туда коней и начинаем стремительный спуск по крутому, покрытому плотными кустами склону. Тропы здесь нет, да она и не нужна. Мы едем зигзагами, быстро сбрасывая высоту, пока не добиремся до границы леса, растущего берегами каменистой и безводной сейчас, в конце лета, речки. Дно и берега ее очень живописны. Речное русло выложено светлыми большими камнями, вода выточила в камнях ложбины, гладкие каналы и вогнутые, с мягкими линиями ванны. По левому берегу сухой речки высятся большие белые скалы из известняка. Некоторые из них выветрились и по форме напоминают башни средневековых крепостей. В толще известняка чернеют таинственные входы глубоких карстовых пещер. Жаль, что у нас нет времени их исследовать!

Мы спокойно спускаемся лесной тропинкой вдоль сухой каменистой речки и через полчаса выезжаем к месту ее впадения в основное русло Бол-Ары-Оюла. Долина становится болотистой, вправо уходит к Аргуту уже сплошное широкое болото. Чтобы объехать его, мы забираем левее и выше, на восток. Там осторожно объезжаем верхний край болота, перейдя речку вброд, и едем дальше очень внимательно, следя за каждым своим шагом – по дороге попадает множество глубоких ям и пустот: меж камнями, кустами и просто в болотине.

Наша цель – добраться до Юнгура, и мы приступаем к новому подъему на юг, на небольшой перевал между двумя рукавами Бол-Ары-Оюла. Этот перевал невысок, весь зарос густым лесом, его гребень лежит на высоте 2240 м. За перевалом мы круто спускаемся лесом и выезжаем в неширокую, круто скатывающуюся на запад долину речки Малый Ары-Юл и встаем там лагерем на берегу речки.

Здесь нас встречает хорошая, обихоженная стоянка. Из сырой земли торчат два деревянных столба, кто-то даже сколотил шаткий деревянный столик, от него поблизости – удобное костровище. В нем лежат горкой черные угли, еще не размытые дождями.

– Мы же сейчас в *Шавлинском государственном заказнике*. Здесь инспектора недавно были с объездом, – объясняет происхождение свежих углей Артем.

Наша группа проехала с утра 20 км по горам и теперь отдыхает. Виды со стоянки на Малом Ар-Оюле очень красивые. На юго-востоке возвышается пирамидальная, с красноватыми склонами и снежной макушкой вершина, высотой 3139 м. Эта огромная пирамида и есть

западное начало всего Северо-Чуйского хребта. Она доминирует над окружающей местностью. Слева от вершины виднеется красивое, правильной формы, красновато-желтое седло перевала.

– А куда ведет этот перевал? Ты сам бывал там? – спрашиваю я Артема.

– Да, бывали мы там с батей, много лет тому назад. Там можно перевалить даже на конях и попасть на верховья реки Сайлюгем, левого притока Шавлы, прямо напротив Ачика. Но дорога за перевалом дюже тяжелая!

Прямо перед нами на юге тянется высокая горная стена, с лесом внизу и голая каменистая наверху. Справа на этой стене возвышается круглый гольц – большая каменистая шишка с тибетейкой снега на самой макушке. Прямо за гольцом, где-то там глубоко внизу, и течет Юнгур – цель всего нашего многодневного похода.

Артем и Слава лежат спинами на склоне, вперившись глазами в бинокли и тщательно ощупывая склоны окрестных гор.

– Козероги! – восклицает радостно Артем.

– А вот и маралы! – добавляет Слава.

Мы вглядываемся в бинокли и действительно видим небольшую, голов в десять, группу козорогов – самцов, черно-палевых, – которая пасется на гольце справа, чуть ниже кромки снежной тибетейки. А левее шишки гольца, прямо на границе неба и горы, ходят три крупных быка марала. Вечереет, и Артем со Славой решают попытать счастья на охоте. Они садятся на коней, но едут не к увиденному нами стаду теков и не к маралам на гребне каменной стены, а налево, вверх по речке, к желто-красному седлу, в лес, что растет у его подножия. Барсук в этот раз увязывается за ними.

Через три часа, уже в темноте, они появляются из темного леса, голодные и уставшие, с пустыми руками, никого в этот раз не встретив и не подстрелив.

Река Юнгур с шавлинской стороны

В то, решающее для всего нашего путешествия утро мы встаем как можно раньше, ведь предстоит долгий день и длинная дорога. Часы едва показали шесть утра, солнце еще не вышло из-за горы, на траве по всей долине сверкает белый иней. Ночью опять был легкий мороз – мы ночевали на большой высоте, на 2110 м. После быстрого завтрака выезжаем налегке, взяв с собой только термосы с крепким чаем и легкий перекус. Все свои вещи и припасы оставляем в лагере на Малом Ары-Оюле.

Места вокруг дикие, безлюдные, первозданно красивые. Тропа едва намечена и то и дело скрывается в траве и в зарослях карликовой березы. Мы переезжаем долину поперек и принимаемся подниматься на горную стену, которая вчера стояла перед нами. Поднимаемся редким лесом наискосок склона в направлении круглого гольца, где вечером ходили козероги. Они и сейчас там же лениво бредут, опустив свои рогатые головы и щипая тощую травку. Их спины и бока ярко освещает утреннее солнце. Козероги нас долго не замечают, пока мы забираемся все выше, сначала по лесистому, а потом по тундряному и каменистому склону. Наконец мы привлекли их внимание. Все стадо встало, замерло, уставилось в нашу сторону. По всей вероятности, козероги сильно удивились, увидев на горном склоне нашу пеструю процессию. Они, тем не менее, остались совершенно спокойны. И не спеша, перехватывая на ходу траву, удалились за седло перевала на юго-запад, на скалистые склоны, висящие высоко над Юнгуром.

Через час после выхода из лагеря мы поднялись на вершину перевала Бол-Ары-Оюл, как раз слева от круглого заснеженного гольца. Высота перевала оказалась значительной – 2515 м над уровнем моря. Позади нас оставались долины обоих Ар-Оюлов и вчерашний перевал через гриву между ними, а впереди открывались снежные вершины вокруг перевала Ашра-Чибит на Южно-Чуйском хребте, а чуть правее от них – Катунский хребет и, во всей своей красе, величественная Белуха.

Ниже перед нами возникает большой безлесый горный цирк, весь густо поросший карликовой березой. Цирк этот круглый, огромная зеленая воронка с пологими стенками, которая начинается слева на востоке и опускается вниз в западном направлении, чтобы круто упасть прямо в Юнгур, для нас пока что невидимый. По дну цирка в кустах течет маленький ручей. Слева высоко над нами нависает все тот же пирамидальный трех-тысячник, который был нам виден вчера со стоянки. Над цирком кружатся сразу четыре пары огромных орлов. Это орланы-долго-хвосты, редчайшие птицы, жители далеких алтайских вершин. Порой они пролетают совсем близко над нашими головами, похоже, что им тоже, как и козерогам, любопытно на нас поглазеть. Люди бывают в этих краях нечасто. Большие темные тени огромных птиц проносятся по низким кустам карликовой березы. Вышло солнце, оно высушило кусты, из которых поднялись вдруг тучи злющих черных слепней, тут же облепивших нас и наших лошадей. Мы ускоряем шаг, чтобы поскорее проехать заросли березы и отвязаться от этих кусачих тварей. Из-под копыт коней то и дело выпархивают крупные горные куропатки с ярко-белыми по низу крыльями. Они, громко треща в полете, разлетаются в кустарник в разные стороны и подальше от нас.

Артем поворачивается ко мне и рассказывает:

– Тут столько маралов было раньше, представить даже страшно. В начале 90-х мы тут с мужиками как-то насчитали 108 здоровенных быков. Так и называли тогда эту долину – *Бычья*.

– И куда же они все подевались?

– Да выбили их всех – на рога да на мясо. Работы же не было никакой у мужиков, а семьи кормить как-то надо было.

За час мы обогнули весь огромный цирк дугой по левому склону, сначала спустившись на 300 м ниже, а потом точно так же поднявшись. На вершине подъема на другой стороне

воронки мы оказались на широкой горной гриве, которая поднималась полого вверх на юго-восток, огибая при этом пирамидальный трехтысячник с юго-запада. Грива вся заросла высокой луговой травой и ароматными цветами, нетронутыми зверем. Чуть выше и впереди у нас по ходу в сухой каменистой впадине горы громко свистнул сурок. Артем остановил нас, размотал свой потрепанный карабин, улегся за камень стрелять, пальнул два раза, но оба раза промахнулся. Жирный рыжий сурок юркнул в свою широкую нору и был таков. Мы проехали еще немного вверх и достигли своей долгожданной и выстраданной цели – вершины перевала, ведущего непосредственно к Юнгуру. Здесь спешили и огляделись, время на часах было ровно полдень. Высота перевала составляла солидные 2548 м, а вид вокруг нас был, без преувеличения, невероятным.

Вот что открылось нам с вершины высокого перевала над Юнгуrom. Стоял чистый и ясный солнечный день, дневное светило в зените слепило и грело окрестные горы. Оводы давно от нас отстали, ничего не тревожило ни нас, ни усталых коней. Вокруг были разлиты покой и блаженство. Лошади недолго пощипали травку и задремали, повернувшись к солнцу лоснящимися боками. На них сегодня были только легкие седла и попоны, они стояли и безмятежно отдыхали. Их обдувал легкий летний ветерок. Барсук деловито огляделся и улегся под разогретой солнцем скалой на мягкой траве, в укромном залитом солнцем уголке. Он немедленно уснул, выкатив на свет свое лохматое пузо и сопя от удовольствия.

Наши великолепные проводники Артем и Слава уюстились в скалах прямо над отвесной пропастью и прильнули к своим биноклям. Оба они были в зеленых ветровках и совершенно слились в них со скалами, сами превратившись в два больших гладких камня. Для них глубокая долина, представшая перед нами, все эти горные склоны, тайга, скалы, осыпи – открытая книга природы, которую они сейчас внимательно читают.

– Козероги! – говорит Артем и показывает рукой куда-то вниз.

– Где?

– Вон там, в скалах лежат, прячутся.

Однако, сколько мы ни разглядываем скалы прямо под нами, сколько ни ощупываем в бинокли синие расщелины в них, никаких козерогов мы не видим.

– Да где же они?

– Да во-о-он же. Пять штук. Двое стоят, трое лежат, – тянет Артем, показывая пальцем вниз. Он уже без бинокля, вышел из скал ближе к краю пропасти, но отлично видит козерогов и так. Мы силимся хоть что-то увидеть через современную оптику, но тщетно.

Мы выстроились на самом краю пропасти. Под нами на многие сотни метров вниз вертикально падают грозные гранитные скалы. На них есть выступы, полки, трещины, расселины. Ниже, ближе к реке, растут мощные кедры. Но где там попрятались козероги?

Наконец первым из нас их разглядел Сергей. И показывал нам, долго давая точные привязки и ориентиры по скалам и кустам. Теперь видим зверей и мы. В густой тени узких расщелин едва заметны коричневые спины животных, которые спят, пережидая долгий день, чтобы выйти пастись на травянистые крутые склоны на закате солнца. Одни из них на самом деле лежат, другие стоят. Но как это увидел Артем своим прищуренным взглядом, если мы и в мощные бинокли не можем этого толком разглядеть? Умение алтайцев *так* видеть зверя всякий раз остается для нас совершенно непостижимым.

– Здесь, на Юнгуре, зверя очень много. Маралы, козероги, козули, волки, медведи. Даже снежный барс есть! – рассказывает Артем.

Под нами огромное ущелье Юнгура. От нас до воды реки – больше километра вертикальной скалистой стены.

– Неужели здесь есть конная тропа вниз к реке? – изумляемся мы. Невозможно поверить, что тут можно спуститься на конях и тем более подняться.

– Представьте, есть! Раньше считалось, что проехать на Юнгур с Шавлы на конях вообще никак нельзя. А потом нашли эту вот дорогу. Охотились как-то раз наши мужики-чибитцы на козерогов и увидали в скалах звериные тропы. Потом развели их и нашли путь вниз. Но дорога очень тяжелая, страшно крутая. Отсюда до реки спуск два часа займет. Подъем – вообще три часа, не меньше. Там местами дорога по узкому скальному карнизу идет, где-то надо скалиться по куруму, по осыпи. Везде очень круто, пологих мест вообще нет. И подъем очень тяжелый! В дождь вообще нельзя подниматься – сорвешься, убьешься насмерть, опасно! – показывает, где проходит тропа, Артем.

Смотреть вниз на самом деле страшно. Весь правый берег Юнгура – отвесная километровая пропасть, за спиной у нас высоко в небе парит треугольная вершина трехтысячника. Прямо под нами, далеко внизу, на берегу реки видна ярко-зеленая большая поляна, на которой мы когда-то стояли, когда приехали на Юнгур с другой стороны, со стороны Аргута и Карагема.

– Залезал я как-то раз туда, наверх, – показывает на вершину трехтысячника Артем.

– Дану!

– Были мы раз с двумя немцами на Юнгуре, вон на той самой поляне, – указывает на зеленую приречную поляну внизу проводник. – И вдруг приспичило, ни с того ни с сего, этим моим немцам на вершину горы подняться. И это с самого-то низу! Я, конечно, не хотел так упираться и помирать, но делать было нечего – собрались и полезли. Уж и натерпелся я страсть как в тот день. Чуть не помер тогда от усталости. Короче, вышли мы снизу рано утром и полезли вверх по тропе. Немец не особо накачанный был, но упорный. Лез и лез в гору, зараза этакий. Второй-то в лагере остался – не дурак, знать. Поднимались мы медленно, отдыхали, конечно, часто. За четыре часа поднялись сюда, на перевал. Потом примерно вот тут вот по косоветру полезли дальше. Карабкались еще два часа по камням и скалам и вышли, представьте, на самую вершину.

– Так это что, выходит, что вы за шесть часов почти на два километра поднялись? – изумляемся мы.

– Выходит, что так! – смеется довольный Артем.

– Ну и что там, на вершине-то?

– Да что там может быть-то? Камни, снег да ветер! – смеясь, машет рукой Артем.

Внизу, в километре ниже нас, течет красавец Юнгур. Его русло извилисто, разбивается на протоки, образующие маленькие вытянутые островки. Вода реки светло-зеленая, быстрая, пенится у камней и на перекатах, отмели белоснежные, галечные и песчаные. Уклон долины везде значительный, поэтому течение реки быстрое и мощное. По берегам Юнгура растет лес, смешанный, хвойный и лиственный. С нашей северной стороны горы падают к реке почти отвесными километровыми пропастями. Южный берег тоже очень крутой, но не настолько, как наш, он на сотни метров вверх порос густой темной тайгой. Выше тайги лежит пояс альпийских лугов, еще выше – высокогорная тундра, над тундрой – каменистые россыпи. А еще выше лежат и сверкают на солнце снега. Ледники за Юнгуром, на юге, видны и справа, и слева. Снежные вершины, что высятся прямо перед нашими глазами над левым берегом Юнгура, достигают трех с половиной километров. Между ними, прямо напротив нас, уходит на юго-восток дикое ущелье речки Чибит, левого притока Юнгура. Когда-то мы проехали его весь с юга на север к Юнгuru от перевала Ашра-Чибит, виднеющегося сейчас далеко на юге. Об этом опасном приключении я расскажу позже.

Пирамидальный трехтысячник за нашей спиной – западная оконечность Северо-Чуйского хребта, но и ледники, что напротив за рекой, тоже западный край того же самого хребта. Дело в том, что Чуйские Альпы раздваиваются на два хребта как раз там, где берет начало Юнгур, прямо над Шавлинскими озерами, в ледниках к западу от них. После чего хребет тянется двумя длинными крыльями на запад, по полсотне километров каждое крыло. Между двумя этими скалисто-снежными стенами с цирками и обрывами и бежит в глубоком ущелье

Юнгур. В этом объяснение его недоступности. С востока, юга и с севера оба крыла Чуйских Алып совершенно неприступны для конных путешественников. В самом устье, т. е. с запада от Аргута, Юнгур представляет из себя неприступный скальный каньон с высокими отвесными бортами. Сам Аргут не назовешь легкодоступным местом.

В результате всего этого на лошадях на Юнгур можно попасть всего тремя тропами. На одной из них мы сейчас находимся. Она идет от урочища Ачик через перевал Турат на Шавлу, дальше на перевал Чарга-Узек, потом на Ары-Оюлы, с них – на перевал Ары-Оюл и с него круто вниз на правый берег Юнгурса. Вторая тропа, которую мы тоже проехали несколькими годами ранее, поднимается от низовий Карагема на перевал Аш-ра-Чибит, дальше вниз по реке Чибит, к левому берегу Юнгурса. И третья конная дорога, на которой мы еще не были, проложена с запада, от Аргута со стороны урочища Ело и ущелья реки Коир. Но эта тропа доступна только зимой, когда сильно падает уровень воды в Аргуте и снижается настолько, что его возможно бывает перебраться или пройти по льду. Вот и все. Других конных дорог на Юнгур нет. Выходит, что две из них мы уже проехали и изучили.

Мы разглядываем текущий внизу на дне пропасти Юнгур. У реки зеленеют поляны и блестят белые отмели. По обоим берегам реки – девственная дикая тайга. Юнгур по-алтайски значит *голосистый*. Веселый шум реки достает даже до нас, стоящих высоко над ней. Сверкают по верхам долины снега и ледники. Ущелье Юнгурса уходит на запад и на восток, вдали на востоке голубеют снежные вершины Шавлы. Мы смотрим вниз и видим, как величественна и прекрасна открывающаяся нам панорама.

Если смотреть с востока на юг и потом на запад, по ходу солнца, то с надюнгурской пропасти можно увидеть очень многое. Слева, вдалеке на востоке, хорошо видны оба Юнгурса, оба ущелья и обе реки, сбегаящие с шавлинских снежных вершин, – ущелье Правого Юнгурса и ущелье Левого Юнгурса. Видно, как внизу они соединяются в одну сильную реку. Дальше, правее, громоздятся огромные горы над правым берегом реки Чибит, с лесами и скалами, со снегами и ледниками на вершине. Потом, строго на юг от нас, уходят вверх речка Чибит и ее грозное ущелье, упираясь вдалеке в стену высокого снежного хребта. Справа от Чибита возносится к небу еще одна огромная гора с ледниками наверху. Посреди этой горы, в густом лесу, змеится вниз к Юнгурсу глухой лог Сарыбель. По нему есть конная тропа, та самая, что приходит сюда от Аргута. Артем утверждает даже, что увидел кусочек этой тропы в бинокль и на ней разглядел свежий конский след. Кто бы это мог быть? Артем только пожимает плечами. Места глухие – кто его знает, кого и зачем принесло на Сарыбель?

Правее лога Сарыбель, на юго-западе от нас, из горы выступает горизонтальная, покрытая травой степная полка Сарыбель (*желтая спина* по-алтайски). Она и вправду желтая от выгоревшей на солнце травы. Желтая широкая полка ярко светится в окружении темно-зеленой тайги на фоне синих гор, далеко выступая прямо над правым берегом Аргута. Справа и ниже полки Сарыбель на западе виден глубокий скальный каньон Юнгурса, где-то там он и впадает в бурный многоводный Аргут.

Если поднять взгляд вверх от устьевое ущелья Юнгурса, то вдалеке будет отлично видна огромная Белуха со стороны реки Иедыгем и ледника Менсу и по сторонам от нее большая часть Катунского хребта. Отсюда, с Юнгурса, мы смотрим на Белуху с северо-востока. До ее вершин по прямой чуть больше 30 км. Виден острый пик Делоне, и над ним – куполовидная восточная вершина Белухи, которая полностью закрывает от нас ее западную, треугольную вершину, как и широкое седло между ними. Если заночевать на нашем перевале над Юнгурсом и вовремя проснуться, как можно раньше утром, то можно увидеть, как самые первые лучи солнца внезапно осветят острые вершины Белухи, которые тут же вспыхнут розовым сиянием над синими, еще покрытыми туманами и глубоко спящими далеко внизу горами, как Белуха проснется и поднимется самой первой во всех Алтайских горах. Как она поднимется и при-

мется хлопотать, будто рачительная и заботливая хозяйка. Как розово-красный свет будет двигаться по ее снегам все ниже, медленно раскрывая взору низлежащие горы во всей их утренней красе, умытой ночными росами. Как понемногу разгорится и засверкает сама Белуха, переходя от ярко-оранжевого, от приглушенного красного, от слабого розового к ослепительно-белому свечению летнего дня. А вечером на закате, когда Алтайские горы будут погружаться в синеву и сон, засыпая снизу вверх, от рек – к перевалам и вершинам, Белуха будет до последней минуты удерживать свой горящий дозор, сверкая золотым и алым пламенем, пока наконец и она не погаснет тревожной красной звездой на самом кончике самых верхних снегов. Она потухнет тогда, когда все вокруг, все эти долины, хребты и вершины, леса и озера, урочища и болота давно уже залягут в глубокий котел густых синих сумерек. Но и после этого заботливая хозяйка-Белуха будет спать чутко, нервно, тревожно, вслушиваясь в короткую летнюю ночь, в легкое движение облаков на ее груди, в нечаянный звук скатившегося по ее склону камня, в звонкие скрипы ее живых ледников, в журчание под тяжелыми перинами льдов невидимых ручьев, в глухой крик ночной птицы из спящего темного леса, что теснится буреломами у ее подножия. Ночью зависнет в черном небе прямо над ней яркая золотая звезда, а ярко-белый молодой месяц посеребрит ее вечно седую мудрую голову и мягко обдует ее светлым голубым сиянием.

Ниже вершин Белухи нам хорошо виден ледник Менсу, из которого вытекает река Иедыгем, левый приток Аргута. Еще ближе прямо перед нами, в десятке километров по прямой, отлично просматривается перевал Бартулдак над левым берегом Аргута, с треугольным геодезическим знаком на вершине (2442 м). Этот перевал – древняя конная дорога, ведущая из Уймонской долины в долину Аргута и дальше, в Чуйскую степь и Монголию. Этот перевал мы тоже когда-то проезжали на конях, о чем я расскажу в другом месте подробнее.

Чуть правее перевала Бартулдак нам хорошо видно глубокое и дикое ущелье реки Коир (или Кара-Айры – *черная седловина*). Там уймоно-аргутская тропа сначала спускается к реке на целый километр, а затем так же круто поднимается на километр вверх.

Правее ущелья Коира виднеются небольшое высокогорное плато и горный цирк Ело, откуда сбегает в Аргут, слева же, одноименная речка Ело.

Пробыв два прекрасных часа на вершине перевала над Юнгуrom, мы пускаемся в обратный путь. Увы, в этот раз нам не хватает ровно двух дней похода, чтобы успеть спуститься к Юнгуру и провести там хотя бы одну ночь и один день, чтобы успеть дополнительно обследовать эту затерянную далеко в горах дикую реку. Приходится довольствоваться изучением конной дороги от Ачика к Юнгуру и обратно. Через полтора часа быстрого легкого хода мы уже прибываем в гостеприимный лагерь на Малом Ар-Оюле. Наши кони довольны: дорога сегодня была недлинной (всего 17 км, если считать туда и обратно) и к тому же налегке. Имена наших трудолюбивых и смелых коней, данные им чибитскими хозяевами, – *Чих-Пых* (за медлительность и сонливость), *Батыр* (за молодость и силу), *Гера* (не знаю почему), *Ирбис* (за ловкость и грациозную красоту), еще один *Чих-Пых* (который маленький, но тоже сонный), *Леха* (просто потому что Леха), *Танцор* (за нелепую привычку пританцовывать задними ногами на остановках) и *Алмаз* (за похвальную крепость и стойкость).

Храбрый Барсук

Теперь, когда мы проделали большой и разнообразный путь по нагорьям и речным долинам от Мажоя до низовий Юнгура, проехав почти весь Северо-Чуйский хребет, нам пора возвращаться домой. Запасы продуктов подходят к концу, сумины наполовину пусты, мы едем налегке. Наши лошади очень устали, их спины и ноги стерты и сбиты. На другой день после выхода к Юнгуру мы за четыре с половиной часа совершаем обратный переход от Малого Ар-Оюла на стоянку на берегу Шавлы.

Сначала за двадцать минут круто поднимаемся лесом на перевал между двумя Ары-Оюлами, потом через час и сорок минут выезжаем на вершину высокого перевала Чарга-Узек. Здесь все как прежде. Вокруг никого и тишина. Ветер гонит быстрые облака совсем близко от нас, прямо над головами, а далеко внизу блестит быстрая Шавла.

Короткая остановка, и мы начинаем спуск к реке. Артем едет впереди. Когда проводник выезжает на скалистый выступ, выходящий из крутого травянистого склона, он делает нам знак. Мы замедляемся и едем в полной тишине. Спустя несколько мгновений становится ясно, в чем причина остановки: ниже по склону пасутся дикие маралы. Это два быка в рыжем летнем окрасе, с небольшими рогами. Они мирно пасутся выше границы леса на крутом открытом травянистом косогоре. От нас до них полкилометра вниз. Маралы заметили нас и лениво побежали, чтобы скрыться в лесу.

Через три часа спуска хорошо известной нам тропой мы уже на берегу Шавлы на нашей прекрасной стоянке. Несколько минут и среди березового леса уже весело горит костер, на покрытой цветами поляне блестят на солнце палатки. Наступает время купаться, загорать, отдыхать и есть спелую полевую клубнику, растущую здесь в изобилии. Стоянка близ устья Чарга-Узе-ка очень удобная и красивая. Подход к реке простой, вдоль реки растут тенистые березы, под которыми устроено удобное костровище. Чуть выше раскинулась широкая ровная поляна, удобная и для лагеря, и для пастбы лошадей. Вокруг поляны растет лес, горы и деревья защищают стоянку от ветров. Высота здесь небольшая, чуть выше километра, поэтому днем жарко, а ночи летом очень теплые. От стоянки на Малом Ар-Оюле до стоянки на берегу Шавлы примерно 20 км пути и два перевала.

Назавтра мы выезжаем в сторону урочища Ачик. Шавлу переходим тем же бродом, который находится в полукилометре ниже по течению. На этот раз Барсук увязывается за нами. Он и вправду похож чем-то на барсука. Такой же лохматый, крепко сбитый, коротконогий, с черно-сероватой, длинной и густой шерстью, с хитрой и любопытной мордой со смышленными черными глазками. Как и настоящие таежные барсуки, наш Барсук любит целыми днями рыскать по лесу, вынюхивать и принюхиваться, выискивать чем бы полакомиться, то и дело пропадавая в кустах и в высокой траве.

Как только Артем выехал первым на левый берег Шавлы к началу глубокого и широкого брода, Барсук забеспокоился. Он выскочил на небольшую кочку, торчащую над водой, и завертел головой. «Неужели вы туда ползете, в эту чертову реку?» – читалось в его озабоченных глазах.

Артем, не обращая на Барсука ни малейшего внимания, бухнулся разом в глубокую яму у самого берега. На морду Барсука полетел водопад холодных брызг. Артем двинулся вперед, разрезая боками коня быструю холодную воду.

В этот момент Барсук занервничал сильнее прежнего. Он еще быстрее закрутил головой и завертелся на мокрой кочке, оборачиваясь то к нам, то к удаляющемуся по реке хозяину. «Может, хоть вам хватит ума туда не соваться?» – умолял его взгляд. Морда Барсука приобрела жалостливое выражение.

Увы! Мы один за другим неумолимо, с шумом и брызгами, заезжаем в реку вслед за Артемом. И, тяжело переступая по дну, кренясь вправо от напора воды, продвигаемся поперек глубокого течения.

Теперь Барсук слегка запаниковал. Как только последний из нас очутился в реке, пес сорвался с кочки и забегал туда-сюда по берегу, подскакивая и нервно дергая пушистым хвостом. Теперь он не только скакал и крутился по берегу, но и слегка подвывал, давая нам понять, до какой степени мы неправы. «Эй! Вы чего – меня бросаете тут? Одного?!» – вот что выражал своими дикими прыжками и подвываниями Барсук.

Скоро его самые худшие опасения сбываются. Вся наша кавалькада благополучно выбирается на правый берег и встает в лесу, чтобы просохнуть и поправить упряжь. Барсук видит нас, полускрытых за деревьями, и носится по своему берегу, прыгая еще выше, чем прежде. Теперь он не только подывает, но еще и громко лает, явно стараясь перекрыть шум реки, чтобы мы его наверняка расслышали. В его песней душе все еще живет надежда, что мы переправились на другой берег просто так, для забавы или же от явного недомыслия, и сейчас перебредем обратно к нему, к Барсуку.

Однако и еще раз – увы! – Артем, посмеиваясь над страданиями наивного Барсука, садится в седло и трогается вперед, забирая вверх правым берегом по узкой лесной тропе. За ним колонной выступаем и мы.

Барсук потрясен коварством как своего хозяина, так и нас, его бездушных сообщников и подельников. Он замирает на кочке над водой и недоуменно вперивается взглядом нам в спины. «Да неужели?!» – вопрошает он весь, от носа до кончика хвоста.

Увы, мы скрываемся в лесу окончательно. И слышим позади отчаянный и громкий лай брошенного нами на другом берегу Барсука.

Бедному псу ничего не остается, как лезть в воду. Он делает еще несколько отчаянных скачков, еще несколько раз взвизгивает и решается. С жалобным писком Барсук погружается в холодную прозрачную воду и принимается изо всех сил гребти всеми четырьмя лапами. Над рекой торчит только собачья голова, задранная вверх, с выпученными от страха и усердия глазами. Барсук плывет по реке, а река быстро сносит его по течению. Там, где Шавла ниже брода расходится на два рукава, Барсука выносит на поросший кустами длинный и узкий островок. Там пес выбирается на берег, отряхивается и пробует еще раз призвать нас на помощь громким лаем и визгом. Все тщетно. Тогда он бросается в правый рукав Шавлы и переплывает его. Река сносит его еще на сотню метров вниз. Барсук выскакивает на правый берег и скоро догоняет нас.

Артем едет, покуривает и посмеивается над Барсуком. А Барсук еще долго переживает, дуется на хозяина и на всех нас.

Он отбегает от нас подальше в лес, уносится вперед или тащится далеко позади, показывая, как сильно подорвано его доверие к нам.

За бродом, миновав зимнюю стоянку, мы приступаем к крутому подъему на перевал Турат. И через полтора часа тяжелого подъема выезжаем на его вершину. Там делаем получасовой привал и еще спустя час спускаемся к гостеприимному хутору в урочище Ачик. На перевале мы прощаемся с Чуйскими Альпами, которые остаются у нас за спиной. Внизу в долине день стоит в зените, мы быстро ставим лагерь, размещая палатки меж хозяйственных построек, и затапливаем баню. Только нашему Барсуку и здесь нет покоя. Возвращение Барсука в Ачик обрадовало и вдохновило всех его старых врагов.

По приезде мы спешиваемся у п-образной коновязи у дороги и снимаем с коней сумины и седла. Влажные разноцветные попоны вывешиваются на коновязи сушиться на жарком солнце. Слава уводит коней и пускает их пастись по зеленой долине. Барсук ложится под попонами, чтобы отдохнуть и подремать на солнце, но тут его настигают и окружают многочисленные

недруги. Это все те же зловредные местные собаки, что набрасывались на Барсука в прошлый раз.

Все дни, пока мы ездили на Юнгур, они копили злобу на Барсука и поджидали его возвращения. И вот теперь пробил их час.

Они – это четыре неказистые псины, белые и коротконогие, похожие одна на другую, как карандаши. Каждая из них в отдельности мельче Барсука, но вместе они образуют злобный квартет, который обступает нашего пса со всех сторон и залиvisto его облаивает. При этом морды у всех пятерых, включая самого Барсука, совершенно одинаковы. Не удивлюсь, если все они близкие родственники.

Барсук, понятное дело, просыпается, вскакивает на лапы и активно крутится и отбрехируется от врагов. Больше того, он смело подбегает по очереди к своим противникам и пробует их пугать, громко лая и щелкая зубами. Однако кончается это для него плохо. Злобные белые твари набрасываются на него все одновременно, кусая в разные места. Образуется куча из дерущихся собак. Барсук отбивается и кусается, но ему достается много больше.

– Может, отогнать их? – спрашиваем мы Артема.

– Да не-е-е! – равнодушно отмахивается Артем.

Бой заканчивается тем, что Барсук отступает к коновязи под попоны, а местные псины оставляют его в покое. Как видно, по их понятиям, если попоны висят чужие и пахнут они чужими конями, то и место это чужое. Законное место Барсука. Дальше Барсук лежит весь день под попонами. На его лохматых боках местами запеклась кровь. В наших глазах Барсук настоящий герой – не побоялся один драться с четырьмя! Временами Барсук оставляет попоны и быстро перебегает к нам во двор, где стоят палатки. В такие моменты местные собаки, зорко наблюдающие за Барсуком, остервенело бросаются за ним в погоню, но всякий раз не успевают и упускают его. Они боятся подойти к нам поближе и только злобно облаивают Барсука, довольно сидящего у наших ног. Через какое-то время Барсук перебегает к коновязи, потом обратно, и так повторяется весь день. Видно, что Барсуку просто нравится дразнить и доводить до иступления этих злобных аборигенов.

Между тем жизнь на хуторе идет своим обычным чередом. Яркое светит солнце, у хозяйского дома маленькая девочка в ситцевом платочке сидит на корточках и моет в ведре с родниковой водой стеклянные трехлитровые банки. Во дворе бегают и борются на траве двое мальчишек – братьев девочки. В доме хозяйка печет на большой сковороде в русской каменной печке большие ароматные пресные лепешки, одну за другой. Мы сидим на улице за широким столом под деревянным навесом и с удовольствием едим эти горячие румяные лепешки, принесенные с пылу с жару. С лепешек на стол капает масло, мы запиваем их холодным свежим молоком. Вокруг беседки крутится маленький гнедой жеребенок и выпрашивает у нас молочка. У него большая голова с огромными глазами на маленьком худом тельце, еще у него тонкие, торчащие немного в разные стороны ножки, с крохотными острыми копытцами.

– Его мама весной бросила, – рассказывает хозяйка.

– Как это? – поражаемся мы.

– Да не знаю, редко, но бывает и так. Корма мало нынче было в горах, может поэтому. Родила и сразу бросила. Теперь он с папой ходит, а мы его выкармливаем сами.

Действительно, выше по склону пасется папа малыша, крупный гнедой конь. Жеребенок бегает туда-сюда – от нас к папаше и обратно, вертя тонким хвостиком и щипая травку.

Жеребенок переступает копытцами, понемногу поворачиваясь ко мне задом.

– Осторожно! Сейчас лягнет! – смеется хозяйка.

– Очень любит лягаться. И больно так! – добавляет девочка, оторвавшись от своих банок.

– Бы тут круглый год живете? – интересуемся мы у хозяйки.

– Да, круглый год. Летом дети здесь, а осенью увозим их в Чибит, в школу. Зимой я с детьми в Чибите, а хозяин здесь – за скотом смотрит.

– И соседи так же?

– Да, и соседи.

На следующий день хозяин дома Володя берется отвезти нас на Чуйский тракт. Дорога туда с Ачика на карте не обозначена, но на самом деле она есть, была проложена еще в советское время, когда на Ачике стоял колхозный скот. Мы грузимся на Володин фермерский УАЗ с пятиместной кабиной и тентованным кузовом. Сам Володя, Лена, Алексей, Сергей и Оксана забираются в кабину. Мы со вторым Сергеем лезем в кузов и устраиваемся там поудобнее – расстилаем на железном полу коврики, кладем под спину мягкие спальные мешки в круглых мешках. Сзади кузов открыт и нам хорошо видна дорога.

Артем и Слава остаются на пару дней на Ачике, и мы с ними прощаемся. Ехать нам километров двадцать: сначала лесом в гору, на небольшой пологий перевал, потом вниз речной долиной к Чуе. Там мы переедем через Чую по деревянному мосту и завершим путь в деревушке Белый Бом, у известного придорожного кафе Ак-Боом с маленьким фонтаном и деревянным оленем у входа.

Храбрый Барсук (Д. Запылихин, 2016 г.)

Когда мы трогаемся в путь и пылим сначала краем долины Ачика, направляясь на север к лесному перевалу, Барсук выскакивает из-под своих попон и принимается бежать за нами. Белые ачикские собаки неодобрительно глядят ему вслед, но с места не трогаются.

Мы с Сергеем решаем, что Барсук решил пробежаться за нами по долине, чтобы после вернуться к Артему. Но Барсук продолжает бежать и бежать.

По долине узик едет довольно быстро, поднимая легкую пыль, и Барсуку приходится постараться, чтобы не отстать от нас. Он бежит очень рационально, быстрым ритмичным галопом, не по дороге, а немного правее по траве, где нет камней и глубоких ям. Его большой розовый язык высунут из полуоткрытой пасти вбок и болтается в такт бегу.

Через два километра мы с Сергеем решаем, что Барсук, по всей видимости, ошибочно решил, что его хозяин Артем едет с нами, вот и увязался за машиной. Мы колотим в крышу кабины, и узик останавливается у самого северного края долины Ачика. Отсюда вся долина видна как на ладони, виден и хутор, на котором остались Артем и Слава.

Володя вылезает из кабины и подходит к нам:

– Что случилось?

– Да вон – Барсук за нами бежит! Думает, наверно, что Артем с нами едет!

– Да не-е-е! – Володя машет рукой и садится обратно в кабину.

Уазик трогается и начинает медленно забираться на перевал. Нас обступает лес. Барсук продолжает бежать за нами. Мы ничего не понимаем. Как Барсук мог убежать от хозяина?

Дорога поднимается вверх узкой лесной просекой, ближе к перевалу подъем становится круче. Двигатель машины ревет, скорость падает до минимума. Барсук не отстает от нас ни на метр. Он словно привязан к нам невидимой нитью. Удивительно, но и вверх он бежит так же быстро и неутомимо, как и вначале, теми же ритмичными прыжками. Как будто нет никакого подъема вовсе. Собака только сильнее и чаще дышит и еще дальше высунула свой длинный розовый язык.

Мы проезжаем вершину перевала и начинаем катиться вниз. Теперь мы едем быстрее и Барсук понемногу начинает отставать. Он старается изо всех сил, бежит все стремительнее, учащает свои прыжки, но дистанция между нами растет. На некоторых поворотах мы теряем Барсука из вида, потом видим его вновь, ритмично бегущего по краю дороги. Так продолжается полтора часа, целых полтора часа изматывающей погони собаки за машиной. Где-то дорога становится хуже и мы тормозим перед ямами и каменистыми поворотами. Здесь Барсук настигает нас. В хороших местах дороги мы разгоняемся и он далеко отстает.

Так вместе мы добираемся до моста через Чую и выезжаем на гладкий асфальт Чуйского тракта. Впервые за много дней мимо нас летят машины, вокруг нас шум, люди, цивилизация. До Белого Боба от моста еще пара километров по асфальту тракта, вверх правым берегом реки. Барсук бежит вдоль обочины аккуратно, чтобы не попасть под колеса пролетающих мимо авто.

Когда мы тормозим у кафе и начинаем выгружать свои вещи, Барсук буквально падает от изнеможения в тень у забора.

Пес Барсук (фото В. Рыжкова, 2013 г.)

Он еще долго не может прийти в себя, глубоко и часто дышит и никак не может отдышаться. Язык собаки свесился вбок, пасть широко открыта, лохматые бока часто поднимаются и опускаются, хвост упал в пыль. Шутка ли, почти два часа по жаре, больше 20 км он несся по дороге за машиной, да еще и перебежал хоть и не очень высокий, но все же перевал! Барсук ужасно устал и теперь приходит в себя.

Но зачем он вообще убежал с нами?

У кафе тормозит КамАЗ с открытым сзади кузовом-фургоном. Из грузовика приносят наши чистые вещи, которые мы много дней назад оставили у Юры в Курае. Водитель КамАЗа и

Володя стоят у грузовика, курят и о чем-то негромко разговаривают. Володе пора возвращаться обратно в Ачик, а КамАЗ тотчас уедет в Чибит.

– А чего Барсук-то убежал от Артема? – спрашиваю я напоследок Володю.

– Да надоело ему в горах. По дому соскучился. По хозяйкиным харчам! – улыбается Володя.

Отдышавшись под забором, Барсук вскакивает и бежит к КамАЗу. Он ловко запрыгивает в кузов, задний борт которого сейчас откинут вниз. Водитель закрывает борт, поднимается в кабину, и машина трогается в сторону Чибита. Последнее, что мы успеваем заметить, – это довольная хитрая морда Барсука, который удобно устроился у дальней стенки фургона на мягких теплых тряпках и катит теперь с комфортом по Чуйскому тракту домой, в родной Чибит.

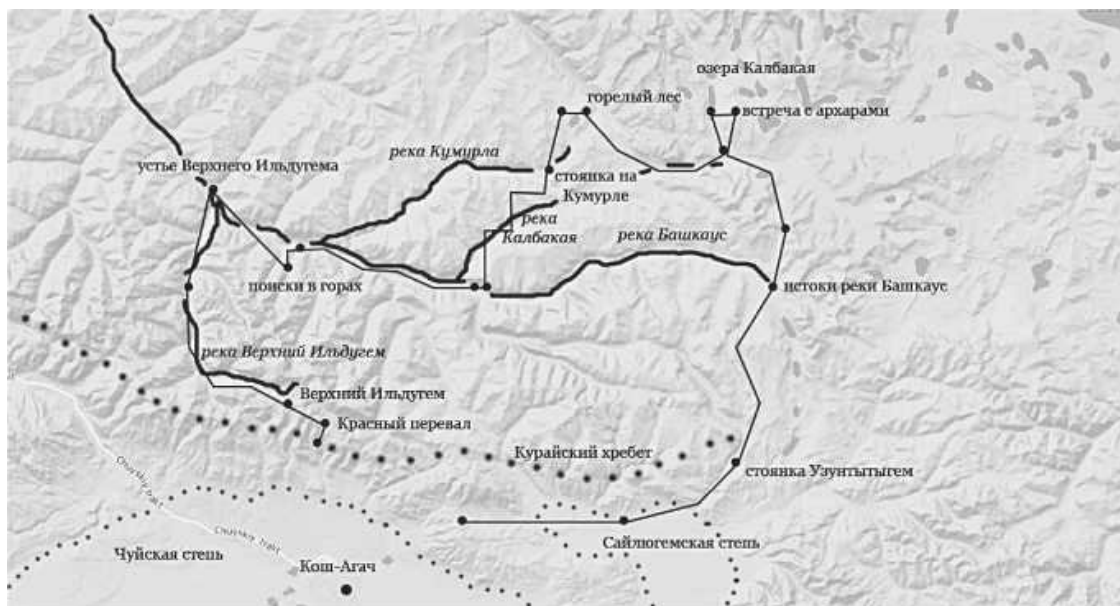
По Курдйскому хребту и в верховьях Башкауса

(Кош-Агач, Курайский хребет, Красный перевал, река Верхний Ильдугем, верховья Башкауса, реки Кумурла и Калбакая, озера Калбакая, архары, Сайлюгемская степь)

Цанатов топор

Поздние летние сумерки в горах. Сыро и прохладно. Шумит по разноцветным камням быстрая прозрачная речка. Вокруг тропы густые и высокие, по пояс, мокрые и холодные кусты курильского чая, с маленькими желтыми цветочками. Идешь по ним к реке с закопченным котелком, а вода заливается сверху в сапоги с мокрых листьев и веток. Мы только что спешились и теперь торопимся разбить лагерь, развести костер, приготовить чай и пищу, просушиться.

Я быстро ставлю палатку, приминая прорезиненным днищем высокую мокрую траву. Позади долгий, на весь день, конный переход. Вышли утром с озер Калбакая, приехали к месту ночлега только в сумерках. Позади почти полсотни километров – долгий и быстрый переход. Два перевала выше 2500, пара коротких привалов, полдня под ледяным дождем. Теперь мы хлопочем по хозяйству на небольшой чистой речке Узунтытыгем, левом притоке реки Кокоря. Это в южных отрогах восточной части Курайского хребта, над степью Кокоря, восточной частью огромной Чуйской степи.

Путешествие по Курайскому хребту и верховьям Башкауса

Поляна на этот раз небольшая, круглая, со всех сторон окруженная скалами. Высота почти 2100 м, поэтому холодно. Но зато под защитой скал нет ветра. А главное, здесь есть дрова. На левом берегу Узунтутугема гора круто уходит вверх, вся она покрыта густой лиственничной тайгой. По-алтайски узунтытыгем – *длинная лиственница*. Деревья и правда высокие.

Посреди нашей поляны лежит покрытый мокрой темной корой огромный ствол давно упавшей лиственницы. Наш проводник из Саратана Цанат принимается отрубать от него щепу для костра. Под мокрой корой древесина лиственницы сухая, звонкая. Щепка легко отделяется от ствола и быстро разгорается жарким огнем. Сооружаем сразу большой костер, обступаем его кругом и сушимся: за день все насквозь промокло – одежда, обувь, вещи. Огонь согревает нас, от вещей идет густой пар, в котелке закипает вода для чая.

Цанат – крепкий среднего роста сорокалетний мужчина из деревни Саратов, расположенной на среднем Башкаусе, в густой тайге. Он неразговорчив и доброжелателен, часто заразительно смеется. На его голове серая городская шляпа, которая делает из него настоящего

ковбоя. Шляпа очень идет ему. Внешне он совсем не похож на алтайца, скорее на индейца или тибетца. Цанат любопытен как ребенок, ему все интересно.

– А ты был в Сахаре? – спрашивает он меня.

– Нет, не был, а что? – удивляюсь я вопросу.

– Интересно, как там люди живут. В пустыне-то, без леса!

И я рассказываю, что знаю, про бедуинов и их просторные шатры, про верблюдов и про колодцы посреди пустыни, окруженные финиковыми пальмами.

Цанат из Саратана (фото В. Рыжкова, 2014 г.)

Вдруг у Цаната ломается топорище топора, нашего единственного топора. Он не деревенский, самодельный, а фабричный, покрашенный в красный цвет, топорище у него тонкое и хлипкое. Цанат нисколько не расстраивается и даже не выругивается. Он молча садится у костра, берет нож и начинает ковырять раскошенную верхушку топорища, застрявшую в дырке топора. Дерево плотно засело в металл, сырое и плотное, оно совсем не поддается Цанатову ножу. Вот Цанат с трудом вытащил железный клин, что вбит в верхушку топорища, он пытается выбить деревяшку из топора камнем и ножом, выбить и сверху, и снизу. Цанат пытается вырезать древесину ножом, отковыривая мокрую белую стружку, но дело идет слишком медленно. Темнота сгущается, становится холоднее.

Тогда Цанат меняет решение и просто бросает топор с застрявшей деревяшкой в самое сердце костра, туда, где пылают жаром оранжевые угли. Скоро топор нагревается докрасна, а деревяшка внутри горит, выдавая в обе стороны железного отверстия столбики золотого пламени.

Цанатов топор в костре (Д. Запылихин, 2016 г.)

Дерево быстро выгорает дотла, и Цанат веткой выкатывает раскаленный металл на мокрую траву, как печеную картофелину. Он тут же гасит жар железа, обтирая топор о траву и мокрые кусты, и садится на бревно строгать ножиком сломанное топорщице. Скоро топор вновь насажен на топорщице, вбит сверху железный клин, и Цанат опять рубит звонкую красную щепу. Вокруг сгустилась холодная ночь, ярко горит высокий костер, все вещи просушены, все согрелись, все пьют крепкий горячий чай.

Цанат тоже просушился, поел и сидит теперь, неподвижно глядя в костер. В его спокойных темных глазах пляшет огонь.

Утка на озере

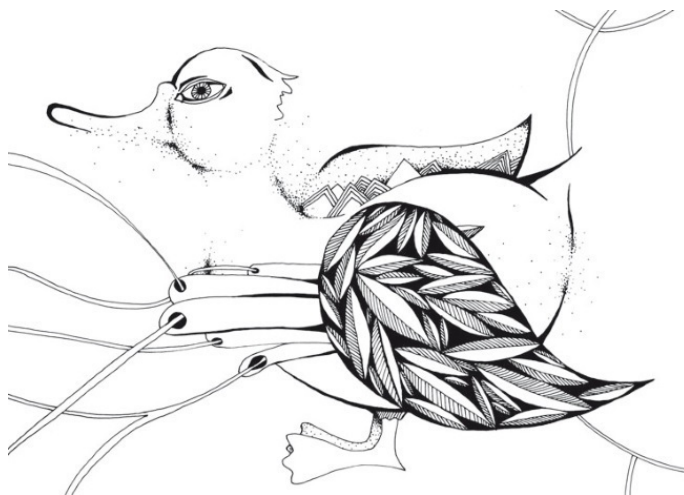
За два дня перед длинным переходом на Узунтытыгем мы стояли лагерем на озерах Калбакая. Они лежат в самых верховьях реки Калбакая, левого притока верхнего Башкауса, в широкой просторной долине, окруженной высокими горами. Полная воды долина Калбакая врезается большим клином в обширные владенья Алтайского заповедника. В центре долины длинное узкое озеро, вокруг – еще полтора десятка небольших озер, ручьи, болота.

Здесь еще большая высота, чем на Узунтытыгеме, около 2300 м, и лес остался далеко позади и ниже. Растет лишь низкая, прижатая к земле карликовая береза, но ею не согреешься, костер не разведешь и еду не приготовишь. Мы достаем две компактные газовые плитки, баллоны с газом, которые неделю гремели в наших арчемаках, пугая коней. Днем в долине дует сильный ветер, и мы закрываем слабый огонь горелок резиновым ковриком.

Наш лагерь – в самом начале долины, справа от тропы, на небольшом поднятом над водой травянистом полуострове, с трех сторон окруженным водой, а с четвертой – болотом, по которому мы проехали, утопая почти по брюхо лошадям.

Вид на долину отсюда прекрасен. Она уходит далеко на север, упираясь вдали в большую гору, которая то и дело скрывается за пеленой идущего в глубине долины не то дождя, не то снега. Слева виден большой горный цирк, на дне которого еще несколько озер, лежащих много выше озер долины. Справа еще одна большая гора, за которой большое заболоченное озеро Богояш. За нашей спиной – отвесные скалы с небольшими, почти вертикальными, снежниками. Они отражаются в небольшом озере, окружающем палатки.

Поднимаясь вверх по долине Калбакая, мы видели множество разнообразных птиц: уток, чаек, бакланов, серых аистов, даже одного пестрого удода. Все они взлетали из травы и кустов, кружили над речками. Несколько раз из-под копыт наших лошадей из высокой травы вылетали шумные стаи полярных куропаток. Теперь мы стоим в сумерках своим маленьким лагерем и ждем, когда на слабом голубом огне примитивной газовой плитки сварится еда и закипит чай. Холодно, температура упала до градусов 3–5. Моросит холодный дождь. Быстро темнеет.

Утка (Д. Запылихин, 2016 г.)

По темному озеру прямо под нашими палатками, метрах в ста, плавает одинокая утка. Она сразу заинтересовала наших проводников: Цаната из Саратана и Женю из Кош-Агача. Они оба алтайцы-теленгиты, даже далекие родственники, хоть и живут в разных районах Горного Алтая. Женя постарше, у него с собой карабин «Барс» с оптическим прицелом в защитного цвета матерчатом чехле. Алтайцы – прирожденные охотники, у них есть даже пословица, что

всякий «алтаец рождается с ружьем под мышкой». Женя весь день ходит в серой бейсболке на голове, у него веселые смеющиеся глаза. Ружье у него всегда под рукой.

Женя – старший в нашей паре проводников. С ним мы договаривались о походе, о маршруте, о лошадях. Он позвал в помощь Цаната, своего друга и родственника, с пятью его саратанскими конями. Цанат за два дня приехал из Саратана в Кош-Агач, перевалив Красный перевал над Ортолыком, и вовремя прибыл к месту нашего старта.

Цанат обычно едет впереди, выбирая путь. В его руке толстая длинная веревка, к которой привязан грузовой («закладной» по-местному) конь. Закладной едет позади Цанатовой лошади, веревка перекинута через Цанатово плечо. Женя обычно замыкает колонну, смотрит и откликается на любое происшествие, а также следит, чтобы никто ничего не выронил по дороге, что случается на ходу колонны нередко.

Женя – крепкий хозяин. В Кош-Агаче у него семья и дети, большой двухэтажный дом, обшитый белым сайдингом и с металлочерепицей на двускатной крыше. У него своя земля и скот, свои рабочие кони. На ногах у него, как и у Цаната, обычные резиновые сапоги. Поверх рубашки теплая просторная зеленая куртка с капюшоном, который надевается на голову всякий раз, когда начинает идти снег или дождь, прямо на бейсболку. Женя – отменный охотник, с детства облазивший все окрестные хребты и ущелья. Конь у него большой и сильный, идет быстрым мягким ходом – за Женей не угнаться. Когда Женя едет впереди, накинув капюшон на голову, он похож на зеленую скалу, взгроможденную на коня. Скала сидит неподвижно, покачиваясь вместе с конем, который, тем не менее, еще шибче бежит вперед, как бы по своей собственной воле.

Жене интересны наши прежние походы, особенно места, где сам он еще не бывал. Особенно ему интересен Юнгур, о котором он много слышал и куда можно проехать от Кош-Агача – через Бельтир и дальше, по Карагему.

– А как вы проехали на Юнгур? – спрашивает Женя.

Мы отдыхаем на стоянке и я достаю карту. Расстилаем ее на траве, я подробно рассказываю и показываю на карте ту единственную дорогу, по которой можно попасть на Юнгур со стороны Карагема и Аргута. Жене интересно все: какой там перевал, где можно встать на ночлег, есть ли поляны для прокорма лошадей, где искать брод через сам Юнгур и каков он по характеру, каких зверей мы там видали.

– Осенью поеду туда, посмотрю! – говорит Женя, в цепкой памяти которого уже лежит в нужном месте вся эта будущая дорога.

Смеркается, одинокая утка плавает прямо посреди озера. Что это за утка и почему она плавает одна, никто из нас толком не знает. Цанат говорит, что таких здесь много и он такую уже добывал и ел.

Утка выглядит довольно неприятно. Она черная как уголь, у нее несуразно большая квадратная голова на короткой шее. На груди – большое белое пятно, белые пятна и на крыльях. Скорее всего, это чернозобая гагара, которая водится в этих местах. Она плавает туда-сюда по тихой воде озера и кричит, а скорее плачет протяжно: «и-и-и-и-и». Нам жалко одинокую утку, но проводники-алтайцы деловито расчехляют ружье.

Они берут горсть патронов и идут на самый берег, где его уклон круто падает к воде и к прибрежной осоке. Женя заряжает карабин, ложится в редкую сухую траву и тщательно прицеливается. Хлопает громкий выстрел – промах. Проводники спокойно и негромко что-то обсуждают между собой по-алтайски. Гагара, как ни в чем не бывало, медленно плывет посреди озера и выводит свое жалобное высокое «и-и-и-и-и». Треугольником разбегаются за ее хвостом волны. Мы молча пьем чай и наблюдаем.

Женя снова ложится, прицеливается и стреляет. Опять промах. Потом еще один.

Проводники невозмутимы, как и плачущая одинокая утка. Темно-синяя вода озера неподвижна как сталь. В горах очень холодно и очень тихо. В воде чернеет отражение горы со снеж-

никами, почти совсем уже стемнело. Над горой плывет среди первых звезд молодой месяц, в бинокль видны острые края лунных кратеров – так прозрачен здесь воздух.

Женя и Цанат не унимаются. Им хочется добыть эту утку. Теперь ложится стрелять Цанат и со второго выстрела попадает в гагару. Голова утки падает в воду, она замирает, вода вокруг утки становится гладкой, как зеркало, гаснущее в ночи. Довольные проводники возвращаются к нам и греются горячим чаем.

– А как вы ее оттуда достанете, с середины-то озера? – интересуюсь я.

– Да ее к утру к берегу ветром прибьет! – отвечает Цанат, поправляя шляпу, поднятую на затылок во время стрельбы.

Вскоре мы расходимся по палаткам, над которыми полная тишина и яркое звездное небо. Посреди озера в тонкой лунной дорожке чернеет неподвижно мертвая утка.

Утром стоит полный штиль. Встало солнце, оно ярко освещает зеленые горы, в холодных зеркальных озерах – отражения синего неба, гор, скал, снежников. Кони вдоволь наелись за ночь травы и неподвижно стоят, полузакрыв глаза. Вот только злополучная утка все так же неподвижно торчит посреди озера, причем в том самом месте, где ее застали ночь и роковой выстрел.

Проводники удивились, что утку не прибило к берегу, и тихо обсуждают, что с ней делать дальше. Они решают попытаться достать утку с помощью удочки и спиннинга. Встав у самой кромки воды, они раз за разом забрасывают крючок с грузилом как можно дальше в озеро, но леска едва достает до половины расстояния до гагары.

Женя и Цанат сворачивают удочку. И обсуждают новый план. Пока мы завтракаем и с интересом наблюдаем за их предприятием, Цанат надевает высокие резиновые сапоги и идет к дальнему мысу, ближе всего выступающему к утке. Там он заходит выше колен в воду среди высокой осоки и начинает зашвыривать камни далеко в озеро. Камни собирает на берегу и подает Цанату 13-летний Рамис, из села Мухор-Тархата (*короткая река*), племянник Жени. Рамис первый раз в жизни в таком длинном походе, ему все страшно интересно. Цанат старается бросать камни так, чтобы они падали *за* уткой, а не перед ней, или же не по бокам от нее.

По недвижной глади озера расходятся круги. Булькают камни. В бегущих кругах блестит солнце. Качается на волнах черная утка. Нам становится ясен новый план проводников насчет утки. Волна, поднимаемая камнями, понемногу сносит утку к берегу, в направлении самого Цаната. Так и есть, через полчаса довольный Цанат идет с уткой в руке, держа ее за короткую черную шею. Квадратная голова утки бьется об Цанатов кулак.

Мы обступили Цаната и рассматриваем утку. Угольно-черная, на груди большое белое, как будто в сетку, пятно. Страшная большая голова. Цанат быстро разделяет ножом *утку*, бросает шкуру и перья в куст карликовой березы. Мы берем утку с собой в дорогу, чтобы Лена потушила ее на костре вечером на Узунты-тыгеме. Мясо утки долго тушилось, оказалось очень жестким, крепко держалось за тонкие утиные косточки, но все же было вкусное, ароматное – настоящая дичь.

Мы выучимся, проводники седлают коней. Вдруг мы слышим сзади, с озера, длинный плачущий крик. «И-и-и-и-и». Вздрагиваем и оглядываемся.

Посреди озера плавает другая черная как уголь утка с большой страшной головой на короткой шее, с белым пятном на груди. Откуда она взялась? Плавает и кричит высоким тоскливым голосом: «и-и-и-и-и-и-и».

Это пронимает даже наших невозмутимых проводников. Они на миг замерли и смотрят на утку. Самые сентиментальные из нас думают: а не пара ли это той нашей утке, что уже упакована в котелок и сумину, без перьев и без головы, и которая ждет теперь, когда мы ее потушим на костре? Черт ее знает...

Мы садимся на лошадей и уезжаем в сторону Богояша, поглядывая на одинокую черную утку, беспокойно кружащую посреди озера. Нам немного не по себе.

Архары

У нас выдался свободный день в долине озер Калбакая. Мы решаем выехать налегке, без вещей, и изучить саму долину и окружающие ее горы.

Сначала больше часа едем вдоль левого берега длинного узкого озера посреди долины, по болотистой подошве горы, которая уходит вверх справа. Впереди маячит серая шляпа Цаната, сзади качается бейсболка Жени. Тропы нет, едем едва различимыми маральими тропками по густым зарослям карликовой березы. Проводники говорят, что в этой долине обычно проводят холодную долгую зиму крупные самцы марала, быки. У корней низких распластанных березовых кустов лежит снег: вчера в течение дня здесь сменяли друг друга холодный дождь, снег и град. Солнечно и жарко, вокруг нас роятся тучи черных слепней.

Мы обрызгались вонючей химией и слепни недовольно отскакивают от нашей красной от солнца кожи. Но коням приходится тяжело. Я еду и луплю ладонью то влево, то вправо, прибывая по две-три твари за один удар: на суминах, на колене, на седле, на крупе коня. Толку никакого – слепни налипают на лошадей и впиваются в их теплую кожу все новыми волнами.

Дорога по долине – кусты, грязь, болото, под жидкой грязью острые камни. Кони мучаются. К озеру близко не подъехать. Ниже к воде – глубокое болото, выше – непроходимые россыпи крупных камней. Петляем по бездорожью между первым и вторым, продираясь через сухую и пыльную карликовую березу, у корней которой смесь грязи и нерастаявшего снега.

Чуть подальше середины длинного озера видим небольшой сухой мыс, вдающийся в воду. Вскоре выезжаем по болотине на этот единственный выступ суши на всем озере и делаем короткий привал.

По озеру бегают легкая рябь. Вода прозрачная, в ней темными сгустками мечутся стаи мальков. Летают белые чайки. Рыбы здесь много – озерный и речной хариус. Браконьеры из местных умудряются забираться сюда на квадроциклах и увозят рыбу мешками.

После короткого привала мы решаем подняться на вершину справа, над местом, где широкая долина делает поворот вправо, на восток.

Впереди едет Цанат, замыкает группу Женья, за спиной которого болтается ружье в зеленом чехле. На голове Цаната его выдавшая виды шляпа, которая выглядит на этом таежнике как родная. У Цаната большие серые глаза, крупные скулы, крепкий подбородок, красноватый оттенок кожи. Цанат умело прокладывает нам путь там, где нет никакого пути.

Дороги нет даже в виде намека. От вершины горы вниз широкими и узкими лентами спадают каменные россыпи из крупных бело-серых камней. Между камнями чернеют глубокие дыры и щели – самое опасное, что только может быть для лошадей. Попадет нога в такую дыру, сломается – и конь погибнет.

Цанат выбирает дорогу, доверяясь опыту и интуиции. Алтайцы всегда безошибочно определяют направление, расстояние и правильную дорогу, даже в местах, где до этого не были. То и дело мы спешиваемся, осторожно проводя коней по камням (куруму). Иногда поворачиваем назад и объезжаем опасное место.

Через час подъема мы оказываемся на вершине, с которой видна вся панорама долины и окрестных гор. Далеко под нами на восток уходят три больших круглых озера, одно за другим, лесенкой. По сторонам от них еще несколько небольших озер, всюду текут ручьи и речки. За озерами на востоке виден невысокий перевал, за которым расположены ущелья верховий Чулышмана. Еще дальше синеют вершины Чулышманского нагорья, а на горизонте за ними высится огромная белая Монгун-тайга – величественная гора в Туве, покрытая вечными снегами и ледниками.

На северо-запад от нас еще одна долина уходит на пологий перевал к реке Салуру, левому притоку Чулышмана. Еще левее, на западе, огромный горный цирк, отделяющий истоки Кал-

бакаи от истоков Каракема, еще одного левого притока Чулышмана. Мы видим озера, блестящие на дне цирка.

Прямо под нами – незримая граница огромного Алтайского заповедника, который тянется от южных высокогорных истоков Чулышмана и Башкауса на север, до самого Телецкого озера, и дальше вокруг него – к границам с Кузбассом и Хакасией.

Даже здесь, на открытой во все стороны обдуваемой ветром вершине, нас сильно донимают слепни. Природа вокруг первозданная и дикая, вокруг нет никаких признаков присутствия человека.

После короткого привала на вершине мы поворачиваем в обратный путь, решив забраться еще выше, на вершину большой горы, отделяющей Калбакаю от Богояша, к старому советскому геодезическому знаку на высоте 2747 м. Вперед умчался Рамис на своем молодом резвом конике. Мы почти дремлем в своих седлах, сморенные зноем, когда вдруг слышим крик Рамиса, который летит нам навстречу, встав в седле с напуганным лицом.

– Козероги! – кричит Рамис и показывает рукой вперед, где дорога поворачивает за скалы.

Все моментально оживает.

Цанат мчится вперед. Мчится вперед и Женя, на ходу высвобождая из чехла карабин. Нам интересно, адреналин ударяет нам в кровь, и мы тоже пускаемся скакать вслед за проводниками по горному гребню, забыв про камни под ногами.

Вот и поворот. За ним – синие от холодных теней скальные россыпи, где Рамис увидел животных. Он внезапно выехал прямо на них, оказавшись метрах в тридцати. Те перепугались и бросились галопом вниз, в долину Богояша. Рамис перепугался не меньше животных и бросился назад к нам, решив, что случайно встретил группу самцов-козерогов.

Но это были не козероги. Мы видим, что Женя остановился и зачехляет карабин, не сходя на землю. Мы подъезжаем к нему, а сами смотрим, как вниз и влево быстро бежит группа из восьми крупных животных с большими и красивыми, загнутыми назад спиралью рогами. Женя и Цанат достали бинокли и рассматривают их.

– *Архары!* – говорит Женя, не отрываясь от бинокля.

Вот оно что! Мы случайно наткнулись не на козерогов, которых видели до того почти каждый день, а на крайне редких, из Красной книги, архаров – огромных горных баранов, самых крупных диких баранов на Земле.

Величиной с теленка, выше метра высотой и около двух метров длиной, весом под центнер, с огромными, закрученными спиралью рогами – вот какие эти бараны. Вид относится к угрожаемым (исчезающим), и алтайцы на архаров не охотятся. И не потому, что это запрещено государством, а потому, что берегут свою родную природу.

Их было восемь – все крупные самцы. Архары отдыхали на камнях в тени, пока мы их не спугнули. Леса на такой высоте нет, спрятаться им было негде. Поэтому они помчались вниз по открытой долине в сторону горы, с которой мы только что спустились. Они долго бежали примерно по границе заповедника, чтобы потом скрыться от нас вдали, за крутым горным склоном. Нас эта встреча порадовала – архары, которых алтайцы называют *аргали*, живы и здоровы. Мы проехали к месту их стоянки на камнях, чтобы рассмотреть их следы и свежий помет.

Цанат и Женя тоже выглядят довольными: не каждый день встретишь аргали вот так – лоб в лоб!

Ирбис

Мы стоим, спешившись, над свежими следами архаров на серых камнях. И тут я чувствую на своем затылке пристальный взгляд подлинного короля этих мест – снежного барса, по-местному – *ирбиса*.

До этого, когда мы часами и днями ехали по горным алтайским тропам, покачиваясь в своих седлах, я неоднократно расспрашивал Цаната о снежном барсе.

Цанат несколько раз видел эту редчайшую на планете крупную кошку. Никогда – летом. Он говорит, что заметить барса сейчас, летом, практически невозможно: умная кошка увидит тебя гораздо раньше и надежно спрячется. Хотя места здесь его, барса. Цанат показывает на бело-серые камни, рассыпанные по склону горы, камни, покрытые тонким извилистым орнаментом линий и пятен черных мхов и лишайев.

– Шкура барса вот точно такая. Будет лежать рядом в камнях и не увидишь его, – рассказывает Цанат.

Поэтому Цанат видел барса только осенью и зимой, когда зверю сложнее укрыться.

Однажды Цанат встретил снежного барса на верхнем Башкаусе. Сам Цанат находился на вершине большой отвесной скалы, далеко над рекой, и решил посмотреть оттуда вниз, в долину реки. Там он и увидел внезапно барса. Тот сидел на траве под скалой и не спеша ел только что пойманного им козерога. Белая шкура барса сверкала на золотистой и сухой осенней траве. Вся морда хищника была измазана в свежей крови. Кошка тоже почувствовала человека, хоть тот был высоко над ней, на верхних скалах. Она задрала свою морду и посмотрела на Цаната зло и раздраженно, но не ушла, пока не наелась.

Другой раз Цанат видел снежного барса издалека, в бинокль. Где-то на далеком горном склоне пасся черный длинношерстый як (по-алтайски – *сарлык*), полудикий-полудомашний бык. А на его спине виднелось какое-то большое белое пятно. Цанат удивился, решив, что як отчего-то разгуливает с шапкой снега на спине. Потом присмотрелся и удивился еще больше. На спине яка сидел не кто иной, как снежный барс! Вцепившись в шею яка клыками, а когтистыми лапами – в бычьего бока. Так Цанат стал свидетелем редкого события – нападения ирбиса на такую крупную добычу, как горный як, который в несколько раз крупнее самого барса. И барс в итоге взял верх, завалив невезучего черного быка.

Третий раз Цанат наблюдал издалека охоту барса на сибирского козерога, его главную пищу. Это напоминало охоту домашней кошки на мышку – только в горах и в отвесных скалах. Барс собирался и прыгал, чтобы схватить когтями козерога. А тот ловко отскакивал в сторону от белой стремительной кошки и бросался бежать по камням. Барс догонял, подкрадывался, собирался в комок и снова прыгал, и снова пролетал мимо. Прыжки были дальние, кошка летела распластавшись, с вытянутым длинным пушистым хвостом. И так три раза – на глазах Цаната. После третьей неудачи барс бросил эту затею и сел облизывать свою шерсть, как делают все кошки. Козерог счастливо спасся, благодаря своей силе, ловкости и смелости.

Козероги и архары – главные объекты охоты снежного барса. Но он может взять и косулю, и марала, и кабаргу, и кабана, и северного оленя (последние тоже встречаются на Алтае). Когда ничего этого нет, ирбис не побрезгует сурком, пищухой или сусликом. Может задавить и зазевавшуюся птицу.

Обычно ирбис обходит свою огромную территорию по привычным для него тропам, но может также лежать на камне и присматривать за пасущимися стадами козрогов и архаров. В этом случае он поднимается выше их по камням и скалам, присматривая за стадом как заботливый пастух. Барс никогда не берет лишнего, не режет животных без счета, как порой делают волки. Он осторожно ступает по камням своими мягкими лапами, балансируя огром-

ным пушистым хвостом. Там, где пасутся козероги и архары, там, выше на камнях, может скрываться и снежный барс.

Вот и я сейчас остро чувствую, что барс где-то рядом. Что он шел за напуганной нами группой архаров, осторожно ступая кошачьими лапами по серым камням выше по горе, над снежниками. И что теперь он глядит на нас из тайного укрытия, наострив свои пушистые круглые уши, и крайне недоволен нами, ведь мы вспугнули его добычу, отогнали ее на несколько километров дальше. Я говорю о своем ощущении Цанату – он нисколько не удивляется и тоже начинает ощупывать гору взглядом. Он верит, что рядом с нами залег ирбис.

Мы двигаемся в путь, точнее, пытаемся двигаться. Перед нами сплошные россыпи камней. Мы спешиваемся и медленно пробираемся по ним вперед и вверх. Наконец мы окончательно встаем – дальше дороги нет. Цанат оставляет коня и бежит на разведку вверх, перескакивая с камня на камень. Скоро его силуэт виднеется далеко наверху на фоне синего неба. Он возвращается и весело спрашивает:

– Видели баранов?

– Нет! Каких баранов? – хором отвечаем мы и начинаем крутить головами.

Цанат показывает на нас и смеется – мы и есть эти самые бараны. Дальше дороги нет совсем. Мы заехали в непроходимый каменистый тупик. Поворачиваем назад и вскоре находим другой путь к вершине, где среди огромных серых глыб стоит старый советский геодезический знак – сколоченный из бревен треугольник на примитивном бетонном фундаменте (2745 м). От знака открывается вид во все стороны света. Видны гора Монгун-тайга и Чулышманское нагорье, озеро и долина Богояш, долина Калбакаи со всеми ее реками и озерами. Внизу на золотистом островке блестят на солнце крохотные разноцветные палатки нашего лагеря. А вдалеке на западе виден снежный Курайский хребет. И совсем на горизонте, в прозрачной дымке, белоснежный пик Ак-Тру.

Я же всю обратную дорогу до лагеря продолжаю выглядывать своего барса. Я уверен, что он рядом – в этих камнях, на этой продуваемой ветром вершине. Но, увы, барс так и не показался. Проводил нас глазами из своего невидимого убежища и беззвучно и скрытно пошел своей дорогой – на север, догонять архаров.

Хариусы

Тайга для алтайца – дом родной и полная чаша. Каждый день Женя и Цанат без особого труда добывают для нашей небольшой экспедиции свежую пищу в количествах, которые мы едва съедаем вдвоем.

На Башкаусе, выше устья Верх-Ильдугема, нам встретились две обитаемые пастушеские стоянки. На одной из них была свежая маралятина, которой с нами щедро поделились местные пастухи, земляки Цаната.

Марала они добыли накануне ночью, на солонце. По правому берегу Башкауса, на травянистых склонах на поверхность выходят природные солонцы, на которые ночами наведываются лесные животные. Солонец – овальная яма, вырытая в склоне животными, грызущими солончатую от природы почву. Местные жители читают звериные следы на солонцах, как открытую книгу: кто приходил, когда, сколько, откуда? Ниже солонца и ниже конной тропы лежит большой камень, скорее даже скала, за которой и прячутся охотники. Накануне один из них залег в сумерках за камень и там терпеливо ждал. Звездной ночью, когда вышла полная луна и стало видно все вокруг, со стороны реки на солонец вышел крупный бык марала с ветвистыми рогами. Он перебрел Башкаус с левого берега по широкому мелкому разливу.

Бык не видел охотника, хотя тот был на расстоянии метров сорока. Шерсть и большие рога марала серебрились в лунном свете. Видимость была отличная. Один выстрел из карабина – и дело сделано. Стоянка надолго обеспечена мясом, а голова с большими ветвистыми рогами пригодится на продажу, как трофей. Нас же вечером ждал наваристый мясной суп с дымом костра.

Башкаус изобилует рыбой, речным хариусом. Все алтайцы – азартные рыбаки. Цанат говорит, что, когда он у себя дома в Саратане, свежая рыба на его столе каждый день.

Как только мы встаем очередным лагерем на берегу Башкауса, наши проводники исчезают. Их можно найти неподалеку на берегу реки, на «ямах» – в тех местах, где горная река глубока, спокойна, а прозрачная вода ярко-зеленого цвета и окрашивает в зеленые тона придонную гальку. Ямы – излюбленное место кормления хариусов, которые собираются здесь стаями, выхватывая с поверхности воды упавших в нее мух и мошку.

У каждого рыбака в руках удилище с катушкой, каждый то и дело забрасывает снасть в самую глубину ямы. Снасть – тонкая длинная леска, грубое свинцовое грузило на ее конце, пять маленьких крючков-«мушек» на коротких поводках и белый пенопластовый поплавок выше поводков с крючками. Когда снасть заброшена, поплавок плывет по течению и тащит за собой леску с крючками, уходящими под углом в глубину реки. Хариус видит плывущих в воде мушек и хватает их; иногда попадает по две или даже три рыбины за один заброс, иногда – ни одной.

Рыбалка на речного хариуса очень азартная. Поплавок проплывает всю яму за полминуты, затем следует новый заброс в ее начало, выше по течению. Попадавшиеся хариусы бьются на крючках в воздухе, от них летят и сверкают на солнце брызги. Рыбак снимает хариуса, швыряет на сырой берег среди камней и тут же забрасывает снасть снова. Рыбалка обычно заканчивается, когда обловлена вся яма. С одной большой ямы легко можно взять целое ведро свежего хариуса. Если этого оказывается мало, рыбаки переходят на другую яму. Если ям на реке в этом месте нет, применяется другой способ ловли: рыбак весь день ходит вдоль берега, забрасывая снасть каждый раз на новом месте. Так рыбаки порой проходят много километров вверх и вниз по течению, по кустам и болотинам.

Мясо у хариуса белое, нежное, вкусное, костей мало, и они легко отделяются. Но свежий хариус быстро портится, поэтому его готовят сразу после рыбалки. Можно быстро почистить и посолить – получается вкусная слабосоленая свежая рыба. Солят просто: промазывают

крупной солью большим пальцем внутри очищенного брюшка. Можно сварить уху. Можно пожарить хариуса в горячем масле на дне котелка или сковородки, до хрустящей золотистой корочки. Можно приготовить горячим копчением – на тлеющих тонких ивовых ветках. Да что там – хариус хорош в любом виде!

На Башкаусе и его притоках хариус был у нас в изобилии: его много и в реках, и в озерах. Речной хариус крупнее и жирнее озерного – у него больше корма. На нашем таежном столе он был изо дня в день: в виде ухи, жареной и соленой рыбы, а в наших суминах всегда был изрядный свежесоленый запас.

Проводники и Рамис рыбачили в любое время и в любую погоду. Был ли холод, ветер или ледяной дождь – они стояли на берегу с удочкой и тащили на берег рыбу каждую свободную минуту. Такая уж натура у алтайцев.

Сурки

Жаркий летний день. Мы едем правым берегом Башкауса и выезжаем из леса на длинный голый косогор, покрытый короткой сухой травой. Женя обгоняет колонну и расчехляет ружье.

– Что? – спрашиваю я.

– Сурок! – смеется Женя.

Место – самое что ни на есть сурочье. Сухой каменистый склон, обращенный к югу, сухая и низкая, но густая трава, отличный обзор во все стороны.

Женя подает знак и мы останавливаемся. Он оставляет коня на тропе и карабкается вверх на пригорок. Там он ложится, тщательно прицеливается и стреляет. Потом, через минуту, делает выстрел еще раз. Мы не видим, куда и в кого он палит. Женя и Цанат быстро уходят вперед и вверх по склону, мы остаемся у лошадей.

Вскоре они возвращаются, у каждого в руке качается по крупному сурку с густой рыже-коричневой шерстью. Проводники уже успели выпустить суркам потроха. Во все брюхо у них – темно-красные влажные разрезы.

Сурок зимой спит, а летом питается травой и насекомыми, набирая к осени побольше подкожного жира. Он очень любопытен, хотя и крайне труслив. Завидев любую опасность, он мчится к своей глубокой норе и прячется в ней. При опасности он характерно высоко и громко свистит. Если угроза, по его мнению, далеко, сурок встает столбиком у норы и разглядывает с интересом что и как. Это его фатальная ошибка, ведь пуля карабина легко достает сурка на расстоянии 150–200 м.

Алтайцы любят стрелять и есть сурков. Из одного взрослого сурка выходит до трех килограммов жирного мяса. Его надо долго и тщательно варить – из опасения паразитов или другой заразы, которые могут быть в сурочьем мясе.

Так мы и делаем, встав лагерем на берегу Башкауса. Сначала Цанат освежевывает обе тушки. Делает он это быстро и ловко, и делает так. Подвешивает тушку за одну короткую лапку к острому суку, головой вниз, и потом быстро отделяет шкуру от мяса острым коротким ножом, начиная от коротких лапок и кончая головой. Тяжелые плотные шкурки он просто бросает под дерево, в траву. Девать их все равно некуда, объясняет Цанат. Раньше шкуры сурков сдавали скупщикам, теперь это никому не нужно. Потом мясо режется на куски и кладется в большой котелок, в котором долго варится, часа четыре, на медленном огне. Мы только добавляем в котелок воду по мере ее выпаривания.

Когда сурочье мясо готово, мы едим его с ломтями черного хлеба. Мясо сурка жирное, нежное, по вкусу похоже не то на баранину, не то на курятину. Оно очень сытное. В холодные дни оно замерзает в суминах и покрывается толстым слоем белого жира, зато долго не портится.

Еще раз Женя добывает сурка в конце нашего похода, в Чуйской степи, которая в районе Кокори вся густо покрыта норами сусликов и пищух, а на каменистых пустынных возвышениях – сурочьими норами.

Евгений из Кош-Агача (фото В. Рыжкова, 2014 г.)

Женя опять спешивается с коня, ложится и стреляет в сторону дальнего каменистого бугра. Мы даже не успеваем разглядеть сурка, его мишень. Проводнику снова хватает одного выстрела. Все бегут туда, впереди всех быстро несется Цанат в своей серой шляпе. Сурок, уже раненный, все же успел нырнуть в свою нору. Цаната это не смущает. Он знает, что Женя не промахнулся. Цанат опускается на колени и лезет рукой в широкую черную нору. Вся его рука, до плеча, погружается в землю. Мы замерли, нам кажется, что вот сейчас злой сурок вцепится своими длинными желтыми клыками в Цанатову руку, которая и так уже перевязана бинтом после глубокого пореза леской.

Однако Цанат спокойно вытаскивает испутившего дух хозяина норы на свет за короткий хвост. И тут же выпускает ему кишки, прямо на сухую землю у опустевшей норы.

Красный перевал

Весь долгий поход на этот раз посвящен у нас изучению той отдаленной и труднодоступной части обширного Курайского хребта и его северных отрогов, что прилегают к Чуйской степи и к хребту Сайлюгем, а также долины верхнего Башкауса и его правых притоков, Калбакаи и Кумурлы.

Стартуем мы прямо к северу от Кош-Агача, на южных склонах Курайского хребта, в логу Килчен, что на речке Верхний Тошан, теряющейся внизу в озерах близ райцентра. Сначала мы поднимаемся на узике до зимней стоянки, где сейчас нет людей, но стоит у избушки стадо баранов и бегают лохматый и черный местный пес. Затем заезжаем крутым склоном еще выше, в сухой лог, над границей леса, где встаем лагерем на высоте 2450 м.

Лошадей пока нет, они будут утром. Женя идет к сухому ручью искать воду и находит ее выше, где стоит с десятков коров. Вода едва сочится между камнями. Чтобы набрать полный котелок, приходится долго набирать ее кружкой, подставляя край под тонкую струйку. Потом проводник привозит с нижней стоянки охапку веток для костра, а я тем временем собираю по склону в большой пакет сухой кизяк. Женя уезжает, чтобы вернуться наутро с конями и выйти с нами в поход.

Вечером холодно, капает дождь, мы кипятим чай и варим суп. Кизяк – отличное топливо как для костра, так и для печки, горит жарко и долго. В Кош-Агаче и Чуйской степи, а также на плато Укок, где нет леса, его собирают на зиму в большие кучи и топят им всю долгую суровую зиму.

Утром приехали проводники с лошадьми, мы тяжело нагрузили коней всеми нашими вещами и припасами, после чего тронулись в путь. В первый же день нам предстояло пересечь хребет и переехать через несколько высокогорных перевалов.

Курайский хребет с юга сравнительно полого поднимается до самых вершин, достигая высот более чем в 3400 м. Как раз в самой высокой его части нам и предстояло его пересечь. С юга склоны хребта малолесисты. С севера же хребет обрывается скалистыми обрывами в узкие речные ущелья и долины, покрытые густой труднопроходимой тайгой.

Итак, девять человек и десять коней начали подъем на Курайский хребет из лога Килчен, что находится прямо на север от Кош-Агача. Сначала ехали круто вверх по сухому логу, потом вправо и еще круче по диагонали высоким склоном, пока не выехали на ребро горы, с которого вся Чуйская степь была видна, как на ладони. Женя отошел на обрыв позвонить, ведь следующие десять дней никакой связи у нас не будет.

Здесь уже почти не росла даже невзрачная полярная травка. Под копытами коней хрустели плоские серые камни, россыпями, дикой щебенкой. На такой высоте росли и цвели только горные полярные маки – маленькие, светло-желтые, с короткими стеблями. Маки рвал и пригибал к камням сильный ветер. Как чаще всего бывает на больших высотах, над нами ходили черные тучи и лил холодный дождь.

Мы поднялись еще выше и примерно через полтора часа после начала пути выехали на самый гребень хребта. По северной кромке горы над высоким черным обрывом полукругом лежал огромный спрессованный снежник. Пропасть обрывалась вниз на север, глубоко внизу лежало ярко-бирюзовое озеро Кокколь, из которого на юго-восток вытекала речка. Мы были на перевале Кокколь (3175 м). Если поехать отсюда направо, на восток, там чуть подальше есть крутой спуск к озеру, по которому можно съехать на конях к озеру и реке и дальше попасть в долину реки Узуноук, в сторону реки Малая Кокоря (левый приток Башкауса). На картах этой дороги нет, но местным жителям она известна.

Мы же повернули влево, на запад, где возвышалась голая круглая безымянная вершина, обозначенная на карте высотой 3372 м, – высочайшая точка всего Курайского хребта. Через

полчаса мы обогнули ее с юга, высотомер на моих часах показывал все 3400 м. Сразу за вершиной мы начали крутой спуск по мокрому куруму на широкое седло перевала между Верхним Ильдугемом и Узуноюком. На седле перевала, на крупном мокром песке, рядом с большим снежником, из которого веером вытекали ручьи, собиравшиеся на наших глазах в речку, мы надели дополнительную теплую одежду: было очень сыро и холодно, дул сильный пронизывающий ветер, все мы страшно замерзли.

Продолжили путь на запад по мокрому и снежному куруму, лошади шли осторожно, внимательно смотря под копыта. После чего начали новый крутой спуск, на полсотни метров вниз, на седло третьего по счету перевала.

Это был перевал Красный, между истоками реки Верхний Ильдугем и Чуйской степью (ущельем Ортолык), до которой от седла перевала рукой подать — 10–12 км. Степь была отлично видна прямо с перевала. На узком седле перевала дул шквальный холодный ветер, было пасмурно и сыро, а в степи далеко внизу было тепло и тихо, там безмятежно светило и грело землю ласковое летнее солнце.

Красный перевал через Курайский хребет (3180 м) — еще одна местная тропа, которую не найдешь на картах. Перевал высокий и очень сложный. Используется крайне редко, даже местными жителями. Не каждый год его проезжают и охотники, которые ездят всегда налегке, с минимумом вещей. Мы же, со своим полным грузом, с запасами еды почти на две недели, с рюкзаками, полными теплых вещей, вообще были первыми горожанами, которые проехали на лошадях Красный перевал.

Перевал называли Красным из-за его цвета, он и вправду красный. Оба склона перевала — это крутые, в сотни метров, осыпи из мелкого песка и камня, ярко красных и оранжевых оттенков. На вершине, у седла, даже летом лежит снег. Горные породы окрашивают осыпи в красный цвет, а по дну ущелья проходит отчетливая и резкая граница с соседними породами — сине-серыми. Горы получаются яркими и цветными, очень живописными.

Перед спуском в верховья Верх-Ильдугема мы делаем на Красном перевале короткий привал. Мы заходим вместе с конями за гребень, чуть ниже седла к северу. Здесь тихо и безветренно. Слева — сине-фиолетово-черные северные обрывы Курайского хребта с шапками снега по верхам. Круто вниз уходит красно-голубой осыпью спуск с перевала. Далеко внизу петляет Верхний Ильдугем, там лес, там зеленые поляны, там наша стоянка на этот вечер.

Спуск с Красного перевала — не для слабонервных. Издалека он выглядит почти как отвесная стена, в голову не может прийти, что здесь есть конная дорога.

Мы спускаемся, ведя лошадей в поводу, огромными шагами, почти прыжками. Мы буквально летим вместе с конями круто вниз. Осыпь под ногами при каждом шаге сползает, сапоги и ботинки топнут в сыпучей породе, напереди идущих сзади по склону несутся камни. Кони ступают, упираясь передними ногами и присев на задние. Я беру свой повод покороче, мой Р-8 то и дело упирается мордой мне в плечо, тяжело дыша и тараша от напряжения огромные глаза («Р-8» это у него такое тавро на боку, вот я, а за мной и все остальные, зовем его теперь Р-8). Конь сам того не зная, сильно помогает мне при спуске. Я намотал веревку на кулак и быстро бегу вниз, наполовину повиснув на этой веревке, которая выполняет роль дополнительного балансира или третьей точки опоры.

За полчаса стремительного бега по почти отвесной красной сыпуче мы спустились на 620 м (это больше, чем высота Останкинской башни в Москве). Внизу оказалась широкая полка, висящая над долиной, с курумом и сочной травой. Потом еще спуск с полки метров на 20 — и вот мы на берегу речки Верх-Ильдугем. Курайский хребет остается позади. Мы проехали за шесть часов пути сразу три перевала-трехтысячника.

Местами по берегам у самой воды речки лежит снег. Вскоре начинается лес и мы ищем удобное место для стоянки и ночлега. Встаем в живописном месте у впадения речки Тура (правый приток Верх-Ильдугема). Высота стоянки — 2310 м. Прямо над нами справа шумит неболь-

шой водопад. Вид вокруг как на глянцевых альпийских открытках, только никаких дорог, домов и людей, одна сплошная дикая природа.

Вдалеке позади нас стоит сплошная горная стена, посреди которой спускается красно-голубое ущелье Красного перевала. Да правда ли мы только что оттуда?

– Здесь только охотники, да и то не каждый год, бывают, – говорит Женя.

– Правда, один раз мой двоюродный брат через Красный перевал отару овец перегнал сюда из Кош-Агача, – продолжает он.

– И как? – изумляюсь я.

– Больше не перегонял никогда, – смеется Женя и идет привязывать по широкой поляне уставших и голодных коней.

Волки на Башкаусе

Верхний Ильдугем – левый приток Башкауса, берущий начало на северных склонах Курайского хребта, близ Красного перевала. Места эти дикие, таежные. Ущелье реки узкое, с крутыми склонами и высокими скалами. Лесистые горы и голые скалы уходят высоко в небо, в облака. Здесь водится много зверя: на скалах – козероги, в густой тайге – маралы, медведи, волки, косули, рысь, росомаха. По мокрой глине у воды все усыпано свежими звериными следами.

В верховьях реки дорога петляет по берегу и по лесу, мы целых семнадцать раз переходим Ильдугем вброд. Ниже тропа проходит левым берегом до самого устья. Еще ниже начинаются широкие поляны, посреди пути от истоков – пустая стоянка (деревянный домик с печкой и нарами вдоль стен), которую изредка используют охотники.

Когда тропа пробегает густым лесом, большие седельные сумки (арчемаки или сумины) то и дело бьются и цепляются о деревья и ветки, особенно в узких местах между деревьями. Это чревато порывами веревок, тесемок, самих сумок и даже упряжи. Кони должны уметь аккуратно обходить деревья, не цепляясь за них суминами. Короче, уметь чувствовать габариты. Учат их этому так. В сумины кладут большие тяжелые камни и едут по лесу. Если лошадь задевает дерево, камень больно бьет ее в бок, сквозь грубую кожу сумины. Скоро лошадь старается избегать болезненных столкновений, приобретая необходимый навык. Все таежные кони умеют это делать, но степные лошади этого не знают и часто рвут поклажу.

За два часа пути до устья, на поляне на левом берегу открывается стоянка отца Цаната, старика Кензина из Саратана. Стоянка крепкая, зимняя. Главное, на ней есть теплый дом из бревен, с печкой, обложенной кирпичом. Есть еще отдельно стоящая маленькая баня. Еще один дом – летний, под его высокой односкатной крышей хранится сено. Старый сгнивший аил спрятался за плетнем. Полусгнившая большая кошара, оставшаяся от советских времен, стоит в стороне.

Мы быстро ставим палатки и первым делом затапливаем баню, таская с реки воду в ведре. Потом по очереди моемся: баня тесная, в ней только один тазик.

Отца Цаната нет на месте, дом заперт на висячий замок, ключа у Цаната нет. А ведь нам надо забрать из дома топор и еще кое-какие вещи.

Алтайцев запертая дверь ничуть не смущает. Они подходят к единственному окошку избушки с голубыми деревянными наличниками, обращенному к реке, и быстро отгибают гвозди, которыми крепится рама. После вынимают окно вместе с рамой, ставят его к стенке и ловко забираются внутрь избы. Берут все, что им надо, и так же быстро ставят окно обратно. Все дело занимает несколько минут. Дверь и замок на ней остаются нетронутыми.

Летом на зимних стоянках алтайцы заготавливают сено и дрова. Зимой живут и держат на них свой скот. Сено косят по полянам, дождавшись сухой погоды, обычно в августе. Деревья у самих стоянок не рубят – привозят лес по склонам сверху, у домиков его пилят и рубят, складывая в поленницы. Сено собирают в стога и тоже свозят поближе, в загородки, волокут волокушами на конях. Так и зимуют. Обычно на стоянке зимует один мужчина, который смотрит за скотом, отгоняет хищников. Иногда приезжает и живет с мужем жена.

Больше всего зимой досаждают волки. Ущерб от них заметный. Ниже, на стоянке у устья Верх-Ильдугема, где зимует каждый год брат Цаната, был однажды такой случай. Брат уехал на охоту, оставив жену дома сторожить скот. У нее было ружье. Скот пасся недалеко от дома, жена хлопотала в доме, когда вдруг коровы принялись громко мычать, а собака громко лаять. Жена вышла наружу посмотреть и увидела большого волка, который шел из леса прямо к коровам. Жена побежала в дом, схватила ружье, зарядила его и выбежала на улицу. Волк, однако же, не обратил на нее и на собаку никакого внимания и продолжал приближаться к коровам.

Тогда хозяйка выстрелила в его сторону. Коровы мычали. Собака сама спряталась за спину женщины и лаяла оттуда. Волк же хладнокровно напал и зарезал корову. Хозяйка еще раз выстрелила в сторону волка. Ближе подойти она побоялась. Он только поднял окровавленную морду с близко посаженными серыми глазами и мрачно посмотрел на нее. Напуганная женщина убежала в дом, вместе с псом, и закрылась там на крючок. Волк совершенно не боялся ее, даже с ружьем. Он знал, что толку от ружья в ее руках не будет никакого, что она промахнется. Когда же муж был дома, волк и близко не показывался. Волки очень умны. Они смотрят издали, из верхнего леса, за всем, что делается на стоянке. Когда мужчины дома, они не приблизятся. Когда же на стоянке осталась одна только женщина, волк напал. Он знал, что ему ничего не угрожает.

Раньше волков травили ядами, разбрасывая по тропам отравленную приманку, волки хватали ее, травились, и поэтому их было мало. Теперь яды строго запретили. Мотив запрета – чтобы не гибли вместе с ними редкие хищники. А с ружьем охота на волка в горах и тайге исключительно трудна. Вот и развелось их бесчисленно в алтайских лесах. Гибнет много домашнего скота, да и диких зверей тоже. Такая вот напасть.

Поиски в горах

От стоянки отца Цаната – ее имя Теректу (*Осиновая*) – до устья Верх-Ильдугема два часа пути. Широкая тропа спускается лесом, полянами, высокими крутыми косогорами. Ниже Теректу расположены еще три стоянки саратанцев, но в них никто не живет. Один косогор по дороге очень опасен в дождь – круто и высоко, были случаи, когда скот здесь срывался в пропасть и гиб. Поэтому перегоняют скот в этом месте только в сухую ясную погоду.

У устья Верх-Ильдугема через Башкаус стоял прежде деревянный мост, но в 2012 г. его снесло весенним паводком. Мы переехали Башкаус вброд, по брюхо коням. Течение не очень быстрое, брод, в общем, безопасный.

На стоянке брата Цаната, прямо напротив устья Верх-Ильдугема (где и приключилась печальная история с волком), есть теплый зимний дом с печкой, аил, где летом готовят пищу и отдыхают, баня, сеновал, кошара. Место открытое, солнечное, красивое и удобное. В реке много рыбы.

Хозяйка угостила меня чаем с молоком, а потом и жирным супом из свежей баранины, с домашней лапшой и картошкой. Хлеб – пресные пончики, баурсаки, их пекут как алтайцы, так и казахи. Баурсаки хороши тем, что долго не портятся в пути и к тому же очень сытные.

Мы полдня отдыхаем и греемся на этой теплой поляне, самом низком месте на всем нашем маршруте (1675 м), прежде чем наутро двинуться вверх по Башкаусу. На ужин у нас в изобилии жареный хариус из реки.

На следующий день мы за четыре часа пути добираемся до стоянки Курмыс (*Чертова*). Едем вверх правым берегом Башкауса, дорога простая и широкая (в советское время по ней перегоняли скот), лес перемежается широкими полянами и крутыми косогорами. На устье правого притока Башкауса речки Мукур проехали деревянный мост. Молодой коник Рамиса страшно напугался моста: впервые видел такое диво, но в итоге проехал его на дрожащих от страха ногах, с перекошенными от ужаса глазами.

«Чертова» эта стоянка потому, что чуть дальше от нее выстроен «чертов» деревянный мост через бурное, с водопадом, устье реки Кумурла. Стоянка отличная – огромная поляна, вода рядом, богатый лес, чуть ниже красивый скальный каньон Капчал на Башкаусе. Большие и глубокие прозрачные речные ямы, в которых много рыбы. Мы называли эту стоянку Муравьиной из-за того, что по всей поляне были рассыпаны муравейники. Здесь мы и встали.

По дороге нам встретила большая обжитая стоянка с пастухами-саратанцами, которые косили и собирали сено. Они рассказали нам кое-что, что задержало нас на Чертовой (Муравьиной) стоянке на один лишний день.

А рассказали они нам вот что. Накануне пастухи видели на вершине горы на левом берегу Башкауса, между ущельями Туяк-Салжака и Черного Салжака (левые притоки Башкауса), густой дым. Что-то горело там наверху.

Пастухи не знали того, что знали мы. Они не знали, что несколько дней назад из Курайской степи сильный ветер унес за Курайский хребет двоих дельтапланеристов, участников какого-то международного соревнования по дельтапланеризму, которых уже сутки напролет разыскивают спасатели с помощью вертолетов и никак не могут найти. Мы точно знали о пропаже именно в этом районе двух спортсменов. Кто знает, может, один из них и зажег огонь на горе, давая о себе знать и прося о помощи?

Конечно, мы решаем поехать и поискать попавшего в беду человека. Может, найдем? Может, спасем?

Утром завтракаем и выезжаем впятером: Женя, Цанат и трое из нас.

С собой берем аптечку, бутылку водки, крепкий чай, еду и тент, если, не дай бог, придется заворачивать и спускать вниз тело.

Катя и Сергей Алексаиенко в Монголии (фото В. Рыжкова, 2008 г.).

Сначала мы спускаемся вниз по берегу Башкауса, мимо каньона Капчал, прямо напротив горы, где видели накануне дым. Проводники тщательно осматривают гору в бинокли, но ничего не находят.

Мы садимся на лошадей и едем к броду. Проезжаем солонец и тот камень, из-за которого на днях метким ночным выстрелом был добыт марал. На белых склонах солонцевой ямы коричнево-рыжая засохшая кровь – следы удачной охоты. Ближе к реке под деревом спрятана грустная оленья голова с большими шестиотростковыми рогами.

Переезжаем вброд Башкаус, здесь мелкий и широкий. На дне разноцветная галька. На левом берегу за бродом – широкая и ровная, с высокой травой поляна, сразу за которой начинается лес и крутой подъем в гору. Справа из ущелья вытекает и впадает в Башкаус маленькая речка Туюк-Салжак. Тропы на гору нет.

Впереди едет Цанат, он, как обычно, выбирает путь. Сразу от поляны начинается крутой затяжной подъем. Дикий лес, камни, покрытые мхом. Из-под копыт выпрыгивает и мчится по склону серый заяц. Лес завален упавшими деревьями, мы петляем, объезжая завалы. Подъем

становится все круче. Хорошо, что едем налегке, без груза, – коням тяжело. Они спотыкаются и тяжело дышат.

Посреди огромной горы упираемся в совсем непроходимые дебри. Цанат резко сворачивает вправо, мы сваливаемся по крутому склону в русло реки, заваленное огромными каменными глыбами. Русло так же круто, как и лес, уходит вверх. Мы пытаемся проехать между камней, потом берегом, заросшим густыми кустами поверх валунов. С трудом делаем по речке не больше ста метров и вновь уходим налево на крутой лесной склон.

Наконец, через час после начала подъема, лес редееет, подъем выполаживается, и мы выезжаем в широкую долину, в конце которой вдали стоят острые снежные пики вершин Туры и Салжаков.

Поднявшись долиной еще выше, уходим вправо, и с трудом карабкаемся по крутому склону левого берега Туюк-Салжака. Здесь вершины достигают 2800–2900 м. Лес растет только кедровый, много каменных осыпей, поросших колючками.

На высоте 2180 м мы останавливаемся – дальше идут такие кручи и курумы, что лошадям не проехать. Привязываем их к низким кедром и дальше карабкаемся пешком. Местами ползем на коленях и на животе, местами срываемся и сползаем вниз – так круто. Таким образом поднимаемся еще выше, до 2315 м, на острый скальный гребень. Отсюда видны ущелья обоих Салжаков по бокам и далеко внизу – вся долина Башкауса, теперь мы выше нашего лагеря почти на 700 м. На вершине Черного Салжака идет густой снег, крутится черная туча.

Мы, трое горожан, уже выбились из сил, наши руки побиты камнями и изрезаны колючками. Мы передвигаемся вдвое медленнее Жени и Цаната, которые ловко бегут по каменистым склонам что вниз, что вверх. Видя это, проводники оставляют нас ожидать на гребне, а сами быстро уходят по гребню вниз, в направлении того места, где пастухи накануне видели огонь.

На гребне дует сильный ветер, за камнями с подветренной стороны цепляются за камни карликовые кедры. Мы ложимся за большой камень на мягкую подушку из желтой опавшей хвои и по очереди хлебам теплый чай из крышки термоса. Все стихает, по небу быстро бегут облака. Я грызу кисло-сладкую белую и терпкую молочную мякоть незрелой кедровой шишки. Вдаль уходит панорама гор. На восточном горизонте синий цирк над Каракемом, туда мы приедем через несколько дней.

Нам не по себе. Мы думаем о пропавших дельтапланеристах. Даже днем здесь холодно и ветрено, то и дело принимается дождь со снегом. Что уж говорить про холодные ночи! Как может выдержать и выжить здесь потерявшийся человек без воды, тепла и еды, тем более если у него сломана нога или, еще хуже, позвоночник, если переломаны рука и ребра? Если он не может даже двигаться? Если не может позвонить, позвать на помощь? Ведь связи здесь нет никакой.

Долгие минуты тревожного ожидания. Над камнями шумит ветер, дрожат верхушки кедров, мы оцепенели в полудреме. Через час возвращаются усталые Женья и Цанат.

Они обежали почти всю гору и нашли место, где вчера горело. Человека там не было, гора загорелась от удара молнии. Молния попала в кедр, он загорелся, от него загорелась трава, от нее – соседние кусты. Выгорел круг на склоне – метров 50 в диаметре. Потом пошел дождь или снег, и пожар унялся.

Нас одолевают одновременно чувства облегчения и тревоги. В глубине души мы рады, что не нашли тело, изуродованное падением о скалы, что не стали свидетелями трагедии или драмы, что нам не пришлось заворачивать в зеленый тент и спускать вниз холодный обезображенный труп. Или, в лучшем случае, искалеченного, поломанного, с сильным переохлаждением, человека.

Одновременно нас мучит мысль, что, возможно, где-то на скалистом склоне, или в буреломе тайги, или в холодном болоте, или в скальной расщелине лежит и надеется сейчас на спасение беспомощный человек. Но как его найти?

По возвращении из похода мы узнали, что одного из этих двоих нашли мертвым, а другого так и не нашли.

Змеи

После неудачных поисков дельтапланериста мы едем от Чертовой стоянки дальше вверх по Башкаусу, все тем же правым берегом. Через полчаса встречается последняя жилая стоянка (по-местному она называется *Каменный брод*) близ устья реки Кумурла. За ней деревянный мост через устье Кумурлы. Дорога вверх Башкауsom несложная, в основном лесом, но порой мы проезжаем широкие красивые поляны и крутые высокие косогоры с богатым травяным покровом. Здесь прекрасные пастбища, когда-то полные скота, но в наши дни пустующие – слишком далеко от деревни. По дороге встретили заброшенный просторный аил, с наполовину незакрытой крышей из коры лиственницы. Развели небольшой костер внутри аила, пили чай на коротком привале, грелись у огня.

Почему мы решили подниматься к Богояшу по Калбакае, а не по Кумурле, хотя по ней короче? Из-за змей!

Нас отговорил Цанат:

– Долина у Кумурлы голая, лес растет далеко вверху от реки. Внизу болото, кочки. Комарье, мошка. И везде змеи!

Цаната даже передергивает, сильно не любит Цанат эту Кумурлу с ее змеевниками.

– Был у меня случай там, – продолжает он. – Встал я на Кумурле, ушел на рыбалку. А рыбы там много! Прихожу в лагерь уже в темноте, развожу костер. Беру котелок за водой сходить, а в нем гадюка спряталась. Свернулась на дне, черная, влажная, блестит, лежит такая – спиралью.

Нас передергивает от отвращения.

– Куда там не идешь – везде они ползают! – Цанат и сейчас смотрит себе под ноги.

– А почему их так много там? – не понимаю я.

– А кто их знает? – пожимает плечами Цанат. – Болото там, может, поэтому? – предполагает он.

В итоге мы оказываемся не на Кумурле, а в устье Калбакаи, что выше по течению, в следующем ущелье. Здесь тоже очень красивое место.

Встаем лагерем на левом берегу Калбакаи в полукилометре от Башкауса. Костер и склад припасов устраиваем под двумя высокими лиственницами, натянув между ними веревку и повесив на нее зеленый широкий тент.

Вниз уходит огромная, золотистого цвета, нетронутая скотом поляна с высокой густой травой.

Напротив, за Башкауsom, огромное ущелье Токпок, с отвесными стенами километровой высоты, на вершинах этих стен травянистое плоскогорье, на котором проводники высматривают в бинокли маралов и козорогов. Гуляют над вершинами облака, быстро бегут по горам широкие солнечные пятна. Токпок по-алтайски – *кувалда*, и никто не знает, почему именно так называли эту таежную речку, левый приток Башкауса.

Наша золотая поляна плавно спускается к реке, трава на ней, высотой по пояс, у старого аила посреди поляны растет огромная одинокая лиственница, с широкими асимметричными ветками. На закате мы долго варим сурочье мясо и жарим свежих хариусов из Калбакаи.

В разогретую на огне кастрюлю наливаем золотое подсолнечное масло и укладываем на дно рыб, предварительно посолив их и вываляв в муке. Входит не больше четырех хариусов. Большие рыбины режутся поперек на две части. Хариусы лежат, изогнувшись, плотно друг к другу, на дне кастрюли и трещат в горячем масле, постепенно золотясь и приобретая золотистокоричневую хрустящую корочку. Масло на дне кастрюли пузырится и брызгает, дым выедаёт глаза. Две-три минуты, перевернули вилкой на другой бок, еще две-три минуты – и доставай! Мясо ароматное, нежное, белое, с дымком, деликатес и объединение: с черным хлебом,

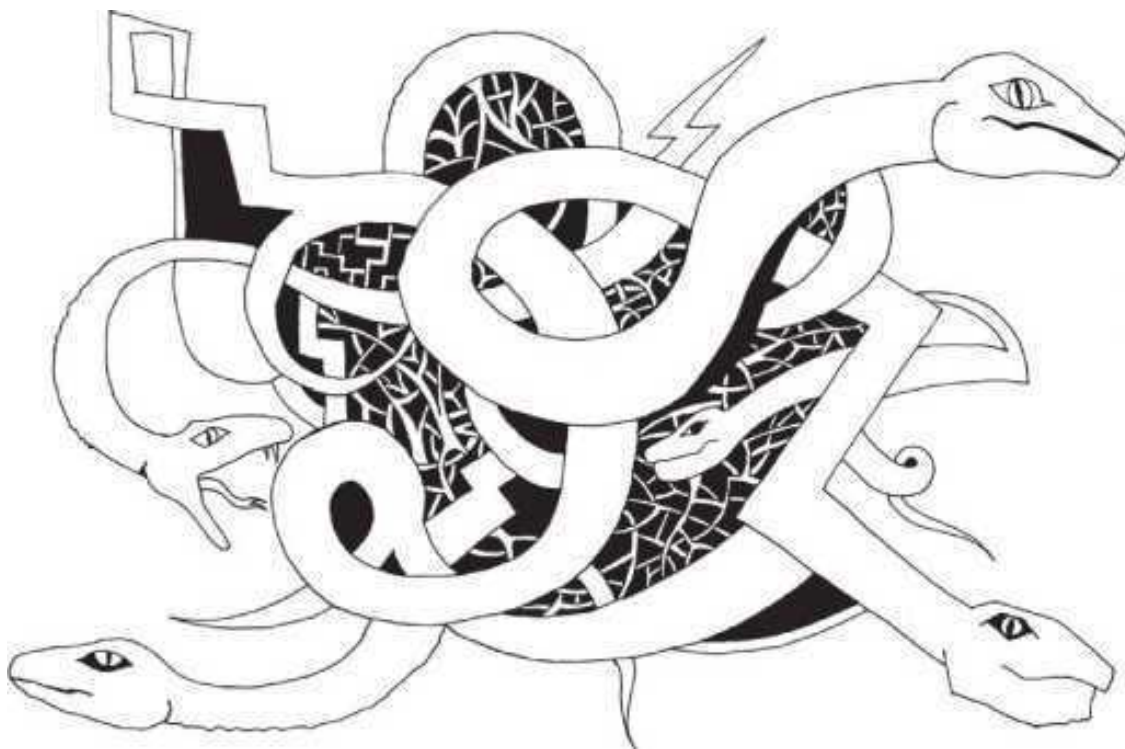
на кусок которого капает с золотистого бока рыбки горячее масло. Вокруг ночь, красные блики от костра играют на светло-зеленой хвое и красно-коричневых узлистых стволах. А в горячее масло на дне кастрюли укладываются следующие четыре серебристые рыбки. Так мы за вечер умяли с аппетитом не меньше полведра свежей рыбы.

Наутро, собрав лагерь и навьючившись, начинаем подъем.

Целый час поднимаемся по отвесному склону над правым берегом Башкауса, на головокружительную высоту. Едем лесом, по мху и камням, местами едва заметная тропа выходит на скальные карнизы прямо над пропастью. Шаг в сторону – и улетишь вниз вместе с лошадыю. Все едут тихо, внимательно, кони тоже сосредоточены, тяжело карабкаясь все выше и выше.

Наконец выехали наверх, на небольшую площадку над пропастью, на высоту 2300 м. Далеко внизу сверкает Башкаус, а напротив опять видна долина Токпока, теперь уже тоже далеко внизу. Ниже нас, прямо над Башкаутом, пролетает в одну, а потом в обратную сторону поисковый вертолет МИ-8. Ищут пропавших дельтапланеристов. Вдалеке видны снега Курайского хребта.

Мы продолжили путь наверх и скоро выехали на обширное плоскогорье, поросшее карликовой березой, окруженные тучами слепней. Здесь спугнули небольшое стадо козогов, по пути к геодезическому знаку над Башкаутом (2572 м). Теки умчались прятаться в отвесные скалы над Башкаутом. Дальше ехали целый час верхом плоскогорья на восток, вдоль долины Калбакаи, которая осталась слева далеко внизу. Через час начали крутой спуск к Калбакае в ее среднем течении. Сначала курумом, до границы леса, потом кедровыми зарослями. Ближе к реке отыскивали маралью тропу, по которой и выехали к болотистым берегам реки, где сделали полчасовой привал на высоте 1980 м. Путь от стоянки на устье Калбакаи до ее среднего течения, через перевал, занял у нас три с половиной часа.

Змеи Кумурлы (Д. Запылихин, 2016 г.)

После короткого привала приступили к крутому подъему правым берегом Калбакаи, чтобы перевалить в верховья соседней Кумурлы (отвратительных гадюк которой мы, собственно, и объезжали). Через час подъема выехали на перевал 2400 м, прямо под геодезиче-

ским знаком на высоте 2515 м – это был водораздел Кумурлы и Калбакаи. Троп здесь тоже не было, видно, что никто по этим местам давно уже не ездил, хотя на карте эта тропа обозначена...

Дальше спускаемся к Кумурле. Спуск крутой, лесом. В шесть вечера выезжаем на берег Кумурлы, на высоту 1970 м, позади у нас уже восемь часов пути. На спуске, в низинах, мы встретили много маральего корня – высокую крепкую траву с длинным твердым стеблем, с круглой шишкой соцветия наверху. Говорят, ее любят есть маралы, но здесь трава стоит нетронутая.

Тучи комаров светятся в лучах закатного солнца, заметно холодает, мы переезжаем вброд речку Кумурлу на правый берег.

Кумурла и вправду место мрачное. Вся долина – огромное, широкое болото или болотина, кишашщее комарами и мошкой. Лес растет далеко вверх по склонам, цепляется небольшими рошицами за мох и камни. Встать нам негде – ни единой сухой ровной поляны близ леса здесь нет и в помине.

Едем еще не меньше часа вверх правым берегом, выискивая место для стоянки, но безуспешно. Справа вдалеке на кромке леса не спеша уходит в тайгу молодая маралуха. Быстро темнеет.

Ждать нам больше некогда – скоро наступит ночь. Вокруг все так же безрадостно: кочки, болото, мокрая осока, комары. Где же нам поставить наш маленький лагерь?

Когда мы выезжаем на развилку двух заболоченных долин (одна, налево, на картах обозначена как озеро Кельтура, хотя от озера остались лишь несколько маленьких зеркал воды, а все остальное пространство уже превратилось в заросшее осокой и тиной болото, вторая – такое же заболоченное озеро, истоки самой Кумурлы), проводники останавливают коней. На самой развилке двух долин есть небольшое ровное и почти сухое место, хотя и кочковатое. Главное – это не болотина, что здесь найти непросто. Высота 2085 м над уровнем моря, позади у нас 30 км пути и два перевала.

До леса от палаток добрые метров 500 вверх по склону. Холод уже лютый – температура упала практически до нуля. Здесь, на дне долины, уже темно, но вдали, над Каракемом, вершины еще пылают алым от лучей заходящего на западе солнца. Скоро гаснут и они. Ставим палатки, пальцы мерзнут, мы надеваем на себя все теплые вещи, и все равно страшно холодно. От болот поднимается стылый серый туман. Дров нет, согреться нечем. Газовая горелка дает унылый голубой свет и такое слабое тепло, что нам едва удастся вскипятить чай.

Пока мы ставим палатки и ждем чай, пока сгрудились в ночи вокруг слабого голубого огонька, пока выдыхаем в ночной ледяной воздух пар изо рта, Цанат молча садится на коня и уезжает в ночь. Женя с Рамисом тоже давно исчезли – ушли на речку ловить рыбу. Вокруг недвижная тишина и тьма, пропали и комары – их прибило морозцем.

Через какое-то время мы видим, как возвращается Цанат. Что-то огромное, длинное, черное, привязано к его седлу. Вот это что-то падает в болотину, в мокрую траву. Цанатова шляпа спускается вниз, Цанат привязывает груз снова и медленно приближается к нам, таща его по кочковатой земле.

Теперь мы видим, что Цанат приволок из верхнего леса большое сухое дерево, которое цепляется за кочки и кусты своими ободранными ветками. Дерево привязано веревкой к седлу. Цанат поднялся на коне вверх по склону, нашел дерево, прикрепил к седлу и стащил к нам вниз, чтобы были дрова для костра.

Мы очень рады и удивлены. Мы уже решили, что нас ждет холодная ночевка на болоте, без света и огня. И вот Цанат притащил целое дерево! Он взмок от пота, его лицо и руки в грязи, штаны тоже все в грязи и в воде. Ему и его коню пришлось помучиться, пока он нашел и притащил с дальнего крутого склона это дерево. Зато теперь мы рубим щепу и ломаем ветки,

и у нас разгорается яркий жаркий костер, разгоняющий тьму и холод и поднимающий всем нам настроение.

Вот таковы эти алтайцы: всегда найдут, где встать на ночлег, чем согреться и чем развести огонь, всегда отыщут в тайге и горах воду и пищу.

Цанат выпил с устатку рюмку виски и стоит теперь, греется и сушится у огня. От его мокрых штанов идет густой белый пар, вокруг глубокая морозная ночь.

Горелая тайга

Наутро выезжаем дальше. Прямо дороги по Калбакае нет, одно сплошное топучее болото, поэтому делаем большой круг вокруг заболоченного озера Кельтура. Обогнув его, поднимаемся на гору, окруженную с трех сторон тремя разными водоемами: Кельтурой, истоками Кумурлы и Каракема. Снова выпрыгивает из зарослей карликовой березы и скрывается в лесу косуля. Мы карабкаемся по лесу крутым склоном.

Ближе к вершине горы начинается горелая тайга. Она сгорела несколько лет назад, от удара молнии. Сначала занялось одно дерево, от него все другие, и в результате полностью сгорел густой и обширный, высокий кедр. Лес уцелел только ниже по горе, вся же вершина выгорела целиком.

Когда случается пожар, выгорают сразу большие площади тайги. Сильный ветер несет огонь по кронам, все ревет и пылает, звери в панике бегут от огня. Кедр, его хвоя и ветви, смолистые, вспыхивают сразу как порох, опаливая все вокруг.

Первый год после пожара лес стоит как бы полуживой. Зеленеет и желтеет на мертвых ветвях длинная кедровая хвоя, на черных обожженных огнем стволах еще держится кора. Но уже начинает свою разрушительную работу жук-короед. Все стволы покрываются глубокими черными дырами, и серые жуки с длинными усами внутри, под корой, выедают мягкие слои древесины.

На второй год хвоя уже опала, горелые ветки стали хрупкими, высохли, побелели, самые тонкие из них ломает и сбрасывает в траву ветер. Черная кора начинает отваливаться, большими тяжелыми щитами, от гладких стволов цвета слоновой кости. Горелая тайга становится черно-белой. Белые стволы и узорчатые белые ветки светятся на фоне остаточных ошметков черной, как сажа, коры. А летом этот слоновосажистый бурелом накладывается на мягко-салатный цвет влажного мха и синие небеса наверху.

Пройдет еще несколько лет – и от веток не останется и следа. Мертвые кедры стоят телеграфными столбами, на них наколото небо. Нет уже и коры, но стволы теперь потемнели от ветра и дождей и кажутся издали черными. Пройдут еще десятки лет, попадают и подгнившие у корней телеграфные столбы, а их место постепенно займет молодой кедровый лес, поднявшийся, исподволь, из горельника. Так не спеша, десятилетиями, крутит природа свое колесо времен.

Мы на вершине горы в черно-белую пору горелой тайги, когда стволы под опавшей корой еще теплые, как топленое молоко, и цвета слоновой кости. Высота 2260 м, внизу ущелье Каракема, дует ветер, мы жуем вяленое маралье мясо на коротком привале. Проводники в свои бинокли выглядывают зверей. Каракем убегает далеко влево и вниз, к Чулышману.

– Здесь есть северные олени, – говорит Женя.

– Откуда? – удивляюсь я. Никогда до того не слышал, что на Алтае есть северный олень.

– Не знаю откуда. Но точно есть, видел сам, – говорит Женя.

Дальше мы спускаемся горелым лесом к верховьям Каракема, проезжаем невысокий перевал Неожиданный (водораздел Каракема и Кумурлы). Дальше, над озером Недоступное, движемся вдоль Калбакаи до самой ее верхней долины с множеством озер. И почти везде наш путь идет горелой тайгой. Много же лет уйдет на то, чтобы она восстановилась!

Манул

– Манула трудно увидеть! – Цанат сидит вполоборота на своем коне и рассказывает мне про редкого кота алтайского высокогорья.

Мы едем, не спеша, по золотой Сайлюгемской степи, вся каменистая поверхность которой издырявлена тысячами нор сусликов, пищух и сурков.

– Вот здесь самые его места и есть, – продолжает проводник, – сам погляди, сколько вокруг корма для него. Он ведь питается в основном мышами да пищухами или молодого сурчонка может задавить. А еще птиц хватает, когда подкрадется. Словом, жрет все что ни попадется, даже саранчу ловит и жует, когда бескормица.

Я никогда не видел манула в природе, и мне интересен рассказ Цаната.

– Он живет в этой степи, да? А сам ты их видел, Цанат?

– Да, они живут здесь по степи. Я их встречал, конечно. Хотя вот, может быть, мы сейчас с ним рядом проезжаем, а не видим его. Манул, когда вот так вот едешь близко мимо него, прижмется к земле, спрячется за камень или заползет в сурочью нору, замрет – и не заметишь его сроду. Шерсть у него серая, в полоску – как такого разглядишь среди камней.

– А если собака с собой?

– Ну, если собака, то тогда да, конечно. Собака манула сразу учует и кинется на него.

– А он с ней справится? С собакой-то?

– Да нет, не справится, если только в нору от нее не сбежит. Много их давят собаки бродячие, потому и мало манула нынче стало. А еще он в петли попадает браконьерские. И так-то у него жисть тяжелая. А тут еще люди, собаки...

– А почему тяжелая?

– Ну, подумай сам. Лето здесь короткое, а зима долгая и очень холодная. Ветра страшные, земля мерзлая. Сурки и суслики зимой спят, а пищухи больше по норам своим сидят, сено жуют. Птиц тоже зимой меньше, насекомых вовсе нет. Вот коту и трудно зимой прокормиться. А еще его волки жрут, филины с неба нападают. Тяжелая жисть у них.

Я смотрю по степи: плоская каменистая почва, низкая сухая травка, на многие километры вокруг. Коту здесь спрятаться нелегко, даже самому скрытному и незаметно-серому.

– А правда, что манула дома приручить нельзя?

– Да, дикий он совсем. К человеку не привыкает, сколько его ни корми. Все одно сбежит в горы.

– А когда ты его встречал последний раз?

– Да в прошлом году видел, на Башкаусе. Он размером-то как домашняя кошка. А кажется, что больше. У него шерсть очень густая и длинная, чтобы выжить на высокогорье.

Я его встретил на тропе, а он убежал от меня. Бегаёт он медленно: лапы-то у него толстые и короткие. А еще был раз случай, когда манул трех наших собак победил.

– Да что ты? Трех? Как же?

– А вот как дело было. Ехали мы с мужиками на конях в горы от Кош-Агача, по Чуйской степи. И три собаки в тот раз за нами увязались. Отъехали мы где-то с час от поселка, и тут собаки почуяли кошку, стали лаять. А коту куда от них деваться, на ровном-то месте? Он залег на земле, прижался, а псины его окружили с трех сторон и напирают.

– Что же вы не прогнали собак?

– Да нам интересно было поглядеть, что дальше будет.

– Вот вы живодеры!

Цанат охотно соглашается и продолжает рассказ:

– И вот когда они совсем уже его зажали с трех сторон и деваться ему было некуда, когда первая собака бросилась к нему кусать, манул вдруг быстро перевернулся на спину и

начал отмахиваться от них лапами. Лежит на спине и дерется. Одной лапой сразу же сильно залепил по морде первой собаке. А когти у него острые, как иглы, лапа сильная. Он, получается, когтями-то ей по мокрому носу полоснул и по глазу ей попал краем. У той сразу кровища хлынула из черного носа. Пес отскочил от кота с воем. Боль-то страшная!

– А еще две?

– А манул второй передней лапой вцепился в морду другой собаке. Пятью когтями воткнулся ей в щеку и сжал лапу-то. Та завизжала, как поросенок, и дернулась назад. Куда там! Кот вцепился и повис на морде. А третью собаку он в это же время задней лапой по морде быстро-быстро колотил, как грушу боксерскую. Тоже кровь ей сразу пустил из морды и ухо оборвал. Все это так быстро сделал, что мы удивиться не успели. Только видим – подскочили они к серому коту, он зашипел, перевернулся на спину, надавал им по мордам, и те отбежали от него, все в кровище, побитые и порванные когтями.

– А дальше что?

– А дальше он поднялся с земли и не спеша побежал от нас. Только оборачивался и смотрел, нет ли погони. А собаки наши разнылись тогда. Визжали, скулили, хвосты поджали, морды опустили. Забились от позора под брюха лошадей, дрожали там, плакали, раны зализывали. Вот он каков бывает, манул-то наш!

Сайлюгемская степь

Горные степи Алтая – одно из чудес света. Только представьте себе этот многоцветный травянистый простор, со всех сторон окаймленный горами, с тонким запахом полыни и меда. Чуйская степь, Курайская степь, Абайская степь, плато Укок, степь Самаха, Уймонская степь, Катандинская степь, Усть-Канская степь, степь Сайлюгем – сами их названия звучат, словно музыка кочевников. Степи Алтая – это широкие и открытые межгорные котловины, беспримерно богатые травой и цветами, реками и озерами. У каждой степи Алтая – свое лицо, свой запах и цвет, своя легенда. Каждая степь Алтая – азиатская красавица, с сильным и особенным характером. Чуйская зашвырнет тебя свысока и подальше; Самаха – так замотает в свои ленточные боры, что не выпутаешься; Курайская высокомерно обдаст холодом белоснежных ледников Ак-Тру; Усть-Канская заведет долгую историю про Чингисхана, который, по преданию, не раз гостил у нее в высокой белой юрте. А Уймонская степь – кержачка: эта так ловко скроет все свои тайны, что не выведаешь от нее ровным счетом ничего, кроме обычной туристической чепухи про приезд сюда Рериха в 1926 г.

Мы едем утром, в последний день нашего похода, по степи Сайлюгем, восточной части огромной Чуйской степи, скрытой за южным отрогом Курайского хребта. В спину нам бьет сильное горное солнце, в степи тихо и безветренно. Под копытами коней пылит сухая желтая земля с редкой жидкой травкой. На каждом шагу встречаются норы сусликов и пищух. Кони деловито смотрят под ноги и лавируют между норами, чтобы не провалиться в них.

Вдруг волнение в нашей колонне. Женя, который едет первым, показывает рукой вперед.

Там летят над степью огромными мягкими прыжками две легкие косули.

– Мама с детенышем, – поясняет Цанат, когда мы все останавливаемся и смотрим им вслед.

Степь открыта и залита солнечным светом. Косули стремительно стелются в полете, едва задевая землю. Они спокойно паслись там ниже на краю заболоченной низины, а мы спугнули их. Леса здесь нет и близко, и мы их крепко напугали, ведь они теперь просматриваются как на ладони. Крохотные олени несутся, как будто связанные друг с другом невидимой веревкой, на близком расстоянии, взлетая и опускаясь одновременно. Их полет волнообразен и плавен. Женя и Цанат смеются их глупому страху: никто не будет стрелять в олениху с молодым олененком.

Косули мчатся в сторону ущелья Узунтытыгема, в безопасный густой лес, а мы едем дальше на запад, в сторону реки Кокоря.

Степь Сайлюгем большая, со всех сторон окруженная высокими горами, да и сама равнина лежит на высоте 2 км. Справа от нас хорошо просматриваются безлесые заоблачные кручи Курайского хребта, слева – его южный отрог с небольшими рощами лиственниц посреди рыжих склонов. Небо над нами все в движении, все там наверху крутится и плывет, в каждом углу огромного пространства степи установилась своя погода.

Мы убегает от непогоды и одновременно бежим к ней. Сзади нас, на востоке, огромный массив Сайлюгемского хребта со снежными вершинами – и он весь черный. Там сгрудились тяжелые синие тучи, громада хребта вся опоясана туманами, там льется проливной дождь, а выше дождя валит густой мокрый снег. Тучи зависли на хребте, и будут теперь лить водой и сыпать снегом долго, пока в синих тучах не иссякнут все запасы влаги.

Впереди же от нас все, что только захочешь. Рваное, закрытое многоцветными облаками небо местами показывает глубокую синеву, из нее бьет золотое сияние жаркого лета, в котором мы сейчас и едем. Но дальше за ярко-желтыми пятнами освещенной солнцем степи опять грозятся черные тучи и ливень. Мы видим впереди темные полосы, падающие из туч с накло-

ном в сухую степь, прямо по нашему пути. Но еще дальше за ними, в глубине равнины, опять виднеются золотые пятна августа.

Вдруг слева от тропы показывается огромная треугольная воронка в земле, глубиной с пятиэтажный дом. Воронка древняя, заросшая той же травой, что и вся степь. Рамис замирает над воронкой на своем конике, совершенно ошеломленный.

– Что это? – спрашивает он меня.

Я и сам поражен не меньше его, и сижу в эту минуту в седле, разглядывая глубокую круглую воронку, строгий конус, выбранный кем-то или чем-то из каменистого тела степи.

– Наверное, это упал большой метеорит, – говорю я Рамису, – он и образовал эту огромную воронку.

– Прилетел из космоса? – изумляется Рамис.

– Ну да, – подтверждаю я, – я видел такие на фотографиях, находили такие же точно воронки и кратеры в разных местах, в Америке, например.

Мы оба удивленно качаем головой – вот ведь как, мол.

За космическим кратером мы быстро едем между тысячами сусличьих и пищухиных нор, едем сухой степью, вдоль давно заброшенных оросительных каналов. Переезжаем вброд речку Камтытыгем и после брода, доехав до реки Кокоря (*синий верх*), делаем на ее берегу короткий привал. Кокоря здесь, в степи, тихая и покорная, вода ее прозрачна, во всех подробностях видно каменистое дно. По берегам растут сочные ярко-зеленые травы и пасется стадо пестрых, ленивых коров. Берегами растет редкий ивняк.

Мальчик Рамис (фото В. Рыжкова, 2014 г.)

Рамис радуется, что совсем скоро будет дома. Что где-то вдалеке уже проехала первая за много дней машина, поднимающая за собой тучи пыли. Что рядом пасутся коровы, пасутся без пастуха, а значит, близко отсюда деревня. Он радостно бежит краем низкого берега речки и всматривается в чистую прозрачную воду. Он радуется, когда видит темные тени хариусов, скользящие между круглых камней на дне. Он радуется, что поход и все эти большие горы уже почти остались позади.

А вдалеке от нас на сухой степной подошве Курайского хребта, близ покосившейся, с плоской крышей степной стоянки, старуха казашка пасет отару овец. Овцы бредут плотной белой гурьбой по степи, опустив морды к земле, и непрерывно щиплют траву. В их глупые головы не приходит мысль поднять глаза вверх, но старуха мудра и видит все, что творится вокруг, особенно что творится наверху.

А наверху творится вот что. Над глупыми овцами кружат огромные голодные орлы. Их много, с десяток. Кружат они невысоко, метрах в пятидесяти от земли. Орлы такие большие, – кажется, что и сама старуха мала и беспомощна в сравнении с ними. И что зря она так отчаянно храбрится, ковыляя за своими драгоценными овцами, согнувшись углом к земле и опираясь на кривую палку.

Орлы кружатся беспорядочно, в разные стороны, то опускаясь ниже, то взмывая вверх. Они-то точно знают, чего хотят. Они хотят овец и не сводят с жирных, набравших к осени вес животных своих немигающих глаз. Все их острые клювы нацелены сейчас только на этих глупых овец, которые так безмятежно щиплют низкую травку. Орлиные черные тени прорезают, как булатные ножи, рыжие склоны гор. У орлов широкие, как лопаты, распластанные огромные крылья и широкие квадратные хвосты, их короткие бойцовские шеи опущены вниз, к овцам.

Однако старуха невозмутима и решительна. Она ковыляет вслед за овцами, иногда грозя орлам палкой и производя в их рядах тем самым легкое замешательство. Когда одна или две овцы отбредают хоть немного в сторону, старуха необыкновенно ловко семенит к ним и загоняет палкой обратно, в тесную отару.

Ей, древней старухе, нипочем хоть пять орлов, хоть десять.

Она родилась и выросла в этих горах, она с самого детства пасла в этих горах скот, как свой, так и общий, колхозный. Вот эту самую стоянку, с плоской глиняной крышей, с кривой ржавой трубой и железной печкой, с крашенным голубой краской окошком, с резиновыми петлями из автомобильных шин на низкой двери, с кучами кизяка у задней стены, построил своими руками ее отец. А после нее стоянка эта останется ее сыну и внуку, которые уехали утром на конях на Узунтытыгем, чтобы наловить на обед хариусов.

Это ее овцы, и она никому, никому не позволит утащить ни единой ее овечки – пусть даже этот кто-то окажется самым большим и самым грозным орлом во всей Чуйской степи!

Козел-фараон (История одной охоты на сибирского козерога)

Есть в Горном Алтае красивое село Чибит, в котором живут наш проводник Артем и его храбрый пес Барсук. Стоит оно на правом берегу реки Чуй у впадения в нее маленькой речки Чибитки. Село это старое – еще при Александре Первом Благословенном здесь располагались православный миссионерский центр и центр администрации Чуйской волости. Теперь в Чибите проживает чуть больше 500 чибитцев, в общей сложности дворов 200. В основном это алтайцы, но много и русских. Живут они дружно. Во дворах разбиты огороды, в них растут картошка, лук, морковь, укроп и редиска. Яблони и вишни здесь не держат: горы высоко, лето короткое, зима холодная и длинная. По полянам вдоль реки на зеленых лугах пасется чибитский скот: кони, коровы, бараны и козы. Бегают под заборами и плетнями куры, лают и дерутся собаки.

Деревня стоит в речной долине, окруженная высокими лесистыми горами. По ее краю проходит знаменитый Чуйский тракт, по которому день и ночь пролетают мимо села машины.

Чуя близ Чибита бурная и глубокая, даже осенью, когда вода сильно спадает. Через нее построен крепкий деревянный мост. Однако его держит частник, и за каждый переход-переезд приходится платить. А люди в селе небогатые, считают каждую копейку. Вот и не ходят-езды за реку всякий раз, даже когда надо, выбираются только по острой хозяйственной необходимости.

Хозяин моста имеет свой верный доход, особенно летом, когда на Алтай едут со всех концов света туристы. Чибит – место туристическое и бойкое. Именно отсюда самым коротким путем ходят на Шавлинские озера. Недалеко за мостом густым лесом начинается крутой подъем в гору, потом следует перевал и за ним спуск на широкое плато Сотенок с озерами и речками, и уже далее следует спуск на Шавлу. Летом на чибитском мосту движение хоть куда.

Шагают в сторону Шавлы свежие туристы, идут бодро, громко болтая и смеясь. На них разноцветные куртки, за их спинами огромные длинные разноцветные рюкзаки: ярко-желтые, ярко-красные, всякие. Куртки чистые, ботинки новые. Ботинки звонко гремят по бревнам моста. Горят на солнце куртки. А навстречу им идут туристы, возвращающиеся с Шавлы. Лица у них обгоревшие, красные, губы потрескавшиеся. У мужиков на лицах отросла густая щетина, у женщин застиранные косынки на лбах. Куртки у них полиняли, рюкзаки похудели, ботинки грязные, все в комках засохшей земли. Глухо стучат по мосту ботинки, отлетает с ботинок грязь. И так с утра до вечера, все лето напролет. А частник на мосту только успевает убирать в карман куртки-брезентовки купюры. Был раньше в Чибите и общий, бесплатный мост, но его смыло паводком.

Чибитцы работают, кто где устроился: в школе, на заправке, в магазине, стоящем прямо у Чуйского тракта. Кто-то нашел работу в соседнем поселке Акташ. Лучше всего живет пенсионерам: у них небольшой, но верный доход каждый месяц. Чтобы прожить, у всех чибитцев имеется огород и какой-то скот или птица. Даже алкаши, и те сажают картошку и держат в сарайке курицу-другую. Иначе не продержаться.

Самые толковые и работающие работают с туристами. Это дает за летний сезон неплохой заработок. Конь в аренду идет больше чем за 1000 рублей в день, плюс оплата работы самого проводника, плюс в конце похода обычное дело – приличные чаевые. Вот только работа с туристами ответственная, нервная, хлопотная. Сначала надо добыть коней, если поход конный. Коней собирают по родственникам и соседям, ведь иногда требуется сразу по десять и даже более лошадей. Опять же не каждая лошадь подойдет туристам. Большинство из них новички, «чайники», с лошадьми дела не имевшие. Поэтому коней в походы отбирают только спокой-

ных, проверенных, опытных и без дури. С хозяевами договариваются, какую долю они получают за своих коней. Само собой, в походе коней надо беречь и вернуть живыми и здоровыми – лошади-то все *рабочие*!

Лошадей перед походом подковывают, тщательно проверяют упряжь, зашивают сумины. Берется с собой запас кож, ниток, шила и топоры – все, что необходимо для неизбежного в дороге ремонта и хозяйственных хлопот.

В самом походе проводник-чибитец вертится как черт на сковородке. За всем и за всеми нужен присмотр. Дел у него с утра до позднего вечера невпроворот. Вечером после долгого перехода, пока туристы ставят лагерь и разжигают костер, чибитец разводит по поляне уставших коней и привязывает их на ночь пастись и отдыхать. Он ведет животных на длинных толстых веревках, потом глубоко вбивает в землю обухом топора толстый деревянный кол или железный штырь, к которому привязывает лошадь на тридцатиметровой веревке, чтобы животному достаточно было травы для питания и восстановления сил. Коней разводят в разные концы поляны, подальше друг от друга, чтобы они не запутали друг друга в веревках и не пришлось вставать ночью их распутывать. Дождь ли хлещет с неба, град ли бьет в спину, привязать коней для отдыха и кормежки – первейшее дело проводника. Привязать лошадей надо крепко и надежно, иначе конь может сбежать и уйти обратно домой, что случалось не раз.

Еще надо помочь туристам, которые порой беспомощны и бестолковы, как дети. Развести, например, для них костер. Два проводника, пока смеркается, бегут в своих мокрых резиновых сапогах вверх по склону в лес и скоро возвращаются обратно, волоча за собой огромные охапки сухостоя, собранного в тайге. И вот уже разгорается жарко огонь, греется в котелке чай, варится суп.

Всякий раз, вставая лагерем, проводники собирают все седла, попоны, сумины и сбрую в одну большую кучу, где-нибудь под большим кедром или лиственницей, накрывая все это тентом на случай дождя, что на Алтае ночами обычное дело.

Каждое утро в лагере туристов идут утомительные сборы. Седлаются отдохнувшие за ночь кони, подтягиваются подпруги, вяжутся на конские крупы рюкзаки и сумки, набиваются вещами и продуктами большие кожаные сумины. Чибитец все это вяжет, подтягивает, поправляет, таскает, грузит. Наконец, когда все увязано, привязано и притянуто, когда туристы криво уселись в седлах в своих нелепых цветных куртках, караван медленно трогается в путь. Уже изрядно вспотевший от утренней беготни и суеты чибитец последним объезжает место стоянки, проверяя, не оставил ли кто чего. И такая круговерть у него каждый день похода.

Когда караван с туристами медленно движется в горах, за ними также нужен глаз да глаз, ни на минутку не расслабишься. Туристы – что дети малые, за ними требуется постоянный присмотр и пригляд. Турист может внезапно упасть с коня, если ослабнут подпруги и съедет набок седло. Или прозеваает в лесу толстую ветку, которая ударит его по голове или в грудь, и он опять-таки свалится на землю (хорошо, если не на камень). Туристы то и дело что-то роняют на дорогу, не замечая этого. Поэтому проводники всегда едут так: один впереди, определяя путь, а второй сзади, подбирая все, что свалилось у туристов, и зорко наблюдая за их разномастным выводком, чтобы вовремя поспеть к месту очередного происшествия. И тогда ловко вытащить туристу ногу, застрявшую в стремях, подать ему потерянный повод, помочь коню, нога которого запуталась в отвязавшейся веревке, поправить съехавший набок рюкзак или седло и... да мало ли что еще может случиться с туристом на тропе и на лошади. Так и потеет чибитец весь день, оберегая это бестолковое племя горожан, воображающих себя крутыми таежниками-экстремалами.

Едва ли не самое муторное для местного проводника – тащиться долгими часами за разноцветной колонной городских переростков, тянуться по горам со скоростью похоронной процессии. Сами чибитцы ездят по горам быстро, легко, воздушной мягкой рысью, налегке. Они за один день пролетают в горах расстояние, которое туристы с трудом и с натертыми изнежен-

ными задами проползают за три дня. Вот и сидит чибитец в своем седле битый день, сидит, молчит, курит, качается, борется с дремотой, покуда вереница горожан уныло ползет по широкой и удобной тропе. Порой кажется, что засыпают даже кони, прямо на ходу запинаясь от нахлынувшей на них дремоты.

Чибитцы, которые водят туристов, неплохо на этом зарабатывают, но ведь не каждый это может. Работа тяжелая, нервная, ответственная, и главное – нельзя пить. Если выпьешь и околеешь, если дурь ударит в голову, если начнешь липнуть и задираться к туристам, собачиться с другими проводниками, то еще и в драку чего доброго полезешь. И в тот же миг потеряешь все: туристов, работу, деньги, наживешь врагов, заработаешь себе дурное имя. После такого безобразия туристы больше никогда с тобой в горы не пойдут, а земляки не пригласят в дело и в долю. Немногие могут выдержать эту тяжелую работу, все в ней организовать и обеспечить.

Тем не менее чибитцы успешно зарабатывают на туристах уже больше 100 лет. Спасибо за это красотам и славе реки Шавлы и Шавлинских озер, что находятся рядом, всего в двух днях пути.

Так или иначе, народу в Чибите живет немало, а вот с туристами ходят немногие. Точно таким же образом дело обстоит и с охотой: карабинов на руках чибитцев многие десятки, но настоящих охотников в селе – раз-два и обчелся. Зверя за последние годы сильно выбили петлями и капканами, зверь ушел дальше в горы, еще выше в горную тайгу, на самые дальние перевалы. Дичь стала хитрее, умнее и осторожнее. С кондачка, как это было раньше, когда маралы ходили прямо у села, его больше не возьмешь. Да и сами сельчане сильно изменились – многие уже забыли, как ходить в тайгу, как жить и выживать в ней, перестали держать рабочих лошадей, предпочитая сидеть вечерами у телевизора, смотря сериалы, будто городские.

Но не таков наш проводник и коренной чибитец Артем, прирожденный таежник, охотник от бога. Он из тех алтайцев, что *родились с ружьем под мышкой*. Артем пожил и пережил немало, другим хватило бы на несколько жизней. Был он егерем местного природного парка, был охотоведом, водил на охоту большое начальство из Горно-Алтайска и даже из самой Москвы. Был уважаемый человек, при должности. А потом случайно убил человека и надолго, на пять лет, сел в мордовскую колонию строгого режима.

Случилось все по пьянке. Был Артем в Кош-Агаче, напились с приятелем, вспыхнула ссора, подрались, а кончилось все глупым и страшным смертоубийством.

– А в Мордовии, в тюрьме, каждый день одно – думаешь только, как выжить, – говорит иногда, закуривая, Артем. Сколько таких, как он, дуриков, которые «по пьянке» что-то натворили, сидит-мыкается по российским тюрьмам и колониям. Не счесть.

Ему нет еще и пятидесяти, а он уже весь в морщинах как старик. Во рту у него блестят золотые коронки, на голове прилеплена тряпичная грязная кепка с козырьком, на ногах – короткие резиновые сапоги, в которые заправлены линялые зеленые штаны. Еще на Артеме зеленая теплая стеганая фуфайка, в которую он запахивается от холодного ветра. Во внутреннем кармане фуфайки у Артема всегда маленький железный термос, в котором намешан сладкий растворимый кофе с молоком. Его проводник пьет из маленькой круглой термосной крышки. В горах у него всегда с собой старый карабин СКС, завернутый в мешковину и перетянутый бечевкой.

Постоянной работы у Артема нет, и каждое лето он водит в горы туристов. По несколько групп за лето – этим и живет, помимо своего подсобного хозяйства. Проводник он, несмотря на прошлую Мордовию и любовь к водочной крышке, отличный, надежный и деловой. Знает в горах все дороги-тропинки, отменно управляет с лошадьми. В тайге с ним не потеряешься и не пропадешь.

Но бывает, что и он оконфузится.

Как-то раз на плоскогорье над нижним Юнгуром Артем заприметил вдалеке на теплом плоском камне большого жирного сурка. Ясное дело, решил его подстрелить. Спешил всех нас, сам быстро размотал мешок с карабином и улегся на землю стрелять. Пальнул по сурку, по горам пошло гулять громкое эхо. Но промазал. Глупый сурок вскочил на камне, завертел во все стороны головой, но не сообразил, что надо скорее прыгать в нору и прятаться. Артем пальнул второй раз, опять мимо. Тут уже и до бестолкового сурка дошло, что палят по нему, и он кубарем скатился в свою нору. Мы все отвернулись, чтобы скрыть смех.

Артем мрачно замотал карабин обратно в мешок и хлебнул из термоса бурый кофе. Дальше долго ехали молча. Проводник ехал сзади, молчал и много курил. Потом выдал мне через час пути:

– Это прицел у меня *скрутился*.

«Ну, скрутился значит скрутился», – улыбнулся я про себя.

Охота для Артема – тоже хороший заработок, особенно трофейная, с иностранцами. Лучше всего с немцами, которые любят охоту, ценят большие трофеи, хвастаются ими друг перед другом в сытой Германии. Они платят большие чаевые, и не в рублях, а в евро, и не десятками, а сотнями. Одним словом, очень выгодные клиенты. И к Артему они приезжают охотиться почти каждый год осенью, как раз после окончания туристического сезона. Передают друг другу его телефон, хвалят его как надежного проводника и умелого охотника.

Но и тут приключалось с Артемом всякое.

Был у него один мелкий такой случай на Шавле. Прилетел как-то раз один солидный клиент, немец, вроде бы как даже из самого Мюнхена. Толстый, важный, сытый, лет под шестьдесят. Во всем дорогом и солидном, с пышными усами, курил экзотические импортные сигареты. По-русски не понимал ни слова. При нем была дорогая и тяжелая черная немецкая винтовка, с цейсовской оптикой, с откидывающимся треножником на пружинках. Винтовка лежала в дорогом чехле с защитными пятнами и молнией. Из одежды имелась на немце дорогая прочная куртка, кожаные перчатки, специальная шапка с бархатными ушами, специальные горные охотничьи сапоги, фляжка из нержавейки со старым французским коньяком во внутреннем кармане – словом, красота и шик. Настоящий трофейный немец!

Хотелось немцу заполучить с помощью Артема большой трофей – сибирского козерога с метровыми рогами от головы до самой козлиной задницы. Чтобы эти трофейные рога были целыми, не поломанными, вместе с остальной головой и большими грустными козлиными глазами. Лицензия на руках у Артема была исправная, сезон и погода самые подходящие – конец сентября и без дождей. Времени на охоту тоже было достаточно.

Еще летом Артем приметил группу крупных самцов козерога на высоких скалах по правому берегу нижнего течения Шавлы, за перевалом, что ведет к Шавле от урочища Ачик. Туда и отправились охотники – сначала машиной до Ачика, дальше на конях. Всего было четыре человека: немец, Артем и два его родственника в помощь – брат да племянник.

Охота была как охота, поначалу все шло как по маслу. Приехали на место, встали на берегу реки неподалеку от пастушеской стоянки. На другой день с раннего утра подошли к скалам, поднялись, высмотрели козогов. Экземпляры были отменные – как раз то, что надо. Крупные, черно-палевые, с большими трофейными рогами самцы. Козлы стояли на скалах, лежали, дремали, паслись на травке. Дальнейшее было делом техники. Подкрались с грузным немцем поближе, метров на двести от козогов. Погода стояла ясная, все было видно как на ладони. А в дорогую оптику усатого немца так и подавно можно было без труда пересчитать все волосинки в носу у выбранного козла, у которого из головы вырос великолепный, изогнутый, до самой задницы трофей.

Немец отдышался, успокоился, улегся своим пивным животом на жухлую хвою меж камней. Потом расставил треногу карабина, вложил патрон в затвор, защелкнул, тщательно прицелился, задержал дыхание, пальнул. С первого же раза попал, как и метил, прямо в шею. Козел

резко дернулся, рухнул на склон и покатился вниз. Остальные животные побежали вверх по скалам.

В этот момент самое главное, чтобы катящийся кубарем вниз козел не сломал трофейные рога, ведь тогда вся охота пойдет насмарку. Однако с козлом баварца вышло еще хуже: он падал-падал, а потом взял и совершенно неожиданно для всех *зацепился* за скалы. Как это вышло, теперь уже не выяснишь. Но через несколько мгновений после выстрела, прокатившись немного по крутому склону, он уже висел высоко над Шавлой, зацепившись кончиком рога, как альпинистским крюком, за выступ скалы. Другой его рог мотался справа, голова с широко открытыми черными глазами скосилась вбок, передние и задние ноги повисли вдоль тела, сама туша слегка раскачивалась после падения в воздухе. По шее и груди злополучного козла стекала свежая кровь.

Баварец тяжело поднялся с хвои и растерянно уставился на своего зацепившегося козла. Артем и оба его помощника остолбенели. Никогда еще не доводилось им видеть, чтобы подстреленный козел вот так катился под гору, а потом вдруг взял и *зацепился*. И как же теперь прикажете его оттуда доставать?

Но делать нечего. Дорогостоящий трофей ждет, надо за ним лезть в скалы. Если не достать его, то, выходит, зря пролетел немец свои тысячи миль в далекую Сибирь. Пропадет трофей, а главное, пропадут вместе с ним хорошие чаевые. Полезли доставать Артем вдвоем с братом, а племянника отправили с немцем в лагерь – отдыхать.

Легко сказать – полезли доставать, но как это сделать? Козел висел прямо на огромной скале, ровно посередине, если считать расстояние от реки до вершины отвесного утеса. Зацепился рогом за выступ и качался себе на ветру, терся спиной о камень. Блестел глазами и скалил мертвый рот. Как же теперь Артему с братом добраться до него?

Деваться некуда: решили попробовать подобраться к висельцу сверху. Два часа, сбивая себе руки и ноги, карабкались в обход скалы по каменистому склону, по острым сыпучим осыпям, по бурелому, на самый верх. Наконец вылезли уже без сил на далекую вершину, высоко-высоко над Шавлой. Прямо вниз падала скальная пропасть, и вот где-то посреди этой пропасти висел теперь злополучный баварский козел, который летел кубарем вниз и вдруг подло *зацепился*. Перекурили, настроились и полезли вниз. По гладкому камню, по узким карнизам и выступам, цепляясь за расщелины в камнях. Страшно было, опасно, шумела далеко внизу изумрудная Шавла. Сорвешься вниз – костей не соберешь. Доползли с большим трудом до совсем уже гладкой и отвесной стены и здесь окончательно встали. Дальше вниз смогли бы пройти разве что скалолазы – с вбитыми крючьями, провешенными веревками, стальными карабинами и стопперами. А у Артема с братом никакого снаряжения с собой, вокруг осень, когда быстро и рано темнеет, холодно и тихо, и уже надо возвращаться – с пустыми руками. Быстро и аккуратно выбрались обратно на самый верх и двинулись в обход скал вниз к лагерю. Пришли туда уже ночью, вконец измотанные. А козел остался ночевать на скале, качаясь на ветру и натирая ее черной шерстью спины.

У костра поели, согрелись, выпили немного водочки.

Немец, конечно, забеспокоился. Какие, мол, перспективы достать дорогой трофей?

Артем, конечно, успокоил немца:

– Да все будет нормально, герр баварец, завтра достанем вам ваш трофей. Не переживайте, битте.

А про себя думает: «Вот же чертов козел! Как он так *зацепился*? Как же теперь, черт подери, его оттуда достать?» Но виду немцу не подает.

Наутро Артем и оба его помощника, попив чаю, ушли пораньше доставать козла со скалы. По дороге надеялись, что, может быть, вредный козел уже как-нибудь сам отцепился и лежит теперь спокойно внизу под скалой. Тогда заберем его, и дело с концом, верили про себя чибитцы.

Но не тут-то было!

Проклятый козел висел на том самом месте, где его оставили накануне. Его черные глаза равнодушно смотрели вниз на злополучных охотников, бородатый рот был все так же перекошен, а острый рог еще сильнее уцепился ночью за скальный карниз.

Чибитцы выматерились и закурили. Потом негромко посовещались. Ясное дело, что снова пробовать лезть сверху – пустое дело, да еще и опасное. Скалолазов в Чибите не было никогда, нет их в Чибите и сейчас. Решили попробовать подобраться к добыче снизу.

Подлезли по осыпям и сухим колючкам под самую скалу. Козел висел и качался прямо над головой, ходило на ветру вправо и влево его круглое шерстистое пузо с запекшейся кровью, с прижатыми к телу копытами.

Нет, снизу тоже никак было не подобраться – далеко вверх уходила отвесная каменная стена, гладкая, как оштукатуренная недавно стена чибитского клуба. Можно было, конечно, попробовать пошвырять в козла камни, но тоже опасно – так можно сломать рог или оба рога, обколотить голову, выбить черные блестящие глаза, попортить шкуру, порвать камнем трофейные козлиные уши.

День быстро бежит вперед, катится по небу низкое осеннее солнце, скоро уже начнет смеркаться.

Артем с мужиками решают попробовать зайти к козлу сбоку. Снова, пыхтя и обдирая руки, облезают со стороны высокие скалы, снова подбираются по карнизам и расщелинам поближе к козлу. Так близко, что даже видят его бородатый, опущенный вниз упрямый профиль на отвесной скале. Но все равно козел остается слишком далеко от них, и к нему никак не подобраться – не на что встать ноге, не за что зацепиться руке. Ну вот как он умудрился выбрать для своего *зацепления* самое недоступное на всех этих скалах место? Это же уму непостижимо! Проклятый козел!

Делать нечего, уже темнеет и холодает, мужикам приходится возвращаться. Опять добираются до лагеря ночью, и снова с пустыми руками.

Теперь уже немец бегают вокруг костра, вопит, ругается, шевелит пышными баварскими усами. Чибитцы по-немецки не понимают, но и так все понятно. Немец возмущается, что его трофейный козел второй день висит где-то там наверху и где-то там скучно обтирает спиной камни, при том что за него уплачены немалые, как ни взгляни, деньги. А что тут скажешь: чибитцы и сами сидят вокруг костра злые как черти. Два дня ползать на пузе по скалам из-за какого-то треклятого козла! Этих козлов тут в округе – как грязи! Если бы не немец, если бы не этот проклятый трофей, разве стали бы чибитцы так убиваться и упираться из-за какого-то вредоносного козла, который падал, падал, а потом, зараза, *зацепился*!

Чибитцам становится окончательно ясно, что козла со скалы им не достать. Но у немца имеется еще один день на охоту, а лицензия у них всего одна, и она уже реализована. Поэтому чибитцы сообщают немцу, что продолжают доставать козла со скалы и на весь день уходят из лагеря. На самом деле чибитцы даже не пытаются стащить с горы проклятого козла, который как бельмо на глазу качается наверху посреди скалы. Они даже не смотрят в его сторону – так сильно он их разозлил. Вот же проклятуший козел, как же он так, черт бородатый, *зацепился*! Весь день до самых сумерек Артем и два его поделника лежат на берегу Шавлы под березами, курят, дремлют, обсуждают деревенские дела.

В ночи вернулись к немцу и объявили ему жестами и междометиями, что козла опять достать не удалось. Что завтра они сvezут немца в Чибит и отправят в Барнаул на самолет. А потом вернутся с крюками и веревками и достанут-таки козла. После чего аккуратно упакуют и отправят его в Мюнхен первым же самолетом. Немец сильно расстроен, но выбора у него все равно нет. Ему остается поверить этим ловким людям, которые нашли козла, подвели клиента на удобное для выстрела расстояние, но теперь не могут достать его вот уже битых три дня. В самом дурном расположении духа неудачливый охотник возвращается на следующий день в

Чибит, потом долго едет машиной в Барнаул и улетает в свою Германию с дорогой охоты. Летит домой без трофея, очень злой, как был бы зол на его месте любой расчетливый и прижимистый немец.

Спровадив немца, Артем с мужиками собираются на военный совет. Козла со скалы не достать – это ясно, как божий день. Без трофея чаевых (между прочим – сотни евро!) не получить – это еще яснее. Хуже того и сверх того, немец может растрюбить про свою неудачную охоту с чибитцами по всей Германии и тем отбить у других охотников желание приехать в Чибит. Так что же теперь делать?

Посоветовались хитроумные чибитцы и решили попробовать надуть немца. Пошли по родственникам, друзьям и соседям – из тех, что сами охотники. Может, найдется у кого подходящий трофей – похожий на проклятого *висельника*?

Здесь Артему первый раз повезло. У его дальнего родственника, чей дом стоит ближе к Чуе, нашлась подходящая козлиная башка с большими кривыми рогами – точно такими же, как у несчастлившегося баварца. К тому же добыт этот родственник козел был примерно в то же время и примерно в том же месте. Был он к тому же приблизительно той же масти и пошиба. Глаза у него были большие и черные, и козлиная борода так же топорщилась под перекошенным ртом. Словом, можно было попробовать выдать его за висячего козла, объявив о счастливом снятии упорного зверя с острого рога с помощью веревок, крюков и ловких спусков в смертельную пропасть.

Была в этом хитроумном и смелом плане только одна, но при этом реальная опасность. Педантичный немец мог запомнить своего козла «в лицо» и вскрыть коварный обман чибитцев, разоблачить их ловкую подмену, их преступный подлог! Вот что могло случиться – и не видать тогда Артему его чаевых! Ведь, во-первых, немец видел, и притом крупно, морду козла в цейсовскую оптику, когда целился и палил по нему. Во-вторых, он долго разглядывал, как козел висит и качается на скале на одном роге в свой мощный бинокль. В-третьих, племяннику Андрея запомнилось, что тщательный немец вроде как даже сфотографировал тогда козла на скале на фотоаппарат и увез снимок с собой в Германию. А что, если он вдруг сличит портреты двойника и *висельника* – и вскроет обман?

Артем, мужики и родственник – хозяин козла-двойника – столпились в сарае вокруг башки козла-обманки. Башка взгромождена на грубый деревянный стол и глядит черными глазами прямо в хитрые сощуренные глаза Артема. Под дощатым потолком на проводе горит лампочка. Все смотрят на башку козла, на рога, на черные глаза, на лохматые уши, на торчащую бороду, на перекошенный рот с черными губами. Брат и племянник Артема, а в первую очередь сам Артем силятся вспомнить во всех подробностях физиономию недостижимого баварского козла, который так несчастливо для всех *зацепился*. Родственник терпеливо ждет. Он тоже заинтересован в успешном подлоге – ему перепадет хорошая доля чаевых, а это дело справедливое и стоящее.

Наконец все дружно решают, что подложный козел похож на баварца, как брат-близнец. Башку разворачивают на столе половчее, чтобы усилить портретное сходство, и племянник снимает отысканного двойника на свой телефон. К немцу в Мюнхен летит радостное сообщение об успешном снятии козла с рога, с приложенной фотографией спасенного. Вокруг счастливо обретенного трофея стоят наши скромные герои: Артем, его брат и его племянник. В руках Артема для убедительности торчит какая-то веревка и что-то отдаленно похожее не то на крюк, не то на альпеншток. Перед съемкой все для храбрости выпивают.

Спустя ночь тревог из Мюнхена приходит радостный для чибитцев ответ: немец уверенно опознал *своего* козла. Немец счастлив и уже перечисляет в Чибит деньги и даже кладет сверху щедрый бонус – за проявленный героизм с веревками и пережитые всеми треволнения. Немец рад, немец впечатлен, немец поднимает бокал за героев – и все в таком духе.

У Артема гора с плеч.

Артем пакует башку козла-двойника в мешок, оформляет все бумаги и высылает трофеем прямиком в Мюнхен. Скоро приходят деньги, которые честно делятся между всеми участниками опасной во всех смыслах операции и после всеми вместе, как положено, обмываются.

– Ох, и намучились мы тогда с этим проклятым козлом! – смеется Артем. Теперь ему приятно вспоминать эту нелепую историю, но тогда было совсем не до смеха.

– А что дальше было с тем козлом, который *зацепился*? – интересуюсь я. И жду ответа – что, мол, черт его знает, что там с ним сделалось, да и знать про него, проклятого, не хочется. Пусть его волки поскорее сожрут и склюют стервятники, заразу!

Но нет! Висячий козел вовсе не остался для чибитцев в горькой безвестности. Оказывается, не только мне была интересна его извилистая судьба, но и самим многоопытным остроглазым алтайцам.

С того самого злополучного дня, когда по козлу палил немец и когда убитый, падая вниз, *зацепился за скалу*, чибитцы всякий раз, когда оказывались по своим делам близ отвесной козлиной скалы, обязательно ехали туда взглянуть, что там с ним, со знаменитым теперь на весь Чибит баварским «незадачником». И всякий раз, к немалому своему удивлению, находили его на прежнем месте с тем же острым рогом, зацепившимся за тот же скальный карниз, с тем же шерстистым пузом и прижатыми к туловищу копытами, с той же торчащей бородой и с все тем же перекошенным ртом. Только вот черные глаза на поникшей голове кто-то выклевал, оставив на их месте пустые темные дырки. При каждом посещении чибитцами козел все так же качался на ветру, обтирая многотерпеливую спину о камень, и все так же паялился вниз, пусть и пустыми теперь глазницами.

Прошла осень охоты, миновала первая долгая зима, козла запорошило снегом и заледенило морозами. После наступила весна, козел оттаял, но не сгнил, болтаясь у сухой скалы на свежем ветру и на жарком горном солнце. Даже наоборот – он за первое свое лето сильно высох и постепенно совершенно *завялился*. Острому рогу стало еще легче держать высохшую тушку, и качаться козел на ветру стал еще веселее и размашистее.

Артем и другие чибитские мужики давно оставили затею добраться до козла и забрать наконец этот исторический трофей. Они отчасти даже зауважали этого упрямого козла, который вот так неприступно и намертво *зацепился*, а после также добровольно усох и *завялился*, неуступчиво сохранив при этом полную свою независимость и свободу, избежав насильственной отсылки в далекую альпийскую чужбину, на стену чужого баварского шале, где он висел бы со стеклянными зенками, с подкрашенной импортной краской шерстью, с выправленной симметричной челюстью, столь несвойственной его гордому сибирскому характеру.

Больше того, молодой учитель истории Андрей, приехавший недавно в чибитскую школу из города, выдвинул смелую научную гипотезу относительно висячего завяленного козла, весьма популярную среди местных ребятишек и нашедшую при этом немало сторонников среди взрослых чибитцев и даже среди кое-кого в Акташе. Да и сам Артем в душе отчасти разделяет гипотезу молодого учителя, хотя, конечно, никогда в этом не признается.

Научная гипотеза молодого чибитского историка такова. А именно, что знаменитый висячий козел, принявший столь мученическую смерть в шавлинских скалах, этот героический зверь, добровольно и умело *зацепившийся* в совершенно неприступном для людей и для зверей месте, а после столь же добровольно высохший и *завялившийся*, сам себя тем самым мумифицировал, музейфицировал и увековечил, как некогда делали в Древнем Египте великие фараоны. К примеру, всемирно прославленный Тутан-хамон со своей вселенски прославленной гробницей. И что теперь все окрестные козероги, несомненно, поклоняются его великой мумии и почитают ее, мумию *козла-фараона*, которая так величественно и победоносно

зацепилась, после *завялилась* и протирает теперь из года в год свою спину о скалу, медитативно раскачиваясь на пахнущем полынью ветру.

Учитель Андрей авторитетно утверждает также, что, вероятно, слагают теперь местные (и не только местные) козероги легенды о великом подвиге висячего козла. Что празднуют они теперь каждый сентябрь великий праздник козлиного *зацепляния*, в пору которого почтительно приносят в зубах к подножию козлиной скалы ветки со спелым шиповником и зеленые кедровые лапы. Что знаменитый козел-баварец стал теперь культовой фигурой среди всех местных (и не только) козеров. Что чтится он ими не только как бесспорный герой, но и как признанный всеми козлами святой козел, как бесспорно величайшая среди них фигура, и т. д., и т. п., – много еще чего интересного пояснял и развивал перед изумленными чибитцами молодой учитель истории с университетским образованием и глубокими знаниями об истинной природе культов и скрытых законов поклонения героическим подвигам великих людей (и не только).

Не знаю, был ли зацепившийся козел и вправду местным козлиным фараоном-мумией или же просто несчастной жертвой несчастных обстоятельств неудачной охоты. И были ли там под скалой на самом деле стащенные отовсюду другими козлами ветки шиповника и кедровые лапы. Не знает этого наверняка и Артем, счастливо обманувший с подельниками наивного усатого германца с помощью подлога и удачно отысканной рогатой башки козла-двойника. Но решительно советую всем вам одно: если доведется вдруг оказаться на Нижней Шавле, у той памятной скалы, непременно не забудьте взглянуть вверх на качающуюся иссохшую тушку рогатого козла, чьи пустые глазницы все так же решительно и неотступно смотрят вниз на шумную и родную изумрудную Шавлу, окруженную высокими свежими березами. На Шавлу, убегающую вправо широкой долиной к Аргуту и дальше, дальше через Катунь, а после через Обь – дальше, дальше, к самому Великому Северному океану.

Мертвый конь (История одного злополучного губернаторского подарка)

Губернатор (точнее, президент, как записано в его удостоверении из дорогой красной кожи) далекой сибирской горной республики проснулся поздним утром с большого бодуна. Голова трещала, во рту было сухо, язык и десны пахли стухшим лососем. Звали губернатора Александр Михайлович Бортников, и у него сегодня был полувековой юбилей. Бортников и без того страдал регулярными и долгими запоями, но этот славный юбилей доконал даже его привычный к долгим запоям организм.

Все углы большого несуразного президентского дома, из дорогого кемеровского красного кирпича, с тремя башенками, крытыми зеленой металлочерепицей, с нелепым чугунным балконом с видом на быструю реку, были загромождены подарками к юбилею. Это не считая тех многочисленных презентов, что были свалены большой кучей в гараже. Кругом по комнатам дома блестили свертки, громоздились коробки с алкоголем. А прямо у кровати маячила на полу сильно початая пятилитровая бутылка двенадцатилетнего «Блэк Лэйбла» на качалке из железных прутьев, чтобы проще было бутылку наклонять и разливать. Бортников вздохнул. Вздох отдался острой болью внутри черепа.

Одних только сабель генералу (до президентства Бортников всю жизнь служил в милиции) подарили четыре. Все в богатых ножнах, все с узорами, все с юбилейными надписями. Со всех сабель, ясное дело, пришлось пить, ставя на них полные рюмки с водкой. «Любо!» Тяжелый вздох. Придется теперь куда-то присобачивать все эти сабли, вместе с тремя саблями и японским мечом, оставшимися от прошлого юбилея в гостевой комнате в генеральской бане.

– Нашли кавалериста! – мрачно посмотрел на свой огромный живот губернатор.

Голова трещала, стухший лосось не отлипал от зубов. Большой министр из Москвы прислал наградное оружие, пистолет. Президент дал орден. Обмыли его в узком кругу, само собой. Зря мы тогда мешали водку, виски и зеленый абсент, тускло подумал генерал. На дворе монотонно лаяла собака, по горам за окном плыли мокрые туманы.

Чиновный и бизнесовый народ с подарками пер с утра до вечера. Тащили преимущественно всякую золоченую дрянь. Много было картин «холст-масло»: болотно-синие озера, зеленые горы, белые березки, все в блестящих пышных рамах. Нипочем нельзя было отличить одного художника от другого, да и рамы все были одинаково помпезные и собирающие при этом много пыли. Был еще с десяток кухонных сервизов в огромных коробках, с розами, голубками и целующимися парами в париках – из гламурного XVIII в. Имелся даже один настоящий майсенский сервиз (а может статья, что и поддельный – кто его разберет). Само собой, навезли много дорогого спиртного в красивых коробках: коньяки, виски, даже кальвадосы и арманьяки. Ну это, положим, неплохо, подумал генерал. Захотелось опохмелиться с утра, но он сдержался.

Целую гору подарков надарили для любимой генералом охоты. Одних только теплых, защитного цвета курток с десятков, а еще палатки, драйбэги, термочехлы для оружия, надувные чучела уток и гусей, даже складной немецкий ттталатт. Охота пару лет тому назад чуть не стоила генералу жизни. Тогда разбился вертолет с большим начальством из Москвы, которое прилетело в республику побухать и побраконьерить. Все погибли, а Бортников уцелел – его счастливо спас страшный запой, в котором он тогда пребывал. Генерала просто не смогли поднять на ноги в день охоты. Вернее, поднимали несколько раз, но он каждый раз падал и только бормотал что-то несвязное своим заплетающимся ртом. Генерал перекрестился в угол, где были свалены и мерцали золотом подаренные на юбилей иконы. Вспомнил, как напились

на днях с владыкой Исидором, но не смог вспомнить, где и с кем еще это было. Еще раз поблагодарил тот чудотворный запой за спасение.

– Слава тебе, Господи, а то не дожил бы до юбилея...

Генерал поплелся умыться. В большой ванне с золочеными ручками лежали трофейные олени рога, перевязанные розовым шелковым бантом. Рогов генералу тоже надарили много, маралы: пяти-, шести- и даже семиотростковые. Все стены генеральского дома и так ветвились рогами, собиравшими грязь и двоившимися в глазах в дни запоев. Рога маралов, козорогов и косуль, застывшие морды кабарги с острыми белыми клыками, толстые кабаньи морды. Даже в гараже генерал всюду наткался на рога. На них висели промасленные тряпки и сухие березовые веники.

Однако же самый лучший подарок преподнес губернатору его министр сельского хозяйства Чаптыков. Это был роскошный племенной жеребец Батыр. Несколько дней назад жеребца привезли из дальнего племенного хозяйства в кузове КамАЗа. Привязали у ворот. Бортников вышел смотреть скакуна, он любил коней. Жеребец был превосходный! Вороной, крепкий, тонконогий, поджарый. Шестилетка. Глаза его блестели, шкура лоснилась. Жеребец был сильный, быстрый и нервный. Стриг ушами и гарцевал у высокой коновязи.

– Отличный конь, Александр Михайлович! – хлопотал вокруг коня Чаптыков. – Наш лучший производитель! Чемпион!

– Молодец Чаптыков, молодец, – одобрил подарок Бортников, обходя и осматривая коня. Чаптыков заюлил от счастья.

Коня быстро заседлали. Чаптыков, наклонясь в полупоклоне, подвел коня к скамейке, с которой губернатор тяжело залез в седло. Чаптыков коротко держал коня за узду, преданно оберегая губернатора от возможной конской горячности.

Бортников проехался по улице, поворачивая коня направо и налево. Даже пустил его небольшой рысью. Конь шел отлично – быстро и мягко. Генерал был доволен, Чаптыков – форменно счастлив. Спешившись, губернатор вернулся с министром в дом, где, как положено, обмыли коня. Настроение у юбиляра в тот день было отменное.

– Черт бы побрал этого Чаптыкова! С его чертовым конем! – выругался Бортников. Дело было в том, что конь Батыр принес генералу одни только неприятности.

Началось все с того, что местная злобная оппозиционная газетенка «Гудок» разнюхала, что конь Батыр по документам был списан начальником племзавода по приказу Чаптыкова как сдохший. Даже оформили, как полагается, акт утилизации коня и его захоронения на скотомогильнике. Но кто-то взял и слил информацию проклятым журналистам.

Хуже всего было то, что на следующий день после получения дорогого подарка генерал гарцевал на Батыре на районном празднике, на глазах у толпы зевак, и фото попало в социальные сети. На фото генерал, в дорогом костюме, в лакированных туфлях, в сбившемся набок красном галстуке, молодежато позировал журналистам, желая подчеркнуть, что глава региона – в хорошей физической форме (мерзкий «Гудок» все время клеветал на генерала, что он разложившийся алкоголик с увеличенной от пьянства печенью).

На следующий день после праздника «Гудок» вышел с большой фотографией и заголовком «Бортникову подарили мертвого коня!». Генерал прочитал заметку и рассвирепел.

– Чаптыков, мать твою! – орал он в трубку министру. – Мать твою, Чаптыков! Ты какого подарил мне списанного коня?!

– Так кто ж знал, Александр Михайлович! – покаянно бормотал убитый горем, преданный генералу Чаптыков.

Поднялся страшный шум. Депутаты от оппозиции в Курултае требовали немедленного ответа. Обвиняли Бортникова в коррупции и нанесении невосполнимого ущерба государству. В прокуратуру и следственный комитет посыпались депутатские запросы. Начальника племзавода вызвали на допрос и возбудили целое дело. В сетях появились подробные фоторепортажи

со скотомогильника. Коммунист Мошкин даже заявил с трибуны, что преступным изъятием Батыра с племзавода Бортников планомерно уничтожает генофонд древней породы местных лошадей.

– Это геноцид наших коней! – кричал с трибуны Курултая коммунист Мошкин.

– Это хуже, чем глупость, это предательство! – вторил ему либерал-демократ Чупчигашев, судимый в молодости за мелкую кражу.

Одним словом, юбилей был безнадежно испорчен.

Шум дошел до самой Москвы. Из Кремля позвонил куратор республики:

– Чего у тебя там за мертвый конь, Бортников?

– Да чертов министр перестарался, Сергей Иванович.

– Ну, ты там разберись, закрой тему.

На начальника племзавода и министра Чаптыкова завели уголовное дело. Министра пришлось отправить в отставку, хоть он был земляком генерала и даже его дальним родственником.

Однако проклятый «Гудок» все не унимался. Страницы газеты пестрели фотографиями Батыра вперемешку с портретами самого Бортникова. Батыр на поле, Батыр на скачках, Батыр в окружении косяка влюбленных в производителя кобыл, акт о смерти Батыра, акт об утилизации Батыра на скотомогильнике. Батыр с губернатором, довольно улыбающимся во весь рот. Чертов «Гудок»!

На третий день в дом к губернатору пришли следователи и арестовали Батыра как вещественное доказательство. Снова подогнали КамАЗ и увезли жеребца в детскую спортивную школу в республиканскую столицу. Поместили его туда до решения суда и определения дальнейшей судьбы мертвого коня. Батыр стриг ушами и нервно гарцевал, пока следователи оформляли изъятие ценного вещдока. Были намечены: опознание коня работниками племзавода, вскрытие скотомогильника, генетическая экспертиза кобыл и другие следственные действия. С генерала взяли объяснение о том, что он ничего не знал о том, что конь был изъят с племзавода и к тому же числился официально как мертвый.

Теперь на вещдоке катались местные ребяташки, гордясь, что их конь – такая знаменитость и «губернаторский».

Бортников тяжело вздохнул и повязал трясущимися руками галстук. Посмотрел на себя в зеркало. Его всегда красное лицо было сегодня и вовсе цвета вареной свеклы. Пора было ехать в правительство. Там были намечены юбилейное собрание и праздничный банкет. Чаптыкова решили не звать. Так-то, конечно, молодец Чаптыков, старался. Но ведь не додумал все до конца. Испортил такой юбилей!

Шелковые пути Алтая (Перевал Ойгон, урочище Ело и вид на Белуху с Ело)

– Это наш Великий шелковый путь, – весело говорит наш проводник Николай, егерь Катунского заповедника, житель старинного села Катанда, что в Усть-Коксинском районе Республики Алтай.

– Да уж, это точно! – смеется Сергей, его коллега и сосед. Мы только что перебрали на конях правый приток Катунь ручей Берткем и начали резкий затяжной подъем на перевал Ойгон (2200 м) – первый на нашем долгом пути из Уймонской долины в Чуйскую степь.

Великий Уймоно-Чуйский шелковый путь – единственная дорога, по которой можно попасть из верховьев Катунь в верховья Чуй, в район Кош-Агача. Он представляет собой узкую тропу, уходящую змейкой вверх по крутому склону одного из отрогов Северо-Чуйского хребта и порой теряющуюся в высоких таежных травах – по пояс всаднику верхом.

Тропа это очень древняя и активно используется местными жителями: скотоводами и охотниками. Поздней осенью по ней перегоняют скот на верхние пастбища, где сильные ветра выдувают снежный покров и где растет питательная высокогорная трава, напоминающая растительный покров северной тундры. Летом спускают скот вниз, на сочные пастбища вдоль Катунь и ее притоков. Пару тысяч лет тому назад по этой же тропе

гоняли свои стада скифы и гунны, следы которых (курганы и камни) можно встретить здесь повсюду.

Эта же конная дорога ведет в Монголию и Китай. По ней столетиями шли товары, соединяя земли нынешних России и Казахстана с великими империями Востока. Едва заметная тропка – местное шоссе стратегического значения. За ней тщательно следят: пропиливают упавшие деревья, срезают мешающие ветки. На стволах сделаны острым топором широкие засеки, чтобы не потерять ориентиры в густых лесных зарослях.

Зверь ходит тут же, по этой же тропе. Сергей приметил и показывает нам свежий прикол слева от тропы у корней лиственницы, из которого торчит окровавленное копыто молодого мараленка.

– Медведь задрал и прикопал, – поясняют нам проводники, с раннего детства опытные следопыты и охотники. – Медведи любят тухлятину. Дождется хозяин, пока мясо стухнет, и придет за ним.

– А где сейчас сам зверюга? – интересуемся мы.

– Да где-то рядом должен быть. Вообще у нас медведи в основном вегетарианцы – им хватает муравьиных яиц, рыбы, кореньев, ягод. Но когда вдруг медведь находит свежую падаль и пробует, тогда пристрастается к мясу. Мы зовем таких *порченный медведь*, – рассказывает Николай.

С перевала Ойгон открывается вид на широко распахнутую заболоченную долину с поэтическим названием Долина семи озер. Вдалеке от нас быстро уходит в лес крупная маралиха. А уже за следующим перевалом нас ждет высокогорный охотничий кордон на реке Ело, где мы встаем на ночевку. Николай и Сергей, вооружившись дорогим биноклем одного из москвичей, высматривают по дальним склонам «теков» (горных козлов – на местном наречии) и маралов.

На рассвете нас будит Николай – идти смотреть на Белуху. На нашем высокогорном плато заморозки: градусов 7-10 ниже нуля (и это в конце июля). Высота стоянки Ело – выше двух километров. На зеленой ткани палаток жемчужинами блестят замерзшие капли, сама ткань глухо гремит жестяным гулом, когда ее трогаешь. В котловине Ело еще нет солнца, но окрестные горы уже светятся розовым. Мы быстро одеваемся потеплее и спешим вверх по склону, обратно ко вчерашнему перевалу. Трава покрыта смесью росы и льда, ковер диких высоко-

горных цветов, съжившись, ожидает скорых солнечных лучей, чтобы оттаять и раскрыться новому дню.

Позади нас шаг за шагом вверх начинает открываться белоснежная стена Катунского хребта, до которого по прямой отсюда 25–30 км. Вот наконец мы видим Белуху – главную вершину Алтая, Сибири, да и всей Центральной Евразии. Отчетливо видны обе ее вершины: треугольный пик западной и округлый горб восточной, широкое седло между ними. Пока мы шли наверх, розовый окрас ледников Белухи уже сменился ослепительно-белым сиянием.

По глубоким речным долинам Аргута и Коира плывут белые густые туманы. А мы смотрим на близкую Белуху, щедро открывшуюся нам в этот солнечный день. Через три дня, перейдя вброд бурный и опасный Коир, преодолев высокий перевал Бартулдак, пройдя выжженные солнцем террасы левого берега Аргута и почти непроходимые каменные осыпи Иедыгема, мы планируем вплотную подойти к Белухе с одной из самых труднодоступных сторон: с северо-востока, где в речную долину спускается язык могучего ледника Менсу. И там Белуха подарит нам один из самых прекрасных моментов. Мы будем стоять на рассвете в высокой, полной холодной росы траве, а слева, со стороны Монголии, будет медленно подниматься невидимое нами солнце. Сумрачная и серо-синяя перед рассветом огромная гора будет прямо перед нами попеременно окрашиваться сверху вниз самыми нежными оттенками светло-розового, ярко-розового, оранжево-розового, ярко-оранжевого цветов, чтобы через час ударить в нас снопом ослепительного белого света. Такого белого, который на всем белом свете вы найдете только у Белухи!

Затерянный мир Юнгур (Джазатор, Аргут, Карагем, перевал Ашра-Чибит, река Юнгур)

Наше путешествие на реку Юнгур из села Джазатор начиналось идиллически и не предвещало ровным счетом ничего из того, что приключилось с нами дальше. На Юнгуре мы оказались в результате рассеянного блуждания моего указательного пальца в Москве зимним вечером по укрупненной туристической карте Алтая, многократно заклеенной и переклеенной прозрачным скотчем. Я сидел с еще советской картой и пытался придумать новый, ранее не хоженный нами маршрут по Горному Алтаю. Однажды мы уже проехали длинным путем от устья Аккема через Коир на Аргут, и поднялись по этой реке до села Старый Аргут и потом до самого Джазатора. А в другой год проехали в этой же южной части Алтая, тоже на конях, долгий путь от Джазатора на плато Укок, по Кара-Алахе и Чиндагатую. И вот теперь мне показалось любопытным изучить еще один приток Аргута, Юнгур, тесно зажатый между Северо-Чуйским и Южно-Чуйским хребтами. Мы там никогда не были и плохо представляли, что нас ждет.

Путешествие на дикий Юнгур

Меня не насторожило даже то, что живущий в Джазаторе Альберт К., наш давний друг и помощник в организации походов, долго не мог отыскать проводников, знающих эти места и готовых ехать с нами на Юнгур. В конце концов, проводники нашлись, и мы прибыли в затерянный в горах Джазатор, чтобы пуститься с ними в путь. Наш план на бумаге был прост: добраться через высокие перевалы на Юнгур в его нижнем течении, дальше подняться к истокам реки, оттуда перевалить на Шавлу и далее – выехать на Чуйский тракт в районе Чибита. Проводники брались провести нас этим маршрутом и, что важно, в наши сроки. Маршрут казался не очень длинным, хотя и сложным. Вот только скоро весь этот план с треском провалился, и слава богу еще, что все мы остались при этом живы и здоровы!

День первый: сельская идиллия долины Аргута близ Джазатора

Мы выехали из Джазатора свежим летним утром правым берегом Аргута вниз по течению, на запад. С утра моросил теплый летний дождик, но потом небо раскрылось и засверкало горячее горное солнце. Нас было шестеро, и с нами двое проводников: Петр и Кошон, оба жители Джазатора. В нашем распоряжении были восемь крепких коней. У них по бокам ниже седел висели туго набитые кожаные сумы – все наши припасы на две недели пути.

Наша выехавшая из Джазатора группа была самый блеск: все спортивные, поджарые, все опытные конники с приличным стажем походов по горам Алтая. Кроме самого молодого, Артема. Он был в горах впервые, но при этом профессиональный спортсмен-кайер, экстремал, ловкий и сильный. Артем быстро освоился в седле и в тайге, он много и охотно помогал всем остальным – выучиться, тащить вещи, тянуть подпруги, ставить и снимать лагерь. Было два сравнительно слабых звена: немец Петер и американец Игорь, но об этом позже. Мы были уверены в себе и в нашей группе – с такой опытной командой пройти маршрут любой сложности не проблема!

Сразу за окраиной Джазатора нас со всех сторон обступила безмятежная алтайская пастораль. Мы ехали не спеша, покачиваясь в седлах, как в креслах. По сторонам от нас стоял прозрачный и чистый лиственный лес, сквозь огромные колонны лиственниц которого слева виднелся изумрудный Аргут. Здесь, ниже Джазатора, река течет спокойно и глубоко, вода от берега до берега темная и как будто маслянистая. Проселочная дорога бежит лесом, справа вздымается лесистый горный склон. Вскоре за селом уходит влево поворот на деревянный мост через Аргут, в сторону степи Самаха и в долину реки Коксу. Мы же минуем этот поворот и продолжаем ехать прямо правым берегом Аргута.

Эта единственная дорога соединяет Джазатор с крохотным, всего в 20 дворов, селом Старый Аргут, расположенным на левом берегу Аргута. Там живут охотники-таежники и скотоводы, пасущие свой скот на берегах Аргута. Дальше этой деревушки по реке населенных пунктов нет и по берегам разбросаны одни лишь пастушеские стоянки. По автомобильной дороге от Джазатора до Старого Аргута всего 40 км, но это одна из самых опасных дорог всего Алтая.

Когда-то давно и такой дороги не было и по склонам над правым берегом Аргута проходила лишь старинная конная тропа.

На месте Старого Аргута располагалась небольшая зимняя пастушеская стоянка в несколько домов. После стоянка разрослась в небольшую деревеньку, от джазаторского колхоза там начала числиться бригада скотоводов. Тогда колхозники решили пробить к бригаде автомобильную дорогу. Из Джазатора выехала пара тракторов с тяжелыми острыми ножами и принялась вырезать в крутых склонах узкую дорогу – прямо там, где шла конная тропа. Через два месяца дорога была готова. Местами она шла по широким полянам, со стоянками у берегов Аргута, где-то пробиралась густым лесом. Местами взбиралась на головокружительную высоту и шла там узким карнизом, выбранным в осыпистом каменистом склоне. В таких местах сразу за краем колеи обрывалась вниз отвесная километровая пропасть. Двум машинам на таком карнизе было не разъехаться, да и одна едва цеплялась за узкий и осыпчатый край. Почти каждый год после открытия дороги в эту пропасть падали машины и трактора. Их ржавые остовы и теперь валяются далеко внизу на дне пропасти, где шумит зажатый в ущелье Аргут.

Самое опасное место на всей староаргутской дороге – участок над Карагемским прорывом, т. е. тем местом, где Аргут прорезает тесное схождение двух огромных хребтов, Катунского и Южно-Чуйского. Река пенится и ревет в узком каньоне в километре ниже дороги, густо заваленном крупными скалами с острыми гранями. Дорога лепится к сухому крутому склону. Склон постоянно осыпается, как выше узкого карниза, так и ниже него. Дожди и талый снег

методично подмывают дорогу, все больше наклоняя ее в сторону страшной пропасти. Справа борт машины цепляет зыбкий сыпучий склон, слева колеса выдавливают мелкие камушки прямо в пропасть. Очень опасно! Особенно ночью, когда в кромешной тьме диких гор вообще ничего не видно, кроме освещенного слабыми фарами кусочка дороги впереди машины. И когда можно улететь прямо в пропасть, просто неосторожно выйдя из машины не в ту сторону. Сразу за опасным карнизом над Карагемским прорывом начинается очень крутой спуск к месту впадения в Аргут правого притока, реки Карагем. При подъеме же от Карагема в сторону Джазатора мотор ревет и работает на пределе своих возможностей, капот задран высоко вверх, а если вдруг заглохнешь на этом жутком подъеме, то можешь и вовсе отсюда не выбраться.

Есть на староаргутской дороге печально знаменитый поворот, *верблюжья шея*. Его так прозвали за форму (и вправду похожую на шею верблюда), круто изогнутую латинской буквой S. Эта «шея» обрывается резко вниз по крутому склону, машина должна не только вписаться в очень крутой поворот, но и не сорваться при этом камнем вниз. Хуже всего приходится длинным грузовикам – они могут вписаться в поворот, только зависая боковыми колесами над пропастью. Так это или нет, но мне рассказывали, что иногда водители привязывают свои грузовики железным тросом к большому дереву, повисая на котором как на прочной оси они и огибают, рискуя жизнью, с открытой на всякий случай дверью, страшный поворот. Некоторые не вписались и улетели в пропасть.

Словом, дорога эта страшная и местные жители без необходимости по ней не ездят. Если им и приходится по ней ехать, то только по делу, например чтобы завезти припасы в Старый Аргут. Село стоит на противоположном левом берегу реки, и грузы перевозят туда, перетаскивая с машин на лодках, а по осени – вброд ниже села на конях. Зимой местами по реке встает крепкий лед, и тогда можно переехать реку на машине или на тракторе. Расстояние от Джазатора до Старого Аргуто невелико, но дорога занимает часа два, ведь ехать по ней надо медленно и осмотрительно.

Совсем другое дело – передвигаться здесь на лошадях! Мы едем и любимся прекрасными пейзажами. Лес сменяется широкими солнечными полянами, на которых высятся большие скифские курганы, почти все разграбленные еще в древности. От курганов ритмично бегут на восток каменные столбики, балбалы. На каждой такой обширной поляне есть зимняя стоянка, сейчас, летом, пустая. Когда дорога взбирается от прибрежных полей наверх, мы сначала едем лесом, переезжаем по ходу холодные чистые ручьи, а потом попадаем на высокие ровные полки далеко над Аргутом. Здесь, обдуваемые свежим ветерком, пасутся пестрые коровы с маленькими телятами и кобылицы с резвыми жеребятами.

Оттуда, с верхних полок, нам открываются захватывающие виды. По ходу в одном приметном месте у дороги растет одинокая лиственница, с ее ветвей струятся на ветру разноцветные узкие ленточки. Дерево растет на травянистом круглом бугре высоко над Аргутом. Этот перевал – одно из самых высоких мест староаргутской дороги и здесь полагается сделать короткий привал. Мы, конечно, останавливаемся, лежим на солнце, перекусываем и пьем чай. Прямо под нами за рекой распахивается широкая золотая степь Самаха, вся разрезанная, как золотистый пирог, темно-зелеными лентами хвойного леса. Блестит и весело бежит вниз Аргут. Вдалеке на юге за степью, куда уходит синяя река Коксу, плывут высокие голубые хребты на самой границе с Казахстаном.

Так, никуда не спеша, мы едем весь день по староаргутской дороге. Пару раз навстречу нам проезжают машины, высоко нагруженные свежим сеном – на дворе время сенокоса. Несколько раз встречаются косцы на конях, возвращающиеся домой с покоса. Бабы сидят позади мужиков, их головы повязаны косынками. Мы съезжаем на обочину, пропуская встречающих, наши проводники перекидываются с ними парой слов насчет погоды и заготовки сена.

Время склоняется к вечеру, и мы решаем встать на ночлег прямо на дороге. Мы сейчас находимся высоко над Аргутом в густом чистом лесу. Слева от дороги лес отступает, образуя

небольшую полянку, поросшую высокой сочной травой по пояс человеку. Поляна со всех сторон окружена лесом, по ее дальнему краю течет небольшой прозрачный ручей Карасу. Аргут где-то далеко внизу от нас, мы едва слышим его отдаленный глухой шум. Быстро ставим свои палатки у кромки леса, а наши кони разбредаются по поляне уплетать вкусную, полную влаги и свежести траву. Темнеет, наш костер весело горит и потрескивает, нас не беспокоят ни дождь, ни комары. Дорога замирает, теперь по ней нет никакого движения и не будет до самого утра. Ничто не побеспокоит наш сон, а кони к утру наберутся сил и выспятся. Весь наш первый день пути – сплошная радость, красота и идиллия. Стопроцентный расслабленный отдых – каким он только может быть!

День второй: старый рудник над Карагемом

Наутро нас встречают яркое солнце и веселое пение лесных птиц. На траве, заметно подъеденной нашими конями, блестит крупная роса. Лошади уже давно проснулись и весело вертят глазами, сытые и довольные. Бока их лоснятся. Они даже не щиплют траву – так наелись за ночь. Мы собираемся и пускаемся в путь, полные безмятежности и приятной отпускной лени.

Сразу за Карасу лес кончается и дорога идет дальше сухим сыпучим склоном, на котором растет жидкая серая травка и торчат колючки. Мы по-прежнему едем высоко над руслом Аргута, который белеет слева далеко внизу. Вскоре перед нами открывается просторный вид на устье Карагема, на село Старый Аргут и на всю долину Аргута в ее западном направлении. Справа от нас уходит вверх крутой склон безымянной горы-трехтысячника, западной оконечности Южно-Чуйского хребта. Слева, за Аргутом, возвышаются ледники и снежники массива огромной горы Шенелю (3888 м) – восточного окончания Катунского хребта. Отсюда по прямой недалеко и до самой Белухи – километров тридцать, не больше, но ее загораживают от нас снежные вершины Шенелю и Куркуре. По речке Куркуре к Старому Аргуту падают живописные водопады, тенистые северные склоны Катунского хребта покрыты густой темной тайгой, над ними лежат прохладные фиолетово-голубые ледники.

Сама долина Аргута здесь сухая и солнечная. Левый берег реки таежный, правый – сухая каменистая степь, по которой днем бегают суслики, а ночью скачут тушканчики. По берегам реки растут высокие серебристые тополя. У устья Карагема густые заросли дикой облепихи, щедро обсыпанные оранжевыми ягодами. Повсюду пасется скот: лошади и коровы, бараны и козы.

Мы спускаемся крутым уклоном к устью Карагема и, не доезжая до его устья, забираем вправо, медленно углубляясь в долину Карагема (*Кара-Кем – черная река*). Вдоль реки тянутся густые заросли ивняка, растут редкие тополя. Едва видная проселочная дорожка бежит между большими и круглыми, явно ледникового происхождения, белыми камнями. На повороте в каменистой степи над Карагемом видна группа вросших в степь древних курганов, близ них торчат из земли черные камни. Дорожка ведет к пастушеским стоянкам, которых здесь, на Нижнем Карагеме, несколько. Сам Карагем – это крупный правый приток Аргута, сильная и быстрая река, берущая свое начало на востоке, в ледниках горного массива Актру. Долина Карагема дикая, красивая, таежная, населенных пунктов в ней нет. Джазаторцы ездят сюда охотиться и рыбачить, а в низовьях пасут скот.

На противоположном от нас правом берегу Карагема до самого неба стоят огромные вертикальные горные стены. Это самый западный отрог Северо-Чуйского хребта. Ущелье Карагема как раз и разрезает два снежных хребта Алтая, Северо-Чуйский и Южно-Чуйский. В вертикальных стенах по правому берегу Карагема видны узкие темные щели, в них летят вниз невидимые холодные ручьи. Мы подъезжаем к реке, на другом берегу которой видны бревенчатая избушка и огороженный плетнем из выгоревших на солнцепеке жердей загон для скота. Стоянка сейчас безлюдна.

Здесь, у стоянки, и находится брод. Карагем широко разлился по разноцветному галечному дну, галька блестит под водой на солнце, прозрачная речка бесшумно мчится, сверкая на гребнях волн и на перекатах. В глазах у нас рябит от бликов на воде и разноцветной гальки, горы плывут и качаются, в голове все кружится от движения реки, зноя, пения птиц и трескотни кузнечиков. Над травой висят шмели и пчелы. Жарко, томно, в воздухе качается горячее полуденное марево.

– В воду не смотрите лучше во время брода! – кричит нам Кошон, шумно погружаясь в холодные воды Карагема передними ногами и грудью разгоряченного на солнце коня. – Может

голова закружиться. Тут у нас был случай, когда у туристки голова закружилась и она свалилась в реку прямо с лошади. Потом вылавливали ее ниже по течению! – смеется он.

Мы один за другим, строго след в след, въезжаем в реку. Вода обтекает брюхо наших коней, мочит обувь в стремянах. Брод направлен наискосок реки, сверху вниз по течению, копыта лошадей скользят под водой по гладкой гальке. Вода летит вниз, притягивая к себе наши взгляды и кружа головы. Лошади ступают в реку осторожно, вода пенится вокруг их сильных ног. Мир вокруг растворяется, становится призрачной декорацией. Все, что мы теперь видим, – это только головы и гривы наших коней, зажатый в руке повод, разноцветную гальку на дне реки, мчащуюся влево наискосок от нас прозрачную воду и колонну всадников, словно бы плывущих по течению реки невесть куда...

Переезжая реку и стараясь держаться строго за хвостом идущего впереди коня Кошона, я вспоминаю, как наш американец Игорь, едущий позади меня, искупался однажды вместе с лошадью в Катунь. Причиной тому была его собственная ошибка. Случилось это в самом первом нашем походе, к истокам Катунь. Когда мы расстались тогда у Язевского озера с пьяненьким егерем-казахом и спустились к Катунь, едущий впереди колонны Ефимыч строго предупредил всех нас:

– Брод этот очень глубокий. Вода белая, внизу ничего не видно. Я поеду впереди, а вы за мной. И смотрите не растягивайтесь. И езжайте строго *след в след* за мной. Ни шагу в сторону!

Ефимыч въехал в белоснежную ледяную Катунь, я двинулся за ним, стараясь держаться возможно ближе. За мной потянулись все остальные. Был теплый летний вечер, солнце уже цеплялось за верхушки сосен, быстро закатываясь за гору. Мы спешили попасть на широкую поляну, чтобы встать там на ночлег. Поляна была хорошо видна прямо перед нами, сразу за рекой.

Несмотря на предупреждение Ефимыча, колонна сильно растянулась на реке. Катунь широко разливалась по долине, глубина ее была небольшая – по колено лошадям. Мы, сильно уставшие за долгий дневной переход, ехали медленно и в полудреме. До правого берега оставалось совсем немного, когда сзади кто-то громко закричал. Мы с Ефимычем резко обернулись. Посреди реки в молочной воде Катунь метались рядом две головы – голова Игоря в красной бейсболке и голова его коня, с торчащими острыми ушами. Игорь громко блажил матом, а все прочие всадники замерли посреди длинного брода, ошеломленные произошедшим. Американец ехал самым последним и далеко отстал от колонны. Ехавшие впереди него также двигались небрежно, и каждый из них по очереди, на полметра-метр, отклонялся от брода, показанного Ефимычем. В результате Игорь отделился вбок уже метров на пять-шесть и угодил в глубокую невидимую речную яму. Яма была такая глубокая, что лошадь Игоря ухнула в нее по шею, потеряв всеми четырьмя ногами дно. Вместе с ней ушел под воду и американец.

– Да чтоб тебя! Куда ты его завел, зараза?! – разозлился на Игоря Ефимыч. Не было еще в том году у него группы, чтобы кто-то не поплавал в Катунь.

Тем временем сам Игорь страшно напугался и громко материл из воды своего коня и особенно Ефимыча. Игорева лошадь также была до смерти перепугана. Она что есть мочи гребла по-собачьи и через минуту сумела вынести Игоря из глубокой катунской промоины на галечное мелководье. С лошади, с сумин, с ремней, с поклажи, с самого Игоря ручьями стекала вода. Он искупался в ледяной реке по самое горло и теперь дрожал от холода.

– Чертов Ефимыч – ты куда нас завел?! – громко ругается мокрый Игорь.

– Да ты сам как баран – я же сказал вам – *след в след* за мной ехать, а ты куда в сторону съехал! – еще злее ругается на Игоря Ефимыч.

Мы выехали на берег и тут же устроили большой костер. Выдали Игорю, у кого какие были, теплые вещи, чтобы он переоделся в сухое. Отдали в его распоряжение избушку с печкой для ночлега. В домике затопили железную печку, и Игорь развесил сушиться вдоль стен

мокрую одежду. К сожалению, купание в реке намочило немало и чужих вещей, ехавших в попавших под воду сумах.

Как только Игорь переоделся и пришел к костру греться, мы налили ему полный стакан водки, чтобы он выпил и не заболел. Потом и второй стакан. Игорь выпил всю водку, раскраснелся, согрелся, его обида на Ефимыча прошла. Теперь он смеялся над своим глупым купанием и рассказывал нам впечатления от неприятного происшествия:

– Еду я спокойно, дремлю в седле и вдруг вижу – я уже по шею в ледяной воде! Я гляжу с недоумением на своего коня, а он обернулся ко мне из воды и так же изумленно смотрит на меня: «Где это мы, хозяин?! Что за хрень с нами приключилась?!»

Мы смеемся над Игорем, Ефимыч ворчит, но уже беззлобно. Главное, что все обошлось. С тех пор мы твердо запомнили железное правило бродов: всегда идти *след в след* за проводником и друг за другом. И не отклоняться в сторону ни на метр...

Выбравшись благополучно на правый берег Карагема, мы делаем короткую остановку, проверяем и подтягиваем покрепче подпруги и начинаем подъем по тропе к далекому перевалу. И здесь в этом нашем безмятежном движении, в нашей медленной лени, в нашей тихой алтайской пасторали звенит первый тревожный звонок. Не успели мы начать свой первый серьезный подъем в направлении Юнгурского перевала, как эта загадочная река, от которой нас все еще отделяет огромный хребет, послала нам отчетливый предупреждающий сигнал.

Подъем от Карагема в сторону Юнгурского перевала начинается прямо от зимней стоянки, сразу же очень круто по сухому сыпучему склону с чахлой выжженной травкой. Лошади идут здесь рывками вверх, на пределе своих сил, тем более что на них пока что навешен максимальный груз: все продукты и прочее походное барахло. На третьем же шаге вверх у моего коня с треском разрывается под животом средняя, основная подпруга. Мне приходится осторожно спешиваться, едва удерживаясь на крутом склоне. Кошон качает головой – ремонт подпруги потребует времени, всем придется здесь задержаться, упряжь потребует расседлывать, шить, ремонтировать. Но времени нет, надо двигаться дальше, и в результате я иду пешком.

Теперь горячий сухой склон маячит у меня перед самым носом. Под протектором ботинок скрипит и осыпается горячая глина и песок. Мои друзья едут впереди и выше меня, я же изо всех сил стараюсь не отстать от них. Крутому склону не видно конца, я задыхаюсь и выбиваюсь из сил. Сзади на веревке тащится мой конь, он тоже тяжело дышит и с его боков рекой льется пот.

Первые 200 м по вертикали тропы нет вообще и мы взбираемся зигзагами по дикому пустынному склону. Карагем остается внизу. Слева от нашего кособокого перевала виднеется узкое ущелье ручья Ашра-Чибит, ручей здесь не течет, а падает водопадом, настолько круты горные стены.

Выше появляется узкая, давно никем не езженная конная тропа, которая уходит вправо на восток по Карагему, теряясь там в дальнем лесу. Мы выбираемся на тропу и едем по ней влево и вверх, где выше виднеется глубокое ущелье Ашра-Чибита. Мне хочется спросить насчет этой тропы, но мне не до этого – я силюсь не отстать от едущей впереди группы, которая старается двигаться помедленнее, то и дело сочувственно оборачиваясь в мою сторону.

По тропе идти легче, чем по дикому крутому склону, но подъем все так же тяжел и затянут. Я из последних сил тащусь позади группы уже совершенно машинально, мои ноги онемели. Сзади висит на веревке и так же механически переставляет ноги мой измученный конь. В горах разгар дня, самое пекло, глаза заливают пот, тропа пылит, вниз из-под ботинок катятся камни. Конца этому не видно. Мы медленно карабкаемся все выше, ущелье речки приближается, и мы постепенно втягиваемся в него.

Через час тяжелого подъема начинается лес, появляется зеленая трава – мы приблизились к холодной речке, и на нас дохнуло прохладой. Я совершенно выбился из сил, едва держусь на ногах, наши лошади тоже тяжело дышат и беспрестанно спотыкаются. Мне уже кажется,

что этот чертов подъем никогда не кончится или кончится тем, что я упаду и буду лежать без движения прямо поперек тропы, а рядом завалится мой конь. В глазах давно темно, я уже не разбираю, где иду. Вижу только метр тропы под ногами, чувствую только мокрую от пота веревку в сжатом правом кулаке.

Наконец мы где-то останавливаемся. У меня нет даже сил снять с коня поклажу. Я буквально падаю, точнее, сажусь, привалившись спиной к стволу лиственницы, в тени на берегу ручья, рядом со старым костровищем. И тупо сижу, пытаюсь прийти в себя. В моих глазах плавают темные тени.

– А ведь ты совсем зеленый! – говорит Сергей.

– Тут коньяк нужен! – зная, говорит Кошон, взглянув на мое бледно-зеленое лицо.

Сергей не медля достает из кармана куртки фляжку с коньяком и наливает мне полную рюмку, до краев. Я залпом выпиваю, потом вторую. И вскоре и вправду начинаю понемногу отходить. Темные тени в глазах растворяются, щеки розовеют, сердце успокаивается. Я смотрю на высотомер в своих часах и понимаю, что забежал на своих двоих за два часа на 600 м вверх. Позеленеешь тут.

Лошади уже расседланы и разошлись по поляне пастись, палатки поставлены, в котелке варится суп. Мы разбираемся с этим местом. Кошон ведет свой рассказ.

Оказывается, джазаторцы называют это место *старый рудник*. Здесь действительно в годы войны работал небольшой полукустарный рудник, как и во многих других местах Алтая. Фронту нужна была хорошая сталь, и в Алтайских горах добывали для этого молибден и вольфрам. Добывали самым простым способом – кирками и лопатами, копая штольни в горных склонах, взрывая динамитом горную породу. Где-то использовали заключенных ГУЛАГа, а где-то, как здесь, вольнонаемных.

– А как же они доставляли руду отсюда? Дорог ведь нет! – изумляемся мы.

– Да вот по этой самой тропе руду и возили! В суминах, на лошадях. Грузили на коней и ехали вверх по Карагему, там переваливали на Бельтир и дальше – на дорогу в сторону Чуйского тракта. Там перегружали руду на машины и везли на фабрику.

– На конях? Руду? Сколько же дней на это уходило?! – поражаемся мы.

– Ну вот так... Ехали три дня до тракта, потом сразу назад... И так все время... А рабочие прямо здесь жили – в палатках... Надо так было, значит!

Мы молчим. Представляем себе зиму, мороз, метель, обледенелую тропу, глубокую пропасть под ней. По узкой тропе тянется караван тяжело груженных рудой лошадей. Их ведут в поводу бедно одетые, изможденные, с обмороженными руками и лицами люди. Среди них много женщин. В морозном воздухе за их спиной звенят кирки и лопаты, ломается и трещит твердая горная порода. День зимой короткий, темнеет рано, и караван уходит все дальше в мерзлую, быстро чернеющую тьму.

Сейчас ничто уже не напоминает о старом руднике. Вокруг нас небольшой лесок, единственный на всем длинном подъеме от Карагема до перевала Ашра-Чибит. Лес горелый, в нем перемешаны черные стволы, давно без ветвей, с молодыми деревцами – значит, пожар был лет двадцать назад. Только в этом леске есть место для ночевки, от начала подъема до перевала, – небольшие поляны, немного травы для коней. Ниже и выше старого рудника одни только крутые склоны, осыпи, болота. Встать больше негде. Здесь мы и заночевали.

После обеда наши проводники таинственно исчезли, часа на три. Мы вообще-то думали, что они завалились спать к себе в палатку. И вдруг они оба вернулись откуда-то сверху, таща в руках косматую половину туши горного козла. Оказалось, они пешком поднялись вдвоем к перевалу, прихватив с собой карабин, и подстрелили там козерога. Разделали его на месте, ободрали шкуру, взяли с собой половину туши, а другую половину вместе с рогатой головой спрятали там же, привалив камнем, чтобы не добрался до добычи волк или медведь.

Петр и Кошон вернулись грязные и мокрые от усталости. Тут же порезали свежую, еще кровоточащую козлиную печенку на куски, насадили ее на прутья и принялись жарить на горячих углях костра. Снаружи печенка покрылась румяной коркой, даже обуглилась, внутри же сочилась кровью. Мы ели ее, сидя у костра, посолив и поперчив, ели жадно, обжигаясь. Вкус у жареной печенки был острый, характерный для дикого мяса. Попробовали еще порезать на куски козлиное мясо и так же его зажарить, но ничего из этого не вышло. Козел был очень старый, мясо у него было жесткое, как автомобильная шина. Оно жарилось, твердело, обугливалось, но совершенно не поддавалось жеванию.

– Варить будем! – невозмутимо резюмировал Кошон.

И с этим все отправились по палаткам спать.

День третий: мокрый косогор над ЧиОитом

Вчерашний тяжелый подъем по жаре от Карагема к старому руднику похоронил весь наш ленивый идиллический настрой. Дело оборачивалось серьезным напряженным походом. Моя лопнувшая подпруга была заменена новой и крепкой.

Кошон из Джеззатора (фото В. Рыжкова, 2009 г.)

Лошади уже не лоснились и стояли с утра хмуро, как будто бы даже слегка похудев. Козлиная печенка также прибавила походу серьезности – некоторые из нас всю ночь пробегали в кусты с сильным поносом. Дичь нередко производит такой эффект на непривычные городские желудки. Теперь пострадавшие мрачно пили чай без сахара, попросив заварить его «покрепче», и совсем ничего не ели.

В этот день нам предстояло преодолеть перевал через Северо-Чуйский хребет в сторону Юнгура. Ночевали мы на высоте 1960 м, прямо перед нами к югу маячили красивые снежные вершины Южно-Чуйского хребта. Но насколько высок сегодняшний перевал, какая туда ведет дорога, сколько нам до него ехать? Этого мы не знали, а от Петра и Кошона добиться чего-то внятного было невозможно.

– Туда! А потом вон туда! – неопределенно махали руками куда-то вверх они оба.

Так, в неведении, мы и выдвинулись.

Залили водой костер, уселись каждый на своего коня, перебрали тут же у поляны ручей и стали карабкаться круто вверх лесистым и заболоченным склоном, повсюду заваленным буреломом. Здесь уже не было никакой тропы. Ручей ушел вправо и вверх, там наверху над ущельем виднелся ледник. Лес быстро закончился, и началась влажная чавкающая под копытами коней зеленая болотина. Подъем был очень крутой, еще круче, чем вчера. Кони шли тяжело, наклоняя головы к склону и держа весь свой и наш вес на напряженных задних ногах. Они спотыкались, мы вели их широкими зигзагами, чтобы «съесть» крутизну склона.

Так тяжело карабкались час. Ущелье сузилось, по его краям встали серые отвесные скалы. Наконец дорога стала понемногу выполаживаться, мы то и дело поднимались на сухие каменистые бугры, на которых вдруг проступала наружу тропа, очень старая и, похоже, давно не выдававшая людей и коней.

Стало заметно холоднее, состав растительности тоже поменялся. Здесь только недавно сошел снег и всюду цвели подснежники, уже три месяца как отцветшие внизу у Карагема. Зеленые поляны были покрыты нежно-розовыми, фиолетовыми, желтыми цветами, а по берегам ручья горели ковры оранжевых жарков.

– Бот тут мы вчерашнего козла припрятали, – прерывает мои наблюдения и показывает на большой камень слева от тропы Кошон. Он спрыгивает с коня, отваливает большой камень, под которым лежит завернутое в пленку мясо. Тут же торчат большие закрученные назад рога над грустными козлиными глазами. Кошон запихивает мясо в сумину, прячет голову обратно под камень, и мы продолжаем подъем.

Вокруг нас встают огромные горы. И слева, и справа над нашими головами торчат покрытые снегом острые пики, а в лицо нам дует холодный леденистый ветерок. Нам зябко, на вершинах тревожно завывает ветер. Наконец мы видим впереди седло перевала. Между двумя острыми пиками лежит узкая седловина серого цвета. К седловине ведет крутая, тоже серого цвета осыпь, состоящая из мелкого острого и плоского камня. Проехав последнюю перед осыпью каменистую полку, мы спешиваемся – подъем отсюда на вершину перевала возможен только пешком с лошадьми в поводу.

Первым идет Петр, потом все мы, а замыкает колонну Кошон.

Все же недавно здесь кто-то проезжал на коне. Один. По осыпи виден молниеобразный зигзаг – следы его подъема. Человек, и в поводу у него – конь. Неделью, а может, две тому назад кто-то был здесь.

– Кто это был?

– Наверно, охотник! – пожимает плечами Кошон. – Наши сюда ездят *иногда* поохотиться. Но редко.

«Почему это *иногда*?» – думаю я про себя, пока мои ботинки тонут в серой осыпи, стекающей вниз при каждом шаге. Но ничего путного в голову не приходит.

Склон серый и живой. Курум под ногами дышит, хрустит, сыплется и сдвигается вниз. Ноги и копыта вязнут и проваливаются в нем. Круто идем слева направо и справа налево, карабаясь все выше. Идти тяжело, дышать тяжело, лошадь тащить за собой тяжело. Чувствуется большая высота, быстро наступает сильная усталость, кружится голова, немеют ноги.

Весь сыпучий подъем к седлу – это метров сто вверх, мы цепочкой заходим на вершину перевала минут за двадцать и встаем на седловине передохнуть и осмотреться.

Никогда раньше я не видел подобного перевала. Называется он Ашра-Чибит. Отсюда стекают две речки: одна на юг в сторону Карагема, откуда мы поднялись, и вторая – в Юнгур, на север. Обе речки называют Чибит. Чибит происходит от алтайского *чибит* – красная охра, по цвету камней. А Ашра – от алтайского *ажур* – перевал, переваливать. Ашра-Чибит – стало быть, *перевал цвета красной охры*. Чибитов на Алтае много: есть на Чуе такое село, есть и другие речки с таким названием.

Так почему же подобного перевала я еще не встречал? Чем он не похож на другие алтайские перевалы? А вот чем. Ашра-Чибит очень крут – отвесные осыпи в обе стороны. Еще он очень узок – площадка на вершине седловины крохотная, мы и наши восемь коней едва на ней помещаемся, сгрудившись на сером пятачке, сквозь камни которого пробиваются жидкая крохотная травка и микроскопические фиолетовые цветочки.

Шаг вперед и шаг назад – и начинается сыпучий обрыв. По бокам у седловины крутые подъемы на боковые вершины. Люди, как видно, бывают здесь редко, может, даже не каждый год – это ясно по отсутствию здесь ритуальной пирамиды из камней – *обо*. Такие пирамиды

собирают туристы и местные жители на перевалах, где проходит много людей. Здесь же никаких следов присутствия людей нет. Дикий тесный перевал, над которым завывает холодный ветер и летят низкие черные тучи.

– Почему же здесь никто не ездит и не ходит? – снова спрашиваю я себя и снова ничего не приходит мне в голову.

Высотомер показывает 2750 м. Это означает что Ашра-Чи-бит – один из самых высоких перевалов Алтая. Мы поднялись на острый гребень Северо-Чуйского хребта, высота которого в районе Актру (на востоке от нас) превышает четыре километра. Мы находимся в самой западной части хребта, ровно посредине между реками Аргут и Юнгур. Северо-Чуйский хребет на конях непроходим, и Ашра-Чибит – *единственный* конный перевал на всем его протяжении от Актру до среднего Аргута. На Юнгур от Аргута, т. е. с юга, можно проехать только по этой дороге. Вершины к западу и к востоку от седла перевала превышают три километра, на них лежат вечные снега и льды.

С такой головокружительной высоты многое видно. Позади на юге, откуда мы только что поднялись, стоит белоснежная и увенчанная острыми пиками стена Южно-Чуйского хребта, во главе с треугольной вершиной Иикту. Совсем далеко, на самом горизонте, белой точкой парит в бледном голубом небе гора Табын-Богдо-Ола, замыкающая с юга плато Укок. На севере мы видим уходящую далеко вниз долину Чибита и за ней глубоко внизу всю темную от хвойного леса долину Юнгурского, нашу цель. За Юнгуром вздымаются синими кулисами северные отроги Катунских Альп, отделяющие Юнгур от Шавлы – другого крупного правого притока Аргута. Слева и справа от нас черные, мрачные, влажные от дождей и тающих снегов кручи, увенчанные шапками ледников. Внизу, на северной осыпи перевала, тоже лежит огромный язык снега, следы неизвестного одинокого охотника проходят прямо по нему. Со всех сторон собираются по склонам ручьи, наполняющие небольшое озеро у подошвы перевала с севера. По берегам озера лежит черный влажный снег. Из озера выбегает маленькая речка Чибит, петляя по болотистой равнине.

Однако нам пора спускаться. Сильный ветер дует не переставая, и мы дрожим от холода. Кони сбились в кучу и греют друг друга теплыми боками. Мы берем в руки веревки и начинаем спуск на северную сторону перевала. Ведем лошадей в поводу, как и на подъеме.

– Идите осторожно! – говорит нам Кошон.

– А что такое?

– Может осыпь поехать. Камни! Тут было дело, как-то раз одна семья пастухов вся погибла.

– ?!

– Спускались, шли близко друг к другу, начало сыпаться, всех завалило... Так что держите дистанцию и смотрите внимательно, что и как.

«Так вот почему они сюда *иногда* ездят», – соображаю я про себя. «Целую семью завалило здесь – вот так дела!»

Спуск оказывается еще круче, чем подъем. Лошади садятся на зады, упираются передними ногами, мы сползаем вниз почти лежа на спине. Ниже, уже на покатой подошве перевала, начинается мокрый рыхлый снег, мы идем по нему, проваливаясь по колено, а кони скользят и пугаются. Держим дистанцию, далеко растянувшись по сыпучему склону. Наконец все выходим к озеру и садимся на лошадей.

Дальше медленно огибаем озеро и едем вдоль речки, здесь еще слабой и теряющейся в болотной траве. Долина расширяется и покато уходит вниз, вся она – холодное грязно-зеленое болото. Кони то и дело проваливаются в болото примерно по колено, испуганно выдергивают ноги из черных водянистых дыр и тут же проваливаются вновь. Так едем почти час, движемся мучительно и медленно по длинному болоту, которое по-другому ни объехать, ни

обойти. Впереди уже виднеются первые кусты карликовой березы, а еще недалеко за ними – первые чахлые деревца.

И тут из деревьев впереди выскакивает крупный марал и начинает улепетывать от нас вниз по долине. Его белый зад подпрыгивает, а из-под копыт летит грязь. Видно, что он поражен не меньше нашего – всякое готов был здесь увидеть, но только не людей. «Да что же это за место?» – думаю я.

Болото заканчивается и начинается лес. Река набирается воды и обретает берега. Слева нас прижимает рыжая скала, и мы едем, поднимая брызги, прямо по реке, по ее твердому каменистому дну. Тропа по берегам то появляется, то теряется вновь. Никаких больше человеческих следов, все вокруг чисто и дико. Так едем лесом вдоль речки в полной тишине. Уже на перевале погода начала портиться. Налетели черные тучи, завыл ветер, принялись падать первые холодные капли вперемешку со снежной крупой. Здесь внизу с неба вовсе полил проливной дождь, буквально стеной. Вмиг потемнело, стало очень холодно. Мы сидим в мокрых седлах, натянув на головы капюшоны плащей и курток и напялив непромокаемые штаны поверх джинсов. По нам на седла и на бока лошадей стекает ледяная вода. Я тащусь по тропе и вижу в узкий проем своего капюшона чью-то сутулую спину, она качается впереди вправо-влево, меня клонит в сон, сбоку откуда-то подтекает внутрь крутки холодная вода. Где же мы заночуем сегодня? Бррр...

Едем низом правым берегом Чибита. Река все более круто уходит вниз, вода в ней летит и гремит по камням. И тут Петр, едущий всю дорогу впереди нас, внезапно меняет направление движения. Он резко поворачивает коня и молча направляет его прямо на крутой травянистый косогор, который уходит куда-то в облака справа от нас. Косогор кажется нам мокрой отвесной стеной высотой до самого неба, на вид решительно неприступной. Да что же это такое?! Какого черта!??

За все три минувших дня Петр не произнес ни слова. Все, что нам удастся выяснить (по правде, весьма немного), мы узнаем исключительно от улыбчивого и открытого Кошона. Наши редкие попытки спросить что-то у Петра неизменно кончались ничем. Он только что-то отрывисто и кратко бубнил себе под нос, ничего понять из этого было невозможно. Петр – алтаец, таежник, охотник, молчаливый и скрытный. Он крепко сбитый, невысокий, худой, сильный и ловкий. Петр плохо говорит по-русски, с сильным акцентом. Он родился и вырос в тайге и думаю, что никогда не был в городе. Петр первый раз взялся работать с туристами, а не с охотниками. Кажется, он очень зол на нас. На наши обильные и тяжелые, мучающие лошадей припасы, на нашу неповоротливость и медлительность. Думаю, что мы для Петра малоподвижные и бестолковые, болтливые и восторженные болваны. Не будь нас, он давно бы уже улетел вперед в дождь, на своем легком коне, с ружьем за спиной, со своей легкой котомкой, притороченной к легкому охотничьему седлу.

Делать нечего. Мы поворачиваем за Петром и едем прямо на мокрый склон, отвесно стоящий перед нами. Петр уже далеко наверху, он как-то сумел забраться туда, над нами нависает задница его коня, мускулистые задние ноги которого с усилием цепляют гору. Копыта выдирают из склона жирный чернозем вместе с травой. Льет адский дождь. Петр и его конь слились в одного мокрого зверя – двухголового змея, остервенело лезущего вверх по склону, почти припавшего к земле. Да возможно ли здесь вообще подняться? И зачем этот подъем, если мы так комфортно ехали себе вдоль речки? Мы недоуменно смотрим на Кошона, но он только отчаянно машет руками. Видно, что и ему эта затея с крутым мокрым косогором совсем не по душе.

Я еду вторым сразу за Петром. Страшно смотреть на этот склон, который выглядит еще круче, чем перевал, и к тому же весь порос высокой травой, мокрой сейчас как морские водоросли.

Мой конь ошарашен не меньше и встал, упершись, перед склоном, нервно дергая головой и пытаясь назад. Я колочу его ногами по мокрым бокам, крепко прикладываю веревкой по горячему крупу. Но он чертовски не хочет лезть на мокрый косогор. Тем более лезть с тяжелыми суминами по бокам и со мной на спине. Похоже, он отлично понимает, что и я этого не хочу. Да и никто этого не хочет, кроме молчаливого Петра, которого уже почти не видно наверху над нашими головами за стеной серого дождя.

Мы принимаемся лезть вверх. Вокруг нас творится настоящий ад. Ветер, дождь, холод. Моя лошадь на каждом шаге по скользкому склону скользит, срывается, падает на передние ноги, рвется вверх, хрипит, вертит глазами, прядет ушами. Лезем вверх, вверх, вверх... Конца этому не видно. Все промокло уже насквозь. Петр маячит впереди. Он взбирается все выше по косогору, ни разу не обернувшись. Ему все равно, что там творится с нами позади. Лес заканчивается, остается внизу, но мы продолжаем рваться вверх. Много выше леса в траве появляется подобие тропы, едва намеченной, бегущей горизонтально по крутому травянистому косогору. Мы встаем на эту тропу, на ней наконец-то можно коротко перевести дух и оглядеться после этого жуткого подъема сквозь стену ледяного дождя.

От картины, которую мы видим, нам становится еще тошнее. Мы находимся где-то посреди огромного косогора, поросшего густой травой, мокрой, как аквариумная растительность, от непрерывно льющегося на нее проливного дождя. Косогор так огромен, что его ни с чем не сравнить. Представьте себе гигантский травяной луг, растянутый на километры во все стороны, круто уходящий справа от нас куда-то в небо и там теряющийся в рваных черных облаках. Судя по карте, там наверху за облаками на вершине горы снег, скалы, ледники, горный пик в 3300 м. А мы, как промокшие насекомые, цепляемся далеко под ним за узкую тропу в траве, на боковине огромной горы почти отвесно падающей к ущелью Чибита.

Вниз от нас косогор обрывается почти пропастью. В сухую погоду это ничего, подковы и копыта лошадей крепко держат тропу, но ехать здесь в дождь – это настоящая беда, практически безумие. Очень опасно. Чибит течет внизу с большим уклоном к Юнгуру, а тропа идет косогором практически горизонтально. С каждой сотней метров что мы проезжаем по тропе, расстояние от нас до реки растет, высота пропасти становится все больше, скоро достигая сотен метров. Если лошадь вдруг поскользнется на мокрой тропе, завалится вбок, покатится вниз – ей конец. Она будет падать, катиться, рвать в клочья сумины и подпруги, пока не врежется в ствол дерева или в скалу на берегу реки. Чем ближе к ней, тем круче падает склон косогора. Вдоль Чибита внизу растет густой дикий лес, и выходит, что мы объезжаем его сейчас поверху. Теперь становится понятен выбор, сделанный Петром. Он выбирал между очень плохим вариантом и совсем ужасным. Если бы мы продолжили ехать низом правым берегом Чибита, то попали бы в дикий таежный бурелом, где давно уже никто не чистил тропу, всю теперь заваленную огромными стволами и ветвями. Или месили бы грязь в русле реки, обдирая бока свои и лошадей о скалы и камни, скользя на мокрых булыжниках. Скорее всего, мы бы увязли там внизу и вообще не смогли бы никуда проехать, не говоря уже о том, что негде было бы встать на ночлег.

Именно из этих соображений наш Петр выбрал дорогу по опасному косогору, отдавая себе отчет в том, насколько это рискованно. Но он взялся провести нас на Юнгур, и он ведет нас туда.

Выбравшись на тропу, мы спешиваемся и дальше идем, ведя коней в поводу. Ехать в такую погоду верхом – тройне рискованно. Влево и вниз страшно даже смотреть. Кони дрожат, поклажа съехала на бок, кожа сумин и подпруг намочла и разбухла. Мы друг за другом идем по узкой тропе, смотря исключительно себе под ноги. Главное – не оступиться. Не покатиться, не улечь вниз этим мокрым склоном в страшную гремющую пропасть!

Как бы мы ни старались, мы все равно постоянно оступались и падали. Склон очень крут, подошвы сапог скользят по мокрой траве и по камням. Коням попроще – их копыта

неплохо держат склон острыми ребрами подков, но и они периодически оступаются, начинают панически танцевать задними ногами на склоне, стремясь восстановить равновесие, падают на колени, цепляются, как могут. Им, как и нам, очень страшно на этом мокром косогоре. В такие моменты мы стараемся помочь им удержаться на склоне, крепко тянем их вверх за толстые крепкие веревки. И наоборот, когда мы ежеминутно падаем и заваливаемся на мокрой траве, нас выручают веревки, намотанные на наши кулаки и привязанные к нашим коням. Лошади тут же замирают и крепко держат свои сильные шеи и мокрые морды, к уздечкам которых крепятся веревки. Так мы все время и помогаем друг другу, каждый миг приходя друг другу на выручку: люди – коням, а кони – людям.

Скользят и падают все, то и дело валятся с ног. Катится вниз по мокрой траве Катя, мама Артема. Артем бросается и ловит ее, они вместе медленно вылезают обратно на тропу. Тут же летит кубарем вниз в своем зеленом длинном плаще сам Артем, но ловко цепляется за траву и камни, удержавшись на склоне. Срываются и хрипят кони, все мы – и кони, и люди давно уже насквозь мокрые, грязные, уставшие. Дождь льет потоком, но нам жарко, мы заливаемся горячим потом от напряжения. Я все больше понимаю, почему местные жители если и ездят на Юнгур, то именно *иногда*. Мы двигаемся медленно, косогор кажется нам бесконечным. Он становится совсем уже бескрайним – что вверх, что вниз, что вперед, что назад. Мы тащимся где-то посреди травянистой мокрой пропасти, перестав с какого-то момента соображать, где мы и что с нами. Только склон, только трава, только узенькая тропка, только веревка в руке, тяжесть и горячее дыхание ступающего за спиной коня.

Несколько раз тропа заходит в верхние языки леса – здесь идти полегче, помогают удержаться на ногах корни деревьев, между которыми бежит дорога. Часа через полтора страшный косогор остается позади, и мы окончательно въезжаем в лес. Нам очень повезло, что обошлось без травм и потерь. Вообще-то местные жители по таким местам в дождь не ездят – берегут себя и свой скот. На карте этой верхней тропы по косогору нет вовсе, показана только дорога, идущая внизу берегом Чибита. Выходит, Петр повел нас тропой местных охотников, чтобы обойти нижние буреломы. Опасное решение, но теперь, благодаря ему, мы находимся намного ближе к Юнгуру.

Пока мы пересекали громадный косогор, начало смеркаться. День, и без того темный от туч и дождя, совсем померк. Высота была немалая – около 2200 м, мы медленно ехали чуть ниже границы леса, пересекая редколесье и болотистые полянки. Похолодало, мокрая одежда стыла, пальцы мерзли, зубы стучали. От коней шел пар. Не было видно ни одного места, где можно было бы поставить палатки: тянулся и тянулся все тот же крутой склон, к тому же нам на протяжении уже двух часов не попалась ни одна речка и ни один ручеек. Но вот Петр впереди остановил коня и спешил. Эта поляна была не такой крутой, как прочие, хотя и с заметным уклоном. На ее краю струился ручеек. Здесь мы и встали лагерем, совершенно обессиленные. Расседланные и привязанные по поляне лошади стояли неподвижно, понутив морды, и не паслись – верный знак огромной усталости. Они начнут пастись чуть позже, когда немного придут в себя.

Наш третий день выдался тяжелым и опасным. Наши руки и колени были сбиты и грязны, мы промокли насквозь, одежда была вся зеленая от катания по мокрой траве, на лошадей было страшно смотреть. Казалось, что там, на юге за перевалом, безвозвратно осталась вся летняя идиллия и вся безмятежность, и что здесь, в суровой долине Юнгурской, мы встретили совсем другой Алтай – дикий и опасный.

– Что там дальше, Кошон? Какая завтра дорога будет? Полегче? – интересуемся мы, сидя у костра. Мы уже немного отогрелись и обсохли, нас обступила ночь, ветер в долине затих, на небо вышли яркие звезды, трава у палаток покрылась инеем.

– Завтра полегче будет! – смеется Кошон.

А Петр молча сплевывает и хмуро уходит спать.

День четвертый: «Маяк» над Юшуром

Утром, казалось, все у нас пошло на лад. Небо над ущельем Чибита стало ясным, солнце сверкало сквозь редкий лес, скоро оно вышло выше деревьев и принялось сушить наши палатки и вещи. Весело кипел на костре чай, варилась каша. Выехали в хорошем настроении. По нашему опыту главное было пройти перевал, а уже там, за перевалом, дорога обыкновенно становится проще, долины шире, воздух теплее, жирного хариуса в чистых речках ловится больше, ехать становится легче. А перевал мы уже прошли накануне, так что все теперь у нас будет прекрасно. Направление – на заповедный Юнгур. План на сегодня был добраться до Юнгурского и встать там лагерем.

Проехав еще с километр лесом на север, мы очутились на продолжении вчерашнего бесконечного косогора, правда, уже просохшего на солнце и кажущегося обманчиво беззаботным – с бабочками и пчелами, порхающими над ароматными цветками. Устье Чибита в том месте, где оно впадает в Юнгур, уже хорошо виднелось впереди и внизу. Судя по карте, мы должны были скоро спуститься туда и перебраться главную реку на ее правый берег. Мы ехали беззаботно, сняв куртки и греясь на солнце.

Пейзаж вокруг нас был дивной красоты. Чибит веселой белой ленточкой бежал слева далеко ниже в ущелье. Весь склон до него был покрыт мощной тайгой, большей частью – древними огромными кедрами. Выше границы леса прямо под нашими ногами сверкал ярко-зеленый травянистый косогор. Дорожка едва заметно виляла в солнечной ароматной траве. Противоположный берег Чибита весь был еще в тени, от него дышало прохладой. Там высились огромные, более чем километровые, стены красных, фиолетовых и зеленых скал. Во многих местах по скалам стекала и сочилась вода, падали тонкие пенистые белоснежные водопады. Надо всем этим лежали снега и льды. Тайга вокруг устья Чибита высилась густая, угрюмая, непроходимая. Мы ехали, млея на солнце, шурились, вертели головами, любовались красотою ущелья, предвкушали радости теплого Юнгурского. Казалось, что после двух дней испытаний утраченная буколика вернулась к нам, да еще и с прибавкой.

И снова все испортил угрюмый Петр. Как и вчера, он ни с того ни с сего, без предупреждений и тем более объяснений, резко повернул своего коня вправо и съехал с тропы. И вновь, как и вчера, начал круто взбираться вверх косогором. Непонятно куда и непонятно зачем.

Вот же черт его побери! Так подумали мы все. Кошон позади нас опять лишь горестно замахал руками.

Пришлось нам всем карабкаться вслед за Петром. Все было так же, как вчера: крутой косогор до самого неба, лезущие вверх на пределе возможностей лошади... Хорошо хоть, что нынче был просохший склон!

Пожалуй, сегодняшняя подъем был даже круче, чем накануне. Мой конь несколько раз вставал на склоне, замерев и дрожа, не в силах больше карабкаться вверх со мной в седле, с тяжелыми суминами по бокам. Тогда я спешил и медленно полез впереди него, дергая за веревку. Так мы взбирались все выше и выше, совершенно не понимая, зачем мы это делаем. Разве не проще было бы спуститься к Юнгурскому лесом, а не подниматься от реки наверх к облакам, непонятно с какой целью? Подъем оказался затяжным – не меньше 400 м по вертикали от тропинки на косогоре, которая и без того бежала выше границы леса. Чибит остался где-то очень далеко внизу, мы лезли сейчас куда-то в направлении вершины огромной горы.

Часа полтора спустя, изрядно уставшие, мы выбрались на небольшую круглую каменную шишку, выступающую из горы. Там спешили и сделали короткий привал. С круглой шишки мы видели практически все течение Чибита – от перевала Ашра-Чибит до впадения в Юнгур. Позади нас виднелся длинный косогор, на который мы потратили два дня. Перед нами падала вниз километровая пропасть к Юнгурскому, река петляла далеко внизу. Справа уходил

вверх склон горы. Юнур внизу был очень живописен. По его берегам рос густой лес, виднелись зеленые поляны, за рекой круто поднимались высокие горные стены. Влево вдалеке внизу мы видели голубые ущелья примерно там, где Юнур впадает в Аргут. Вправо нам открывалась вся большая долина Юнгурса высоко вверх, километров на пятнадцать.

Тишина. Кто-то курит, кто-то пьет чай. Яркое солнце греет и слепит нас. Ветра нет, полный штиль.

– Мы это место называем «маяк»! – рассказывает Кошон. – Оно на углу горы, отсюда открывается вид во все стороны, как с маяка. И само это место тоже видно отовсюду. Вот поэтому и назвали его «маяк».

На круглом бугре никаких следов человека: ни спички, ни бумажки. Только медленно колыхнется теплый воздух и сушит траву солнце.

Однако как мы отсюда попадем к Юнгуру? Ничего кроме пропасти с маяка не видно, а до берега реки будет поболее километра по вертикали.

Петр и Кошон в сторонке обсуждают этот же вопрос. Подойдя к нам, Кошон сообщает:

– Здесь есть одна старая тропа, верхом. Но она уходит шибко далеко, в самые верховья (Юнгурса), а нам надо прямо здесь где-нибудь спуститься. Во-о-он на ту поляну! – Кошон показывает вниз, где прямо напротив маяка на другом берегу реки лежит большая ровная зеленая поляна. И правда, прекрасное место для стоянки конной группы.

До поляны от маяка рукой подать, чуть больше километра, но по вертикали. Между нами пропасть. Как же мы туда попадем, на эту полянку? Мы начинаем подозревать неладное и волноваться. Я разворачиваю карту и убеждаюсь, что никакой тропы на ней нет: ни до маяка, ни самого маяка, ни от маяка дальше – что верхом по гребню, что прямо вниз. Короче, едем дикими охотничьими тропами, знакомыми только молчаливому Петру. Спрашивать его о чем-то бесполезно. Будем просто следовать за ним, и будь что будет.

Сели на коней и двинулись дальше. Проехали небольшое седло, на котором действительно была видна едва заметная старая тропа. Она убегала вершиной склона далеко вперед и терялась там среди камней. Нам же надо было прямо вниз, к Юнгуру, и тогда мы снова съехали с тропы.

Вниз падала длинная серебристая осыпь, метров в тридцать шириной, очень крутая. Она уходила вниз так далеко, что мы даже сверху не видели ее нижнего края. Судя по всему, это было ложе огромной лавины, которая сошла здесь когда-то, сметая на своем пути, как бритвой, могучие деревья лежащего ниже нас густого хвойного леса. Осыпь вся была устлана плоскими острыми камнями, с режущими изломанными краями, в толстом слое которых вязли ноги и утопали копыта лошадей. Мы начали спуск по осыпи. Уклон был большой, и мы сползали вниз почти лежа на спинах, упираясь ногами и руками. Сзади осторожно съезжали вслед за нами на своих напряженных крупах тяжело навьюченные кони. Съезжала и хрустела осыпь, катились серебристые камни, мы молчали и пыхтели от напряжения. Еще громче пыхтели позади нас потные кони. Жаль, никто нас не видит здесь! Вот так конный поход! Мы были похожи скорее на спускающихся с вершины скалолазов, зачем-то прихвативших с собой на восхождение коней, чем на степенно едущих по тропе конников.

А уж эти алтайские лошади – настоящее чудо света! Кажется, что им подвластно решительно все. На вид скромные, невзрачные, невысокие, непородистые, они смело направляются туда, куда не всякий человек решится сунуться. Они спокойно трусят по узким тропкам над отвесными пропастями, карабкаются по почти отвесным стенам, переходят вброд бурные горные реки, продираются через густые буреломы, переходят, проваливаясь по брюхо, снежные поля, не пугаются болот, преодолевают километровые крутые перевалы и при этом еще везут на себе людей с их грузами. Лошади – настоящие, скромные и незаменимые герои Алтайских гор. Что люди делали бы без них, как они выжили бы без них? Да никак! Алтай никогда не был бы освоен и обследован людьми, если бы не алтайские кони.

Таким вот манером, отдуваясь и сползая вместе с осыпью и лошадьми вниз, мы постепенно съедаем высоту. Спуск физически очень труден, но не опасен. Тем более день выдался ясный, жаркий, камни по осыпи сухие. Через час медленного, осторожного спуска мы приближаемся к нижней части осыпи. Маяк остается высоко над нашими головами. Юнгур, напротив, заметно к нам приблизился. Его шум стал громче, мы уже различаем детали на его мчащейся воде, на его живописных берегах.

Вдруг мы замечаем, что осыпь внизу резко обрывается в скалистую пропасть. А ведь мы стравили спуском по ложу лавины хорошо если только половину высоты от маяка до реки. Одновременно с этим Петр начинает совершать свои маневры. Он смещается ниже меня к правому краю осыпи и принимается искать выход с осыпи в сплошной лес, который давно уже встал по правую сторону от нас.

Так как мы спускаемся вдикую, без всякой дороги, то Петр ищет выход с осыпи на звериную тропу, которыми изрезана вся горная тайга. Маралы, косули, козероги ходят по лесу своими едва заметными тропами, паутина этих троп покрывает все горы, и Петр рассчитывает продолжить путь по одной из них, выйти с осыпи вправо, пока мы не уперлись в край пропасти, который быстро приближается к нам снизу.

Наконец он замечает едва заметную тропку, уходящую в густую чащу, и скрывается в ней. Я следую за ним, ведя коня в поводу, а за мной вступают в лес все остальные.

Мы надеемся перевести дух после осыпи, надеемся, что в лесу спускаться будет попроще, но все выходит наоборот. Дальше начинается настоящий ад.

Густая тайга вся завалена непроходимым буреломом. Мы мечемся по очень крутому склону во все стороны, огибая завалы, обводя вокруг них уже полуживых от усталости коней. Мы то лезем наверх, то сваливаемся круто вниз. Склон становится еще отвеснее, простой шаг вниз превращается в прыжок. Лошадей здесь раскачивает при каждом шаге, они едва держат равновесие. Звериные тропки появляются и исчезают как миражи, короткими обманчивыми отрезками. Их призрачные нитки то и дело выскакивают на непроходимые скалы, и нам приходится поворачивать назад. Даже людям идти невероятно тяжело, что говорить о тяжело нагруженных лошадях. Игорь уже изнемогает от усталости и спрашивает Кошона, может ли он отпустить своего коня. Пускай! – машет рукой весь мокрый от усталости Кошон. В лесу жарко, грязь и иголки кедрача липнут к лицам и рукам. Игорь привязывает веревку к седлу, и дальше его конь бредет сам. Игорь идет теперь один, едва держась на ногах.

Очередная звериная тропка уходит круто вниз, и вдруг я вижу, как лошадь Артема кубарем через голову катится вниз и с треском врывается в кусты, свалившись на спину вместе с седлом и суминами. Такого я вообще никогда раньше не видел – чтобы лошадь кувыркалась через голову. Мы в который раз упираемся в тупик. Внизу скалы, пропасть, прямо не пройти, вправо – отвесный склон. Принимаемся карабкаться на него, буквально по-пластунски. Мы-то еще с трудом ползем на брюхе, но вот наши лошади! Им-то как здесь! На них даже смотреть больно. Лошади медленно ползут за нами со всем своим грузом. Но мой конь больше не может идти. Он лег на крутом склоне мордой вверх и раскинул в стороны ноги, как большая и больная собака. Из его глаз катятся крупные слезы. На него страшно смотреть: он весь мокрый и дрожит. Кошон и Петр выбрались наверх, на очередную звериную тропинку, оставили там своих лошадей и теперь быстро съезжают на спинах по склону ко мне и моему коню. Я лежу на спине выше коня на склоне, упершись ногами в землю, и с силой тяну веревку, привязанную к его морде, чтобы он не улетел вниз. Пока я держу веревку, Петр и Кошон развязывают ремни и веревки и стягивают с коня тяжелые арче-маки. Коню становится легче, но он продолжает прижиматься к земле и плакать. Мы на себе вытаскиваем сумины на верхнюю тропу и снова спускаемся к моему коню. С огромным трудом поднимаем его на трясущиеся ноги и вытягиваем за собой на тропу. Конь, дрожа, стоит на тропе и в его черных блестящих глазах – ужас.

– Бот же черт! Пропал теперь конь! – озабоченно смотрит ему в глаза, стоя прямо у морды, Кошон.

– Как пропал? Почему пропал? – волнуюсь я.

– Напужался сильно! Теперь вообще будет бояться ехать по горам! Может дальше наотрез отказаться идти! Только в деревне сможет работать, внизу!

Да что же это такое? Час от часу не легче! Мы торчим посреди крутого таежного склона, до реки еще далеко, а я могу остаться без коня! Только сейчас я выясняю у Кошона, что мой конь, оказывается, с *У кока*. Так здесь называют степных лошадей, которые, в отличие от горных, выросли на равнине и привыкли жить и работать в степях и у которых нет опыта езды в больших горах. Я еще раньше заметил, что мой конь едет как-то неуверенно, что он то и дело танцует задними ногами на крутых склонах, где нужно крепко стоять на тропе, строго поперек склона, чтобы не удерживать весь свой вес только силой мышц. Вот оно что! У меня оказывается степной конь, конь с Укока, а его сразу взяли в самый сложный поход, на почти что неприступный Юнгур. И вот теперь я могу оказаться вообще безлошадным! Я сильно переживаю, но еще сильнее мне жалко моего несчастного коня, который охвачен ужасом и дрожит рядом со мной в самом сердце страшного леса.

Прямо здесь, посреди темного и мшистого таежного склона, мы делаем короткий привал, упав на землю, кто где стоял. Мы даем отдышаться людям и лошадям, надеясь, что и мой конь понемногу придет в себя.

Через полчаса мы осторожно водружаем на него сумины и медленно пускаемся в путь. К счастью, моя перепуганная, но преданная лошадь пришла в себя. Она вновь идет как и все, внимательно выбирая место для каждого шага, огибая завалы и прыгая вслед за всеми вниз по склону. Кошмарная дорога продолжается почти до самого берега Юнгурского и только за сотню метров до реки крутой склон переходит в более пологую горную подошву. Мы облегченно выдыхаем. Этот бешеный и опасный спуск лесом занял у нас два часа, и теперь наконец он позади.

Выезжаем на галечный берег реки. Юнгур мощно шумит перед нами, солнце уже зашло за гору, смеркается. Мы в пути уже семь часов и нам надо еще перебраться Юнгур, чтобы попасть на удобную поляну на правом берегу.

Петр, прищурившись, глядит на реку. Он прикидывает, высока ли вода, сможем ли мы здесь проехать. Здешний брод вообще единственный на всем нижнем Юнгуре. В высокую воду он непроходим. Нам, однако, повезло. Лето сухое, вода невысокая. И мы гуськом перебредаем реку поперек течения, вода поднимается выше стремян, до середины лошадиных боков.

На противоположном берегу нас встречает трехметровый обрывистый берег, сложенный из глины и гальки. Наискосок обрыва поднимается тропа, по которой мы заезжаем наверх и оказываемся аккуратно на той самой поляне, которую разглядывали четыре часа назад с маяка. Поляна отменная – ровная, широкая, без болотных кочек, сухая, с высокой сочной травой. Вокруг нее растет лес. Все что нам нужно: место для палаток, трава для лошадей, дрова, вода. Мы быстро ставим лагерь и принимаемся готовить ужин. Все устали до изнеможения. У всех побиты и разбиты руки, ноги и копыта. Мы все молчим, у нас нет сил даже говорить.

В горах быстро темнеет, становится прохладно. Мы сидим кружком у костра, смотрим в оранжевый горячий огонь. На огне два котелка – с кипятком для чая и с мясным супом. Рядом на обгорелой палке Кошон прилаживает третий закопченный котелок и принимается варить в нем жесткую, как крышка, козлятину. Козлятина варится в Кошоновом котелке несколько часов кряду.

Кошон по мере выкипания раз за разом подливает воды, но козлятина не поддается: в нее, как в кусок сухого корня, даже вилка не втыкается. Наши проводники невозмутимы – ничего, будем варить дальше!

Мы потрясены сегодняшним переходом. Косогор, подъем на маяк, съезд по лавинной осыпи, страшный лес, брод через Юнгур – все это мимо дорог, на пределе сил наших и коней. Даже вчерашний день с его перевалом и мокрым косогором кажется нам сейчас сравнительно легкой прогулкой.

– А что завтра, когда вверх поедет по Юнгуру, полегче будет? – робко интересуемся мы у Кошона с Петром. Петр только молча сплевывает. А Кошон обещает, что завтра точно будет *попроще* дорога. Но уже не так уверенно, как накануне.

– Вы сами-то здесь бывали раньше? – интересуюсь я.

– Я сам-то не был, а Петр был – он охотился в этих местах. Здесь охота хорошая.

Петр молча кивает.

– Ну а дальше он был? Там, наверху? Где перевал на Шавлу?

Петр отрицательно машет головой.

– Как же это так, Кошон? Вы что же, сами дорогу не знаете?

– Сами не знаем, но мы мужиков поспрашивали в Джазаторе, кто тут бывал. Точнее, один человек там бывал... Он нам и рассказал примерно, как ехать. Говорит, что проехать там можно... Посмотрим...

Когда вокруг наступает глубокая ночь, мы расходимся по палаткам. Тьма, шумит Юнгур, луну закрыла гора. Я долго не могу уснуть, лежу и ворочаюсь в спальнике с закрытыми глазами. Мой мозг прокручивает яркие картины уходящего дня, как цветное кино, как крутой таежный триллер. Вот я карабкаюсь на коленях к маяку по травянистому склону. Вот съезжаю на заднице по отвесной серебристой осыпи. Вот тяну на веревке своего заплаканного коня. Вот продираюсь с ним сквозь буреломы. Вот лошадь Артема кубарем летит вниз через голову, и под ним трещат и ломаются кусты...

А где-то рядом в ночи стоит мой конь и, дрожа всем телом, напоминает сейчас все то же самое.

День пятый: дикий Юнгур

Утром на берегу Юнгура у самой воды на влажной серо-голубой глине – свежий волчий след. Крупный, вытянутый, узкий, с оттисками острых когтей, в отличие от круглого собачьего. Ночью или рано утром матерый волк-самец вышел из леса рядом с нашей стоянкой и переплыл Юнгур на левый берег.

До устья Юнгура, где он в скальном горлышке прорывается в Аргут, от нас всего километров шесть. По левому берегу на карте туда показана тропа лесом, но Кошон говорит, что она давно заброшена и что нам там не проехать. Да нам туда и не надо. Нам надо навверх, на восток, к далеким шавлинским перевалам.

Юнгур – место дикое, дивное, мощной красоты. Труднодоступный, затерянный мир.

По всей реке стоит густая старая тайга. В ней много зверя. Всюду видны свежие следы маралов, косуль, волков, медведей. По обеим сторонам узкого ущелья поднимаются высокие скалистые стены гор, Юнгур звонко бурлит внизу. Не раз мы видели в лесу маральи ванны – неглубокие лужи с глинистым дном, в которых любят купаться олени, видимо чтобы спастись от гнуса. Когда мы подъезжали к ним, вода в озерах была еще мутная – марал услышал наше движение и спокойно ушел в лес за минуту до нас.

Вид на Юнгуре (В. Рыжков, 2009 г.)

Выехав с гостеприимной поляны, мы переправились вчерашним бродом обратно на левый берег и двинулись вверх по течению. Тропа то появлялась, то исчезала. Она бежала редким лесом прямо у берега реки. Юнгур бушевал в порогах, но порой затихал, разливаясь мелкими рукавами по галечному дну. В таких тихих местах мы выезжали прямо на реку и ехали по мелководью, любуясь ущельем. Слева и справа в Юнгур впадали чистые речки. Так мы ехали два часа, медленно набирая высоту.

Никаких признаков человеческого присутствия. Никаких следов даже старых костровищ. Выше места нашего ночлега нет ни одной поляны, на которой можно было бы встать с лошадьми. Почти от самой воды начинаются лес и крутые подъемы. Только уже сильно выше, близ устья правого притока Юнгура, речки Куранду, мы увидели на влажном берегу примерно

недельной давности след от горного ботинка. Кошон, осмотрев след, предполагает, что здесь ходил турист-одиночка, который перевалил сюда с Шавлы, чтобы налегке осмотреть верховья Юнгурского. Но куда он ушел и ночевал ли он на Юнгурском – не ясно. Следов его костра мы не нашли.

Первые два часа мы едем, отдыхая в седлах. Дорога по реке простая и живописная. Нам начинает уже казаться, что сегодня мы сможем перевести дух и обойтись без экстремальных испытаний. Но, увы, все у нас еще впереди!

Наша задача – подобраться сегодня как можно ближе к шавлинским перевалам, т. е. забраться подальше и повыше в горы. Так мы доезжаем до стрелки двух рек. Вправо на юго-восток уходит основное русло Юнгурского, туда же убегает и едва различимая конная тропа. Влево на северо-восток уходит глухое узкое ущелье Куранду – в него нам и надо. Судя по карте, в истоках Юнгурского стоят огромные снежные пики, большие ледники, вершины за 3700 м высотой – нечего туда и соваться с конями. Наш план другой: попробовать перебраться на верхнюю Шавлу через истоки Куранды. Там, судя по карте, нет ни ледников, ни снежников, да и горы немного (но лишь немного!) пониже – около 3200 м. Там, судя по рассказам джазаторского земляка Петра и Кошона, можно попытаться перейти с конями на реку Шавлу, обогнув тем самым непроходимые снежные пики. Но вот только сейчас мы находимся на высоте 16000, и это значит, что нам предстоит набрать огромную высоту – полтора километра! И все мы отлично понимаем, что это означает на практике.

Делать нечего – сворачиваем на Куранду. На карте здесь вообще не показана никакая тропа. От самого Юнгурского и вверх вдоль левого берега притока поднимается дикий лес, очень густой, из огромных высоких кедров. Здесь всегда царствует влажная прохладная тень, а подошва леса покрыта глубоким ярко-зеленым мхом и высокими папоротниками.

Углубившись в лес, мы скоро упираемся в крутой лесной подъем, очень крутой. Снова рывками карабкаемся вверх, петляя меж стволами. Наш путь зажат справа скалами, слева – узким и грозным ущельем, в котором с грохотом падает вниз речка. Местами тропка выходит прямо на край стометрового обрыва, на дне которого пенится Куранда. В других местах тропа выбегает на крутые лавинные осыпи, которые мы пересекаем спешившись, очень осторожно, чтобы не улететь вниз.

Через час тяжелого крутого подъема, как это обычно бывает на Алтае, подъем понемногу выполаживается. Куранда уже не падает вниз полуводопадом, но быстро течет в каменистом ложе. По берегам ее проехать почти нигде нельзя, и мы продвигаемся прямо по дну речки. Ущелье совершенно дикое и неприступное. Там, где оно сужается и где начинаются пороги, мы вынуждены выезжать на берег. Берегом ехать много опаснее. Правый берег Куранды – громадная каменная осыпь из огромных древних валунов. Валунья сверху донизу покрыты мягким толстым мхом, под которым не видны дыры и провалы меж камнями. Если конь провалится в такую дыру и сломает ногу, ему придет конец. Мы здесь едем очень медленно и осторожно, тщательно выбирая место для каждого шага. Видно, что лошади тоже боятся здесь идти и что они рады вернуться обратно в речку, хотя по ее каменистому дну двигаться тоже очень тяжело.

Так за пару часов мы набираем высоту метров в семьсот от Юнгурского и встаем лагерем прямо на каменистом берегу. Места для размещения очень мало. Мы прилепились на крохотной площадке между Курандой и впадающим в него ручьем, который течет по огромной каменной осыпи бело-серого цвета. Травы для лошадей здесь нет, и проводники уводят их вниз по течению, где мы видели небольшую полянку.

Место нашего ночлега очень мрачное. Вокруг камни и черные стволы горелого леса. Лавина прошла руслом ручья и протащила за собой вниз вырванные из земли деревья, которые теперь, сухие и изломанные, завалили русло речки. Почерневшие стволы торчали из склонов в разные стороны, как гнилые зубы. Сама гора была грязно-рыжего цвета, на ее макушке – шапка грязно-белого снега. Высота стоянки большая: холодно и неприветливо. Когда солнце заходит за гору, наступает сильный холод. Мы греемся у костра. Место действует на нас угнетающе –

сами не знаем почему. Здесь вместо идиллии отовсюду мерещится угроза, опасность, холод, одиночество.

Сам подъем на Куранду был тяжелым, но больше – мрачным: темное узкое ущелье, черные скалы по сторонам, глубокие и кажущиеся бездонными дыры меж мшистых глыб, скрежет камней по дну реки, горелый мертвый лес – все это угнетает нас. Игорь где-то на сегодняшнем подъеме сильно вывихнул ногу и теперь растирает и массирует ее, сидя у костра. При ходьбе он теперь сильно хромает. У всех коней давно сбиты спины и ноги, потеряны и сломаны несколько подков. Лошади сильно похудели и осунулись.

Не сдается только старая козлятина. Петр и Кошон опять варят ее весь вечер в котелке, но она лишь еще больше твердеет и каменеет.

Засыпаем тревожно. Ночь дышит опасностью. Грозно шумит река, скатываются по горе остывающие камни. Трещат на ветру мертвые стволы. Ухает ночная птица. Что ждет нас завтра?

День шестой: красный цирк

И вот настал решающий день. От него зависит судьба всего нашего юнгурского похода. Удастся ли нам найти и перейти перевал на Шавлу? На карте ни по Куранду, ни по ее притокам нет вообще никакой дороги. Карта показывает впереди на нашем пути лишь скальные обрывы и километровый перепад высоты от неизвестного нам перевала до реки Шавлы. Сами проводники здесь не были, едем мы с ними по наитию, вслепую.

День ветреный, и на такой высоте прохладно, ветер гонит по небу легкие тучи, иногда начинает накрапывать холодный дождик. От места ночевки подъем еще сильнее выполаживается и переходит в затяжной. Скоро лес заканчивается, и мы выезжаем выше его границ. Дальше едем по дну долины, которая становится все шире. Тропа, еле заметная, вьется по полям карликовой березы. Еще выше не растет уже и карликовая береза, мы взбираемся на одну широкую полку за другой, все они покрыты короткой зеленой травкой, из этой травки выбиваются крохотные сиреневые, желтые и бледно-розовые цветы высокогорной тундры.

Через час подъема влево уходит еще одно боковое ущелье, такое же неприступное и грозное, с крохотным ручьем по дну. Продолжаем подниматься по Куранду, которая превратилась в совсем уж маленькую речушку. Мы явно понемногу приближаемся к вершине хребта и я смотрю по сторонам с возрастающим изумлением. Да как же, черт побери, мы здесь собираемся проехать?!

Слева, справа, прямо, словом, куда ни посмотри, громоздятся практически отвесные высокие стены-скалы вперемешку с осыпями. Верх этих грозных и неприступных стен составлен из острых каменных зубьев. В щелях скал и осыпей вертикальными лентами лежат снег и лед. Я ищу глазами хоть какой-то проем, хоть какую-то седловину, хоть какой-то проход, но вижу всюду только одно – острые, как у пилы, каменные зубья, зубья, зубья.

– И где тут перевал? – кричу я Кошону.

Кошон в ответ так же, как и я, озабоченно крутит головой, и только пожимает плечами.

– Может быть, там есть, за поворотом! – кричит он мне в ответ, показывая рукой куда-то вперед.

Перед очередной высокой полкой делаем короткий привал. Настроение у всех мрачное. Холодно, дует ледяной ветер, моросит дождь, под нами стылая, пахнувшая снегом почва. По всему видно, что снег здесь сошел совсем недавно, только в июле. Вокруг дикие скалы, с полки устремляется вниз прозрачный водопад. Наскоро перекусываем бутербродами с чаем из термосов и едем дальше. И вот он – самый последний поворот, за самой верхней полкой. Мы останавливаемся и, остолбенев, разглядываем открывшуюся за поворотом картину.

Прямо перед нами раскрылся круглый горный цирк диаметром метров в пятьсот. На дне цирка – небольшое круглое озерцо. Из него вытекает ручейком Куранда. Озерцо покрыто серым влажным льдом. На каменистом бугре, где мы стоим на своих конях, кто-то изладил грубую скамейку из трех плоских сиреневых камней. Два камня вкопаны в землю, один лежит сверху. Если сесть на скамью спиной к хребту, то вниз откроется широкий вид на долину Куранду.

Цирк с трех сторон окружает ярко-красная осыпь, идущая полукругом. Стены осыпи высотой метров в 150. Стены эти крутые, уклоном больше, чем в 45 градусов. Осыпь сложена из мелкого сыпучего щебня – снизу до самого верха. Щебень лежит ровно, по подошве красного цирка видны языки нерастаявшего снега. По верху цирка, как у короны, торчат каменные зубцы. Высота озера около 2800 м, и это значит, что мы уже поднялись выше перевала Ашра-Чибит и больше чем на километр от русла Юнгурского. Цирк выглядит совершенно неприступным. По осыпи мы видим тонкую нитку следов серпантинном, судя по всему, именно здесь прошел тот самый одиночка в горных ботинках.

Итак, мы целых шесть дней, рискуя сломать себе и своим коням шеи и ноги, ехали в глухой тупик! Наше настроение портится еще больше. Немец Петер слезает с лошади и грузно усаживается на каменную скамью. Он разочарован. Игорь, сгорбившись, сидит в седле и сообщает нам, что с его больной ногой он этот цирк не пройдет. Катя тоже смотрит на красный цирк с испугом и говорит, что она, пожалуй, также против попыток его штурмовать. Да и нам (мне, Сергею и Артему) как-то не по себе. Затея кажется нам совершенно безнадежной.

Время утреннее, весь день еще впереди, и нам надо принимать какое-то решение. Петр и Кошон спешиваются, привязывают коней к камням и быстрым темпом, огибая справа озерцо, идут к стене цирка. Скоро они уже широкими и быстрыми шагами карабкаются вверх по осыпи, зигзагами, по следам туриста-одиночки. Мы смотрим издали, как их маленькие фигурки карабкаются все выше и выше и через какое-то время достигают зубчатой вершины цирка. Там они скрываются между черных скал. Через какое-то время они снова появляются и начинают бродить меж камней, после чего опять пропадают. Через полчаса разведки Петр и Кошон бегут вниз. На этот раз они спускаются по прямой, огромными упругими прыжками и в несколько минут достигают дна цирка. Вернувшись к нам, они рассказывают о том, что видели. Точнее, как обычно, рассказывает Кошон, а Петр молча курит рядом.

– Там, представьте, одни скалы, обрывы. Очень опасно! Сорваться можно вместе с конями. Сверху уже Шавлу видно, дорогу, там люди ходят. Так-то близко, но круто очень... Хотя попробовать, конечно, можно...

Мы молча обдумываем наше положение. По плану сегодня нам следовало перевалить на Шавлу и заночевать на ней. Потом была запланирована дневка у Шавлинских озер. Дальше длинный дневной переход к селу Чибит, на Чуйский тракт. И уже из Чибита на автобусе в Барнаул и на самолет. В Чибите мы должны были расстаться с проводниками, а они, погрузив коней в большой КамАЗ, должны были вернуться домой в Джазатор. Сюда к красному цирку мы добирались от Джазатора пять дней. Если мы не отыщем другого прохода на Шавлу, нам придется весь путь проделать обратно. В этом случае нам никак не успеть на самолет, пропадут билеты. Может, все же рискнуть пройти здесь, через красный цирк?

– Подняться вверх – не проблема! – продолжает разяснять сложившееся положение Кошон. – Потихоньку поднимемся, пешком, в поводу. Но вот дальше вообще дороги нет никакой, одни скалы – там трудно будет.

Часть из нас готова была бы рискнуть. Но Игорь, Катя и Петер уже сильно устали. Игорь сильно хромотает, у него очень болит нога, она распухла от вывиха и доставляет ему острую боль. Петер устало сидит на каменной скамье. Катя страшно вымотана. Никто из них не хочет подниматься на этот цирк. Это решает нашу судьбу, и мы поворачиваем назад.

Настроение хуже некуда. Мы все побиты и измучены несколькими днями исключительно сложной дороги. Мы здесь сейчас одни, в самом диком углу всего Алтая. Мы находимся у диких истоков Куранду, с трех сторон нас обступили неприступные снежные вершины Чуйских Альп. Вокруг нет ни людей, ни стоянок, ни даже паршивой заблудшей овцы. Нам остается один только путь – назад, той же опасной и мучительной дорогой по Юнгуру, через перевал Ашра-Чибит и на Карагем. У нас уже почти нет шансов успеть на самолеты. Мы впервые за все годы наших походов не смогли пройти запланированный маршрут. Наши кони уже потратили большую часть своих сил. Их спины стерты до крови, а ноги кровоточат от ран.

Мрачные и приунывшие, мы пускаемся в обратный путь. Через полчаса мы достигаем устья маленькой безымянной речки, впадающей в Куранду справа. Согласно карте речка уходит на север, где берет начало в маленьком озерце на южной подошве Северо-Чуйского хребта. Высота перевала там превышает 3000 м. Судя по карте, там точно такой же скалистый цирк, за которым к северу лежат истоки реки Караюк, левого притока Шавлы.

Петр и Кошон тоже страшно расстроились. Земляк, выходит, их обманул: проехать на Шавлу с Юнгурского на лошадях невозможно. Проводники видят, как мы убиты и раздавлены. И предлагают разведать этот правый самый верхний приток Куранду – а вдруг там получится перебраться через хребет на Шавлу? Мы остаемся на покато травянистом берегу притока, а Петр и Кошон уезжают вверх по течению притока налегке, без арчемаков, прихватив с собой только термос с чаем.

Мы ждем их три часа. И обсуждаем свое положение.

– У меня нога болит! – говорит Игорь-американец. Он стащил с больной ноги ботинок и осторожно, морщась от боли, массирует поврежденную лодыжку. Нога красная, распухшая. Ему не позавидуешь. А ведь нам еще ехать всю страшную дорогу назад.

– У меня билет с пересадкой в Москве! – сообщает недовольно Петер-немец. – Если опоздаю на самолет, придется в два раза переплачивать!

– Может, вертолет сюда вызвать? – интересуется у Лены Сергей.

У нас с собой есть на аварийный случай спутниковый телефон, и теоретически мы можем вызвать из Барнаула вертолет, который заберет нас, оставив проводников добираться домой со всеми конями.

Лена сообщает в ответ, в какую астрономическую сумму обойдется нам эта эвакуация, и тут даже Петер начинает протестовать – уж лучше опоздать на самолет и купить новые билеты, чем платить такие деньги за вертолет!

Мы зашли в тупик. Остается ждать, когда вернутся проводники. Может, нам еще повезет и мы сможем преодолеть хребет, выйдя к Шавле севернее? Тогда нам останется только два хороших перехода до Чуйского тракта, и мы все успеем.

Увы! Петр и Кошон привозят с верховий притока плохие новости:

– Короче, там такой же точно цирк, но только еще круче! И сплошные скалы! А с той стороны обрыв. Никак нам там не проехать.

Деваться нам некуда. Мы садимся на лошадей и пускаемся в обратный путь. В горах смеркается рано, сразу же, как только солнце заходит за вершины, и засветло мы успеваем добраться только до места нашей вчерашней стоянки. Проехав еще километр вниз от нее по Куранду, мы спешно встаем прямо в лесу, среди горелых деревьев. На душе мрачно под стать окружающему нас тоскливому пейзажу. Гремит река, чернеет и скрипит горелый лес. Кроме шума реки и треска горельника вокруг нас нет ни одного звука, ни единого движения. Горная тайга будто бы мертва, и мы в ней чужие и лишние. Какого черта нас вообще занесло в эти заброшенные и дикие края?

Сегодня мы устали не столько физически, сколько душевно, нас страшит обратный путь. Достаточно только вспомнить все, что мы пережили, и все, что проехали и прошли. Теперь нам предстоит все это преодолеть второй раз – вместо долгожданного отдыха на солнечной и теплой Шавле, по берегам которой весело горят костры туристов и ободряюще бренчат гитары!

И даже козлятина, которая четвертый день безуспешно варится в котелке проводников, не может нас сегодня позабавить.

День седьмой: каменная стена

Что же нам теперь делать? Какой у нас новый план? Есть ли у нас вообще годный план? Эти вопросы встают перед нами во весь рост, пока мы пораньше утром быстро выучимся на диком берегу Куранду, окруженные одной только густой тайгой и скалистыми горами, куда отсюда ни двинься.

Верховья Юнгура и его притоков оказались для нас непреодолимой ловушкой. Куда бы мы ни пытались сунуться, всюду нас встречали одни лишь непроходимые кручи. Теперь из ловушки у нас остается один путь, и это путь назад. Но как нам успеть на свои чертовы самолеты? Петер с самого утра нудит про деньги, которые он потеряет в случае опоздания на пересадку в Москве. Игорь едва дохромал от палатки до костра на распухшей, замотанной бинтом ноге. Нелегко ему придется, ох нелегко! Лошади стоят в лесу неподвижно и мрачно, уставшие и похudevшие. До ближайшего села, где есть автомобильная дорога, несколько дней очень трудного пути. Положение у нас хуже не придумаешь!

Итак, мы считаем дни, требующиеся нам для возвращения. Добраться от Джазатора до красного цирка заняло у нас пять с половиной дней пути. Сможем ли мы вернуться за оставшиеся у нас три дня к машине, которая заберет нас на Карагеме? Мы обсуждаем это за завтраком с Петром и Кошоном. Как водится, говорит один Кошон, а Петр только качает головой, положительно или отрицательно.

В результате короткого обсуждения у костра с картой в руках принимаем решение все же попытаться успеть вернуться с маршрута вовремя. Для этого нам надо сильно упереться и совершить три больших и сложных перехода к стартовому броду через Карагем, где нас встретит машина из Джазатора. Последнее даст нам экономию в день пути. В Джазатор мы позвоним заранее по спутниковому телефону и вызовем машину к нужному времени и месту, а именно – прямо к нижнему броду через Карагем. Еще мы попытаемся миновать страшный *маяк*, проехав на Чибит понизу, что даст нам еще день экономии. Правда, для этого нам придется как-то перейти Юнгур ниже по течению, там где нет никакого брода, что в высшей степени рискованно. И возможно, вообще ничего из этой затеи у нас не выйдет.

Приняв решение, мы решительно пускаемся в путь. Никакой расслабленности, никакой медлительности, никаких лишних и пустых разговоров – теперь мы мчимся вперед и вперед. Мы быстро движемся прежней дорогой левым берегом Куранду, мчимся, поднимая брызги по галечному дну реки, петляем по своим же следам меж заросших мхом глыб, пересекаем в повороте коварные осыпи, протискиваемся лесом над узким ущельем, в котором гремит речка. Потом, откинувшись почти на спины в своих седлах, спускаемся крутым мшистым склоном к Юнгуру. Дальше мы два часа едем знакомыми берегами Юнгура и достигаем зеленой поляны, где была наша первая стоянка на этой реке, той самой поляны, что лежит прямо напротив маяка.

На этот раз мы ее минуем, как бы сильно нас не тянуло на ее уютный зеленый ковер, и едем дальше вниз левым берегом. Еще пара километров вниз, и мы оказываемся перед узким и длинным речным островком, поросшим ивняком. Островок рассекает Юнгур на два рукава, и здесь Петр знает еще один брод. Мы перебреем сначала левый рукав реки, потом правый и выбираемся на высокий берег, прижатый под скалами к реке крутым склоном. Проехав узким карнизом еще немного вниз по течению, мы внезапно оказываемся на новой живописной поляне. Она еще больше прежней, и полукругом углубляется в хребет к северу от Юнгура. Поляну окружают огромные старые лиственницы, на ней растет высокая трава, которую за все это лето никто до нас не потревожил. Здесь мы и встаем лагерем, проехав в этот день не менее 30 километров от стоянки в верховьях Куранду. Хороший переход, какой нам и нужен, для целей нашей спешной эвакуации с Юнгура.

Вечереет и холодает. В долине реки сыро. По крутым скалистым кручам к северу от нас стелется густой туман, длинными белыми полотнищами. Он неподвижно повисает, зацепившись за выступы камней и деревья. Вершины хребта чернеют высоко над облаками. Юнгур внизу за нашей спиной прозрачен и холоден, шум его течения ровен и гулок. Лошади медленно переступают с места на место, насыщаясь сочной влажной травой. Дым от костра жмет к земле, предвещая ночной дождь. Поперек поляны лежит огромная погибшая лиственница, поваленная старостью и ветром. Мы отсекаем топором от ее ствола широкие куски красной древесины, отрубаем толстые ветки и щедро кормим ими костер, жарко пылающий в сгущающихся синих сумерках.

– Здесь раньше баня стояла! Во-о-он в том углу! – показывает на дальний край поляны Кошон. И продолжает: – Тут на этой поляне была вертолетная площадка, сюда браконьеры прилетали охотиться – из Горно-Алтайска и Барнаула. Ну, местным мужикам это надоело и они взяли и сожгли баню!

– И что, теперь браконьеры не прилетают?

– Да вроде поменьше стало! И еще, говорят, стреляли по ним!

– Как это стреляли? Кто стрелял?

– Да кто ж их знает! – лукаво смеется Кошон. – В лесу же не видно, кто и что! Но люди говорят, что несколько раз мужики стреляли по вертолетам из карабинов, прямо из леса. И после этого *те* стараются повыше летать! И пореже! – Глаза Кошона хитро прищурены.

– А я тут медведя стрелял... – вдруг подает голос Петр. Мы оборачиваемся к нему от неожиданности. Надо же, наш Петр заговорил!

Петр подходит к густым кустам на берегу Юнгурского озера, растущим меж двух высоких лиственниц недалеко от костра.

– Вот тут я сидел тогда! – показывает он на кусты.

– А медведь вооон там ходил, корни копал. – Петр указывает на травянистый склон напротив поляны. – Крупный медведь, старый. Черный весь, страшный.

Петр садится на корточки в мокрых кустах и делает вид, что целится из ружья. По нему бегают красные блики от костра.

– Решил я по нему стрелять. Но далеко было, блин. Все равно решил стрелять. Лег, короче, прицелился... Карабин у меня был – этот же... – Петр кивает на свой карабин, прислоненный к дереву.

– Тоже вечер тогда был, темнело уже. Видать мне плохо было. Ну, короче, прицелился я, как мог, получше... Пуля нормальная была, подходящая на медведя. Он там наверху, значит, ходит, землю ковыряет, не чувствует меня. Ветер мой запах в сторону от него сносит. Потом боком повернулся ко мне, как раз нормально... Я и стрельнул...

Петр встает и идет к костру. Набирает в кружку чаю из котелка. Мы ждем продолжения истории.

Петр закуривает и продолжает:

– Ну, в общем, промахнулся я! Рядом попал, в землю. Левее маленько.

– А медведь что?

– Он сразу понял, что по нему стреляли, и кинулся бежать, галопом. Так все быстро, что я не успел перезарядиться.

– Он на тебя напал?!

– Да нет! Он же меня не видал и не чуял! У них вообще зрение плохое. Но я забыл тогда один момент...

– Какой?

– Медведь, когда его сильно испугаешь и когда он не видит, кто и откуда стрелял, он тогда летит буром, несется напролом и всегда прямо вниз по склону. А я же как раз ниже его тот раз сидел. Прямо под ним. И вот он летит прямо на меня и ревет. Галопом. Пасть разинул,

клыки торчат, башка здоровая, мохнатая. Я со страху даже карабин выронил. Лежу в этих вот кустах и дрожу весь. Все, думаю, конец мне пришел!

– И что?!

– Летит он на меня. Не поверите, всю поляну проскочил за один миг! Здоровый. Скорость страшная. И прямо на меня!

Я смотрю на него, а что мне делать-то?! Бежать? Увидит и убьет. Спрятаться если куда – не успеваю, да и бесполезно – учует. Стрелять уже поздно. Короче беда!

– И?

– Долетел он до меня. За секунды. В эти же кусты влетел. На полном, значит, ходу. Ну, метра два от меня было, не больше. Пасть разинутая, страшная. На меня такой вонью пахнуло из этой пасти! Вонючка у них, у медведей, изо рта, страсть... Никогда такую вонь раньше не встречал. Я в тот момент с жизнью попрощался... А он меня не заметил. Не учуял на бегу. Вот. Пролетел мимо меня через кусты и в реку. Треск, брызги! И ушел на ту сторону Юнгурского озера.

– А ты что?

– А я от страха обоср...ся тогда. На полном серьезе. Полные штаны наделал!

Нам совсем не смешно. Никто не смеется. Мы все искренне сочувствуем Петру. Не дай бог никому попасть в такое положение. За эти дни молчаливый и суровый Петр заслужил наше уважение и симпатии. Он отлично знает и понимает горы и тайгу, это его мир, в котором он чувствует себя как рыба в воде. Он провел нас через все перевалы, кособроды, броды и осыпи. Он повел нас нашим маршрутом, за который никто больше в Джангеле не брался. Он каждую минуту был собранным и четким, моментально приходил каждому на помощь, если что-то вдруг случалось. Петр надежен, как скала, и неважно, что от него обычно не добьешься и слова. Не его вина, что мы не прошли на Шавлу, ведь у него была на этот счет неточная информация. Но он сделал все, что смог. И к тому же чуть не погиб от когтей и зубов разъяренного медведя!

Сидим вокруг костра и пьем каждый уже которую кружку крепкого чая. На Юнгурском озере наступила ночь. Вышли крупные и яркие, какие бывают только в горах, звезды. Ночное небо прорезает яркая полоса Млечного Пути. На поляне светло и тихо.

Мы все еще думаем о недостижимой Шавле.

– А что, выходит, совсем нет с Юнгурского озера никакой конной дороги на Шавлу?

– Почему нет? Одна есть точно! – говорит Кошон.

– Как так есть? Где же она?

– Да прямо здесь вот! – Кошон показывает на темную отвесную километровую стену прямо перед нами, посредине которой висят сейчас сизые полотнища облаков.

– Эта дорога единственная с Юнгурского озера на Шавлу?

– Получается, что так.

– Так, может, нам завтра по ней подняться? Успеем потом на Чуйский тракт доехать?

Кошон и Петр, оба два, отрицательно качают головами.

Кошон объясняет расклад:

– Здесь тропа наверх очень тяжелая, опасная. По скалам, по камням, узкий карниз. Очень круто. После дождя вообще нельзя ехать – наверняка сорвешься. Гора большая, отвесная, ни одного ровного места нет вообще. Подниматься надо часа три, не меньше. Раньше была козья тропа, потом по ней сделали конную дорогу. Но очень тяжело! Наверху там, как поднимаешься, ровное место, ручьи, долины, есть лес. Но до Шавлы еще далеко ехать, целый день пути. И потом все равно спускаешься на *нижнюю* Шавлу, ближе к устью. А оттуда еще три дня, не меньше, ехать до Чуйского тракта. Притом целыми днями надо ехать, переходы большие. Так что опасно здесь нам подниматься, да и все равно не успеем никак!

Скоро мы расходимся по палаткам. Ночью по стенкам палаток стучит дождь.

День восьмой: опасная переправа

Утром опять встаем на рассвете. Нам надо постараться проехать сегодня как можно дальше в сторону Карагема. В этот день нас ждет главное испытание обратного пути – брод дикого и мощного Юнгура в том месте, где вообще нет никакого брода. Если прежде мы ехали звериными и охотничьими тропами, а порой вообще безо всяких троп, то теперь нам предстоит нечто неизмеримо более сложное: преодолеть опасную горную реку, которая летом в нижнем ее течении считается непреодолимой. Наша надежда только на то, что лето нынче выдалось сравнительно сухое и вода не такая высокая, какой она обычно бывает в этот сезон в начале августа. Если все получится и мы переберемся здесь на левый берег Юнгура, то этим избежим необходимости подниматься на километр вверх, на «маяк», и сэкономим себе целый день пути.

За завтраком я разглядываю освещенную утренним солнцем стену северного перевала. Зрелище устрашающее! От поляны и до синего неба поднимается огромная, практически отвесная стена из камней и скал, с глубокими расщелинами и высокими пропастями. Отсюда, снизу, она кажется совершенно неприступной, даже если вздумать подниматься по ней пешком. Что уж говорить о груженных поклажей лошадях! Невероятно, но где-то по этим отвесным скалам есть конная тропа. Остается верить проводникам на слово. Несколько лет спустя мы увидим место нашего ночлега с вершин горной стены, добравшись туда со стороны Шавлы.

Быстро собравшись, мы выезжаем вниз по реке. Только теперь нам становится понятным, зачем именно хмурый Петр потащил нас несколько дней назад на головоломный «маяк», который сейчас хорошо виден высоко над нами на другом берегу Юнгура. Дело в том, что если бы, минуя «маяк» *понижу*, мы спустились тогда указанной на карте нижней тропой к месту впадения речки Чибит в Юнгур, то уперлись бы с одной стороны в неприступную реку, а справа – в непроходимые отвесные скалы, откуда мы никак не смогли бы попасть в верховья Юнгура и к истокам Шавлы. Единственный путь у нас был тогда поэтому только через «маяк», т. е. *поверху*. Им мы и проехали, миновав тем самым скалистый тупик на устье Чибита.

А сегодня, снявшись из лагеря, мы уже довольно скоро выехали к месту предполагаемого брода. С нашей стороны, по правому берегу, река широко рассыпается здесь по камням. Прыгая по ним, мокрым и блестящим, то и дело соскальзывая в сапогах в мелкую воду, можно подбаться довольно близко к левому берегу. Но за широким мелководьем начинаются серьезные трудности. Река собирается ближе к левому берегу в узкий и глубокий скалистый каньон, в котором летит с огромной силой и громко ревет. Если сунуться сюда на лошади, то шансов выбраться целым не будет. Река мгновенно сшибет с ног коня, который с головой уйдет в воду и понесет его на огромной скорости прямо на острые скалы и камни ниже по течению. За первым каньоном виднеется второй, отделенный от первого неширокой галечной отмелью, такой же глубокий и опасный, и так же доверху заполненный стремительной водой. Поверх обеих расщелин с ревущей водой застряли дикими мостками вывороченные с корнями, ошкуренные течением и добела высушенные солнцем деревья, принесенные сюда сверху весенними паводками. Петр осторожно перебирается по деревьям на коленях: сначала через первый каньон, затем через второй – для разведки. И возвращается к нам, стоящим на берегу.

План Петра таков. Сначала мы построим надежные мосты, по которым все люди переберутся на другой берег. Затем оба наших проводника со всеми лошадьми отправятся дальше вниз по течению, чтобы искать там место для брода. Там ниже они постараются благополучно переправиться через ревущий Юнгур. Мы же будем ждать их на левом берегу в условленном месте. Что будет, если у них ничего не выйдет? Этого мы не знаем. Будем решать по ходу дела.

Мы принимаемся строить мосты через две опасные протоки. Тащим с берега длинные и крепкие жерди плавника, укрепляем ими дикий мост, связываем все это хлипкое сооружение крепкими веревками. Закончив с первым мостом, принимаемся за второй. Юнгур грозно ревет

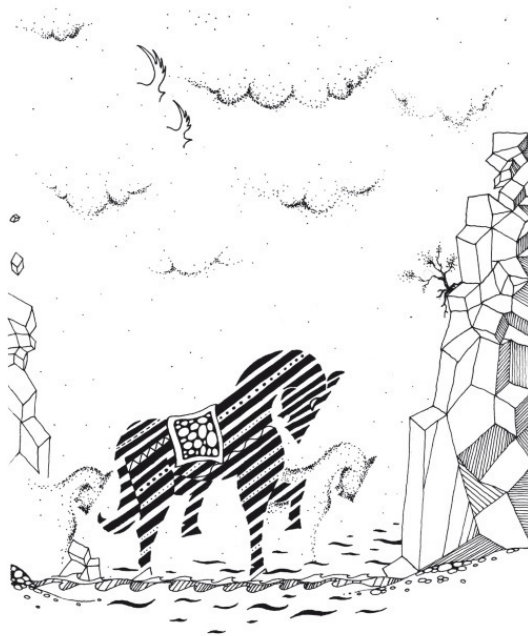
прямо под нашими ногами. Тугие и толстые струи ледяной изумрудной воды скручиваются меж скал в огромные пенящиеся канаты. Скалистая и ревущая водяная прялка, собранная в двух узких каньонах, бесконечно и неудержимо вытягивает полноводный Юнгур вниз, в сторону устья.

Закончив с мостами, начинаем переправу. Один за другим мы осторожно перебираемся сначала через один ревущий поток по связанным в пучок стволам, потом через другой. Ползем на коленях, крепко держась руками за сучья и ветки. Хлипкие мостки прогибаются, скрипят, а метром ниже с низким воем тянется к нам хищная юнгурская вода.

Наконец все шестеро оказываются на левом берегу, и Кошон объясняет, где нам следует дожидаться проводников с лошадьми:

– Пройдете сначала лесом, вот этой тропой, потом подниметесь на косогор и дальше найдете поляну у речки. Там сидите и ждите нас!

Мы смотрим на оставленный нами правый берег. Там стоят неподвижно наши лошади. Они блестят седлами и боками на ярком солнце. Кошон и Петр возвращаются к ним, перескакивая с камня на камень. Проводники быстро связывают восемь коней веревками в длинную цепь. И выезжают вниз по течению искать переправу. Мы же отправляемся в лес, оставляя Юнгур за спиной. Как и говорил Кошон, тропинка петляет лесом в зарослях высокого папоротника. Шум реки постепенно стихает, наступает полная тишина. Солнце пробивается через высокие кроны деревьев: лиственниц, осин, берез. Через полкилометра тропинка выбегает на крутой подъем, тоже лесом. Мы карабкаемся вверх по едва заметной тропе и скоро оказываемся на лесистом косогоре, где-то много ниже маяка. Дальше идем склоном еще некоторое время. Несколько раз тропинка выскакивает из леса на открытые места, ярко освещенные утренним солнцем. Нам не хочется слишком далеко уходить от Юнгура, и скоро мы останавливаемся на одной из таких небольших полян.

Опасная переправа (рисунок Д. Запылихина, 2016 г.)

Место нам по душе. По склону стелется высокая душистая трава, усыпанная цветами. В неподвижном теплом воздухе качается легкий запах меда. Ни комаров, ни мух. Главное, здесь открывается отличный обзор во все стороны. Мы поднялись выше Чибита метров на сто, и нам хорошо видно его затененное деревьями устье. Кроме того, отсюда прекрасно просматрива-

ется лес по левому берегу Чибита, откуда должны появиться проводники с конями. По нашим расчетам, они никак не пройдут мимо нас незамеченными. Мы снимаем куртки, кладем их на траву, ложимся на склон поудобнее и принимаемся ждать.

Мы перебрались через Юнгур налегке: без вещей, без продуктов, без палаток. Все наше хозяйство уехало с проводниками. Все, что с собой у нас есть, это пара зажигалок и несколько бутылок с припасенной с утра чистой речной водой. Остается только ждать и надеяться, что Петр и Кошон успешно перейдут Юнгур. Что они справятся с этим без ущерба для себя, для лошадей и наших вещей. Пока мы лежим на траве, солнце поднимается все выше и наступает жаркий летний день.

Стрекочут кузнечики, журчит внизу Чибит, горит от жарких солнечных лучей лицо. Кто-то спит, укрыв лицо платком. Кто-то читает, уткнувшись в книжку. Вокруг очень красиво. Видна вся долина Чибита, ее великолепные скалистые берега со снежниками и водопадами на самом верху. За Юнгуром справа от нас высятся разноцветные горные стены, с переливами цвета от фиолетового и сиреневого до ярко-оранжевого. Тайга за Чибитом, прямо напротив нас, темно-зеленая, густая и дикая, без единого просвета. Найдется ли там тропа для наших проводников?

Со скал срывается пара орлов и медленно, неподвижно, раскинув широкие крылья, кружит над речной долиной. Мы меж тем все больше беспокоимся. Время идет, а проводников все нет и нет. Вот уже миновало два часа, а в лесу на другом берегу никакого движения. Мы тревожно всматриваемся и вслушиваемся, ловя каждый звук и каждое движение. Но, увы, ничего!

Тогда мы принимаемся громко кричать в надежде услышать ответ с другого берега. Я даже по-разбойничьи свищу, заложив, как в детстве, в рот два пальца. Свист выходит громкий и залиvistый. Орлы поднимаются на всякий случай повыше. Но в ответ лишь тишина. Лес на том берегу недвижим и тих. Он замер в теплом мареве летнего дня и молчит нам в ответ.

Так проходит три часа.

Теперь мы пребываем в настоящей тревоге. Мало ли что там могло случиться! Например, лошадей с вещами могло унести вниз по течению, побить и утопить. Проводники могли не справиться с переправой и утонуть. Могли потерять на порогах коня и сейчас пытаться спасти его, вытаскивая из скал и заломов. Вещи могли пропасть в бурных потоках воды, а сумины могли сорваться с ремней и веревок и уплыть по течению. А могло быть и иначе. Например, проводники долго искали место переправы и ничего не нашли. И вернулись к диким мосткам над двумя каньонами. И теперь думают, что им дальше делать с конями и вещами. Связи с нами у них никакой. Знак подать они не могут. Вот и сидим мы в полной неизвестности здесь, на склоне горы, а они там, на правом берегу Юнгурского. Что же нам делать? Послать разведчика обратно к броду? Мы так и делаем. Через полчаса стремительный Артем возвращается назад – проводников у брода нет. Но тогда где же они?

И вот, после почти четырех часов тревожного ожидания, мы слышим приближающиеся шаги. Звук слышен совсем не оттуда, откуда мы ждали. Петр и Кошон появляются из леса сверху, со стороны верховий Чибита. Они все в грязи и в поту, одежда на них мокрая и грязная – видно, что им крепко досталось.

– А мы вас потеряли! – говорит Кошон.

– Это мы вас потеряли! – дружно отвечаем мы.

– Мы недавно только приехали. Лошади там внизу ждут, – зовет за собой Кошон, и мы, подхватив куртки, пускаемся ему вслед.

Минут через двадцать быстрого хода мы видим внизу, у речки Чибит, большую открытую поляну у самого берега. Под большими приречными деревьями виднеется удобное костровище, вокруг которого привязаны наши кони – все до единого. Слава богу, лошади и вещи целы, Петр и Кошон тоже с нами, живые и здоровые, все обошлось.

Спускаемся к поляне, где дымит костер. Позади уже полдня, а мы только закончили переправу через Юнгур. Надо спешить, но мы делаем короткий привал, чтобы вскипятить чаю и дать измученным проводникам хоть немного отдохнуть. На привале Кошон коротко рассказывает, как у них все прошло и почему переправа заняла так много времени.

– Поехали мы вниз по течению смотреть брод. Ниже Чибита Юнгур большой, воды очень много. Глубоко везде, течение сильное! Камни, стремнина! Час ехали, и нигде нет никакого брода! Потом нашли одно место поспокойнее и решили попробовать. Короче, плыть нам пришлось прямо на конях!

Петр и Кошон смеются, а нам не до смеха. Мы живо представляем себе эту картину. Восемь коней гребут поперек течения, их быстро сносит вниз, гремит река, приближается грозный каменистый порог. Головы коней торчат над водой, всадники сидят по пояс в воде, в левых руках у них поводья, в правых руках крепко сжаты веревки, которыми привязаны одна к другой напуганные лошади. И вот почти уже у самого ревущего порога первая лошадь нащупала дно и рванулась к берегу, за ней остальные, едва избежав верной гибели. Досталось же нашим проводникам и лошадям!

– Вещи мы упаковали в мусорные пакеты, перед тем как плыть, так что если они и намокли, то немного! Арчемаки-то полностью под водой были! – продолжает рассказ Кошон.

Петр курит и кивает головой. Мы смотрим на коней и Сумины, которые еще все мокрые, из них капает на землю вода.

– Повезло нам, в принципе, нормально переправились. Без потерь. А дальше выехали, а на этом берегу сразу же гора и тайга. А мы далеко же вниз уехали, и как нам оттуда возвращаться? Стали искать тропу, что раньше была там, а тропы нет вообще. Заросла давно вся. Даже следов ее не видеть! Тайга стоит дикая, везде скалы, склон крутой, сплошные буреломы, не пройти и не проехать! Стали мы пробиваться к вам. Находили звериные тропы и по ним шли. А они все время на скалы выводили. Приходилось все время возвращаться, лезть вверх, объезжать, деревья рубить. Так вот и продирались сюда два часа, себя и коней замучили. Натерпелись мы с Петром, короче!

Время идет, и нам надо спешить. Напившись чаю и наскоро перекусив бутербродами, пускаемся в путь. Время обеденное, но нам не до обеда. Впереди долгий трудный переход в сторону перевала. Мы выезжаем обратно на тропу, идущую лесом правым берегом Чибита. Это та самая *нижняя* тропа к Юнгуру, которая указана на карте. Тропа на карте есть, но на земле ее давно уже нет. Тропа много лет как заброшена, никто ее давно не чистил. Вся дорога сплошь завалена огромными упавшими деревьями.

Вновь становится ясен первоначальный план Петра. Он не случайно повел нас на Юнгур *верхней* дорогой, тем страшным косогором. Косогор был ужасен, но он позволил нам быстро проехать *выше* леса, в котором мы сейчас накрепко завязли. По проклятому нижнему лесу мы движемся вперед медленно и мучительно. Мы именно медленно продвигаемся вперед, а не едем. Перед нами густая, непроходимая, вся заваленная мертвыми деревьями старая тайга. Петр и Кошон идут впереди пешком, почти не садясь в седла. В их руках два острых топора, и они каждые несколько минут вынуждены пускать их в ход. Они в буквальном смысле слова прорубают нам топорами путь. Они рубят и крошат толстые ветви и целые деревья, чтобы лошади смогли проехать и протиснуться. Мы петляем по крутому склону, объезжая бесчисленные завалы. Когда проводники выбиваются из сил, мы тоже берем топоры и без остановки рубим. Лес вокруг дик и страшен, нам то и дело попадаются свежие волчьи и медвежьи следы. Лес густой и темный, нам не встретился на крутом мрачном склоне ни один просвет, ни одна солнечная полянка. Пот застилает глаза, мы все в грязи и липких хвойных иголках, на наших ладонях мокнут кровавые мозоли, кони позади нас спотыкаются и тяжело дышат.

Часа через два этой мучительной борьбы с лесными завалами мы начинаем забирать все выше лесом и постепенно оказываемся на прежней нашей *верхней* тропе. Здесь мы получаем

короткую передышку и даже проезжаем какое-то расстояние в седлах. День сухой и жаркий, тропа безопасна и скоро выбегает из леса на все тот же длинный косогор, сильно выше Чибита. Мы едем еще час косогором, набирая высоту, как набирает высоту и река внизу и справа от нас.

Впереди уже виднеется створ долины, ведущей непосредственно к перевалу, и тут Петр начинает круто спускаться к речке. Спуск косогором настолько крутой, что все спешиваются. Косогор уходит далеко вниз, метров на четыреста по вертикали. Мы сошли с тропы, ноги у нас едва держат склон, и мы то и дело падаем, снова повисая на веревках, привязанных к мордам коней. Лошади очень осторожно спускаются, низко приседая на задние ноги и упираясь в землю передними. Не будь их, мы давно улетели бы кубарем в пропасть.

Первым спускается Петр, за ним, спотыкаясь и падая, тащится Петер. Игорь, как и в лесу на спуске от маяка, давно отпустил своего коня и, хромя, едва поспевает за остальными, постанывая от боли в ноге.

Наш немец Петер очень устал в этом тяжелом походе и что-то орет теперь по-немецки в спину невозмутимому Петру, прыгающему впереди него все дальше вниз. На ногах у немца пижонские оранжевые сапоги из натуральной кожи, с гладкой подошвой, которая плохо держит крутой травянистый, хоть и сухой сегодня склон. По этой причине полный и круглый Петер то и дело падает и катается по склону как теннисный мячик. Он падает, катается, вскакивает, снова падает, снова катается и все громче прокликает Петра. Петер рычит и визжит по-немецки, но алтаец Петр лишь ускоряет ход и, как обычно, не оборачивается. По косогору раскатывается звонкая немецкая брань:

– Какого черта! Будь ты проклят! Какого дьявола ты здесь спускаешься? Чтоб ты сдох! Мы за что тебе деньги платим!? Чтобы подохнуть на этом треклятом косогоре? Чтоб ты провалился! Какого дьявола ты свернул с тропы?! Ты не видишь, что здесь нельзя спускаться?! Что здесь слишком круто! Вот дерьмо! Ааа! (Петер валится на спину.) Вот же дерьмо собачье! Будь ты проклят! Ааа! (Валится на бок.) Вот дерьмо! (и т. д.)

Мы все тоже то и дело катаемся по косогору и при этом плачем от смеха, растирая слезы по грязным, обожженным солнцем физиономиям.

– Петр же по-немецки ни слова не знает! – хохочет Кошон.

Похоже, что и сам невозмутимый Петр впереди тоже весело потешается над немцем, ускоряя шаг и не обращая на его вопли никакого внимания.

Так, весело хохоча и падая, под вопли Петера мы скатываемся по косогору прямо к Чибиту. Косогор круто падает в прозрачную речку, и я, как только взбираюсь вслед за всеми в седло, немедленно улетаю вперед, прямо через голову своего коня. И не миновать мне купания в ледяной воде, если бы не мой преданный и надежный коняга. Когда я, перелетев через его голову, каким-то невообразимым образом повис у него на шее, крепко обхватив ее руками, он встал как вкопанный и поднял шею повыше, удерживая меня над водой. Мои ноги болтались в считанных сантиметрах над стремниной, и я аккуратно выбрался на берег. Сколько раз вот так кони нас выручали за эти дни – не сосчитать!

Дальше дорога становится проще. Мы едем знакомой тропой вверх по течению, то и дело въезжая в самую реку и двигаясь по неглубокой чистой воде. Дело уже идет к вечеру, и скоро, пока не стемнеет, нам надо будет выбрать место для ночевки. Мы стараемся успеть подобраться как можно ближе к перевалу Ашра-Чибит. Ведь уже завтра мы должны подняться на перевал и спуститься с него к Карагему, где нас будет ждать машина. Наше время быстро уходит.

И здесь мы внезапно встречаемся с медведем. Первым его замечает Петр, едущий впереди. Мы движемся широкой долиной с небольшим леском вдоль речки. Справа поднимается высокий безлесый склон горы, поросший понизу густым кустарником. В нем и бродит, лакомясь ягодой, медведь.

Петр тормозит и, когда мы подъезжаем поближе, делает нам знак соблюдать тишину. Мы замедляем ход и молча, шагом продвигаемся вперед, наблюдая за зверем.

Ранние сумерки, солнце уже зашло за горы, но еще светло. Медведь бродит в кустах, пока нас не замечая. Его отлично видно. Расстояние до него метров четыреста, его темно-коричневая, издали кажущаяся черной шерсть резко выделяется на фоне зеленых кустов.

Мы медленно приближаемся и наконец он нас почуял. Остановился в кустах, задрал голову и вертит ею во все стороны. Медведи плохо видят, но у них отличный слух и обоняние. Мишка, как видно, услышал звон стремян и топот копыт, а еще почуял наш резкий запах. Перепугавшись от неожиданного появления здесь людей, зверь выскакивает из кустов и сдуру мчится прямо на нас. Мы встаем на тропе.

– Держите коней покрепче, могут понести, – спокойно говорит нам Кошон.

Петр разматывает и заряжает карабин, не сходя с седла. Медведь скачками, галопом, приближается к нам. Лошади нервно переступают, дергают головами, стригут ушами. Метров за сто медведь внезапно нас обнаруживает. Он потрясен до глубины души. Представьте только его изумление – прямо перед ним вырастает целая кавалькада коней и людей, все в разноцветных куртках, с фотоаппаратами в руках, а один, что ближе всех к нему, так и вовсе с ружьем!

Медведь резко тормозит, упираясь в землю всеми четырьмя лапами. Затем мгновенно разворачивается и принимается улепетывать – еще быстрее прежнего. Он несется огромными ритмичными прыжками вправо от нас, по склону горы вверх. Он убегает по диагонали, все выше и дальше. При всей его кажущейся нескладности бег зверя мягок и легок, он мчится упруго и грациозно, как кошка, скорость его огромна. Медведь мчится вверх по крутому склону с той же легкостью, что и по ровной дороге. Травянистый косогор огромен, открыт, и мы наблюдаем галоп медведя минут десять, пока он не скрывается за гривой горной складки. Нас поражает сила этого зверя: он взлетает на двести метров вверх, крутым подъемом, не замедлив при этом своего бега ни на мгновение. Бот это мощь!

– Молодой еще! Двухлетка! – говорит Петр, убирает карабин и трогает коня.

Через полчаса, достигнув верхней границы леса, мы встаем на ночлег. Пока все идет по плану. За два дня мы вернулись из верховий Юнгурского почти что к самому перевалу на Карагем, проехав за счет высокой скорости и рискованного маневра с бродом четырехдневный путь за два дня. Без малого за эти два дня мы преодолели полсотни километров. На завтра нам надо будет забраться на перевал и спуститься с него до самого Карагема, а там перебраться на машину и уехать в Джазатор. И тогда мы, может быть, успеем еще на наши самолеты.

Уже темнеет. В горах синий беззвучный вечер. Высота больше двух километров, вокруг нас редкий лес. Холодно. На западе небо еще розовеет, но наверху по всему небосводу уже выпали яркие звезды. Вдалеке уже виднеется глубокое седло перевала Ашра-Чибит. Поляны, как таковой, нет, и мы мостим палатки между скал на узких языках влажной травы и глины. Коней разводят по лесу в разные стороны, корма здесь мало, утром лошади будут ехать впроголодь.

Устраиваем костер у подножия курума, сложенного из крупных серых камней. В куруме испуганно попискивают черные мохнатые пищухи. Пока мы варим суп и кипятим чай, Петр и Кошон высматривают в свои бинокли козерогов. И тут же находят их. Мы видим, как в сгущающейся темноте на выступах скал стоят и лежат крупные горные козлы с загнутыми назад рогами – здесь их места, так называемая *текеля*.

Стоит отойти от костра, как тут же набрасывается злой холод. Пар идет изо рта, зябко, стужа пробирает до костей. По вершинам гор вокруг нас лежат темно-синие снега и ледники. В них мерцает тихий звездный свет. Морозный воздух стекает с ледников прямо к нам, заливая холодом всю долину. Мы жмемся к огню.

Петер уже немного успокоился. Он сидит у костра, ставив с ног свои оранжевые кожаные сапоги. Каждый вечер он проделывает с ними одну и ту же манипуляцию. В руках у немца большая железная банка с животным жиром, которую он привез с собой из Германии. Петер старательно обмазывает со всех сторон сапоги жиром. Сначала место, где мягкая кожа пришта

к гладким подошвам, потом носки, потом задники, потом голенища. Скоро сапоги лоснятся от толстого слоя вонючего жира, все руки хозяина тоже покрываются жиром, застывшим на ночном морозе. Он долго обтирает руки салфетками, вспотев от жара костра и от обмазывания сапог, сначала правого, потом левого.

Намерение Петера – защитить сапоги жиром от воды в реке, от росы в мокрой траве, от дождя. Толстый слой жира должен спасти сапоги от влаги. Но все напрасно: сапоги все равно каждый день намокают, кожа в них распухает от влаги, грубеет и больно трет Петеру ноги. Дни напролет он едет с мокрыми и натертыми ногами, в намазанных жиром оранжевых сапогах. Гладкая подошва сапог скользит по траве и по земле, Петер то и дело спотыкается и падает. Куда удобнее в горах самые обыкновенные наши резиновые сапоги, которые не намокают, не пропускают воду, легкие, с ребристой подошвой, в которых ногам всегда тепло и сухо.

Тем не менее упрямый Петер берет с собой каждый год свои кожаные сапоги, и потом всю дорогу мучается в них. И каждый вечер педантично втирает в них толстым слоем вонючий животный жир.

День девятый: гонка к Карагему

Поднимаемся часа в четыре утра, в полной темноте. На улице трещит мороз, по краям речки блестит тонкий ледок. Собачий холод. Мрачно пьем чай, пальцы и ноги мерзнут. После чая сворачиваем хрустящие от изморози палатки, споро выучимся. Впереди долгий путь, тяжелая дорога.

Еще не рассвело, а мы уже тянемся по длинной унылой болотине. Копыта чавкают в грязи и хрустят, ломая ночной лед.

Небо светлеет, выходят из темноты громады гор, солнце цепляет первыми оранжевыми мазками снежные вершины справа и слева от нас. Через час, обогнув заледеневшее озерцо в истоках Чибита, мы подъезжаем к подножию перевала. Солнце уже близко, оно ярко освещает красноватую осыпь, что лежит ниже седла, медленно приближаясь к нам.

Мы проходим в поводу широкую полосу снега и принимаемся карабкаться на перевал по своим же следам недельной давности. Подъем крутой и затяжной, камни сыплются вниз, ноги вязнут, сердце бешено колотится в груди, дыхания не хватает, в глазах темнеет, и мы делаем частые остановки, чтобы продышаться.

За полчаса взбираемся на тесную седловину перевала Ашра-Чибит. Настроение у нас совсем иное, чем было здесь в первый раз неделю тому назад. Тогда мы радовались началу похода, весело разглядывали красивые виды, с нетерпением ждали продолжения приключений. Теперь мы до крайней степени измотаны и спешим. И к тому же едем не вперед, а назад. Нам уже не до видов, и мы ничего не ждем, кроме скорейшего окончания похода. Сделав короткую остановку на вершине перевала, быстро спускаемся в поводу в южную сторону, в направлении Карагема.

Внизу садимся на коней и быстро едем дальше. По дороге Петр и Кошон захватывают благополучно дождавшихся нас полкозла и рогатую козлиную голову.

Теперь мы гоним. Наши лошади гонят тоже, зная, что мы возвращаемся домой.

На затяжном крутом спуске к старому руднику мы спешиваемся и бежим вниз, прыгая по траве и камням. Игорь с его вывихнутой ногой остается сидеть в седле и в результате скоро вылетает из него, аккуратно вперед головой. Его конь резко ухнул передними ногами в яму, и Игоря выбросило вперед под откос горы. Слава богу, все обошлось – наездник приземлился спиной и боками не на камни, а на мягкую траву. Через полтора часа после прохождения перевала, выбрав вниз километр крутого спуска, мы делаем короткий привал на старом руднике, даже не разводя огня. После чего преодолеваем небольшой лесок вдоль ручья, на берегу которого виден свежий медвежий след, и выезжаем на высокий сухой склон, по которому убегает вдаль тропинка, идущая в сторону верховий Карагема.

Отсюда нам уже виден крохотный серый уазик-«буханка», ожидающий нас внизу на левом берегу Карагема. Остается только спуститься к реке и перебраться ее.

Петр и Кошон скатываются вниз напрямую, огромными прыжками прямо по склону. Двадцать минут – и они оказываются далеко внизу, у зимней стоянки на ближнем к нам берегу, две крохотные фигурки людей и две, покрупнее, лошадей.

Мы так не умеем. Мы спускаемся медленно, серпантинном, ведя лошадей в поводу, и лишь через час присоединяемся к проводникам.

Все вместе аккуратно перебреем быстрый прозрачный Карагем тем же бродом и подъезжаем к машине. Нас встречает улыбчивый водитель. День уже в разгаре, солнце стоит высоко в небе, жарко. Мы снимаем с коней поклажу и перегружаем всю ее в уазик. Пора расставаться с конями и проводниками, которые доберутся до Джазатора своим ходом уже глубокой ночью. Так мы преодолели пятидневное расстояние за два с половиной дня.

Что уж говорить, нам очень повезло и с проводниками, и с лошадьми.

Наша шестерка – первая конная группа, решившая добраться до Юнгурского, да еще и попытаться проехать дальше, с верховий Юнгурского на верховья Шавлы. Последнее оказалось в принципе невозможным, но и один только Юнгурское стал для нас настоящим испытанием. Дикий Юнгурское, зажатый со всех сторон высокими непроходимыми хребтами, это самое труднодоступное, самое далеко запрятанное, самое экстремальное место на всем Алтае. И всего лишь две проезжие конные дороги, ведущие к этой заповедной реке: с Карагума на юге и с нижней Шавлы на севере.

Альберт из Джазатора долго не мог найти проводников, которые согласились бы поехать с нами на Юнгурское. Согласились в итоге только прирожденный охотник Петр и надежный доброжелательный Кошон, которые с честью провели нас через все испытания, не считая мелких травм и потерь.

– Знал бы – никогда бы не согласился! – говорит теперь незлобно Петр.

Он в первый и последний раз поехал на Юнгурское не с одним охотником и налегке, а с целой группой. И больше не пойдет – слишком хлопотно. Насколько я знаю, мы были и пока остаемся первой и последней конной группой на Юнгурском. Кто еще и когда решится повторить такое?

Наши лошади тоже оказались на высоте. Мы дружески прощаемся с ними на берегу Карагума. Обнимаем за шеи, хлопаем по бокам. Они невозмутимо смотрят на нас своими большими глубокими глазами, словно бы и не было позади этих сумасшедших девяти дней. Часть из них, как, например, мой конь, выросли на равнинах Укока и никогда раньше не бывали в больших горах. Оттого они поначалу много ошибались и страшно пугались высоких перевалов, косогоров, круч, опасных бродов, узких звериных троп. Но после первых дней пути привыкли, освоились и смело проехали весь этот тяжелый поход, не раз выручая нас в критических ситуациях. Теперь все для них позади, и им дадут целых три недели заслуженного отпуска. Наши похулевших и уставших коней со стертыми спинами и побитыми ногами ждут уже завтра широкие солнечные поляны, сочная трава, ждет полный покой в солнечных и безопасных окрестностях Джазатора.

Наконец-то мы расселись в тесной «буханке» и неспешно пылим в сторону Джазатора. Я сижу впереди, справа от горячего двигателя, и болтаю с водителем про разные деревенские новости. Треугольная форточка сбоку широко открыта, и меня обдувает теплый ветер. Ар гут белеет далеко внизу. Широко раскинулась золотая степь Самаха с зелеными лентами леса. Следующие три часа передо мной проплывает вся опасная староаргутская дорога, которая кажется мне теперь такой обжитой и домашней. Временами нам встречаются машины со свежескошенным сеном, по полянам кипит косьба, в руках мужиков сверкают на солнце острые косы.

Позади меня тишина. Утомленный ранним подъемом и трудным переходом через перевал, народ спит в тесном салоне уазика. Спит хрупкая Катя, героически перенесшая все испытания похода. Спит Сергей, чье обгоревшее на солнце лицо покрывает густая щетина. Спит Игорь, уткнувшись бородой в грудь. Он снял ботинки, чтобы унять ноющую боль вывихнутой ноги. Дремлет Петер, упершись оранжевыми сапогами в чей-то грязный рюкзак на полу. Спит Лена, натянув на глаза выгоревшую косынку. Не спит только Артем, с любопытством следящий в окно за дорогой.

Поднявшись еще до рассвета высоко в горах, проехав два десятка километров по высокогорью и после еще сорок по горной дороге, к вечеру мы добираемся до Джазатора, где нас ждут ужин со свежим жареным хариусом и жаркая баня.

Впрочем, на свои самолеты мы все равно опоздали. Но это уже другая история.

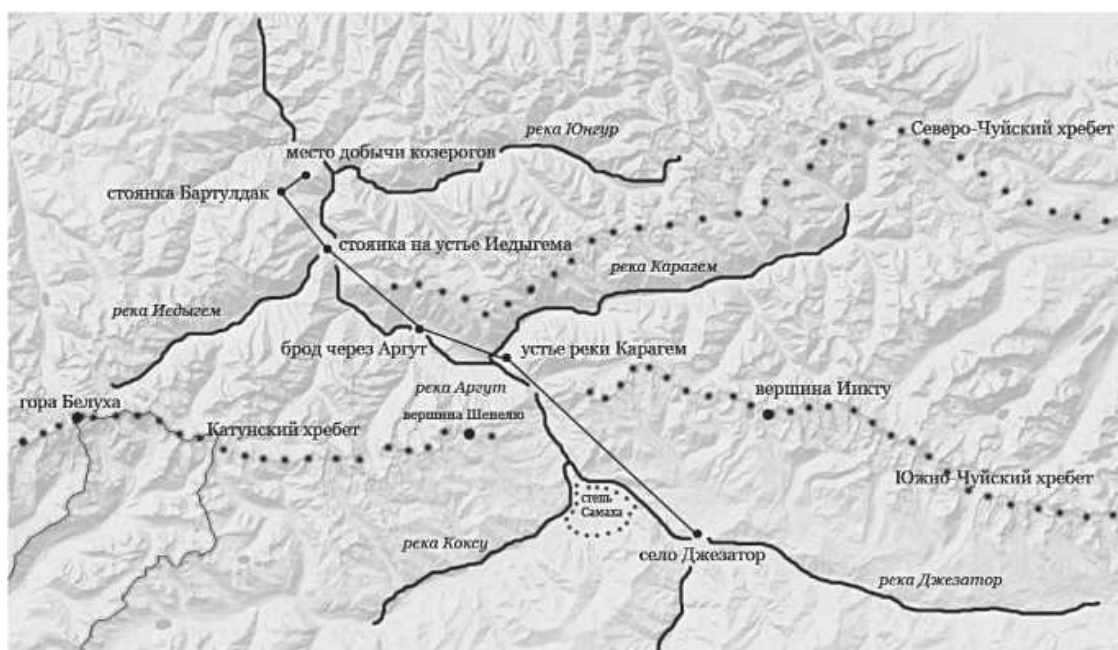
По осеннему Аргуту

(Джазатор, осенний Аргут, Бартулдак, охота на козерога и марала)

Встреча с Назаром, Ишаком и Алдырбасом

Один мой друг, известный московский охотник Сергей К., который и прежде принимал участие в наших увлекательных алтайских походах, предложил мне, как и годом ранее, составить ему компанию в трофейной охоте на марала и сибирского козерога. Сам я не охотник, но согласился отправиться в Алтайские горы без раздумий. Малая родина, где я родился и вырос, хорошая мужская компания, снежные хребты, дикие места, щедрая осенняя тайга – что может быть лучше!

Имея на Алтае немало друзей и добрых знакомых, я поспособствовал выбору подходящего района и времени для охоты.

Путешествие по осеннему Аргуту

Альберт К., опытный организатор туристических походов и трофейной охоты из высокогорного села Джазатор (*Беляши*) Кош-Агачского района Республики Алтай, предложил нам отправиться на лошадях в район среднего течения реки Аргут. Места эти в конце сентября – начале октября совершенно безлюдны и хороши для охоты. Как заверил нас Альберт, на Аргуте маралы и сибирские козероги водятся в изобилии. Он же подыскал нам опытных местных проводников-охотников. Поэтому добыча трофеев не должна была составить нам большого труда (годом ранее на соседних Коире и Ело было слишком много народа, по отрогам у пастушеских стоянок горели костры, в глубоких логах трещали выстрелы, стелились дымы, и в результате весь зверь попрятался в густом лесу, и мы вернулись тогда ни с чем).

Я сказал Сергею:

– Я бывал на Аргуте несколько раз, правда, летом. Очень красивые места. Богатая природа. Хорошие проводники. Надо ехать – думаю, что результат у тебя будет.

Что ж, мы решили опробовать новое место охоты. Сергей приобрел лицензии на одного марала и двух козерогов. Его целью были три хороших, крупных трофея. На саму охоту (без дороги до Джазатора и обратно) мы отводили неделю. Этого времени, по нашим расчетам, вполне должно было хватить.

Прилетев в Барнаул и проведя два дня по делам в бойкой курортной Белокурихе, мы за долгий день пути (выехав рано на рассвете) добрались до Джазатора. В Кош-Агаче, пока оформлялись пропуска в погранзону, начальник погранучастка угощал нас чаем с пряниками и конфетами. В Джазаторе остановились у Альберта, вдоволь напарившись в бане и жарко протопив на ночь печку в гостевом домике, построенном специально для туристов. К утру температура на улице упала до минус тринадцати, вода для умывания и питья в круглом никелированном баке с крышкой покрылась толстым льдом, а трава на дворе – белым инеем. К счастью, охотились мы много ниже Джазатора (1700 м над уровнем моря), где было заметно теплее.

Ишан из Джазатора (фото В. Рыжкова, 2012 г.)

Наутро оставили все городские, «цивильные» вещи у Альберта, переоделись-переобулись в теплую таежную одежду, в куртки и сапоги, погрузили продукты и оружие, фонари и палатки, котелки и спальники в уазик-«буханку», после чего выехали на нем в село Старый Аргут, расположенное в пятидесяти километрах ниже по реке. Там, за селом, нас уже ждали шесть лошадей (одна из них – грузовая, или, как говорят местные, *закладная*) и три проводника: Ишан, Назар и Алдырбас. Перегрузив свои вещи в кожаные сумины-арчемаки, мы выпили чаю, наскоро перекусили бутербродами и сухофруктами, навьючили коней, сели на них и выехали на охоту. Позади нас уазик запылil обратно в Джазатор. Место нашей посадки на коней находилось чуть ниже Старого Аргута – это была крайняя точка, куда можно доехать на машине. Дальше только конные тропы.

Осенний Аргут

Первым делом мы переехали Аргут вброд, изрядно начерпав холодной воды в сапоги и ботинки, особенно со стороны левых боков лошадей. Вода в реке, несмотря на осеннее время, оказалась еще достаточно высокой, а течение – сильным. Река напористо била в лошадиные корпуса и раскачивала наш осторожный ход. Так, с мокрых ног и легкого испуга, началась наша таежная охота по Аргуту.

Осень в том году выдалась поздняя, сухая и солнечная. Ночами температура падала до нуля и ниже, однако днем воздух разогревался до 20–25 градусов, напоминая нам о жарком лете.

Травы и колючки по южным склонам и полянам долины Аргута, между устьями его притоков Карагема и Бартулдака, к концу сентября пожелтели, высохли и огрубели. Снег еще не выпал, многие ручьи, бурные и полноводные весной и летом, пересохли. Это погнало диких зверей на водопой вниз к Аргуту. Аргут и сам к октябрю потерял не менее $\frac{2}{3}$ своей летней мощи, уйдя чистой, цвета жидкого изумруда, водой к глубокому каменистому ложу, к затененному подножию огромных, обточенных водой валунов, покрытых белой и тонкой природной «грунтовкой», оставленной на них летом молочной ледниковой водой, питающей Аргут в его истоках на поднебесном заповедном плато У кок.

Вот и сейчас небольшая группа самок и детенышей сибирского козерога (местные называют их *теке*), бродившая вчера по высокому травянистому склону на противоположном берегу Аргута, начала медленный утренний спуск к воде.

Конечно, наш небольшой лагерь, с тремя ярко-зелеными палатками, дымом от костра и постоянным передвижением пяти человек, очень их беспокоил. Но и пить животным, наевшимся сухой грубой травы, хотелось чрезвычайно.

После часового хождения травянистым краем высокого обрыва, падающего к Аргуту светло-серой каменистой осыпью из мелкого щебня и гальки, после многократного поглядывания в нашу сторону, после смелых прыжков по верхам почти отвесной осыпи трех ловких и подвижных козлят коза-мамаша наконец решилась. Она плавными быстрыми движениями спустилась по обрыву наискосок по едва заметной тропке к белым валунам у воды и принялась пить из ледяной реки, поглядывая на нас, сбежавших от лагеря к воде по противоположному берегу, метрах в тридцати по прямой от нее и трех ее козлят.

Мы старались не совершать резких движений, делая свои торопливые снимки. Многоопытная коза успокоилась, в том числе и потому, что отлично понимала – стрелять мы по ним все равно не станем. Ведь даже осенний Аргут с его низкой, но все еще стремительной и сильной водой в этом месте совершенно непроходим. Переправиться на ее сторону, даже при желании (которого у нас вовсе не было – категорически нельзя стрелять в самок и детенышей), невозможно.

Напившись, коза и трое козлят неспешно двинулись вдоль берега выше по течению реки и потом вверх по склону, к своему вчерашнему пастбищу. Они совсем уже не обращали на нас внимания. А мы, очень довольные своей нечаянной фотоохотой, отправились пить крепкий чай из сильно помятого в таежных походах закопченного котелка.

Отхлебывая из серебристой термокружки, я вспоминал приключения Робинзона Крузо и ветхозаветный рай. Не так ли пили там из одной чистой реки люди и звери, мирно глядя друг на друга с безмятежных берегов? Ишан рассказывает нам, что зимой, когда наверху в горах выпадает глубокий снег и становится очень холодно, звери спускаются вниз ближе к реке. И пасутся прямо там, где стоят сейчас наши палатки и проходит конная тропа. Когда местные жители приезжают зимой на Аргут, всюду вокруг них пасутся дикие животные, часто рядом с домашними.

Окрестные горы

Труднодоступный и отдаленный от дорог и населенных пунктов Аргут необычайно хорош осенью. Особенно если выдается такая осень, как нынешняя – скорее задержавшееся допоздна лето с низким, но еще горячим солнцем, с высоким синим небом, с теплым и звенящим от чистоты воздухом.

Вода реки, летом белая, как сливки, и бурная, как водопад, к осени глубоко спадает, высветляется и зеленеет. Она становится прозрачной, темно-зеленого цвета с легкими оттенками бирюзы, как у изумруда. Именно этот удивительный насыщенный цвет прекрасно умел передавать в своих лучших работах знаменитый алтайский художник, ученик Ивана Шишкина, улалинский иконописец Григорий Чорос-Гуркин.

По берегам Аргута горят ярко-оранжевые кисти спелой облепихи. На дне реки в лучах скошенного полуденного солнца бликуют серебром и медью россыпи гладких разноцветных камней. Белыми кружевами пенятся притихшие аргутские пороги и шиверы. Красная, желтая, зеленая, охристая листва и хвоя, ветви деревьев и кустов причудливо ветвятся на фоне изумрудной воды андалусскими орнаментами. Дополняют картину мозаичные, пастельных тонов мхи, небрежно наброшенные тонкими сухими накидками на светло-серый гранит скал и валунов.

Мы целый день едем вдоль реки по левому берегу, то спешиваясь, то снова садясь в седла, и потому успеваем не спеша рассмотреть всю ослепительную дикую красоту осенних аргутских излучин.

По северным склонам гор и по глубоким ущельям, прячущим притоки Аргута (реки Кулагаш, Иедыгем, Бартулдак, Юн-гур, Шавлу – сколько поэзии в этих древних тюркских названиях!), густо стоит дикая и мощная тайга. Она подступает прямо к домам, баням и огородам Джазатора и Старого Аргута.

В густой приаргутской тайге преобладают огромные, с раскинутыми далеко в стороны от стволов ветками лиственницы.

Их кроны мощны и асимметричны, тонкие верхушки загибаются вниз крутыми дугами. Осенью хвоя лиственниц желтеет, зимой опадает. Сейчас она ярко сверкает в лучах горного солнца, обжигая теплым золотом синие дали горных цепей и холодную бирюзу реки.

Выгоревшие сухие поляны, широкая, залитая солнечным светом равнина на левом берегу между устьями Иедыгема и Бартулдака, желтое море взмывающих к небу лиственниц окрашивают всю долину Аргута в бесчисленное множество оттенков охры – от золотисто-оранжевого до желто-белого. Кусты диких спелых ягод добавляют этому золотому миру отзвуки красного и розового, а огромные кедры прорезают желтые холсты лиственничной тайги плотными темно-зелеными вертикальными мазками.

Где-то в тайге, возможно совсем рядом с нами, лежит и, скорее всего, спит в этот жаркий осенний день местный хозяин – медведь. Мы видим следы его деятельного присутствия повсюду. Вот клочок шерсти на дереве – здесь он почесывал спину. А вот прямо у нашей тропы свежерытая яма – тут он копал сочный сладкий корень. Год выдался урожайным и щедрым, богатым на ягоду и кедровую шишку. Потому медведь нынче сыт, миролюбив и малоподвижен. Скоро он, вдоволь отъевшись и накопив запасы жира на долгую зиму, заляжет в долгую многомесячную спячку. Охотники на медведя, добравшиеся до Аргута из далекой Европы, завтра уезжают, увы, с пустыми руками. Ведь отыскать зверя в здешней бескрайней и густой тайге, особенно если он сыт и не рыщет с утра до вечера по тропам и полянам в поисках пропитания, задача очень сложная.

Мой друг Сергей К. удивляется: как это местные многоопытные таежники не знают такой старинный севернорусский способ медвежьей охоты, как завалить тушу коровы или теленка

тяжелыми бревнами, дать ей стухнуть и приманить медведя на запах тухлятины? А тут уж, пока он двигает бревна и пытается добраться до мяса, подкараулить и взять его. Местные проводники-казахи – Ишан, Назар и Алдырбас – удивляются столь хитрому способу добычи – они никогда о таком не слышали.

Ишан заинтересовался. Долго и подробно расспрашивает детали. И заключает после этого:

– Надо как-нибудь попробовать!

Пастушеские стоянки

Этот интересный разговор про разновидности медвежьей охоты застает нас, когда мы не спеша едем по широкой равнине, раскинувшейся по левому берегу Аргута.

В далеком Средневековье древние тюрки проложили здесь целую систему глубоких и длинных каналов, орошавших поля, на которых выращивались зерновые, овощи и даже бахчевые – арбузы и дыни. Это стало возможным потому, что в среднем течении Аргута природа формирует особый, необычный для российского Алтая микроклимат. В отличие от всего остального Горного Алтая, с его более чем достаточными для обильного роста трав и лесов осадками, здесь очень сухо. Местность по южным склонам и открытым долинам Среднего Аргута больше напоминает выжженные казахские степи, местами – полупустыни с растущими в них колючками и степными ковылями. Летом здесь обычно ясное небо и неделями стоит жаркая сухая погода. Совсем недалеко отсюда, за хребтом в долине Катуня, льют проливные дожди, поднимаются от земли и цветут густые высокие травы, порой в рост всадника на коне, а здесь сухо и жарко. Как будто Ар-гут и не Горный Алтай вовсе.

Секрет особого климата Аргута заключается вот в чем. Река как будто намеренно спрятана кем-то за огромной широкой спиной Белухи – главной горы Алтая и всей Сибири. Белый, покрытый вечными льдами и снегами величественный массив Уч-Сумера (так называют Белуху алтайцы) не виден с самого Аргута, но именно он, находясь к западу от долины реки, высится римским валом на пути циклонов, обильно орошающих западные склоны Башелакского, Теректинского и Катунского хребтов последней влагой, добравшейся из Атлантики до сердца Евразии. Все, что находится позади Белухи и Катунского хребта, все, что лежит к юго-востоку от русского Алтая (например, Монгольский Алтай и Западная Гоби), все это сплошь степи, полупустыни и пустыни.

Вот и сейчас мы сидим у костра на берегу Аргута близ устья Иедыгема и наблюдаем обыкновенное местное природное чудо. К северо-западу от нас над Катунским хребтом все небо почернело, мы видим бело-серые полосы валящего там стеной снега. Ветер сильно и порывисто бьет оттуда в нашу сторону, скорый приход снежной бури к нам на Аргут кажется неотвратимым. Но это лишь иллюзия. Ветер гнет кусты и деревья, рвет с них листья, небо на западе черно, снег над горами продолжает сыпать. Где-то там над Белухой – ураган и снежные заряды, а у нас на Аргуте все так же безмятежно поджаривает сухую траву осеннее солнце. И так продолжается час за часом, день за днем. Можно отчетливо видеть голубой просвет в небе шириной в 20–30 км, образованный огромной горой, рассекающей на западе, как железным мечом, грозовой фронт.

Проводники увели коней, чтобы привязать их пастись на ночь на приречных полянах, а я беру бумагу, акварельные карандаши и делаю свои наброски. И снова любуюсь несущимся мимо меня Аргутом.

Внизу ближе к реке густо растет кустарник, вытянулись вверх березы и осины (высота над уровнем моря здесь вполне умеренная, около 1200 м, поэтому здесь растет много лиственных деревьев, не выживающих выше). Листва осин приобрела холодный, а берез – теплый охристый оттенок. Высохшие травы и колючки – цвета светлого или даже белого золота. Высоко наверху у вершин сверкают белизной снега, голубеют в расщелинах льды. Крутые скалистые склоны и огромные осыпи – нежно-сиреневых и фиолетовых оттенков.

Южные горные склоны долины Аргута, как и по всему Алтаю, это безлесые луга и степи, круто взбегающие далеко вверх, на километр и выше от приречных полей. Долина Аргута малоснежна зимой, поэтому эти высокогорные степи – прекрасное зимнее пастбище как для диких, так и для домашних животных. Долины Аргута и его притоков – крупнейший ареал обитания сибирского козерога, в тайге водятся маралы, косули, встречается кабарга. Из хищ-

ников живут здесь медведь, волк, рысь, соболь, росомаха. У самых вершин ходит одна из самых редких и малоизученных в мире крупных кошек – снежный барс (*ирбис*). В тайге перелетает с места на место и шумит бесчисленное число разных птиц: изобилие ягод, орехов и диких злаков легко дает всем им круглогодичный прокорм.

По всей долине реки расположены зимние стоянки местных пастухов. Осенью к стоянкам спускают скот с высотных летних пастбищ, уходящих с ноября по май под глубокие снега. Зимние пастбища Аргута издревле помогали выжить долгой и суровой зимой десяткам тысяч овец и коз, лошадей и коров, не говоря уже о диких животных.

Теперь большинство зимних стоянок заброшено их хозяевами. Молодежь не хочет всю зиму сидеть далеко в горах без электричества и связи, в прокопченных темных избушках, выполняя тяжелую монотонную работу по уходу за животными и отгоняя стаи голодных волков. Численность скота, пасущегося по Аргуту, сократилась в сравнении с советским временем во много раз. Теперь местные жители предпочитают держать скот поближе к дому, место овец и коз все больше занимают менее хлопотные в уходе лошади, коровы и яки (по-местному – *сарлыки*). Все меньше белых дымков поднимается теперь морозными днями над старыми стоянками, да и сидят по ним в основном одни старики.

Стоянки располагали в местах, наиболее удобных для жизни пастухов. Они ставились на берегах речек и ручьев, притоков Аргута, поближе к лесу, чтобы вода и дрова были всегда под рукой, на открытых полянах, чтобы поймать больше солнечного тепла и света.

Сама стоянка – это чаще всего простой деревянный сруб примерно 3 на 4 метра, с невысоким потолком, дощатым полом, двухдвускатной или плоской крышей, покрытой землей, рубероидом или шифером (в советское время стекло, шифер и другие материалы забрасывали на отдаленные стоянки вертолетами). Иногда крыша делалась из неструганых досок или вообще из древесной коры.

Одно или два маленьких окошка, раньше застекленных, а теперь часто выбитых и зашиваемых на ночь и на зиму обычной полиэтиленовой пленкой или рубероидом. Железная печка-буржуйка с кривой ржавой трубой, выходящей наверх через дыру в потолке. Низкая дверь, как в русской бане, в которую неходишь, а влезашь, согнувшись в три погибели, ради сбережения тепла. У нашей стоянки на Баргулдаке (местные зовут ее *верхней*, так как ниже по речке есть еще одна – *нижняя*) низкая крепкая дверь из толстых лиственничных досок обита изнутри плотной шкурой марала, с густой серой шерстью, тоже в целях теплоизоляции. Два года назад хозяин стоянки, из Старого Аргута, умер от болезни сердца, и теперь стоянка заброшена. Летом здесь ночуют проходящие мимо туристы, от которых на полках остались консервы, крупа и забытая стальная кружка. Старая коновязь у входа подгнила и покосилась. Загон для скота из длинных высохших жердей тоже обветшал и постепенно зарастает травой.

Внутри избушки – грубо сколоченный стол и пара скамей, вдоль стен – широкие нары. На них бросают спальные мешки или тулупы, на которых и спят. В потолке и бревнах сруба набиты большие гвозди, используемые как крючки и вешалки. В доме полно мышей и бурундуков, поэтому хлеб и крупы подвешивают в пластиковых пакетах повыше – под самый потолок.

Принято, чтобы стоянка была всегда не заперта, в ней должны быть припасены для прохожих спички, соль, чай, свечи и запасы еды, прежде всего крупа и макароны. Перед уходом со стоянки надо все тщательно прибрать, вымести мусор. Зимой следует оставить после себя запас дров. Случайный путник всегда найдет на таежных алтайских стоянках кров, еду и тепло.

Добыча марала на перевале Бартулдак

Я сижу на глиняной завалинке с подветренной и солнечной стороны избушки и вспоминаю, как несколько лет тому назад мы уже ночевали здесь в конце июля, перевалив к вечеру перевал Бартулдак с противоположной стороны – от реки Коир. Мне запомнились холодная звездная ночь и цвета яичного желтка огромная полная луна, зависшая высоко в черном небе над матово блистающим далеко внизу Аргутом. Дул сильный холодный ветер. Утром на палатках блеснул лед.

Ближе к ночи, а также холодными тихими рассветами на исходе сентября в тайге по речке Бартулдак и по другим притокам Аргута тонко и переливисто режут маралы – у них осенью наступает время *гона*.

Наши проводники – Ишан (старший из них), Назар и Алдырбас – смастерили из сложенного полого стеклопластикового удилица (из его нижней широкой части) специальную трубу – *манок*. Как заправский флейтист, Назар выводит на нем сейчас четырехтонные брачные крики самки марала (низкий, средний, высокий и короткое переливчатое соскальзывание звука обратно вниз). Он сидит рядом со мной на завалинке и в паузах между трублением молча курит, прищурившись и прислушиваясь к окружающему нас лесу. Могучие самцы-олени, собирающиеся в это время «гаремы» порой до 5–7 маралух, уже услышали призывный зов нашей трубы-«самки». В ответ они осторожно двинулись со всех концов густой тайги в нашу сторону. Олени громко, высокими голосами, трубят нам из леса в ответ.

Ишан и Алдырбас вслушиваются в многоголосый ответ окружающей нас лесной чащи. Они восхищаются мастерством Назара – отлично трубит Назар!

Высокая, уходящая далеко вверх по крутому склону тайга откликается на зов манка целым хором высоких оленьих голосов.

Вот звонко трубит самый близкий к нам марал – ровно там, где по камням прыгает речка и куда мы по узкой тропке ходим брать воду. Звук раздается всего метрах в ста пятидесяти от нашей стоянки. Возможно, зверь сейчас стоит у самого края леса и смотрит на нас через густые ветви. Он видит дым от костра, две зеленые палатки, блеск нашей посуды, блики биноклей и подзорных труб. Скорее всего, он так и будет стоять на краю леса всю долгую ночь и выжидать, не появится ли самка, – так силен голос крови.

Ниже, по течению того же ручья, в тайге трубит еще один олень. Вдалеке и выше по склону – еще два. Наконец, два крупных самца (проводники могут определять, каков самец, по его реву) трубят откуда-то сверху, со стороны перевала, куда ведет проходящая через нашу стоянку торная тропа. Завтра с рассветом, Сергей, Ишан и Назар протрубят, услышат близкий ответ крупного самца выше по тропе и уйдут за добычей (парой сотен килограммов вкусного оленьего мяса) и, главное, за трофеем – большими рогами, в шесть отростков с одной стороны и целых семь – с другой.

Сергей Караганов с трофейными рогами марала (фото В. Рыжкова, 2012 г.)

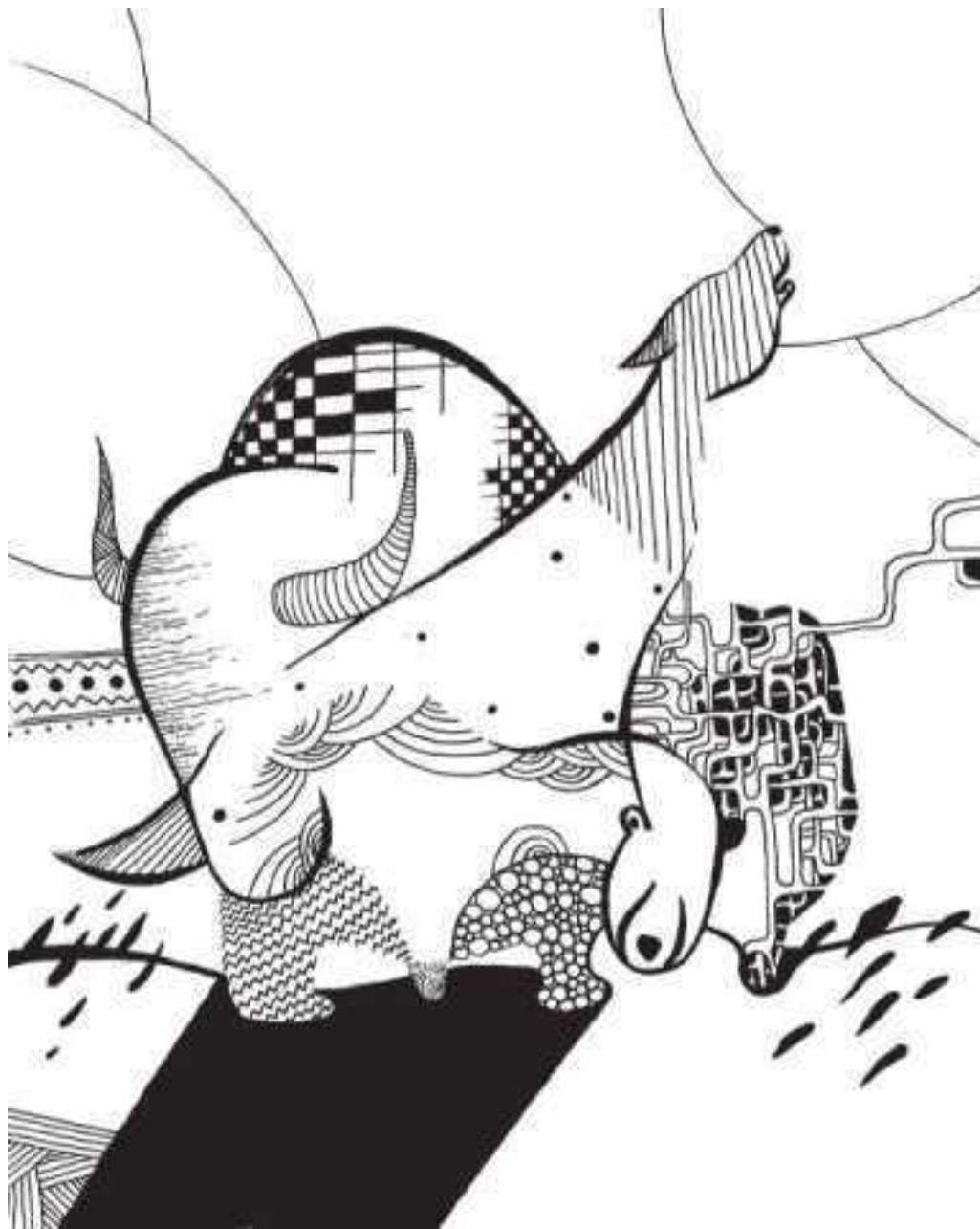
Этот первый свой трофей мой друг Сергей добыл с первой же попытки, на второй день после нашего прибытия на верхнюю стоянку Бартулдак. С вечера мы трубили оленей, а рано утром Сергей, Ишан и Алдырбас два километра пешком преследовали крупного самца марала по направлению вверх – к перевалу. Зверь медленно уходил от них по густому лесу, они осторожно шли за ним. Над тайгой занимался холодный рассвет, было очень тихо. Когда олень вышел и замер в рассеянном слабом свете утра на небольшой лесной поляне, Сергей лег, прицелился и выстрелил. Выстрел был точным. Так он стал обладателем роскошных трофейных рогов, а мы получили на обед запеченную в фольге на углях свежую оленью печень, приготовленную по местному рецепту – с *внутренним жиром* и специями. Не скрою, это было объедение!

Жирная оленья печень съедена, заканчивается наш первый и удачный день охоты, мы отдыхаем. Ишан, Назар и Алдырбас сидят на завалинке и курят. Мы с Сергеем пьем крепкий горячий чай с горьким шоколадом. Солнце уже ушло за перевал, быстро холодает. На заснеженной горе за Аргутом оранжевые ленты заката жмутся все ближе к острой вершине. Скоро гора совсем погаснет и вся снизу доверху окрасится в глубокие тона синего и фиолетового. Золотая тайга потемнеет и сомкнется своими мягкими тенями с ночным небом. Я представляю, как другой большой олень стоит сейчас в лесу у холодного ручья. Он стрижет ушами, прислушиваясь к зову охотничьего рожка. Он видит людей, игру огня, чует запах дыма, стелющегося по склону. Может даже статься, что его напугал утром звук выстрела. Но он все стоит и стоит на краю леса – его неодолимо влечет к невидимой самке.

А Назар трубит и трубит в самодельный манок, теперь – для развлечения. Маралы нам больше не нужны.

Два козерога

Утром, когда тайга по северным таежным склонам звенит от рева маралов, вся трава вокруг покрыта белым инеем и слышен ровный шум стремительного ручья Бартулдак, южная, степная сторона горы первой открывается солнцу, являя нам следующую нашу цель – сразу четыре группы пасущихся на безлесом косогоре козерогов. К слову, нам повезло. Такого скопления зверя на Аргуте не помнят давно – видимо, поспособствовали жаркое лето и сухая осень. Зверь спустился ниже, к воде.

Звери Алтая (Д. Запылихин, 2016 г.)

Ближе всего к нам прохаживается по крутому склону небольшая группа молодых самок, у четырех отдельно растущих лиственниц, в самом центре золотистого массива огромной горы. Они почти не меняют своего места, выедавая сухую и сытную траву на одном и том же участке

круто запрокинутого в небо косогора. На самом верху, почти на самой границе светло-желтой горы и темно-синего неба, ходит большое (не меньше чем в сто голов) стадо черно-коричневых самцов с большими, ребристыми, круто загнутыми назад рогами. Рога хорошо видны в бинокли и подзорные трубы, к которым мы все, как один, сейчас приникли. Еще одно небольшое стадо самцов пасется правее – тоже у самой вершины, у гребня, из-за которого торчат макушки темно-зеленых кедров. Наконец, совсем вдаль, на крутых скальных выступах, поднимающихся от самого Аргута, стоит стадо самцов голов в пятьдесят, хорошо видимое в нашу оптику.

В случае малейшей опасности все эти группы *теков* немедленно уходят за гребень горы, на крутой северный склон, разительно непохожий на степные косогоры южной стороны.

Наметив цели и выработав план, на третий день охоты мы отправляемся за двумя трофейными козерогами. Мне надоело сидеть без дела в лагере, и я тоже решаю принять участие в предприятии. Я забираюсь на своего малорослого, но трудолюбивого белого конягу. С собой у нас прихвачены термосы с чаем, немного еды, рации. Оставив в лагере одного Назара, задача которого – оперативная рекогносцировка всех наших действий (вся гора у него как на ладони), мы выдвигаемся. Связь с Назаром мы будем держать по портативной рации, которая достает на несколько километров, чего нам вполне достаточно.

Наш план таков. Подняться на самую вершину горы Бартулдак, на ее острый гребень, по возможности незаметно для пасущихся ниже по склону теков, после чего подобраться к ним поближе, выцелить и взять добычу выстрелами сверху.

Сначала мы едем вверх к перевалу по основной тропе. Ишан показывает мне поляну, на которой накануне утром был добыт несчастный марал с такой вкусной печенью. Сразу же за этой поляной мы поворачиваем с тропы направо и круто забираем уже без дороги вверх по травянистому косогору. Двигаясь зигзагами и несколько раз давая коням отдохнуть, мы за час подъема выбираем высоту в целый километр и оказываемся на самой вершине горы, представляющей собой длинный и острый, идущий волнами гребень. Дует сильный ветер, здесь много холоднее, чем внизу у стоянки. Среди травы лежит нестаявший свежий снег.

С севера гора круто падает к Аргуту почти отвесной стеной скал и осыпей, густо покрытых сейчас рассыпчатым снегом. Лиственницы, кедры и пихты цепляются за каждый уступ горы толстыми змеящимися корневищами, почти приныкая стволами и ветвями к склону и напоминая мне висящих на скалах скалолазов. Далеко внизу виден темно-бирюзовый, со смятыми скалами и валунами обрывок Аргута, а над головами у нас шумно проносятся и громко кричат встревоженные *кедровки*. На снегу видны многочисленные свежие следы козрогов. Трудно представить, как им удается так ловко ходить по этим отвесным скалистым склонам, не падая в километровые пропасти.

Охотники оставляют меня около привязанных к низким кедром с подветренной стороны горного гребня лошадей, а сами уходят красться к козерогам, пасущимся где-то ниже на безлесом южном склоне. Мне хорошо видны петляющая далеко внизу конная тропа, наша стоянка и сам перевал, а за ним к западу, уже совсем далеко, голубеющие отроги Теректинского хребта и его дымчатые вершины, окружающие долину главной реки Алтая – Катунь.

Наша основная тропа, идущая по левому берегу Аргута от устья Карагема вниз по течению реки, это единственная конная тропа из Кош-Агача, Джазатора и степи Самаха в Уймонскую долину – к усть-коксинским староверам, у которых летом 1926 г., в селе Верхний Уймон, гостил Николай Рерих со своей Центрально-Азиатской экспедицией. Перевал Бартулдак между Аргутом и Коиром – единственный в этом районе конный переход через неприступный Катунский хребет – высочайший хребет Алтая.

Сразу после подъема от Аргута на перевал Бартулдак (местные называют вершину перевала маяком – из-за стоящего на нем старого геодезического знака, почерневшей бревенчатой пирамиды) начинается очень крутой спуск к реке Коир, левому притоку Аргута. Брод через

Коир летом довольно опасен из-за сильного течения, глубокой и непрозрачной белой воды. Затем, сразу за Коиром, начинается затяжной подъем по ручью Шараш мимо двух пастушеских стоянок на небольшое плато со стоянкой Елю, и далее – либо по популярной у туристов Ороктойской тропе, либо по Долине семи озер и перевалу Ойгон – следует выход на Катунь. Весь путь от Старого Аргута до места впадения реки Аккем в Катунь на конях занимает 3–4 дня. Это древняя тропа скотоводов, охотников и торговцев, соединяющая примонгольский и населенный в основном казаками Кош-Агач, с изобильной русско-алтайской Уймонской долиной.

Белуха находится совсем близко отсюда. Наша тропа (местные говорят – *дорога*) огибает ее с юго-востока. Если подняться вверх, по недавно расчищенной местными жителями конной тропе, крупным левым притоком Аргута, бурным Иедыгемом, то уже через 3–4 часа хода, повернув направо и преодолев крупную каменную осыпь (*курум*), можно увидеть всю грандиозную белую гору и падающий с нее огромный ледник Менсу, дающий начало Иедыгему (*желтая река*).

Иедыгем и другие притоки Аргута с шумом текут на дне глубоких (в километр и более глубиной) ущелий. Спуски и подъемы здесь очень круты. При подъеме от Коира на перевал Бартулдак хвосты идущих впереди и выше потных, шумно дышащих и мокрых от напряжения коней нависают прямо над головами тех, кто едет вслед.

С вершин приаргутских перевалов путникам открываются захватывающие дух панорамы Алтая – снежная цепь Катунского хребта с двумя пиками Белухи, синие горные расщелины, на дне которых ворочают камни полноводные реки, многоцветная тайга северных и выгоревшие степные косогоры южных склонов. Уходящие вдаль складки гор синеют и высветляются, самые далекие из них узкими голубыми лентами сплавляются со столь же высветленной и мерцающей от отдаленности небесной голубизной. На закате дальние горы чернеют, обращаясь в темно-зеленые и темно-синие тона, над ними ненадолго разгораются розовые, красные, оранжевые, ярко-сиреневые прозрачные фракции неба, с наложенными на них плотными и крупными мазками серо-фиолетовых, с багряными и золотистыми кромками, облаков. Неподалеку от меня бесшумно срывается со скалы огромный беркут. Он медленно кружит над вершинами и ущельями, ловя распахнутыми крыльями восходящие воздушные потоки. Часто над гребнями гор метрах в десяти от земли неподвижно зависает сокол, которого держит в одной точке плотный сильный ветер, не стихающий здесь, у вершин, кажется, никогда.

Эта единственная конная дорога по Аргуту на Катунь, к тому же довольно сложная и опасная. Летом через реку можно переправиться самим и с вещами только лодками у Старого Аргута. Расседланных лошадей переплавляют вплавь.

Осенью, когда вода сильно спадает, можно, соблюдая все возможные предосторожности, перейти реку на конях вброд, как это сделали мы. Хотя и в октябре Аргут широк и полноводен. Вода в нем в это время ледяная и совершенно прозрачная. При переходе вброд она поднимается выше брюха лошадей и сильно сносит их вниз по течению. Надо все время направлять коня выше по течению, чтобы не уйти в сторону от брода и не ухнуть по самое горло в холодные речные глубины. Даже в резиновых сапогах, высоко поднимая ноги вверх, трудно не начерпать холодной воды. По дну реки лежит крупный и гладкий галечник и булыжник, лошади, даже подкованные, на нем то и дело скользят и оступаются, рискуя потерять равновесие. Ежесекундно есть опасность, что конь оплошает, споткнется и упадет в стремнину вместе с всадником и поклажей. Впереди идет Ишан, за ним след в след (и только так!) все остальные. К счастью, все обходится: за время охоты мы дважды перешли Аргут вброд без приключений.

Вскоре после староаргутского брода начинается сплошной *курум* – крутые каменистые осыпи, местами состоящие из огромных, величиной с автомобиль, валунов. Тропа протискивается между ними, прыгая из стороны в сторону, вверх и вниз. Опасные места – щели и дыры между камнями, куда может провалиться и где может сломаться нога лошади, – наглухо заложены местными жителями мелким камнем. Здесь мы осторожно ведем коней в поводу, пере-

бираясь с глыбы на глыбу, протискиваясь и прыгая между ними, слыша сзади тяжелое дыхание и звон подков лошадей, цепляющихся металлом за серый гранит. Аргут можно было бы назвать *Камень-рекой*: нигде больше на всем Алтае нет таких сложных, почти сплошь каменистых конных троп.

Дорога часто идет по самой кромке высокого обрыва – на высоте, где десять, а где и все сто метров над рекой. Попадаются крутые и зыбкие осыпи из мелкого серого песка и щебня.

Не раз бывали случаи, когда лошади с грузом, особенно молодые и неопытные, срывались на таких осыпях и со скалистых обрывов вниз, калечились и даже погибали.

Широкая и ровная выгоревшая равнина между устьями Иедыгема и Бартулдака – редкое место, где кони и путники могут ехать спокойно и отдыхать. Просторная, с небольшим уклоном к Аргуту долина дает пару часов передышки перед началом крутого лесистого подъема на перевал к «маяку».

Пока я лежу и смотрю на небо и горы, пока я размышляю о Рерихе и о его поисках легендарного алтайского «Беловодья», где-то сзади раздается сухой звук выстрела. Я вскакиваю на ноги и жду. Есть ли добыча? Вскоре появляются Сергей, Ишан и Алдырбас. Они почти бегут по гребню горы. Скачут отблески солнца на вороненой стали винтовок. Через минуту я узнаю – случился промах. Когда охотники ползком спустились вниз по косоугору ближе к стаду, головы козорогов были едва видны за горбом горы, стрелять было неудобно, и пуля ушла в землю. Пока мы приходим в себя, на гребне горы, метрах в двухстах позади нас, появляется большое стадо самцов, вспугнутое стрельбой. Оно темной живой волной перетекает гребень, уходя на северную сторону горы, в лес, снега и скалы, где найти и достать их будет невозможно. Охотники, дождавшись, когда замыкающий козел скроется за гребнем, сломя голову бросаются за ними в надежде настигнуть стадо на спуске и все же добыть трофеи. Я снова остаюсь один с лошадьми и, к счастью, с крепким горячим чаем, припасенным еще с утра в трехлитровых термосах. Мы тихо переговариваемся по рации с Назаром, сидящим внизу на стоянке, и я рассказываю ему о том, как развивается дело. Рация шипит и потрескивает. Ветер гнет вершины коренастых кедров. Кони замерли, они спят, слегка подрагивая от холодного ветра.

Аргутские тропы

По опасным тропам алтайского высокогорья может ехать далеко не всякая лошадь. А только та, что родилась в этих местах, была специально этому обучена и имеет необходимый «горный» опыт. Здесь нет мелочей – любая ошибка лошади в горах может привести к фатальным последствиям как для нее самой, так и для человека.

Я смотрю на наших дремлющих на ветру коней и вспоминаю, как в походе на еще более труднодоступный, чем Аргут, Юн-гур мне досталась не имеющая горного опыта лошадь с равнины (местные говорят про таких – с *У кока*). Она боялась идти вверх и вниз по крутым склонам, двигаться по узким карнизам над пропастями, постоянно «танцевала» задними ногами на опасной узкой тропе (этого лошадь не должна делать категорически – никогда и ни при каких обстоятельствах). Во время остановки на крутом склоне опытная лошадь встает строго поперек уклона, чтобы не держать свой вес и вес груза одними только мышцами ног (долго так не прстоишь, и тогда уставшая лошадь падает и катится вниз). Также опытная лошадь никогда (никогда!) не сходит с тропы в опасных местах. Мой же равнинный конь во время неизбежных частых остановок испуганно блуждал ногами по самой тропе и мимо нее, постоянно рискуя улететь вниз вместе со мной и грузом. А на ходу то и дело пытался «спрямить» дорогу.

На одном очень крутом подъеме над Юнгуром, где нам пришлось пробираться наугад и где не было даже звериных троп, мой конь вдруг лег на травянистый склон вверх мордой, раскинув ноги в стороны, как припавшая к земле побитая собака. Он был до смерти напуган, из его глаз даже полились слезы. Чтобы животное не покатилося вниз большим комом из самого коня, упряжи и груза, мне пришлось самому завалиться выше по склону на спину (до этого мы вели, а точнее полуползком волокли коней в поводу), упереться ногами в землю и изо всех сил держать его на веревке. Проводники, тоже полулежа на крутом склоне, стащили с коня тяжелые сумины и седло. Потом с большими усилиями мы буквально на руках втащили груз и лошадь наверх на тропу. Проводники Кошон и Петр признались нам позже, что вообще боялись в тот момент потерять этого коня. Что до смерти напуганное животное больше вообще не сможет *работать* в горах. К счастью, мой конь понемногу пришел в себя и двинулся с нами дальше. Вот что значит взять в горы неопытного коня!

Вот и Ишан взял в этот раз с нами на Аргут необученного молодого коня – как раз в целях его тренировки и воспитания. На второй день пути конь чуть не упал с высокого обрыва в Аргут: Ишану удалось в последний момент взять ситуацию под контроль. Зато этот конь мягко и быстро ходит и обладает хорошей выносливостью. А горный опыт – дело наживное!

Проходит полчаса или около того. И я снова слышу выстрелы. Один. Потом, минут через десять, второй. Я включаю свою рацию и тихо спрашиваю Ишана: ну как?

– Есть, – отвечает Ишан.

– Сколько?

– Два.

Я срываюсь с места и бегу к ним.

Скоро я нахожу Сергея и Ишана. Они счастливы. Им удалось настигнуть стадо крупных самцов, когда оно медленно спускалось вниз и вбок по заснеженному каменистому обрыву северного склона. Сергей, упершись ногами о камни и корни, полулежа, успел сделать два выстрела. Оба – точные. Между первым и вторым попаданием Сергеем и Ишану пришлось полубежать-полупадать по заснеженному каменистому склону, преследуя стадо, мчащееся вниз между скалами и деревьями. Первый подстреленный козерог улетел вниз метров на двести. Второй укатился куда-то совсем далеко в пропасть. Первого сейчас видно, он застрял далеко внизу у корней большого кедра. От второго остались только уходящие вниз к Аргуту следы падения – длинные вмятины и борозды в рыхлом снегу. Мы решаем перекусить, пока Алдыр-

бас достает первый, ближний, трофей. Через час он приносит на вершину горного гребня голову козерога с роскошными, почти метровыми рогами. Мы делаем фото, Алдырбас смеется, пьет чай, ест бутерброды и отдыхает. Потом они с Ишаном поднимаются, чтобы идти искать второго козерога, я решаю отправиться с ними.

Это оказалось плохой идеей. Мои горные ботинки ни на что не годились на заснеженном склоне, усыпанном мелкими камнями. Я то и дело скользил и падал, рискуя улететь в пропасть вслед за несчастным подстреленным козлом. Следы его падения вели куда-то далеко вниз в глубокую пропасть. Спустившись с большим трудом метров на двести, я сказал Ишану и Алдырбасу, что дальше с ними не пойду, а то им придется тащить назад еще и меня, если я сорвусь и разобьюсь. Они посмеялись и, оставив меня на склоне, ушли вниз.

Возвращение по Аргуту

Я нахожу толстый кедровый корень, торчащий из земли, сажусь на него и принимаюсь терпеливо ждать. Ждать приходится более часа. Северный склон уже в тени, снег голубеет, мне становится холодно. Стоит тишина, только над моей головой то и дело пролетают стаи напуганных птиц. Скоро они успокаиваются и рассаживаются на ветвях деревьев. Ниже меня из корней большого кедра выбегает полосатый бурундук и начинает деловито бегать по небольшой, покрытой хвоей площадке, занятый своими делами.

Ишан и Алдырбас медленно поднимаются издалика снизу по почти отвесному снежному склону. На левом плече Ишана большим крюком зацеплен острый рог козерога, голова которого, как рюкзак, болтается у него за спиной. Куртка и руки Ишана запачканы свежей кровью. Когда проводники добираются до меня, мы начинаем подниматься дальше вместе. Я и Ишан тащим тяжелую голову козла по очереди, тщательно выбирая место для каждого, рывком, шага наверх. Острый рог давит мне в грудь в районе ключицы. Сзади с головы козерога в снег капает кровь.

Второй козерог улетел далеко вниз, почти к самому Аргуту. Местами он пролетал вдоль склона по 50-100 метров, не касаясь земли. В самом конце полета-падения он рухнул в снег с высокой скалы. Чудо еще, что трофей – большие красивые рога – не сломался. Поднявшись спустя два часа на гребень к Сергею К., который уже потерял нас, мы отдыхаем, пьем чай, делаем фото на память с добытыми трофеями. После чего еще за час спускаемся назад к стоянке, где нас ждет Назар. Перед началом спуска я машу ему с вершины рукой и спрашиваю по радиации: видно ли нас?

Назар смеется: «Видно!»

Так за первые же три дня мы успешно реализовали все наши три лицензии и добыли все три трофея. Поэтому решаем назавтра не спеша двинуться в обратный путь – к Старому Аргуту, сделав для отдыха *дневку* у устья Иедыгема. Мы звоним по спутниковому телефону Альберту в Джазатор и просим его, чтобы послезавтра нас встретила и забрала машина. Наутро навьючиваем коней, пакуем добытое мясо. На спине у *закладного* высоко торчат теперь крепко привязанные огромные маральи рога. Мы наводим порядок в избушке и трогаемся в путь. Перед нами вновь во всей красе распахивается долина Аргута.

Мы проезжаем за два дня, включая теплую *дневку* на прибрежной поляне Аргута, всю ту же дорогу обратно. Потом переходим в том же месте вброд реку ниже Старого Аргута. За бродом нас ждет все тот же узик-«буханка». Мы перегружаем вещи и трофеи в машину. Назар и Алдырбас, наскоро перекусив, пускаются налегке в путь со всеми шестью конями. Они хотят успеть к ночи домой в Джазатор. Ишан едет с нами на машине. Наши молодые проводники, полустоя в седлах, несутся в сторону дома быстрой рысью, за ними поднимается густая белая пыль. Лошади без седел и груза и зная, что скоро будут дома, сами с охоткой несутся вперед. Наша охота закончена, через два дня мы будем уже в Барнауле. Я вспоминаю пастушескую стоянку недалеко от Старого Аргута, ниже по течению, рядом с которой за забором из длинных жердей я заметил вчера большие сухие стога недавно скошенного сена. Это значит, что скоро на стоянке появятся люди, будет пастись всю долгую зиму скот и в морозное аргутское небо поднимется белый дымок от ржавой железной печки.

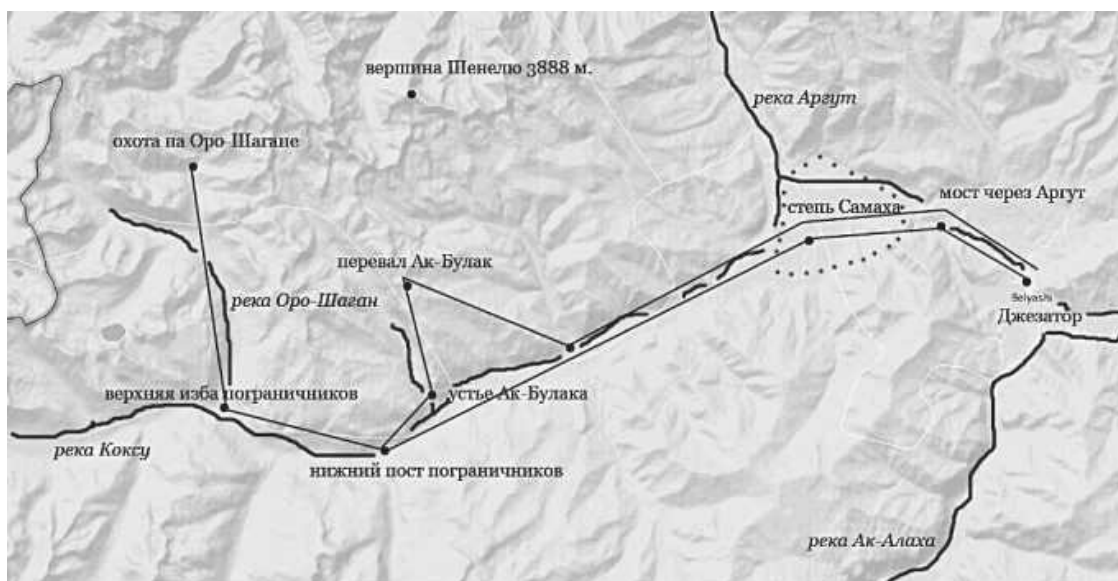
Осенью близ Джазатора и на реке Кокса

(Джазатор, река Коксу и ее притоки, зимняя охота на Алтае)

Удачная и интересная охота на Аргуте подтолкнула нас к повторному приезду в Джазатор. На этот раз мы заехали к нашему старому знакомому Альберту К. немного позже, в начале октября. За пару лет нашего отсутствия место прежней охоты по Аргуту и Бартулдаку оказалось закрытым для охотников: власти Горного Алтая устроили там национальный парк. Поэтому нам предложили поохотиться в другом районе – на левом притоке Аргута, крупной реке Коксу, и мы согласились. Для нас это была возможность познакомиться с еще одним красивым районом Алтая. Повел нас на охоту все тот же наш друг Ишан.

Река Коксу и избушки пограничников

Начиная с середины XIX в. казахи из Западной Монголии и с верховьев Иртыша начали откочевывать и поселяться в верховьях реки Чуя – в Чуйской степи и в верхнем течении Аргута, где теперь стоит большое казахское село Джазатор (по-казахски *ихасотыр* – «летняя стоянка»). Теперь в Кош-Агачском районе Республики Алтай живут около 15 тыс. казахов, а еще алтайцы, русские и представители других народов. Но казахов в Кош-Агаче – большинство. Это самый казахский район Алтая. Много казахов проживает и в прилегающих аймаках Монголии, у них с российскими казахами из Кош-Агача сохраняются тесные, в том числе родственные, связи.

Охота на реке Коксу

Как-то раз мы ехали на новом уазике, с крепким металлическим кузовом, по лесной дороге правым берегом Аргута ниже Джазатора. Ехали медленно, огибая большие белые валуны, выпирающие из влажной земли, присыпанной желтой хвоей лиственниц. И Марат наш водитель из Джазатора, служащий в местном отделе МЧС, рассказывал нам, что собирается вскоре отправиться в далекий монгольский Ховд (Кобдо). Там монгольские казахи умеют так ловко утеплять щелястые российские джипы, что в уазике после их доработки бывает тепло и комфортно ездить по горам даже в самые суровые морозы, в самые кинжальные бури и метели.

Ниже села Джазатор, в котором сливаются, образуя мощный Аргут, прозрачная река Джазатор, истоки которой находятся в высокогорных озерах на пути из Джазатора в Кош-Агач, и белоснежная Ак-Алаха, скатившаяся сюда вниз с заоблачного У кока, от самых ледников хребта Южный Алтай на границе с Китаем и Монголией, слева в спокойный здесь Аргут впадает большая река Коксу (*синяя вода*). От левого берега Аргута в месте ее впадения далеко в горы протягивается треугольная, широкая, распахнутая и золотая степь Самаха, с тонкими лентами-полосами из высоких лиственниц. Над степью справа сверкает пик почти что четырехтысячника Шенелю (3888 м). Неподалеку от нас местный джазаторский пастух пасет большое стадо овец – голов в пятьсот. По степи видны стоянки, близ них хлопочут люди, из труб выползают вверх белые дымки. Степь Самаха – главное пастбище и сенокос джазаторцев, здесь круглый год кипит работа. Именно этим путем, по Коксу, перекочевывали на Алтай казахи с Иртыша 150 лет тому назад.

Еще не так давно, в советское время, старики казахи из Джазатора легкой рысью на своих лошадках выезжали ранним утром вверх по Коксу. Сначала ехали по степи, потом лесом, после – мимо высокогорного озера на перевал, чтобы уже к вечеру оказаться в Рахмановских ключах – на теплых радоновых источниках. Там они могли подлечить свои суставы, разбитые ревматизмом и годами тяжелого труда. Да и вообще отдохнуть и поправить здоровье. Теперь Рахмановские ключи – граница, и непреодолимую границу с Казахстаном строго охраняют российские пограничники.

Теперь в верховьях пограничной Коксу выстроены две пограничные избушки – *верхняя* и *нижняя*. Нижняя попросторнее, огорожена забором, на котором привинчена даже табличка – «стоянка для автомобилей». Поверх забора протянута колючая проволока, по углам площадки выкопаны маленькие окопы с накрытыми увядшим дерном земляными брустверами. Для коней под навесом есть запас сена, за задней стеной избушки лежат в поленнице наколотые дрова. Внутри дома – каменная русская беленая печка с чугунной плитой и съемными кольцами. У входа – пустая собачья конура. Все выкрашено в зеленый цвет.

Когда мы приехали на узике из Джазатора к *нижней* избушке пограничников, в ней никого не было. У коновязи перед забором переминались наши привязанные лошади, пригнанные сюда заранее проводниками. В домике было чисто, пусто и холодно, он был не заперт. Мы зашли, затопили печку, вскипятили чаю, перекусили. Машина сразу уехала назад в Джазатор, чтобы к вечеру быть дома.

Пограничники бывают в своих избушках наездами, иногда живя в них по несколько недель и патрулируя окрестности. Нам заранее разрешили воспользоваться домиками – время было осеннее, уже выпал первый снег. Внутри нижней избы было тепло и сухо, на подоконнике стояла керосинка – значит, был и свет.

После чаепития в домике пограничников, навьючив коней и проехав вверх по Коксу два часа неспешным ходом, мы оказались у *верхней* избушки, вдвое меньшей и тесной. Она также была окружена невысоким деревянным забором. Внутри вскоре грела помещение простая квадратная стальная печка-буржуйка. Вдоль задней стены тянулись широкие деревянные нары, у окошка притулились небольшой стол и две грубые скамьи. Поверху под низким потолком по бревнам сруба были набиты большие гвозди, используемые как вешалки. Избушка эта стоит на впадении в Коксу ее левого притока – Орошагана, на высоте приблизительно 1700 м. Если продолжать ехать отсюда по тропе вдоль Коксу вверх в сторону Казахстана, то не так уж далеко до верхнего озера, а за ним и до пограничного перевала.

Нас было пятеро. Четверо тесно разместились в избушке, а я решил жить в своей палатке, предпочтя теплу избы свежий горный воздух. В первую же ночь в горах повалил густой мокрый снег. Я не мог уснуть, слушая, как громко шуршит снаружи по ткани снег, как нарастают, а потом шумно съезжают вниз по стенкам плотные и влажные снежные наносы. Палатка снаружи все больше обрастала тяжелым белым сугробом, легкую ткань все сильнее пригибало вниз, и к утру палатку окончательно засыпало снегом, придавило и перекосило. Оттого в одном из углов палатка протекла, намочив в ногах спальник. Мокрая холодная ткань касалась моего лица, объем палатки внутри сугроба сжался раза в два, было тесно и сыро. Кругом стояла тихая снежная ночь. Даже стоящих неподалеку лошадей не было слышно, они замерли и спали стоя, все белые от снега.

С утра пришлось откапывать и поправлять палатку, вытирать воду с пола, сушить спальник. За ночь все вокруг переменялось до неузнаваемости. Везде по склонам и полянам лежал белоснежный холодный покров, мокрый снег давил вниз ветви лиственниц и елей. Ниже по снежному лугу ходили наши кони. Они раскапывали копытами свежий снег и ели пожухлую траву вместе со снегом, греясь едой и движением. Снега выпало сразу много, по колено. Вода в Коксу и Орошагане за ночь почернела, похолодела. Она неслась черной прозрачной лентой среди белого снега и золотой с инеем травы...

Ничто так не бодрит снежным утром в горах, как крепкий горячий чай!

Наш закопченный котелок стоит на печке, из плиты которой вынуты два чугунных кружка, его днище лижет веселый огонь. Скоро от дна котелка и вдоль его стенок идут сначала мелкие пузырьки, а после вода вдруг закипает мощным бурлением. Я бросаю большую горсть пахучей смолистой заварки в котелок, и заварка плотным ковром парит и распускается на поверхности крутого кипятка. Перемешиваю этот пахучий горячий ковер большой ложкой, и обваренные кипятком чайники начинают медленно опускаться на дно. Чай готов. Мы пьем крепкий черный чай из серебристых кружек, согреваясь и просыпаясь одновременно. Ишан курит и, прищурившись, смотрит в открытую дверь избышки, откуда его слепит белый свет от покрывшего все вокруг снега. Вскоре нам уже пора отправляться в путь вверх по реке в горы, в тайгу. Седлаемся и выезжаем налегке вверх по Орошагану.

Конная дорога идет левым берегом, а в одном месте – широким болотом. Медленный и затяжной подъем просторной долиной. Едем по снегу, в болоте кони проваливаются в холодную воду с тонким ледком, а на небольших полянах переходят на рысь. Они сытые и отдохнувшие, легкая рысь их согревает и бодрит. Долина дикая, по обеим сторонам у нее крутые горные осыпи с редким лесом. В воздухе держится мокрая зимняя дымка, вскоре снова начинает сыпать серый мокрый снег. Перед последней лесной поляной наши проводники Ишан и Джеран высматривают из-под деревьев в бинокли следы зверя на снегу, но ничего не видят, да ничего и не видно – снегопад только усиливается, ветер крепчает.

Проехав длинную поляну и взяв круто вверх и вправо по левому притоку Орошагана, мы встаем над крутым обрывом под кедрами – у самых корней. Привязываем к деревьям коней. Скоро их уже не видно за снегом, падающим с неба. Высота здесь – уже 2100 м. Далеко внизу шумит речка, перед нами рассыпается по заснеженным камням водопад. Холодно, ветрено, метет метель. Кедр защищает нас от ветра, но ноги мерзнут, ветер то и дело задувает холодом за шивороты курток. Мы решаем подождать погоды, чтобы если вдруг разветрится, ехать и смотреть следы нужных нам маралов. А пока что Джеран приносит к костру все новые спелые кедровые шишки на ветках с темно-зеленой смолистой хвоей. Мы лежим под кедром и грызем кедровые орехи. Шишки липнут смолой к рукам, а когда вынимаешь орешки, отрывая укрывающие их смолистые чешуйки, внутри шишка светится теплой слоновой костью. Разведен небольшой костер, в термосах уже не горячий, а чуть теплый, но еще более крепкий, круто настоявшийся утренний чай.

После двух часов бесплодного ожидания погоды мы пускаемся в обратный путь. Погода только ухудшается. Метет мокрая вьюга. Кругом серая снежная мгла, сумерки, дорогу едва видно. Быстро темнеет. Мы сильно замерзли, особенно ноги. Едем согнувшись в седлах, мысли в головах мутятся, даже кони загрустили. Они плетутся по снегу уныло, забывая хватать губами попадающиеся по пути высокие травинки с круглыми сухими бутонами (маралий корень). Конец пути проводим уже в полной темноте, не понимая, далеко ли осталось до дома. Очень холодно, хочется поскорее в тепло, к печи, к свежесваренному горячему чаю и жирному супу из баранины, сваренному в высоком армейском котелке.

На Орошагане

Новый день на Коксу дает нашим охотникам шанс. Вторая ночь выдалась звездной и морозной. Если накануне меня придавило снегом, то теперь ударило морозом. К утру в начале октября было уже градусов 15 мороза. Палатка сильно заледенела, ее ткань стала жесткой, как тонкий металлический лист. С утра вышло яркое солнце, снег засверкал и закрипел под ногами.

После завтрака мы выехали вчерашней дорогой вверх по Орошагану. Теперь все в долине притока выглядело совсем иначе, чем накануне. Яркое солнце, прозрачный воздух, черная река в белоснежных берегах. Зеленые ели и золотые лиственницы. Густо-синее небо над белоснежными острыми вершинами с глубокими фиолетовыми тенями.

Доехали за пару часов до вчерашних кедров у водопада и двинулись без остановки дальше круто вверх по левому притоку Орошагана. Вокруг расстился только глубокий снег – целина. Перед нами распахнулась новая долина с широкими распадками и крутобокими склонами. Лес закончился внизу, мы выехали выше его границы. Слева громоздился белоснежный скалистый хребет Шенелю. Справа – высокие безлесые отроги. Мы всматривались вокруг, ища свежие следы по снегу.

Но напрасно мы забирались все выше и выше. Кругом была нетронутая белая целина, и на ней не было никаких следов. Кони проваливались по колено в снег, тяжело дышали, пробирая себе дорогу крутым подъемом по рыхлой белизне. Вдруг слева показались свежая лежанка некрупного зверя: промоины в снегу от оранжевой мочи. Тут недавно лежал и отдыхал одинокий волк, рыскающий, как и мы, по горам в поисках звериных следов.

Мы забираемся на самый верх, высота уже 2400 м. Кругом удивительной красоты горная панорама. Глубоко внизу прочерчена черная нитка речки. По кругу выстроились острые высокие вершины с черными скалами и голубыми тенями в ущельях. Белый снег нестерпимо слепит глаза, отдыхающие только на глубоком темно-синем цвете неба. Далеко внизу и вдалеке виднеется долина Орошагана, поросшая густой темно-зеленой тайгой.

Ишан и Джеран снова долго и тщательно всматриваются в свои бинокли.

Наконец они видят первые следы маралов.

Внизу слева падает в крутом ущелье ручей. На его берегу группа свежих утренних звериных следов по снежной целине. Марал с несколькими самками-маралихами спускался сюда утром из-за высокого хребта на водопой, но потом они ушли обратно – на крутой лесистый склон за скалистым гребнем, куда нам не добраться. Там олени в полной безопасности и стоят сейчас среди деревьев и скал, отдыхая в тени кедров в полной тишине.

Ишан вглядывается вдаль, туда, откуда мы поднялись. Он видит где-то там вдали еще следы маралов. Как это ему удастся – разглядеть следы зверей на снегу за 10–15 км, – понять решительно невозможно.

Пускаемся в обратный путь. Вскоре, круто спустившись по глубокому снежному склону, встаем на короткий привал внизу на речке. Пьем чай, режем хлеб и ветчину, делаем и съедаем простые бутерброды. Две черные винтовки торчат из снега, как два куста без веток. Солнце бежит по синему небу, короткий осенний день быстро клонится к закату.

Через час мы уже опять на Орошагане и, крадучись, поднимаемся по лесному крутому склону – противоположному тому, на котором Ишан издалека видел следы. Привязываем коней в густом лесу в низине, а сами неслышно идем к кромке леса над крутой неширокой долиной.

В лесу все замирает, мы недвижно лежим на легком морозе в лучах вечернего солнца под низкими хвойными лапами огромного кедра. Ишан всматривается вверх по боковой долине. Ложе долины завалено камнями и снегом, по дну бежит ручей. Долина круто уходит далеко

вверх. Здесь тоже есть свежие следы – крупного медведя, который ходил здесь с утра. В это время медведь набрал достаточно жира и готовится построить себе берлогу и залечь в зимнюю спячку.

На противоположном склоне растет редкий лес. Близ группы из нескольких кедров Ишан видит те самые следы маралов, что видел ранее с далеких вершин притока Орошагана.

– Вон *от* там стоят – в кедраче! – шепчет нам Ишан. – Вон оттуда пришли с утра и встали в лесу! – И показывает наверх на гребень горы, откуда спустились к речке олени.

– А сколько их?

Но Ишан только поживает плечами.

Мы лежим и ждем.

А Ишан думает, как бы отсюда подобраться к маралам на расстояние верного выстрела.

Между нами – открытая долина с ручьем посередине, все видно как на ладони.

Напрямую здесь не пройти – зверь нас сразу обнаружит и убежит. До кедрача, в котором стоят олени, от нас по прямой около километра. Солнце садится за гору. Длинная и широкая синяя морозная тень быстро заполняет долину. В последний раз вспыхивает и тут же гаснет на фоне темно-фиолетового снега долины золотая ветка лиственницы.

Единственный способ подобраться к зверям на расстояние выстрела – совершить длинный обход пешком слева. Спустившись сначала вниз по долине лесом и потом перейдя ручей километром ниже нашего места. После подойти диагональю противоположным склоном лесом к кедрачу, где стоят маралы. Путь неблизкий, физически тяжелый. Мужики в сомнениях. Они прикидывают – хватит ли сил и времени до наступления темноты?

Дело решается само собой. Как только мы тихо вылезаем из-под тяжелых хвойных лап заснеженного кедра и медленно двигаемся в сторону привязанных коней, маралы замечают нас и бросаются в бегство. Они выскакивают из далекого кедрача и мощно бегут круто вверх по противоположному склону, к седлу, расположенному слева от острой заснеженной вершины. Мы видим крупного пятилетнего быка с двумя маралухами. Но рога этого быка совсем не тот трофей, что нужен Сергею. Пока мы осознаем это, олени несутся крупными скачками все выше и выше, испуганно на нас озираясь.

Времени сегодня у нас больше нет, и мы спешим возвращаться. Пускаемся в обратный путь и через три часа, в морозных сумерках, уже привязываем лошадей у забора пограничной избышки.

Перевал над Ак-Булаком

Солнечным утром мы пьем чай и обсуждаем неутешительные итоги первых двух дней поисков. Места прекрасные, дикие, просторные, а следов зверя нет. Ишан предположил, что, возможно, зверя распугали или добыли пограничники, жившие здесь незадолго до нас.

Тогда мы решаем сняться с устья Орошагана и попытать счастья на другом притоке Коксу.

Споро выучимся и выезжаем вниз по левому берегу Коксу, обратно к нижней избушке пограничников, куда и приезжаем спустя полтора часа. Сделав там короткий перекур, продолжаем путь вниз по Коксу. По пути нам попадается широкая поляна и на ней большая пустая стоянка. На поляне разбросаны большие скифские курганы, большей частью разграбленные еще в древности.

Дорога здесь широкая и ровная, доступная проезду автомобилей, и мы едем очень быстро – мягкой быстрой рысью, какой обычно и ездят местные мужики. Кони ровно и быстро бегут по мягкой тропе, даже не учащая своего дыхания. Они несутся вперед с одинаковой скоростью, держась сплоченной группой. Мы расслабленно сидим в седлах, берег Коксу утекает мимо. Мужики ведут меж собой беседу по-казахски. Время от времени они закуривают прямо на ходу, не меняя позы. Мы выстроились в ровную цепь, кони бегут рядом, кося друг на друга большими влажными глазами.

Местные мужики способны передвигаться по горам с удивительной скоростью, если надо, легко проезжая за один день до 50–60 км. Включая сюда броды рек, высокие перевалы, сложные таежные тропы. Алтайские лошади, в свою очередь, тоже привычны к таким далеким и быстрым переходам, они идут своей мягкой и быстрой рысью, внимательно высматривая наилучшую дорогу, принимая быстрые и безошибочные решения.

К двум часам дня мы подъехали к устью маленькой речки Ак-Булак (*белый ручей*) – левого притока Коксу, – истоки которой расположены прямо под снежными пиками Шенелю. Влево круто вверх уходила конная тропа, по ней мы и начали подниматься, чтобы через полтора часа достичь заброшенной и полуразвалившейся стоянки в верховьях.

Практически весь подъем проходит густым лиственничным лесом. Тропа крутая и широкая, выше по горе она постепенно выполаживается. По дороге мы видели свежие медвежьи следы. На высоте примерно 1700 м проходила четкая граница снега. По тропе и вдоль нее бежали свежие следы коня и собаки – местный охотник поднимался в тайгу незадолго перед нами. Потом их следы свернули влево в густой лес, а мы продолжили путь правее, основной тропой. Ближе к стоянке дорога прошла по отвесным скалам, по длинному узкому карнизу над небольшой пропастью. В советское время на стоянке жили и пасли скот пастухи, но теперь она давно заброшена. В наши дни избушка заперта, в ней нет печки, она вросла в землю и сильно отсырела. Жить в ней невозможно.

Нам нужен зверь, и мы решаем подняться на самую вершину перевала Дерентай, который высится справа от нас. Еще час подъема, и мы выезжаем на седло перевала, на высоту 2440 м. От открывшегося вида у нас захватывает дух.

Позади нас со стороны заброшенной стоянки высится огромный снежный хребет, над которым господствует острый пик Шенелю. Его то и дело затягивают и скрывают холодные вечерние тучи. Под хребтом уходит далеко вниз лесистая долина Ак-Булака.

Перед нами впереди – величественная панорама долины Коксу. Склоны широкой долины покрыты с двух сторон густой тайгой. Круглые вершины, виднеющиеся на противоположной стороне долины, разделяют ущелье Коксу и рек Кара и Ак-Алаха. Еще дальше за ними видны голубые вершины Укока.

Слева золотится вдалеке степь Самаха, а за ней возносится снежный Южно-Чуйский хребет с треугольным пиком Иикту (3936 м). Под ними видна широкая долина Аргута.

Уже смеркается. На седле перевала успел накопиться глубокий, по колено, снег, задувает с запада сильный порывистый ветер. Леса здесь уже нет, как нет и воды. Из-под снега торчат только тонкие прутьики карликовой березы.

Само седло перевала Дерентай ровное, шириной и длиной в футбольное поле. Слева от тропы выходит наружу небольшая скальная гряда, под которой ставят палатку проводники. Мы с Сергеем ставим свои две палатки на самом седле, прямо на глубокий снег, под порывами сильного ветра. Приходится крепить углы и входы палаток к кустикам березы. Быстро темнеет, небо закрыто темными тучами, сквозь которые иногда пробиваются красные лучи заходящего солнца.

Ишан и Джаран спешат на край перевала, туда, где он обрывается вниз к Коксу, и садятся с биноклями на снег высматривать следы зверя. Сумерки быстро сгущаются. Мы замерзли и устали, становится еще холоднее. Надо вскипятить хотя бы чаю, но дров на перевале нет. Я замечаю на скалах несколько белых высохших корней карликового кедра. Утопая по пояс в снегу, сдергиваю корни с камней и тащу к костру. Этого едва ли хватит на то, чтобы нагреть даже один котелок кипятка. Воды тоже нет, и мы набиваем котелок доверху влажным снегом. Снег медленно тает в закопченной посудине, потом так же долго нагревается мутная талая вода. Очаг строим из нескольких плоских камней и скоро пьем чай уже в полной темноте.

Лошадей проводники привязывают тут же на перевале длинными толстыми веревками. Они пасутся по колено в снегу, откапывая копытами заснеженную мокрую траву.

Мы расходимся в полной темноте по палаткам. Погода портится еще больше. В ночном мраке глухо завывает ветер, гнет ребра палаток. Снаружи метет плотная метель, мокрый снег быстро засыпает и облепляет наши хрупкие убежища. На самом перевале и в горах вокруг нас на многие километры нет ни души. Как-то переживут эту метель наши лошади?

Всю долгую ненастную ночь мне приходится время от времени просыпаться и сбрасывать с палатки налипающий снег – ударами кулака по стенкам палатки изнутри. Еще пару раз меня выгоняют на улицу кони. Когда они бродят во тьме по спине перевала, их длинные веревки цепляются за палатку и грозят ее порушить. Чертыхаясь, я вылезаю почти голый в крошечную ночь и метель, поднимаю и переносу веревку через палатку. Во тьме и снегу не видно практически ничего – ни лошадей, ни соседних палаток. Веревки уходят куда-то в снежную тьму. Нет ни верха, ни низа, ни севера, ни юга. Не ясно, где мы и что это за место. А где-то в нескольких шагах от палатки прячется страшная пропасть, срывающаяся почти на километр вниз – к быстрой холодной Коксу.

Хмурым холодным утром все вокруг засыпано свежим снегом. Перевал весь закрыт влажным холодным облаком, по сторонам и вниз практически ничего не видно. Лошади едва заметны в тумане своими серыми силуэтами. Они наелись за ночь холодной сырой травы и спят, совершенно неподвижные. Дров нагреть чай у нас нет, перспективы охоты неясны. Ждать погоды здесь, на перевале? Ехать в другое место? Признать, что охота не удалась и возвращаться домой? Накануне вечером Ишан видел двух хороших трофейных быков внизу на склоне, но как их взять в такую погоду?

Решение принимает Сергей – наш главный охотник. Погода не обещает улучшений. Продолжает валить густой снег. Сергей позвонил в Москву по спутниковому телефону и узнал прогноз погоды – крайне неблагоприятный для нас. Воды на перевале нет, дров нет, да и время уже на исходе. Решаем возвращаться в Джазатор.

Собравшись, сначала круто спускаемся снежным склоном, ведя коней вповоду, и скоро выходим из нижнего края облаков и видим внизу долину Коксы. Моросит мелкий не то дождь, не то снег, заметно теплеет. Начинается лес, и мы едем хорошей тропой вниз. Скоро на тропе появляются свежие следы крупного быка марала, который прошел здесь, возможно, всего лишь

получасом ранее. Следы бегут вниз по тропе, мы едем туда же. Потом марал сходит с тропы и уходит резко вправо – на правый крутой лесистый склон ущелья. Если бы с нами была собака, можно было бы начать преследовать его: идти по свежим следам до того момента, когда марал выбьется из сил и встанет в снегу посреди леса. Собака будет бегать вокруг него и облаивать зверя, пока не подойдут охотники.

Но собаки у нас нет, как нет уже сил и времени.

Ближе к Коксу дорога становится шире и более пологой, снег заканчивается. На самой Коксу пасмурно и тепло. Уже час спустя мы переезжаем деревянный мост, за которым нас ждут водитель и его уазик. Кипятим в лесу чай и сушимся, потом грузим вещи и едем в Джазатор. В этот раз – без трофея.

Осенняя охота по Арыскану

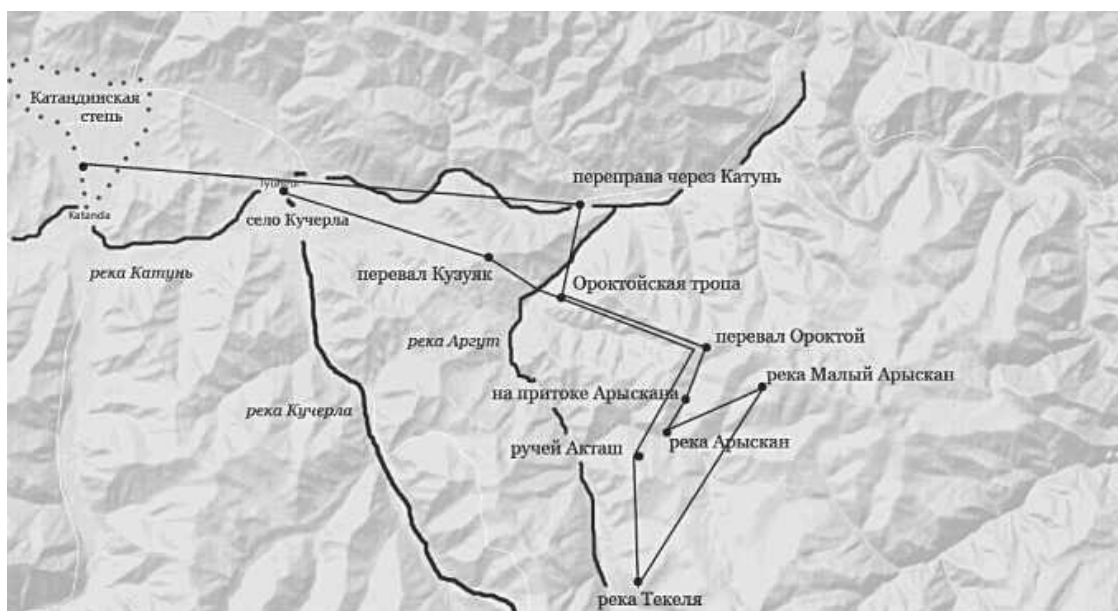
(река Катунь, переправа через Катунь, отроги Катунского хребта, река Арыскан, Белуха со стороны Аккема, река Текеля, таежник Володя, перевал Кузюяк)

Переправа через Катунь

Алтай хорош всегда, но осенью – особенно!

Тихо, солнечно, прозрачно.

Прохладный осенний день. Лиственницы уже пожелтели, но еще не опали, они тепло и приветливо золотятся на солнце. Меж ними громоздятся темно-зеленые ели, пихты и кедры. Тайга просветлела и подтянулась. Крутые склоны, сбегаящие вниз под деревьями, многоцветны осенними травами, мхами, камнями. Ручьи истончились, спрятались меж камней и едва сочатся ледяными прозрачными струями. Мутные и высокие летом реки и речки сильно спали, высветлились и приобрели изумрудный оттенок. Теперь они текут медленнее и тише, огибая чистыми и зелеными водными змеями выступившие наружу белые валуны и разноцветные галечные отмели. Ночами уже случается первый легкий снежок, который лежит, просыпавшись на палой листве, золотой хвое, пожухлой траве полей. Днем влажный снег медленно тает в лучах мягкого осеннего солнца.

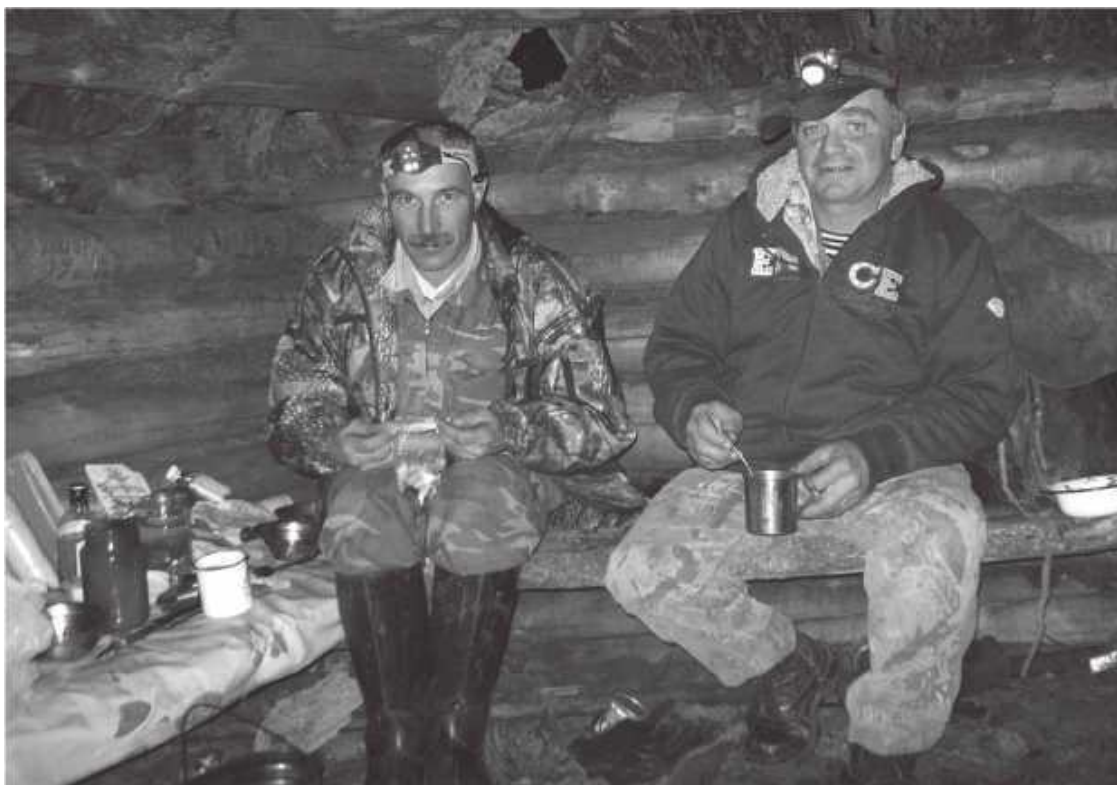
Охота по Арыскану и притокам Аккема

Поля давно скошены, на улице свежо и легко дышится. Стога душистого сена свезены по дворам или же высятся за плетнями-загородками по речным берегам на глухих лесных полянах. На тщательно обритых острыми косами полях свободно ходят кони. Они самой разной масти: гнедые, рыжие, белые, песочные, вороные, в яблоках. Летние работы закончены и нынче лошадям можно отдохнуть, залечить ссадины и шрамы, набраться веса и сил. Утрами кони стоят в розовом тумане и недвижно дремлют. Поднимающееся из-за дымчатых гор солнце золотит их крупы и гривы.

Расстояния в горах исчезают окончательно – так прозрачен осенний воздух. Снежный хребет, который летом едва виднелся вдалеке в мерцающей синеватой дымке, стоит теперь так близко, что, кажется, можно пробежаться пальцами по его острым пикам. Или потрепать бороду лежащего в горном седле белоснежного ледника, пересчитав все фиолетовые трещины на его неровном изогнутом низу теле.

В деревнях поднимаются из печных труб белые дымки, высятся у изб свежие красноватые лиственничные поленницы. Дети пошли в школу, ульи с пасек убраны на долгую зиму в теплые

мшаники, косы и сенокосилки разобраны по сараям. Весь рабочий инструмент прибран, по чердакам висят и сушатся свежеза-готовленные березовые веники. Туристы давно разъехались, опустели популярные туристические тропы к белоснежной Белухе по Аккему и Кучерле. Если и встретишь вдруг кого в горах, так это будет местный охотник на усталом коне. Он неспешно едет с охоты с сигаретой во рту и с тяжелыми мешками по конским бокам. Мешки доверху набиты свежим маральим или косульим мясом, а то и мясом козерога. Тут так принято: заготавливать по осени мясо в тайге. Такого встречного можно ни о чем не спрашивать – все равно толком ничего не ответит.

Николай Архипов и Сергей ;Ценников из Катанды (фото В. Рыжкова, 2011 г.)

Вот и мы собрались на охоту в середине сентября – в самое подходящее для этого время, когда светлеет тайга и режут по лесам рогачи-маралы. С нами едут старые друзья – проводники и охотники из старинного села Катанда, Сергей и Николай. Оба они егеря Алтайского заповедника, оба знают местные горы как свой двор или дом. Сергей невысокого роста, плотный, с устадыми умными глазами. Ему лет пятьдесят и у него давно проблемы с давлением. Николай повыше, худой, сутулый, с седыми усами, он много курит. Николай Сергеев ровесник. Николай и Сергей несколько лет как породнились через детей (сын Николая Иван женился на дочери Сергея). Но не так давно между ними пробежала вдруг черная кошка (хотя они старинные друзья – со школы). Мы чувствуем это их взаимное напряжение, иногда до нас доносится как они, отойдя в сторону, переругиваются. Но, конечно, не лезем в чужие дела. Сын Николая Иван также едет с нами (с ним же мы ездили раньше по Теректинскому хребту. Тогда, когда второй проводник Андрей наелся аналгина, а молодая жена накупила Ивану свежего пива в баню).

От Катанды вниз по левому берегу Катунь нас подвозит к месту начала охоты на старой белой «Волге» сосед Сергея. Мы приезжаем к поляне, находящейся прямо напротив впадения в Катунь реки Аккем. Район это красивый, глухой, дорога петляет самым берегом аккуратно над изумрудной Катунью. Слева каменные горы то и дело тесно прижимают узкую дорогу прямо к реке.

Выгрузив вещи на берег, мы готовимся к переправе через быструю и глубокую Катунь. Надуваем на траве у берега маленькую двухместную черную резиновую лодку. Рядом уже с раннего утра ждут нас привязанные к высоким тонким берегам лошади.

Сама переправа производится нами в несколько приемов. Местные говорят про такие переправы через горные реки – *плавиться*. Расскажу теперь, как мы *плавились* через опасную Катунь напротив устья Аккема.

На дно хорошо накаченной лодки грузится первая часть вещей, в том числе сумины, попоны, седла, сбруя, продукты, палатки, спальники и прочее. В лодку залезают два человека – один садится на носу, другой на корме. Все это едва помещается в лодке, которая сильно погружается в воду реки. Тот, что сидит на носу, сильно гребет поперек и выше течения, а быстрая Катунь сносит тяжелую лодку вниз. При переправе доверху нагруженная лодка так низко уходит в воду, что едва видна своими круглыми гладкими бортами над поверхностью реки. Нам становится страшно – а вдруг она перевернется или потонет? Ниже места, где справа в Катунь впадает шумный и сильный Аккем, есть небольшая тихая заводь с ровным галечным берегом. В нее и метят пристать наши проводники. После первой переправы и выгрузки вещей на берег гребец налегке переплывает Катунь обратно. Его опустевшую лодку при этом еще больше относит вниз. Там он пешком по галечному берегу буксирует на веревке лодку вверх к остаткам вещей и к коням. Лодка снова загружается по самые борта, в нее садится новый пассажир, и все повторяется, пока все вещи и все люди не перевезены благополучно на правый берег.

Но как теперь переправить через Катунь наших лошадей?

Николай и Сергей садятся вдвоем в лодку и переправляются на левый берег, где ждут животные. Лошадей пять. Река в этом месте быстрая, глубокая, с черно-зелеными ямами и опасными водоворотами. Вброд ее не перейти.

Тогда Николай и Сергей делают вот что. Они связывают лошадей длинными крепкими веревками между собой за морды – по три и по две, в две связки. Потом оба катандинца устраиваются в лодке: один – на носу, второй – на корме. Николай сидит на носу с веслами, он принимается медленно и сильно выгребать к середине реки, правя вверх по течению. Сергей крепко сидит вполоборота на корме, в руках у него две связки веревок, к которым привязаны все пять лошадиных морд. Сергей тянет коней в воду, громко их матеря за упорное нежелание лезть в реку. Те упираются, вращают глазами, дергают мордами, перебирают задними ногами по гальке, но все ближе смещаются к прозрачной кромке ледяной воды. Наконец они одна за другой вступают в нее. Два-три шага – и копыта теряют опору, коней захлестывает быстрая зеленая вода. Кони задирают морды вверх и, как собаки, гребут длинными сильными ногами. Только их задранные морды с вытаращенными большими глазами торчат теперь из воды. Впереди с силой быстро гребет Николай, отдуваясь и широко работая плечами. Короткая и легкая лодка мотается по течению. Сергей держит веревки в высоко поднятых руках и продолжает тянуть за собой плывущих коней. Со спины Сергей похож на дирижера, почему-то одетого в истрепанную телогрейку. Он плавно размахивает обеими руками, раскачивается и описывает руками широкие круги. Только вместо дирижерской палочки в руках у него две крепкие веревки, а вместо оркестра перед ним – пять напуганных лошадиных морд. Лодку крутит и качает в водоворотах, брызги бьют лошадям прямо в мокрые уши. Река стремительно несет лодку и вереницу лошадиных морд вниз по течению. Наши проводники гребут, тянут, шатаются в утлой лодке, чтобы подбодрить, громко ругают коней. Катунь всех их крутит, вертит, заливает, утягивает вниз по течению. Но вот первые кони коснулись дна, зацепились за него передними копытами, рванули вперед – и вынесли все пятеро на наш берег. Они переплыли Катунь по-собачьи и теперь принялись по-собачьи же отряхиваться, крутя головами, шеями и большими мокрыми боками. Вертятся и их длинные пушистые хвосты. Уж как лошади теперь

рады, что эта страшная быстрая река позади. На нас с лошадиных боков, грив и хвостов летят водопады холодных брызг.

После переправы мы лежим на берегу, подставив лица бархатному осеннему солнцу, и ждем. Лошадям надо просушиться, прежде чем мы их заседлаем и навьючим. Сергей и Николай молча курят. Сосед Сергея гребет один в пустой лодке на другую сторону – к своей «Волге». Ему еще возвращаться домой в Катанду.

Ороктойская тропа

Когда кони просохли, заседланы и навьючены, мы пускаемся в путь. День стоит в зените, яркое солнце слепит с синего неба, его свет бьет яркими бликами прямо нам в глаза, отражаясь от воды, кустов ивняка, белой катунской гальки. Нам предстоит подняться набитой и широкой *Ороктойской тропой* к месту схождения небольших горных хребтов, которые высятся над правым берегом Катуня: Борондинского, Ороктойского, Актаринского и хребта Тукмен, чтобы уже к вечеру спуститься оттуда на ночлег в глухую тайгу бассейна реки Арыскан – правого притока Акке-ма. Там мы планируем приступить к охоте.

И вот когда мы не проехали еще и ста метров, я внезапно сваливаюсь на коне резко вбок. Съезжаю туда вместе с седлом, суминами и привязанным сзади рюкзаком.

Как назло, случилось это прямо посреди ледяного быстрого Аккема, на широком бросе неподалеку от аккемовского устья. На моих ногах сухие горные ботинки, и мне совсем не хочется на пятой минуте похода соскакивать в них в воду. А после того долго сушиться и ходить по осенним горам с мокрыми ногами. Поэтому я, цепляясь за съехавшее седло, зависаю на правом боку своего карего коня и вишу так почти вниз головой. Я кричу проводникам, чтобы поскорее меня выручали. Сергей оборачивается, мгновенно соскакивает с лошади (он уже успел перебрести реку) и бежит ко мне. У него на ногах резиновые сапоги, и он несется ко мне, прыгая по скользким камням и съезжая с них в невысокую воду.

Сергей подхватывает меня снизу, одновременно поддерживая тяжелые сумины. Он старается, чтобы все это не съехало окончательно под пузо застрявшего посреди реки коня. Мой карий трусливо озирается по сторонам и стрижет ушами. Однако ж, как мы с Сергеем ни старались, мне все равно приходится вставать в холодную воду. Я вытаскиваю ноги из стремян, повисаю на шее коня и шагаю обоими ботинками в ледяную воду, утонув в ней сразу по голень. Сергею тоже достается – вода заливается внутрь его коротких сапог. Когда мы выходим на правый берег Аккема, из моих ботинок вытекает вода, а Сергей разувается и выливает воду из обоих сапог.

Почему вдруг внезапно взяло и съехало мое седло? Все очень просто. Лошади не любят, когда их седлают. Это ясно как день – кому из нас понравится подготовка к изнурительной, тяжелой работе? Каждое утро им затягивают на пузе тугие подпруги, по три штуки на каждое лошадиное брюхо, крепко притягивая ремнями к спине коня седло. Дальше на седло вяжутся тяжелые сумины, рюкзаки, палатки и всякая мелочь. И в довершение всего громоздится сверху седок. Когда с утра лошадь седлают и тянут ей тугие ремни, она сытая и отъевшаяся за ночь. Ее большое брюхо надуто как мячик, а бока лоснятся. Вечером же, после долгого трудного перехода, круглые бока сдуваются, конь теряет за день тяжелой работы десятки килограммов веса, которые отчасти и восполняет потом ночной пастьбой. Когда утром хозяин, кряхтя и упираясь, тянет вверх кожаные подпруги, хитрые и опытные кони часто *дуются*. То есть нарочно набирают в себя побольше воздуха, надувая им посильнее свой круглый живот. Это простая и эффективная хитрость – хозяин думает, что подпруги затянуты во всю силу, но как только он отходит в сторону, конь сдувает лишний воздух из пуза и ремни ослабевают. Подпруги перестают давить и сжимать его бока и спину. Натяжение ремней смягчается, и поэтому седло может легко съехать вокруг корпуса лошади вбок и вниз вместе со всей поклажей и седоком. Что со мной и случилось прямо посреди Аккема. Это был хороший урок. Я крепко запомнил, что мой конь каждое утро таким вот образом *дует*. И всякий раз, прежде чем вскочить в седло, проверял и дополнительно подтягивал подпруги. А также неоднократно проверял ремни в течение дня на остановках.

Ороктойская тропа – одна из самых известных и оживленных на всем Алтае. Тропа эта – самый популярный путь от Катуня к Белухе. Обычно дорога от Катуня до Аккемского озера

занимает два дня – что для конных, что для пеших. Из-за большого потока людей тропа эта широкая, набитая, сравнительно несложная. Сначала дорога идет легким подъемом правым берегом Аккема, около часа пути от устья. Затем поворачивает влево в ущелье вдоль русла маленькой речки Ороктой, правого притока Аккема. И поднимается дальше вверх косогами и лесом, постепенно становясь все круче. Последние минут сорок подъема тропа проложена серпантином по кедровому лесу круто вверх.

На вершине этого склона тропа выходит на гребень хребта на высоту 2300 м, в заросли карликовых берез и кедров.

Там, на гребне, мы встречаем земляка Сергея и Николая из Катанды. Он едет нам навстречу на коне, а за ним тащится прилетевший из Москвы усталый «трофейный» охотник. Они едут с пустыми руками, очень мрачные. Сергей что-то негромко спрашивает, земляк разводит руками и только огорченно качает головой. У нас портится настроение. Мы понимаем, что охота у встречающих не заладилась. И что они уже объехали перед нами арысканскую тайгу, никого в ней не найдя. Куда же и зачем тогда мы едем? – поневоле думается нам.

Но выбора у нас нет. И, поскучившие, мы едем дальше тем же высоким гребнем чуть выше границы леса. День стоит все такой же яркий и солнечный. С гребня перевала открылся весь Катунский хребет с Белухой в центре. Белуха сверкает обоими своими пиками, круто вниз от них падает фиолетовым покрывалом Аккемская стена, блистают ледники. Над острыми зубцами снежного хребта замерло темно-синее небо. А ниже белоснежных снегов и ледников расстелилась на многие километры вокруг темно-зеленая кедровая тайга.

Прямо справа под нами лежат обширные долины реки Арыскан и ее многочисленных притоков. Арыскан с его притоками, если взглянуть на них сверху, напоминает огромный таежный веер, сходящийся в узкий каньон устья Арыскана, где он впадает в Аккем. Один ручей сменяет другой, за одной узкой долиной следует другая, и все они сбегаясь к Арыскану и дальше в Аккем. Все это огромное пространство из долин, ручьев и крутых горных полей – совершенно дикие, безлюдные, таежные места. Туристы обходят их стороной. Ороктойская тропа огибает таежный бассейн Арыскана верхами по окружности, выходя по верховьям реки Текеля прямо к Аккемскому озеру у подножия Белухи.

Но нам не нужно на озеро, нам нужны охотничьи трофеи. Моему другу и охотнику Сергею К. требуются в этот раз рога одного крупного марала и одного крупного козерога, на что есть лицензии. И поэтому мы, вдоволь налюбовавшись Белухой с вершины хребта и напившись крепкого сладкого чая из термоса, приступаем к крутому спуску в таежное царство Арыскана. Спускаемся ручьем Тукман. Держа коней в поводу, круто сбегая вниз и скоро вступаем в густой лес. На верхней границе леса встречаем небольшую стоянку, пустую и давно заброшенную. За стоянкой идем все вниз и вниз, по мере спуска тайга вокруг нас становится все глуше и влажнее. Высокая трава пожухла и стоит мокрая, холодная, тропу в ней почти не видно. Осенний день короток, на дне ущелья уже темнеет, и мы торопливо встаем на ночлег. Место для ночлега – спрятанная в густом лесу неширокая поляна, почти без уклона. Под крутым склоном горы в густом лесу прячется свежесрубленная охотничья избушка. К сожалению, заночевать в ней нельзя. Кто-то сильно сглупил и собрал-сбил сруб из свежего влажного леса. Теперь внутри избушки затхло и сыро, пахнет тленом, по углам и под нарами жирно растет зеленая и черная плесень. Есть в избушке железная печка, но она нам не поможет – так сырую избу не просушишь, миазмы плесени не изведешь. В результате мы ставим палатки близ избушки, разводим костер, сушимся, готовим ужин.

Перед сном в кромешной темноте ночи, у тлеющих углей остывающего костра, мы внимательно слушаем тайгу. Вокруг нас только тишина и бездвижность. Все в тайге смолкло – не слышно ни птиц, ни шелеста ветра в кедровых ветвях. Места здесь маральи, звериные – густой лес, высокая трава, чистый ручей, скрытые по крутым склонам травянистые поляны. Но

– увы! – лес беззвучен. Не режут маралы в поисках самок, не трубят своими высокими голосами в три тона. Ничего нет – пустыня!

На речке Текея

Весь следующий день проводим в седле. Движемся все дальше и дальше в глубь гор. Спускаемся Тукманом до Арыскана, затем едем вверх по Арыскану до устья ручья Акташ (*белый камень*) и дальше по нему вверх крутой широкой долиной. Здесь нет уже никакой дороги. Продвигаемся круто вверх по опасному куруму, покрытому толстым зеленым мхом и редкими деревьями. Каждую минуту мы рискуем провалиться в скрытые между камней ямы и переломать коням ноги. Наверху, ближе к границе леса, нам попадает еще одна старая охотничья избушка. Когда выезжаем на открытое безлесое плато, то видим в его дальнем конце огромный красно-фиолетовый горный цирк, покрытый сверху снегом. Вскоре встаем на ночлег на небольшом пригорке, на котором растет жидкая рощица кедрача. Это популярная туристическая стоянка – рядом с пригорком пробегает широкая Ороктойская тропа, обогнувшая с востока таежный веер Арыскана.

Пламенеет багряным и розовым цветом ранний закат, быстро холодает, и мы в краснеющих сумерках расходимся по своим палаткам. И вдруг глухой ночью сквозь сон нам слышится первый рев маралов, точнее, одного марала. Он стоит и ревет где-то рядом в густом лесу под крутым обрывом на краю нашего лагеря. Я слышу, как трещат молнии входов на соседних палатках и как мои спутники выходят в ледяную звездную ночь.

Рано утром все поднимаются на раннем рассвете, и Сергей с Николаем трубят в свой манок. Они надеются услышать ответ ночного быка, надеются приманить его поближе к нашему лагерю. Но, увы, тайга отвечает им тишиной. Олень прошел ночью мимо нас и растворился в горной тайге, растворился бесследно.

Выходит, нас и здесь постигла неудача. Тогда Сергей и Николай решают попытать счастья на реке Текея – месте обитания козерогов. Мы выучимся и отправляемся Ороктойской тропой в сторону Аккема и Белухи. Сначала выезжаем еще выше, на другое широкое травянистое плато. Отсюда Белуха совсем близко, отчетливо видны все детали ее снежных карнизов и огромных ледников. На этом рыжеватом плато мы вновь сходим с Ороктойской тропы и понемногу спускаемся далеко вниз едва заметным ручьем в низовья Текели. Там встаем лагерем в паре километров от ее устья, прямо у входа в огромный скалистый обрыв Скинчак.

Наш новый план – аккуратно высмотреть на этом обрыве козерогов (*теков* – отсюда и название *Текелл*, т. е. место, где живут теки-козероги) и попробовать добыть подходящий трофей.

Едва мы ставим палатки, как тут же от нетерпения бежим круто вверх по огромным камням, из которых состоит горный склон слева от обрыва. Справа от нас над правым берегом Текели нависает отвесный скалистый обрыв Скинчак. Его высота от подножия до вершины – не меньше двухсот метров. Широкой дугой обрыв уходит далеко вдаль и вверх. Туда, где золотится высокогорная степь, а над ней белеют снежные пики водораздела Текелю и Коира. На противоположном от нас конце обрыва белеет тонкая нитка водопада. С высоты обрыва растущие внизу у реки высокие кедры кажутся крохотными кустиками с тонкими ножками.

Здесь, рядом с Белухой, погода резко портится. Плотные тучи закрывают обе вершины горы, небо затягивает белая дымка, усиливается ветер. На серых скалах над пропастью замерли, распластавшись, люди с биноклями. Это проводники Сергей и Николай. Они ощупывают глазами каждый участок пятикилометрового обрыва, все его выступы, карнизы, глубокие трещины, осыпи и камни внизу у реки.

Наконец Сергей и Николай видят козерогов. Небольшая группа лежит на камнях и меж камней внизу у самой реки, где немного теплее. Животные так слились с камнями, что их нелегко обнаружить даже в бинокль. Видно, что козлы лежат и спят. Они паслись с утра и теперь улеглись на отдых до вечера, когда опять примутся щипать рыжую траву на скальных

карнизах. А после того уйдут ночевать еще выше – в глубокие расселины между скал обрыва, где их не достать никакому врагу.

Козероги были молодые, некрупные, их рога не представляли для нас никакого интереса. Кроме разве что одних. Присмотревшись, мы увидели, что рога у одного из козлов торчали в разные стороны. Правый рог, как и положено, был круто загнут назад – к спине. А вот левый, наоборот, почему-то загибался и торчал не назад, а вперед. Он буквально мотался перед козлиным носом. Так случается, хоть и очень редко, когда в самом начале роста рогов у молодого козла что-то вдруг пойдет не так. И в результате рог по какой-то причине окажется направленным не туда и вырастет в противоположном от нормального направлении. Такой необычный трофей, пусть даже некрупный, представляет для охотников определенный интерес. Мы совещаемся – брать его или не брать. Главный наш охотник Сергей К. сильно сомневается в том, что этот *разнорогий* козел ему действительно нужен. Тем более что и мороки с ним предстоит много – скоро уже стемнеет, а дорога до козлов неблизкая, пересеченная и хлопотная. В конце ее можно легко вспугнуть все стадо, оставшись с носом. Стоит ли эта разнорогая голова с маленьким и нелепым, в сущности, трофеем таких усилий?

Наконец решаем. Чтобы не пропадать имеющейся у нас козержей лицензии (есть и еще одна – на марала), мы все же попытаемся подстрелить этого чудного козла. Возьмем – хорошо, а нет – так нет. Подкрадываться и стрелять по козлу будет не Сергей К. из Москвы, и не Сергей с Николаем из Катанды, и не тем более я. Это сделает самый младший из нас – Иван из Катанды, двадцатитрехлетний сын Николая. Ему это, по крайней мере, по-настоящему интересно. Иван – крепкий, высокий светловолосый парень, на его лице всегда светится широкая добрая улыбка. Ему не терпится бежать стрелять козла, и мы даем ему добро. Иван хватает немецкую винтовку Сергея К. с мощным оптическим прицелом и длинным мощным патроном и бежит вниз к реке подкрадываться к козлам, добывать разнорогий трофей. Мы же не спеша возвращаемся в лагерь и уже скоро пьем у костра крепкий чай.

Спустя примерно час мы слышим звук далекого выстрела и ждем, что последует дальше. Второго выстрела нет. Остается дожидаться Ивана. Он или попал по козерогу, или нет. Еще через час появляется Иван – увы, с пустыми руками. Он приближается к костру, вокруг которого мы вольготно развалились на седлах и пополах, весь грязный и испарапанный. За спиной у него болтается черная немецкая винтовка. Напившись вдосталь чаю, Иван рассказывает, что и как там происходило:

– Спустился я, значит, вниз и пошел вверх берегом Текели. Там везде камни, все завалено. Лес, бурелом, чаща. Еле пролез там. Потом лес закончился, а до *теков* еще метров с пятьсот оставалось. Тогда я лег и пополз к ним по камням. Прополз еще метров сто. Вижу – они вроде как меня увидели, насторожились, повскакивали с камней. И глядят в мою сторону. Я, значит, залег посередине камней и лежу, жду покуда они успокоятся. Они постояли немного и опять легли, но видно, что секут ситуацию. Я еще прополз вперед – все колени содрал. Чувствую, все – дальше никак. Место открытое, все им видно. Испугаются, думаю, и убегут совсем. Достал дальномер, смотрю – еще 320 м осталось до кривого козла. Думаю, придется отсюда стрелять. Ближе никак!

Мы все сели и слушаем Ивана с интересом. Сергей и Николай курят.

Иван отхлебнул чаю и продолжил рассказ:

– Ну вот, значит. Достал я винтовку, а как с ней обращаться – не знаю. Непривычная, не наша. Тяжелая такая. Поставил, короче, я ее на треногу на камне, стал целиться. Далеко, смотрю, стрелять, блин! Этот криворогий, короче, лежит в самой середине, только и видно, что башку и шею. И рога в разные стороны торчат. Нашел я его в прицел, взял шею посерединке. Стрельнул. Но промазал! Эти повскакивали и быстро убежали вверх в скалы – там их вообще не достать! Вот так вот...

Так и этот день закончился для нас неудачей, а разнорогий козел отделался легким испугом.

Ужасы вертолетной охоты

На следующее утро, завтракая у костра и собирая вещи, мы обсуждаем причины такой удивительной пустоты окрестной щедрой тайги.

– Это все вертолеты! – уверенно говорит Николай. – Распугали всего зверя!

И действительно, когда мы лежали накануне с биноклями над отвесным обрывом Скинчак, мы видели вертолет. Он высоко летел, маленький и медленный, прямо над пиками Белухи в сторону Коира и Аргута. До нас долго еще доносился его стрекот. Как говорят местные мужики, вертолеты с навороченными городскими охотниками, с разного рода коммерсантами и начальниками, летают здесь по осени каждый день. Чуткий слух зверей слышит их издалека, и тогда животные прячутся в лес, забиваются в расщелины скал, замирают там. Какая уж после этого охота!

Потерпев новую неудачу в неприступных скалах Текели, мы решаемся вернуться в таежный веер Арыскана и еще раз попытаться там счастья. Споро навьючив коней, мы пускаемся в обратный путь и час спустя вновь поднимаемся выше границы леса, на рыжее плоскогорье к Ороктойской тропе. Отсюда на север хорошо видны покрытые лесом прикатунские долины и отроги, а вдалеке за Катунью – синие снежные округлые вершины Теректинского хребта. Позади нас остаются Катунский хребет и Белуха.

Мы вновь сходим левее с Ороктойской тропы и спускаемся к лесу по правому берегу Актанта на лесистые склоны горы Езим. Здесь и встаем на берегу ручья чуть ниже границы леса. Рядом с нашим костровищем свежий отпечаток крупной медвежьей лапы.

Сразу после разбивки лагеря проводники и Сергей К. уезжают в тайгу искать маралов, я же остаюсь один у теплого костра. Тихий осенний день катится к вечеру, фиолетовый горный цирк в верховьях Акташа медленно гаснет, окрашиваясь в голубые и синие тона. Вокруг – ни звука, тихо и безветренно. Тайга бездвижна. Я лежу на толстой войлочной попоне у костра и вспоминаю рассказ проводников о варварской охоте с вертолета.

Если есть на свете варварство и дикость, то вертолетная охота – самые настоящие варварство и дикость. Охота с вертолета – это циничный и беспощадный расстрел диких животных, это сущий ад на земле. Который устраивают природе самодовольные и алчные до денег и развлечений люди-нелюди.

«Охотниками» выбирается для этого подходящая горная долина с густым богатым лесом, в котором местные проводники заранее высматривают зверя. Потом богатые и высокопоставленные браконьеры расставляются с винтовками по номерам на самом верху долины выше границы леса, в удобных местах с хорошим обзором и просмотром всей долины. Они ложатся в своих дорогих куртках за камни, расчехляют свои мощные ружья с дорогой оптикой и принимают ждать. После этого вертолет заходит как можно ниже от подножия гор, пилоты держатся вплотную к верхушкам деревьев. Они начинают движение от самого низа долины, от реки, и медленно поднимаются вдоль русла реки или ручья. Отовсюду слышен и ходит эхом по горам грохот, рев, вой турбин, страшный стрекот винтов, летит-стелется над вершинами кедров и лиственниц грозная железная машина, трясутся верхушки деревьев, срывается с ветвей хвоя и листва, дрожит земля, трещат и валятся сучья. Ужас!

Зверье в панике срывается с мест, вскакивает со спокойных согретых лежищ, выбегает из-под густых кедров. Его охватывает страх и безумие. Инстинкт гонит зверей спасаться наверх – к перевалу. Они несутся огромными скачками лесом по склону, не разбирая пути, без троп, перемахивая через упавшие деревья. Трещат ветки, охает глубокий мох, осыпаются выбитые копытами камни. Бегут в ужасе маралы, косули, кабарги, забиваются в глубокие норы бурундуки и белки. Мечутся меж ветками и громко вопят от отчаяния птицы. Глаза животных расширились, уши прижаты назад, дыхание рвется. А наверху их уже поджидают хладнокровные

убийцы. Звери несутся по бурелому прямо навстречу смерти, летят тяжелыми высокими рывками. Они вылетают на границу леса и вот теперь оказываются прямо перед стрелками, на открытом месте, как на манеже, и стрелки хладнокровно их расстреливают. А сзади и снизу из-за густого леса медленно поднимается адская грохочущая машина.

Или расстреливают зверя прямо с вертолета. Обычно – на открытых местах, выше границы леса, где животным и спрятаться негде. Егерь наводит пилотов на место, где пасется стадо козорогов или архаров. Или где идет, качая огромными рогами, бык марала со светлыми боками. Машина с высокого синего неба устремляется вниз к самому склону и гонит зверей, которые в панике несутся спасаться туда, где спасения нет, ведь горы открыты на все стороны! Спасения нет, надежды тоже. Стадо бежит по открытому снежному склону, копыта проваливаются в снег. Открывается широкая дверь вертолета, морозный ветер бьет внутрь машины. Охотники в азарте, над их головами – грохот винтов и вой двигателя, внизу – вихри снега, мятущиеся беззащитные животные. Охотники хохочут, кричат, срывая голоса, в их глазах безумный блеск. Охотники привязаны ремнями к потолку салона, чтобы не вывалиться наружу, в руках у них винтовки. Браконьеры высовываются из проема, железный пол дрожит под их ногами, винтовки ходят в руках ходуном. Они начинают палить по горным козлам и баранам, по маралам с близкого расстояния, почти в упор. Промах, промах, попадание, опять промах, попадание. Звери, подкошенные пулями, валятся в снег. Их густую шерсть заливают алая кровь, кровь окрашивает снег. Уцелевшие звери в панике бегут дальше, проваливаясь в сугробы.

Когда «веселый» расстрел заканчивается, вертолет зависает в паре метров от склона, и охотники спрыгивают на землю, чтобы забрать туши. Бараны и козлы лежат на окровавленном снегу, задрав рогатые головы и вытянув копыта, их широко открытые глаза остекленели. Браконьеры тащат еще теплые туши к дверному проему вертолета и забрасывают их внутрь. Руки, штаны, железный пол – все испачкано кровью. Кровяные пятна остаются на снегу, в примятых ямках от туш. Рев мотор, свистят винты, завис над склоном вертолет. Наконец все тяжелые туши погружены, охотники взобрались на борт, дверь захлопнулась, и машина набирает высоту, беря обратный курс на базу. На базе хладнокровные и довольные убийцы будут пить, веселиться, гулять с девками, хлестать свои красные толстые животы и задницы свежими вениками в жарко натопленной баньке. И примутся бахвалиться друг перед другом, кто и сколько поубивал беззащитных животных в чистом поле с вертолета.

Но веселье и нажива на этом не закончены. Через какое-то время отделанные таксидермистами гордые головы и бюсты козлов, баранов и маралов с роскошными рогами украсят загородные дома самих охотников и их друзей. А деликатесное мясо исчезающих краснокнижных животных отправится в модные рестораны больших городов («не желают ли господа блюда из таежной дичи?») – и за хорошие деньги. Браконьерам нет никакого дела до того, что убитые ими животные относятся к угрожаяемым или вовсе к вымирающим видам. Что, расстрелянные ими или перепуганные до смерти, самки животных зимой носили в себе будущих детенышей и теперь у уцелевших самок случаются выкидыши. Что теряют свою последнюю пищу вымиравшие редкие хищники, такие как, например, снежный барс...

Я думаю обо всем этом, лежа на пахнущей конским потом попоне под широкой и мягкой кроной высокого кедра. Неподалеку струится холодный чистый ручей. Фиолетовый вечерний амфитеатр Акташа золотит по вершинам заходящее солнце. Я вижу вдалеке сверкающую точку, которая бесшумно летит высоко в темнеющем холодном небе. Это вертолет, который возвращается с очередной барской охоты нашего времени. Чьи окровавленные туши лежат там сейчас на железном полу?

Из прозрачной тайги бесшумно возникают мои спутники. Они спешиваются, расседывают коней, а я ставлю кипятить в котелке воду для свежего чая.

– Опять ничего! – говорит Сергей.

– Поднялись на гребень, смотрели во все стороны, слушали. Никого! Ни звука! – добавляет Николай.

Они уводят привязать на ночь коней. Трещит костер, кипит в котелке вода. Быстро темнеет. Тайга затихла, вокруг безмолвие.

Таежник Володя

Делать нечего. Надо продолжать поиски зверя. Наутро едем дальше. Спускаемся Акташом обратно к Арыскану и двигаемся вниз по его течению едва заметной тропой, окруженной тесными склонами, по которым стоит глухая тайга. Потом поворачиваем направо и начинаем подниматься темным ущельем притока Арыскана – речкой Чичке-Карасу. Наш путь – узкая лесная тропа, каменистая и все круче уходящая вверх. Наверху ущелья дорога постепенно становится более полой, и мы выезжаем на узкую длинную поляну по правому берегу речки, где и встаем лагерем. На въезде на поляну слева растет большой кедр, у подножия которого местные охотники соорудили что-то наподобие шалаша. К стволу дерева привязаны несколько длинных, расходящихся, как велосипедные спицы, жердей, на которые наброшена толстая целлофановая пленка. Пленка старая и рваная во многих местах, с лужицами воды на прогибах, с засохшей грязью по краям. Складываем туда, под пленку, к корням дерева, седла и попоны, сгружаем сумины с провиантом. Там же, как в норе, собрались заночевать и наши проводники. Мы же с Сергеем К. ставим на поляне свои палатки и принимаемся за костер.

В этот момент неведомо откуда появляется таежник Володя.

– Здорово, мужики! – говорит он и с удовольствием угощается сигареткой. На нем теплая грязная фуфайка, резиновые сапоги, растрепанная зимняя шапка, нахлобученная на редкие волосы.

Николай и Сергей радостно приветствуют земляка-катан-динца Володю.

Володя – первый человек, которого мы встретили за несколько дней. Откуда он вообще взялся здесь, в этих глухих местах?

Володе лет пятьдесят, он широко улыбается беззубым ртом, в котором торчат в разные стороны несколько кривых желтых клыков. У него крупные черты лица, мясистый нос, мне он сразу напомнил немца.

Володя-таежник (фото В. Рыжкова, 2011 г.)

Так и есть. У Володи-таежника оказывается немецкая фамилия. Он местный из Катанды, добрый сосед Сергея и Николая. Его отец и все его предки были немцы, которых давным-давно жизнь занесла в Сибирь. В Сибири они и остались, прижились, обрусели.

– У меня тут избушка! – показывает Володя вверх по долине.

Он садится у костра, мы пьем крепкий чай, заедая его бутербродами из толстых ломтей хлеба и вяленого мяса.

– Ну что, как охота? – интересуется он.

– Да никак, елки зеленые! Были на Тукмане, потом наверх уехали по Акташу, потом на Текелю, потом по Езиму – вообще нигде никого! Даже не слышать никого! Молчат, поди ты их! На Текеле видели теков, но один только молодняк! – сокрушенно рассказывает про наши неудачи Николай.

– Да, тут у меня тоже мало зверя нынче! – поддакивает Володя.

Они начинают совещаться. Решают так. Как только немного заечерееет, мужики перейдут на левый берег Чичке-Карасу и примутся в бинокли высматривать маралов. По крутой горе, что слева и вверх от нас, есть большая поляна, со всех сторон окруженная лесом. Ее, если подняться повыше по противоположному берегу, хорошо оттуда видно. Днем маралы тихо и скрытно стоят или лежат в лесу, где их не увидишь. А вот на рассвете и в сумерках они выходят на горные лесные поляны пастись. В это самое время и надо на них охотиться. Если удастся вечером увидеть хорошего быка с большими трофейными рогами, то дальше наши охотники пойдут наверх. Примутся лесом подкрадываться к нему, чтобы постараться подойти на расстояние уверенного выстрела.

– Там, по *сиверу*, очень хорошие *полдня* есть! – показывает рукой наверх Володя-таежник. *Сиверой* местные жители называют северные, поросшие лесами склоны Алтайских гор. Южные склоны на Алтае, напротив, обычно безлесые, с высокими лугами и травянистыми косогорами.

А *полдня* – так почему-то говорят здесь о лесных полянах по северным склонам, излюбленных пастбищах диких копытных.

– А почему лесные поляны – это у вас *полдня*? – интересуюсь я. Но все лишьжимают плечами.

Так и решаем. Володя-таежник уходит наверх в свою избушку, а мы отдыхаем и дожидаемся сумерек.

Вот наконец и ранний осенний вечер. Тихо, прохладно, шумит в траве Чичке-Карасу. Снова приходит Володя. Он и трое охотников отправляются на другой берег. Я вижу, как они перебрывают мелкую студеную речку и забираются повыше на крутой лесистый склон за ней. Там они ложатся на спины меж лиственниц, у каждого в руках – по биноклю. Люди замирают, вперившись линзами в невидимые мне отсюда *полдня*, находящиеся высоко над моей головой где-то в верхнем лесу. Так длится с полчаса, после чего они возвращаются к костру.

– Три маралихи, два *торбочка* и два быка, но молодых! – подводит итог увиденному словоохотливый Володя-таежник. *Торбочок* или *торбок* – это, по-местному, молодой годовалый бычок марала.

Значит, опять нет трофея, понимаю я.

Между тем погода начинает понемногу портиться: 4 небо затягивают облака, поднимается холодный ветер.

– Ночью будет *падера*, – говорит Николай, оглядев небо. *Падера* – значит непогода, с дождем или снегом.

Что же делать? Опять сидеть в лагере? Опять день впустую?

Сергей К., Николай и Сергей коротко совещаются и решают все же пойти на вечернюю охоту. А вдруг им повезет и в сумерках выйдет пастись на богатые травы того самого верхнего *полдня* большой бык с огромными ветвистыми рогами? Места-то какие подходящие для этого!

– Поехали со мной на охоту? – вдруг предлагает мне Володя-таежник.

– Куда?

– Да вон туда! – машет Володя куда то дальше и вверх по Чичке-Карасу.

– Конечно, поехали! – Я радуюсь, что не придется сидеть одному в лагере.

Седлаем коней и скоро разъезжаемся в разные стороны, едем налегке. Сергей К., Николай и Сергей круто берут вверх по склону прямо от нашей поляны. Мы же вдвоем с Володей едем в самый дальний край поляны, где поворачиваем влево вдоль крохотного ручья. Там мы попадаем в узкое, уходящее вверх ущелье.

Здесь в густой лесной чаще спряталась Володина таежная избушка. Она маленькая и аккуратная. Видно, что хозяин постоянно живет в ней и тщательно следит за домом. Крепкий сруб, невысокий потолок, двускатная крыша, плотно крытая тесом, внутри кирпичная печка и застеленные одеялами нары, окна исправно застеклены. Избушка стоит скрытно в густом лесу, с основной тропы по Чичке-Карасу ее не увидишь. Володя заходит в избушку и берет с гвоздя в стене свой карабин. Он на минуту зажигает керосинку, стоящую на подоконнике, и я, сидя в своем седле, вижу с тропы теплый желтый свет в окошке. Такой мирный и уютный в прохладных и синих таежных сумерках.

Быстро смеркается, и нам надо спешить.

Едем едва заметной тропой круто вверх по ущелью.

– Это *наши места* – нашей семьи. Мой батя построил эту стоянку, он каждое лето и каждую осень жил здесь, пас скот, охотился, – рассказывает по ходу подъема Володя-таежник. – А теперь вот я тут живу – все лето и всю осень. Всем известно, что это наша долина, нашей семьи.

Вдруг справа мы слышим чей-то громкий плач. Как будто плачет в глубине леса женщина или больной ребенок. Едем туда и видим косулю, которая рвется на длинной тонкой веревке. Ее задняя нога намертво закушена железным капканом. Косуля бьется, ей нестерпимо больно и страшно. Володя сходит с коня и идет к ней. Косуля, видя его, принимается метаться по горе еще иступленнее. Она рвется на веревке, больно стучаясь о землю, о стволы деревьев, падая и вскакивая. Олениха громко кричит и плачет от боли и отчаяния. Косулина тонкая изящная нога ближе к копыту давно сломана, перебита металлом. И теперь железная челюсть капкана держит и тянет не кость, а кровоточащую кожу с короткой шерсткой и растянувшиеся жилы. Низ лапы с узким копытцем болтается на коже в такт рывкам несчастной *козы*. *Коза* – так местные называют косулю.

Володя подходит к ополоумевшей от боли и страха *козе* и прижимает ее коленом к земле. Другой ногой он вдавливают пружину капкана. Железные челюсти разжимаются, сломанная лапа падает на хвою, косуля затихает. Она только постанывает и быстро дышит под тяжелым Володиным коленом.

– Твой капкан? – спрашиваю я. Вся эта сцена производит на меня ужасное впечатление. Неприятно видеть какие мучения переживает сейчас эта несчастная косуля.

– Мой, – признается Володя и внимательно смотрит на мою реакцию. Мои эмоции ему ясны. Володе очень неловко, что я стал свидетелем его браконьерства.

– Тропа тут у них. Вот я и ставлю капканы – иногда попадаются, – как бы оправдывается передо мной Володя, – домой ставлю, на мясо!

– Что будем делать? Отпустим? – спрашивает он.

Я молча киваю.

Он встает. Косуля вскакивает и убегает – хромая, на трех лапах. Четвертая лапа поджата к теплему брюшку, ее сломанный конец болтается на изжеванной капканом коже. Косуля скрывается в лесу, нелепо качаясь при каждом прыжке.

– Она выживет?

– Выживет! Может выжить! – подбадривает меня Володя-таежник.

«Ни черта она не выживет», – думаю я про себя, и на душе у меня становится еще тошнее.

Маралья полянка и севший на голову рой

Мы с Володей-таежником все выше карабкаемся по ущелью, петляя меж деревьями. Подъем становится заметно круче. Свет небес медленно гаснет, холодает. Кони карабкаются по травянистому склону и тяжело дышат. Поднявшись совсем высоко, мы привязываем их к деревьям и дальше поднимаемся пешком.

– Сейчас иди тихо! – шепчет мне Володя-таежник.

Мы мягко крадемся по жухлой траве, лезем вверх по крутому склону, хватаемся руками за корни деревьев.

Вскоре перед нами открывается маленькая лесная полянка с крутым уклоном. Слева от нее лежит большой камень, за который мы и прячемся. Володя приготавливает свой старый карабин, с вытертым от времени прикладом. Наш камень глубоко врос в землю на левом склоне немного выше поляны. От камня вся поляна видна как на ладони. Она со всех сторон окружена густым лесом. По дну поляны бежит ручеек.

– Вон оттуда они могут выйти! – шепчет Володя, показывая на тесно стоящие деревья на противоположном склоне.

– Кто? – шепчу я.

– Маралы! Будем ждать! Только тихо!

И мы замираем за камнем.

Лежим молча. Холод пробирается внутрь куртки, затекает за воротник. Ноги в ботинках тоже быстро начинают мерзнуть. Мы расположились высоко и нам во все стороны видны гряды гор, убегающих вдаль. Сумерки сгущаются, горы синеют. Мы бесшумно достаем термос и по очереди хлебаем теплый чай из крышки. Лежим за камнем в самом сердце таежного веера Арыскана, а где-то высоко над нами выше границы леса проходит Ороктойская тропа.

– Во-о-он там сейчас мужики! Там их *полдня*! – шепчет и показывает куда-то рукой Володя. В той стороне видны темносиние ребра горных отрогов, густо покрытые тайгой.

– Если будут стрелять – услышим, – шепчет Володя.

Но пока вокруг холодно и тихо. Поляна пуста.

Меня берет дремота, и тут Володя пихает меня локтем в бок.

– Смотри! – возбужденно шепчет он и показывает куда-то вверх. Я смотрю, но ничего не вижу. – Да вон же, – свистящим шепотом возмущается он, – идут два больших быка!

Два быка? Больших? Черт побери, да неужели!

У меня на груди болтается на шнурке маленькая цейссов-ская трубка, и я принимаюсь разглядывать в нее склон выше нас. И точно – тотчас вижу двух быков.

Метрах в трехстах выше нас, поперек крутого склона с редкими деревьями, в высокой траве медленно идут два больших быка марала – друг за другом, след в след. На фоне темного склона они кажутся нам белыми и огромными. Над их головами качаются ветвистые короны рогов – вне всякого сомнения, ценных и трофейных.

Быки идут очень осторожно, то и дело останавливаясь и озираясь по сторонам. Ни о каком брачном реве и речи быть не может – быки стараются ступать бесшумно. Они не идут, а крадутся.

Вдруг оба они посреди проплешины среди леса замирают и таращатся в нашу сторону, повернувшись к нам своими рогатыми головами.

Что такое? Как они могли нас заметить, лежащих далеко за камнем, замерших и притихших?

Несколько минут мы неподвижно пялимся на них, а они – в нашу сторону. После чего первый бык отворачивается и продолжает медленно идти дальше. За ним неотступно трогается второй.

– Отсюда можно достать их выстрелом? – шепчу я Володе.

– Можно, но тяжело! – прикидывает он расстояние и возможности своего карабина.

– Да мне бык и не нужен, мне *маралуху* на мясо надо – домой, семье, – поясняет он отсутствие интереса к этим быкам.

Через пару минут быки пересекают верхнюю поляну и скрываются в лесу.

Мы лежим и ждем еще с полчаса, но поляна так и остается пустой. Быки ушли в глубь тайги, маралухи же так к нам и не вышли. Мы встаем из-за камня и быстро идем вниз, где нас ждут кони. По дороге Володя показывает мне место, где у него стоит прикопанный и замаскированный кедровыми лапами медвежий капкан с приманкой – большим куском тухлого мяса. Через несколько минут мы уже сидим в седлах и едем вниз.

– А вот тут я волка убил, – показывает мне на ходу уже сильно ниже по тропе Володя.

В этом месте тропа бежит вдоль ручья, деревья немного расступаются, образуя в лесу длинный, вытянутый книзу узкий просвет.

– Зимой дело было, днем. Еду я спокойно снизу от избушки один. Солнце, мороз, тихо и спокойно все. Карабин сзади за спиной болтается. Вдруг вижу – летит мне прямо навстречу косуля, вся перепуганная. И прямо-прямо ко мне бежит – представляешь? Сама ко мне лезет. Я остановился – ничего не понимаю! Дальше смотрю, а за ней, оказывается, волк гонится. Здоровый, матерый кобелина. Почти догнал ее уже! Вот она и кинулась ко мне от него спастись – такое часто бывает, что от звери волков к людям бегут.

Мы с Володей остановились, я смотрю на узкий просвет в лесу и стараюсь представить себе эту картину. Как, удивленный, сидит в седле Володя, как торчит за его спиной вороненый ствол карабина, как спряталась за его конем дрожащая от страха косуля, как летит к ним сверху огромный матерый волк с разинутой пастью, как идет из его разинутой пасти пар, как торчит у него лохматый хвост, как скачут по земле сильные лапы.

– Ну, вот, значит, летит он прямо на меня на полном ходу! – продолжает свой рассказ Володя. – Волк увидел меня и ажно через голову полетел кувырком – так резко дал стоп передними лапами. А куда ему деваться? Он же разогнался вниз под гору, да еще по снегу. Вот и катится прямо ко мне. Конь мой тоже страшно напугался, дергается, пятится, морду воротит, а я держу его, тяну уздечку левой рукой, а сам правой карабин побыстрее с плеча стягиваю. Волк понял, что, похоже, конец ему пришел. Остановился, развернулся, собрался убежать от меня обратно вверх. Но я-то карабин уже сдернул и сразу застрелил его! Расстояние-то было – вот! – Володя показывает, где это было, – метров десять от меня всего!

– А косуля что? – спрашиваю я.

– Ушла себе спокойно! – Володя широко улыбается. Видно, как приятно ему вспоминать это счастливое спасение косули, эту смелую и расторопную ликвидацию свирепого волка.

– Много тут волков?

– Много!

К ночи в полной темноте мы возвращаемся в лагерь, где уже сидят у костра наши охотники. Увы, опять у них ничего не вышло! Они поднялись к верхней поляне лесом, долго лежали там и ждали, но никого, кроме маралух, торбочков и молодых быков (двухлетних *саеков*), так и не дождались.

Мы рассказываем им про двух больших быков, которых видели наверху. По итогам короткого обсуждения у костра наши охотники решают, что найти их все равно не удастся.

– Нынче зверь так напуган, что боится даже трубить, боится свой голос подать. Да что трубить – он из леса-то боится показаться, боится наружу нос высунуть! – сокрушается Сергей.

У ночного костра говорливый Володя-таежник рассказывает разные смешные истории из своей жизни.

Работал он как-то на молокозаводе в Катанде то ли замдиректора, то ли главным инженером.

– И вот, представьте, среди бела дня вырубается свет. На всем заводе! А у нас производство, молоко, творог, сыр, холодильники! Короче, караул, пропадет ведь без света скоро все – так ведь еще и лето было, жара. Я в тот день за директора был, кинулся искать электрика – нету его. Звоним ему, ищем – все бесполезно. То ли заболел электрик, то ли уехал куда. Что мне делать? Я побежал к столбу у проходной – там у нас высоковольтная линия проходит на десять тысяч вольт. От нее провода брошены на трансформатор на 380 вольт, а от него уже разводка идет на завод, на оборудование, в цеха.

Николай и Сергей курят у костра, они знают эту историю и заранее с удовольствием смеются.

– Ну вот, подбегаю я, короче, к этому трансформатору, а там тишина внутри – не работает, значит, отключился. И тут дернул меня черт – полез я внутрь посмотреть, что к чему, хотя сам ни разу не электрик. Снял замок, открыл дверцы, подошел поближе, чтобы посмотреть, – и тут меня *притянуло!* Притянуло, значит, меня к шинам как магнитом и как долбанет! Короче, дуга через меня электрическая пошла – в десять тысяч вольт! И шла через меня, пока мужики меня не вытащили.

– Как же ты живой остался?! – поражаемся мы.

– Так кто его знает! – довольно смеется Володя. – Видите? – Он разевает свой широкий рот с редкими желтыми клыками. – У меня после того случая почти все зубы повываывали. И волосы тоже, – добавляет он, стягивая с головы свою драную шапку. И верно, из его бугристого черепа торчат нелепые, как болотные кочки, редкие пряди жидких волос.

– Расскажи еще про столб! – смеется Николай.

– Да, было дело. Лежу я, значит, на шинах, по мне дуга идет – десять тысяч вольт. Боль во мне страшная, все горит внутри, сознание сразу потерял. И короче, вижу я в своем обмороке, что я будто бы медленно отлетаю от своего тела и поднимаюсь в воздух прямо над трансформатором. И вижу как в кино самого себя, свое тело сверху. Летаю и вижу, что глаза у меня там внизу закатились наверх, как у припадного. И руки вот так вот раскорячены! – Володя разводит руки в сторону, как распятый, и нелепо закатывает глаза наверх под веки.

– Это у него душа от электродуги отлетела, – объясняет, стряхивая пепел с сигареты, Сергей.

– И еще вижу, что от моего тела там внизу яркий белый столб идет вертикально вверх. Прямо из груди, из моей рубашки.

– Что за столб?

– Так я откуда знаю. Белый столб. Светящийся!

Все молчат. Только трещит костер. По Володиному лицу ходят оранжевые и синие тени.

– Ну вот, значит. А потом меня мужики с шин сняли, в больницу отвезли, там врачи откачали...

– Расскажи еще про домино! – просит Николай, улыбаясь в предвкушении другой Володиной истории.

– Было такое дело! – охотно начинает Володя. – Есть у нас в районе маральник один – на Верхней Катанде. Друг мне привез оттуда в стеклянной бутылке свежую настойку на пантах, на маральей крови. Для здоровья моего. Я ее, короче, дома где-то поставил и забыл про нее, заразу! А она, собака, видать постояла и испортилась на жаре. Короче, я ее уже потом нашел, месяца два как прошло. Ну и решил выпить – для укрепления сил. Да и не пропадать же добру! Открыл, понюхал – ну воняет, конечно, гнилью немножко. Но вроде бы воняет не очень сильно. Да ладно, думаю. Что мне будет от нее. Мы же привычные! Налил полный стакан и выпил. А она густая, красная, теплая и тухлятиной слегка отдает. Выпил я, значит, ну и хожу дальше,

дела всякие по дому-огороду делаю. Мутит меня, конечно, от лекарства, но не то чтобы сильно. Главное, думаю, для здоровья штука полезная!

Мужики смеются, сам Володя тоже щурит глаза и хохочет.

– Короче, лег я в тот день спать пораньше – находился по огороду и по дому и всю дорогу меня мучило, качало, шатало. Вот когда сильный грипп, такое же состояние бывает. Температура, наверно, поднялась у меня тогда. Я еще думал – забористая какая настойка попалась, зараза!

Лег в кровать, лежу, ворочаюсь и, по правде, совсем мне худо. Тошнит, мутит, озноб, трясет всего, лежу мокрый, ладони холодные, чувствую, что хуже уже некуда, натурально помираю уже. Ну, не выдержал дальше терпеть и вызвал «скорую». Пока она ехала, совсем бредить начал и вырубился. Сознание потерял, весь мокрый от пота метался в койке. Как меня откачивали, как везли в больницу – вообще не помню. Но помню, что опять у меня видения были – в той отключке!

– Опять летал? Белый столб видел?

– Нет! Видел так тогда – стою я где-то как будто над высоким обрывом, а на меня сверху с неба падают пластинки, причем из чистой платины. Как будто костяшки домино они по форме были. Прямоугольные, тонкие, блестят на солнце, слепят мне глаза. Хоть и ночь была тогда.

– Как же ты узнал, что они из платины?

– Не знаю, но *там* точно знал, что из платины. Я, значит, ловлю их руками, хватаю, стараюсь зачем-то, чтобы ни одна не упала мимо. И вдруг начал плести из них цепь. Такую черную, длинную, блестящую цепь из платиновых пластинок. Помню – ловлю и плету, ловлю и плету!

– Так платина же белая!

– Нет, та платина была черная, блестящая. Так я и плел ее, пока не очнулся...

Все опять молчат. Каждый из нас о чем-то задумался. Вокруг ночь, тишина, ветер стих, сильно похолодало. Костер почти затух. Недалеко, едва виден в ночи, маячит чей-то конь. Он уже наелся травы и стоит неподвижно, дремлет.

– А вот еще был случай со мной, – вдруг подает голос Володя-таежник. Мы вздрагиваем и ждем продолжения. – Поехал я на пасеку к соседу. Взял по дороге в магазине пива. Немного взял, не думайте, всего несколько бутылок. самого обычного – дешевого, кажется, барнаульского. Жарко было, помню, пиво теплое было – с магазинной полки. Приехал, сидим мы с соседом, разговариваем, пиво пьем. Сосед куда-то отошел ненадолго, а я пошел пройтись немного. Вдруг слышу сзади гул какой-то. обернулся, а у меня за спиной здоровенный пчелиный рой летит! И прямо ко мне! Мама дорогая! Гудит, шевелится, вокруг него пчелы вихрем крутятся. А я с детства пчел боюсь до смерти! Покусили меня как-то раз сильно еще в школе, вот и боюсь с тех самых пор. Я кинулся бежать от роя, а толку-то. Поди попробуй убеги от них! Короче, этот рой мне прямо на голову сел! Как начали они меня кусать! В глаза лезут, в рот ползут, жалят везде, за ушами кусают, голова моя как в огне – горит вся! Ну, думаю, на этот раз точно мне конец пришел!

Мы изумленно глядим на Володю. Да как это его опять угораздило? То десять тысяч вольт, то гнилая настойка с домино из платины, то вот целый пчелиный рой уселся на его голове!

– Ну, одним словом сказать, закусали они меня до полусмерти махом! Не успел даже опомниться. Пока сосед подбежал и отогнал их, я уже на земле валялся, никакой. Его и самого покусили, заразы. Ну, дальше-то, пока он меня в село вез на мотоцикле в больницу, я уже в полной отключке был. Упал, лежу в коляске, сознания нет, еле дышу. А до того блевал еще сильно. Опять озноб у меня был, снова трясло всего...

– И что, опять видения у тебя были какие?

– Нет. В тот раз не было. Ничего не помню. Только шибко плохо мне было. Чуть опять не помер... Врачи потом только рассказывали. Как привез меня сосед, они и спрашивают его – что, мол, опять случилось с Володькой? Тот и говорит – пчелы его сильно покусали, рой на голову сел. Те смотрят, а понять ничего не могут. Башка у меня вся распухла, раздулась, красная, глаза заплыли, губы тоже толстые, распухшие от укусов. А вся рубашка и штаны у меня в блевотине и моче, мокрые, воняют. А сам я без сознания и лежу перед ними мокрый, холодный, трясет меня всего. Врачи наши понять не могут, что к чему. Понимаете? Не сходится у них по симптомам ничего!

– А что именно не сходится-то? И что дальше-то?

– Во-о-от! А потом выяснилось, что блевал-то я не от пчел вовсе! И что вырубился я не от роя!

– А от чего же?

– От пива!!! – хохочет Володя, и так же заливаются вслед ему Сергей и Николай, знающие эту историю наизусть. – От пива!!! Пивом я отравился в тот раз! Пиво теплое было, видать, тоже скисло или еще что – вот я и траванулся им! Еле откачали! – хохочет Володя-таежник, хохочет Николай, хохочет Сергей, заливается смехом Иван, хохочем и мы, я и Сергей К. Как тут не хохотать – все думали, что Володю пчелы так покусали, а он пивом отравился! Смешно ведь!

Расходимся наконец спать. Я и Сергей К. уходим в свои палатки, Сергей, Николай и Иван забираются в свою нору под кедром. Перед тем как залезть в палатку, я вижу в темноте удаляющуюся сутулую спину Володи-таежника. Он медленно бредет в ночь к своей таежной избушке.

Пустая тайга

Все наши попытки добыть трофей, все наши настойчивые блуждания по обширной тайге Арыскана терпят полное фиаско. Вокруг – пустота! Все, что мы видели, это несколько запуганных козорогов. Один приبلудный марал под ночным обрывом. Два молчаливых, крадущихся по склону быка. Несколько маралух и молодых бычков – вот и все, что мы отыскивали за почти неделю упорных поисков.

С каждым днем мы замечаем все больше примет глубокого запустения местной природы.

Звериные тропы на лесных полянах хорошо видны, но все они давно заросли травой – никто по ним не ходит. Сама трава стоит нетронутая животными. Встретившиеся нам однажды охотники ехали злые, с пустыми руками. Вспоминаю косулю, что билась в Володином капкане, – сколько еще таких воровских капканов расставлено на местных лесных тропках. Сколько разбросано скрытых стальных петель, в которые попадает и гибнет местное зверье. Сколько прилетает вертолетов, которые каждый божий день вертятся над головой. По всем окрестным горам вечером и утром стоит мертвая тишина. Хотя вся тайга должна в этот сезон звенеть от рева быков, от треска их сшибающихся рогов.

– Как будто здесь нейтронная бомба взорвалась! – роняет в сердцах мой друг и охотник Сергей К. – Лес стоит, трава растет, а все живое погибло!

Картина и правда удивительная. На десятки километров вокруг нас растет густая, богатая тайга, текут чистые ручьи и речки. По большим лесным полянам стеной стоит высокая сочная трава, достающая до лошадиного брюха. И – ни-ко-го! Эти горы могут легко прокормить тысячи маралов и козорогов, однако же вокруг нас никого нет. Беззвучная таежная пустыня на многие километры вокруг.

Мы догадываемся, почему так получается. Все местное население по осени отправляется в лес добывать мясо своим семьям. Рядом с ними гоняются за зверем трофейные охотники, купившие дорогие лицензии. Начальство и военные хлещут зверя с вертолетов. По всем тропам раскиданы браконьерские капканы и петли. Государственных егерьей сократили, с браконьерством никто не борется, контроля над охотой нет никакого. Местное население выбивает самок на мясо, трофейные охотники и начальство лупят крупных самцов ради больших рогов. Животная мелочь гибнет в капканах и петлях. Раненых и недобитых, вовремя не вынутых из капканов и петель, сжирают волки. Так вот и запустела горная тайга. Заросли высокой травой маральи тропы. Та немногая живность, что еще уцелела, круглые сутки стоит и прячется в лесу. Быки боятся подать голос, козороги страшатся выйти из расщелин, чтобы попастьись. Если не навести здесь хотя бы элементарный порядок, толку не будет никакого, так и будет стоять тайга пустая, молчаливая, брошенная.

Надо бы разумно ограничить заготовки местных жителей, поощрять охоту на волков, полностью запретить полеты вертолетов в сезон охоты, регулярно чистить тропы от петель и капканов. Еще лучше – запретить года на три-четыре охоту вообще. Тогда живность быстро восстановится – места ведь здесь щедрые, богатые кормами.

А мы возвращаемся с пустыми руками. Утром к костру сверху приходит Володя – попрощаться. Он, как обычно, весел и полон жизни.

– Как же ты тут один все время, в тайге-то? – спрашиваю я его напоследок.

– Да мне тут хорошо. Привык я. Когда долго сижу дома в деревне – тянет сюда. Не могу долго в деревне жить – надо мне в лес, в горы ехать.

– Это точно! – кивает головой Николай.

– Мы когда неделю-другую сидим в деревне, психовать начинаем, в тайгу нам надо, – прибавляет Сергей.

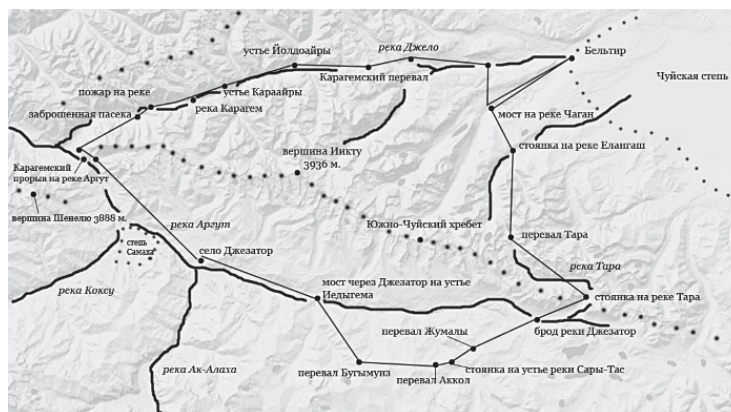
Мы пускаемся в обратный путь. Спускаемся по Чичке-Кара-су к Арыскану, потом поднимаемся правым притоком Арыскана на Ороктойскую тропу на перевал, а по ней спускаемся прежним путем к Аккему. Перебредаем спавший Аккем у начала перевала Кузуяк и дальше за час поднимаемся на его пологую вершину. Так мы минуем необходимость снова переплывать Катунь. За вершиной Кузуяка нас ждет крутой спуск к Катунь и к селу Кучерла, где уже ждет машина. Николай и Сергей садятся с нами в машину, а Иван связывает лошадей веревками, выстраивая из них небольшой караван. После чего пускается на головном коне галопом в сторону родной Катанды, чтобы уже к вечеру быть дома. За ним в связке скачут остальные лошади, они тоже хотят побыстрее попасть домой. Иванова спина скрывается в поднятой их копытами пыли.

Жизнь высоко в горах

(Джазатор, река Джазатор, перевал Жумалы, река Тара, перевал на Елангаи, плато Янкуль, реки Чаган и Талдура, село Бельтир, Карагемский перевал, ущелье и семь бродов Карагема, староаргутская дорога)

Весь Алтай – разный.

Есть Алтай степей, Алтай черновой тайги, Алтай березовых и тополиных рощ, Алтай хлебородных полей и душистых трав, Алтай высокогорных болот и тундр, Алтай цветущих альпийских лугов. А есть еще поднебесный Алтай скал, снежников и ледников. Остановишься, оглядишься вокруг и увидишь вблизи и вдалеке многоцветный Алтай. Алтай золотой, Алтай зеленый, Алтай синий, Алтай сиреневый, Алтай бирюзовый, Алтай белый... Порой неспешно поднимаешься в гору и за пару часов последовательно переезжаешь из одного Алтая в другой. Начинаешь свой путь среди берез и теплых полян на берегу тихой речки и дальше въезжаешь в просторный сосновый бор, в ттте которого повстречаешь темные ели и пихты. Над ними встают на пути пушистые кедры, за кедром тянется ледяное высокогорное болото, на топких берегах которого заканчивается последний, уже карликовый, лесок. Болото переходит в тундру и обратно в болото, покуда не исчезнет самая последняя чахлая травка и не останутся на пути одни только зелено-черные лишайи и мхи, крепко прилипшие к голым серым камням. А еще выше откроются сплошные безжизненные каменные осыпи заоблачных *гольцов*. Там властвуют снег и лед, холод и безмолвие.

Путешествие по долинам рек Джазатор и Карагем

Начиная от Бийска и до самой монгольской границы, до далекой пустынной Ташанты, Чуйский тракт медленно набирает высоту. Алтайские горы ловят и вбирают в себя тракт незаметно, ласково, по-кошачьи. Первое касание гор случается в шукшинских Сростках: холм Пикет справа от дороги являет собой начальный негромкий намек на приближение хребтов и пиков, пока что далеких и невидимых.

Второе касание мягкой кошачьей лапы протяженных отрогов происходит у деревни Быстрянка. Здесь с востока дорогу уже поджигают первые скалы, а вдалеке справа появляется скалистая пирамида горы Бабырган. Это первая из священных вершин Алтая, стерегущая парадные входные врата в Золотые горы.

Еще немного вперед, и новая лапа горных отрогов еще сильнее прижимает тракт у деревни Долина Свободы. Бабырган приближается, а справа к дороге впервые вплотную подходит Катунь. Начиная отсюда, Катунь крепко берет тракт за руку и уводит его далеко в глубь

гор, вплоть до моста в селе Усть-Сема, где трасса поворачивает вправо. И продолжается по долине реки Сема, забираясь на Семинский перевал.

За Долиной Свободы начинается Республика Алтай, что отмечено соответствующим знаком и памятником в форме юрты «Алтай – сердце Евразии», установленном в честь 250-летия вхождения алтайских родов в состав Российской империи (то был 1756 год, при жизнелюбивой Елизавете Петровне). За памятником долина Катунь широко распахивается вправо и влево, и прямо – вплоть до большого, вытянутого вдоль реки поселка Майма (от племени *найманы* или *майманы*). У Маймы к тракту подбираются первые настоящие горки.

И так все выше и выше поднимается Чуйский тракт – вдоль Катунь, вдоль Семы, через перевалы Семинский и Чике-Таман, снова вдоль Катунь до поселка Иня (*плечо*) и дальше – вверх по Чуе ее правым берегом вплоть до границы с Монголией. За Чике-Таманом в деревеньке Малый Яломан по дворам стоят красивые сады, растут яблони. В августе яломанские хозяйки выходят на тракт с ведрами, полными спелых сладких яблок. Это последние сады в Алтайских горах – за Малым Яломаном начинается алтайское *высокогорье*.

Долина Джазатора

Жизнь людей в алтайском высокогорье трудная. Условия крайне суровые. Лето короткое, зима долгая и очень холодная. Людям в этих непростых условиях надо выжить самим и не дать погибнуть многочисленному скоту – своему главному богатству и источнику доходов.

В 140 км к западу от райцентра Кош-Агач за широким и пологим перевалом река Тархата у слияния рек Джазатор и Ак-Алаха, образующего реку Аргут, расположено большое село Джазатор (или Беяши, по имени маленькой, протекающей тут же речки). Джазатор – яркий пример в высшей степени достойной жизни людей алтайского высокогорья, один из самых высокогорных населенных пунктов Алтая и всей России. Высота, на которой выстроено село, около 1625 м над уровнем моря. Это почти на сто метров выше знаменитого швейцарского высокогорного лыжного курорта Давос. Две трети жителей села казахи, треть – алтайцы-теленгиты. В селе около 400 дворов и около 1800 жителей.

Даже летом, в июле и тем более в августе, по ночам здесь случаются заморозки. Днем может держаться жаркая солнечная погода, но как только солнце садится за горы, температура резко падает и становится холодно. Поэтому и летом джазаторцы нередко топят на ночь печки в домах. Как-то раз летом я заночевал на улице под крышей деревянной веранды прямо на ее дощатом полу, забравшись в теплый спальник. Среди ночи проснулся от страшного холода, заливавшегося через открытые плечи внутрь спального мешка. Все небо было усыпано звездами, стояла абсолютная тишина, воздух был неподвижен, изо рта шел пар. В начале августа ночная температура упала до минус 3–5 градусов. И это обычное дело.

Летом средняя температура дня 17–20 градусов тепла, а вот зимой *средняя* дневная температура составляет минус 25–29 градусов. Нередко она целыми неделями держится на отметке 45–50 градусов мороза. Лето совсем короткое – только три месяца. Зима же, наоборот, очень долгая – с октября по апрель, или семь месяцев.

Газа в Джазаторе нет, уголь возить далеко и дорого, электричества мало и оно тоже дорогое. Поэтому все 400 дворов и все общественные здания (школа, сельсовет, пограничная застава, спортзал, 20 магазинов и пр.) отапливаются почти исключительно дровами. На один дом на зиму необходимо заготовить не меньше 3–4 больших самосвалов, а еще нужно напилить и нарубить готовые к растопке дрова из огромных лиственниц. Лёса по окрестным горам растет великое множество, но далеко не везде его можно рубить и далеко не до всего леса можно добраться на машинах, чтобы его вывезти. У самого села и вдоль дороги лес берегут – рубить нельзя. Делянки для заготовки дров джазаторцами каждый год выделяются все дальше и выше. Последние годы активно выпиливается горельник, который чернеет ниже по Аргуту по его левому берегу, прямо перед входом в Карагемский прорыв.

От Джазатора до верхней границы леса, которая находится по дороге из Джазатора на перевал в сторону Кош-Агача, чуть выше моста через левый приток Тару, полсотни километров. И на всем этом пути по правому и левому склонам обширной речной долины растет богатый хвойный лес. Дальше от перевала и до самого Кош-Агача почти на сто километров тянется каменистая пустыня. Нет леса и во всей огромной Чуйской степи. Поэтому не только Джазатор, но и весь Кош-Агач, Тархата и другие села Чуйской степи запасаются дровами на зиму именно здесь, в лесистой долине Джазатора (и еще немного – в лесах Курая). Осенью по дороге Джазатор – Кош-Агач один за другим режут на подъемах огромные длинные грузовики, тяжело, с горбом нагруженные лесом. Лес распиливают бензопилами тут же на месте рубки на одинаковые чурки и после плотно укладывают эти чурки в кузова грузовиков, перетягивая прочными тросами и брезентовыми лентами. Как тщательно их ни крепят, некоторые обрубки вылетают наружу на кочках и украшают собой дорогу на всем ее протяжении. Леса, чтобы протопить холодной долгой зимой Кош-Агач с его девятью тысячами жителей и Джазатор с почти двумя

тысячами, а еще и другие села высокогорья, требуется много. Каждый год приходится вырубать целый небольшой лесок. Местные жители переживают, что тайга все заметнее сводится вырубками – как скоро природа высокогорья сумеет восстановить потерянное? Ведь лиственница растет очень медленно и начинает цвести только через 30–35 лет. Но пока что замены дровам, как топливу, нет.

Долина реки Джазатор до его слияния с Ак-Алахой и ниже до самого устья Аргута – вся обитаемый мир, микрокосмос местных жителей. Здесь располагается основа самого их существования на протяжении уже более полутора веков. В высокогорье все знают, где заканчиваются земли одного села и начинаются владения другого. Огромные владения джазаторцев, включающие плато Укок, долины рек Джазатор, Ак-Алаха, Кара-Алаха, Аргут, Кокса, Юнгур и большую часть Карагема, заканчиваются на перевале, где берет начало и течет на восток Тархата, а на запад – Джазатор. Первая же от перевала на восток стоянка, у озера, тархатинская. Первая на запад, у поворота дороги, уже джазаторская. Водоразделы, как естественные природные границы, обычно и делят территории хозяйствования высокогорных сел.

Долина реки Джазатор, что вверх по течению, что вниз, давно и прочно обжита. Для того чтобы убедиться в этом, лучше всего проехать всю ее верхом на коне.

Мы так и сделали, выехав одним летним днем из Джазатора прямо по автомобильной дороге вверх по речной долине. Нас было пятеро, плюс два проводника и восемь коней, считая одного грузового. И еще собака Тайгын, которую все называли Тайга, хотя это был крупный и мохнатый кобель.

Выехать мы должны были с утра пораньше, но задержались на несколько часов. И тронулись в путь по самой жаре только после обеда. Причину неожиданной задержки озабоченно разъяснил наш неизменный джазаторский хозяин Альберт К.:

– Второй проводник заболел вчера. Приступ у него был – эпилепсия, «скорую» вызывали. Завтра в Горно-Алтайск повезут, в республиканскую больницу.

– Эпилепсия? Как же это? А ты не знал?

– Нет, не знал, – сокрушается Альберт. Он сильно обеспокоен.

На базе у Альберта круглые сутки идет дым коромыслом. Машины, люди, собаки, лошади, горы вещей. Суeta страшная. Группы туристов прибывают и уходят одна за другой. У коновязи толпятся, напирая друг на друга, лошади. Сидят кружком и курят сигаретки местные мужички-проводники. Группы уходят-приходят на Укок и с Укока, на Аргут и с Аргута, в Тюнгур и из Тюнгюра, на Иедыгем и с Иедыгема. Карусель и круговерть. И всем этим бедламом умело руководит Альберт. Только он знает, когда придет или уйдет очередная группа, сколько кому необходимо найти и подобрать коней и проводников, какой у какой группы маршрут и на сколько дней. В руках у него блокнот и ручка, он все время что-то уточняет и записывает. Его телефон непрерывно трезвонит. Хлопают двери домов, открываются и закрываются ворота, приезжают и уезжают машины. В августе в Джазаторе в разгаре сенокос, дельных мужиков ни на что не хватает – ни на покос, ни на туристов. Рабочие лошади в селе тоже все наперечет. Сорвешь мужика с покоса туристов вести, а кто вместо него сено на зиму заготавливать будет? А то и так попадает мужик, что пришел уставший вечером с одной группой, а наутро уже ждет другая. А здесь еще и эпилепсия! Поди-ка найди теперь срочную замену, когда туристы уже собраны и лошади заседланы. А время-то идет.

Альберт стоит в сторонке и делает один звонок за другим. Мы привалились в теньке к стене дома спинами и терпеливо ждем. Что нам еще остается делать? Мы встали ни свет ни заря, и у нас давно все готово к погрузке и отправлению. Нам не терпится поскорее выехать на маршрут. Большая группа томичей, взглянув на нас с интересом (чего это они тут торчат?), давно уже выехала на Укок, а мы все еще паримся в Джазаторе...

Второй проводник алтаец Петр тоже давно с нами. Мы сердечно обнялись.

– Помните, как мы на Юнгур вместе ходили? – спрашивает он меня и Сергея.

– Конечно, помним! Такое разве забудешь! А как поживает второй, что с нами ходил тогда, Кошон?

– Да все у него нормально! Тоже сейчас в походе с гостями.

Туристы стали за последние годы важной статьёй джазаторской экономики. Их прибывает с каждым годом все больше. Этому поспособствовало улучшение дороги из Кош-Агача, а также широкое распространение сведений о красотах и чудесах Джазатора и его окрестностей. Слава волшебного плато Укок разбежалась по миру, привлекая сюда путешественников со всего света. Немало по осени приезжает за большими трофеями-рогами и охотников на марала и сибирского козерога.

Водить по горам туристов – дело выгодное. С них берется поденная оплата за аренду коней, которую получают их хозяева. Установлена также такса на услуги проводников тоже посуточная и тоже приличная. Добраться от Кош-Агача до Джазатора на местном уазике-«буханке» опять-таки стоит хороших денег. Переночевать у Альберта на базе плюс баня, веники, ужин и завтрак – снова живой доход. Туристы платят за все реальные деньги, Альберт и местные мужички достаточно зарабатывают за лето. Словом, всем выгодно и всем хорошо.

Для джазаторцев ездить в долгие походы с туристами или на охоту с трофейными охотниками куда интереснее, чем целыми днями потеть и размахивать косой на покосе. Или сгребать сено в копны и ставить стога, пасти коз и коров. Да еще и денежка немалая капает за это. Вот охотно и соглашаются джазаторские мужички, когда им вдруг звонит Альберт и спрашивает: «Срочно надо выезжать с группой на Карагем – поедешь?» Мужик берет лошадь, быстро собирает вещи и спешит к группе. А сенокос остается покамест на стариков, женщин и подростков. Ничего сложного – справятся! А мужичок денег для семьи подзаработает.

Так перед нами к обеду возникает Толя – молодой проводник на замену тому, у которого случился припадок падучей. Толя среднего роста, коренастый и крепкий казах. С круглым, как тарелка, лицом и почти без передних зубов. Ему только 24 года, но выглядит он много старше. Одет, как все мужики тут, в сапоги, темные штаны и зеленую куртку. Мы приветствуем Толю:

– Привет! Ты откуда приехал?

– С покоса сорвали! – смеется Толя.

– Атамеському косить-то?!

– Есть! Родня там. Они и скосят.

Теперь с нами оба проводника, старый наш знакомец Петр и молодой Толя. Мы наконец выучимся и выезжаем. Проезжаем весь Джазатор. В деревне жарко и тихо. В небе низко кружат коршуны, выглядывая, что бы стащить. Под заборами в теньке спят собаки. Иногда пропылит улицей машина, и все снова смолкнет. Все село в эти ведрые солнечные дни или на покосе или разъехалось по горам с туристами.

На восточной окраине села, за большой поляной, дорогу перегораживает шлагбаум. Рядом с ним торчит белая будка. Из будки выходят два бойца с «Калашниковыми», судя по их монголоидным лицам, оба из местных. Это пограничники – неподалеку граница с Казахстаном, Китаем и Монголией. Следует обычная процедура проверки паспортов и опрос, куда едем, когда заехали, когда вернемся. Паспорта в Джазатаре проверяют часто. Пограничники могут вылезти из-под моста или выйти из леса, могут неожиданно перекрыть дорогу.

Объехав шлагбаум слева, движемся дальше все время по автомобильной дороге на Кош-Агач. Наша цель на сегодня – недавно построенный скотопрогонный мост через реку Джазатор, близ указателя «18-й километр». Изредка мимо нас проезжают машины. Долина понемногу поднимается. Эти двадцать километров – самые обжитые, и мимо нас неторопливо проплывает повседневная жизнь джазаторцев, обыденность алтайского высокогорья.

Широкие поляны вдоль реки – основное летнее пастбище. Джазатор, или Шасотыр, это и есть «летняя стоянка» по-казахски. Каждые два-три километра мы встречаем летние стоянки с людьми. Деревянный домик из лиственничного сруба, туалет, загон для скота, стоящие рядом

с ними машины – уазик, грузовой ЗиЛ или «Урал». Хлопочут хозяева, бегают детишки, лает собака, бродит по поляне скот – кони, коровы, овцы.

Летние стоянки располагаются вдоль всей долины Джазатора, до самого начала подъема на перевал. Пастухи используют всю без исключения площадь долины для содержания и откорма скота. На протяжении лета животные пасутся *внизу* (хотя высота здесь немалая – от полутора до двух километров) – у Джазатора, в степи Самаха, где тоже много стоянок, по полянам вдоль реки Кокса. Осенью скот собирают в большие стада, табуны и отары. И перегоняют на верхние зимние пастбища на плато Укок и в сухую долину Аргута. То есть туда, где зимой не бывает большого снега и где по этой причине трава всегда доступна скоту. Стоят летние избушки пастухов и по притокам Джазатора и Аргута, таким как Кокса, Тара, Жумалы, Карагем, Иедыгем. В высокогорье слишком мало подходящих пастбищ, чтобы оставлять любое из них простаивать. Каждый клочок земли, поросший травой, используется как пастбище. Стоянки принадлежат большим семьям, служа им из поколения в поколение.

Август – пора сенокоса. Там, где растет самая высокая и сочная трава, ее широкие полосы огораживают высокими заборами из жердей, чтобы не потравил пасущийся рядом скот. Когда приходит пора сенокоса, люди выезжают на свои покосы на несколько дней, а то и больше и живут там в домиках или палатках. Главное для них – дожидаться сухой и устойчивой солнечной погоды. Тогда, как только просохнет утром роса, принимаются косить – весь световой день, с коротким перерывом на обед. В наши дни, когда появились убористые итальянские косилки на экономичном бензиновом движке, можно скосить целое большое поле одному мужику и всего за один день. Раньше же на это уходило три дня, и убирали его вручную косами втроем-вчетвером. Сена необходимо заготовить столько, чтобы хватило на всю долгую зиму тем животным, что остаются с хозяевами в Джазаторе: дойным коровам и рабочим коням. Когда скошенное сено просохнет на поле в *валках*, его собирают вилами в *коты*, из копен в *стога*. Стога или остаются на поле или перевозятся на грузовиках в село, где встают во дворах хозяйских домов.

Заготовка сена в августе и заготовка дров в сентябре – октябре – два жизненно важных цикла, определяющих календарь жителей высокогорья. В этом году лето выдалось сухое и без дождей, трава не выросла, сена будет мало.

– Придется задорого в Алтайском крае сено теперь покупать! – сокрушаются местные хозяева...

Мы продолжаем неторопливо подниматься долиной Джазатора. Мимо проплывают поляны, стоянки, всюду видны хлопоты, идет своя жизнь. В нескольких километрах от села в устье реки Тюнь (*ночь*) была недавно выстроена и запущена мини-ГЭС рукавного типа. Вода бурной Тюни отводится в сторону от русла в трубе и вращает два гидроагрегата. Их мощности хватает на все село. А прежде свет подавали от дизель-генераторов лишь на несколько часов в день. Теперь стало хорошо, говорят джазаторцы. Они принялись активно покупать бытовую технику – телевизоры, холодильники, стиральные машины, ведь надежное электроснабжение есть круглый год.

В долине множество признаков того, что скотоводы жили здесь с самой седой древности. Скот пасется среди огромных курганов, стоянки построены у торчащих из земли древних камней. Этих древних свидетельств множество по обоим берегам Джазатора.

У километрового столба с цифрой 18 мы спускаемся направо к реке. Здесь через Джазатор переброшен большой новый мост на стальных фермах, поверху обложенный прочным деревянным брусом. Мост крепкий и высоко приподнятый над водой на случай сильных паводков. Стальные элементы моста привезли сюда с Укока. Мост соединяет берега Джазатора и выводит прямо к главному скотопрогонному тракту из села на плато Укок – долиной левого притока Джазатора речки Ильдегем. Мы с ходу переезжаем мост и тут же встаем лагерем на большой поляне на левом берегу Джазатора недалеко от воды. Мы проехали чуть более два-

дцати километров не спеша, за три с половиной часа. И набрали совсем немного высоты от села – всего-то метров сорок.

Волки

Много испытаний сопровождают жизнь пастухов алтайского высокогорья. Может на все лето установиться злая засуха и не уродиться трава. Или зимой вдруг выпадет такой глубокий снег, что животным сложно будет докопаться до травы и они начнут слабеть и падать от голода. И тут к ним точно подберется третья напасть – волки.

Волков в окрестностях Джазатора, да и вообще в алтайских высокогорьях пропасть. Ущерб от них огромный. Каждый год хищники вырезают сотни голов домашнего скота. Режут всех подряд: коней, коров, овец, яков.

– Летом, когда у волчиц рождаются щенята, пастухи смотрят и ждут – что будет дальше? Волки или домашний скот после этого резать начинают, или, наоборот, только диких зверей берут – маралов, косуль, лосей, кабанов. Почему? Никто этого не знает. Если на диких животных переходят, пастухи радуются – думают, хорошо, пронесло! А если на домашний скот бросаются – считай что беда!

Петр рассказывает нам про волков вечером у костра на берегу Джазатора, где мы остановились недалеко от моста. Вокруг поляны растет лес, невдалеке за деревьями пасутся наши лошади.

– Волка сразу видать, я часто их встречаю. У волка хвост всегда книзу висит. А у собаки кверху подымается. – Петр рубит ладонью воздух полого и вниз.

– Они большие в этих местах? Как Тайга?

Собака лежит рядом и повернулась к нам, услышав свое имя.

– Бо-о-ольше! Намно-о-ого! Они здоровые здесь!

– А бывало, чтоб на человека нападали?

– Нет, такого у нас не было. Волк человека боится, даже ненавидит. Встретишь его когда, то он аж лютует, дрожит весь от злости. И никогда не смотрит человеку в глаза! Всегда вот так вот глядит...

Петр изображает, как глядит на человека волк. Он немного отворачивается от нас, садится почти что спиной, наклоняется, повертывает голову вниз и вбок, глядя на нас исподлобья, хмуро, не прямо, но боковым зрением.

– У волка взгляд очень страшный, тяжелый. А у человека, видать, еще страшнее! Вот волк и не глядит никогда нам в глаза. Боится встретиться взглядом с человеком-то, выходит что так. Боком, боком так посмотрит исподлобья и убежит в лес.

– А собака?

– А что собака? Собака до смерти волка боится! Куда ей против волка-то. Зачует его, начнет скулить, трястись, к земле прижиматься. А потом вовсе забежит под брюхо лошади, спрячется между ее ног и ноет там. Волк ее враз порвет, если повстречает!

– И здесь, по реке Джазатор, тоже есть волки?

– Как не быть – есть, конечно. Недавно вот опять корову задрали – во-о-он там, чуть ниже по течению.

Петр сидит у костра и ждет, когда в его кружке остынет чай. Его круглое лицо с жидкими усиками и глубокими морщинами у глаз перекашивает гримаса боли.

– Что с тобой такое, Петр?

– Рот у меня болит! – Петр хватает и тягивает далеко вниз нижнюю губу и тычет пальцем, чтобы я посмотрел. Я вижу, что нижняя десна у него вся сочится кровью, как бы гниет изнутри.

– Что это у тебя? Может, цинга?

– Да не знаю я! Очень больно! Горячий чай пить не могу – горит все во рту. Вот *от* там хотят пенсионный возраст поднять до 65 лет, а ведь у нас мужики и до 55 не доживают. Вот

мне например 53, а я больной весь! Доживу вот еще два годика, до 55, и все! – Петр пытается рассмеяться, но только хватает рот ладонью, кривясь от резкой боли. – У нас здесь северный коэффициент действует – мужики на пенсию в 55 выходят, женщины в 50. Вот как *от* там ловко все рассчитали: доживают мужики до 55 – и на кладбище. И пенсию платить не надо!

– Да что ты! Брось! О чем ты думаешь! Мы с тобой еще долго по горам ходить будем! – пытаюсь я утешить Петра.

А сам думаю про то, что давно уже заметил: мужчины высокогорья всегда выглядят намного старше своих лет.

– Толя! Тебе сколько лет? – спрашиваю я Толю, который сидит рядом с Петром и дымит сигаретой.

– А сколько дашь?

– 30? 35?

– Не-а – 24! – смеется веселый Толя. У него уже недостает многих зубов в щербатом рту.

– И давно у тебя рот болит, Петр?

– Да нет. Вот недавно началось. Раньше все нормально было. А сейчас кровища сочится из десен, и все тут. А еще язву у меня в животе нашли, вот что. Недавно приступ был, «скорая» приехала, еле откачали. Неделя лежал под капельницей.

Большинство мужчин алтайского высокогорья много курят. Курят перед тем, как сесть в седло и тронуться в путь. Курят на ходу. Курят, как расседлаются и привяжут по поляне коней. Курят сразу, как проснутся, курят перед сном, курят всякий раз, как попьют чаю. Курят в кратких перерывах тяжелой работы. Пьют же немного и нечасто, по крайней мере те, кто помногу работает. Есть, конечно, и горькие выпивохы, но где ж их нет? Возможно, табак – одна из причин раннего старения жителей высокогорья.

Дождавшись, когда остынет чай, и осторожно отпивая его из кружки, Петр возвращается к рассказу о волках:

– Волк, он о-о-очень страшный! Был у меня случай один. Поставил я петлю в лесу, на тропе. А сам неподалеку охотился. Вдруг слышу – волк воет. Плачет громко так, завывает. Как раз в той стороне, где петля привязана. Сразу подумал – волк, видать, в нее попался. Сел я на коня и поехал посмотреть. А петля уже несколько дней как там стояла. Вот я еду и думаю – давно ли волк в нее угодил? Может, уже несколько дней как в петле сидит? Подъехал я, коня привязал в сторонке и подхожу. Смотрю – точно, волк в петле, большой. За заднюю лапу поймался. Лежит вот так вот, и не шевелится.

Петр показывает, как лежал волк. Лицом вниз, закрыв глаза, уткнувшись в вытянутые вперед лапы.

– И что же ты?

– Ля что? Страшно мне было, вот что! Он лежит, молчит, не шевелится. Даже вроде и не видно, что дышит. Глаза закрытые. Сдох он, что ли? Так я и стою на тропе, а он лежит и не дрогнет. Ну что мне делать, а? Снял я карабин, зарядил, обратно стою и смотрю на него. Лежит гад, не шелохнется! Сделал я, значит, шаг к нему, другой, а он вдруг... как бросится на меня!

– Да что ты?!

– Вот страх был! Он волчара огромный, и вдруг кинулся в мою сторону, внезапно, прыжком! То ли он в петле, то ли нет – мне же наверняка-то не видать, – поди тут разбери! Может, он перегрыз ее уже. Глаза злые, клыки торчат! Ужас!!! – Видно, что Петру даже и вспоминать тошно тот волчий прыжок.

– И что же было?

– Не помню как, но подхватил я карабин и выстрелил ему навстречу, прямо в упор. Сразу и на смерть попал. Он повалился прямо передо мной на тропе и тут же подох. Это я со страху тогда пальнул – не помню даже, как стрелял, как попадал. Помню только, что очень страшно мне было! Вот они какие – эти волки! Выхода у него не было все равно никакого – вот и

кинулся, мог и убить меня, если бы... Я потом уже узнал у мужиков, что вожак это был ихний – всей стаи то есть. Волки оченно уж страшные!

– Альфа-самец был, выходит.

– Да, альфа-самец.

Толя, хоть он и местный, тоже слушает Петра с большим интересом.

– Видели у моего коня на задней ноге как будто бы рана зажившая, старая, большая? – вступает он в разговор о волках.

Действительно, у Толиного мерина на задней левой ноге белая, давно затянувшаяся огромная глубокая рана. Как будто кто-то взял и вырвал из ноги большой кусок мяса, чуть выше коленного сгиба.

– Это волк его покусал! Зарезать не смог, конь отбил. Но покусал сильно! А у волка укус, как бы это... Ну как будто ядовитый, что ли. Если укусит – заразит, отравит насмерть. Вот такие страшные раны потом остаются, как у моего мерина. И болел он долго после этого, я его у ветеринара лечил...

– Так что, выходит, что никакой управы на волков нет, только люди? Может, еще медведь его может приструнить?

Петр отрицательно машет головой:

– Да нет, что медведь? Что он волку может сделать? Правда, видел я один раз вот что. Медведь нашел волчье логово и разорил его. Залез прямо в нору и всех щенят передал там. А тут родители вернулись – ну, то есть волк и волчица. Увидели, как медведь их волчат давит, и бросились на него с двух, значит, сторон. А он от них лапами отмахивается, когтями лупит, рычит. Сел на задницу и сидит отбивается от них. А они его хватают, кусают. Кидаются на него, как ярые! Он в кровище, они в кровище.

– И чем дело кончилось? Кто победил-то?

Петр пожимает плечами:

– А вот этого я не знаю. Дальше не видел. Они ушли от меня выше по горе. Так и дрались всю дорогу, шумели. Кто их там разберет, кто из них победил...

– А вы знаете, какие у *него* зубы и челюсти страшные? – вступается опять Толя.

– ?

– Вот он заскочит в отару, задерет овцу, схватит в зубы, подбросит себе за спину одним махом, как мешок с картошкой, и убежит с ней в лес. А там уж сожрет ее всю – с потрохами. Останутся только рога и копыта!

– Как это?

– А вот так! Волки сжирают что овцу, что лошадь *полностью* – мясо, требуху, шкуру, даже кости. Большие кости конские дробят своими зубищами только так, на раз, даже череп и тот полностью разгрызают и сжирают! Ничего не остается от лошади за пару часов – одни только копыта. Или рожки, если это коза. Никаких больше следов не остается!

Нам натурально жутко.

– Выходит, вот почему говорят, что от кого-то «*остались только рожки да ножки*»?

– Выходит, что так!

Дороги на Укок

Из Джазатора плато Укок, которое расположено к югу за высокими перевалами, не увидеть. До него отсюда ехать и ехать, притом по весьма непростым горным дорогам. Но при этом Джазатор и Укок – одно неразрывное целое. Джазатор и Укок – единый организм, две его нерасторжимые части. Как день и ночь, как свет и тень, как лето и зима, как голова и тело. Без холодного и малолюдного У кока Джазатору не прожить. Укок – главное зимнее пастбище джазаторцев, позволяющее не только сохранить скот долгой лютой зимой, но даже нагулять ему за зимние месяцы добрый вес. Травы Укока вкусны, калорийны, и животные прибавляют тучность на низенькой высохшей травке плато лучше, чем на рослых и сочных травах летних приречных долин.

Сами джазаторцы, если едут на лошади налегке, могут спуститься с Укока в село за один день. Если же подниматься на плато со скотом, то дорога занимает два-три дня. По всему Укоку выстроены деревянные зимние стоянки с горами сложенного рядом кизяка для топки печек. В этих полуслепых и низких избушках всю зиму живут местные пастухи.

Жизнь Джазатора и всего алтайского высокогорья строго циклична. В ее центре – домашний скот, требующий защиты, прокорма и воспроизведения. Ежегодный жизненный цикл сворачивается на двух уровнях – летнем и зимнем, нижнем и верхнем. Летом скот пасется внизу, на летних пастбищах, зимой – наверху, на зимних. Весной скот перегоняют вниз, по осени, еще до того как летние поляны покроет высокий снег, поднимают наверх. Перегоняется скот по древним скотопрогонным дорогам и тропам.

Дороги на Укок – это кровеносные сосуды, связывающие меж собой две неразрывные части джазаторской жизни. Основных дорог из Джазатора на плато Укок шесть. Если брать их по порядку с запада на восток, то это, во-первых, дорога по Кара-Алахе, Чиндагатую и ручью Мукур; во-вторых, по Ак-Алахе; в-третьих, по речке Судобай, через урочище Кара-Булак; в-четвертых, через перевал Бугымуиз; в-пятых, через перевал Аккол; и, в-шестых, по речке Жумалы и перевалу Теплый Ключ. Эти шесть древних дорог позволяют возможно коротко добраться до Укока из любой части протяженной долины реки Джазатор.

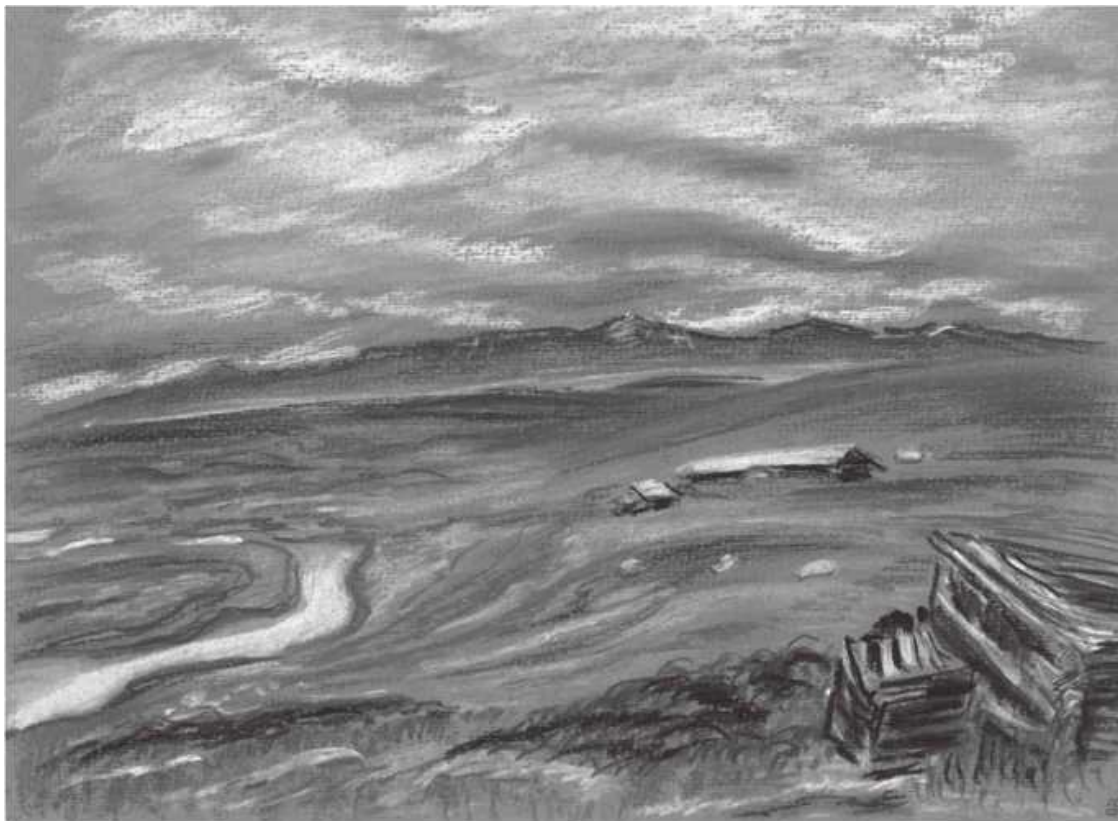
Из шести дорог только две проезжие для автомобилей, притом только для машин с высокой проходимостью. Это самая восточная дорога через перевал Теплый Ключ, она находится ближе всего к Кош-Агачу. Именно по ней на плато поднимаются на свои заставы пограничники, как и основная масса туристов. И вторая – дорога через перевал Бугымуиз, начинающаяся на 18-м км дороги Джазатор – Кош-Агач (на ее нижнем конце мы заночевали). Остальные четыре дороги – конные тропы. Зимой можно подняться на Укок еще и по крепкому льду реки Ак-Алаха, прямо из Джазатора. Так в советское время завозили на плато тракторами строительные материалы и другие тяжелые грузы.

Между глубоко врезынным в горы ущельем Джазатора и высоко расположенным плато Укок поднимается широкий и возвышенный (от 2700 до 3300 м) хребет, по верхам которого раскинулась высокогорная холмистая равнина с тундрой, болотами и озерами, а также дикие урочища Хубодай, Кара-Булак, Шок-партас. От Джазатора до Укока по прямой три десятка километров. Ехать же по горам получается в несколько раз дальше.

Я не раз заезжал на Укок на машине через перевал Теплый Ключ. В другой раз мы поднялись на плато на конях долгой

дорогой, самой западной и дальней из всех, через речку Чиндагатуй и ручей Мукур. И вот теперь настал черед самой рутинной и рабочей дороги джазаторцев – через перевал Бугымуиз. Именно эта дорога чаще всего используется при подъеме и спуске джазаторского скота на Укок и с Укока. По ней можно подняться и машинами и на лошадях. Именно у

ее начала построен новый железный мост через реку Джазатор, переночевав у которого мы садимся в седла и приступаем к подъему в гору.

Стоянка Бертек на плато Укок (В. Рыжков, 2009 г.)

Дорога эта была пробита еще в советские годы для нужд местного колхоза. Ее хорошо видно с трассы Кош-Агач – Джазатор. Видно как дорога белым шрамом прорезает наискосок лесистый склон горы, круто забирая вверх. Она поднимается левым берегом небольшого притока Джазатора – Ильдегема. Это самый короткий путь на Укок – к урочищу Бертек, крупнейшему и наиболее значимому пастбищу на всем плато. В Бертеке люди зимуют сразу на нескольких крупных стоянках. Посреди этой дороги находится перевал Бугымуиз (высотой 2840 м). За перевалом дорога спускается к реке Аккол и еще ниже выходит прямо к верхней Ак-Алахе.

Наш утренний неспешный подъем поначалу крут и идет главным образом лесом. Одноколейная узкая каменистая дорога, с глинистыми потеками, была вырезана колхозным бульдозером в обрывистом склоне горы. Машины могут подниматься здесь только на предельных оборотах, завывая и выпуская клубы вонючего дыма. Заглохнешь – и больше не двинешься с места. По мере набора высоты позади открывается широкий вид на долину Джазатора. Вскоре дорога забирается еще глубже в лес. Впереди среди деревьев показывается широкая болотистая поляна. Земля на ней влажная и топкая. Лошади хлюпают в грязной жиже. По всей болотине глубокие колеи, наглядные следы увязания в болоте избравших эту дорогу смельчаков. Сбоку валяется потерянное кем-то большое колесо, дальше ржавеют отвалившиеся от машин железяки.

– Мы по этой дороге спускались на уазике несколько лет назад. Вот намучились на этих болотах! – вспоминает едущий рядом со мной в лихой ковбойской шляпе Сергей В. – Несколько часов кряду пробивались через грязь, на руках машину выносили из этой проклятой топи.

Болотистый и покатый лесной луг сменяется крутым подъемом, снова лесом. Навстречу нам выезжают два могучих грузовых «Урала», едущие порожняком, мы обмениваемся с водителями приветствиями.

– С У кока?

– С него!

– А мы на Аккол едем.

– Ясно! – И огромные, грохочущие, все в грязи, грузовики уходят вниз, переваливаясь с бока на бок в топучих яминах.

Лес сменяется болотами, болота лесом, и так несколько раз. Ближе к верхней границе леса на одной из таких заболоченных полян мы переезжаем Ильдегем вброд с левого на правый берег. Ильдегем наверху совсем уже небольшой ручей.

– Не гоните вы так, черти! Лошадей поберегите! Нам еще ехать и ехать, а так вы их с ходу в первый же день загоните! – кричит на нас сзади Петр. Собака

Тайга нарезает круги то справа, то слева от нас, вынюхивая следы животных и опрыскивая, задрав заднюю ногу, окрестные кусты.

После двух часов затяжного подъема сразу за бродом долина раздваивается. Ильдегем уходит правее в пологий безлесый цирк, к своему истоку. Мы же берем немного левее, на юго-восток, и продолжаем подъем широкой распаханной долиной. По низу долины бежит ручей, а по бокам растет лес, все более редкий по мере того, как мы забираемся выше. Громко и резко свистят сурки, бегают у дороги суслики. Наш Тайга шалест от всего этого. Он стремглав бросается то за сурком, то за сусликом, но те всякий раз успевают юркнуть в свои норы и оставить собаку в дураках.

Так поднимаемся еще больше часа полого вверх. Становится заметно прохладнее, в спину принимается задуть холодный свежий ветерок. На высоте 2400 м, т. е. на 750 м выше поляны, от которой мы стартовали, долина распаивается в круглую широкую равнину, замкнутую с южной стороны высоким горным цирком с пологими склонами. Там прямо перед нами километрах в трех уже отчетливо виден перевал Бугымуиз с тонкой ниткой взбирающейся на него слева дороги.

Лес окончательно остается позади и ниже. На самом выходе из долины к равнине нас встречает избушка. Она стоит прямо у дороги чуть правее от нее. Мы делаем у домика короткий привал под ярким солнцем, сверкающим в сочном синем небе.

Избушка выстроена из лиственничного сруба, с двускатной крышей, крытой шифером, в одну комнату, с небольшими дощатыми сенями и маленьким окошком, обращенным к югу прямо на перевал. Внутри у нее железная печка, грубый пол из строганой доски, вдоль боковых стен прилажены широкие нары. Чисто, опрятно, свежо. У стены сложен небольшой запас дров. На подоконнике лежат свечи и спички.

– Ее только этой весной построили. Для пастухов. Чтобы могли переночевать тут, переехав перевал или перед подъемом на него, – рассказывает Петр.

– А кто построил?

– Наша администрация – джазаторская. Они же и мост внизу сделали. Молодцы – теперь мужикам есть где переночевать. А вон там, чуть ниже, бьет родник.

– А далеко еще отсюда до Бертека осталось ехать?

– Да, далеко, еще целый день пути. Вот потому здесь и делают ночевку, когда скот перегоняют. День езды от У кока досюда и еще день до Джазатора отсюда получается.

Передохнув и выпив чаю, мы продолжаем подъем. Через полкилометра Петр, едущий впереди, забирает влево, и мы съезжаем с дороги. Дальше едем без тропы. Наша цель – не забываясь на вершину перевала Бугымуиз, проехать по направлению на восток пологими вершинами хребта, разделяющего долину Джазатора и У кок. Мы круто поднимаемся травянистым склоном на полторы сотни метров выше дороги и дальше проезжаем верхами 15 км. Перевалив

тем самым с верховьев Ильдугема, текущего на север, в верховья бегущего на юг Аккола. И дальше по перевалу Аккол попадаем в верховья речки Сары-Тас, притока реки Жумалы.

Мы неспешно едем часа три по холмистой высокогорной тундре, перемежаемой ледяными болотами и каменными осыпями. Далеко внизу слева виднеется вся поросшая лесом долина Джазатора. А за ней вздымается к небу огромная и прекрасная стена Южно-Чуйского хребта. Темно-зеленая таежная внизу, темно-серая каменистая выше и ослепительно-белая, обложенная льдами и снегами по вершинам. Над громадной стеной хребта блещут на солнце три острых ослепительных пика – Иикту, Талдура и Ильяс.

Когда едешь по спине высокогорного хребта, горная страна просматривается по всем направлениям на огромные расстояния. Никакой тропы нет, и мы рассыпались в стороны. Трусим не спеша по низкой тундряной травке. Едем и во все глаза оглядываем окрестные горы.

Средняя высота здесь колеблется от 2600 до 2700 м. Практически все время на всем его протяжении нам виден Южно-Чуйский хребет. Мы еще немного приподнимаемся, оставляем справа от себя голую каменистую горку, и здесь перед нами распахивается к югу справа от нас огромная и широкая долина реки Аккол (*белая вода, озеро*). Внизу и вдалеке у нее золотится степь плато Укок. А над степью возносится в небесную синеву огромный бело-голубой массив горы Табын-Богдо-Ола (или *Пять священных вершин*, 4374 м). По прямой от нас до массива километров сорок. Белая куполообразная гора едва заметно колеблется и дышит в прозрачной массе свежего горного воздуха. Красота!

Но мало того. В какой-то момент незадолго перед перевалом Аккол мы достигаем точки, с которой нам становятся видны сразу все четыре главные вершины Алтая. Далеко-далеко за нашей спиной на западе видна царственная Белуха. До нее отсюда немногим менее ста километров, и гора кажется глазу розовой горошиной. Но в сильные бинокли отсюда хорошо видны обе ее вершины. Рядом с Белухой, заметно ближе к нам и выше, стоит вершина Шенелю (3888 м), величественная белоснежная пирамида. Справа от Шенелю и еще ближе к нам протыкает небо главный пик Южно-Чуйского хребта гора Иикту (3936 м). А с противоположной стороны от них белеет совсем рядом к нам громадный массив Табын-Богдо-Ола, чья главная вершина Найрамдал (*дружба* по-монгольски) поднимается над плато Укок с юга (4374 м). Табын-Богдо-Ола – доминанта и горный узел пограничного хребта Южный Алтай. Белуха – хозяйка Катунского хребта. Иикту – главный аккорд Южно-Чуйских Альп. Катунский, Южно-Чуйский хребты и хребет Южный Алтай – высочайшие хребты всего Алтая: российского, казахского, китайского и монгольского. Так что точка, с которой мы видим все четыре великие вершины, позволяет нам охватить разом все самое величественное и высокое в Алтайских горах.

Продвинувшись еще немного вперед и вверх, мы оказываемся на очередном водоразделе. Вправо вода стекает в Аккол, влево к северу в приток реки Жумалы, речку Сары-Тас. Высота уже достигает 2710 м, мы делаем короткую остановку перед началом крутого спуска. Карта показывает тропу поперек перевала впереди на востоке, километрах в двух от нас. Но мы находимся в пути уже долгие восемь часов, солнце совсем скоро зайдет за горы, и тогда быстро стемнеет. Нам следует поскорее спуститься вниз и еще засветло встать на ночлег. Времени ехать до тропы уже нет, и Петр с Толей решаются ехать по прямой, без дороги.

На высокогорье важно, чтобы ночь не застала тебя в пути и в негодном для привала месте. Как только солнце заходит за хребты, что здесь случается много раньше, чем на равнине, в горах смеркается и стремительно темнеет. Разом же падает и температура, становится очень холодно. Днем может быть жарко, под тридцать, а после захода солнца воздух моментально студенеет почти до нуля или вовсе уходит в минус даже в июне и июле. Резкие перепады температур в десятки градусов – еще одна особенность высокогорья. Для ночевки требуются поляны с травой для лошадей, вода, топливо для костра. Всего этого нет на вершинах перевалов, для этого необходимо засветло успеть спуститься пониже.

Граница дня и сумерек совсем близко. Мы спешим. И летим вниз крутым каменистым склоном. Тропы нет, или она едва намечена. А может, едва заметная тропа и вовсе звериная – маралья или козерожья. Склон очень крут, и правый бок лошади почти прижимается к горе, шоркая меня коленом и боковиной ботинка о сухую осыпчатую породу. Кони поминутно оступаются, едва не улетаая вместе с нами в пропасть. Мы решительно и с каждым шагом съедаем высоту. За затяжной и крутой осыпью упираемся в новое препятствие, еще более опасное, – крупный и крутой курум. Представьте себе очень крутой горный склон, состоящий сплошь из огромных, с ломаными краями глыб. Этот склон выглядит как непроходимый обрыв. Лошади испуганно останавливаются, упираются, боясь залезать в этот каменный лабиринт, где они могут переломать себе все ноги и погибнуть. Теперь впереди нас едет Толя. Он торопится и рычит:

– Спешиваемся!

Толя спрыгивает с коня и рвет его за собой прямо в средоточье скал. У нас голова идет кругом. Мы сгрудились на почти отвесном горном склоне. Выше нас отвесные осыпи, ниже – циклопические завалы из камней. Толя лупит своего мерина веревкой по морде, тот рвется в стороны, но все же отчаянно вступает в мрачный скальный лабиринт. Его ноги проваливаются в черные дыры меж валунами и он отчаянно выдергивает их на свет. По короткой шерсти его сильно посеченных ног сочится ручейками алая кровь. Я тащу вслед ему своего несчастного коня. Он скользит по камням, железные подковы скрежещут, оставляя кривые белые линии на поверхности гранита. В выпученных глазах моего мерина застыл ужас, он вышагивает по возможности аккуратно, но все равно то и дело спотыкается, проваливается в дыры меж камнями и весь дрожит. Скоро и по его избитым ногам ниже колен густо струится кровь. Часть из нас не может затащить в камни своих лошадей, как ни дергают их и как ни висят на веревках. Далеко внизу злой и вспотевший Толя уже переволок своего мерина через скалы и теперь прыгает наверх за остальными лошадьми, матерясь и размахивая руками. Он протаскивает их одну за другой вниз сквозь каменные нагромождения. Кони заваливаются боками на острые скалы, хрипят, оступаются, падают на колени, нам становится страшно за них. Как они вообще могут уцелеть в таком аду? За скачущим по хаотически наваленным глыбам Толей, за прыгающими вслед за ним лошадьми тащатся люди, оступаясь и ежесекундно хватаясь за выступы скал руками, чтобы не свалиться самим. Все измучены, все в ужасе от испытания, выпавшего лошадям. Весь этот кошмар продолжается не менее получаса. Ноги у всех коней окровавлены, они стоят ниже скального курума и лихорадочно дышат. Мы тоже все взмокли и ошалели.

За час умопомрачительного спуска крутой осыпью и страшным курумом мы стравили не меньше трехсот метров. Но наши испытания на сегодня еще не закончены. Теперь мы продираемся на измученных конях через густые заросли колючих кустов. На запекающуюся кровь побитых лошадиных ног толстым слоем налипают сухие листики карликовой березы, пыль и грязь. Наши глаза заливают режущий горячий пот. Через полтора часа после начала дикого спуска мы оказываемся на полевой дороге, на левом берегу маленькой тихой речушки. Это и есть Сары-Тас (*желтый камень*). Еще километр пути, и мы уже в сумерках быстро расседываемся и ставим лагерь на засушливой травянистой поляне чуть выше впадения Сары-Таса в Жумалы, на высоте 2100 м. Благодаря безумному спуску мы успели к месту ночлега почти засветло. Кони поколотили и покровавили себе ноги. Но, к счастью, не переломали их. Девять часов пути и 32 км остаются позади.

Шесть дорог ведут на Укок – и простых среди них нет.

На высокогорных стоянках

Ночевка на Сары-Тасе в начале августа холодная и звездная. На закате над высокими горами пылают малиново-оранжевые облака. Широкая и сухая поляна, пересекающая ее проселочная дорога, мелкий брод через прозрачную речку, выступающие из воды круглые влажные камни. На речке устроено что-то вроде низенькой запруды из сплетенных веток, через нее с легким шумом перетекает ледяная чистая вода. Ниже бархатно шумит Жумала, на карте на ее берегу указаны древние развалины, но мы до них не доходим – так устали. До леса, растущего выше, приходится бегать за дровами, что утомительно. И тогда мы обильно добавляем к дровам в огонь сухой кизяк, во множестве разбросанный по поляне. Кизяк выгорает медленно, жарко, почти бездымно. Цвет его горения – пламенеюще-оранжевый. Выше по Жумале, в километре, виднеется стоянка, там живут пастухи, ходит скот, вьется над избушкой дымок. Стоянка так и называется – Жумала. Петр и Толя прыгают в седла и уезжают в густых фиолетовых сумерках на стоянку – навестить родню. Мы устраиваем костер в небольшой яме, варим на ужин жирный суп, с четырьмя банками тушенки в котел, – для восстановления сил и чтобы согреться. Уже совсем стемнело и мы расходимся спать. Но совсем скоро, в четыре часа утра рассветет, а в пять в стенки палаток ударит солнце. И сразу станет тепло.

Перед сном разговор крутится вокруг пережитого нами страшного спуска по каменным завалам. Мы говорим о том, насколько алтайцы и казахи Алтая сжились и срослись со своими конями – неразрывно и естественно. Сергей В. вспоминает характерный случай, виденный им и «святым отцом» в Кош-Агаче:

– Сидели мы как-то на крыльце магазина, ждали машину. Днем дело было. А через площадь там частный дом стоял, с раскрытой настежь на улицу калиткой. У калитки был конь привязан, заседланный. И вот видим – выходят из дома два алтайца, и оба пьяные в хламину. Помнишь их, Алексей?

– Конечно, помню. Они еле на ногах держались оба. Встали в дверях и держатся за косяки, чтобы не упасть, один за левый косяк ухватился, другой – за правый, – смеется Алексей.

Сергей продолжает рассказ:

– И вот стоят они, голубчики, мотаются из стороны в сторону. И вижу я по их взглядам, что в магазин им надо, то есть на нашу сторону площади. А идти-то не могут ногами, так надрались уже! Тогда выбрались они с трудом к калитке, вылезли на улицу – и к коню. Тот сразу все сообразил и стоит покорно, только башку свою понурил. Хозяин ему рычит от калитки: «Иди сюда, сука!» Тот перепугался, но деваться некуда – подошел к ним. Попробуй не подойди – сразу получишь по полной! И вот тут первый алтаец, который едва только не падал, вдруг лихо заскочил в седло, одним рывком. За ним влетел второй и примостился сзади на крупе.

– Мы даже не поверили своим глазам, как ловко они оба оказались на лошади, – кивает согласно Алексей – «святой отец».

– Залезли они на коня и переехали площадь, прямо к нам. Там всего-то метров пятьдесят было от калитки до магазина, а пройти на ногах они были не в состоянии. Первый слез и прошел мимо нас в магазин, запинаясь на каждом шагу. А второй так и остался полулежать сзади седла. Скоро первый вернулся с бутылкой водки и снова лихо взлетел в седло. Они вернулись через площадь к калитке, сползли с лошади на землю. Хозяин только и махнул пьяно коню: «Иди отсюда!» Тот прижал уши от страха и убежал во двор. А мужики утопали в дом, дальше пить. Вот какие они, алтайцы, – ездят, когда ходить уже не могут.

Ночью температура падает ниже нуля, палатки обледеневают. Рано утром быстро завтракаем, седлаемся и выезжаем дальше на север. Сначала переезжаем мелкую Сары-Тас, затем несложным бродом переходим более широкую и глубокую Жумалу и едем километр вверх до обитаемой стоянки. По обочинам снова попадаете много сурков и сусликов, Тайга охотится за ними, но вновь безуспешно.

Воздух совершенно прозрачен, долина Жумалы и боковые долины в сторону Укока просматриваются на десятки километров. Повсюду видны дороги. На алтайском высокогорье с его пологими холмами и равнинами в любое место можно проехать конными тропами практически из любого же места. Тесная сеть конных дорог покрывает горы.

На стоянке утром никого нет. Скот пасется выше в горах, там же находятся и пастухи. Автомобильная дорога уходит левее и вверх на перевал в сторону реки Джазатор. Мы поднимаемся параллельно ей добротной конной тропой. Сухая каменистая тропа бежит меж пустынных увалов, колючек и сухостоя.

Спустя час от начала движения мы попадаем в большую и широкую долину, со всех сторон окруженную горами. Открывается овальная травянистая котловина, на дне которой блестит небольшое озеро. Слева от дороги в сотне метров от берега озера чернеет избушка еще одной стоянки. Перед ней на длинной веревке к деревянному колу привязан молодой гнедой жеребец. Он видит нас и начинает бегать по кругу, туго натягивая веревку. Наши лошади тоже волнуются, увидев его. Гнедой хотел бы убежать с нами, да веревка не пускает. На зеленых лугах по берегам озера пасутся коровы. В седле своего коня вдалеке сидит сторбившийся пастух. Он приветливо машет нам рукой, мы машем в ответ. Левее к западу, под высоким скалистым гребнем, выше всех пасется стадо косматых яков, голов в сорок. По краям долины пасутся лошади, все до единой привязанные веревками ко вбитым в землю кольям, чтобы не сбежали.

Пастух живет здесь все лето, присматривая за скотом. В его распоряжении избушка, печка, нары, запас дров и кизяка. Вода берется из ручья. Его пищу составляют самые простые продукты. Сахар, соль, крупу, масло, макароны, чайную заварку завозят сразу на все лето. Хлеб привозят родственники, изредка навещающие пастуха. Связи нет, электричества тоже. Встает пастух с рассветом. Ложится, как стемнеет. При нем две собаки, которые громко лают, если в котловину въезжают люди или заходят волки. При пастухе всегда карабин и запас патронов. Так в полном одиночестве он здесь и проживает. Иногда ездит в гости на стоянку Жумалы к соседям, которые живут семьей.

На других летних стоянках живут так же – по одному или с семьями, с женами и детьми. С родными, конечно, намного веселее, но в начале сентября семьи уезжают в Джазатор – детям приходит пора идти в школу. Тогда пастухи снова остаются в горах одни.

Горы в округе давно и прочно обжиты людьми. На всех пригодных пастбищах выстроены стоянки, до всех доведены дороги – автомобильные или конные. Все в селе знают, где у кого стоянка, пастбище, покос. Все окрестные горы, от подножий и до далеких вершин, *свои*. Под заготовку дров на зиму выделяются делянки в лесу. Джазаторцы сами их рубят, сами вывозят.

Всю зиму основной деревенский скот пасется на плато Укок или на Аргуте. В мае, когда стаивает снег и приречные поляны покрываются свежей травой, пастухи перегоняют стада и отары вниз на летние пастбища. А первого сентября, когда внизу начинаются сильные заморозки и выпадает первая пороша, поднимают скот на Укок до самой весны.

Укок зимой – стылое царство жуткого холода. День короткий, с низким солнцем, часто закрытым мертвенной морозной дымкой. Морозы в сорок – пятьдесят градусов, почти каждый день шквальный убийственный ветер. Ночи длинные, студёные, беспросветные, носа не высунешь. Много голодных и свирепых волков, которые крутятся вокруг стоянок и систематически режут напуганный скот. Опасное и суровое место и время – Укок по зиме. Этот долгий и тяжелый сезон пастухи зимуют часто по одному, иногда по двое в слепых, закопченных избушках.

Припасы завозятся наверх разом на всю зиму. Пища – самая элементарная. Дров на Укоке нет – плато расположено много выше границы леса. Поэтому завозится немного дров на растопку печек. Основное топливо – это кизяк, который собирается в степи и складывается в большие штабеля близ избышек. Освещение – свечи и керосинки.

Укок стал зимним пастбищем по меньшей мере две тысячи лет назад, при скифах. На нем бывает мало снега, а тот, что выпадает, выдувают сильные ветра, настоящие свирепые ураганы. Поэтому трава плато всегда доступна животным. Равнина У кока обширна, питательного корма высокогорной степи хватает на всю зиму, на долгие восемь месяцев зимовки с сентября по май.

Стоянки разбросаны по территории плато обычно с подветренной стороны увалов, холмов и горных отрогов. Так, со спины, с запада, их защищают горные склоны, с востока же каждое утро подогревает низкое зимнее солнце. Стоянки располагаются выше широких и глубоких котловин рек Ак-Алахи и Калгуты, в которых скапливается и стоит неделями стылый воздух, в минус пятьдесят градусов. Выше невидимой границы этого слоя ледяного воздуха живется теплее – *всего* минус тридцать – сорок градусов.

Так, в низеньких избышках при свете керосинки, на кинжальном ледяном ветру в условиях близких к Антарктиде, ежеминутно защищая свой скот, всю зиму живут пастухи, до которых в случае надобности совсем не просто добраться.

Домашний скот собирается на зимовку со всего Джазатора и доверяется проверенным опытным пастухам, готовым взяться за этот тяжелый труд. На одного пастуха взваливают ответственность за 500–800 голов – овец, коз, лошадей, коров, яков. За каждую голову хозяева платят по 20 рублей в месяц. Выходит, что за большое стадо, спасаемое в угрюмых условиях У кока в течение тяжелой восьмимесячной зимовки, пастух получает от 10 до 16 тыс рублей в месяц. При этом продукты и другие припасы на всю зиму закупает себе сам. Соседи лишь помогают ему и его семье скосить сено и заготовить дрова.

Покосы в окрестностях Джазатора размежеваны – по 49 га на семью. Их теперь можно оформить в частную собственность и даже продать.

Иногда на волков Укока устраиваются истребительные охоты. Леса на плато нет, и спрятаться им труднее. Мужики гонят волков на снегоходах и беспощадно истребляют. Убивают их как можно больше. Ущерб от волков огромен, они здесь – злейшие враги человека.

Объехав озеро слева, мы продолжаем двигаться проселочной автомобильной дорогой, намеченной двумя колеями в каменистой красноватой почве овальной долины. Я гляжу по сторонам и недоумеваю: где же здесь может быть колесный переезд через высокие горные цирки, обступившие нас со всех сторон? Когда мы въезжаем в правый дальний угол долины, я обнаруживаю узкую расщелину сухого ручья, круто уходящую наверх и левее латинской буквой Э. По правому берегу сухого ручья и проложена дорога на перевал. Мы заезжаем на вершину перевала минут за двадцать. Всего дорога от лагеря на устье Сары-Таса до вершины заняла у нас полтора часа. Высота перевала 2435 м, это водораздел рек Жумалы и Джазатора, сам перевал местные так и называют – перевал Жумалы. С его вершины на север хорошо просматривается весь пологий затяжной спуск к автомобильному броду через Джазатор. Поначалу дорога с перевала сбегает лугами, а ниже лугов начинается лиственный лес.

Мы с Толей уехали немного вперед, как вдруг услышали сзади крик:

– Стойте!

Что случилось?! А вот что.

На самом верху перевала Петру, замыкавшему нашу группу, стало плохо. У него внезапно закружилась голова, началась рвота, все тело охватила страшная слабость. Петр едва не вывалился из седла, теряя сознание. Он сполз на землю, подхваченный на руки Артемом. Петр сел, привалился к камню, уронил голову на грудь. Его лицо сильно побелело.

Мы бросились доставать аптечку.

– Петр! Что с тобой! Где болит? Что?!

– Вот тут. Горит у меня все там! – Несчастный Петр тычет пальцем себе в живот, чуть ниже грудины.

– Что? Живот? Язва твоя обострилась?

– Не знаю! – только и стонет Петр. На него страшно смотреть.

Мы потрошим аптечку и даем Петру подходящие таблетки – от боли, от язвы, от живота, от отравления. Петр глотает их горстью с ладони, запивает водой из бутылки. Увы! Его немедленно начинает рвать, и все таблетки вытекают вместе со рвотой наружу.

Что же делать? Мы на вершине перевала, вокруг ни души, связи нет. Рядом с нами натурально помирает человек, которому мы не в силах помочь.

– Вниз мне надо, – стонет Петр, и, шатаясь, поднимается.

– Помочь тебе в седло сесть?

– Не надо. Не смогу я ехать. Упаду. Пешком потихоньку идемте!

Петр медленно плетется вниз по дороге. В его правом кулаке зажат повод коня. Проводника шатает, ноги цепляются носками за землю. Я иду рядом для моральной поддержки и просто на всякий случай. Петр страшно слаб. Лицо белое, на лбу блестит холодный пот. Он горбится, из кармана фуфайки торчит бутылка с водой. Всякий раз, когда Петр делает глоток воды, его начинает рвать. Он скрючивается, держится за живот рукой, хрипит и выкашливает жижу из своих внутренностей. Там давно уже ничего нет, кроме нестерпимой боли и рези. Из рта Петра вытекает желтая струйка вязкой желудочной жидкости, он приваливается без сил к седлу своего коня. Конь притих и бережно держит вес полуживого хозяина, крепко встав на все четыре ноги.

Бедный Петр! Мы медленно тащимся вниз, понемногу сбивая высоту. Петр стонет, морщится, сжимается, шатается, запинаясь, оступается. На него тяжело смотреть. Я пробую немного поддержать его разговором:

– Раньше было с тобой такое?

– Было пару лет назад. В больницу загребел тогда. Врачи сказали – язва. Долго лечили. И вот опять. Началось. Как же мне плохо!

– Тебе срочно в деревню надо! Есть там врач?

– Есть. – Лицо Петра искажает гримаса боли.

– Хороший?

– Хороший.

– Сейчас спустимся к дороге, поймем попутку и отправим тебя домой. Так ведь?

– Да. К врачу мне срочно надо. Как же мне... плохо, – стонет Петр.

Спустя час мучительного спуска мы выходим на берег Джазатора. От выезда с Сары-Таса миновали три часа. По левому берегу реки по галечному высокому обрыву растут длинные крепкие березы. Мы вяжем к ним коней, быстро разводим огонь, ставим чай. День в зените, горит солнце, жарко. Петр лежит в тени от деревьев, прикрыв глаза. Толя прыгает в седло и мчится через брод на главную дорогу. Там, чуть подальше, есть жилая стоянка. Через полчаса мы видим двоих всадников, скачущих к нам. Это Толя и его друг со стоянки. Они подходят к лежащему Петру и что-то с ним обсуждают негромко, по-казахски. После быстро перебирают вещи в своих кожаных суминах, что-то перекладывают с места на место. Петр с трудом взбирается в седло и уезжает с приятелем Толи в сторону стоянки. Напоследок он кричит нам:

– Ну, все! – И один раз взмахивает рукой.

Мы остаемся с единственным проводником – с Толей.

– Что же дальше с ним будет, Толя? – спрашиваем мы.

Толя пожимает плечами. Он размышляет вслух:

– До вечера полежит на стоянке, пока машины не поедут назад из Кош-Агача. Они его и отвезут в Джазатор, к врачу. Вылечат!

Так мы теряем, за три дня, второго проводника.

Когда долгий поход завершился и мы благополучно вернулись в Джазатор, нас встречал самолично улыбающийся Петр. Мы радостно обнялись:

– Петр! Здравствуй! Как ты? Как себя чувствуешь? Что это было, черт тебя побери?

– Давление у меня резко упало, как на перевал поднялись. Вот и рвало меня.

– Не язва?

– Нет, не язва. Давление. Капельницу мне капали несколько дней. Теперь хорошо себя чувствую.

– А как твой рот?

– А вот рот болит, зараза. – Петр оттягивает пальцами нижнюю губу, и мы видим гниющие десны и изъязвленную внутреннюю поверхность губы. – Больно!

Когда Петр прощается с нами и уходит домой, Альберт сообщает печальную новость:

– Помните, вы проезжали стоянку перед перевалом Жумалы? Там, где озеро? Вы же там видели пастуха?

– Помним, конечно. Видели. У него гнедой жеребец перед домом был привязан, рвался на веревке. Он нам еще рукой махал издали, пастух этот то есть.

– Так вот, помер он... Пастух-то...

– Как помер?! Да когда же это?!

– Четыре дня назад. Вчера схоронили...

– О господи! Да что же случилось такое? Он там один был? Как узнали?

– Да, один. Как плохо ему стало, дошел он до избушки, значит, прилег на нары. И помер. Тоже давление, сердце, приступ... Сорока пяти ему не было еще... А потом приехала родня, хлеб привезла, зашли внутрь, а он там мертвый лежит...

– Ничего себе, беда какая...

Так вот и уходят мужики высокогорья. Тихо. Молча. В одиночестве. Работают с самого детства много и тяжело. Помногу курят ядреные крепкие сигареты. Неделями живут в тайге, спят на влажных пополах прямо на земле под высокими кедрами. Пасут скот на лютых морозах. Секут их ледяные метели, обмораживают руки нестерпимые холода. Ломит у них зубы от студеной воды в обледеневших железных кружках. Рубят мужики по осени лес, косят косами траву, ставят стога и копны, сгребают по степи сухой кизяк, выводят и подгоняют топорами крепкие теплые срубы. Вытягивают на руках из болотин тяжелые грузовики. Обьезжают полудиких коней. Принимают на руки мокрых дрожащих ягнят при окоте овец. Гоняются с карабинами за волками и медведями, оберегают от хищников черных шерстистых яков и быстрых жеребцов. Ходят на охоту, рыбачат. Рано взрослеют, рано женятся, рано рожают детей, рано старятся, рано умирают.

Альберт мнется.

– А насчет Петра – извините, что все так вышло. Он, похоже, загулял перед вашим походом... Вот его и скрутило, как поднялись вы на перевал. Хорошо еще, что пронесло – его и вас. Что вы около дороги были в тот день. А так бы... Эх!..

Альберт махнул рукой и ушел в ночь.

Ербулан

Без второго проводника мы остались прямо на дороге Джа-затор – Кош-Агач, а именно на ее 58-м километре. Это означало, что мы успели проехать с Петром от скотопрогонного моста через реку Джазатор *верхами* сорок километров, по самым вершинам хребта. По плану мы должны были теперь пересечь трассу и уехать дальше на север, перевалив через Южно-Чуйский хребет в верховьях реки Тара (или Дара), правого притока Джазатора. Эта дорога – древний и торный путь из Джазатора в Чуйскую степь.

Когда Петр вынужденно покинул нас, держась за живот и сторбившись в седле, мы продолжили путь с Толей. Переехали вброд реку (в этом месте мелкую и спокойную) по автомобильному проезду. Выбрались наверх на гравийную трассу и двинулись по ней, понемногу поднимаясь, на восток в сторону Кош-Агача. Высота была больше двух километров, граница леса виднелась совсем близко. Слева показалась та самая стоянка, на которую уехал отлеживаться до первой попутной машины Петр. За минувшие два часа по дороге не проехала ни одна машина – ни местная, ни с туристами. От стоянки нас громко облаяла собака, ей ответил лаем Тайга. Из домика вышли люди, обменялись приветствиями с нами и Толей. Через три километра впереди показался мост через Тару. Мы свернули, не доезжая до моста налево, и принялись углубляться в долину Тары ее правым берегом по негустому лесу. Километром выше лес закончился, и мы встали лагерем у самого края леса, на широкой травянистой поляне. Место для стоянки было превосходное – вода рядом, много сухих дров, великолепный вид на долину Тары и на обступающие ее высокие разноцветные горы.

Нас встретил свободно пасущийся на Таре небольшой табун лошадей, а точнее, целый гарем крупного вороного жеребца с роскошной блестящей гривой. Самец носился вокруг группы своих кобылиц и жеребят разной масти и возраста, нарезая широкие круги. Восприняв нас, а точнее, наших безобидных кастрированных меринов как угрозу своей монополии на гарем, он начал угрожающе сближаться с нашей группой еще до того, как мы успели расседлаться. Наши мерины заволновались, застригли испуганно ушами.

Толя, увидев угрожающие маневры вороного жеребца, бросился бегом к нему с громкими криками, размахивая руками. Жеребец немного притормозил, но продолжал нагло наступать в сторону нашего лагеря. Низенький Толя выглядел человеком, который может попасть в нешуточную переделку. Огромный жеребец был настроен злобно и агрессивно, он мог запросто броситься на Толю и ударить его. И тогда наш Толя прямо на бегу широко размахнулся и что-то с силой метнул жеребцу в голову, метров с десяти. Мы ахнули – это был топор! Топор крутился в воздухе, сверкал на солнце, и целил жеребцу аккурат между глаз! Жеребец перепугался топора, шарахнулся в сторону, едва увернувшись от острого тяжелого лезвия. Он резко развернулся и бросился улепетывать от Толи, который продолжал, косолапо переваливаясь, бежать в его сторону. Жеребец перешел на галоп, увлекая за собой кобылиц и жеребят в позорное бегство. Толя встал в траве, отдуваясь, и поднял топор.

– Толя! Ты же мог его пришибить топором!

– Ну да! – смеется довольный Толя.

Гарем черного жеребца удаляется от нас на безопасное расстояние вверх по долине Тары. Мы ставим палатки и готовим обед. День треволений катится к вечеру. От устья Сары-Таса до стоянки на нижней Таре мы проехали 26 км, с двухчасовой остановкой по причине болезни Петра.

Через час начинает смеркаться. Толя сразу после постановки лагеря уехал на стоянку в гости. Мимо нас прошествовало большое стадо коров, подгоняемое средних лет пастухом. По левому берегу Тары в сгущающихся сумерках загорелись фары двух машин. Они медленно

пробираются по приречной дороге, проваливаясь в ямы. И встают за дальней рощей. Это рыбаки – прозрачная Тара изобилует хариусом.

Нам предстоит простоять на Таре весь следующий день. Маршрут, выбранный нами, непростой, пятой категории сложности. И далекий – более двухсот километров по высокогорью. Надо дожидаться второго проводника, прежде чем продолжить путь.

Накануне, когда Петр лежал, закрыв глаза под березой на берегу Джазатора, я вырвал из блокнота лист бумаги и написал записку Альберту:

«Альберт! Петр сильно заболел – ему надо срочно в больницу. Мы будем ждать нового проводника на стоянке на нижней Таре. Попроси Лену прислать нам десять пачек сигарет, три бутылки водки, большую иголку с крепкими нитками... и т. п.» Петр взял записку с собой. Теперь нам оставалось стоять на берегу Тары и ждать.

Ночь выдалась холодной и звездной. Вокруг не было ни звука и ни души. Даже рыбаки, и те ночью уехали. Утром на чистом синем небе вышло солнце, оно моментально высушило палатки и согрело поляну. Мы приготовили завтрак и засели играть в *тысячу* под большой лиственницей. В девять утра со стороны реки появился всадник. Он быстро подъехал к нам и соскочил на землю:

– Здравствуйте! Я Ербулан. Ваш новый проводник.

Ербулан – среднего роста, стройный и гибкий. Он постарше Толи, ему немного за тридцать. Он обходит нас, пожимая руки и знакомясь с каждым по очереди.

– Как там Петр?

– Да ничего вроде. В больнице, лечится.

– А сам ты как к нам попал?

– Да как! Только вчера группу туристов привел с Аргута. Неделю с ними ездили. Думал, что переночую дома и с утра поеду на покос, сено косить. А мне звонит Альберт – срочно приезжай! Я к нему, а он мне – сможешь поехать с группой на Карагем? Петр, говорит, заболел, срочно нужна замена. Ну, я и подумал – неохота мне что-то на покос! Лучше с вами поеду. С вами всяко поинтереснее, чем на покосе!

Ербулан смеется.

Толя и Ербулан из Джазатора (фото В. Рыжкова, 2015 г.)

– А дома-то есть кому косить?

– Да есть, конечно! Родни много у меня.

Ербулан закуривает.

– Я думал, что вы с утра дальше поедете. Ночью дома сбегал в баню, собрался. Выехал с рассветом из Джазатора на попутке, с вещами. Доехал до ближней к вам стоянки, там взял коня. Поехал догонять вас тем берегом Тары – оттуда все видно хорошо. Увидел ваш костер. И вот я здесь. А вы дневку делаете сегодня?

– Да, решили постоять, пока погода хорошая.

– Ну и правильно! – одобряет Ербулан.

Так мы за несколько дней потеряли двух проводников и тут же обрели двух новых.

Яки

Отдохнув целый день на берегу Тары, вдоволь накупавшись и дав отдых лошадям, наутро мы пускаемся в дальнейший путь. Тара течет вглубь гор между двумя высокими горными отрогами, с которых в нее впадают маленькие ледяные речки, берущие начало в ледниках. Лес остается позади, раскрывается широкая безлесая долина, горы по ее бокам разноцветные: серые, желтые, фиолетовые, нежно-малиновые.

Долина Тары загибается широкой дугой сначала на северо-запад и после строго на север. Конная тропа проходит правым берегом, по левому видна автомобильная дорога, ведущая к верхней стоянке, под самый перевал. Очень живописно. К западу от нас на всем протяжении долины тянется целая череда горных цирков со снежниками и ледниками наверху. Цирков не менее полудюжины, из каждого из них вытекает речка, некоторые – с искрящимися на солнце нитевидными водопадами.

Мы неспешно поднимаемся вдоль реки, едем в полной тишине. Над нами высоко в небе кружатся две пары огромных орлов с длинными широкими крыльями и с квадратными и короткими хвостами. Тайга загроможденно бросается за каждым сусликом, который попадает по пути. Сегодня ему удастся преуспеть. Мы слышим отчаянный писк. Тайга схватил зубами рыжего суслика поперек хлипкого тельца и вертится на месте от возбуждения. Потом подбрасывает грызуна высоко в воздух, суслик крутится в воздухе как мягкая кегля. При этом он истошно визжит. Через мгновение несчастный хвостатый зверек шлепается на землю и, уже надкушенный собакой до крови, пытается ползти в сторону своей норки. Тайга издевательски прыгает вокруг жертвы, потом снова хватается суслика и зашвыривает высоко в воздух. Игра продолжается до тех пор, пока суслик не издыхает, весь обкусанный и покалеченный псом. За то время, что мы поднимаемся на перевал, Тайга ловит целых трех сусликов.

– Он что, их ест? – спрашиваю я Толю.

– Да нет. Просто так, охотится. Давит и бросает их. Орлы доедят.

За три часа подъема мы проезжаем километров двенадцать и приближаемся к подножию перевала. Мы набрали уже 600 м высоты от стоянки на устье Тары. Слева, близко от нас, виднеется огромный белый язык ледника. Тара здесь наверху совсем маленькая речка, мы перебрали ее и тянемся правым берегом круто вверх. Едем узким ущельем, прорезанным водным потоком. Ниже, на выходе из ущелья, на последней ровной площадке перед подъемом на перевал, мы минуем стоянку – заброшенный сюда неведомо когда голубой строительный вагончик, у которого стоит большой серебристый джип.

– Кто это? – интересуюсь я у Толи.

– Это из Кош-Агача хозяин стоянки приехал. У него здесь большое стадо яков пасется – полторы тысячи голов!

И правда, мы уже раньше заметили большое стадо яков, пасущееся высоко над нашими головами. Картина вокруг величественная. Огромные серо-охристые скалы высятся над ущельем речки. Вершина горы над истоками Тары аккуратно обрезана, словно ножом для сигар, как у столовых гор Аризоны или Южной Африки. Скалы облегают могучий белоснежный ледник с выпуклым линзообразным телом. Ниже скал спускаются в нашу сторону широкие изумрудные поляны с рассыпанными по ним светлыми гладкими валунами.

Алтайские яки (Д. Запылихин, 2016 г.)

Ниже огромного стада пасущихся яков, совершенно отдельно от всех остальных, на расстоянии метров трехсот от основного скопления животных стоит огромный мохнатый черный бык. Его короткие мощные ноги, как колонны, упираются в каменистую почву. Длинный спутанный мех плотным занавесом спускается от толстого брюха до самой земли. Над огромной лохматой башкой большим перевернутым вверх коромыслом торчат два острых рога. Тело быка длинное, над огромной спиной выпирает характерный ячий горб. Хвост пушистый и длинный, тоже падающий до земли. Бык смотрит на нас, не моргая. Он наклонил рогатую голову и таращится исподлобья, вполоборота, стоя к нам боком и отчасти даже задом.

– Не приближайтесь к нему! – предупреждает Ербулан.

– Это точно. Опасно, – подтверждает Сергей В. – Мы как-то раз с другом Алексеем подошли к такому бычаре близко, и он нас атаковал – едва ноги унесли!

Алтайский як (В. Рыжков, 2015 г.)

Алтайские яки меньше тибетских. Они не вполне чистокровные, а помесь яка и обычной коровы. Поэтому они не так свирепы и опасны, но все же и не вовсе безобидны. Со взрослым быком не связываются даже стаи волков, не говоря уже об отдельно шатающихся хищниках. Если к стаду яков приближаются волки или медведь, взрослые быки принимаются бегать кругами вокруг самок и телят, сбивая их в плотную кучу. Такая крутящаяся, стремительная, вооруженная острыми рогами и сокрушительными копытами стража обеспечивает стаду полную безопасность. Рассвирепевший и атакующий бык несется на противника с огромной скоростью, высокими и длинными скачками, задрав голову и пушистый хвост. Волки и медведи пасуют и убираются восвояси, искать добычу попроще.

Летом огромные свирепые быки пасутся поодаль от стада поодиночке. По осени наступает время брачных сражений и самих браков. Тогда быки дерутся, пропарывая друг другу бока, и ходят вместе со всем стадом. У яков отменная, теплая и длинная, шерсть, вкусное чистое мясо, жирное молоко, из которого делают масло и сыр. Кроме того, широко используется вонючий ячий жир. Як – сильное и выносливое выючное животное.

Сарлыки – жители высокогорья. Они болеют и даже гибнут, если их спустить в среднегорье и ниже. У них легкие приспособлены к разреженному воздуху и кровь переносит больше кислорода. Шерсть яков способна выдержать любые ветра и морозы, его копыта умело раскапывают глубокие снега и раскалывают крепкие ледяные корки. Его желудок пригоден к перевариванию острых колючек и обледеневшей сухой травы.

Наш бык провожает нас, не отрываясь, большими темными глазами и сопя огромными ноздрями. Он словно сбежал в алтайские горы с испанской корриды и ждет теперь своего тореадора, чтобы сразиться. Ему нужен кабальеро с тонкими шпажками в руках, прыгающий козлом по арене, сучащий ломкими ножками в обтягивающем трико. И тогда кабальеро не сдобровать. Мы же благоразумно уклонились от проверки боевых качеств быка и проехали мимо. Выше него по изумрудному склону брело большое основное стадо яков, из коров и телят. Их было не сосчитать – несколько сотен. Яки были большей частью черные, некоторые с белыми пятнами. Они ярко выделялись на зеленых склонах. Все это вместе – изумрудная сочная трава, усыпавшие склон ярко-черные яки, врезанные в синее небо с серо-белыми облаками цветные скалы, рыжее каменистое ущелье с быстрой речкой, матово-белый ледник – было необычайно красиво.

Сразу за подъемом узким ущельем в истоках Тары тропа вывела нас к холодному озерцу, из которого и берет начало речка. Мы выкатились на широкое каменистое седло перевала Тара. Седло выстлано мелким камнем, сквозь который пробивается щуплая травка. Высота перевала 2850 м, его ширина метров триста, длина седла около километра. Перевал – единственная конная дорога через весь громадный Южно-Чуйский хребет. Он известен и используется со времен глубокой древности, для деловых поездок и перегонки скота из Чуйской степи в долины Джазатора и наоборот. Это самая короткая и удобная дорога для этих целей. Седло перевала глубоко разрезает хребет в его восточной части. Прямо над перевалом с запада и с востока возвышаются пики в 3700 и почти в 4000 м. Когда проезжаешь седло перевала, в лицо хлещет ледяной влажный ветер, а бока обдает холодом от близких ледников.

Нам повезло с погодой: нет ни дождя, ни снега, обычных здесь даже в июле. Перевал удобен как дорога – подъемы несложные, тропы старые и широкие. На северном краю седла, прямо на краю перед спуском, насыпана высокая пирамида обо, из нее торчит деревянная жердь, обвязанная ритуальными ленточками.

Перевал Тара – водораздел рек Джазатор с юга и Елангаша к северу. На север с перевала открывается вид на широкую травянистую долину с большим озером посредине – это озеро Каракуль, расположенное на высоте 2720 м. Выше озера на зеленом увале прилепились две яркие палатки – красная и оранжевая.

Движения людей у них не видно. Там же внизу ходит еще одно небольшое стадо яков. Подобные холодные и ветреные высоты их природная стихия. Лучше всего они чувствуют себя под ледниками, в бедном кислородом воздухе, на шквальных ветрах. Они пасутся там, где не выдерживает никакой другой домашний скот. Они полноправные жители и короли высокогорья.

За двадцать минут мы скатываемся каменистым заболоченным склоном к озеру, берега которого также представляют собой широкую полосу болотин. Выбрав сравнительно сухую лужайку посреди болота, Толя и Ербулан падают животами на траву, вытягивают ноги и руки, роняют головы и тут же засыпают – все уже сильно устали. Тайга растягивается рядом с ними. Наступает тишина. Ветер гонит по озеру черную мелкую рябь. Холодно и сыро. Оранжевая и красная ткань хлопает на ветру на чужих палатках. Мы предполагаем, что здесь стоят альпинисты, которые ушли теперь на близлежащие ледники и пики. Осторожные яки спрятались от нас за гребнем увала.

Дальше и ниже первого озера блестит второе, поменьше, – Атаккуль. Через него на запад открывается вид на огромный снежный пик Джаникту (3716 м) и на вытекающий с него большой ледник, похожий на белый шершавый язык. До горы совсем близко – километров пять по прямой, и она видна нам во всех деталях.

У Атаккуля Тайге снова повезло. После многих бесплодных попыток он догнал и схватил большого жирного сурка. Сурок громко вопит, куда Тайга с усилием подбрасывает его – правда, совсем невысоко – в воздух. Бросать толстого сурка совсем не то же самое, что швыряться щуплыми сусликами! Толя увидел поимку вкусного жирного грызуна и галопом мчится в сторону Тайги, чтобы помочь собаке не упустить добычу. Сурок тем временем вовсе не сдается. Он смачно шлепается на землю и принимается улепетывать под крутую гору в сторону воды, туда, где у него выкопана спасительная нора. Тайга хватается сурка снова и снова, но тот упрямо, визжа во всю глотку, пробивается к норе.

Когда Толя подскакивает к месту борьбы и спрыгивает на землю, сурок все же успевает заскочить в нору. На белом песке у входа в нору алые капли крови, но, похоже, сурок спасся. Залижет свои раны в темноте норы и будет жить-поживать дальше. Тайга обескураженно пялится в черную дырку в земле и громко лает. Толя разочарован еще больше: так хотелось ему наварить в котелке жирного сурочьего мяса.

За вторым озером следует еще один крутой спуск. И тропа приводит нас в обширную и ровную долину реки Елангаш. Болотины сменяются сухой высокогорной степью. Появляется проселочная автомобильная дорога. Навстречу нам идут две худые фигуры с рюкзаками за спиной и палками. Это пешие туристы, идущие на перевал Тара. Мы приветствуем друг друга. Впереди виднеется большой лагерь альпинистов, занятых покорением окрестных пиков и ледников. Большая палатка-столовая, окруженная обычными палатками, флаг клуба на высоком флагштоке. Внутри столовой слышно, как что-то шинкует ножом повар.

Еще два часа едем долиной Елангаша на север. Попадается редкий скот. Раньше, в советское время, здесь было несколько стоянок и много скота. Сейчас стоянок нет и скота немного. Людей тоже не видно. Близ устья речки Тестой мы бродим Елангаш с правого на левый берег. Брод глубокий, вода мутная. Здесь пасется третье за сегодняшний день стадо яков, голов в сорок. Все они смольно-черные и не обращают на нас никакого внимания. Здесь же, на правом берегу у устья Тестоя, на высоких гранитных скалах с гладкой поверхностью мы осмотрели древние наскальные рисунки – петроглифы. Мы поднялись на вершину скал пешком, а вот Толя пижонисто заехал наверх на своем белом мерине, звонко цокая подковами. Ниже по Елангашу на выходе в Чуйскую степь есть еще одна богатая *писаница*. Черно-рыжий гранит покрыт и здесь, и ниже сотнями примитивных древних рисунков. Лошади, козероги, архары, яки, снежные барсы, волки, маралы, скифские олени с огненными рогами, охотники с луками и стрелами – древние художники запечатлели мир, который их окружал. Тот же самый мир окружает нас и сегодня. Пожалуй, за исключением только луков и стрел.

Позади у нас семь с половиной часов пути и 38 км, а также высокогорный перевал Тара. Мы встаем лагерем с подветренной стороны холма на левом берегу Елангаша в трехстах метрах ниже устья Тестоя, там, где на карте обозначена летняя стоянка. От стоянки остались только две деревянные лавки вокруг костра и нижний венец когда-то высокой изгороди. По поляне валяются какие-то доски и полустгнившие бревна. Мы собираем их для костра, добавляем к дереву сухой кизяк и готовим ужин.

По всей широкой долине Елангаша свистит, не переставая, сильный плотный ветер. Мы прячемся от него за спиной холма, но все равно ветер отрывает от земли палатки, выдергивает алюминиевые колышки, гасит костер, выдувает из него тепло. Поверхность реки срывается ветром, нарезается им в белые барашки. Черные тучи окрашены снизу закатом в алый цвет. Холодно – от ледников Тестоя скатывается в долину студеной воздух. Над нами низко кружат коршуны, выискивая, что бы стащить. Ербулан кладет желтый *баурсак* (казахский несладкий пончик, жаренный в горячем масле) на камень метрах в десяти от костра и возвращается к огню. Коршун делает круг за кругом, приглядываясь к добыче. Дальше он делает маневр, восхищающий нас своей виртуозностью. Птица внезапно переходит в крутое пики, плотно сложив крылья к телу. Одновременно коршун разворачивается на 180 градусов, мгновенно меняя направление движения с горизонтального на обратное и вертикальное. Он камнем падает к приманке и, кажется, сейчас расшибется об землю. Метра за три до земли вдруг мгновенно расправляются крылья, и птица стремительно брест вдоль земли, держа курс прямо на камень с пончиком. Все происходит в считанных метрах от нас. Коршун на огромной скорости сблизается с камнем. Он хватает баурсак на полном ходу обеими сильными когтистыми лапами и резко взмывает вверх, улета в сторону от нас. Но вот незадача! Баурсак рассыпается в когтях коршуна, сыплются вниз водопадом белые крошки, и птица остается ни с чем.

Тайга, глупо упустивший днем жирного сурка, теперь не в духе. Он громко лает, задрал голову и усевшись прямо на берегу быстрой реки, которая, мерцая стальным холодом, мчит мимо него. На другом берегу за стремниной на сухом пригорке стоит столбиком светло-рыжий большой сурок. Он только посвистывает в ответ на глупый лай Тайги. Меж ним и Тайгой течет большая река, и он может позволить себе вдоволь покуражиться над собакой. Сурок повертывается вправо и влево, опускается на лапки и снова становится столбиком, порой даже нагло

поворачивается к Тайге задом. После обегает нору вокруг и снова встает торжествующим недо-
стижимым столбом. Тайга заходится лаем от злости, обиды и бессилия.

Бельтир

На рассвете мочевой пузырь выгоняет меня из палатки на утренний летний мороз высокогорья. Солнце еще не встало. Холодные снега Тестоя нежно розовеют, темно-синее небо только-только начинает светлеть. Ветер ночью стих, вокруг полное беззвучие. Тайга спит недалеко от давно остывшего костра, свернувшись белым калачом на мерзлой траве. Вода в Елангаше немного спала. Из моего рта вылетает при дыхании легкий пар.

Я чешу слипшиеся от сна глаза костяшками кулаков и взбираюсь на невысокую каменистую полку над лагерем, чтобы справить там малую нужду. Наверху полки я внезапно сталкиваюсь лоб в лоб с жирным сурком всего лишь в метре от меня. Сурок что-то меланхолично жует, прижав ко рту обе передние лапки. Он, как и я, еще толком не проснулся и совершенно ошарашен моим внезапным появлением. Зверек издает отчаянный писк и мчится спасаться в близлежащую нору. Я окончательно просыпаюсь от поднятого им шума.

После раннего завтрака мы пускаемся в путь. Нам необходимо сегодня отправить Светлану в Барнаул – она запланировала пройти с нами только первую половину пути. Ее место должна занять Елена, тоже из Барнаула. Согласно договоренности мы все встретимся сегодня к обеду на мосту через реку Чаган, где догрузимся свежепривезенными продуктами, Лена сменил Свету, и мы двинемся дальше по маршруту.

Прямо от стоянки на Елангаше, где мы переночевали короткую ночь на легком морозе на высоте 2400 м, начинается крутой подъем на плато Янкуль. Конная тропа проложена наискосок каменистого сухого склона, заросшего колючками. Дорога хорошо заметна в камнях. Это значит, что она давно и активно используется для перемещения людей и перегона скота как с Елангаша в село Бельтир (*слияние рек, перекресток*), так и обратно.

Через двадцать минут неспешного крутого подъема мы выезжаем наверх, на высоту 2635 м. К востоку от нас в дымке расстилается огромная Чуйская степь. Здесь, впервые за последние дни, берет мобильная связь, и все бросаются звонить родным и близким. На востоке лежит Чуйская котловина, на западе стоят снежные пики Южно-Чуйских Альп. Внизу под нами – живописная долина Елангаша, откуда мы поднялись.

Немного спустившись в северном направлении, мы углубляемся в высокогорное плато. Оно безлесое, с небольшими мутными озерцами на поверхности. У одного из озер видны избушка, люди, стоит грузовой «Урал» с брезентовым верхом. Так, не спеша, двигаясь то вверх, то вниз, огибая грязные блюдца воды, мы продвигаемся к северу. В одном из зеленых логов с сочной травкой Тайга неожиданно подвергается нападению. На него нападает маленький и шустрый теленок яка, с крохотными рожками на упрямом лбу. Теленок принял добродушного Тайгу за хищника, может, даже за волка. И набросился на него. Ячонок черный, пушистый, скачет по-детски, высоко задирая задние ноги. Тайга – взрослый матерый пес и все отлично соображает. Собака видит, что на него несется суший ребенок, безмозглый и смешной. Тайге это в радость – подурачиться с глупым теленком. Пес делает вид, что страшно напуган мягкими восковыми рожками бычка и принимается драпать от него со всех ног, оборачиваясь назад и виляя по склону задом.

Не знаю почему, но в этом зеленом овраге пасется один только молодняк: полтора десятка ячьих и коровьих малышей. В низине нет ветра, ласково греет солнце, блестит вода в крохотном болотце на самом дне ложбины. Мы затормозили и хохочем, наблюдая, как теленок гоняет Тайгу. Теленок бежит по кругу, наклонив голову и бодая рожками воздух. Тайга бежит от него по кругу же, высунув из пасти розовый язык. Когда теленок устает бежать и останавливается, Тайга также встает на месте и поворачивается к нему, как бы спрашивая: «Ну что, дурачок, все, ты уgomонился?» Нет, не все, решает теленок и снова припускает за собакой. Так они носятся вокруг нас минут пятнадцать, пока бычок не устает и окончательно не оставляет собаку в покое.

Пес очень доволен собой и явно красуется перед нами. Вот, мол, какой я ловкий, славный и одновременно умудренный жизнью – все прощаю глупому бодливому бычку!

Широкое плоскогорье с озером Янкуль в самом центре – тоже водораздел двух рек – Елангаша и Чагана. Средняя высота плато около 2500 м, как у У кока. Мы пересекаем его с юга на север за полтора часа и выезжаем на северную кромку плоскогорья. Вниз уходит крутой спуск, руслом сухого ручья, но тропа и здесь хорошая. Следует спуск, внизу которого появляются первые за несколько дней деревья – высокие лиственницы. Выезжаем к реке Чаган, через которую переброшен прочный деревянный мост. У моста никого нет, шумит мутная ледниковая вода Чагана. Мы спешиваемся на берегу у моста и принимаемся ждать – что нам еще остается?

Время около 11 утра, но уже сильно припекает солнце. Высота 2040 м. Ербулан просит нас ждать на прибрежном песке, не заходя в хилую травку по берегам – это покосы. Лошадей также привязывают подальше от травы, что их очень огорчает. Выше

по течению видна белая машина. Неподалеку от нее несколько мужчин косят сено. Ниже по течению, под высокой скалой, видны палатки – может, туристов, а может, и еще кого. За мостом дорога раздваивается. Вправо она уходит на север в направлении села Бельтир. Влево – круто вверх на запад, на урочища Шалтра и Тэдэш.

По договоренности машина с Леной и свежими припасами из Барнаула должна приехать «к мосту через Чаган, что выше Бельтира». Мы у этого моста, но машины нет. Как нет и никакой связи. Мы сидим уже час на крепчающей жаре, но никто к нам не едет. На карте этот наш мост не указан вообще. Обозначен один только мост через Чаган, и тот в самом Бельтире. Дважды мимо нас проезжают машины. В одной едут с косами парни-косцы из Бельтира, мы угощаем их сигаретами. В другой приехали к мосту новосибирские археологи, двое мужчин. Они ездили в Бельтир, до которого от моста 12 км, закупиться свежим хлебом и другими продуктами. Палатки под скалой выше по течению – их лагерь. Все лето международная группа специалистов изучает там богатые наскальные рисунки – аккуратно на той самой скале, что над лагерем.

Мы спрашиваем молодых косцов, не видали ли они в деревне машину с барнаульскими номерами. Мы спрашиваем археологов, не искал ли кто нас там, в Бельтире. Те и другие только пожимают плечами. Не видали, не слышали, никто не спрашивал. Наше положение становится все более неопределенным. Мы торчим у моста и только теряем время понапрасну.

Артем вскакивает в седло и едет на ближайшую гору – дозваниваться Лене. Скоро мы видим его силуэт на границе горы и неба. Там ловит мобильная связь. Артем возвращается и сообщает, что барнаульский водитель Лены отказался ехать сюда, в горы, за Бельтир: заканчивается, мол, бензин.

Это рушит все наши планы. К вечеру мы должны добраться до реки Джело, к подножию Карагемского перевала. Это далекий путь. Если же мы поедem на лошадях до Бельтира менять

Свету на Лену и забирать продукты, то это займет больше двух часов, и притом увлечет нас совсем в другую сторону – на восток вместо северо-запада. Что же делать? Сергей В. предлагает попробовать уговорить археологов еще раз сгонять с нами на машине до Бельтира и отправляется на коне в лагерь ученых. Ему удастся убедить водителя экспедиции Андрея помочь нам, и тот приезжает к нам через полчаса, наскоро пообедав. Втроем мы грузимся в его уазик – Сергей В., Светлана и я – и отправляемся в Бельтир.

Сначала дорога, петляя, преодолевает небольшой перевал, а затем спускается на равнину и бежит ею до самого Бельтира. Пейзаж вокруг лунный или, скорее, марсианский. Красно-рыжие рассыпчатые скалы, редкие колючки, пыль до неба. Дорогу узко обступают каменистые утесы, колеса трясутся на острых камнях. За перевалом тянется пыльная, обгоревшая серая степь с низкой, чахлой серой травкой. Вдоль реки травы чуть больше и она чуть зеленее. Там идет сенокос. Стоят палатки и машины. Поблескивают косы. Люди стараются взять всю, какую

только можно, траву в этот сухой год, в который трава, считай, что и не выросла. В долине Чагана много древних захоронений и камней, пару раз дорога переваливает прямо поверх больших курганов как через «лежачих полицейских», выложенных скифами две тысячи лет тому назад.

Скоро мы въезжаем в Бельтир. Бельтир – это село-призрак. В 2003 г. прямо под ним находился эпицентр разрушительного землетрясения, и почти все здание в селе были или разрушены, или сильно повреждены. Для жителей Бельтира был построен новый поселок совсем в другом конце Чуйской степи. Большинство молодежи уехало туда, а почти все старики предпочли доживать век в старом Бельтире. Теперь в нем живет меньше ста человек, а большинство домов представляют собой оставленные людьми руины.

Бельтир похож на далекие поселки безжизненных монгольских пустынь. Ни деревьев, ни травы, ветер носит по широким улицам пыль и мусор. Над помойками кружат стаи коршунов.

Безлюдно, тем более сейчас, когда все уехали на покос. Рыжая почва, не способная вскормить даже крапиву и репейник. Покосившиеся заборы, слепые окна. Бельтир – место грустное, бедное, выморочное.

Едва мы выехали на единственную большую улицу деревни, как увидели серебристый джип с барнаульскими номерами. В нем были наша Лена и свежие продукты – хлеб, овощи, мясо. Мы очень спешили вернуться к лошадям и друзьям. Поэтому быстро перегрузили вещи Светы в джип, а продукты из джипа – в уазик. Выяснилось, что Лена с нами не поедет, по семейным обстоятельствам. Мы без лишних разговоров простились со Светланой и Леной, сели в машину археологов, развернулись и уехали обратно к мосту той же дорогой.

Талдура

Археологи нас сильно выручили. Поездка в Бельтир от моста через Чаган, туда и обратно, заняла всего лишь час, а не добрые полдня, как если бы мы отправились туда на лошадях. В общей сложности наша команда простояла-промаялась у моста три часа, что в тех запутанных обстоятельствах было совсем немного.

Толя и Ербулан между тем как-то внутренне подтянулись и даже немного нервничали, хоть и старались не показывать вида. И мы догадывались почему.

Дело в том, что мы находились сейчас *на чужой земле*. Со всеми своими лошадьми и палатками. Мы приехали сюда без предупреждения в горячую пору сенокоса, в год плохой, неуродившейся травы. Настроения в горах по этой причине были неважными, народ крепко переживал насчет сильного недорода кормов. Кроме того, Толя и Ербулан были *казахи* из Джазгатора, а бельтирцы – это этнические *алтайцы*. Конечно, отношения между ними нормальные, добрососедские, но все же... Когда на перевале появлялась и начинала спускаться в нашу сторону очередная машина, Толя и Ербулан подтягивались и смотрели на нее напряженно – что-то будет?

Как только мы вернулись вдвоем, без Светланы и Лены, Толя и Ербулан вскочили с земли и принялись торопить нас с отъездом. Им хотелось поскорее проскочить угождая бельтирцев и после встать где-нибудь подальше в горах, как можно отдаленнее от людей. В два часа дня мы продолжили свой путь.

На этот раз мы повернули на развилке дорог не вправо к Бельтиру, а влево, на северо-запад. Удивительное дело, но по очень крутому склону, резко поднимающемуся от самой реки, была когда-то проложена узкая автомобильная дорога, по которой можно забраться наверх на узкое плато, разделяющее реки Чаган и Талдура. Мы поднимались этой дорогой полчаса, набрав полкилометра высоты и выехав в результате на травянистое плоскогорье на высоту 2540 м. Как и прежде, с перевала открылся прекрасный вид на Чуйскую степь и снежные хребты – Южно-Чуйский и Северно-Чуйский.

Хребет, отделяющий Чаган от Талдуры, оказался длинным и узким, как верблюжья шея, меньше чем полкилометра в поперечнике. Мы пересекли его наискосок минут за сорок. Зеленая высокогорная тундра, всегда холодная, с низкой травкой, плавно поднималась к западу к каменистой округлой шишке высотой 2651 м. Скоро впереди открылась глубокая голубая пропасть, на дне которой, далеко внизу, серебрилась река Талдура. Нас поразило, что на далеком противоположном склоне высоко-высоко над левым берегом Талдуры в небольшом углублении в горе ютилась маленькая стоянка – в два крохотных домика, с белеющими шиферными крышами. Как только бельтирцы умудрились забраться на эту головокружительную высоту?

Сергей Воробьев (фото В. Рыжкова, 2013 г.)

Тайга продолжал носиться вокруг нас, то убегая далеко вперед и становясь совсем маленьким белым скачущим пятном, то снова подбегая ближе к нам. Пес вел свою нескончаемую охоту совершенно молча, не издавая ни звука. Охота была чрезвычайно проста. Тайга не крался, не прятался, не таился, не замирал, не жался к траве, не прижимал к голове ушей, не скрывался за складками местности. Ничего подобного он не делал. Напротив, завидев сурка, торчащего столбом у своей норы, Тайга что есть мочи бросался буквально напролом огромными скачками в его сторону, рассчитывая только на свои силу и скорость, на то, что сурок зазеваётся и не успеет заскочить в убежище. И в результате таких прямолинейных наскоков Тайга неожиданно преуспел во второй раз. Жертвой оказался молодой сурок, небольшой и тощий. Он показал себя неопытным ротозеем и дал Тайге ухватить себя с налета его зубастой пастью. На этот раз пес прикусил сурка со всей возможной силой и тут же оттащил жертву подальше от норы, чтобы тот не сбежал по примеру первого пойманного соплеменника. Отбежав от норы, Тайга принялся швырять зверька высоко в воздух, тот громко пищал, но писк его слабел с каждым новым подбросом. Толя опять галопом примчался к Тайге, соскочил с коня и отобрал испускающую дух добычу. Тут же проводник выхватил из-за пояса острый охотничий нож и вспорол молодому сурку волосатое рыжее брюшко. Потом тщательно вычистил брюхо от кроваво-черных кишок, оставив нетронутыми миниатюрные сердце, печень, почки и легкие. Толя тщательно осмотрел потроха на предмет возможного заражения глистами или еще какой опасной дрянью. Над ним низко кружились в ожидании два больших коршуна. С виду все в потрохах было благополучно. Тайге полетели сурочьи сердце и печенька, собака жадно их сожрала, еще теплые и кровотокающие.

– Пакет дайте какой-нибудь! – крикнул нам Толя после того, как ловко ободрал с сурка всю шкуру. Розовое тельце сурка оказалось еще мельче и тощей, чем прежде, оно болталось в руке Толи мокрой тряпицей.

Получив полиэтиленовый пакет, Толя сунул в него сурочье тельце и плотно завязал сверху у горла тонкой бечевкой. После этого крепко приторочил пакет к заднику своего седла:

– Вечером сварим! – И вскочил обратно на коня.

Мы сделали с зеленой и ветреной шеи перевала свои последние звонки, зная, что дальше связи не будет больше недели. После чего двинулись на спуск к Талдуре, поначалу спешившись и ведя коней в поводу. Спуск вниз к урочищу Тэдеш и зимнику Оймок на реке Талдура оказался очень крутой, узкой каменистой тропкой, едва заметной и предательски осыпчатой. Вниз падала головокружительная пропасть, горные ботинки едва цепляли отвесный склон, лошади с трудом удерживались за гору одними только краями копыт. В таком месте покачнешься, оступишься – и улетишь вниз.

Такой крутой и опасный спуск продолжается метров двести по вертикали, острыми зигзагами. Дальше спуск, оставаясь очень крутым, все же немного выполаживается и переходит в редкий лиственный лес. В расщелине течет едва видимый ручеек. Мы садимся в седла и едем вниз верхом прямо вдоль ручейка. От верха перевала и до дна долины спуск составляет примерно 500 м. Перед самым выездом на покатую горную подошву, там где лес переходит в травянистую равнину, Толя с Ербуланом пускают коней в бешеный галоп. Они мчатся в погоню за двумя нашими грузовыми лошадьми, которые бегают самостоятельно и теперь умчались далеко вперед. Две закладные (грузовые) лошадки, с высокими разноцветными горбами крепко навязанных на них мешков и рюкзаков, ускакали вперед, увидев там широкие зеленые луга и рассчитывая хорошенько закусить на них сочной травкой. Это именно то, чего Толя с Ербуланом намерены не допустить ни в коем разе, ведь луга по берегам Талдуры – самые ценные покосы бельтирцев. Любая их поправа, даже мелкая и непреднамеренная, верный и тяжелый конфликт с местными жителями.

Не успели две грузовые лошади забежать на широкий прибрежный луг, как были атакованы сразу с двух сторон подскочившими Толей и Ербуланом. С криками и гиками, мотая длинными веревками и хлеща ими грузовых по бокам и задам, проводники согнали беглецов обратно на дорогу, петляющую аккуратно между покосов. Те едва ли успели ухватить и пару клочков травы.

Все происходящее привлекает внимание бельтирцев, которые косят сено неподалеку. У реки стоят их палатки, у палаток – узики. От палаток идет дымок – там что-то варится на невидимом нам отсюда костерке. Бельтирцы тщательно обкашивают долину Талдуры на всем ее протяжении – это основное кормовое угодье их деревни. По всей долине косцы машут косами, женщины сгребают граблями высохшую скошенную траву в островерхие копешки. Там и тут идет работа, видны дымки, палатки и машины. Сенокос в самом разгаре, бельтирцы ловят сухие солнечные августовские дни, дорожа каждой минутой вставшего наконец ведра.

Завидев нас, спустившихся сверху, они на минуту останавливаются и вглядываются. Действия Толи и Ербулана, своевременные и ловкие, успокаивают бельтирцев, и они возобновляют махание косами и сгребание сена в копны.

– Строго держитесь дороги! На траву не выезжайте ни в коем случае! – кричит Ербулан и пускает своего коня быстрой рысью по дороге.

Мы пускаемся лететь вслед ему и Толе. Толя и Ербулан берут грузовых коротко в повод, и теперь те тоже мчатся по дороге вместе со всеми, тычась мордами в толстые ягодицы лошадей проводников.

Так мы стремительно мчимся в глубь долины Талдуры, несемся без остановки два с половиной часа, молча, сосредоточенно, наклонясь вперед, привстав в седлах и поднимая за собой клубы сухой белой пыли. По бокам от нас одна за другой показываются стоянки. Из них, слышав наш топот, выходят наружу угрюмые мужики. Они неподвижно встают у домиков и палаток и молча провожают нас глазами. Напряжение растет. Бельтирская *чужая* земля словно обжигает подковы наших коней, требовательно гонит нас вперед и вперед. Скорее, скорее отсюда!

Километров через пять выше по течению от спуска с перевала мы бредем по Талдуру на ее левый, северный берег. Талдура мутная, со светлой ледниковой водой, очень холодная,

течение сильное. На карте брод не показан, но он находится приблизительно около зимника Талдура. Река расходится здесь на три примерно одинаковые рукава, и мы переезжаем их один за другим, беря немного против течения. В каждом из рукавов лошади погружаются в воду по шею, аккуратно перебирая под водой невидимыми ногами.

За бродом гонка возобновляется, тропа понемногу взбирается все выше вверх. По этому левому берегу тоже имеется проселочная дорога, по которой мы и скачем. Нам часто попадаются длинные черные трещины прямо в земле – следы страшного землетрясения. Слева внизу бельтирец скашивает траву не косой, а трещащей и дымящей машинкой – так получается много быстрее. За день он уже выкосил большое прямоугольное поле, которое теперь белеет на фоне нескошенного луга.

Чуть дальше, по уже скошенной и убранной траве, ходит большой серо-рыжий верблюд, привязанный веревкой к деревянному колышку. Бельтирцы традиционно держат верблюдов, немало украшающих эту живописную долину.

Долина Талдуры великолепна. Она совершенно прямая, сориентирована строго по линии запад – восток и тянется вдоль реки от Бельтира до слияния Талдуры с рекой Джело добрые тридцать километров. Из верхней части долины все эти три десятка километров просматриваются насквозь до самого Бельтира, который виднеется вдалеке на востоке в горячей дымке Чуйской степи. С севера долину запирает гора Куренду, почти что трехтысячник. С юга – плоский перевал, который мы переехали со стороны Чагана. По южной стороне долины растет лес, северная сторона голая, покрытая понизу кустами, а поверху – сухой травой и колючками. С запада долину замыкает темная, мрачная большая гора Бельтирду (3205 м) со снежниками и ледниками на вершине. Перед ней река раздваивается. Правее на северо-запад уходит прямо к ледникам Актру и Маащя ледяная и чистая река Джело. Сама же Талдура сворачивает налево на юго-запад и уходит туда еще километров на тридцать к своим истокам, на огромный ледник Большой Талдура, который лежит на северных склонах массива Иикту.

Дорога на Карагемский перевал, по которой мы мчимся, взбирается высоко над слиянием Талдуры и Джело на еще один небольшой перевал. С его вершины к югу хорошо и далеко просматривается долина верхней Талдуры, лежащие в ней снежники и огромные ледники. Там зависли тяжелые тучи, хлещет дождь, все горы сизо-черные, тяжелые, неприветливые. На нас раз за разом накатывает с той стороны плотный холодный ветер.

Наконец, к нашему немалому облегчению, все талдуринские покосы, пастбища и стоянки остаются за спиной. Мы поворачиваем в долину реки Джело, совсем уже дикую. Спускаемся к воде и бредем по Джело на правый берег. Вода прозрачная, течение сильное, но не очень глубокое. Дно выстлано крупной разноцветной галькой. За бродом проезжаем еще с километр и встаем лагерем прямо в лесу близ широкой прибрежной поляны, напротив большой пастушеской стоянки, расположенной за рекой и теперь совершенно безлюдной. Наша лесная стоянка туристическая, на ней большое костровище, следы людей, примятости от палаток. Выше по течению реки виден полуразрушенный, глубоко прогнувшийся деревянный мост, почти весь ушедший под воду. С неба сыпет холодный дождик. Мы разводим большой костер, чтобы согреться и обсушиться. Высота стоянки 2236 м, холодно и сыро, с перевалов тянет запахом мокрого снега. Вода близко, дров вдоволь. К северу видны снежные вершины Северо-Чуйского хребта.

Позади у нас 36 км пути и вся эта нервотрепка с Бельтиром и бельтирцами. Толя и Ербулан уводят лошадей на поляну отдыхать и пасти после трудного перехода с тремя перевалами и тревожной гонкой по долине Талдуры.

И вдруг Толя обнаруживает пропажу ободранного им сурка. Тот, видать, отвязался и свалился на землю по дороге, пока мы скакали.

– Дай черт с ним! – смеется Толя.

Карагемский перевал

Еще одна холодная и короткая ночь. К рассвету температура падает почти до нуля. В горах сыро. Палатка мокрая и снаружи, и изнутри. В пять утра проснулась и неприятно затрепала первая лесная птица. Воздух промозгл и бездвижен. Над вершинами лиственниц низко плывут серые тучи, горы обложены клочковатым туманом, ветра почти нет. Сегодня нам предстоит перебраться через Карагемский перевал. Встаем пораньше и быстро варим себе на завтрак кашу.

Весь Горный Алтай – это сложная система огромных горных хребтов. Из космоса их расположение напоминает громадный занавес, верх которого пришит к южному краю Западно-Сибирской равнины, а нижний край сдвинут западными ветрами далеко к востоку. Северные хребты Алтая, прицепленные верхним краем к Бийску и к реке Обь, это: Ануйский, Чергинский, Семинский, Иолго, Сумультинский, Алтынту, Корбу, Шапшальский. Они спускаются поначалу строго на юг, но потом понемногу закручиваются к юго-востоку. А самые южные и самые высокие хребты Алтая: Катунский, Северо-Чуйский, Южно-Чуйский, Курайский, Сайлюгем, Южный Алтай – и вовсе сориентированы по оси запад – восток.

Ребра хребтов отделяют друг от друга глубокие речные долины. Люди живут по этим долинам, пасут вдоль рек скот или поднимают его пастись на высокогорные плато. Из долины в долину проложены бесчисленные и древние конные тропы как раз через хребты, через высокие перевалы. По-другому на Алтае никак, ведь хребет не обойдешь и не объедешь. Его можно только *перевалить*.

Перевалить перевал – всегда серьезное испытание. Жители высокогорья тщательно и неспешно к этому готовятся. Коням перед подъемом дается отдых. Им не мешают вдоволь наесться. При заседлывании и навьючивании особенно тщательно и крепко тянутся ремни и подпруги, проверяется симметричность веса сумин, общий вес груза соизмеряется с возможностями каждого коня. Лишние вещи отбрасываются или оставляются. Предусматривается, чтобы под рукой были теплая одежда, сапоги и плащи – на случай дождя и снега наверху. Спешить на подъеме нельзя – можно надорвать лошадь. Подъем совершается медленно, тягуче, мерно, спокойным шагом. Останавливаться лишний раз также не следует, чтобы не сбить у лошадей дыхание. Многое зависит от погоды – даже летом она может резко испортиться и сильно усложнить переход хребта или отрога. Уже в сентябре на перевалах выпадает и ложится снег, тогда лошади проезжают их по снегу, нередко глубокому.

Тщательно подготовившись, мы приступаем к подъему на Карагемский перевал. Он разделяет водные системы двух больших рек Алтая. Реки Джело, на которой мы переночевали, текущей отсюда в Талдуру и вместе с ней дальше на восток, где Талдура впадает в Чую. А за перевалом начинается долина Карагема – правого притока Аргута, который, в свою очередь, крупнейший правый приток Катунь. Карагемский перевал проходит по вершине небольшого хребта, смыкающего между собой Северо-Чуйские и Южно-Чуйские хребты. Через перевал для нужд пастухов и лесозаготовителей в советское время была проложена автомобильная дорога, петляющая сложным и крутым горным серпантином. Мы поднимаемся этой дорогой, иногда срезая углы крутыми подъемами прямо по каменистому склону.

Лес растет только по самому низу перевала. Выше гора голая, травянистая. Подъем умеренно крутой. Перед самым началом подъема справа видна еще одна стоянка, расположившаяся на подошве горы.

Через полчаса от начала подъема на нас налетает резкий ветер, принимается хлестать сильный ледяной дождь. Мы спешиваемся и торопливо натягиваем на себя теплые кофты, непромокаемые штаны и плащи. Руки мокры и мерзнут, матерчатые перчатки быстро напитаются холодной водой. Седла тоже мокрые, с них стекает вода. Мы садимся в них и про-

должаем путь. Ветер хлещет в лицо, вода затекает в карманы и внутрь курток. Горы вокруг полностью скрываются в серой пелене дождя, мы карабкаемся все выше. Вдруг сквозь завесу дождя и облаков я вижу далеко внизу от себя большое круглое озеро, которое, оказывается, примостилось на этом долгом подъеме. Озеро мерцает среди плотных серых туч как призрак.

На горе вдруг ниоткуда возникает чужая собака. Как и наша Тайга, она походит на средних размеров лайку и той же белосерой масти. Тайга и чужая собака сначала замирают, присматриваются одна к другой, потом сбегаются и обнюхиваются. Отношения у них устанавливаются самые дружеские, обе собаки понимающе крутят друг дружке калачеподобными задранными хвостами, весело вертятся друг подле друга. Чужая собака какое-то время бежит за нами, провожая. Стало быть, неподалеку стоят пастухи со скотом, соображаем мы.

Еще полчаса подъема, и дождь сменяется снегом. Да что там снегом – настоящими бурным и метелью! Мы слепнем, снег хлещет в лица, залепляет нам глаза. Снег обкладывает ноги и руки, скапливается на плащах и куртках. Адски холодно, мы цепенеет в своих седлах, колени ноют, поводья обледенели в скрюченных пальцах. *Непромокаемая* одежда и обувь вся уже намочена и местами протекла насквозь. Ничего не видно, середь бела дня совсем стемнело – виден только темный контур едущего впереди проводника. Мы промерзли до костей.

Так мы из утренней прохлады, через ливень и снежный буран, спустя час и двадцать минут от начала подъема заезжаем на самую вершину перевала. Здесь сложена традиционная каменная пирамида, горб хребта каменистый и почти голый, с жидкой травкой, засыпанной теперь тяжелым мокрым снегом. Вот что такое алтайский высокогорный перевал – снега, бураны и сугробы даже летом.

Я смотрю на высотомер – 2830 м. Выходит, что Карагемский перевал – один из самых высокогорных перевалов Алтая. Для примера – он на целый километр выше, чем Семинский перевал. От места ночевки на берегу Джело мы поднялись на 600 м.

Как по команде неведомых горных духов, лишь только мы достигаем каменной пирамиды на вершине перевала, снегопад и метель уносятся прочь, дальше на восток. Ветер стихает, открывается голубое небо, блистает яркое солнце. Мы делаем короткую остановку, как положено на перевалах. Солнце немного согревает нас, от мокрой одежды идет белый пар. Страшно замерзшая Даша усаживается на камень, снимает горные ботинки, стягивает с ног насквозь мокрые шерстяные носки, меняет их на сухие. Она вся дрожит от холода.

В ясные дни с Карагемского перевала видна вдалеке Белуха, справа сверкают ледники и вершины Северо-Чуйского хребта, слева громоздится стена Южно-Чуйского хребта, назад далеко на востоке виднеется Чуйская степь и за ней синий Курайский хребет. Но сегодня непогода закрыла большую часть этой прекрасной круговой панорамы. Впереди видна вся изумрудно-зеленая котловина верховий реки Йолдоайры. Сама речка вытекает тут же из большого ледника к югу от нас. Справа ниже нас на горном склоне пасется большое стадо мохнатых черных яков.

Я решаю согреться и бросаюсь бежать вниз по дороге. Я несусь вниз большими скачками, за мной бежит в поводу мой конь. Я быстро согреваюсь от быстрого бега и мне становится весело. Воздух быстро теплеет по мере снижения высоты. Яки заметили мои дикие длинные прыжки и тоже дружно побежали прочь от меня. Они скатились всем стадом черной шерстистой лавой вниз к речке, перешли ее и взобрались как можно выше на противоположный склон долины, под самый горный гребень. Вскоре, стравив метров двести высоты, мы оказываемся на дороге, проложенной правым берегом Йолдоайры.

Там в густой траве у берега мы видим серый узик, в котором сидит женщина-алтайка и выглядывает в окно куда-то на противоположный берег реки. Там, по крутому поросшему кустами склону, карабкается вверх мужик с карабином в руках. Он то и дело приседает в траве и кустах и замирает, словно от кого-то прячется. Мы задираем головы вверх и видим на самой вершине скального гребня, на границе с небом, три маленькие черные точки.

– Козероги! – говорит Толя.

И точно – на нас глядят сверху три рогатые головы, к которым снизу подбирается с ружьем местный охотник.

Не знаю, чем именно закончилась его попытка подобраться и добыть горного козла. Мы не стали дожидаться и поехали дальше.

Через полчаса нам встретилась группа пеших молодых туристов, разноцветная и шумная. Они пили чай на приречной гальке, готовясь к подъему на перевал.

Сразу за первым поворотом реки начался густой лес, который покрывает долины Йолдоайры и Карагема на всем их протяжении, до самого места впадения Карагема в Аргут. Весь каньон Карагема дикий и лесистый, настоящая вековая тайга растет по обеим сторонам долины, поднимаясь высоко в гору.

Дорога перебегают с берега на берег мелкими неширокими бродами. Так мы, двигаясь по едва заметной колее, переехали речку шесть раз. Дорога идет то лесом, то прямо у кромки воды под речными обрывами. Долина живописна, близко от нас к югу виднеются ледники, от них явственно тянет холодом. Так мы движемся вниз от перевала три часа и выезжаем к месту слияния Йолдоайры и Карагема. Последний берет начало к северу от нас в ледниках Маашея. Место у слияния двух рек очень красиво.

Широкая ровная долина с прекрасной чистой травой. Вокруг лугов растет хвойный лес. На краю леса выстроен крепкий дом, предназначенный для туристов и охотников. С севера долину окаймляют большие горы Северо-Чуйского хребта с мощными ледниками. Альпинисты переваливают отсюда на реку Мажой и даже на Шавлинские озера – через ледники и скалы.

Автомобильная дорога, идущая с Карагемского перевала, заканчивается в долине верхнего Карагема у слияния рек, прямо около стоянки. Дальше вниз по долине уходит одна лишь конная тропа. Мы бродим реку Карагем, на этот раз брод достаточно глубокий, с сильным течением. За бродом конная тропа бежит густым лесом правым берегом Карагема. Видно, что за тропой смотрят люди. Упавшие на тропу деревья пропилены, тропа расчищена от завалов.

– Чьи это земли, Толя? Уже ваши – джазаторские? – интересуюсь я.

– Нет, еще бельтирские. Наши подальше начнутся.

– А кто сюда ездит?

– Как кто? Бельтирцы. На охоту.

После перевала нам остается найти удобное место для ночлега и дать отдых лошадям. Ровно в три часа пополудни мы встаем лагерем в четырех километрах ниже слияния двух рек, в лесу на краю большой поляны. Мы перевалили высокий хребет и проехали в общей сложности двадцать километров. На перевале попали в снежную бурю и только что перешли вброд бурный и глубокий Карагем.

Теперь нам и нашим лошадям надо отдохнуть.

Через буреломы Карагема

Дороги и конные тропы алтайских высокогорий редко бывают простыми. Крутые спуски и подъемы, каменистые осыпику-румы, выше границ леса – топкие болота, ниже – густые лесные заросли и непролазные буреломы. Людям приходится едва ли не каждый год ремонтировать и восстанавливать высокогорные дороги, заново *делать* их. С наново заваленных путей-дорог оттаскивают, отволакивают в сторонку прикатившиеся во время камнепадов камни и глыбы. В курумах, наклонясь, руками забивают и затыкают открывшиеся опасные черные дыры, трамбуют их более мелкими камнями. По болотам ищут объезды посуше. В лесах рубят и пилят бензопилами упавшие деревья, перегородившие дороги и тропы. Каждую зиму в горах выпадает высокий снег, весной он тяжелеет и после того тает, увлекая вслед за талой водой разрушительные сели и оползни. Отяжелевший по весне снег ломает и рушит вниз ветви и целые вековые деревья, заваливая ими лес. Если не чистить дорогу два-три года, она становится безнадежно непроходной и непроезжей. Дороги высокогорья разбегаются паутиной во все стороны на многие десятки километров и везде на них видны следы заботы местных пастухов и охотников. За дорогами надо следить. Это необходимая и тяжелая работа.

Все дороги высокогорья – и пастбища, и охотничьи угодья – поделены между редкими деревнями. Люди чистят и делают дороги, как правило, по весне, когда стает основной снег и немного просохнут горы.

До нашей стоянки на правом берегу верхнего Карагема мы добрались по отличной, добротно расчищенной конной тропе. До поляны с домиком наш путь пролегал от вершины Карагемского перевала по проселочной автомобильной дороге, сложной, ухабистой, но вполне проезжей. За бродом через Карагем мы проследовали чистой и широкой конной дорогой, на всем протяжении которой упавшие лиственницы и ели были пропилены бензопилами. Нам нигде не пришлось переступать через поваленные сучковатые стволы, спилы на стволах были свежие, видно было, что дорогу чистили этой же весной. Места здесь были еще бельтирские, стало быть, бельтирцы не поленились пройти здесь с пилами и топорами, расчистив себе проезд к местам охоты на козорогов и маралов.

Сидя ночью у костра, мы видели вдалеке на востоке в верховьях каньона Карагема, как ползли и кувыркались по горам синие фонари одинокой машины. Она медленно двигалась к истокам Карагема, к избушке. А рядом с нами виднелась палатка байкеров-экстремалов и близ нее два легких грязных байка, затащенных сюда бесшабашными хозяевами. Больше мы этих байкеров не видели, куда они смогли добраться – нам неизвестно.

Утром следующего дня мы собирались вяло и выехали вниз по Карагему лишь в 10.30 утра.

Поначалу дорога была столь же хороша, что и накануне. Ехали широкой лесной тропой, все с ног до головы в свежих солнечных бликах, и безмятежно отдыхали. Так незаметно, примерно за час, добрались до речки Камрю – правого притока Карагема. Речка оказалась небольшая, но опасная. Она мчалась под большим уклоном вниз, ревя водой и грохоча камнями. Речка текла в глубоком овраге, меж крутых глинистых берегов. Белые круглые глыбы по дну и по берегам были гладко обтесаны и отшлифованы паводками и селями, вода была белесоголубого цвета, что говорило о ледниковом источнике притока.

Толя поехал на брод первым, в разведку, велел нам дожидаться. Сунулся между камней раз, сунулся второй, третий. На третьей попытке с трудом протиснулся между двумя мокрыми снизу утесами, сильно раскачиваясь в ледяных волнах. В несколько лошадиных шагов он перемахнул речку, не один раз при этом поменяв направление и ловко уклоняясь от густо усыпавших русло огромных глыб. И махнул нам с вершины берега на той стороне – двигайте моим следом!

Мы поехали за ним, но это было непросто. Некоторые тут же потеряли дорогу и застряли прямо посреди ревущего потока, упершись в высокий камень и не ведая, куда дальше поворачивать. Толя с Ербуланом громко кричали застрявшим сразу с двух берегов и указывали направление движения жестами. Пару раз лошади сильно спотыкались о подводные препятствия и едва не падали в поток вместе с седоками. Впрочем, в итоге все проехали сложный брод благополучно.

За бродом нам пришлось еще тяжелее. Хорошая, расчищенная бельтирцами дорога кончилась аккурат перед бродом через Камрю. Вся дальнейшая тропа по правому берегу Карагема оказалась густо завалена упавшими деревьями и засыпана обломанными ветром и снегом ветками. Там мы в полной мере вкусили, что значит двигаться по высокогорной тайге по безрадостному бездорожью.

Склон горы за Камрю оказался очень крутым. Кедры, лиственницы и пихты растут на нем густо, близко Друг к другу. Почва мягкая, покрытая толстым зеленым мхом, под которым, однако, тут и там прячутся опасные острые камни. Весь склон неряшливо завален дикой древесиной. Стволы поваленных деревьев лежат, все до единого, ветвистыми верхушками книзу по склону. А вывороченными корнями, с прилипшими к твердым шупальцам побелевших корней огромными кусками сухой земли, кверху. Нижние ветки деревьев придавлены тяжестью павших исполинов. Они обломились и хаотически рассыпаны вдоль мертвых стволов. Боковые и верхние ветки пока целы, но иголки почти все уже пообтрепались и опали, а сама древесина высохла, приобрела хрупкость и остроту. Упавшие деревья оцерились острыми сухими ветками во все стороны, как огромные, вытянутые поперек склона деревянные противотанковые ежи. Они словно нарочито разбросаны каким-то злодеем поперек горы, чтобы пройти и проехать здесь никому не было никакой возможности.

Удручающую картину бескрайней непроходимой чащи дополняют мерзкие кусты, густо покрывающие все свободные промежутки между деревьями. Все они пыльные, колючие, дерущие кожу рук и ткань курток, с тонкими гибкими веточками, переплетенными между собой как грязные запутавшиеся волосы. Продирание сквозь эти колючие заросли само по себе требует много усилий и вызывает немало злых чертыханий и пота на наших горячих лбах.

Тропа, хоть и заросла и завалилась по причине редкого пользования, все же отчасти видна. Но сплошь перекрыта при этом разнообразными препятствиями, главным образом поваленными деревьями. Ее давно никто не чистил. Пропилы толстых поперечных стволов встречаются, но очень старые, давно почерневшие. Свежеповаленные же кедры-великаны перегораживают дорогу беспрепятственно, не со всех еще даже облетела мягкая кедровая хвоя.

Скорость нашего движения падает до черепашьей. Следующие четыре километра мы преодолеваем за два с лишним часа тяжких трудов. Нам приходится то и дело съезжать с тропы, ища объезды на крутом горном склоне. Группу ведет, зорко вглядываясь вперед и непрерывно крутя головой, Толя. Ербулан страхует группу сзади, помогая выбираться тем, кто застрял.

Всякий раз, когда дорогу перегораживает очередное огромное дерево с высоко торчащими вверх ветвями (а это происходит поминутно), Толя выглядывает, как бы ловчее его обогнуть – *поверху* или же *понизу*. В обоих случаях приходится съезжать с дороги и вступать на отвесный склон – или карабкаясь круто вверх, или скатываясь круто вниз. Приходится огибать упавшее дерево или ниже его верхушки, далеко от тропы, или же наверху, где высится среди неба грязный огромный вывороченный корень – комель. Со стороны комель похож на грязную паукообразную звезду с кривыми длинными лучами. Склон горы крут и непролазен, камни скрипят подо мхом, лошади работают изо всей мочи, густо потея. За одним завалом раз за разом встречается другой, невидимый с тропы. Тогда приходится объезжать и его.

Кусты сменяются кустами, переступаемые деревья – другими переступаемыми деревьями, завалы – новыми завалами. Всюду на нашем пути чаща и бурелом, отовсюду слышатся сопения и трески. Ни единого метра пути мы не едем по ровной дороге. Лошади замирают

перед торчащими обломанными ветками, страшась перепрыгивать их, боясь пропороть всеми этими острыми сучьями беззащитное теплое брюхо. Всадники соскакивают с седел, сами едва не падая на крутом склоне, тянут упирающихся коней через поваленные деревья. То и дело у кого-то соскальзывает со спины коня седло, то и дело кто-то сваливается на мох или заблуждается в кустах. Стоит одному зазеваться у завала, как остальная группа уметывает далеко вверх или вниз, тут же теряясь в зарослях. Пять минут задержки, и уже не докричишься. Взмывшие проводники бегут взад и вперед по крутому склону, подвязывая седла, хлеща заупрявившихся лошадей по бокам веревками, вытаскивая обратно к тропе заблудившихся путешественников. Кожаные сумины, висящие по бокам коней, цепляются за сучья, громко трещат и рвутся. Вечером нам предстоит латать их. Скоро у всех лошадей и людей побиты и ободраны до крови ноги, а у людей – еще и руки.

Из всех нас, мучающихся, мокрых и злых от прилагаемых усилий, лишь Тайга получает целое море удовольствия от беготни по непролазному лесу. Он носится вверх и вниз по склону, подныривает под стволы и ветки, нюхает кусты и окропляет, задрав заднюю лапу, все, что ни попадется ему на пути. Время от времени он принимает героические позы смелого пионера, скаута и следопыта. Забежав откуда-то сверху на поваленное дерево, висящее высоко над нашими головами, он замирает на самом конце ствола, высоко задрав острую морду и мохнатые уши. Отставляет немного назад задние лапы, как бы подаваясь всем телом вперед. Тут он замирает, весь целиком устремленный вперед и ввысь, и словно бы мечтательно вглядывается в голубую даль. Взор его затуманивается думой о далеких снежных горах и новых славных приключениях. Покуда мы пытим и продираемся где-то внизу, все в поту и в грязи, Тайга думает о высоком. Он свеж и бодр, как огурец.

Взмывший Толя, видя эту наглую собачью физиономию, всякий раз зло чертыхается и запускает в Тайгу шишкой.

Тайна гарной дороги

Пережитый накануне тяжелый проезд по карагемским буреломам порядком нас вымотал, не говоря уже о многочисленных травмах и ссадинах, которые теперь болели и саднили у людей и лошадей. За три с лишком часа упорного труда мы преодолели всего лишь девять километров, спустившись на высоту 1620 м, т. е. в самое низкое место за минувшие восемь дней пути, где и встали на ночлег. Несмотря на относительную низину, и эта ночь выдалась страшно холодной, к утру температура снова упала до нуля, влажные палатки обледенели.

Тем не менее место, выбранное нами для лагеря, было отменным. Обширная ровная поляна с высокой травой, со всех сторон окруженная отличным крепким лесом. Чисто, много дров, никаких следов пребывания людей. До берега Карагема от костра метров сто по хрустящей гальке, поросшей красивым стройным ивняком. Всюду по гальке валялся нанесенный сюда паводками и выбеленный солнцем сухой *топляк* – наилучшее топливо для костра. Такая древесина горит жарко, принимается сразу, пылает ярко и весело, почти бездымно. Идя взглянуть на Карагем, я вспугнул в кустах то ли выпь, то ли бекаса – небольшую серую птицу с длинным и тонким, изогнутым книзу клювом. Она, крича, низко над берегом улетела от меня в тайгу.

Прямо напротив нашей солнечной поляны в Карагем впадала небольшая речка. Это была Караайры (*черная речка*) – крупный левый приток Карагема. Он берет свое начало в ледниках самых высоких пиков Южно-Чуйского хребта, в первую очередь на северных склонах остропикой Икту. Речка бурная и полноводная, не намного меньше самого Карагема. Глубокое и окруженное с обеих сторон крутыми горами ущелье Караайры уходит от Карагема далеко на юг, упираясь там прямо в снежно-ледовые стены высокого хребта. Крутые каменные стены справа и слева от реки вздымаются намного выше чем на километр от среза воды. Упершись в хребет, речка раздваивается на две. Одна, Оштуайры, взбирается дальше на юг, прямо к Икту. Вторая, Мештуайры, сворачивает на юго-запад, где на самой снежной вершине хребта плещется безымянное озерцо и находится водораздел с речкой Бара, текущей от хребта на юг к Джазатору.

Судя по карте, озерцо в истоках Мештуайры и перевал рядом с ним – единственное на всей центральной части хребта место, не покрытое сплошь ледниками. Собираясь в поход на дикий Карагем, мы планировали перевалить Южно-Чуйский именно тут и спуститься после к Джазатору по дикому ущелью Бары. Никакой тропы на карте здесь не обозначено, но Альберт из Джазатора заверил нас, что наш опытный проводник Петр отлично знает дорогу и проведет нас по ней. В первый же день, день выхода из Джазатора, я спросил Петра, действительно ли он знает конный проход с Караайры на Бару через Южно-Чуйский хребет.

В ущелье реки Карагем (В. Рыжков, 2015 г.)

– Знаю. Каждый год там проезжаю на охоту. Дорога там, конечно, очень тяжелая. Курумы везде страшные. Но проедем! – уверенно ответил мне на это Петр.

– А много народу в Джазаторе знают эту дорогу?

– Не-е-е. Какие много! Я да еще, может, пара человек из всей деревни.

Когда Петр заболел и чуть не помер на третий день пути, когда его увезли в больницу и он был срочно заменен Ербуланом, я обратился к последнему с тем же самым вопросом:

– Скажи, Ербулан, а знаешь ли ты дорогу с Карагема на Бару?

– Нет, не знаю. Только вот слышал про нее, – честно ответил Ербулан. А Толя еще раньше сказал мне, что не знает.

Мы расстелили по траве карту и стали втроем ее разглядывать.

– На место приедем – там и посмотрим, – сказал после долгого изучения карты Ербулан. И вот мы на месте.

Перед нами несется дикий Карагем. Воды в нем много, вода высокая. Скорость воды страшная. Вода слегка мутная, дна не видно. Прямо напротив через реку виднеется устье Караайры. Оно густо заросло лесом, мы видим там сплошной бурелом и непролазную густую чащу. Лес высоко взбирается в гору обоими берегами. Выше леса без всякого перехода нависают отвесные скалы. К ним цепляются трава и редкие скрюченные кедры с темно-зеленой хвоей. На скалах вдалеке и выше пасутся, балансируя над пропастью, козероги.

Ербулан целый час, а то и больше ощупывает в бинокль каждый метр ущелья Караайры. Сначала его правый берег. Потом левый. Сам лес. Затем все, что выше леса. После пересчитывает всех козерогов, медленно жующих траву на скалах. Он пытается заглянуть и вдаль – под самый снежный хребет. Его вывод совсем неутешителен.

– Не знаю я, как тут проехать. Главное, что непонятно, с какой стороны там дорога, по какому берегу надо ехать. А так, когда не знаешь, вообще бесполезно даже лезть туда.

– А брод-то тут есть? Через Карагем? – спрашиваю я.

– И брода здесь нет. Только ниже можно попытаться перейти на ту сторону. И то искать надо, пробовать, соваться. Вода-то, глянь, какая высокая нынче.

Все ясно. Без Петра нам хребет по Караайры на Бару никак не переехать. А Петра с нами нет, он заболел и уехал в Джазатор. Тогда я беру с Ербулана и Толи слово. Что они обязательно проедут как-нибудь вместе с Петром через перевал этой опасной дорогой и хорошенько ее запомнят. А потом мы проедем ее с ними *вместе*.

– Да! Мы так и сделаем! – неожиданно серьезно обещают Толя и Ербулан. В их темных казахских глазах видна решимость.

Семь бродов Карагема

Выяснив, что дорогу через перевал нам в этот раз не отыскать, мы устроили у устья Кара-айры дневку. Ярко светило солнце, ветра в долине Карагема не было, в воздухе стояло летнее жаркое марево, безмятежно синело высокое небо. Ни мух, ни комаров. Благодарь.

Разложили по траве влажные вещи – сушиться. Вывернули и примостили на солнце-пеке сапоги и ботинки. Развесили на веревках полотенца и одежду. Раскрыли настежь палатки. Внутри тентов ворвался горячий сухой воздух. А мы пошли купаться в Карагеме.

Там мылись с удовольствием в ледяной воде, намочив голое тело и намазав его пенящимся гелем. А мокрые волосы покрыв шампунем. Погружались в воду в глубокой яме за большим камнем, чтобы не унесло вниз течением. Вылетали из воды от стужи и восторга на залитый солнцем дикий берег. Тайга по берегам реки бездвижно сверкала от слепящего солнечного ветра.

Весь день пили горячий терпкий чай с костра. Я много и с удовольствием рисовал. Играли и расписывали в тенике любимую сибиряками карточную игру *тыщу*. Потом бросили карты и запрягли несколько лошадей. Скакали на них галопом по поляне. Тормозили прямо у костра, с полного хода, джигитовали, дурачились.

Вечером сварили сытный мясной суп и рано разошлись спать – лишь только стемнело. С сумерками упал холод, все опять заледенело. Небо усыпалось яркими звездами, над горой выкатилась большая желтая луна, выпуклая, как мяч. Травы по поляне обмерзли и засеребрились инеем. Я спал крепко, мне снились цветные картины прошедших дней, переходы через тайгу и перевалы. Всю ночь во сне я двигался по горам, двигался, двигался. Седло подо мной раскачивалось и скрипело, весь поход прокручивался во сне как разноцветный сериал. Утром поднялись пораньше, сварили и с большим аппетитом съели завтрак. Умело и спорно навьючились. И в 9.30 двинулись в путь, продолжая спускаться правым берегом Карагема. Так как перевалить перевал нам не удалось, оставалось обогнуть его с запада понизу.

Первые четверть часа ехали лесом, хорошей простой тропой. Так выехали на берег речки *Каиндыюдру*, правого притока Карагема. Легко ее перебрали.

За бродом опять начались большие сложности. Снова встала непроходимой стеной нечищенная тайга, буреломы и завалы. Мы завязли, едва подаваясь вперед.

Ущелье Карагема узкое, с крутыми высокими горными склонами. Книзу к реке они обрываются скалистыми пропастями. Тропа, чтобы обойти их, забирает очень высоко над рекой – на сотни метров. Отсюда реку не слышно и почти не видно за плотным частоколом леса.

Мы медленно пробивались сквозь завалы, рубили, оттаскивали, перескакивали, объезжали бесконечные препятствия. Тропа местами выскакивала на круто покатые поляны, здесь мы и лошади немного переводили дух. Долина реки в таких открытых местах мигом распахи- валась, становился виден далеко внизу Карагем. Его ущелье просматривалось хорошо вперед, до самого плавающего в голубой дымке Аргута. После таких полянок мы вновь ныряли в чащу и снова принимались рубить, таскать и перепрыгивать.

Так продолжалось два часа с лишком. Вдруг с высокого лесистого обрыва перед нами открылось далеко внизу широкое серое днище долины, по которой Карагем растекся на множество змеящихся, как конская грива, белых протоков.

Мы круто съехали вниз к самой воде и там спешили. Под ногами хрустела влажная галька, шумела вблизи река, мрачная тайга подступила здесь прямо к ее берегам. Наши сердца учащенно стучали, предчувствуя новое испытание...

Проводники Толя и Ербулан неторопливо обходят коней, одного за другим. Проверяется каждая подпруга, каждая сумина, каждая сумка и каждый рюкзак. Все тщательно крепится,

подвязывается и подкручивается, по возможности понадежнее. Мы молчим. Нам и так все ясно. Впереди – *броды*. Толя и Ербулан, завершив крепежи поклажи, выкуривают по сигарете и вскакивают в седла. За ними запрыгиваем на лошадей и мы. Двинулись. С Богом! Броды Карагема – самая сложная и рискованная часть всего нашего похода.

Проехав метров триста по влажному серому галечному дну долины, мы упираемся в Карагем. Никакой тропы здесь нет и в помине. Толя ведет нас вперед. Он не ориентируется ни на карту, ни на тропу – он просто *знает*, где именно находится брод. Молодой жеребец Толи упирается, не хочет лезть в воду. Он дергается головой и передними ногами вправо-влево. Толя больно хлещет его веревкой по бокам. Жеребец вступает в Карагем и тут же уходит в воду по грудь. Еще два шага вперед, и конь весь погружен в воду. Поверх воды торчат только его спина и Толя, задравший ноги повыше, чтобы вода не залилась в сапоги. Карагем несется влево направо с большой скоростью, конь упирается в невидимое каменистое дно, возможно шире расставляя ноги. Он идет средним шагом, не спеша, очень аккуратно, сохраняя равновесие. Толя бродит через реку немного наискосок вниз по течению. Скоро нам становится ясно, почему через Карагем бродят именно в этом месте. Река здесь сильная и глубокая, но дно ровное, без больших камней, и глубина на всю ширину реки примерно одинаковая, без ям. Бродить по течению легче, чем против, особенно в такую высокую воду, как сейчас, не нужно дополнительно бороться с силой течения.

Мы один за другим, цепочкой, следуем за Толей на левый берег Карагема. Психология у лошадей такая же, как у людей. Если они видят, что кто-то уже прошел опасное место, то идут вслед без особого страха. Но вот если кто-то впереди вдруг споткнулся или упал, тут же принимаются упираться и бунтовать. Следуя за Толей строго след в след, мы переходим Карагем благополучно.

На карте в этом месте, в среднем течении Карагема, обозначен лишь один брод. На самом деле их оказывается целых семь, один за другим. Мы проехали их все в течение часа. Карагем распадается на протоки, а берега, напротив, смыкаются крутыми стенами, совершенно непригодными для проезда верхом. Поэтому дорога спускается на реку и семь раз ее пересекает. Пешие туристы как-то пролазят со своими рюкзаками поверху, но нам снизу их дорогу не видать.

После первого брода мы едем вперед по гальке русла еще несколько сот метров, перебираясь несколько раз через кусты ивняка, и упираемся опять в Карагем, который сделал поворот и подмывает теперь скалы по левому берегу. Толя второй раз окунается в бурную воду и вновь бродит наискосок через летящую стремнину. Мы повторяем его ходы и оказываемся на правом берегу. Еще триста метров – и открывается третий брод.

Сразу за ним – обрыв, густо поросший лесом. Здесь от реки видна конная тропа, круто уходящая вверх от самой воды. Толя карабкается по тропе, мы лезем за ним. Поднявшись метров на пятьдесят от воды, тропинка петляет по лесу крутым склоном. Река виднеется и шумит внизу. Тропинка узкая, вся утопает в глубоком влажном мхе яркого изумрудного цвета. Мох густо покрыт спелой брусникой с крупными красными ягодами и блестящими сочными круглыми листочками. Мы принимаемся лакомиться брусникой, срывая ее прямо на ходу. Склон так круто падает вправо, что, немного наклоняясь на седле влево, можно легко брать ягоды и отправлять их в рот. В этот самый момент мы слышим сзади крик замыкающего колонну Ербулана:

– Толя-я-я!

Толя оборачивается. Что еще случилось? Ербулан показывает куда-то вниз на реку. Мы смотрим туда и видим двух наших *закладных* лошадок, обвязанных тюками и сумками, бегающих по руслу реки вместо того, чтобы двигаться за нами по тропе. Они растерянно мечутся по реке, не зная дороги. Впереди у них гремит бурный Карагем, в этом месте непроезжий. Мозгов вернуться назад и найти въезд на дорогу у них не хватает. Вот они и мечутся внизу, ошалев-

шие от испуга. Толя выругивается и бросает мне веревку своего коня. Дальше он начинает с грохотом прыгать вниз к реке прямо по обрыву. Мы вылезаем из седел, ложимся на мокрый мох и ждем, обедая кислую бруснику.

Толя оказывается далеко внизу на галечном ложе речной долины. Он, громко ругаясь, гонит грузовых лошадей назад к въезду на тропу. Дальше загоняет их на тропу и скоро, потный и злой, возвращается к своему коню. Мы продолжаем путь. Еще четыре таких же брода, еще четыре таких же лесных склона и броды остаются позади. Все семь бродов Карагема – глубокие, широкие, мощные, с высокой водой, но все проезжие, особенно если ехать вниз по течению, а не против него.

Мы встаем на короткий перекур где-то между пятым и шестым бродами, на берегу каменистого ручья на левом берегу Карагема. Здесь я обнаруживаю, что у меня отвязался и свалился по дороге старый пленочный «Никон» в черном матерчатом футляре. Камеру жалко – она побывала со мной во всех алтайских походах. И всегда делала превосходные снимки. «Никон» был крепко привязан к седлу, но, как видно, от скачков и шатаний веревка ослабла и после вовсе развязалась.

– Я посмотрю! – говорит Ербулан.

Он допивает чай из кружки и вскакивает в седло. Рядом с нами только что пройденный очередной брод, и Ербулан погружается в него, перебредая реку в обратном направлении, теперь уже против течения. За бродом он трусит по длинной галечной отмели, внимательно глядя на наши свежие следы и по сторонам от них. Ербулан вскоре отъезжает далеко от нас, превращаясь в темную точку. Там он вновь перебредает Карагем. И исчезает из виду.

Через полчаса Ербулан возвращается, увы, с пустыми руками. Он проехал все броды назад и везде оглядел дорогу, но фотоаппарата нигде не было. Должно быть, камера отвязалась прямо во время одного из бродов, и теперь ее далеко унесло по реке, бог весть куда.

За седьмым, последним, бродом тропа становится шире. Теперь мы едем высокими зарослями серебристой облепихи, покрытой спелыми оранжевыми ягодами. Облепиха вполне созрела, но она дикая и потому очень кислая. Дорога идет по дну мелких протоков с голубым илистым дном. В протоках бежит быстрая вода. Вдруг мы замечаем впереди густой дым, который валит прямо от реки. За узкой, по колено, протокой открывается островок, покрытый кустами и густо заваленный заиленным топляком. Левый берег островка, весь загроможденный оставшейся от паводков древесиной, горит и дымится.

Вот так дела! Как же загорелся этот островок прямо посреди дикого Карагема? Грозы накануне не было. Туристы? Но как? И где они? Почему не потушили огонь, уходя с островка? Ответов на наши вопросы нет.

Мы привязываем коней на берегу и бросаемся тушить лесной пожар, опасный для окрестной тайги. В нашем распоряжении лишь три котелка и топор. Мы черпаем воду и заливаем ею огонь и горящие угли. Рубим горящие ветви и засыпаем их мокрым песком и липким речным илом.

Площадь пожара большая – 50 на 30 м. Горит сухой топляк, и горит уже давно. Огонь ушел глубоко вниз, он жарит нас из глубины завалов. Мы осторожно ступаем по почерневшему обгоревшему валежнику, засыпанному сажей и пеплом, опасаясь подломиться и провалиться в самый жар. Мы льем воду прямо в оранжево-черное пекло, и из него в ответ поднимаются целые облака горячего белого пара. Мы начали тушить с трех сторон и медленно сходимся к центру пожарища. Тушение продвигается медленно. Котелки маленькие и приходится каждую минуту бегать к речке за водой. Едкий дым вперемешку с паром застилает гремящее ложе Карагема.

На борьбу с огнем уходит час. Наконец пожар вполне потушен. Черный горелый валежник блестит от пролитой нами воды. В нескольких местах остаточные поднимаются хилые дымки и пар. Мы осматриваем островок. Странное место.

Посреди островка торчит высокий шест. На него напаян сверху чей-то горный ботинок. Что сие означает? Неизвестно. Везде видны следы людей, свежие. Значит, тут проходили или стояли лагерем пешие туристы (конных мы бы видели). Костровище свежее – наверняка это они и подожгли островок. Прямо посреди него крупными белыми камнями широко (каждая буква больше метра высотой) выложено: SOS. Это еще что такое? Здесь что-то случилось? Мы оглядываемся. Ничего такого не видно. Или это глупая шутка?

– Здесь пару лет назад человек пропал. Турист. Искали его. Но так и не нашли. Может, от него эта надпись осталась? – Толя и Ербулан только пожимают плечами.

Немного проехав вперед от горевшего островка по простой дороге в половине четвертого пополудни мы встаем лагерем в нижнем течении Карагема у заброшенной пасеки. Опасные броды Карагема остаются у нас за спиной.

Заброшенная пасека

– Здесь раньше пасечник жил. Пчел держал... А несколько лет назад умер от болезни сердца, и теперь вот пасека брошенная стоит, – рассказывает нам за завтраком у костра Ербулан.

– Из Джазатора был пасечник?

– Нет, из Старого Аргута.

– А как он выбрал это место?

– Да как выбрал? Очень даже просто. Ниже километрах в пяти отсюда есть пастушеская стоянка, до нее автомобильная дорога проходит от Аргута. От той стоянки досюда тоже можно проехать на машине, материал завезти. Вот пасечник и выбрал это место, построил себе *заимку*. Завез лес, поставил избушку, сделал загон для скота, затащил ульи. И жил здесь все лето, держал скот и пчел своих. Здесь места отличные, мед выходил у него что надо.

Наши палатки стоят недалеко от костра, сам костер устроен прямо у домика, вокруг огня углом врыты в землю низкие деревянные скамьи на чурбанах. Единственного окна в избушке уже нет, нет даже оконной рамы. Оконный проем зияет прямо в срубе в сторону гор. Дверь с противоположной стороны тоже пропала, железные петли вырваны. Потолка нет, весь разобран. Стропила на крыше отчасти уцелели, но вся крыша в огромных дырах, над которыми бегут облака. Печка увезена, дощатый пол наполовину растащен. Сруб промок от снега и дождей и понемногу подгнивает. Внутри избушки сыро, холодно, сиротливо и грустно.

От загона для скота остались несколько свалившихся со столбов жердей, вросших в траву, мы топим ими костер. Столбы загона тоже давно сгнули. От самой пасеки нет и следа.

– Куда же пчел подевали после смерти хозяина?

Толя и Ербулан жмут плечами – это им неизвестно.

Ниже избушки течет и впадает в Карагем холодный прозрачный ручеек. Воду можно брать в нем или в самом Карагеме, спустившись к нему с крутого обрыва. Поляна широкая, ровная, удобная для выпаса, усыпанная круглыми мшистыми валунами. Тут уже намного суше, чем в глубине каньона, и в траве пахнет степной полынью. Высота здесь всего 1465 м, это первая наша ночь, которая обошлась без инея и заморозков. Вокруг поляны стоит лес, а над головой блестят снежные пики южных Чуйских Альп.

В Алтайских горах такую таежную заимку может устроить каждый. Горы большие, людей мало, места много. Ясное дело, что близко к деревням вся земля давно уже разобрана между хозяевами, но вот если взяться обустроиться подальше, то это пожалуйста. Можно поставить стоянку для пастбы скота – зимнюю или летнюю. Можно срубить среди дремучего леса скрытную охотничью избушку с низким потолком и маленьким неприметным окошком, чтобы не спугнуть огнями диких зверей. Можно сколотить избенку на берегу озера или речки – для ловли рыбы. Или взяться и разработать таежную пасеку, как наш почивший хозяин.

Заимка утверждается и узаконивается в горах трудом, и только трудом. Кто взялся, кто завез материал, кто сколотил, кто построил, кто обжил – тот и хозяин. И ему не нужны никакие документы. Все и так знают, что хозяин – он самый и есть. При этом всякая заимка открыта для любого прохожего и проезжего – редко кто и редко где навешивает на свою дверь замок. Зайдешь внутрь, растопишь печку, согреешься, поешь, переночуешь и, прибравшись за собой, оставив все в чистоте и порядке, продолжишь свой путь. Неся в своем сердце благодарность гостеприимному хозяину.

Вот так и наша заброшенная пасека. Хозяин помер от сердца, пчелы увезены, скот угнан. В окно задувает ветер, вместо двери – темная дыра. Крыша как решето, сруб гниет, в полу черные щели. Но жарко горит в старом костровище большой высокий костер. И жива еще тропинка, ведущая к воде. Покосилась, но все еще стойко держится старая коновязь. Защищает

наши палатки от ветра и дождя почерневший сруб. На больших ржавых гвоздях, вбитых пасечником в бревна стены, по-домашнему висят

наши куртки. Дух хозяина словно бы сидит с нами у ночного костра на скамейке и молча курит, безотрывно смотря на живой огонь. Он очеловечил и обжил это место, мы у него в гостях, и нам здесь хорошо.

Возвращение с Карагема в Джазатор

Старая пасека отделяет влажную высокогорную карагемскую тайгу от теплого и сухого приаргутского среднегорья. Двинься назад – и снова попадешь в черную и страшную лесную зону с гремящими ручьями и непролазными буреломами. Тронься вперед – и будешь греться на солнце, вдыхать разогретый воздух, полный ароматов полыни и степных цветов.

Ровно в десять утра теплым солнечным утром мы покинули заброшенную пасеку и поехали дальше вниз по Карагему, все тем же левым берегом. Растительность ближе к устью реки переменилась полностью. Кедр, лиственницы, пихты и ели остались в дремучем ущелье выше по течению. Здесь же мы проезжаем среди тополей и берез, которые широко и привольно стоят по сторонам просторной, усыпанной листвой тропы.

Долина стала много раздольнее и светлее, горы отошли от реки подальше. Раскрылись широкие солнечные поляны. Справа на севере высятся огромные вершины западных отрогов Северо-Чуйского хребта. Вдруг я замечаю далеко-далеко на западе синеющий высоко в небе знакомый горный профиль. Я анализирую, где нахожусь, осматриваю местность. Все точно! Вот немного впереди и справа у самого берега Карагема в березовой роще виднеется пустая нынче пастушеская стоянка. Я помню, что там, вблизи нее, есть широкий брод, который мы проходили, когда ехали на Юнгур. На противоположном берегу расположена еще одна стоянка. От нее наверх карабкается крутая тропа к старому руднику и дальше на перевал Ашра-Чибит. Левее тропы чернеет расщелина, в которой почти вертикально падает вниз речка Чибит. Все верно – это те самые, памятные мне места. Единственная конная дорога от Аргута на дикий Юнгур.

Синеющее вдалеке узкое седло между двумя острыми вершинами, покрытыми снегом, – это знакомый нам перевал Аттт-ра-Чибит. Я отлично помню, как смотрел оттуда, с седла, вниз на Карагем, казавшийся тонкой белой ниткой, небрежно продетой между гор.

Слева к югу также высятся громадные горы. Это западная оконечность Южно-Чуйского хребта. Здесь такие же острые снежные пики голубых и фиолетовых оттенков, ниже которых кружатся два больших орла. Орлы высматривают добычу – сусликов и сурков, мелких птиц, звериную падаль. Тайга тоже охотится без устали, обегая долину далеко вокруг нас и бросаясь на всякое живое существо, которое только завидит или учует.

Западная оконечность Южно-Чуйских Альп вздымается на 3200 м и вечно покрыта снегами и льдом. Из ледников веером во все стороны стекают ледяные светлые речки, вливаясь в Карагем или в Аргут. Внизу на широкой горной подошве они разбегаются сотней микроскопических рукавов и рукавчиков, проныривая меж березок и ивняка. Каждую весну в паводок речки разбухают от избытка воды и звереют. Они с грохотом несутся вниз, грозясь вырвать деревья с корнем, а порой и, правда, вырывают. Они разворачивают, перелопачивают и сгребают галечную поверхность долины, по многу раз переплывают и переиначивают приречные равнины. Сейчас, в начале августа, прорытые паводками русла рукавов и ручьев сухи, их донная галька блестит на солнце и хрустит под ногами. Мы бесчисленное число раз спускаемся в сухие русла и выезжаем из них, из одного в другое. Такая дорога по высохшим речкам и редкому ободранному лесу продолжается километров пять, от пастушеской стоянки до поворота к Аргуту. Мы лениво растянулись по дороге и то и дело пропадем из вида друг друга за деревьями и кустами.

В десятке километров ниже пасеки автомобильная проселочная дорога приводит нас к месту слияния Карагема и Аргута – двух крупных рек Южного Алтая. Долина распаивается еще шире, справа виден мост через Карагем, далеко впереди просматриваются крыши крохотной деревеньки Старый Аргут, или Куркуре. По долине разбросаны стоянки, вольно пасется скот. По бокам от дороги темнеют на золоте степи группы древних курганов, трава равнины

низкая и сухая, выгоревшая на обычном в этих местах солнцепеке. За Аргутом стоит огромная стена снежных гор – это восточная оконечность Катунского хребта, с острым пиком Шенелю, или Чинелю (как говорят местные жители), 3888 м высоты.

Тайга бросается и ловит третьего своего сурка. Он швыряет зверька в воздух, сурок крутится и пищит, собака громко и победительно лает. Две наши закладные лошадки, завидев вдалеке стоянку ниже по течению Аргута, незаметно отделяются от нашей группы и трусят в ее сторону. Эта стоянка знакома им с детства, и они решают бежать туда отдыхать. Толя замечает это отпусковое своеволие и решает наподдать закладным жару. Ехать по равнине скучно, и Толя радуется поводу пошкольничать. Он больно хлопает по бокам своего жеребца пятками. Жеребец вскидывается и с ходу пускается в необузданный галоп. Он оголтело несется в сторону отколовшихся от колонны закладных, поднимая клубы пыли. Толя привстал в стременах и наклонился вперед к холке жеребца, ловко держа равновесие.левой рукой он держит повод, а в правой крутит длинную веревку. Закладные завидели погоню, напугались и припустили быстрее. Но скоро Толя настигает их как вихрь, как божья кара. Он на ходу хлещет беглецов по мордам, огибает их и гонит обратно к нам. Закладные с испуганными глазами скачут назад, трясая мешками на спинах. Дисциплина восстановлена, но Толе все равно скучно. Молодость и задор толкают его в спину.

Толя нажимает на своего жеребца еще крепче – и тот рвется из кожи. Бешеная скачка, раздутые ноздри, сверканье копыт, тучи пыли, грохот и топот. Летящий поверх всего этого, наклоненный вперед, взбудораженный Толя в пыльной бейсболке на косматой голове. Все это с гиканьем и свистом проносится мимо нас. Закладные забрались поглубже в колонну и смотрят на Толины скачки с ужасом. Так Толя и носится туда-сюда по сухой приаргутской равнине, покуда мы не спеша, легкой рысью, огибаем западную оконечность хребта и выезжаем на ведущую в Джазатор староаргутскую дорогу, меняя направление движения с западного на восточное.

Здесь нам попадаются первые, за много дней, машины. Один джип с новосибирскими номерами приехал сюда из Джазатора просто, чтобы поглазеть. Тормознув рядом с нами, водитель интересуется, что там дальше. Мы поясняем, что скоро дорога закончится, там пустая стоянка и мост через Карагем. Джип едет дальше, чтобы посмотреть окончание дороги и потом сразу же повернуть назад, возвращаясь в село засветло.

Сразу за поворотом начинается крутой и затяжной подъем правым берегом Аргута. За два километра мы набираем высоту от 1200 до 1635 м. Этот подъем на староаргутской дороге – один из самых крутых и сложных на всем Алтае, сравниться с ним могут только разве что перевалы Теплый Ключ на Укоке и Катуйрык на Чулышмане.

В месте схождения двух огромных хребтов – Катунского с запада и Южно-Чуйского с востока – Аргут зажимается двумя горными массивами в узком ущелье с огромными вертикальными стенами по обоим берегам. Река прорубает километровой глубины расщелину в горах и ревет далеко внизу, к ней не подступиться. Русло Аргута тесно завалено огромными острыми глыбами, сквозь которые прорывается большая вода. Эта страшная каменная труба называется *Карагемский прорыв*. Длина самого прорыва пять километров, он убил несколько водников, пытавшихся его пройти. Чтобы преодолеть ущелье Аргута, автомобильная дорога вынуждена забираться высоко в гору, внизу от нее остается отвесная пропасть.

На подъеме навстречу попадает еще одна машина с барнаульскими номерами. Водителем оказывается мой знакомый, и мы радостно приветствуем друг друга. За нашей спиной долину Аргута заволакивает дождевая пелена, погода быстро портится. Спустя два с половиной часа с момента выезда с пасеки и проехав с прохладцей 12 км, мы достигаем известной туристической стоянки на речке Карасу, правом притоке Аргута, где и встаем лагерем на небольшой поляне.

Трава на поляне давно съедена предшествующими конными группами, и Толя с Ерубланом уводят наших лошадей вверх по речке, где есть избушка и куда они сваливают на ночь, под крышу, седла и попоны. Там же, выше, досталь свежей травы нашим лошадям.

Моросит противный дождь, небо закрыто тучами до самого края, и мы, видя, что дождь пришел *обложной* и конца ему не видно, стараемся побыстрее поставить лагерь. Поляна окружена лесом, в лесу бежит речка. Среди деревьев вросли в горный склон большие валуны, покрытые мхом. Поляна лежит немного в стороне от дороги, и мы чувствуем себя в приятной изоляции. Нас здесь никто не побеспокоит.

Дождь усиливается. Сгущается темнота. Мы торопимся устроить и обжить лагерь. Палатки плотно натянуты и закрыты, вещи убраны внутрь. Костер разводим под громадной елью, которая своим плотным куполом закрывает нас от дождя и ветра. Ее густая крона, высокая и широкая, с плотно прижатыми друг к другу ветками, будет долго держать воду, льющуюся с неба. Продукты сложены прямо у ее корней, где сухо. Здесь же споро режутся овощи и хлеб. На костре греются два котелка – под чай и под суп.

Проводники вернулись, сели у костра и курят. Тайга прибежал вместе с ними, покрутился немного и лег под соседней елкой, где тоже тепло и сухо. Вода закипает, чай заварен, в другом котелке варится густой мясной суп. Пока мы готовим ужин, окончательно темнеет и холодает. Дождь продолжает лить, не переставая. Он уже пробил большую ель, и мы закрыли припасы и костер тентами. Сразу после ужина мы расходимся по палаткам. Я засыпаю под монотонный стук капель по тенту. Даже во сне всю короткую летнюю ночь я слышу этот монотонный и одновременно такой успокаивающий шум дождя...

Следующим утром дождь лил так же неумолчно, как и с вечера. Он не утихал ни на минуту. Под дождем мы сварили кашу, под дождем съели ее, под дождем свернули лагерь и навьючились. Под дождем тронулись в путь. Мы натянули на себя непромокаемые куртки, штаны и плащи, влезли в резиновые сапоги. До Джазатора оставалось ехать совсем немного. Лес стоял тихий и мокрый. Птицы и те не летали. Вокруг не было ни звука, ни малейшего шевеления.

Вскоре за Карасу дорога спустилась вниз к Аргуту и дальше долго шла вдоль берега. Понемногу небо начало раскрываться, черные тучи побелели и разрядились, между ними вышли чистые голубые клочки ясного небосвода. Вскоре появилось и солнце, в его горячих лучах мы тут же обогрелись и повеселели. Стянули с себя дождевики и поехали дальше налегке.

Начались коренные места джазаторцов, их заправские домашние угодья. Здесь вся земля разобрана меж хозяевами и издавна обжита. Там и тут стоят избушки, пасутся стада коров и коней. Поляны обнесены изгородями, чтобы скот не потравил покосы. Проезжают мимо грузовики, доверху груженные сеном. Где-то трава уже собрана в копешки и стога, где-то еще лежит в валках и ждет ведра для просушки. Вблизи и вдалеке видны работы, курятся дымки. Трусят по хозяйским нуждам всадники. Изредка взлает вдалеке собака, промелькнет над головой тень коршуна. Пора сенокоса в самом разгаре, и вчерашний дождь оказался тут совсем нестати.

Мы замечаем, как внутри обнесенного плетнем большого поля у дороги бродит небольшая группа коров. Они поедают нетронутую высокую траву покоса. В одном месте плетень припал к земле и коровы перебрались поверх него на закрытый покос и теперь травят его. Ерублан скачет туда. Он открывает ворота и въезжает в поле. Дальше он принимается сгонять коров в кучу и после умелыми маневрами вытесняет их в распахнутые ворота наружу. Выгнав с покоса последнюю корову, Ерублан соскакивает с коня и закрывает ворота поплотнее, подвязав их веревкой. Потом он идет и ставит на место упавший плетень. И лишь закончив все это, Ерублан нагоняет нас.

– Чей это покос, Ерублан? Твой?

- Да нет, соседский.
- А коровы? Твои?
- Да нет, не мои. Другого соседа.

Вскоре мы поднимаемся на второй перевал, прямо напротив долины Коксы и над степью Самаха, где делаем короткую обязательную остановку. Отсюда хорошо видно, как по всей степи Самаха идут сезонные работы. Еще полчаса быстрой езды, и мы уже на окраине села. Здесь нас у моста через речку тормозит наряд пограничников. Начинается обычная нудная процедура сбора и проверки паспортов. Мы все знаем наперед. И располагаемся кто где, чтобы немного отдохнуть. Вот пограничник добрался до паспорта Артема и начинается расспрос.

- А где у вас прописка, Артем?
- А нету у меня прописки. Я в Лос-Анджелесе живу.
- Но вы же гражданин России?
- Да, конечно, я гражданин.

– А почему прописки-то нету?! – Пограничник, алтаец из Джазатора в защитной форме и с автоматом за спиной, вертит паспорт и так и сяк. Ему непонятно, что делать с Артемом. В горах ходить без прописки не положено. Прописка должна быть вписана в надлежащую графу в надлежащий журнал учета, где никакие пропуски не допускаются.

Мимо на мотоциклах проезжают местные парни. Они тормозят и с любопытством следят за расспросом. Солнышко греет, мы млеем от жары и веселимся. Речка смешливо журчит под мостом.

- А вы когда с Кош-Агача ехали, регистрировались на первой заставе, на Аргамджи?
- Конечно! – смеется Артем.
- А когда в Джазатор приехали?
- Конечно, 27 июля.
- И у нас на заставе тогда записались?
- Конечно, записались, – улыбается Артем.
- Без прописки??
- Без нее!

Боец озадачен. Вот что с нами делать? Без прописки нельзя, но ведь мы уже две недели ездим по местным горам и везде при этом записаны и пропущены.

- А вы тут от Альберта ездите?
- От Альберта! – Толя и Ербулан кивают, подтверждая.
- А куда ездили?
- В Бельтир и оттуда спустились по Карагему!

Боец цыкает: дальняя дорога, однако.

- И что же у Вас, Артем, никакой регистрации вообще нету?

– Почему нету? Есть. Вот она бумажка – я в российском консульстве в Америке зарегистрирован. Официально!

Боец вертит в руках незнакомую бумажку из Америки. Что ему с нами делать? Задержать группу? Но как? Зачем? На каком основании? Без прописки в паспорте совершенно точно в горах слоняться не полагается. С другой стороны, нас уже несколько раз везде пропустили... Боец глядит вокруг. Солнце, тепло, безмятежно, в горах дивная красота раннего августа, когда все созрело и налилось, когда надо заниматься делом, а не тратить время на всякую ерунду.

- Ладно, езжайте. Не забудьте только отметить завтра в Джазаторе!
- Да, отметимся обязательно.

Когда впереди показываются широко разбросанные по долине дома и дворы Джазатора, кони рвутся домой и переходят на галоп сами. Мы едва их держим. Жизнь в селе кипит. Тарахтят трактора, снуют машины, по улицам поднимается пыль, во дворах мужики сметают высокие стога.

Подъехав к дому Альберта, привязываем лошадей. Солнце горит в зените, жаркий полдень. У дома Альберта привычная суeta. Бегают люди, перетаптываются с ноги на ногу взволнованные лошади. Подъезжают и отъезжают машины. Перед нами пришла большая конная группа с Укока: обгоревшие, закопченные, усталые люди. Они перетаскивают свои вещи, устраиваются на базе у Альберта. Мы со стороны выглядим не лучше. Альберт встречает нас с широкой улыбкой – проехали, все живы и здоровы!

– Как дела, Альберт?

– Да все хорошо!

– А вы сами как?

– Да тоже все хорошо!

– Как Петр?

– Да тоже нормально. Привезли в больницу, дали лекарства – уже бегают!

Ну и слава богу. Тайга незаметно от нас исчез. Убежал домой, к Петру. Даже хвостом нам не махнул напоследок. Вот достанется Тайге дома от Петра. Раскормили мы его, горожане, разбаловали. Приучили есть от костра, попрошайничать. Разнежили мы Тайгу без Петрова пригляда.

– Езжайте во-о-он туда. У меня тут все занято. В этом году страх, сколько туристов приехало. – Альберт показывает на другую сторону заболоченной долины, где виден двухэтажный домик, также принадлежащий ему.

Мы переезжаем долину и размещаемся в домике, где нас встречают гостеприимные родственники Альберта. Договариваемся об ужине, и нам привозят к вечеру горячие баурсаки, а еще целую гору свежесваренной жирной баранины, прямо на костях. Мы все это с большим аппетитом съедаем, запивая чаем с молоком из больших казахских пиал.

Сразу после приезда наши проводники Толя и Ербулан тепло прощаются с нами и уезжают по домам, ведя за собой вереницу наших лошадей. Они должны еще успеть раздать их хозяевам, а те должны убедиться, что кони целы и здоровы. Хозяева сдают лошадей туристам в аренду, получая посуточную плату. Альберт, который договаривается об этом, отвечает за то, чтобы ни одна из них не покалечилась. За этим в походе следят проводники, которых он нанимает.

Сгрузив вещи в домик и попрощавшись с проводниками, мы идем гулять по Джазатору. Нам хочется пива, конфет и мороженого – всего, чего мы были лишены на протяжении одиннадцати дней пути на дистанции в 226 км горных дорог. Нам осточертела пища с костра, нам хочется фруктов и чего-то искусственного, городского, массового, в банках и хрустящей упаковке. Мы направляемся в центр, где имеется с десяток магазинчиков – «Ольга», «Тамара», «Расул» и прочие.

Там мыкупаем пива, фруктов, конфет и мороженого и тут же все это пробуем, пьем, едим, разворачиваем, усевшись в тени на грязном крыльце магазина. Продолжая гулять по Джазатору, мы натыкаемся на блинную в деревянной избе с голубым крыльцом и железной дверью и не верим своим глазам, не верим, что она может работать. Однако же внутри нам рады и тут же пекут нам целую горку ароматных блинов со сметаной и медом. Мы совершенно счастливы.

На центральной площади, песчаной и пыльной, охваченной со всех сторон избами с магазинами и отделением Сбербанка, торгуют с грузовика дынями и арбузами. Грузовик приехал из Кош-Агача, а бахчевые так и вовсе добрались сюда из далекой Средней Азии. Здесь в высокогорье арбузы и дыни – редкий и дорогой деликатес. Как и любые овощи и фрукты. Джазаторцы подходят к грузовику, приглядываются, прицениваются, стучат костяшками пальцев по зеленым арбузным бокам, подбрасывают арбузы, теплые и звонкие, в ладонях. Кряхтят и сокрушаются высоким ценам, но все равно берут – побаловать родных. Берут еще и помидоры с огурцами – тоже редкость на здешнем высокогорье.

В нашем домике два этажа. На первом коридор, русская баня, кухня-столовая и большая комната, в которой живут трое гостей из Кузбасса. Двое взрослых больших мужчин сильно за пятьдесят и того же возраста женщина, которая помогает им по кухне. Все они в сапогах, фуфайках, крепких шапках и толстых вязаных свитерах, которые делают их одинаково круглыми и неразличимыми по формам. Один все время курит и кашляет, что отделяет его от двух прочих. В их комнату из столовой ведет деревянная дверь со ступенькой вниз, выкрашенная голубой краской. Когда гости из Кузбасса уезжают рыбачить, они запирают дверь на большой висячий замок.

Приехали они на большом и дорогом японском джипе, который стоит у самого входа в дом. Даже здесь, на территории частного дома, за воротами и высоким забором, солидные кемеровские гости бдительно держат джип запертым и на сигнализации. Всякий раз, когда им нужно что-то достать или положить в джип, они отключают-включают сигнализацию. Джип в таких случаях издает высокое *пишик*

Этот *пиит* натурально не дает нам никакого покоя. Рыбаки не оставляют свой джип в покое ни на минуту. То и дело сначала хлопает дверь дома, потом слышится громкий *пиит*, дальше открывается дверь машины, что-то там внутри шуршит, потом дверь джипа захлопывается, раздается громкий *пиит*, хлопает дверь дома, далее дверь кухни, шаги, шаги, шаги, снова хлопает дверь кухни, после дверь дома, снова *пиит*, снова шуршание, хлопок, *пишик...* И так без конца. Рыбаки собираются на свою рыбалку по два-три часа, и все эти часы наполнены хождениями, хлопками и «пиками».

Даже когда тот, что постарше, тот, что кашляет, выходит на крыльцо покурить, он зорко стережет машину. Он что-то достает, сопя, из салона, предварительно пикнув. Потом долго молча курит на крыльце. Но стоит ему только докурить и отвернуться, как звучит *пишик* – и машина заблокирована. Нам становится ясно – машина может быть открыта только тогда, когда ее видит кто-то из хозяев. Как только она пропадает из виду ее в ту же секунду следует заблокировать. «Суровое, видать, это место – Новокузнецк», – уважительно думаем мы.

Нам пятерым хозяева отвели второй этаж дома, с тонкими дощатыми стенками и двумя темными холодными комнатами. В комнатах выставлены у стен узкие железные койки на скрипучих пружинах. Я решаю спать на открытом воздухе, предоставив комнаты двум семейным парам – Сергею с Оксаной и Даше с Артемом. В моем распоряжении терраса над лестницей с треугольной крышей сверху и тремя поперечными перекладинами, отделяющими меня от улицы. У террасы пол из тонких досок со щелями, сквозь них мне виден нижний коридор. Доски прогибаются и полны заноз. Я бросаю на пол один спальник, сверху кладу другой. Уже две недели я сплю не в постели – почему бы не поспать на улице еще одну ночь?

Позади вкусный деревенский ужин, мы отогрелись и начисто помылись в бане и теперь пьем на верхней террасе дома чай. Вечереет. Горы на закате отблескивают красным. Далеко на юг уходит лесистое ущелье Ак-Алахи, по ее верхам розовеют снега. Джазатор, уработавшись за длинный летний день, затихает. Редко проедет машина, пролает собака. Может, это разоряется наш отважный Тайга? Ночь подступает холодная, хозяйки затапливают печки, дымки вылетают из труб прямо вверх, сигналив к ясной погоде. Завтра будет славный покос – по жаркому-то солнцу!

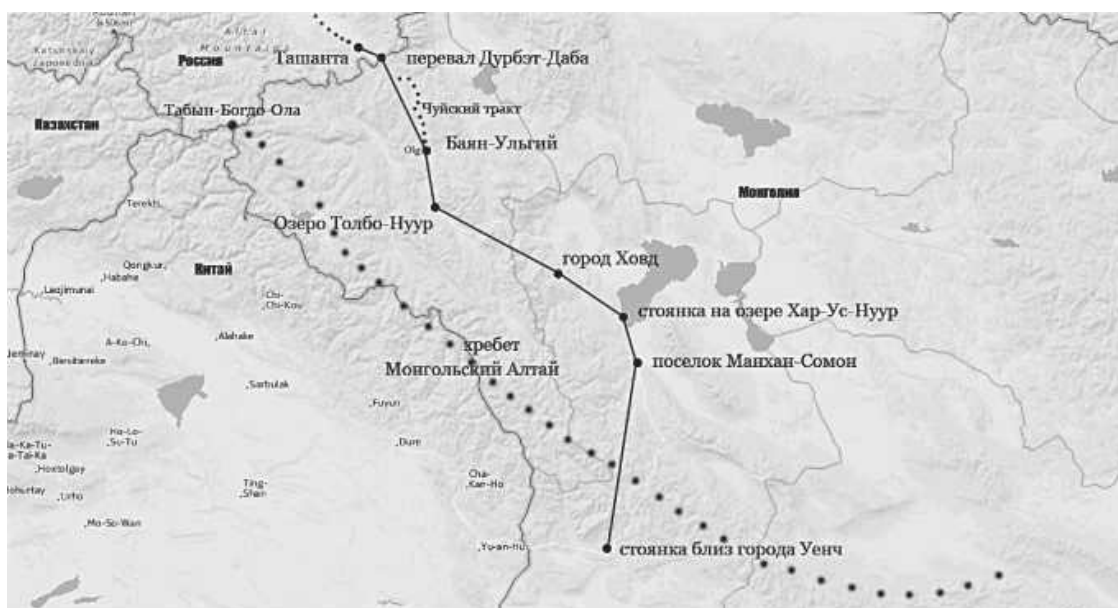
Новокузнецкие рыбаки уехали вылавливать хариуса из речки Джазатор на всю ночь. Вокруг тишина. Все расходятся спать. Я раздеваюсь и забираюсь под теплый спальник. Сгущаются сумерки, уже очень холодно. Мне не спится. Из рта идет пар. Я смотрю в ночное небо. В моей голове прокручиваются картины нашей долгой дороги. Вот скрюченного Петра рвет на перевале. Вот Тайга швыряет в небо пищашего сурка. Вот мы мчимся рысью мимо злых бельтирцев по долине Талдуры. Злая метель забивает мне глаза на Карагемском перевале. Вот мы вспениваем воду Карагема на глубоких бродах. Вот старая пасека и ее слепое покосившееся окно...

Совсем стемнело. Мои щеки щиплет легкий мороз. Я подтыкаю плотнее спальник, чтобы сберечь тепло. Все небо усыпало сверкающими звездами, многие из них крупные и разноцветные. Просверкивают молниеносные метеоры, фиолетовый еще минуту назад запад неба совсем погас. Прямо посреди черного неба желто-серебристой ящерицей блистает Млечный Путь. Он прорезает ночной купол мира от вершин У кока на юге аккурат до щелястого козырька моей террасы. Я медленно двигаюсь взглядом сквозь полузакрытые веки от края козырька и вдаль на юг, на юг, на юг – по этой широкой звездной дороге. И вдруг незаметно для себя самого погружаюсь в глубокий сон. В верный сон человека, вернувшегося из дальней дороги домой.

Краткая инструкция по пользованию конем в Алтайских горах

(как проехать по Алтайским горам на лошади, везде успеть и остаться при этом живым и здоровым)

Немало проехав верхом на лошадях по Алтайским горам и оттого поистрепав немало нервов и одежды, я волей-неволей (больше конечно, признаюсь, неволей) приобрел богатый, в том числе и весьма горький, опыт обращения с этими животными. Увы, во многих местах и случаях, до конца все еще на Алтае неустрашимых. Всякий раз мое сердце обливается кровью, когда я вижу, как мучаются и страдают с ними необученные, застигнутые буквально врасплох *новички* конных путешествий. К тому же новички эти вечно тащатся где-то далеко позади, заставляя подолгу ждать себя и тем утомительно задерживая общее движение к костру, к вкусному супу на зеленой лесной полянке у журчащей речки. Тащатся они так медленно лишь потому, что не владеют непростым и заковыристым искусством обращения с алтайскими конями, которые, пользуясь этим, делают с новичками все, что только захотят. Напротив, пронырчатые алтайские кони в первые же пять минут похода вполне выясняют для себя, *кто именно*, что за фрукт, взобрался им на спину. Если им попадается такой вот наивный *новичок* с необсохшими от молока губами, алтайские мерины и кобылы принимаются ежеминутно и неутомимо вить из него веревки. Запомните хорошенько – если за первые полчаса езды на лошади ты не понял, кто из вас двоих *лох*, значит, *лох* – это ты!

Путешествие по Монгольскому Алтаю

Сердечно переживая за новичков, год за годом устремляющихся в Алтайские горы испытывать судьбу и надеясь, одновременно с этим, хотя бы отчасти ускорить среднюю скорость движения конных групп к полянкам с супом, я решился составить короткую инструкцию по пользованию алтайскими конями в горных условиях. Ноющая в эту самую минуту моя поясница после сложного конного похода по дикому Карагему – надежный залог того, что инструкция моя далеко не пустословна и буквально выстрадана моею кровью и моими растянутыми жилами за долгие годы лишений и падений с седла – что в правую сторону, что, увы, в левую.

Общая характеристика алтайской лошади

Общая характеристика алтайского коня. Не буду скрывать от читателя – внешне алтайские лошади все разнятся: мастью и выражением морд, ростом и фасоном гривы, привычками и характерами. Белые и черные, в яблоках и чалые, с веселыми глазами и с мрачными волосатыми челюстями, тощие и толстобрюхие, подкованные и голокопытные. Каких только не встретишь! Такое изобилие типов может послужить причиной опасного заблуждения – о якобы разности лошадей, в смысле выпавшего вам жребия: повезет – не повезет. Но, по сути, все они до единой, какого бы цвета ни уродились, могут быть уверенно уложены в три горьких слова: *хитрые, прожорливые и ленивые*. Именно эти три грозных слова должны с утра до вечера стучаться в голову всякого, кому волей Провидения доведется встретиться с ними на узкой горной тропинке.

Хитрые!

Прожорливые!

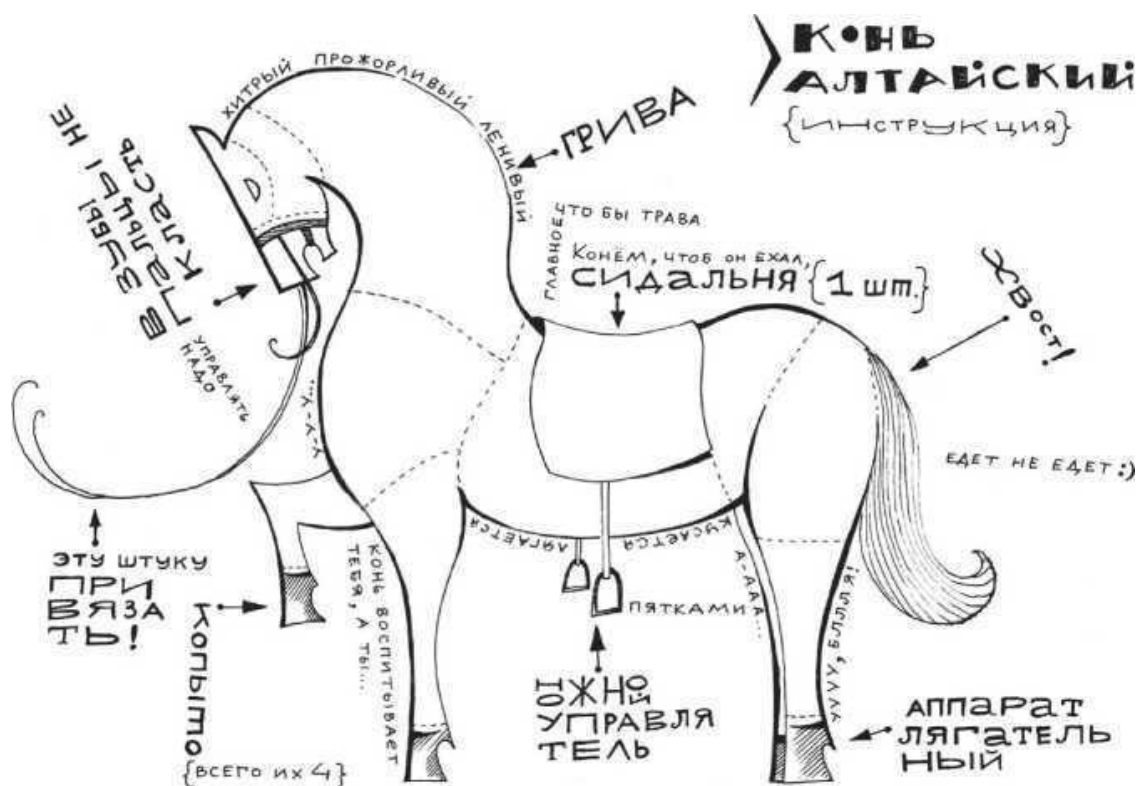
Ленивые!

Только твердо и непрерывно помня об этом, можно изловчиться худо-бедно управляться с ними и даже надеяться в нужный час достигать полянок с супом.

Самое первое, на что указал нам потомственный таежник Петр Ефимыч Суртаев в самом первом нашем конном походе к истокам Катунь, был следующий железный императив:

– Никогда его, заразу, не бросайте, обязательно привяжите сразу как слезете, и покрепче! Не то сбежит, паскуда!

Поверьте – горе тому, кто забудет это первое железное правило.

Инструкция по управлению конем (Д. Запылихин, 2016 г.)

Любой алтайский коняга, даже самый замухрыжистый, далеко не дурак, несмотря на всю обманчивую внешность деревенского простачка. И, не мешкая, избавится от работы при

первой же подвернувшейся возможности, ускакав вдаль, заодно с вашим рюкзаком и зубной щеткой, едущей в кожаной сумине у него на боку. Причем провернет он все это необычайно быстро, ловко и совершенно незаметно для вас.

Доведись вам не привязать его покрепче к дереву, к кусту или к камню, как он, недолго покрутив ушами и зрачками, моментально оценит выгоду сложившегося положения и тут же примется *как бы* мирно пастись на месте привала, кусая траву и делая при этом, словно невзначай, шаг за шагом, и каждый из них – в сторону от вас. При этом хитрая лошадь будет исподтишка косить на вас большим наглым глазом, шустро жуя луговую поросль. Как только ему удастся отпастить таким манером примерно метров на тридцать, ваше дело пропало. Первым замечает дрейф беглеца один из проводников и стремглав бросается бежать за ним, надеясь успеть ухватиться за волокущуюся по траве веревку. Но не тут-то было. Хитрый беглец тут же припускает бежать ленивой рысью, якобы до смерти напуганный. Он чешет по лугу, озираясь, мотая боками и задом и не давая проводнику даже приблизиться к обожженному на огне концу веревки, виляющему по земле. Так они прыгают по лугу вдвоем, быстро удаляясь от лагеря. Второй проводник вскакивает в седло своего коня и с громким матом скачет вслед, огибая беглеца возможно широкой дугой, дабы перерезать ему впереди дорогу. Это и есть ваш единственный шанс, ведь если перекрыть тропу не успеют, лошадь точно сбежит.

Куда сбежит? А черт его знает! Алтайский конь знает все эти горы назубок, как свой родной двор. Он может двинуть без вас на горбу на верхние пастбища, под снежные гольцы, где он пасся в молодости. Где спину обдувает свежий ветерок и нет гнуса, где так вкусна и питательна низкая тундряная травка. Может, наоборот, убежать на теплые приречные лесные поляны с их сочной травой и веселыми ромашками. Или придумает к вечеру добраться до усадьбы хозяина, к любимому стогу пахучего сена. А то и запросто примкнет к табуну свободно пасущихся неведомо где лошадей соседа по деревне. Ищи его свищи тогда в горах. Был у нас случай на Курагане, когда вот так сбежали два коня. Незаметно утекли ночью, переплыв бурную речку. Так вот, представьте только – нашли их потом много позже, уже поздней осенью, на далеком высокогорном пастбище. Ходили там голубчики, сытые и отдохнувшие, сбежавши от работы сразу на все лето.

Так что обязательно привязывайте его, заразу. И покрепче. Ааже если остановились только на минутку.

Меры против кусания и лягания

Кусание, лягание и надувание. Многие алтайские лошади кусаются. Натурально – больно хватаются за людей и друг за дружку своими огромными желтыми зубами. Поворачивая при этом боком большую длинную башку на гривастой шее. Еще чаще лягаются. Подскочит вдруг повыше ни с того ни с сего задними ногами и звонко влепит острыми копытами – хорошо, если не в вас.

Самые опасные, однако же, те, которые спереди кусаются, а сзади лягаются. Был у моего друга Алексея – «святого отца» такой вот злобный конь, мы прозвали его между собой *Маньяком*. И конечно, старались обходить-объезжать злодея стороной. И все одно: он исхитрился покусать зады и бока всех наших коней, как и не по разу перелягать их задумчивые морды, стоило им только зазеваться и подъехать к нему сзади или сбоку на дистанцию поражения в полметра-метр.

Конечно, к счастью, кусаются и лягаются далеко не все алтайские лошади, кто-то из них только кусается, кто-то только лягается, кто-то не делает ни того, ни другого (по крайней мере, пока в этом не замечены), но кто ж их, чертей, разберет, особенно по первости. На морде же у него не написано, чего от него ждать. Иногда стоит такой вот деятель спокойно, переминается с ноги на ногу, жует себе цветочек или даже спит на ходу – рядится, словом, в смиренного работягу – и вдруг (внезапно!) разинет пасть и ухватит! А другой, напротив, весь дерганый, мотается беспокойно у забора, криво прыгает по тропе, но при этом мухи не обидит. Всякие, одним словом, бывают в их среде персонажи.

– А чего этот мерин, небось кусается или лягается, гад? – околично выпрашиваю я проводника, с опаской глядя с безопасной дистанции на нового, предназначенного мне конягу. Который равнодушно глазеет на нас от покосившейся коновязи мутными глазищами, моргает длинными ресницами и мерно качает, как нефтяной качалкой, вверх-вниз головой, отмахиваясь от мух, копошащихся в мокрых уголках его глаз.

– А кто ж его разберет! Не мой он – соседский, – равнодушно отвечает на это проводник. «Соседский» – вот обычный ответ на подобные вопросы, означающий: а черт его знает, чего от него, от идола, ожидать.

Что же я посоветую в подобной неопределенной и опасной ситуации, когда не знаешь, с какой именно стороны ждать от малознамого транспортного средства внезапной неприятности (в роде покуса или тычка копытом)? Опять-таки адресуюсь к незамутненному авторитетному источнику в виде Ефимыча, к его второй спасительной заповеди, полученной нами, как помнится, из куста жимолости на Верхней Катуне много лет тому назад:

– *Вы на всякий случай сзади-то к нему не подходите – лягнуть может! Да и спереди не мельтешите лишний раз – не приведи, покусает!*

Лично мне прибавить к этому мудрому афоризму ровным счетом нечего.

Знаете вы коня или нет – все равно обходите его сзади метра за два, не меньше. И не шумите при этом, не дергайтесь, не скачите, не машите руками. Кони до страсти пугливы, боятся резкого движения, яркого света и цвета, хруста или скрипа. Ходить рядом с ними следует медленно и тихо, как в больнице у постели тяжелобольного, – целее будете. То же и с мордой лошади – лучше вообще спереди к ней без надобности не подлезать: не ровен час, лошадка напугается, вскинется башкой, а после разинет пасть и цапнет. Приучите ее понемногу-полегоньку к себе, спокойно и ровно подступая всякий раз только справа, если смотреть на нее от морды. Так их всех обучают, что *человек всегда подходит с этого краю*. Тогда можно будет со временем примелькаться лошадке, подойти, похлопать по волосатой щеке, погладить холку, потрепать гриву. Когда *она* пообвыклась к вам, уже не так опасно иметь с ней дело.

Из числа кусачих есть еще одна, особая, разновидность – те, что *кусаются, когда их седлают*. Лошади в принципе терпеть не могут, когда их седлают, когда тянут тугие подпруги, тесно сдавливая живот и грудную клетку. Это, положим, вполне ясно – понять их нетрудно. Каждое утро проводники, пыхтя и надсаживаясь, тянут вверх, иногда помогая рукам зубами, длинные влажные ремни, собирая кожу лошадей в морщины, накрепко притягивая к спинам седла, чтобы последние не съезжали и не ерзали на ходу.

Так вот, немало лошадей в этот самый неприятный момент заседлывания испытывают такую боль и моральный дискомфорт, что норовят цапнуть зубами того, кто тянет в данный момент постылый ремень. Делается это молниеносно. Башка дергается вбок к левому плечу тянущего, туда же летят и лязгают на лету здоровенные зубищи. Хозяин, понятное дело, предвидит такое поползновение на свое здоровье и потому всячески бережется. Сдвигается правее, косит глазами, предупредительно улавливает кусательное движение конской башки. Следом производится быстрый урок. Навстречу клацающей зубами башке лошадки летит крепкий кулак хозяина, который больно стучает в широкую скулу не ждущего отпора мерина.

– *Уууууу, бляяяя\ \ * – грозно вскрикивает хозяин, покуда мерин испуганно хлопает ресницами на отлетевшей далеко обратно морде. В эту же секунду железный штырь пряжки проскакивает в дырку ремня. Подпруга плотно встает на место. Кожаное крыло седла хлопает о бок. Конечно.

Однако имеется еще одна нечастая уловка хитрых седлаемых мерин и кобыл, о которой небесполезно помнить дебютанту, а именно *надувание*.

– *Ты ему подпруги-то проверь – дуется он* – советует мне знающий проводник уже через час после выезда.

Слезаю, проверяю – и правда, подпруги ослабли, легко подпуская под себя палец, а то и целую ладонь. Тяну их сразу на дырку, а то и на две вверх.

Бот что наловчились выделять умельцы из местных мерин поутру при заседлывании. Когда наступает неприятный момент удушающего натягивания подпруг, мерин набирает в легкие и в брюхо побольше воздуха и надолго задерживает его там, натурально надуваясь, как огромный волосатый шар. Пока хозяин пыхтит и тянет ремни, мерин сопит, выпучив глаза и растопырив копыта. И нарочно держит брюхо сильно раздутым. Хозяин думает, что ремни туго натянуты, и отходит к другому занятию. Тогда мерин выпускает воздух, брюхо сдувается, и ремни заметно ослабевают. Мерину становится легко и приятно жить, и он весело стрижет зубами траву.

Опасность, однако, кроется в том, что ослабленные ремни почти наверняка подведут вас на спуске или на подъеме или же просто на ровном месте в самый неподходящий для этого момент, когда седло вдруг предательски съедет вбок, вперед или назад вместе с седоком и суминами. А там недалеко уже до падения и травмы, и уж по-любому придется после этого расседлываться и заседлываться заново. Полезно в силу этого всегда помнить о любви алтайских мерин к *надуванию* и почаще, а лучше вообще при каждой остановке проверять и подтягивать подпруги. К тому же к вечеру подпруги у всех коней ослабнут в любом случае – лошади естественным образом худеют к концу дневного перехода. *Не менее чем дважды в день проверять и подтянуть ремни – вот это надо твердо взять за правило.*

Конем надо управлять

Как быть, если ваша лошадь не едет? Как правило, дебютанты езды по горам очень недовольны своими конями. (Замечу попутно, что мнение коней об этом предмете, к прискорбию, остается по сей день невыясненным.) Местные же жители, которых мать всех поголовно *родила в седле* и которые поэтому знают, где у какого коня и какой может вырасти прыщик или невзначай обколоться копыто, да и вообще почем фунт конского лиха, обычно конями довольны. Новички же, которые впервые в жизни влезли в седло, дни напролет бранятся на лошадей и недовольно морщатся.

По их мнению, у любого доставшегося им мерина (или кобылы) имеются три неустрашимых и досадных врожденных дефекта, а именно: позорная *слабосильность*, мешающая им ехать быстрее, *тряскость*, от которой у седока болит задница и мутится в голове, и особенная упрямая *тупость*, препятствующая усвоению лошадью даже самых элементарных требований и команд управляющего. *Слабые, тряские и тупоголовые* – так обыкновенно аттестуют своих коней требовательные дебютанты.

Несчастное соединение этих трех отрицательных качеств в лице одного-единственного мерина или кобылы вполне объясняет в глазах дебютанта такие печальные последствия, как, во-первых, систематическое повреждение городского организма во время утомительных дневных переходов, во-вторых, трудности текущего управления конем, который бежит из стороны в сторону от тропы и жрет на обочинах попутные лопухи, и, главное, в-третьих, традиционно позднее прибытие на полянки с супом, когда в наступившей темноте уже не видно ни самой полянки, ни того места, куда следует совать ложку, чтобы зачерпнуть ею наскоро сваренной уже в ночи солянки.

Вот вам один из характерных примеров такого рода трудностей и жалоб. У весело трещащего костра сидит с измученным бледным лицом дебютантка Светлана и почем свет кроет своего коня, из-за постоянных отставаний которого мы битых лишних три часа тащились по простейшей, прямой и ровной, дороге. У Светланы все мутится внутри и все жжется снаружи. Сам виновник опоздания и недугов невозмутимо трескает траву неподалеку на поляне. Он светло-коричневый, низенький, коротконогий, с широкими светлыми кругами вокруг грустных глаз, похожий то ли на ишака, то ли на лошадь Пржевальского из детской книжки.

– Чуть не померла я нынче! Совсем не хочет *он* у меня ехать. Не едет, и все тут. А подгонять не получается – у *него* брюхо толстое, у меня ноги короткие – не достаю! И трясет *он* страшно – всю спину мне насадил, повернуться-наклониться теперь не могу. Кроме того, тропу *он* совсем не умеет держать. Всю дорогу мотается из стороны в сторону. И ест все время. Тупой *он* и очень медленный, вот что я вам скажу. Дайте мне *другого* коня завтра. Хватит!

Я слушаю и помалкиваю. Дело в том, что это уже второй Светин конь, причем аккуратно тот, на котором я ехал вчера. И который бежал у меня просто отлично: веселой, мягкой и легкой рысью. Или шел таким же быстрым, легким и мягким шагом, ни на метр не отставая от едущего впереди Толи. Более того, его даже не надо было, как обычно, подгонять – лишь только намечался просвет между нами и задом белого Толиного коня, как мой скакун самочинно немедля прибавлял и нагонял проводника, делая это без тряски и смены темпа хода. Так он стремительно пробежал все 22 км на автопилоте, практически без моего вмешательства, чем меня совершенно поразил. Я буквально не мог на него нарадоваться. Ехал, забыв про дорогу, глазел по сторонам и натурально отдыхал. Оригинальная кличка этого коня-ишака была Бобо (возникшая от клейма на боку – БА). Я же успел прилепить к нему новое имя, *Феррари*, именно за его легкую и быструю, практически безупречную езду. И вот теперь слышу от недовольной Светланы про Бобо/Феррари следующее:

– Он вообще у вас не едет!

Толя и Ербулан, два наших молодых джазоторских проводника, к которым обращены эти гневные пассажи Светланы, сидят тут же у огня, молчат в ответ и посмеиваются. *«Бобо не едет! вот же умора!»* – думают они про себя, и им, и вправду есть над чем от души потешиться. *«Вот непременно расскажем после похода всем в Джазаторе, что у нас лошадь не ехала, народ кататься по полу будет!»*

Светлана дуется. Она решила, что глупые мужики смеются над ней, немало натерпевшейся от ленивого и глупого Бобо. Но Толя и Ербулан ни в коем разе не над ней смеются – их развеселила сама необычайная примененная Светой формула.

– *Лошадь не едет!* Ахахаааа! – заливаются мужики. – *Лошадь! Не едет!!* Ахххааа!!! – Толя и Ербулан хватаются за животы от смеха.

Представьте себе городского жителя, которому вдруг объявят, что совершенно исправный лифт, или усатый троллейбус, или, к примеру, новехонький белый «лексус», только что выкатившийся из салона *не едут*. Как это? – изумится горожанин.

Как это он вдруг может взять – и *не ехать*? Исправен? Новый? Бензин залит? Электричество подключено? И *не едет*??? Вот ведь чепуха! Ааааххаааа! И отойдет, плача от смеха, от такого чудака подальше подобра-поздорову.

Вот так и Толя с Ербуланом. Им до смерти смешно услышать про Бобо, которого они помнят еще вертлявым, легконогим жеребенком, про того самого Бобо, который не по разу проехал все кручи и топи окрест, который перевез на своем горбу не одну сотню копенек и стожков сена, про Бобо, который всем известен в особенности своим легким и быстрым ходом, как и своей завидной выносливостью и крепостью, что он *не едет*. Аааахххаааа! – ужасно смешно Толе и Ербулану. *Бобо! Не едет! Ахааааха!!! Ну и умора!!!*

Вот оно, третье, что крепко должен уяснить себе новичок. Все алтайские рабочие лошади – *все они, без исключений, – несомненно едут*. Те из них, кто, к собственному несчастью, временно и регулярно *не ехали*, давно сданы в Казахстан на мясокомбинат, на колбасу и на жирный козы. Оставшиеся в живых рабочие алтайские мерины и кобылы обучены именно что *работать*, и в первую очередь ехать под седоком, ехать быстрым и мягким ходом, как обычно и передвигаются местные жители. При этом и сам ход, и его скорость у всех местных лошадей примерно одинаковы. Попадают, конечно, личности, которые идут чуть мягче или чуть быстрее прочих или, напротив, немного тормозят или подтрясывают, но разница эта несущественная. Итак, поверьте – коняга, которого вам вручили в самом начале похода, по определению исправен и несомненно *едет*. И если он вдруг принимается трясти вас так, что отстегивается голова, или сильно отставать от остальной группы, всячески тянуть волынку и дурить, если бросается гоняться за лопухами помимо тропы или то и дело вставать прямо на ходу, то это не значит, что он слабый, медленный, тупой и поэтому *не едет*. Дело тут, поверьте, не в нем, а исключительно *в вас*. Если лошадь отстает от группы и больно трясет седока, ест лопухи и засыпает на ходу, то это означает лишь, что в седле у нее сидит неумеха и лох, и *лох этот – вы*.

В этом, собственно и состоял третий наказ Ефимыча, когда он, вдоволь наглядывшись на нас, неоперившихся дебютантов, вольно разъехавшихся по поляне за ненужными нам (но не нашим коням) лопухами, разбредшихся кто куда, вместо того чтобы дружно и неукоснительно поспешать за ним по тропе, громко изрек:

– *Конем, чтоб он ехал, управлять надо!*

Правило первое: не отставать

Управлять конем, но как? Вольно рассуждать свысока об управлении лошадью, когда уже больно и многократно набил себе бока и зад и волей-неволей чему-то успел обучиться испытанным методом сочетания ошибок с грубыми ошибками. Но каково робкому дебютанту, которому суют в руку веревку, на другом конце которой что-то жует и дико пялится чужая и пугающая животиная, и которому тут же велят: «По коням!» Этим несчастным и может облегчить жизнь моя краткая инструкция. Вся она, как руководство по безопасности в авиации, написана по следам случившихся со мной катастроф и самых идиотских ошибок.

Запомните: главное, чему следует научиться, когда вы уже взобрались в седло, вставили обе ноги в стремяна, выпрямили спину, провидели впереди свой путь и сумели привести коня в первоначальное движение: 1) *не отставать от группы и при этом* 2) *не давать себя рас-трясти*. Первым вы обеспечите достижение полянки с супом в разумные сроки и избежите гнева проводников и спутников, которым в противном случае придется каждые полчаса останавливаться посреди дороги и дожидаться, пока вы до них дотащитесь. Вторым – доедете до полянки с супом живыми и здоровыми, без рези в пояснице и необходимости лепить пластыри на изъязвленные места. Между скоростью движения и спасением поясницы есть и прямая связь – чем быстрее вы доберетесь на очередную стоянку, тем меньше времени будут подвергаться ударам ваши непривычные к этому позвонки и ягодичные мышцы. Трястись из точки А в точку В четыре или же семь часов, согласитесь, далеко не одно и то же! Вот почему надо как можно скорее выучиться ездить быстро и в то же время мягко. Но как?

Здесь и приходит на выручку правило номер один – *никогда не отставать*.

Местные проводники знают, что туристы ездить не умеют, и поэтому ездят с ними очень медленно. Они с самого начала настраиваются на муторную, сонную, бесконечно тяготящую езду, когда пустыковое расстояние в пару десятков километров, которое они налегке пробегают за пару часов, едва преодолевается разноцветным табором горожан в течение целого светового дня. Поначалу проводники едут нарочно медленно, присматриваясь к группе и определяя для себя, какой ход она способна выдать и выдержать. Если группа уверенно держится плотно за спиной, передний проводник понемногу добавляет скорости, пока группа уже не сможет за ним поспевать, – так и выясняется средняя скорость доступного ей движения.

Так вот, если вы возьмете за твердое правило *всегда держаться на одной короткой дистанции от проводников*, не допуская просветов, то будете ехать быстро и в награду иметь более чем достаточно времени для отдыха на зеленых солнечных полянках после стремительных, но притом неустойчивых переходов. Вы точно будете съедать свой суп еще засветло. Для этого всего лишь надо непрерывно, в течение всего перехода, *подгонять своего коня* – пятками в бока или веревкой, которую удобно держать и помахивать ею в правой руке, пока левая рука держит повод в кулаке и посредством его потягиваний вправо-влево направляет лошадь в нужную сторону. Ваша лошадь быстро усвоит, что вы не дадите ей спуска, не позволите ей отстать от впереди идущего мерина проводника, и вскоре будет реагировать, ускоряясь, даже на самое легкое шевеление ваших пяток, даже на небрежный мах веревки перед глазом. В противном случае вы всю дорогу только и будете делать, что отставать и догонять, замедляя общую скорость движения и сильно растрясая себе позвоночный столб.

Одна из привычек местных мерин, когда на их спине едет дебютант, – обильно и беспрепятственно питаться по дороге сочными лопухами. Поняв уже на первых же шагах, что в седле болтается слабовольный неуч, мерин совершенно перестает брать седока в расчет и принимается за любимое дело, усиленно и калорийно питаться. Он идет теперь медленно, на каждом шагу прихватывая травы и высматривая по сторонам – чего там есть поинтереснее в смысле покусать. Он окончательно сходит с тропы и переходит от одного сочного куста травы

к другому, в то время как слабый дебютант беспомощно ерзает в седле, тянет пальчиком съехавший вниз повод и жалуется проводникам на то, что его конь не *едет*.

Когда группа уезжает далеко вперед по тропе, гурман спохватывается и начинает догонять. Он тряско скачет за прочими лошадьми и, доскакав, тормозит и по-новой принимается уплетать окрестные лопухи. Такой вот режим – сонное жевание лопухов и вслед за ним тряское добегание до группы, повторенные многократно, и есть печальный удел не желающих управлять своим меринком новичков. Именно при таком устройстве дел караван тянется мучительно медленно, часто встает и ждет отставших. И никогда не достигает засветло полянок с супом. Именно в результате этого стояния и запыленного догоняния неизбежно разрушаются позвончики и стираются в кровь филейные места.

Единственный выход – никогда не отставать от группы. А для этого – выучиться ездить быстро и мягко.

Все без исключения местные лошади приучены ехать быстро (ведь иначе, как быстро, на них здесь никто и не ездит). И поначалу натурально *рвутся бежать* вперед. Но если ими никто не управляет, не держит крепко повод, позволяет им поедать попутные лопухи, не подгоняет в случае малейшей заминки или отставания, они быстро, буквально в течение нескольких часов, бросают работать и разлениваются. Они замедляются, принимаются непрерывно набивать брюхо травой и под конец сходят с тропы или вовсе ложатся под всадником (бывали у нас и такие вопиющие случаи). После каждого похода с туристами, получив обратно своего отданного в аренду работягу, местные пастухи и охотники сокрушаются:

– Опять мне коня испортили, прах их подери! – И немедля приступают к восстановлению утраченных кондиций посредством крепких зуботычин, пинков в живот и универсальной бодрящей команды: «*Уууууу, бя*»

Многие алтайские лошади, особенно в Усть-Коксе, только так и приучены ехать, когда их непрерывно подгоняет хозяин. Если же хозяин бросает повод, то и они немедля переходят на возможно медленный шаг. В Кош-Агаче, напротив, лошади приучены ехать очень быстро, и часто хозяин всю дорогу, напротив, удерживает своего коня от слишком уж ретивого бега. В любом случае самое верное средство – просто *никогда и нигде не отставать* и держать ровную дистанцию от впереди едущего, а придется ли для этого постоянно подгонять коня или всю дорогу сдерживать его – все равно.

Лошадью удобнее всего управлять одной рукой, а второй – подгонять ее, чтобы держать постоянную высокую скорость. Местные кони приучены таким образом, что повод держится коротко и жестко, не давая им наклоняться и хватать лопухи. Повод крепко захватывается в кулак левой рукой, и лошадь управляется короткими движениями, с поводом в кулаке – вправо или влево. В другой руке держится веревка, свободным концом которой, хлопками по бокам или кручением веревки перед правым глазом, подгоняется лошадь. Можно заменить веревку прутом, оторванным от придорожного куста. Даже самого легкого касания, самого легкого хлопка вполне достаточно, чтобы ехать быстро, ни на шаг не отставая от проводника. Если же ваш мерин вдруг упрямится, разбалованный в своей лени, и упорствует в любви к попутным лопухам, то самое лучшее – огреть его хорошенько разок или два веревкой, не забыв прибавить необходимое в таких случаях: «*Уууууууу, бя*» И помахать перед его мордой как можно ближе кулаком. Тогда ваш поезд полетит без остановок.

Меры борьбы с трюхней

Что такое трюхня и как с ней бороться? Как только новичок справится с первой задачей и выучится удерживаться за спиной проводников без попутного поедания лопухов и последующего тряского преследования далеко уехавшей вперед группы, так его (увы, таковы жестокие законы жизни!) настигнет новая, еще худшая напасть, а именно *страшная тряска*. Лошадь принимается идти или бежать каким-то особенно противным манером, каждым своим шагом жестко подбрасывая седока вверх. Так что все передвижение превращается в дробное и резкое стучание твердого седла аккуратно в низ позвоночника. Ощущение при этом такое, словно по заднице всю дорогу проходятся отбойным молотком. При такой непрерывной тряске езда превращается в кромешный ад. Филейные части стираются до кровавых мозолей в один день, в животе все трясется и беспорядочно смешивается, органы и железы внутри организма опасно болтаются и трутся друг об дружку, ноги в стремях устают и болят в коленях, спина разламывается и ноет. Замученный дебютант не может долго все это терпеть и сбрасывает скорость, в результате чего опять безнадежно отстает. Совместить быструю езду с мягкой, таким образом, ему никак не удастся.

Описанная разновидность мучительной и тряской езды и есть *трюхня*. Узнали мы про существование трюхни все от того же Ефимыча в том самом первом походе, когда вечером замертво выпали из своих седел, завершив недолгий начальный переход. Мы в изнеможении лежали на твердой земле, но в наших глазах все вокруг продолжало прыгать и подскакивать.

– Ефимыч! Отчего нам так плохо? Отчего все так болит?

– *Так если вы всю дорогу трюхней ехали! Будет, ясное дело, плохо, чего ж тут хорошего, куда уж хуже!*

Сквернее всех пришлось Дмитрию, которого несколько часов дробил трюхней в спину его огромный конь Аргмак, и искрошил в результате в капусту. Весь зад Дмитрия пришлось срочно спасать – мазать зеленкой и заклеивать пластырями, не говоря о том, что его дальнейшая дорога обратилась в одну непрерывную муку с ежевечерними обновлениями пластырей, примочек и повязок. Увы, но трюхня – неприятная ловушка, которую не довелось объехать еще ни одному дебютанту.

На другой день я принялся внимательно смотреть, как едет впереди меня Ефимыч. И вот что удивительно – он ехал быстро, ровным темпом и при этом очень мягко, плавно покачиваясь в седле. Мой же боящийся щекотки и слегка расфокусированный на голову Лыска хоть и поспевал, непрерывно подгоняемый мною, с немалым трудом за Ефимычем, но зверски вытрясал при этом у меня всю душу и все внутренности. Позади меня точно так же подскакивали в своих седлах, зеленея лицами, мои несчастные приятели. Как такое может быть, думал я, что один конь едет быстро и мягко, а все прочие оголтело трясут спинами, грозя выплеснуть наружу наши железы и кишки? Долгое время это оставалось для меня совершеннейшей загадкой. Признаться, я даже какое-то время придерживался расхожего, но ложного мнения, что всем нам, причем всем сразу, к несчастью, достались *плохие кони*, не в пример Ефимычеву, *хорошему*. Сознаюсь еще покаяннее – я полагал, правда глубоко в душе, что мой Лыска, как и Димин Аргаманя, как и Ленин Маргарин, и проч., и проч., просто *не едут*. Надо ли говорить, что мои мысли были пустыми и глупыми. И что на самом деле нам дали превосходных, отлично обученных, быстрых и сильных лошадей. И все дело было не в них, а в нас. В нашем неумении управлять ими.

Теперь же я могу уверенно дать, исходя из своего богатого опыта, совет по быстрой мягкой езде и по избежанию вытрясывающей вас всего наружу *трюхни*.

Всех алтайских лошадей, повторюсь, обучают быстрой и мягкой езде. Трюхня с этой точки зрения – самая настоящая аномалия и натуральное извращение. Лошадь трясется и едет

тряхней, только если ей это позволяет всадник. У алтайских лошадей, как у хорошего автомобиля, несколько отработанных, отлаженных скоростей. И все они при этом мягкие и удобные для всадника. Первая, самая медленная скорость – когда лошадь едет тихим шагом по тропе со скоростью обычного пешехода, отдыхая сама и давая отдохнуть хозяину. Так едут, когда некуда спешить или просто лень подгонять. Вторая – рабочая и основная передача. Это быстрый ровный шаг, со средней скоростью 7–8 километров в час. Таким ходом ездят с места на место по делам. Третья – легкая рысь, при которой лошадь бежит легкими частыми шажками, бежит мягко, с небольшой амплитудой. На третьей передаче можно легко пробежать за час километров двенадцать. Обычно такой рысью едут, когда направляются по делам и немного при этом торопятся. Четвертая скорость – быстрая рысь длинными летящими шагами, скорость здесь еще возрастает. Наконец, остаются два вида галопа – медленный и вихревой. При последнем скорость становится бешеной, а всадник и лошадь летят вперед как ураган. Итого целых шесть скоростей, от самой медленной до самой быстрой, и среди них нет в помине никакой зловередной трюхни.

Не совсем понятно, как и почему лошади, когда их начинают подгонять, непременно пытаются затрястись трюхней. Это какой-то встроенный в них дефект, такой же малоприятный, как фиолетовое пятно на экране телевизора. Возможно, им так легче тащить поклажу, а может статься, что так они наказывают гнетущего их спину седока. Кто их разберет! Но езда трюхней, тем более на дальние расстояния, положительно невыносима и наносит большой урон человеческому организму.

Но как же местные избегают трюхни, мягко переключая скорости по необходимости и избегая при этом утомительных тычков и долбежки в низ позвоночника? А вот как.

Как только вы начинаете подгонять лошадь пятками или хлопками веревки по бокам, с тем чтобы догнать проводников или уехавшую вперед группу, она ускоряется и немедленно переходит на трюхню. О чем вам болезненно сообщает серия жестких ударов седлом под самый зад. В этот самый момент, как только первый раз трянуло и вдарило, вы, продолжая настойчиво гнать коня вперед, должны одновременно взять повод на себя, как бы немного (но не сильно) притормаживая. Вот именно так следует сделать – *подгоняя и тормозя одновременно*. Короткое время хитрая животиная будет делать вид, что не понимает, чего вы от нее добиваетесь, и начнет мотать из стороны в сторону недовольной мордой и мотаться туловищем. Но будьте настойчивы – гоните и тормозите одновременно. И тогда вдруг – щелк! – и шестеренки с первой на вторую передачу встанут на свои места, и ваш конь, только что ломавший комедию, уверенно поедет за конем проводника – так же быстро и так же мягко, как он. Дальше вам останется только держать все под неутомительным контролем, когда следует, слегка подгоняя его, а когда – немного осаживая.

– Ефимыч! – сообщаю я едущему впереди нашему мучителю. – А ведь я понял, как надо ехать, чтоб трюхней не пропадать. Надо подгонять его, а как начинает трясти – тут же сразу как бы притормаживать. Но и не позволять ему отставать. Так и держаться. Вот теперь даже этот черт Лыска скачет у меня быстро и мягко, как миленький!

– Ну, правильно! – только и отвечает, даже не обернувшись, Ефимыч.

Воспитание и дисциплина

Кратко про методы воспитания лошадей. Когда вы влезаете на лошадь, чтобы прокатиться на ней или же отправиться в долгий поход, полезно помнить о том, что она к этому времени уже давно хорошо обкатана и обучена. В то же самое время это обучение не прекращается ни на день, чему вы то и дело становитесь свидетелями.

Вот, например, лошадь едущего впереди проводника споткнулась на ровном месте и тут же получила крепкую затрещину от джазоторца Толи.

– Ууууу, бляяя! – громко рычит Толя, покуда конь под ним резко присел и дернулся от страха, произведенного затрещиной. Вслед за полученной затрещиной лошадь внимательно глядит на тропу и больше не спотыкается.

Или впереди вырастает бурная река, и лошадь упирается передними и задними ногами, воротя от грозной стремнины испуганную морду. Она не хочет и опасается лезть в реку. Тогда Толя резко и больно лупит коня веревкой по крупу с двух сторон, настойчиво гонит его в реку, в глубокий и опасный брод.

– Ууууу, бляяяя!! – еще грознее рычит он, перекрывая шум воды. Конь приседает от страха и прыгает в холодную стремнину. Ясно, что Толю он боится пуще реки.

Утром Толя подходит к лошади, которая всю ночь паслась на лугу, и тянет ее в сторону лагеря – седлаться. Она не хочет седлаться и упирается передними ногами, пучит глаза, застряла в траве как вкопанная. Толя висит на веревке всем своим весом, упирается сапогами в землю, но не в силах сдвинуть мерина с места. Дальше коню прилетает крепкая пиллюля – хлестко, резко, прямо между глаз веревкой по морде.

– Ууууу, бляяяя!!! – суммирует пиллюлю Толя, и конь сам бежит подставлять под седло спину.

Тяжелый, крутой, затяжной подъем на перевал. Лошади устали, бока мокрые, с животов льется на землю горячий пот, они часто, задыхаясь, дышат, их огромные сердца бешено колотятся под тяжелыми седлами и седоками. В момент, когда обессиленные кони готовы уже остановиться и сдаться прямо посреди подъема, Толя жестоко лупит своего мерина тяжелой веревкой по всему, до чего только могут досвистеть его злые удары. Мерин взбодрится и рывками бежит вверх по крутой тропе. За ним, рывками же, принимаются поспевать все остальные лошади.

– Ууууу, бля!!!! – Воля коней к тяжелому подъему подкреплена и напитана крепкими тумаками проводников.

Толе что-то не нравится. Как-то не так едет по тропе его мерин. Не туда ступает и не так глядит. Медлит с выполнением команд. Тупит или что-то в этом роде – по мнению Толи, разумеется. Следует сильный удар пятками в бока, дополнительно обоснованный хлестким оттягом веревкой по шее. Мерин в мгновение ока переходит из медленного шага в бешеный галоп, унося Толю вдаль по изрытому норами сурков и сусликов полю.

– Уууу, бляяяя!!! – затихает впереди крик Толи.

Он резко тормозит коня, потом вдруг пускает его с места в галоп, вслед вдруг опять тормозит, тут же пускает в галоп, и так повторяет несколько раз. *Воспитывает*, одним словом. В результате этих нередких уроков конь у него пребывает всю дорогу *как шелковый*, моментально исполняющий любую команду и даже намек на таковую.

Коней лупят при любом непослушании, при всякой заминке, больше притворно, но в случае серьезной ошибки весьма больно и не по разу. Животные не ждут от человека хорошего и шарахаются от простого движения руки, при виде любого взмаха веревки. Так уж их приучили – от самого начала объездки и обучения работе.

На новичков-горожан воспитательная система «ууууу, бляяяя» производит неизменно тяжелое впечатление. Им жалко лошадей, а широко распространенная на Алтае команда «пинай его, суку, в живот!» кажется им несправедливой и натурально живодерской. Гуманизм же самих новичков приводит к замедлению общего движения, позднему прибытию к полянкам с супом, обильному питанию лошадей в течение дневных переходов и к беспощадной трюхне. Но главный минус гуманизма даже не в этом.

Не оправдывая весьма жестокой системы воспитания лошадей, общепринятой в Алтайских горах, замечу, однако же, при этом, что во многом она, по-видимому, вызвана соображениями безопасности – как всадника, так и самого коня. Оплеуха после каждого спотыкания повышает внимание коня при проезде по опасным горным тропам, тем самым снижая риск срыва в пропасть или поломки ног самой лошади. Хлесткий подзатыльник при невыполнении команды заметно укрепляет скорость реакции и общую дисциплину лошади, что обязательно понадобится в критической ситуации, каких бывает в горах немало. Резкие и требовательные удары на тяжелом подъеме помогают коню взобраться на перевал без опасных остановок и замедлений, экономя в конечном итоге его же силы и здоровье. Смелый и уверенный вход в брод снижает угрозу фатальной ошибки, ослабляет метания и оступы, придает лошади необходимые уверенность и опыт. Быстрый и подгоняемый всадником проезд по опасному куруму предоставляет коням бесценный опыт езды по каменным осыпям. И так далее.

Страх перед неотвратимым и скорым наказанием за малейшую ошибку или за малейшее неповиновение делает лошадей в сложной дороге по горам в высшей степени внимательными, собранными, осторожными и смелыми одновременно, уверенными и сильными, выявляет их самые лучшие качества. Всадник и лошадь до предела мобилизуются, обращаются оба во все-замечающее внимание, вдвоем и вместе разом следят за дорогой, за правильностью принимаемых решений. Все это необходимо для того, чтобы выжить в горах. Поблажки же добро-сердечных дилетантов, напротив, усыпляют и расслабляют, лошади быстро разлениваются и начинают спотыкаться и оступаться, принимают совершать все больше ошибок, опасных и для них самих.

Они теряются в трудных местах, глупят и мечутся. Они могут вдруг встать посреди опасного брода и тому подобное. Все это может закончиться плохо. Возможно, что жестокость методов воспитания лошадей в горных условиях вызвана суровостью самих этих горных условий. И что иначе здесь просто не совладать с опасностями, подстерегающими на каждом шагу, – не совладать ни коням, ни людям.

Всегда быть начеку

О чудесном преображении лошадей. Мне осталось совсем немного прибавить к моей, как я надеюсь, бесполезной краткой инструкции по обращению с лошадьми в Алтайских горах.

Если вы уже освоили две главные обязанности конного туриста: 1) *не отставать*, 2) *не дать себя при этом чрезмерно расстрясти*; если вы вполне обрели власть над изнуряющей трюхней; если вы накрепко усвоили первейшее правило: надежно привязывать лошадь при каждой остановке и не маячить лишний раз близко перед ее задом или мордой; если глубоко зарубили себе на носу правило никогда (!) не одеваться/раздеваться, едучи в седле, и столь же железное правило садиться/слезать только с левого боку, как и настоятельную рекомендацию никогда не производить близ лошади резких движений и шумов, то все самое важное вами уже достигнуто. Еще надо не позволять лошадям есть на ходу.

Одновременно освоение всего вышеперечисленного арсенала навыков почти наверняка означает, что вы уже умеете правильно установить себе длину стремени. Для того чтобы можно было слегка привставать при езде рысью или галопом, а также на крутых спусках, упираясь ногами в стремяна и откидываясь далеко назад, на спину. Что точно так же вы умеете и круто подниматься вверх, наклоняясь далеко вперед и держась при этом за луку седла. Что вы умеете, когда надо, подгонять, а когда надо – притормаживать. И регулярно проверяете натяжение подпруг. Что не позволяете лошади есть на ходу лопухи, обеспечивая тем самым свое же своевременное прибытие на зеленые полянки, снабженные горячей мясной солянкой и крепким чаем. Что вы теперь внимательно следите за тем, чтобы не съехало вдруг ваше седло, научившись на ходу строго и ловко *выравнивать* его. А именно: давя со всей возможной силой рукой на поднимающуюся сумину и одновременно поддевая второй рукой сумину, съехавшую вниз, и при этом же еще и с усилием давя на уехавшее вверх стремя одной ногой и ослабляя давление на стремя, съехавшее вниз, другой ноги – так, чтобы одним махом крутануть все это вместе – седло, суму и подпруги – в нужном вам направлении. Что вы научились править одной рукой, зажав в ней повод и держа во второй руке столь удобную для подгонки лошади веревку. Что вы прочно усвоили главное правило всех бродов – ехать *строго след в след (!)* за впереди идущим конем. Что вы научились аккуратно переступать через поваленные деревья, с их остро торчащими сучьями, и переступать именно там, где стволы ниже всего прижаты к земле. И проезжать или же проходить вповоду опасные курумы.

Уверенно освоив все эти совсем немаловажные немелочи, надо дополнительно брать во внимание важную особенность абсолютно всех лошадей – их исключительную *пугливость*.

Лошадь может до смерти напугаться любой ерунды – белого камня у дороги, обрезка железной трубы, который она примет за гадюку, красного цвета вашей куртки, резко вылетевшей из-под копыта полярной куропатки, треска сучка в лесу. Лошади – существа травоядные и мирные от природы и потому от природы же до смерти робкие и всего на свете опасующиеся. Не добавляет им храбрости и прославленная воспитательная система Толи/Ефимыча «уууу-бляяя», при наличии которой кулак, веревка или даже тяжелый камень могут прилететь откуда угодно, когда угодно и по какому угодно поводу. Как только же лошадь пугается, она, не помня себя, принимается прыгать и скакать очертя голову, часто *нести* галопом, напрочь забыв, что вы при этом беспомощно болтаетесь на ее спине.

На этот случай могу дать две полезные рекомендации. Помня, что ваш мерин или ваша кобыла могут перепугаться в любой момент и в любом месте, важно всегда *быть начеку*. Как при вождении машины, когда даже на прямом автобане может ждать неприятная неожиданность, вроде внезапного взрыва колеса. Повод лошади следует держать в руке крепко, чтобы ни в коем случае не вырвался при внезапном рывке или скачке. Иначе потеряете саму возможность управлять – как если бы в автомобиле одновременно отказали руль, газ и тормоза. И если

уж лошадь напугается и все же *понесет*, следует немедленно натягивать повод на себя *крепко, но не резко*, ведя его немного в сторону. Так будет обеспечено плавное, но решительное застопоривание вашего потерявшего голову от страха коня.

И вторая рекомендация. Чаще всего на ногах в горах носятся крепкие горные ботинки с ребристой подошвой, которая, с таким-то зубастым протектором, легко застревает в железных стремях. При спуске или прыгивании с коня левая нога зачастую остается, застряв, в стремях, и тогда человек неожиданно для себя падает на спину, вниз головой, с ногой, висящей высоко над ним и накрепко засевшей в непослушном стремях. Несложно представить, насколько это опасно, если к тому же лошадь, перепуганная куропаткой, скачет в этот момент галопом, а тропа проходит меж камней! Но даже если лошадь спокойно стоит на месте, то негданное застревание ноги в стремях и падение седока, обычно сопровождаемое воплями или громким кряхтеньем, само по себе нередко пугает ее, и она с перепугу бросается с места, увлекая беспомощного человека за собой. Для избежания всего этого имеется простое и надежное средство: никогда не продевать ботинки на всю глубину стремях, а, напротив, всегда держать стремя *на носке* ботинка. В этом случае ваша нога никогда не застрянет и вы в любой момент легко соскочите на спасительную землю.

И вот когда вы освоите все эти нехитрые премудрости, вы с удивлением обнаружите, что ваш мерин, доныне столь слабосильный, ленивый, охочий до попутных лопухов, столь непослушный, медлительный, трясучий до смерти, совершенно неспособный ни к бродам, ни к лесным тропам, столь недалекий, не знающий и не понимающий самых элементарных команд, столь лукавый, хитрый и проч., тот самый мерин, который абсолютно *не ехал*, совершенно вдруг преобразился!

Он теперь даже внешне подобрался, поджался и построинел. Его глаза оставили прежнее тупое коровье глядение и смотрят теперь остро и чутко. Он стрижет ушами и рвется бежать вперед. Вы влетаете в седло, а он бодро трогается с места еще до того, как ваша правая нога зацепилась носком ботинка за стремя. Вы играючи держите мерина строго за спиной Толиного коня, не допуская меж ними никакого просвета. Первая же попытка пойти трюхней умело пресечена, и теперь ваш мерин бежит за Толей легко и размашисто, так же мягко и споро, как и конь проводника. После того как робкие пробные уловки ухватить попутного лопуха вами твердо прерваны, мерин уже не думает про эти кулинарные глупости до самого лагеря. Он моментально исполняет теперь все ваши команды – вам достаточно одного легкого шевеления повода в руке, вправо или влево. Он смело устремляется в лесную чащу, в бурный брод и на крутой перевал.

От его хитрости, прожорливости и лени не осталось ни следа!

На место хитрости пришли вдруг ум, сметка, сообразительность, ловкость, соразмерность и точный глазомер. Мерин бежит по тропе, словно бы считывая и просчитывая каждый миллиметр, безошибочно принимая самые оптимальные решения. Забыта и прожорливость. Мерин несется вперед, стерев из памяти заботы о траве и лопухах, все его текущее радение – качественно и без упущений сделать свою работу. Он знает, что вовсе не плохо будет пораньше прибыть на место отдыха, на зеленую полянку у реки, и уж там вдоволь отужинать сочной травой и выспаться. Нет следов и прежней медлительной лени. Мы безостановочно несемся вперед, упорно и цепко карабкаемся на кручи, умело сбегая с круч вниз, неутомимо скрипим сквозь курумы – и все это ловко, упруго, собранно, неутомимо. Словом, вдруг все наши лошади взяли разом – *и поехали!*

На дневках проводники ведут коней к реке – вдоволь напиться чистой холодной водой.

– Главное, когда доедем, чтобы дрова были, – говорю я Толе, думая о предстоящей холодной ночевке в горах.

– Нет! Главное – *чтобы трава была для коней*, – справедливо поправляет меня Толя.

При ежеутреннем заседлывании и навьючивании проводники аккуратно кладут на спины лошадей мягкие попоны, тщательно разглаживают их – чтобы не было складок. Иначе можно натереть коню спину. Точно так же внимательно распределяется и вес в суминах – с целью не допустить перегруза. Рюкзаки и сумки вяжутся к спинам и крупам лошадей только мягкими сторонами – чтобы избежать натирания и порезов твердыми выступами или пластмассовыми карабинами. Груз вяжут как можно крепче, чтобы не ерзал при движении и не тер шкуру лошадей. При необходимости меняются седоки – на тех, что полегче, – дабы дать уставшему коню немного отдохнуть. Если все же случился порез, ссадина или натерлась кровавая мозоль на спине, проводники заботливо лечат коня – натирают мазью, прочищают рану, назавтра перераспределяют груз в пользу больного. Ночью они выходят взглянуть, не запутались ли лошади в веревках. На дневках следят, чтобы для них было вдоволь травы.

Мерин, на котором я быстро качусь за Толей, Толин собственный и есть. То есть его личный и им же обученный. Толя искоса, полубернувшись, наблюдает за тем, как он ловко и мягко бежит по тропе, как косят по сторонам его смышленные большие глаза, как чутко стригут окружающие звуки его подвижные уши. Толя закуривает на ходу сигаретку и довольно резюмирует, откровенно любуясь своим мерином, сноровисто и деловито трусящим сзади:

– Аааааа, бляяяя\

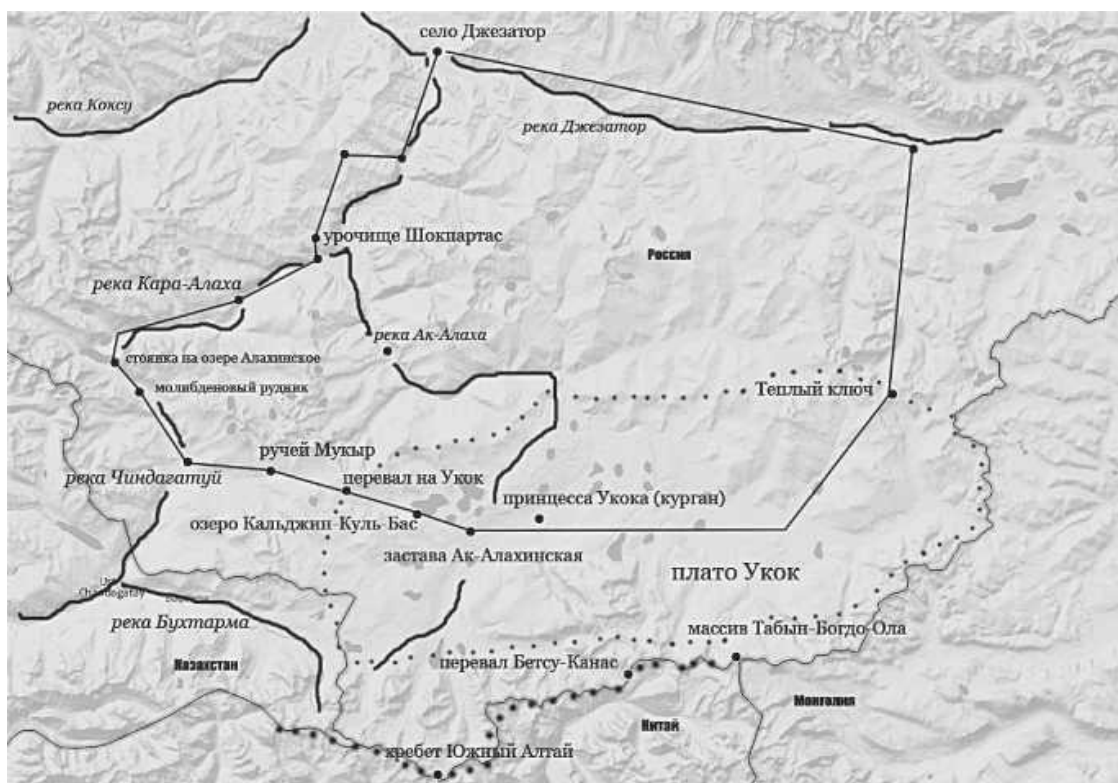
И вот скажите мне теперь – существует ли на свете оценка выше этой?

Небесные пастбища Укока

(плато Укок – российский Тибет, реки Кара-Алаха и Чиндагатуй, ручей Мукур, Бертекская котловина)

Мой самый первый поход на Укок начинался так. Это было в селе Джазатор (от казахского *шасотыр* – *лето – сидеть*, т. е. *летняя стоянка*) на закате солнечного и тихого позднего июля. Природные условия долины Джазатора обманчивы. На первый взгляд самое обычное жаркое сибирское лето. Всюду красуются дикие цветы, растет сочная трава, струится чистая проточная вода. Склоны гор покрыты богатым лиственным и сосновым лесом. Во множестве пасутся лошади и коровы, а прямо напротив усадьбы, в которой мы остановились, бродит черный, молодой и косматый як. Мои приятели бегут с ним фотографироваться, однако могучий як малодушно от них сбегает. Очень тепло, в воздухе крутятся пчелы и бабочки. Но вот солнце скрылось за вершинами Южно-Чуйского хребта – и температура быстро падает. Тут все дело в высоте – более полутора километров над уровнем моря. Джазатор – самое дальнее село Алтая, в нем кончается автомобильная дорога. И начинаются трудные пути на таинственный Укок.

Мы ежимся в холодеющих сумерках и спешим в баню. Надо успеть помыться и попариться до полуночи – до отключения света. После того как разрушилась единственная линия электропередачи из Кош-Агача (путь в 140 км), свет в дома давали два дизель-генератора – по одному на каждую половину этого большого и богатого казахского села (правда, недавно достроили малую ГЭС на речке Тюнь, теперь со светом проблем не стало). Над селом сверкает острыми черно-белыми гранями треугольный пик Иикту – главной вершины Южно-Чуйского хребта (3936 м).

Путешествие из Джазатора на плато Укок

Баня отличная – просторная и хорошо натопленная. После нее мы взбираемся на открытую мансарду под крышей дома Альберта Каменева – местного жителя, бывшего председателя колхоза им. Ленина, давшего нам приют и коней для похода на Укок. Пьем горячий чай и залезаем в спальники – нам предстоит первая ночь на свежем горном воздухе. Наши проводники-казахи Амантай и Асылбек обещают, что утром лошади будут навьючены и мы двинемся в путь.

Утром встаем едва ли не с рассветом и примерно к обеду понимаем, что напрасно спешили. Сначала пропадает Амантай.

– А где у нас Амантай? – спрашиваю я Асылбека.

– Пошел за лошадьми, – отвечает Асылбек.

Потом появляется Амантай, но пропадает Асылбек.

– А где Асылбек? – спрашивает Петер.

– Сейчас лошадей приведет! – весело говорит Амантай.

Он не лукавит – ближе к полудню появляется Асылбек с шестеркой лошадей. Тут же вокруг животных образуется приличная толпа, в которой видны в том числе незнакомые нам женщины и дети. Все подтягивают седла, подтаскивают *арчемаки* (кожаные сумины), помогают нам укладывать в них бесчисленные припасы – консервные банки, хлеб, палатки и спальники, газовые баллоны, огурцы и помидоры, пучки лука, связки головок чеснока, фонари, пластиковые коврики, вилки и ножи, термосы, пакеты с чаем и сахаром. Все это берет у нас еще часа полтора. Наконец лошади обретают своих временных хозяев. Мне достается пожилой конь со скучной, невеселой мордой.

– Как его зовут? – спрашиваю я Асылбека.

– А кто его знает! Не мой он – одного знакомого пастуха, – поясняет Асылбек.

Всю следующую неделю я проведу в седле этого безымянного джазаторского коняги.

Наконец все лошади оседланы, навьючены, стремена подтянуты под рост каждого седока, и можно двинуться в путь. Соседи машут нам на прощание, мы медленно, поднимая пыль, пересекаем село по направлению к мосту через Джазатор. По местным понятиям – мы выехали на Укок *утром*. Ведь здесь важно не время выхода, а готовность к нему. Неважно, в котором часу ты выйдешь, – важно, насколько ты готов. Все последующие дни *утро* начиналось и заканчивалось для нас в разное время. Зато мы всегда были отлично готовы к продолжению пути.

Наш маршрут – редкий и сложный. Он весь проходит по территории зоны покоя Укок (учреждена в 1994 г. для сохранения уникальной природы и археологических памятников плоскогорья – в зоне покоя ограничена хозяйственная и иная деятельность). Мы должны проехать вдоль нижнего течения реки Ак-Алаха, потом вверх к началу ее крупного притока Кара-Алахи – к Алахинскому озеру. Затем, вдоль реки Чиндагатуй до устья ручья Мукур и вдоль него – вверх к перевалу, ведущему на Укок. Этот путь занял у нас четыре дня.

Первое важное решение принимает Асылбек. Он местный, из Джазатора, и отлично знает, что и как следует делать – ехать на Укок верхом.

– Что значит верхом? – интересуюсь я.

– Поедем по перевалам, – говорит Асылбек. – Внизу сейчас тяжело – грязь, болота, *курумник* (труднопроходимые каменные осыпи).

Только три дня спустя мы в полной мере оценили это решение. А пока оно кажется нам не бесспорным. Идти верхом совсем не просто. От самого села начинается крутой затяжной подъем – на высоту более двух километров над уровнем моря. От открывающихся вскоре видов захватывает дух, ведь это единственное место на Алтае, где одновременно можно увидеть все четыре главных алтайских хребта: Южно-Чуйский, Северо-Чуйский, Катунский, а также мощную гряду хребта Южный Алтай, отделяющего Россию от Китая и Монголии. В бинокль глядя в далекое белое облако на горизонте. Это показались округлые вершины Табын-Богдо-

Ола – *Пять священных вершин*, – за которыми Монголия и Синьцзян. А где-то прямо перед ними – наша цель: плато Укок. Правда, до Укока еще очень далеко.

Первые два дня мы едем по гребням гор, почти по небесам. Встречаем у вершин множество редких растений. Например, родиолу морозную, красные соцветия которой по цвету и форме напоминают разломленный плод граната.

Вдоль ручьев много золотого корня. Так, где-то под небесами, мы обходим топкие и каменистые берега низовьев главной реки Укока, Ак-Алахи, и с огромным напряжением сил спускаемся почти по отвесному склону к ее полноводному притоку – Кара-Алахе.

Здесь становится ясно, как важно доверять в высокогорной тайге лошадям. Часто только животное знает, как пройти опасное место, – знает лучше человека. В такие моменты можно видеть, как лошадь напряженно всматривается в тропу и думает над каждым своим шагом – как шахматист размышляет над решающим ходом. К счастью, наши многоопытные кони почти не ошибались. Иначе нам пришлось бы худо.

Плато Укок – одно из самых труднодоступных и интересных мест России. Его средняя высота около 2500 м над уровнем моря, размеры – примерно 40 км с севера на юг и 90 км – с запада на восток.

Расположение Укока не имеет аналогов. С севера от плато расположена Россия, с запада – Казахстан, с юга – Китай, с востока – Монголия.

Укок – один из главных мировых географических перекрестков. На плато сходятся воображаемые и реальные пределы четырех великих мировых империй – Российской, Монгольской, Китайской и могущественных государств средневековых тюрков. Здесь встречаются друг с другом четыре мировые религии – христианство, ислам, буддизм и китайское конфуцианство. А еще – древний алтайский языческий культ природы, горных духов.

Входы на Укок – высокие перевалы и глубокие ущелья стерегут пирамиды камней – *обо*, построенные здесь алтайцами, но почитаемые всеми.

Укок – это русский Тибет, подпираемый с юга (как Тибет Гималаями) снежными вершинами хребта Южный Алтай. Как и Тибет, Укок – часть великого евразийского водораздела. Воды Кара-Алахи, на берегу которой мы сейчас разбили стоянку и варим уху из свежего жирного хариуса, бегут к Северному Ледовитому океану. А речки, берущие начало с южных склонов Табын-Богдо-Ола, иссохнут и стинут в бессточных и жарких великих пустынях Синьцзяна и Цайдамского бассейна. Близко к Укоку берут свое начало Катунь, Обь и Иртыш – великие сибирские реки.

Главнейшие объяснения названия плато таковы. Первое – от монгольского слова «ухэг» – *плоская вершина* (то же значение у киргизского «укок»). Второе – от тюркского «ук-кок» – *голубой, небесный род*. Многие воспринимают Укок как мистическое «небесное пастбище», исток и окончание земных и небесных путей. Тысячи лет плато используется разными народами для зимних выпасов. Причина проста: когда внизу, в долинах с сочной летней травой, выпадал глубокий, неприступный снег, многочисленные стада спасались от неминуемой гибели и массового забоя именно здесь – на продуваемом шквальными ветрами, малоснежном, с лютыми морозами, но полным питательных трав плоскогорье.

– Когда скот в мае – июне спускается с Укока в долины, в нем веса больше, чем в ноябре, когда его туда перегоняют, – говорит Асылбек.

Такова удивительная особенность Укока – место, редкое по суровости природных условий, дарует при этом всем жизнь и изобилие.

Люди с незапамятных времен пасли здесь свой скот. И хоронили своих мертвых – как простолюдинов, так и царей. Монголы и скифы, тюрки и хунны – все оставили здесь свой след и свои некрополи.

По краям глубокой и ровной, как стол, Бертекской котловины на куполообразных возвышенностях стоят несколько десятков пастушьих стойбищ, с аккуратными пирамидами из

кизяка около деревянных избушек. Летом стоянки пустуют, а с ноября по июнь (8 месяцев) в них живут семьи местных казахов и алтайцев, пасущих лошадей, коров, коз, овец, яков и верблюдов. Печки растапливают дровами, которые привозят с собой снизу, из долин. На Укоке леса нет – из-за высоты, – поэтому печи топят кизяком. Зимой, в пятидесятиградусные морозы, мертвенный ледяной воздух скатывается по склонам вниз, в котловину, к извилистым берегам Ак-Алахи, и бездвижно стоит там, как прозрачный студень. В такие дни скот пасется выше поверхности этого жуткого стылого воздушного моря, и никто – ни человек, ни зверь – не тревожит древние могилы, разбросанные по дну котловины.

Плато Укок, река Ак-Алаха (В. Рыжков, 2009 г.)

На плато обнаружено более 600 археологических памятников, многие из которых мирового значения. В том числе и знаменитая «скифская принцесса» – знатная скифская женщина. Она долгие века пролежала в ледяной линзе, окруженная вечной мерзлотой (последняя на Укоке начинается в метре от поверхности). Когда линзу растопили, женщина была найдена в удивительной сохранности – кожа с татуировками, меховая шуба, украшения. Находка стала мировой сенсацией.

Тем временем мы продолжаем свой путь вверх вдоль Ка-ра-Алахи к Алахинскому озеру (2061 м над уровнем моря). За большим и глубоким озером высится хребет, позади которого Казахстан.

Стоянка на Алахинском озере удобная – много сухих, просторных и прогретых солнцем полян, кострище расположено под высоким одиноким кедром, готовым укрыть от дождя и ветра. Здесь летом часто стоит сезонный кордон российских пограничников. Сегодня их нет, как нет и дров для костра. Весь сухостой в округе давно вырублен, как и крупные нижние ветки деревьев. Нам с Амантаем приходится продираться за дровами сквозь заросли кустов далеко вверх по склону. Амантай встречает и убивает большую черную гадюку, которых тут водится множество. По валунам по руслу ручья скачут *пищухи* (сенокоски) – небольшие зверьки, похо-

жие не то на кроликов, не то на сусликов. Пока мы заготавливаем дрова, семья мышей, живущая под корнями кедра, дружно грабит наши припасы. Под соседним корнем видна нора злых земляных ос, в данный момент занятых нашим сахаром. А на мокром песке у ручья замечаю свежий медвежий след – выходит, мало кто не воспользовался отлучкой пограничников, обычно оставляющих часть своего пропитания на месте.

Наутро переходим вброд Кара-Алаху и едем на юг. Вскоре ручьи собираются в новую речку – Чиндагатуй, текущую в Казахстан, к Бухтарме. До середины XIX века, когда эти места перешли России, здесь стоял китайский пограничный кордон, что хорошо помнят местные казахи.

– А что за название такое? – интересуюсь я у Амантая.

– Не знаю, но не казахское, «Гатуй» – это, наверное, от «Китай», а что такое «Чинда» – непонятно, – говорит Амантай.

Позднее в Москве я спросил об этом одного своего китайского друга. Он ответил, не раздумывая: «Чиндай», или «Циндай», – это не что иное, как время правления последней императорской династии Китая (знаменитая эпоха Цинь), один из правителей которой и передал долины Бухтармы, Чиндагатуй, плоскогорье Укок и другие районы Центрального Алтая России – по Чугучакскому договору 1864 г. Так что, получается, название реки, вдоль которой мы сейчас неторопливо едем, означает не что иное, как «Китай эпохи Цинь», переделанное местными казахами в «Чиндагатуй».

Посреди долины Чиндагатуй недалеко от Алахинского озера, прямо в высокой траве на берегу ручья, торчит огромный железный бочкообразный котел – остатки старой паровой электростанции. На нем я нашел табличку с надписью «ЛМЗ – 1937 г.» и заводским номером. А на противоположном от нас высоком правом берегу виднеются полтора десятка черных полуразвалившихся срубов. Здесь в годы войны добывали молибденовую руду, которую потом везли в Казахстан – на переработку. По одним сведениям, на руднике работали вольнонаемные. По другим – заключенные ГУЛАГа. Мы осмотрели лагерь – давящее, неприятное чувство. Помню, как в один из домов меня буквально не впустила крупная гадюка – она лежала сверху прямо на дверном косяке и пристально, не мигая, тарасилась мне в глаза. Я сделал шаг вперед, она приподняла голову и напряженно замерла. Я вспомнил рассказ Асылбека об умершей этим летом от укуса гадюки джазатурской девушке и внутрь не пошел.

От лагеря вниз по течению была проложена проселочная дорога, которая и сейчас неплоха – для машин с высокой проходимостью. Но бревенчатые мостики над многочисленными ручьями почти все сгнили и разрушились. Едем медленно – припекает. Асылбек вглядывается в склоны гор в бинокль – ищет отдыхающих в тени деревьев лосей или оленей.

Проехав озеро Кызылтас, поворачиваем на юго-восток и начинаем долгий подъем по ручью Мукур к перевалу Мукур-Табаты (2590 м), за которым спрятан У кок, занимающий все наши мысли, подгоняющий наше нетерпение. День клонится к концу, мы оставляем за спиной последние редкие деревья (значит, высота – далеко за два километра) и уже подумываем о месте для ночлега. И тут мой невеселый коняга, до этого державшийся молодцом, делает ошибку. Прекрасно пройдя опасные курумники на подходах к Алахинскому озеру, одолев страшный спуск у слияния Кара-Алахи и Ак-Алахи, мой безымянный конь проваливается в болото на правом берегу ручья Мукур. Скажу для его оправдания, что в этом опасном месте провалились три лошади из шести. Предотвратить опасность мы не могли – это была единственная тропа здесь. К тому же до нас по ней уже лет пять как никто не ходил, и мы не имели никакого представления об ее состоянии.

Болото было большое и неприятное. Лошади шли по нему, проваливаясь по колено и глубже. Метров за сто до сухого бугра, где мы планировали заночевать, мой коняга вдруг резко завалился на правый бок, глубоко вдавив мою правую ногу в ледяную зеленую воду и в грязные, поросшие травой кочки. Я с трудом вылез наверх, и конь рывками выдрал себя из черной

бурлящей ямы. Далее медленно и осторожно, вповоду, я вывел его на сухое место. За это время провалилось еще двое наших, в том числе и один из проводников – Амантай.

Слава богу, ни одна лошадь не провалилась полностью – всеми четырьмя ногами. В этом случае спасти животное очень сложно – надо попытаться просунуть веревки под ее брюхом, постараться положить на бок и вытянуть в сторону от ямы. Сделать это трудно и удается далеко не всегда. К счастью, у нас все обошлось. Так мы почувствовали опасность высокогорных болот, которые в изобилии встретились нам потом и на Укоке. Какой только не сделаешь крюк по перевалам, лишь бы обогнуть такое вот гиблое место! Больше всего меня поражал безобидный, даже беззаботный вид высокогорных болот – этикие зеленые лужайки с густым ковром маленьких ярко-желтых цветов. Ясно, что мы старались держаться от них подальше.

К обеду пятого дня мы перевалили Мукур-Табаты и минут через двадцать вступили наконец на Укок. И сразу почувствовали всю необычайность этого удивительного плоскогорья.

В спину нам бил шквальный холодный ветер. Назойливо преследовали кровожадные черные мухи. Но вид, открывшийся нам, был, без преувеличения, поразителен. Вниз плавно спускалась бескрайняя, изумрудных оттенков, равнина, на дальнем краю которой, в полусотне километров от нас на восток, сверкали белоснежные вершины массива Табын-Богдо-Ола (4374 м).

Внизу слева мы увидели два огромных темно-синих зеркала – озера Кальджин-Куль и Кальджин-Куль-Бас. Вправо внизу была хорошо видна долина реки Кара-Булак, вдоль которой на запад проходит древняя дорога к перевалу Укок и в Казахстан. И главное, от горизонта до горизонта перед нами стояла величественная стена снежных вершин хребта Южный Алтай, которые можно увидеть только с плато Укок.

На следующий день, отметившись на пограничной Ака-лахинской заставе, охраняющей перевалы Канас, Бетсу-Канас и Укок, мы осматривали знаменитые курганные комплексы Укока. Прямо у кургана «скифской принцессы» сделали небольшой привал. Неизвестно, была ли она на самом деле принцессой, но место ее последнего упокоения было выбрано с большим смыслом и вкусом. Со склона, где лежала «принцесса», весь Укок виден как на ладони. Слева – огромный массив Бог-до-Ола, из-за него каждое утро прямо на курган выходит солнечный диск. За «Пятью священными вершинами» скрыта загадочная Монголия. Прямо напротив – огромная, черная, сбита из вулканических пород вершина Чолок-Чад, за которой прячется тайный проход в Китай – ущелье и перевал Бетсу-Канас. Еще правее белая извилистая лента Ак-Алахи втягивается вверх по ущелью к перевалу Кан, его ледникам, из которых вытекает сама Ак-Алаха. Дальше – огромная гора «Девятка», по форме – точно как эта цифра. В кольце «девятки» улегся огромный ледник. И совсем вдаль на западе снежные вершины в треугольнике Россия – Китай – Казахстан, в которых берет свое начало крупная река Бухтарма.

Если на всем Укоке днем и ночью дуют сильные западные ветры, от которых нет спасения (в последнюю ночевку на Укоке ветер без конца срывал нашу палатку, а к утру завалил ее снегом), то курган «принцессы Укока» был защищен от ветра естественной складкой холма. Солнце хорошо прогревает этот склон, с которого видна панорама всего плоскогорья, и даже отвратительные черные мухи отчего-то сюда не залетают. Потому-то мы долго лежим на сухой теплой земле, пьем чай и смотрим вниз – на широкую долину и древнюю дорогу, по которой вдалеке пылит «Урал» пограничников.

Уже тысячи лет назад здесь проходил древний караванный путь – из монгольского Кобдо (Ховд) в нынешний Восточный Казахстан. На Укоке (где сегодня стоят российские пограничные заставы) стояли китайские пограничные пикеты. Особенность плато в том, что с запада на восток по нему пройти намного легче, чем с юга на север. Из Казахстана на плоскогорье ведет относительно пологий перевал Укок, из Монголии – столь же несложный Улан-Дабо. Напротив, перевалы на север, в Россию, очень сложны (например, Теплый Ключ, через который мы проехали на обратном пути), а зимой – практически непроходимы. То же можно сказать о пере-

валах с Укока в Китай – Канас и Бетсу-Канас. Всесезонная дорога через Укок тысячелетиями соединяла Монголию и Китай с Прииртышьем и степями Казахстана. В XIX в. в восточно-казахстанском селе Катон-Карагай проходила крупная ежегодная ярмарка, на которую приходили караваны с восточным товаром – через Укок. Фактически плато было важной транспортной артерией, частью северного Шелкового пути. А в советское время через Укок каждое лето перегоняли огромные стада скота из Монголии (на переработку мяса) в Усть-Каменогорск.

Для современного приграничного населения – а это главным образом казахи – Укок также имеет особое, во-многом трагическое значение. В начале 1930-х гг., когда Сталин начал насильственную коллективизацию и когда скот стали отбирать даже у кочевников и полукочевников-казахов, многие тысячи из них из Восточного Казахстана стали уходить в китайский Синьцзян – со всем имуществом и скотом. Толпы людей с повозками и домашними животными поднимались по Бухтарме на Укок и через перевалы Канас и Бетсу-Канас шли в Поднебесную. До середины 1930-х гг. советская власть не препятствовала массовому исходу казахов. Но в 1936 г. решено было его пресечь. И в один день на перевале Канас был расстрелян целый казахский род (предположительно, несколько сотен человек). Старики в Джазаторе говорят, что воды Ак-Алахи три дня были красными от крови. До сих пор в районе перевалов находят остатки повозок, обувь, посуду. Интересно, что название перевала «Канас» по-казахски звучит как *кан-ас* (*кровь-перевал*), т. е. «кровавый перевал». Видимо, советские картографы, нанося это название на карты, не заинтересовались его значением и происхождением.

Теперь «кровавый перевал» намеревается пройти своей магистральной трубой российский энергетический гигант «Газпром», решивший проложить через Укок экспортный газопровод в Китай. Этот проект вызывает много вопросов.

Не пострадает ли заповедное плато, включенное во Всемирное природное наследие ЮНЕСКО (в 1998 г.)? Удается ли сохранить уникальные популяции обитающих здесь снежных барсов, архаров, серых гусей? Не будут ли разрушены и утрачены всемирно известные археологические памятники? Нет ли угрозы масштабных аварий в этой высокосейсмической зоне? Не приведет ли приход множества новых и чужих для этих мест людей к разрушению «небесных пастбищ» Укока, с их неповторимой историей и природой? Сохранится ли традиционный уклад местных пастухов, не меняющийся тысячелетиями?

Ни Асылбек, ни Амантай не знают ответов на эти вопросы. Они седлают и навьючивают наших лошадей, чтобы пуститься в обратный путь – в Джазатор. А мы грузимся в уазик и выезжаем в сторону Кош-Агача. С обочин в нашу сторону громко свистят жирные сурки, огромные норы которых можно увидеть здесь повсюду. Не думаю, чтобы они нас освистывали. Ведь мы, как и они, всей душой полюбили это суровое и прекрасное место – небесные пастбища Укока.

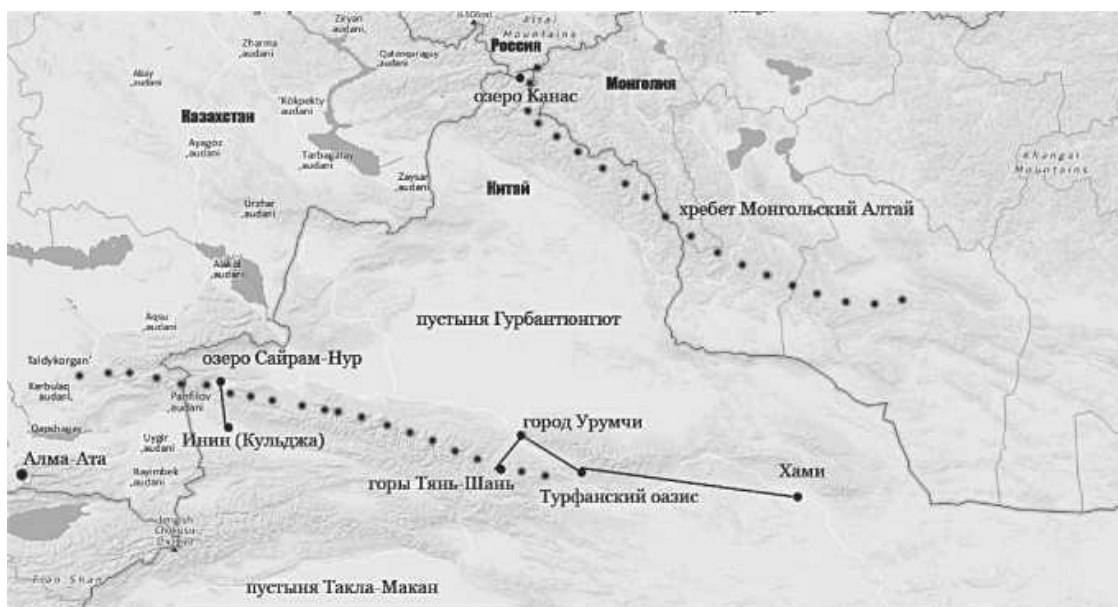
Птица-Синьцзян

(Урумчи, оазис Турфан, Красная гора, Тянь-Шань, пограничный город Инин-Кульджа)

Когда Господь смотрит с небес на Синьцзян, Он видит птицу. Но не какую-нибудь мелкую лесную пичугу, перелетающую с ветки на ветку в лиственных лесах хребта Нарат. А громадную Птицу, с размахом крыльев – многие тысячи километров.

Голова птицы покрыта чистым серебром. Это сверкают вечные ледники на вершинах самого восточного отрога Тянь-Шаня – хребта Богдо-Ула. Создатель знает, что под клювом птицы (снежной вершиной Карлыктаг) каждое лето лениво вызревают сладкие, как мед, хамийские дыни. Есть ли что-либо слаще этих дынь – даже в раю?

Острый глаз Птицы-Синьцзяна – это двухмиллионный Урумчи, столица Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Китайцы называют город «Красный храм» (Хунмяо-цзы). Древний город, основанный в эпоху Тан (648 г. н. э.). Когда-то его крепостные башни зорко смотрели на восток и на запад, контролируя всю торговлю между странами восхода и странами заката солнца. Урумчи – главный китайский форпост на Великом шелковом пути, город императорских налоговиков и таможенников. Сегодня он по-прежнему разделен на китайскую (северную) и уйгурскую (южную) части, между которыми громадный урумчийский базар. Узорчатые ковры, большие кривые кинжалы, 400 сортов разноцветного изюма, драгоценный хотанский камень нефрит, пепельно-золотые дыни, тибетские дымчатое серебро и голубая бирюза – на этом восточном базаре уйгуры и ханьцы в дневное время временно соединяются в громком торге, чтобы вечером разойтись каждый в свою часть города.

Путешествие по Синьцзяну

Когда Господь обращает свой взор на сердце Птицы-Синь-цзяна, даже его всевидящий взгляд затуманивается от жаркого марева. Пылает Турфан! Жжет Турфан! Испепеляет Турфан!

У подножия легендарной Красной горы я не смог высидеть и минуты на отполированном камне, горячем, как раскаленная сковорода. Самый большой в мире термометр над моей головой показывал обычные для Красной горы летом +53 градуса по Цельсию. Я был в самом жарком месте Китая. Дремали на красной голой земле двугорбые синьцзянские верблюды. И даже стальной журавль нефтяной качалки замер, не в силах раздвинуть тяжелые складки плотного горячего воздуха.

В начале 1926 г. экспедиция Николая Рериха спустилась с высокогорий Тибета по древнему караванному пути Дадак – Ламаюра – Лэ – Хеми – перевал Каракорум к Хотану. Китай в тот период переживал хаос, упадок, всюду хозяйничали разбойничьи шайки. Хотан – важнейший перекресток южной нитки Великого шелкового пути (от Дуньхуана через соленые топи Цайдама и потом, вдоль южного края пустыни Такла-Макан, на Кашгар) – тоже находился в глубоком запустении. Рерих двинулся в обход Такла-Макана на запад. После красот Гималаев и Тибета его встретила пустыня: «Повсюду седая, пыльная кладовая!.. Глаз так привык к бестонности, что, не захватывая цвет, скользит, как в пустоте... Кругом бело-сизый туман и круглая тарелка – плоскость песков. Иногда пески приобретают скульптурный характер или приближаются к жемчужной раковине. Но все-таки сегодня идем по ровной тарелке с редкими низенькими барханами с торчащими тонкими кустиками...»

Восемь десятилетий спустя я прошел теми же местами. Как и Рериха, меня поразила пустыня – как хамелеон, она постоянно меняла свой цвет. Красная, пурпурная, лиловая, желтая, серая днем, она быстро чернела сразу после захода солнца, еще больше пугая своей безжизненной мрачностью. Слышал местную поговорку, посвященную местному климату: «Утром в Синьцзяне надевают шубу, днем носят шелк, вечером кушают арбуз вокруг горячей печи». Так оно и есть, пустыня быстро нагревается и еще быстрее остывает.

Такла-Макан – самая большая пустыня Китая, и одна из самых больших в мире (колоссальное правое крыло Птицы-Синь-цзяна). Это Южный Синьцзян – Кашгария, населенный в основном уйгурами – древним тюркским народом, исповедующим ислам. Такла-Макан – страшная пустыня, перейти ее нельзя. Есть лишь одна дорога, пересекающая ее пески от Карлы на севере до Чарлыка на юге. Мой водитель Ли бывал там. Он рассказывал, что однажды остановился посреди пустыни и вышел из машины. Звенела тишина, монотонно дул ветер, кругом были голые пески. Сотни километров позади, и сотни – впереди. И – ни души, ни капли воды, ни травинки. Слава богу, что его двигатель нормально завелся после короткой остановки!

Когда Рерих, три месяца спустя после выхода из Хотана, подъезжал к Турфану, из огромной турфанской котловины уже пыхал нестерпимый жар (и это в начале апреля). Турфанская котловина – самое низкое место в Китае (154 м ниже уровня моря) и второе на Земле – после израильского Мертвого моря. Турфан – самое настоящее пекло, Дантова адская впадина, 16 мм осадков в год. И одновременно громадный оазис, где растет самый сладкий в Китае виноград, а под камнями прячутся самые смертоносные в Поднебесной скорпионы. Турфан – огнедышащее и чарующе-приторное сердце Птицы-Синьцзяна. Кровь Турфана – прозрачная вода, текущая с далеких ледников Богдо-Ула по прорытым в древности подземным арыкам – *кадезам*, общая длина которых в Турфане 5000 км. Если бы не кадезы, жизни в Турфане не было бы. Бода просто испарилась бы, не дойдя до оазиса.

Помню, как мы ехали на арбе, под балдахин, по руинам древнего глиняного города, влекомые грязным сонным ишаком. Из-под колес арбы поднималась желтая пыль, вода в горле пересыхала, не успев попасть внутрь организма. Вдали плавилась в горячем воздухе Красная гора. Было ясно, что жить здесь нельзя. Но – чудо! Несколько минут спустя мы оказались под шатром из сочных виноградных ветвей и листьев, с которых свисали прозрачные изумрудные кисти спелых ягод, а румяные и чернобровые уйгурские девушки резали и подавали нам огромные ломти рубиновых, с черными семечками, турфанских арбузов! Мы впивались в сочную мякоть зубами, не в силах насытиться спасительной ароматной влагой, а девушки отчего-

то хохотали, глядя на нас. Не так ли смеялись подобные им чернобровые красавицы над молодым венецианцем Марко Поло, шедшим через Турфан полтысячелетия тому назад? Создатель! Есть ли у Тебя что-то более постоянное, чем древние оазисы на окраинах великих пустынь?

Левое крыло Птицы-Синьцзяна – это Джунгария, простирающаяся на север от Урумчи до самых снегов великолепных Алтайских гор. Есть две дороги, ведущие из города «Красного храма» на север. Одна – по западному краю джунгарской пустыни Гурбантунгют – от Куйтуна до Бурчуна. Вторая – по восточному краю пустыни – от Цитая до китайского городка Алтай. Китайский Алтай родственен русскому, казахскому и монгольскому Алтаю. Их объединяют Алтайские горы, принципиально не признающие границ! Те же прозрачные реки, богатые лиственничные, еловые и кедровые леса. Озеро Канас, схожее с нашими Тальменным или с Телецким. Хребет Канас, с севера которого, на российской стороне, лежит мистическое высокогорное плато Укок, хранящее тайны скифских царских курганов. Бурные горные реки, несущиеся вниз со снегов Тянь-Шаня и Алтая, бесследно исчезают в песках Джунгарской Гоби. Жители Северного Синьцзяна жмутся к горам точно так же, как и жители Южного: только в горах и около гор есть вода, а значит, жизнь!

Так бежим же скорей из пустыни в горы – к чистой воде и заповедным лесам! Огромное мускулистое тело Птицы-Синь-цзяна – это величественные хребты, отроги и долины китайского Тянь-Шаня (*Небесных Гор*): Карлыктаг, Богдо-Ула, Чельтаг, Куруктаг, Боро-Хоро, Сармин-Ула, Нарат, Халыктау, Кетмен. Их снежные вершины – до 6–7 тыс. м. Могучие реки, как, например, Или и Карашар. Вековые леса, прекрасные пастбища, высокогорные озера – все это необычайной красоты! Тянь-Шань простирается на несколько тысяч километров с запада на восток, от границы с Киргизией и Казахстаном до границы Китая с юго-западной Монголией в районе Номы. К северу от Куль-джи (Инина) есть знаменитая Долина фруктов, живо напоминавшая мне родной Алтай. Тамошные «фрукты» – это не что иное, как хорошо знакомые нам дикие шиповник, малина, смородина, рябина, яблоня-дичок, оранжевый боярышник.

По Долине фруктов вереницей тянутся тяжело груженные фуры – вверх, на север, к Сайрам-Нуру. Здесь дорога Пересекает горы и идет дальше – на Урумчи. Хитроумные и жадные китайские грузоперевозчики, стремясь к экономии, безбожно перегружают длинные, с высокими бортами грузовики, от чего они надрывно режут, поднимаясь на перевалы, а частенько и переворачиваются из-за перегруза. Вот и сейчас мы застряли на спуске с высокого перевала. Впереди кран поднимает перевернувшийся грузовик, кабина которого смята в лепешку. Жив ли шофер? Накапывает дождь. Под откосом рассыпавшийся черный, словно смазанный жирным маслом, уголь-антрацит. По склонам гор стоят бараны. Они равнодушно щиплют траву и изредка посматривают на аварию. Мы тоже сгрудились на обочине и смотрим, и ждем когда расчистят дорогу, вместе с жирными баранами «Небесных Гор».

Ханьцы (китайцы), *дунгане* (китайцы-мусульмане) и *уйгуры* (во времена Рериха их называли сартами) в горах не живут. Их мир – оазисы Кашгарии и Джунгарии. Горы – место жительства *монголов, казахов, калмыков*. В горах всюду можно увидеть белые с красным орнаментом монгольские или серые войлочные казахские юрты. Множество овец и коз, лошадей. От очагов идет белый дым. Казахи подрабатывают, катая на своих быстрых лошадках туристов. В горной долине к югу от Урумчи моим «гидом» был десятилетний Мохаммед – с белозубой улыбкой и хриплым смехом. Я вспоминал из своего детства, проведенного в том числе в Северном Казахстане, разные казахские (тюркские) слова. Я называл их Мохаммеду, и так постепенно мы нашли общий язык – из целой полдюжины слов. «Шайтан» (*черт*), «шайтан-арба» (*машина*), «ишак» (*ишак*), «кетъ» (*проваливай!*), «арба» (*повозка*), «джигит» (*наездник*) – кто бы мог подумать, что в горах китайского Тянь-Шаня я отыщу столько общих слов с местным мальчишкой-казахом!

Близ казахстанской границы у города Жаркент (Панфилов) расположена знаменитая *Кульджа* (по-китайски – Инин) – важный и древний торговый центр. До Алма-Аты отсюда

всего 200 км. В приграничных магазинчиках всюду торгуют российскими и казахстанскими товарами, в том числе всяческим шоколадом-мармеладом. Продавщицы все поголовно знают по-русски. Полно вывесок на русском языке, типа «Вкусные обеды – недорого». В Кульдже живут главным образом дунгане.

Когда-то Кульджа была частью Российской империи. Приехав в город, я остановился в бывшей резиденции русского, а потом советского консула. Резиденция – это большой парк в самом центре города, с несколькими зданиями на территории. В том числе небольшими, чисто русскими одноэтажными домами, времени постройки, возможно, конца XIX – начала XX в. В парке выстроились по аллеям типичные для России чугунные фонари, на которые теперь привязаны красные китайские фонарики. В бывшем доме консула висят русские хрустальные люстры, в комнатах темнеют круглые чугунные печи с маленькими дверцами. Теперь в спальнях консула стоят столики с зеленым сукном и по вечерам китайцы (постояльцы гостиницы, устроенной в консульстве) играют за ними в кости и карты. Парк совершенно русского вида, с ручьем и широкими аллеями, теперь объявлен ботаническим садом. На огромных старых тополях и вязах я нашел таблички с датами посадки – 1908, 1898 и даже 1888 г. Когда-то здесь было много русских, особенно в 1920–1930 гг., бежавших от революции и Гражданской войны. Всего в Синьцзяне тогда проживало выходцев из России от 20 до 50 тыс. Много их было также в Урумчи. Я видел в Кульдже и бывшую русскую школу – ее во что-то капитально перестраивают. Школа закрылась в 1960-е годы, в эпоху маоистской «культурной революции». Последние русские (в основном белорусы) уехали из Кульджи в Австрию. Очень мало теперь осталось русских и в Урумчи.

В Кульдже лучшие в Китае персики – неровные, приплюснутые, буроватых оттенков. Совсем не те краснощекие красавцы, которые мы покупаем в московских супермаркетах. Однако, разломив и попробовав их мякоть, понимаешь, почему в багаже каждого китайца, вылетающего из Урумчи в Пекин или в Шанхай (рядом с хамийской дыней, рядом с гроздьями турфанского винограда, рядом с бесподобными карлийскими грушами), обязательно лежат кульджийские персики! Наш друг Ли долго торговался с местными крестьянами, выбирая нам их на ужин. Он ходил, пробовал, уходил, возвращался, требовал скидки. Крестьяне не уступали цену, пришлось брать, как есть – по 60 рублей за огромную корзину сладких, как божественный нектар, кульджийских персиков!

Птица-Синьцзян, когда-то полная русского духа, улетает от России все дальше... Ее огромный хвост – западные киргизские и казахские хребты Тянь-Шаня – с жемчужиной Западного Тянь-Шаня (Иссык-Кулем) все еще слышит всюду русскую речь и помнит прошлое великой некогда империи. Но нить памяти истончается. Белые кости ханьских игроков стучат о зеленое сукно все громче. И все сильнее удивление мне кульджинцев – «ал-лло-са?!» («русский?!»)

Синьцзян – это 21 млн жителей. Шестая часть территории Китая. 13 национальностей – ханьцы, уйгуры (вместе – 85 %), казахи, монголы, дунгане, киргизы, узбеки, таджики, калмыки... Вдоль границ по-прежнему стоит большая китайская армия – военно-строительные дивизии, введенные сюда в свое время Мао. По внешнему виду самые обычные деревни, но с офицерами во главе. В Синьцзяне добывают нефть и газ, разводят скот, выращивают лучшие в Поднебесной фрукты. Синьцзяну уделяется большое внимание. Первый секретарь парткома автономного района впервые введен в состав Политбюро КПК.

Главные блюда Синьцзяна – плов и шашлык. Шашлык – всегда из свежайшей баранины, маленькими кусочками, тут же обваленными в красных острых и душистых пряностях. Кусочки нанизываются по очереди – жирный, нежирный. Плов всех видов, вкусный – до онемения вкусовых рецепторов! У китайцев и уйгуров в Синьцзяне два главных в жизни события – свадьба и смерть, два соответствующих главных цвета – красный и белый. В обоих случаях главное блюдо – плов.

Важнейший вклад в мировую историю – Великий шелковый путь, основанный китайцами в V–VI вв. н. э. Торговый путь шел из древней столицы Китая Сианя в Индию (Южная нить) и Иран – Европу (Северная). Южный шел через Хотан – Кашгар. Северный – через Урумчи. Большая часть Великого шелкового пути проходила именно через Синьцзян.

Птица-Синьцзян летит, летит, широко раскинув огромные крылья. Голова ее – Богдо-Ула – обращена на восток, к восходу солнца. Горячо бьется ее сердце – Турфан. Крепко держат воздушный поток ее величественные крылья – Кашгария и Джунгария. Мощно и крепко ее тело – несокрушимые снежные хребты «Небесных гор». Широки перья ее хвоста – Западный Тянь-Шань. Летит, летит огромная Птица! И нет конца тысячелетнему ее полету!

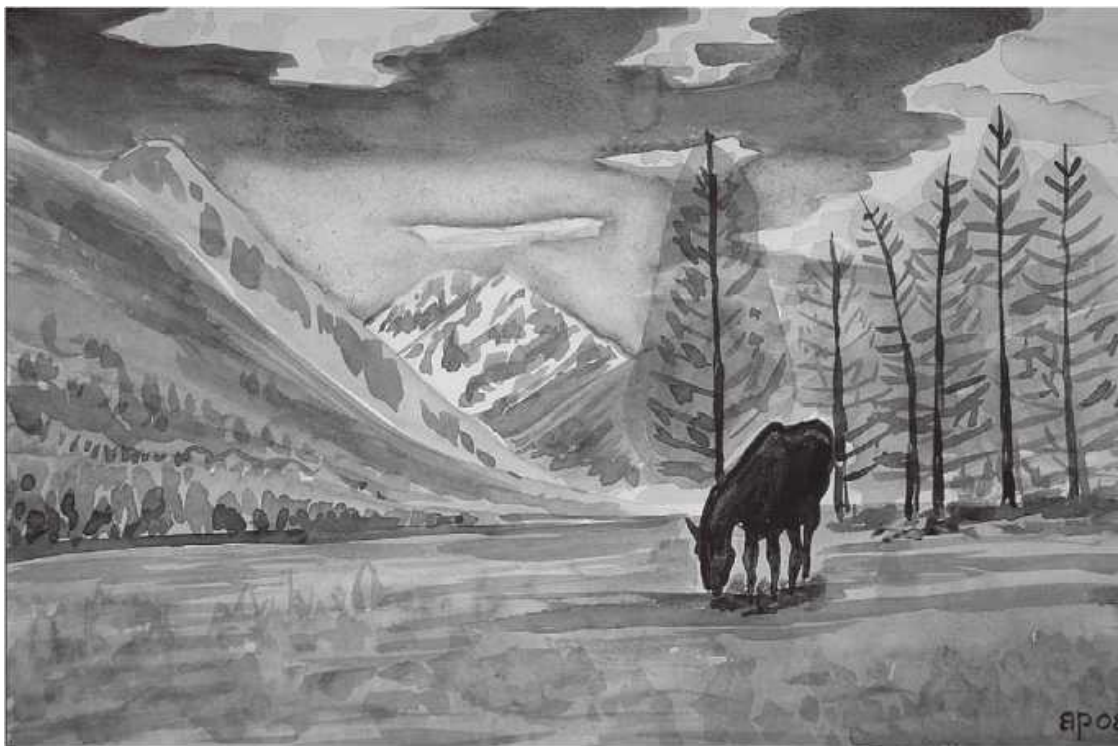
А я сижу в пустыне Кумтаг, неподалеку от Дуньхуана, важного узла Великого шелкового пути. Подо мной спрессованная горячая галька пустыни. Вдали виднеется потай – древняя верстовая китайская башня. Где-то впереди – Северные ворота Великого шелкового пути. Мне кажется, что я отчетливо слышу негромкие колокольчики торгового каравана. Я знаю – если приложу сейчас ухо к земле, непременно услышу, как переступают копыта коней и верблюдов, как медленно и могуче бьется большое сердце – сердце древней и прекрасной Азии!

Увидеть Белуху и...

(зимняя Катунь, Тальменье озеро, охотничья заимка, охота на соболя)

Кто хоть однажды увидел Белуху (4506 м над уровнем моря – самая высокая гора в России за Уралом), с ее двумя белоснежными вершинами, ослепительной отвесной стеной из скал и льда с севера и змеящимися языками ледников с юга, из одного из которых бьет белая мистическая Катунь, – всегда будет стремиться увидеть ее снова и снова.

Я не исключение. Дойдя в первом своем конном походе на Алтай до истока Катунь летом в седле выносливого и хитроумного коня Аыски, я не мог не воспользоваться шансом побывать у Катунского хребта еще раз – на этот раз зимой. Тем более что маршрут этот, как и наш летний поход, уникален – никто до нас (не считая местных жителей) не был в это время в едва ли не самой дикой и труднодоступной части алтайской горной тайги.

Вид на Белуху с Иедыгема (В. Рыжков, 2008 г.)

Все началось опять в Усть-Коксе. Только доехав и успев поселиться в небольшой семейной гостинице – с лучшим на свете малиновым вареньем, – мы отправились посмотреть на Белуху. В Усть-Коксе Белуху, до которой не менее 100 км по прямой, видно со склонов гор, у подножия которых расположен этот райцентр. Затормозив на окраине села у горной подошвы, мы с Леной схватили фотокамеры и рванули вверх по снежному склону. Был вечер, садилось солнце, очень хотелось успеть до темноты. Предстояло подняться метров на 300–400 вверх. Нам уже грезились далекие снежные вершины, окрашенные алым закатом, и сине-дымчатые хребты, предстоящие небу и недостижимым снегам.

Увы, ушли мы недалеко.

Я еще не успел запыхаться, как был остановлен громким мужским окриком:

– Мужчина! Вернитесь!

Я оглянулся. Внизу у какого-то высокого железного забора, среди выброшенного из-за забора мусора, стоял молодой солдатик и кричал мне, чтобы я вернулся.

Я слушаю, если скажу, что был к этому готов.

Солнце быстро садилось, времени было в обрез.

– Сейчас! Я подойду! Минуту! – крикнул я и быстро двинулся дальше наверх.

– Мужчина! Срочно вернитесь! – не унимался солдатик.

Оглянувшись снова, я убедился, что он уже не один – к нему спешил еще один боец.

Выругавшись, я двинулся обратно. Еще не хватало, чтобы меня ловили по горам всей частью! Подойдя и строго спросив звание солдатика – он оказался ефрейтором, – я потребовал старшего. Через пару минут из железных ворот к нам вышел полковник пограничных войск.

Ничего не могу сказать дурного – все было как нельзя более любезно. Узнавший меня офицер был добродушен и гостеприимен. Пожурил караульного, которого, как выяснилось, смутил мой фотоаппарат, пробудивший его государственную бдительность. А вдруг вместо Белухи я невзначай заснял бы покрытое секретами расположение его части? Тем паче что с нами была еще и иностранка – итальянская писательница Сильвана.

В итоге, не сняв ни Белухи, ни части, ни даже мусора у ее забора, мы отправились в гостиницу – к концу любезного разговора с полковником окончательно стемнело. Подморозило, на небо выпали звезды, во дворе топилась баня. Я сидел на диване, пил чай с малиновым вареньем и любовался северной стеной Белухи в потрепанном фотоальбоме.

Как и летом, наутро мы двинулись вверх по Катуні от деревни Мараловодка, ведомые директором Катунского заповедника Александром Викторовичем Затеевым и нашим старым знакомым, начальником участка заповедника Петром Ефимычем Суртаевым. Предстояло проехать 86 км по льду реки – на трех снегоходах, с груженными съестными припасами и горючим саними. А потом еще километров 30 вверх по реке Озерная. По дороге нам не раз пришлось вытаскивать на себе зарывшиеся в глубокий рыхлый снег снегоходы. Там мы и освоили азы снегоходного ремесла в боевых условиях таежного глубокоснежья.

Освоили рывок глубоко зарывшегося в снег снегохода вверх и немного в сторону – на уплотненную трассу, чтобы гусенице было за что зацепиться, – рывок, стоя по пояс в снегу и обливаясь горячим потом.

Освоили отцепление-зацепление и таскание взад-вперед тяжелых саней. Особенно на затяжных подъемах, когда снегоход останавливается и зарывается глубоко в снег.

Освоили буксировку на длинной веревке, когда снегоход далеко наверху, а ты с саними у ноздрей ползешь наверх, проваливаясь при каждом шаге по самое не могу. Потом нам все это пригодилось, когда мы сами накрутили сотни километров на ставших родными «Буранах».

В тот день мы приблизились к Белухе на 120 км, доехав уже глубокой ночью до высокогорного Тальменьего озера, расположенного у самого подножия Катунского хребта. Нам повезло – прошлой зимой местные мужики однажды потратили на тот же путь целых три дня: впереди у них на Катуні образовалась непроходимая *наледь*, а сзади сошла лавина, наглухо запершая их прямо посреди тайги.

На Тальменьем озере Белуху (до нее по хребту направо не более 40 км) можно увидеть с вершин, возвышающихся над левым берегом. Летом туда можно за несколько часов подняться пешком или на лошади. Зимой – только на лыжах.

Что это бредовая затея, нам стало ясно довольно скоро. Это только в приключенческих книжках можно прочитать про то, как удобно ходить по тайге на широких таежных лыжах, подбитых шкурой марала мехом назад, чтобы не проскальзывали. Я попробовал.

Ничего не могу сказать – они и вправду совсем не проскальзывают назад.

Но при этом и вперед не ходят. Сразу и везде налипает столько снега, что лыжи становятся тяжелыми, как чугунные гири. Под пятками образуются ледяные горки, которые то и

дело приходится сбивать. Кожанные ремни – крепления, которыми я стянул свои *чуни*, – давили ноги, а стоило их ослабить, как нога выскальзывала из крепления прямо в глубокий снег.

На таежных лыжах ходят без палок. Идя, что в гору, что под гору, весьма мудро научиться держать равновесие. Не могу с ходу припомнить, сколько раз я его не удержал.

Труднее всего после этого подняться. Лежишь спиной (боком, лицом) в снегу и пробуешь встать, опершись на руки. Но руки проваливаются в глубокий снег по самые плечи. Опереться не на что. Вертишься, как птенец в пуху. Я приспособился вставать так. Цепляешься за лыжи, как за турник, кончиками пальцев и подтягиваешь к ним тело. После чего забираешься на лыжи, как на помост, и встаешь – весь в снегу и поту. Где-то там я и потерял резиновый окуляр своего «Никона».

На Тальменьем озере мы провели несколько незабываемых дней. Ловили сквозь глубокие лунки стремительного озерного хариуса. Топили баню и до изнеможения парились в ней вениками из пихтовых веток. По ночам в окна охотничьего домика свешивались сияющие фонари ослепительных звезд величиной с голубиное яйцо – только там я увидел ночное небо, в котором гораздо больше яркого белого света, чем космической тьмы, а в полнолуние можно свободно читать! Бесподобное горное солнце показало нам всю палитру своих возможностей. Утром оно медленно закрашивало вершины гор желто-розовым, постепенно опускаясь все ниже – прямо к нашим заиндевевшим рукавицам, пахнущим свежей рыбой. А вечером снимало яркие цвета слой за слоем, оставляя нам перед погружением в ночь удивительно глубокий синий и его бесконечные оттенки. Лишь на острых вершинах вдали на мгновения задерживался ослепительный красновато-золотой акцент спешного горного заката!

И вот, спустившись с озера к пасеке на берегу Катунь, мы поворачиваем налево – вверх по течению – в сторону Белухи. Мы, конечно, знаем, что зимой гора практически недостижима. Впереди *щелки* – узкий каньон с отвесными каменными стенами, где река не замерзает даже в пятидесятиградусные морозы, как в эту зиму. По берегам там тоже не пройти – слишком крутой уклон. На закате мы упираемся в то место, где наполовину заметенный след снегохода обрывается. Здесь пару дней назад провалился в воду по пояс и порвал гусеницу своей «Ямахи» Андрей, новосибирский фотограф, который жил с нами на озере, а потом решил проехать один как можно дальше вверх по реке. К счастью, ему удалось добраться после этого до кордона на сломанном снегоходе, а морозы были уже не столь сильны. Обычно здесь по одному не ходят.

– Как же вы тут ездите, когда мороз минус 50?! – изумленно спрашиваю я Ефимыча.

– Да потихоньку ездим, – улыбается Ефимыч. – Зимой темнеет рано, – добавляет он. – Сидишь в избушке, маешься – не знаешь, чем заняться!

А сейчас мы сидим на широкой скамье на первом этаже дома Атаманова в селе Верхний Уймон. Слева – большая белая русская печь. Дрова в ней давно прогорели, но печь протоплена, и от нее волнами накатывает тепло. В окна бьет яркий солнечный свет. Дом из кедровых и лиственничных бревен, ему больше века, но в нем удивительно светло и уютно. Всюду рассеян свет нежноянтрного оттенка. Мы в гостях у Анатолия, директора местного музея Николая Рериха. Он рассказывает нам о Рерихе и его Центрально-Алтайской экспедиции. Рерих с женой, сыном и другими участниками экспедиции прожил в этом доме несколько дней в августе 1926 г. В доме много фотографий того времени и репродукций картин Рериха. Одна из них – последняя, написанная Рерихом прямо перед смертью, – «Благая весть».

На ней спиной к зрителю сидит человек. Его взгляд направлен в сторону крутой и далекой горной долины, уходящей вдаль и вверх. По дну долины извивается чистая светлая река. Горы уходят вдаль, в бесконечность. И совсем далеко, в голубой дымке, прекрасная снежная вершина с двумя пиками – острым слева и трапециевидным справа. И широким седлом между ними.

– А ведь это – Белуха! – вдруг говорит Анатолий.

Мы молча всматриваемся в мистическое полотно. Человек на нем мысленно и духовно идет к Богу. К Истине. К Любви. Идет через долину, ее повороты и речные перекаты. Идет через седло прекрасной двуглавой вершины. За которой неведомое. Человек влечет нас за собой.

– Рерих хотел поселиться и умереть здесь, в Уймонской долине, – говорит Анатолий. – Об этом есть свидетельства жены и сына. Но не получилось – страна не впустила его назад, – добавляет он.

Мы прощаемся с Анатолием, бросив напоследок взгляд на рериховскую Белуху.

Последнюю попытку увидеть двуглавую гору я делаю на обратном пути, покидая Усть-Коксинский район, там, где у дороги стоит еще один пограничный пост. Если проехать от него немного в сторону Казахстана, переехав мост через речку и поднявшись на пригорок, можно увидеть Белуху, до которой здесь уже очень далеко – километров под сто пятьдесят.

И вот я стою и вглядываюсь вдаль. Из моего рта идет пар. Я напрягаю зрение и прищуриваю глаза. Издалека в меня вглядываются пограничники. Вокруг горы. Вдалеке тоже горы. Но сегодня они затянуты утренней морозной дымкой. Белухи не видно. Я сажусь в наш микроавтобус, в котором вопит что-то жизнеутверждающее и неприличное группа «Ленинград».

Я гляжу на дорогу, слушаю Шнура и чувствую, что все больше понимаю Николая Рериха. В самом деле, что может быть лучше, чем увидеть Белуху и....!

Сияющий Алтай

(верховья Катунь, Катунская долина, озеро Язевое, ледник Геблера и истоки Катунь, Петр Ефимович Суртаев)

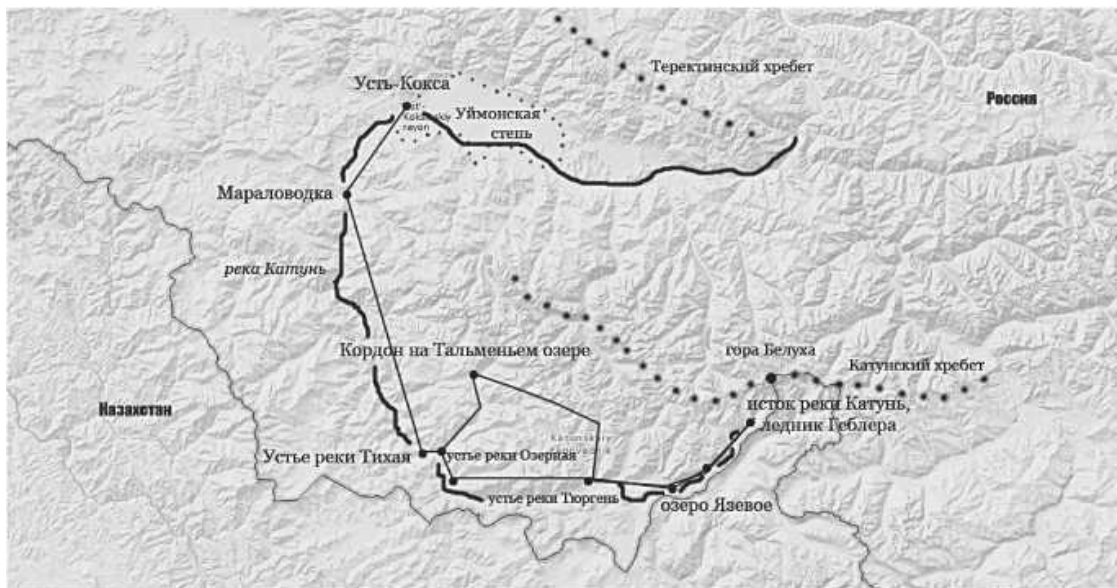
Для меня Алтай – место, от которого исходит сияние. Свет, разлившийся над горами и долинами, и не вернувшийся в небо. Свет, навсегда оставшийся на земле. Свет, просветляющий души.

«Под кедрой всегда сухо!» – говорит нам Петр Ефимович Суртаев, заместитель директора Катунского заповедника. В его руках острый топор, которым он отсекает толстые шматы сочной желто-красной древесины кедра, густо пропитанной янтарного цвета смолой.

Над нашими головами шатер из темно-зеленой кедровой хвои, а под ногами – сухой хвойный ковер. С потемневшего неба хлещет холодный дождь. Ветер и дождь не пробивают шатра, но швыряют россыпи ледяных капель в наше убежище. Мы идем развязывать арчемаки (кожаные сумины, которыми выючат лошадей), чтобы одеться потеплее.

Ефимыч одним движением топора превращает средней толщины ветку в острое копье и под острым углом с усилием вдавливает его в землю. И вешает на ветку котелок с водой прямо над разгорающимся костром. Ветка прогибается вниз, но держит. Костер быстро разгорается.

– Кедр смолистый, горит, как порох, – говорит Ефимыч.

Путешествие к истокам Катунь и горе Белуха

От костра идет тепло и сияние. Мы сдвигаемся ближе к огню и пьем горячий чай с дымком. А скоро проясняется и небо.

«Кедр горит, как порох».

Мы идем след в след по тропе над белоснежной Катунью. Лошади ступают осторожно. Река шумит далеко внизу, тропа проходит над высокой осыпью. Осыпь на противоположном берегу окаймлена сверху огромными деревьями. Часть из них рухнула вниз кронами, подмытая рекой. Тайга густа, и над ней поднимается густой белый дым.

Ночью накануне была сильная гроза. Нас разбудило в палатках, бил гром, и мокрая ткань сияла от вспышек молний. Теперь Ефимыч едет хмурый и останавливает лошадей точно напро-

тив той части тайги, где виден дым. Мы развьючиваем лошадей. Ефимыч велит Лене готовить обед. А мне и Дмитрию предлагает отправиться на другой берег. Тушить лесной пожар. У него топор. У меня ножик с керамическим лезвием. У Димы – любовь к приключениям. С тем и отправляемся. Женщины провожают нас, как трех богатырей на бой с Соловьем-разбойником.

По стволу огромного кедра – широкая белая полоса от вершины до земли. Это след от молнии. словно кто-то ошкуривал дерево, отодрал кору с одного бока, да так и бросил. На белом теле кедра, обнаженном молнией, выступила прозрачными каплями смола. А снизу кедр горит. Аккурат там, где «всегда сухо». Горят корни, горит хвоя, горит мох. Видно пламя, под корнями – адский жар, как в топке паровоза. Внизу – оранжевое сияние огня, сверху – белоснежный дым.

Ефимыч что-то рубит у корней своим топором, а мы сдираем с крутого горного склона мох и бросаем вниз – в очаг пожара. Спасибо ночной грозе – мох пропитан водой, как губка. Мхом мы затыкаем щели и впадины горящего дерева. Через четыре часа тушения не остается ни дымка. Кедр со всех сторон подоткнут толстой мшаной шубой. Мы все в грязи и ссадинах. Глаза Ефимыча сияют.

Возвращаемся в лагерь победителями. Нас ждут триумф и обед. Внизу шумит Катунь, тайга вновь безмятежна.

Рассветы на Катунь тоже безмятежны. Над рекой по склонам гор стелется серебристый туман. На высокой траве сверкает огромными каплями роса. Первые же лучи солнца мгновенно все просушат – траву, палатки, обувь. И вещи Алексея тоже. Мы обнаружили его на одной из стоянок. Он где-то потерял своих, в том числе и родную жену. Ему взбрело в голову пойти одному через высокий перевал на Катунском хребте, через сияющие ледники. Он шел с титановыми кошками на ногах и с острым ледорубом в руке. Одну ночь он провел наверху, прямо на леднике. Теперь Алексей пьет горячее какао со сгущенкой из наших запасов и собирается дожидаться своих, которые пойдут на плотках по Катунь сверху.

Петр Ефимович Суртаев из Усть-Коксы (фото В. Рыжкова, 2004 г.)

После завтрака мы выходим в сторону Белухи, и через пару часов встречаем жену Алексея. Она идет в полукилометре от нас – по другому, левому, берегу. Мы что есть мочи орем ей, что Алексей ждет ее на стоянке, ниже по течению. Она что-то кричит в ответ. Ничего не

слышно – ревет река. Мы машем руками, она машет руками и наконец понимает. Лицо ее сияет от радости.

Что не мешает нам их оштрафовать. Точнее, штрафовал Ефимыч, а мы при том присутствовали. Новосибирцев, в том числе жену Алексея, в заповедник забросил вертолет – без должного разрешения. А в заповедник, да еще и в приграничную зону, без разрешения никак нельзя. Впрочем, оштрафованные совсем не расстроились. День был солнечный, катунская долина была великолепна. Слева – острые пики и ледники, справа – зеленые склоны с белыми языками нерастаявших лавин. Новосибирцы погрузились в свои ярко-желтые плоты и весело ушли вниз по Катуні. Что им наш штраф!

Про государственную границу нам хорошо все объяснил пьяненький егерь-казах. У него была белая лошадь и недопитая бутылка красного молдавского. Он взял нас голыми руками, точнее, голых. Мы нагишом плавали в теплом Язевом озере, таком прозрачном, что женщины ушли от нас плавать за пару сотен метров. Тут нас и взял, со всеми потрохами, казахский егерь.

Впрочем, относительно того, кто кого взял, у них вышел спор с Ефимычем.

– Я вас «засек», еще когда вы от Катуні поднимались, – объявил веселый казах.

– А я тебя увидел, когда ты еще по тому берегу озера тащился! – уязвил в свою очередь конкурента Ефимыч.

– А вот вы сейчас границу нарушите! – озорно сказал казах и глотнул молдавского.

– А ты сам сейчас на российской территории незаконно находишься, – парировал Ефимыч.

Признаться, было вовсе нелегко избежать международного конфликта.

Особенно учитывая, что не нарушить государственную границу мы никак не могли. Правый берег Катуні в том месте почти непроходим. Внизу – смертельно опасное болото, поросшее красной высокой травой. Вверху – по горным склонам – курумник. Внизу можно утонуть в болоте вместе с лошадью. Вверху – лошадь может сломать или сильно поранить ногу. Потому единственно возможный путь проходит по левому берегу. А там-то тропа как раз и пересекает дважды границу с Казахстаном. Граница эта никак не обозначена, но проходит по пологому гребню – водоразделу Иртыша и Катуні. Все, что течет в сторону Иртыша, Казахстан. В сторону Катуні – Россия.

Выручил наш казахский друг. Он смело выдвинул формулу международного компромисса – из двух пунктов. Пункт первый – вместе допить молдавское – был нами мягко, но твердо отклонен. Пункт второй – он позвал нас к себе на базу в гости.

– У меня там баня натоплена, веники свежие и выпивки полно.

Согласитесь, это были исключительно сильные аргументы!

Мы посмотрели туда, куда он указывал. Это было прекрасное зрелище! Огромная широкая долина уходила далеко вниз и вдаль. Слева в синей дымке в нашу сторону открывался фиолетовый амфитеатр высокой вершины. Вдалеке внизу, в самом сердце долины, сверкало большое серебристое озеро. Высоко в небе сияло солнце, в горах стояла полная тишина, воздух был полон того тонкого медового аромата, который я встречал только на Алтае. Всюду в свежей траве журчали прозрачные ручьи.

Но мы повернули налево – в суровую долину Катуні, где нас ждала царственная Белуха. Серебряная долина со всадником на белом коне осталась за спиной. Фигуру веселого казаха с бутылкой молдавского окружало летнее марево. Или сияние?

И вот я сию рано утром на берегу высокогорного Тальме-ньего озера. В жизни не видел такого огромного зеркала – в семь верст длиной! В озере бездвижно отражаются прибрежные кедры и снежные вершины хребта. То и дело на безупречной зеркальной глади пробегают трещины – играет хариус. Кажется, что не небо отражается в озере, а наоборот – сияние от озера подсвечивает небеса и облака. Сзади, на широком лугу, пасутся лошади. Кордон спит. И только мы с Ефимычем проснулись пораньше – порыбачить. Но клева нынче нет, как отрезало.

Но мы не в претензии. Нам хорошо и спокойно. Сияет озеро. Сияют небо и облака. От гор также исходит свет. Их зубчатые вершины уже золотит восходящее с востока солнце. Сквозь кристально чистую воду видны отблески утра на камнях озерного ложа. Неподалеку от нас из озера с силой вырывается сверкающими струями горная река. Душа полна счастья и гармонии. Сияющий Алтай неторопливо вступает в свой новый день.

Приложение

Хронология походов автора по Алтаю

2004 г., лето – к истокам реки *Катунь* (Усть-Кокса, верхняя Катунь, Язевое озеро, ледник Геблера, гора Белуха, Тальменьё озеро).

2005 г., лето – *Денисова пещера*, река Ануй, река Шинок и каскад водопадов, Разбойничья пещера, Потайное озеро, Келейский перевал, Усть-Канская степь, Девичьи плесы, Ябоганский перевал, Ело.

2006 г., зима – по *Катуни* на снегах на Тальменьё озеро и в его окрестности.

2006 г., лето – на плато *У кок из Джазатора* по Кара-Алахе, Чиндагатую, ручью Мукур, перевал Теплый ключ.

2007 г., лето – поход с *Катуни* в *Чуйскую степь* через Старый Аккем, перевал Ойгон, Долину Семи озер, урочище Ело, Коир, перевал Бартулдак, Аргут, Карагем и Карагемский перевал к Бельтиру.

2008 г., лето – путешествие по *Монголии* на автомобилях. Баян-Ульгий, Ховд, хребет Монгольский Алтай, озера Толбо – Нуур и Хар-Ус-Нуур, пустыня Гоби, город Уенч.

2009 г., лето – поход на *Юнгур* из *Джазатора*, с заездом на плато Укок, на стоянки Бертека.

2009 г., осень – охота в урочище *Ело*, на берегах Коира, возвращение Ороктойской тропой.

2010 г., лето – поход с *Башкауса* к *Чульшману* и Телецкому озеру, из села Саратан в село Артыбаш, по Чульшманскому нагорью.

2011 г., лето – поход по реке *Кураган* до перевала *Иолдо* на *Катунском хребте*, далее на Тальменьё озеро, перевал Холодный белок, Мультиинские озера и в Мульту.

2011 г., осень – охота по *Арыскану* и притокам, на Текеле, возвращение через перевал Кузук.

2012 г., лето – гора Красная в Усть-Коксинском районе, поход верхами *Теректинского хребта*, спуск к Катунь рекой Деты-Кочек.

2013 г., лето – поход к ледникам *Ак-Тру*, реке и озеру *Мажой*, на реку *Шавла* и Шавлинские озера, урочище Ачик, нижнюю Шавлу, к низовьям реки Юнгур, возвращение в село Белый Бом.

2013 г., осень – охота на реке *Коксу* и притокам, степь Самаха, гора Шенелю.

2014 г., лето – поход на *Курайский хребет*. Кош-Агач, Красный перевал, река В. Ильдугем, верхний Башкаус, реки Кумурла и Калбакая, долина и озера Калбакая, возвращение рекой Тыдту-тугом и Сайлюгемской степью.

2015 г., лето – поход на *У кок*, верхний *Джазатор*, перевал Тара, Елангаш, реки Чаган и Талдура, село Бельтир, Карагемский перевал, ущелье Карагема, Карагемский прорыв и Аргут, возвращение в село Джазатор.

Глоссарий

некоторые слова и выражения, употребляемые в книге и жителями Алтая

Аил – у алтайцев деревянное жилое строение юртоподобной формы. Основа аила строится как деревянный шестиугольный сруб с единственным входом, обычно обращенным на восток. Шатер над срубом делается из жердей и обшивается снаружи древесной корой или досками. В вершине аила оставляют отверстие для проникновения света и выхода дыма. Под отверстием в центре аила находится место для очага. Аил традиционно делится на женскую и мужскую половину. Пол ничем не застилают, оставляя сырую землю.

Ан (алт.) – марал.

Аргали́ (архар) – алтайский дикий крупный баран, живет высоко в горах, охраняется международной и российской Красной книгой, охота на него запрещена.

Аржа́н – источник, родник.

Ары́к – узкий неглубокий оросительный канал.

Аю (алт.) – медведь.

Бело́к (белки) – так на Алтае называют вершины, покрытые вечными снегами (обычно выше 3000 метров). Например, «Чуйские белки».

Берю́ (алт.) – волк.

Бом – большая отвесная скала, тесно стоящая прямо у реки. На Алтае много бомов по Катунь и Чуе. Например, у села Белый Бом на Чуйском тракте.

Бургунда́ – неглубокая природная ванна в почве, в которой любят купаться маралы. Так они защищаются от гноса.

Бык – самец марала.

В поводу – идти пешком и вести за собой лошадь на веревке, обычно на коротком расстоянии.

Вёдро – ясная, солнечная, часто ветреная погода.

Голёц (гольцы) – голые горные вершины, выше границ леса и альпийских лугов. На Алтае обычно выше 2400 м. Чаще всего округлые (как гора Сарлык). Покрыты черным мшистым курумом, почти без растительности.

Горёльник – горелый лес.

Джаман (алт.) – плохо.

Дорога – так местные жители называют конную или пешую тропу в горах.

Дра́га – большая горно-обогащительная машина, подвижная, обычно медленно движется (плывет) по руслу речки. Черпает многочисленными ковшами из-под воды рассыпчатую породу, внутри драги руда обогащается, после чего назад выкидываются пустые отвалы. Чаще всего так добывают золото и серебро.

Ехать верха́ми/низа́ми – конные тропы на Алтае, как правило, проложены или вдоль рек, понизу горных долин и ущелий, или, напротив, по вершинам горных хребтов и высокогорных плато.

Жарки́ (или огоньки) – местное название растения *купальница алтайская*, с яркими оранжевыми цветками.

Ирбис (или снежный барс, или снежный леопард) – крупная хищная кошка, живущая высоко в горах, у границы снегов. Вымирающий вид, охота на него полностью запрещена во всем мире. На Южном Алтае живет не более 15–20 особей.

Карага́ч – так на Алтае порой называют сплошные заросли колючего сухого кустарника, покрывающего склоны гор.

Кедрач – лес из кедра (сибирской кедровой сосны).

Кержак – одни из первых русских поселенцев Сибири и Алтая, старожилы, старообрядцы, в XVIII веке бежавшие от преследований властей за Урал. Их немало проживает на Алтае.

Кизя́к – высохший на солнце коровий навоз, который собирают и используют как топливо для печки или костра. На Алтае в безлесых высокогорных районах кизяк – основное топливо суровой зимой. Кизяк отлично горит, почти бездымно, и дает при этом ровный сильный жар.

Ки́слица – так в Сибири и на Алтае называют красную смородину.

Коза́ – местное название небольшого оленя – косули.

Косого́р – склон горы, часто очень высокий и крутой.

Крутя́к – очень крутой спуск или подъем на горной тропе.

Курме́с (*алт.*) – чертенок.

Куру́м – каменная осыпь по склону горы. Обычно падает с горы в речное русло. Труднопроходима для лошадей. На Алтае курумами называют осыпи как из крупных, так и из мелких камней.

Лабáз – скрытый охотничий деревянный помост, устроенный на деревьях.

Марáл – крупный сибирский подвид благородного оленя. На Алтае живет в дикой природе, а также содержится в маральниках – лесных фермах по разведению маралов.

Маралу́ха – самка марала.

Море́на – валы из камней и глины, оставленные ледниками. На Алтае встречаются моренные валы из огромных глыб, размером с автомобиль. Как, например, на Потайном озере на Башелакском хребте.

Му́ха – специальная снасть для ловли рыбы с поверхности воды, нахлыстом или на поплавке. На Алтае чаще всего мух делают вручную из шерсти животных.

Непого́дь – непогода.

Падера – непогода, сильный ветер, дождь, туман, мокрый снег, буран.

Перека́т – мелководное и, как правило, широкое место на реке, где река теряет свою мощь и «перекатывается» по камням или песку. Перекаты часто используются как места для брода.

Пла́виться – переплывать, переправляться через реку или озеро.

Пле́сы – на Алтае плесами называют участки рек, тесно зажатые скалами. В таких местах реки становятся глубокими, течение успокаивается, образуется живописный скальный каньон.

Покóс – косьба травы на сено для домашних животных, поляна или луг, предназначенный для покоса.

Полднá – лесная поляна на высоком горном склоне, скрытая и окруженная лесом, любимое пастбище маралов и косуль.

Пóлка – напоминающий полку выступ или площадка в горах, горизонтальная или с небольшим уклоном. На Алтае полки часто образованы реками и тянутся вдоль них выше нынешнего русла.

Прижи́м – место, где склон горы или скала тесно прижимает дорогу (тропу) к реке или речному обрыву.

Саёк – бык марала – двухлетка.

Сарлы́к (от монгольского *сарлаг*) – или домашний як, крупное травоядное животное, дальний родственник антилоп. Покров длинной густой шерстью, живет только на высокогорье. Очень выносливый к высоте и холоду. На Алтае яков разводят в Кош-Агачском районе. Ценятся вкусное ячье диетическое мясо и прекрасная теплая шерсть.

Сворóток – поворот

Си́вер – северный склон горы. На Алтае северные склоны гор обычно покрыты тайгой, по южным – луга и степи.

Солонёц – место, где рассыпают по земле соль или кладут большой кристалл соли. Обычно – вблизи от тропы и водопоя. Солонцы делают как для домашних животных, испытывающих недостаток соли, так и для целей охоты. Звери приходят на солонцы, где их поджидают охотники.

Сыпұха – горная осыпь из мелкого камня, неустойчивая и подвижная под ногами.

Текé – так алтайцы называют сибирских козерогов. Охотники любят сидеть в горах с биноклями и «смотреть теков» по горным склонам.

Терраса – длинная ровная полка, обычно над руслами рек. На Алтае такие террасы есть в долинах рек Катунь, Чуя, Аргут и других.

Торбóк (торбочок) – молодой годовалый бык марала.

Урóчище – на Алтае обычно так называют сравнительно изолированную горную долину, ущелье – словом, обособленное место со своим особым характером (например, урочище Ачик).

Чашá – труднопроходимые лесные дебри, густые заросли.

Шивера – мелководный участок горной реки, усыпанный крупными камнями.

Якши́ (*алт.*) – хорошо.

Яма (на реке) – глубокое и прозрачное место на горной реке, с ослабшим течением, в котором часто стоят и кормятся хариусы и таймени, удобное место для рыбалки.